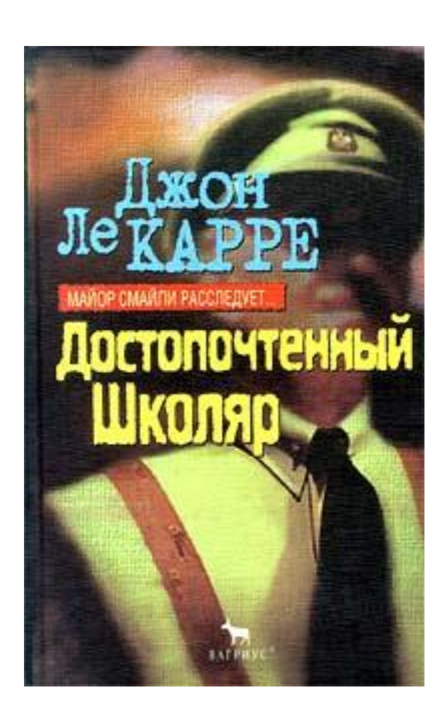
Ле Карре Джон

Достопочтенный Школяр

Посвящается Джейн, которая вынесла основную тяжесть работы, терпеливо сносила и мое присутствие, и мое отсутствие, и сделала все это возможным.

Мы знаем по школьным азам.
Кому причиняют зло,
Зло причиняет сам.

У.Х. Оден

Часть 1

Завести часы

Как цирк уехал из города

Впоследствии в пыльных маленьких пивных Лондона, куда приходят пропустить кружку-другую пива сотрудники английской Секретной службы, много спорили о том, с чего в действительности надо начинать рассказ о «деле Дельфина». Одни – во главе с начальником отдела расшифровки записей подслушивающих устройств, который с недоверием относился ко всем современным идеям и к другим нациям, кроме англичан, – утверждали, что начинать надо с того дня, когда «этот подлец Билл Хейдон» появился на свет. От одного имени Хейдона их бросало в дрожь – именно этот самый Хейдон еще в Оксфорде был завербован русским разведчиком Карлой в качестве «крота», или «спящего агента», который должен был работать против англичан. Хейдон под руководством Карлы успешно «внедрился» и шпионил целых тридцать лет (или даже больше). Разоблачение этого «подземного жителя» в конце концов привело гордых саксов к такой деградации, что их разведка оказалась в позорной зависимости

от родственной американской службы, которую они на своем странном профессиональном жаргоне называли «Кузенами». «Кузены полностью изменили правила игры», – заявлял сторонник добрых старых методов, предпочитавший английское всему остальному: точно так же он мог бы осудить изменения правил игры в теннис или в кегли, когда в теннисе главной стала сила, а игру в кегли стали использовать для наращивания мышц. «Эти американцы все испортили», – утверждали сторонники начальства.

Для тех, кто меньше был склонен к таким сложным обобщениям, действительным началом этого дела было разоблачение Билла Хейдона Джорджем Смайли и последующее назначение Смайли временным главой Секретной службы, пострадавшей от предательства. Произошло это все в конце ноября 1973 года. «Именно тогда Карла окончательно допек Джорджа Смайли, – говорили они, – и тут уж Джорджа ничто не могло остановить. Остальное было неотвратимо. Бедный старина Джордж! – и добавляли: – Но какая мощь интеллекта, несмотря на то бремя, которое ему приходилось нести!»

Еще один сотрудник, человек с академическими наклонностями, в определенном смысле исследователь, любитель покопаться в архивах, будучи в подпитии, утверждал, что началом логичнее всего считать 26 января 1841 года, когда некий капитан Королевского флота по имени Эллиот высадился в устье Жемчужной реки с группой матросов на окутанном туманом каменистом острове Гонконг и несколько дней спустя провозгласил его британской колонией. «Высадка Эллиота на остров, – утверждал этот ученый человек, – превратила Гонконг в центр китайско-британской торговли опиумом и, как следствие, в один из столпов экономики империи. Если бы англичане не создали опиумный рынок, – говорил он, – то тогда вообще не было бы ни „дела Дельфина", ни блестящих тактических ходов, ни победы, а следовательно, и возрождения Цирка, после того как предательство Билла Хейдона от него камня на камне не оставило».

А вот люди другого склада, реалисты до мозга костей: оперативные сотрудники, которые из-за Хейдона вынуждены были выйти из игры; инструкторы, работавшие с молодыми кадрами; кураторы из центрального аппарата, всегда и обо всем имевшие свое мнение, – рассматривали этот вопрос исключительно с точки зрения умелого проведения операции. Они указывали на то, как ловко Смайли установил, кто по поручению Карлы осуществлял выплаты во Вьентьяне, как сумел многое узнать у родителей девушки; как ему удалось уломать, несмотря на их явное нежелание, людей с Уайтхолла (Уайтхолл – улица в центральной части Лондона, на которой находятся министерства и правительственные учреждения; в переносном значении – английское правительство. – *Здесь и далее примеч. пер.*), от которых зависело дать добро или запретить операцию Секретной службы, выделить на нее деньги и установить, как далеко может заходить Цирк при ее проведении. Но больше всего внимание реалистов привлекал тот потрясающий момент, когда Смайли развернул операцию на сто восемьдесят градусов. Для этих профессионалов «дело Дельфина» представлялось ничем иным, как победой, одержанной благодаря тактическому превосходству. Они считали вынужденный союз с Кузенами всего лишь еще одним умелым ходом в долгой и непростой игре – когда каждый пытается перехитрить партнера. Что же до конечного результата, то им на него было наплевать. Король умер, да здравствует король!

Эти споры снова и снова вспыхивают везде, где бы ни встретились старые друзья-соратники. Однако имя Джерри Уэстерби, что вполне понятно, при этом почти не упоминают. Надо признать, иногда случается, что какая-нибудь безрассудная головушка вспоминает о нем – либо из сентиментальности, либо просто упустив из виду, что здесь это не принято, – и на мгновение возникает какое-то странное ощущение, но оно быстро проходит. Например, совсем недавно молодой стажер, только что закончивший пережившее реформы учебное заведение Цирка в Саррате («ясли» на профессиональном жаргоне), произнес его в баре, где обычно собираются молодые – до тридцати – сотрудники. Незадолго до этого в несколько упрощенном виде «дело Дельфина» стали преподносить в качестве материала для коллективного

обсуждения и имитационных игр. И паренек, совсем еще зеленый, потерял голову, оттого что его «посвятили» в это.

– Господи Боже мой! – воскликнул он, пользуясь тем, что к молодым здесь проявляют снисходительность, вроде как к новоиспеченным офицерам. – Боже мой, но почему же никто как будто не признает роли Уэстерби во всем этом деле? Если кто-то и вынес на своих плечах основную тяжесть, так это Джерри. Он был на передовой. Разве не так?

– На самом деле он, конечно, не назвал само имя – «Уэстерби» или «Джерри» – хотя бы потому, что эти имена были ему неизвестны. Был использован… псевдоним, закрепленный за Джерри на протяжении всей операции.

Питер Гиллем отбил этот мяч, никому конкретно не адресованный. Гиллем – высокий мужчина с прекрасными манерами – всегда умел найти выход из трудного положения, и стажеры, которые ждали своего первого назначения, смотрели на него с почтением, как на какого-нибудь греческого бога.

– Уэстерби был той кочергой, которой ворошили угли вкостре, – нарушив молчание, категорично заявил Питер. – Любой оперативный работник точно так же справился бы сэтим, а некоторые – даже гораздо лучше.

Но паренек намека не понял… Тогда бледный как полотно Гиллем поднялся, подошел и негромко, но резко посоветовал ему (если войдет) взять еще кружечку пива и в течение нескольких дней, а то и недель держать язык за зубами. После чего разговор снова вернулся к старине Смайли, «последнему из гигантов», и к тому, что он поделывает на пенсии. Все сошлись во мнении, что тот прожил чуть ли не несколько жизней, и теперь, когда времени у него хоть отбавляй, ему наверняка есть что вспомнить.

– Жизнь Джорджа – все равно что пять наших, – почтительно заявила какая-то женщина.

– Да что там пять – десять! – поддержали ее остальные. – Двадцать! Пятьдесят!

Они так увлеклись преувеличенными выражениями восторга перед Смайли, что тень Джерри Уэстерби, к облегчению многих, исчезла. В каком-то смысле то же самое можно было бы сказать и о тени Смайли. «Да, Джордж знавал удивительные взлеты, – говорили присутствующие. – Да еще в е г о – т о возрасте!»

Но, скорее всего, наиболее реальной точкой отсчета можно считать один из субботних дней в середине 1974 года, три часа пополудни, когда к Гонконгу приближался очередной тайфун и город замер в ожидании его яростного натиска. В баре клуба иностранных корреспондентов собралось с десяток журналистов, главным образом из бывших английских колоний, – австралийцы, канадцы, американцы. Они пили и дурачились, страдая от вынужденного безделья. Это было похоже на хор без героя в древнегреческой комедии. Бар находился на тринадцатом этаже. Старые трамваи и автобусы застыли внизу на улицах, покрытых коричневатым налетом строительной ныли и копотью печных труб Коулуна. В небольших бассейнах рядом с высотными зданиями отелей поверхность воды была покрыта рябью начинающегося дождя, предвестника губительного тайфуна. А в мужском туалете, откуда открывался самый лучший в клубе вид на гавань, молодой парень склонился над раковиной, смывая с губ кровь.

Звали его Люк. Люк из Калифорнии, Долговязый теннесист с довольно непредсказуемым поведением. В свои двадцать семь он повидал немало. До вывода американских войск из Южного Вьетнама Люк считался одним из лучших военных репортеров в Сайгоне, в некотором роде – звездой. Если вы знали, что он хорошо играет в теннис, то вам трудно было представить его занимающимся чем-нибудь еще и даже просто в баре за выпивкой. Зато легко было вообразить, как он выходит к сетке и берет труднейший крученый мяч и наносит сокрушительный ответный удар или без особых усилий набирает очки на подаче.

Сейчас, склонившись над раковиной, он думал сразу о нескольких вещах – будто бы от большого количества выпитого и небольшого сотрясения его мозг был разделен, по крайней

мере, на две совершенно независимые друг от друга части. Одна часть была заполнена мыслями о девушке по имени Элла из бара Ванчай, из-за которой он дал в челюсть этому нахалу полицейскому, после чего и вынес все неотвратимые и вполне предсказуемые последствия: вышеупомянутый полицейский чин, старший инспектор Рокхерст, (известный также как Рокер), отдыхавший после своих подвигов в баре, нанес Люку несколько великолепных ударов по ребрам (не говоря о лице). Вторая половина мозга старалась сосредоточиться на том, что же сообщил ему китаец, у которого он снимал квартиру. Он приходил сегодня утром с жалобой на то, что Люк очень громко включает граммофон, и потом остался выпить пива.

Китаец явно сказал что-то, из чего может получиться отличная сенсация. Но что это было?

Люка снова вырвало. Он отошел от раковины к окну. Джонки были укрыты за волнорезами и хорошо закреплены на стоянках. Паром «Стар Ферри» не ходил. Старый английский фрегат стоял на якоре – в клубе поговаривали, что английское правительство решило его продать.

– Фрегату неплохо бы выйти в открытое море, – пробормотал Люк, наткнувшись в затуманенном мозгу на обрывки познаний в мореплавании, приобретенных во время журналистских странствий. – Фрегаты во время тайфуна должны выходить в открытое море. Да, сэр, именно так.

Холмы, над которыми нависла огромная масса черных туч, казались серо-стальными. Шесть месяцев назад при виде подобной картины он завизжал бы от удовольствия. Тогда, после Сайгона, буквально все здесь приводило его в неописуемый восторг: гавань, шум и грохот города, даже небоскребы, напоминающие карточные домики, взбирающиеся по склону холма от берега к Пику. Но сегодня он иначе смотрел на чопорный и самодовольный богатый английский город на скале. Тон там задают упитанные торговцы, не видящие собственного живота, главная цель которых отхватить кусок пожирнее. Теперь колония стала для Люка тем же, чем уже давно была для всей прочей журналистской братии: аэропорт, телефон, прачечная, кровать. Изредка – правда, всегда ненадолго – женщина. Сюда все надо было привозить из других мест, даже впечатления. Что касается воин, которые так долго были неотъемлемой частью его жизни, без которой Люк не мыслил своего существования, то они были ничуть не дальше от Гонконга, чем от Лондона или Нью-Йорка.

– Ну как, парень? Выживешь? – спросил лохматый и небритый, похожий на ковбоя канадский журналист.

В свое время они вместе ощутили на себе все прелести наступления войск «Патет – Лао»

– Спасибо за заботу, дорогой, я в полном порядке, – ответил Люк, до предела утрируя английский акцент.

Он решил, что ему действительно очень важно вспомнить, что же такое сказал ему Джейк Чиу утром за бутылкой пива. Вдруг его словно озарило.

– Я вспомнил! – закричал он. – Господи, Ковбой, я же вспомнил! Ай да Люк! Ай да молодчина! Вспомнил! Моя голова! Отлично работает! Эй, люди, послушайте Люка!

– Брось, – посоветовал Ковбой. – Сегодня никто из них не будет тебя слушать. Полная безнадега, парень. Брось, нечего даже питаться.

Но Люк пинком распахнул дверь и ворвался в бар, широко размахивая руками.

– Эй, люди! Послушайте!

Ни одна голова не повернулась.

Люк приложил ладони рупором ко рту:

– Слушайте, вы, лодыри и пьяницы! У меня есть новости. Это просто фантастика. (Две бутылки шотландского виски вдень – и тем не менее голова работает потрясающе.) – Люк схватил пивную кружку и постучал ею по стойке бара. Но даже тогда никто, кроме Карлика, не обратил на него ни малейшего внимания.

– Ну, так что же случилось, Люк? – прогнусавил Карлик, растягивая слова в стиле нью-йорского артистического квартала Гринвич Вилледж. – Неужели Большой Му опять страдает от икоты? Я этого не перенесу.

Большим Му на жаргоне клуба назывался губернатор Гонконга. Карлик же был главой корпункта, в котором работал Люк, – мешковатый, всегда угрюмый и растрепанный человечек – черные пряди волос всю дорогу падали ему на лицо. Карлик обладал удивительной способностью незаметно появляться рядом с вами. Год назад два француза чуть не убили его за случайную реплику о том, из-за чего же пошла вся эта заварушка во Вьетнаме. Они завели его в лифт, сломали ему челюсть и несколько ребер, а потом бросили на первом этаже, вернувшись допивать. Некоторое время спустя примерно так же Карлика отделали австралийцы – он по-глупому задел их, сказав что-то о чисто символическом участии Австралии в военных действиях. Не стоило намекать, что Канберра договорилась с президентом Джонсоном о том, что австралийских парной не будут забирать из Ванг Тау – настоящего курорта, в то время как американцы везде воевали всерьез. В отличие от французов австралийцы не потрудились даже посадить Карлика в лифт. Они просто избили его и не прекратили даже, когда он упал. После этого тот научился в определенные моменты держаться подальше от некоторых людей. Например тогда, когда над Гонконгом висит густой туман. Или когда воду дают только на четыре часа в день. Или в субботу, когда надвигается тайфун.

Вообще же посетителей в клубе было не так уж много. Корреспонденты суперкласса из соображений престижа держались в стороне. Нескольких бизнесменов привлекала особая атмосфера, возникавшая здесь благодаря журналистам; кого-то из девушек интересовали мужчины. Пара телевизионщиков вернулась после турпоездки по полям сражений. В своем обычном углу с кружкой в руке сидел внушающий благоговейный страх Рокер – старшин инспектор полиции, побывавший и в Палестине, и в Кении, и в Малайе, и на островах Фиджи. В руке со слегка покрасневшими костяшками пальцев неутомимый вояка сжимал субботний номер «Саут Чайна морнинг пост». Про Рокера говорили, что он приходит сюда для того, чтобы хоть немного приобщиться к особой касте журналистов. За большим столом в центре (который в будние дни занимали исключительно представители «Юнайтед Пресс Интернэшнл») развалившись сидели люди, называвшие себя членами Шанхайского молодежного баптистско-консервативного клуба любителей игры в кегли, под председательством веснушчатого старины Кро из Австралии. Их субботний турнир всем обычно доставлял огромное удовольствие – соревновались в том, кто лучше бросит скрученную жгутом салфетку в бутылки на стойке. Каждый раз, когда одному из них это удавалось, участники соревнований покупали победителю «мишень», а затем помогали ее выпить. Но сегодня игра шла без обычного огонька. Некоторые члены клуба ни разу не потрудились метнуть салфетку. Именно эту группу Люк выбрал в качестве аудитории.

– А-а, знаю, от икоты страдает ж е н а Большого Му! – продолжал Карлик. – От икоты страдает к о б ы л а жены Большого Му! От икоты страдает к о н ю х, который ухаживает за кобылой жены Большого Му! Нет, наверное…

Большими шагами Люк подошел к центральному столу и вспрыгнул прямо на середину. Стол слегка затрещал, несколько стаканов разбилось, а сам Люк стукнулся головой о потолок. Полусогнутый, на фоне выходящего на юг окна, он казался каким-то непропорционально большим. Сквозь окно просвечивал густой плотный туман, силуэт Пика в тумане был едва различим. На первом же плане царил «гигант» Люк. Но сидящие за столом, как будто не замечая его, продолжали метать импровизированный снаряд. Только Рокер взглянул на Люка и, послюнявив палец, перевернул страницу, снова углубившись в изучение комиксов.

– Третий раунд, – объявил Кро, словно выставляя напоказ свой роскошный австралийский акцент. – Брат из Канады, приготовиться к стрельбе. Да подожди ты, тупица! Вот теперь – огонь!

Скрученная салфетка полетела по направлению к стойке с бутылками по очень высокой траектории и попала в какую-то щель. Поболталтавшись мгновение, она свалилась на пол. Подзуживаемый Карликом, Люк начал топать по столу. Еще несколько стаканов упало. В конце концов терпение его потенциальной аудитории лопнуло.

– Ваши милости, – произнес Кро с тяжелым вздохом, – молю вас о минуте тишины ради моего сына. Опасаюсь, что он хочет держать речь… Брат Люк, ты уже совершил сегодня несколько недружественных актов, и, если ты позволишь себе совершить еще один, мы встретим его суровым осуждением. Говори ясно и кратко, не опуская никаких деталей, какими бы малозначительными они ни казались. Но когда закончишь, замолкни и храни молчание. Именно так, сэр.

Местные журналисты без устали искали в жизни друг друга что-нибудь выдающееся и создавали друг о друге легенды. Старина Кро был их старым моряком (Морским волком). Говорили, что Кро столько всего повидал на своем веку, что за ним не угнаться, даже если сложить жизненный опыт всей остальной журналистской братии. Люди не врали. В Шанхае, где началась карьера Кро, он был мальчиком на побегушках и готовил чай для сотрудников редакции. Со временем он дорос до редактора отдела городской хроники единственного англоязычного журнала, издававшегося в этом портовом городе. Затем он писал репортажи о том, как коммунисты воюют против Чан Кайши, и Чан Кайши – против японцев, и как американцы воюют практически против всех. Благодаря Кро здешние журналисты чувствовали дыхание истории там, где не существовало истории и исторических корней. Манера речи, которая могла вывести из себя даже самых терпеливых, была пережитком, сохранившимся у австралийца с тридцатых годов нынешнего века, когда большинство работавших в странах Востока журналистов были австралийцами. По каким-то непонятным причинам в жаргоне, на котором они изъяснялись между собой, использовались церковные обороты.

Благодаря старине Кро Люку наконец удалось высказаться:

– Господа! Карлик, чертов поляк, не хватай меня за ногу! Господа! – На мгновение Люк замолчал, чтобы промокнуть носовым платком разбитую губу. – Дом, известный под названием Хай Хейвен («Высокая гавань» (а н г л.)), выставлен на продажу, а его святейшество Тафти Тесинджер оттуда упорхнул.

Ничего особенного за этим не последовало, да ничего такого и не ожидалось – журналисты не склонны к бурному выражению чувств.

– Хай Хейвен, – громогласно повторил Люк, – теперь может купить каждый. Мистер Джейк Чиу, предприниматель, пользующийся большой известностью и уважением, занимающийся операциями с недвижимостью, более знакомый вам как мой частенько гневающийся домохозяин, получил поручение от величественнейшего правительства Ее Величества продать Хай Хейвен. То есть найти ему нового владельца… Отпусти меня, сукин сын! Поляк, я серьезно говорю – убью на месте!

Карлик наконец стянул Люка со стола. Благодаря ловкому прыжку тому удалось развернуться в воздухе и приземлиться без серьезных травм. Лежа на полу, Люк продолжал осыпать ругательствами своего обидчика. Тем временем Кро повернул свою крупную голову к Люку и мрачно уставился на него влажными глазами. Казалось, это будет продолжаться вечно. Люк даже начал спрашивать себя, какой из многочисленных законов Кро он мог нарушить. На самом деле, под всеми масками, которые Кро на себя надевал, он был очень сложным и незаурядным человеком, и все, кто сидел сейчас за круглым столом, это знали. Под грубовато-простой манерой Кро скрывалась такая огромная и трепетная любовь к Востоку, которая, казалось, иногда мешала ему дышать. Поэтому, бывало, он исчезал из поля зрения на

несколько месяцев подряд, как заболевший слон, скрываясь ото всех, и ходил одному ему известными тропами, пока не ощущал, что снова может жить среди людей.

– Хватит бормотать, ваша милость, прекратите, сделайте одолжение, – после долгого молчания произнес Кро, величественно откинув голову назад, – воздержитесь, пожалуйста, от этих недостойных высказываний и не позволяйте себе загрязнять в высшей степени целебную воду источника. Хай Хейвен – это дом с привидениями, шпионское гнездо. Логово майора Тафти Тесинджера, который видит насквозь. Майора, который когда-то служил в Стрелковом полку Ее Величества, а теперь стал гонконгским Лестрейдом из Скотланд-Ярда. Тафти не мог дать деру. Он рыцарь плаща и кинжала, а не какая-нибудь девка, которую можно спугнуть. – Последние слова были обращены к бармену-шанхайцу: – Монсеньер, будьте столь любезны, принесите моему сыну чего-нибудь выпить – вы же видите, он начинает заговариваться.

Кро скомандовал: «Огонь!» – и клуб вернулся к своим в высшей степени интеллектуальным развлечениям. По правде говоря, в этих шпионских сенсациях, которыми бредил Люк, не было ничего нового. За Люком давно закрепилась репутация эксперта-неудачника по шпионам, и все его «сенсации» неизменно оказывались бездоказательными. После Вьетнама он – простак парень – готов был искать шпионов под каждым ковром. Люк считал, что они правят миром, и большую часть свободного времени (когда не бывал пьян) проводил, околачиваясь возле бесчисленной армии почти не скрывающих своего истинного лица «экспертов по Китаю». Здесь, в колонии, они занимались наблюдением за этой страной, а иногда и кое-чем похуже. В огромном здании американского консульства, которое находилось на вершине холма, их было видимо-невидимо. Поэтому, если бы этот день не был таким скучным и тягучим, возможно, об услышанном и не вспомнили бы. Но сегодня Карлик почувствовал возможность позабавиться и не упустил своего шанса:

– Скажи-ка нам, Люки, – попросил он, заламывая руки, – Хай Хейвен продается вместе с содержимым или – одни голые стены ?

Вопрос понравился публике, его наградили аплодисментами. Все подумали о том, чего стоит Хай Хейвен со всеми своими секретами и без них и что же будет дороже.

– А как насчет майора Тесинджера? Его тоже продают вместе с домом? – невыразительно-монотонным голосом подхватил фотограф из Южной Африки. В нем не слышалось и намека на юмор, и все снова посмеялись, хотя на этот раз не так доброжелательно, как в ответ на шутку Кро.

Этот фотограф производил странное впечатление: короткая стрижка «ежик», изможденное лицо, изрытое оспинами, словно поля сражений, по которым он любил бродить. Фотограф был родом из Кейптауна. Все звали его Ганс Призывающий Смерть. И часто шутили, что он еще всех переживет и похоронит, потому что гоняется за ними со своим фотоаппаратом, подобно охотничьей собаке, выслеживающей дичь и делающей стойку.

Пока аудитория веселилась и припоминала разные истории о майоре Тесинджере и потом, когда все по очереди, кроме Кро, изображали его, оказалось, что они совершенно забыли, с чего все началось и что сообщил им Люк. Вспомнили, что майор впервые объявился в колонии в качестве представителя какой-то иностранной компании-импортера – одного из самых глупейших «прикрытий». Шесть месяцев спустя Тафти вдруг оказался (что выглядело совсем уж нелогично) в числе сотрудников Секретной службы, и, когда уехал предыдущий начальник, Тесинджера назначили на его пост. Он возглавил целый штат бледных клерков и пухленьких, хорошо воспитанных секретарш и обосновался в вышеозначенном ломе с привидениями", иначе известном как «шпионское гнездо». Особенно много вспоминали и рассказывали о его приглашениях пообедать с г л а з у н а г л а з, которые, как теперь выяснилось, в разное время получали почти все присутствующие. Встречи неизменно заканчивались за рюмкой бренди предложением, над формулировкой которого Тесинджер, судя по всему, немало попотел и которое звучало приблизительно так: Послушай, старина, если ты когда-нибудь случайно

познакомишься с каким-нибудь интересным Чоу с другого берега Жемчужной реки (ну, ты понимаешь меня, с человеком с в е д у щ и м, – ты следишь за моей мыслью? – то вспомни про Хай Хейвен!" Дал мне следовал магический телефонный номер, тот самый, что «стоит прямо на письменном столе в моем кабинете, поэтому никаких посредников, никакой магнитофонной записи, ничего. Ладно? – У пятерых или шестерых из присутствующих в записных книжках, кажется был этот номер. Запиши-ка номерок прямо на манжете – можешь потом говорить всем, что это номер знакомой или подружки, или еще что-нибудь такое придумаешь. Готов? Записывай: Район Гонконг-сайд, пять-ноль-два-четыре…»

Продекламировав хором номер до конца, все замолчали. Часы где-то пробили три пятнадцать. Люк медленно поднялся с пола и стряхнул пыль с джинсов. Старый официант-шанхаец покинул свое обычное место за стойкой и потянулся к меню в надежде, что кто-нибудь закажет обед. Какое-то время все пребывали в нерешительности, не зная, чем теперь заняться. С утра выпил – день свободен: это было ясно уже после первого выпитого сегодня джина.

На другом конце бара раздался зычный бас – это Рокер заказывал себе роскошный обед:

–…И принеси мне холодного пива, но только х о л о д н о г о, слышишь меня, парень? Оч-чень халодный пиво. И быстро, одна нога здесь, другая тоже здесь: топ-топ. – Старший инспектор выработал особую манеру общения с местными жителями.

Все снова стихло.

– Ай да Люки, ай да молодец, – проговорил Карлик, отходя в сторону. – Наверное, таким образом ты надеешься получить Пулитцеровскую премию. Поздравляю, дорогой. Сенсация года.

«Да пошли вы все к черту, все до единого!» – беззлобно подумал Люк и направился к стойке у которой сидели две болезненно-бледные девицы, явно нуждающиеся в кавалерах, – дочери каких-нибудь английских армейских офицеров.

– Джейк Чиу показал мне это чертово письмо, где черным по белому написано, что ему поручается продать дом. Не верите – и не надо! Письмецо, между прочим, на бланке этой самой службы Ее Величества. И сверху герб – лев, козел и все такое прочее. Эй, красавицы, вы меня, конечно, помните? – заорал Люк девушкам. – Я – тот самый добрый дядя, который покупал вам на ярмарке леденцы на палочке.

– У Тесинджера никто не отвечает, – монотонно и мрачно прогудел с того места, где стоял телефон, Ганс Призывающий Смерть. – Никто не берет трубку. Ни Тесинджер, ни дежурный. Похоже, телефон отключен.

Пока все веселились, никто не заметил, как Призывающий Смерть отошел позвонить.

До сих пор старина Кро почти не подавал признаков жизни. Но теперь встряхнулся.

– Набери еще раз, болван, – приказал он резко, как сержант, обучающий новобранцев маршировать.

Пожав плечами, Призывающий Смерть еще раз набрал номер Тесинджера. В баре был еще один телефонный аппарат, и Ганс попробовал позвонить со второго. Результат был тот же.

– Звони на телефонную станцию, – продолжал Кро. – Нечего стоять, как будто призрак увидел. Звони оператору на телефонную станцию, ты, обезьяна африканская!

– Номер отключен, – ответил оператор.

– Когда отключили, приятель? – не успокаивался Призывающий Смерть.

– Нет информации, – ответил оператор.

– Послушай, приятель, а может, у них новый номер, а? – проревел в трубку Призывающий Смерть, продолжая мучить ни в чем не повинного оператора. Никто и никогда еще не видел, чтобы он проявлял к чему-нибудь такой живой интерес. Обычно для фотографа жизнью было

только то, что можно поймать в видоискатель. И то, что он сейчас пришел в такое сильное возбуждение, можно было объяснить только приближением тайфуна.

– Нет информации, – повторил оператор.

– Звони Сладкоголосому, – приказал Кро. В его голосе уже слышалась нескрываемая ярость. – Звони всем этим щеголям в брюках в полосочку, просиживающим штаны а канцелярии губернатора! Всем подряд!

Призывающий Смерть неуверенно покачал головой. Сладкоголосый в администрации Колонии отвечал за связи с прессой. Все его терпеть не могли. Обращаться к нему с вопросами или за помощью считалось дурным тоном.

– Ну ладно, давай я сам поговорю с ним, – согласился Кро, поднимаясь из-за стола и пробираясь к телефону, для чего ему пришлось немного потеснить остальных.

Австралиец начал разговор, в котором черный юмор и мрачная ирония должны были помочь ему так или иначе получить нужную информацию.

– Вас беспокоит ваш покорный слуга. Кро, сэр, к вашим услугам. Как поживает ваше преосвященство? Здоровы ли вы духовно и телесно? Чрезвычайно рад это слышать, сэр, чрезвычайно. А как жена и потомство, сэр? Не страдают отсутствием аппетита? Надеюсь, у них нет ни цинги, ни сыпного тифа? Замечательно. А теперь, сэр, не будете ли вы столь любезны, не объясните ли мне, почему, черт возьми, слинял Тафти Тесинджер?

Все не спускали глаз с Кро, но у того на лице не дрогнул ни один мускул – лицо было каменное, и прочитать что-нибудь на нем было невозможно.

– И Вам того же, сэр, – фыркнул он в трубку и бросил ее на рычаг с такой силой, что стол зашатался. Затем он повернулся к старому официанту-шанхайцу: – Монсеньор Го, будьте добры, вызовите для меня ишака, работающего на бензине! Ваши милости, ну-ка пошевеливайтесь, поднимайте-ка свои заднины с удобных стульчиков, ну-ну, давайте!

– Чего это ради? – спросил Карлик.

– Ради того, чтобы написать статейку, ваше святейшество, мерзкий ты старикашка; ради того, чтобы послать ее в свою газетенку или журнальчик, ваши преосвященства, распутники вы этакие и пьяницы. Ради того, чтобы завоевать богатство, женщин, славу и благодарную память потомков!

Ни один из журналистов не мог понять, почему это Кро вдруг впал в такое мрачное настроение.

– Но что такого ужасного сказал Сладкоголосый, черт побери? – в полном недоумении спросил Ковбой.

– Да, что он сказал, брат Кро? – эхом отозвался Карлик.

– Он сказал: Б е з к о м м е н т а р и е в, – ответил Кро так, как будто эти слова были самым гнусным оскорблением его профессиональной чести.

Спустя какое-то время беспокойный Ганс Призывающий Смерть, долговязый Люк и лохматый Ковбой с картинными усами мексиканских революционеров плюс Карлик, всегда увязывающнйся за другими без приглашения, ну, и, наконец, старый Кро с девушками тронулись в путь. Они отправились на Пик, и теперь в баре ничто не нарушало покой молчаливого большинства. Получилось словно бы выездное заседание Шанхайского молодежного баитистско-консервативного клуба любителей игры в кегли плюс дамы – хотя члены клуба дали клятву не допускать женщин в свои ряды. Что удивительно, веселый шофер такси согласился взять их всех в одну машину, и они втиснулись туда, доказав тем самым, что неукротимая решимость может опровергнуть даже законы физики. Более того, парень согласился выдать им три отдельные квитанции (каждая – на полную стоимость поездки), по одной на журналиста, а это уж было совсем неслыханно. Ни один шофер в Гонконге никогда, ни до, ни после, не соглашался на такое.

Это был день, когда нарушались все правила.

Кро сидел впереди, в знаменитой мягкой соломенной шляпе с лентой цветов Итона (ее отказал ему в завещании один старинный друг). Карлик оказался прижатым к рычагу переключения скоростей. Остальные сидели сзади, а обе девушки поместились на коленях у Люка, из-за чего ему было неудобно прикладывать платок к разбитой губе. Рокер не захотел к ним присоединиться. Поэтому сейчас, в баре, он засунул салфетку себе за воротник, готовясь приступить к жареной баранине с мятным соусом и большим количеством картофеля.

– И принеси-ка мне еще пива! Но только на этот раз действительно холодного, слышишь, парень? Оч-чинь халодный пиво, и быстро: одна нога здесь, а другая – тоже здесь: топ-топ.

Но как только журналисты уехали, Рокер тоже поговорил по телефону, причем разговаривал он с одним из Тех, Кто Имеет Власть. И сделал это, просто подстраховываясь на всякий случай.

Это был совсем новенький «мерседес» красного цвета. Но, надо сказать, что нигде машины не изнашиваются так быстро, как на Пике, когда они едва ползут вверх по склону, а кондиционер работает на полную катушку. Погода по-прежнему была невыносима. Когда такси медленно ползло вверх по дороге из бетонных блоков, а мотор всхлипывал словно рыдая, они вдруг заехали в такой густой туман, что им можно было захлебнуться.

Когда пассажиры вышли из машины, стало еще хуже. Горячая пелена необъятных размеров расползлась по вершине Пика, она пахла бензином и, казалось, вобрала в себя весь шум долины. Влага пропитывала горячий воздух. В ясный день с горы открылся бы замечательный вид, один из самых красивых в мире: к северу – Коулун и голубые горы Новых Территорий, которые скрывали за собой страну восьмисот миллионов китайцев, не имеющих счастья быть подданными британской короны; к югу – заливы Рипалс Бей и Дин Уотер Бей, и дальше – открытые просторы Южно-Китайского моря. Все это не просто так: Хай Хейвен был построен в двадцатые годы нашего века для Королевского военно-морского ведомства, которое с непревзойденным наивным простодушием не сомневалось в своем праве ощущать собственное могущество и внушать другим уважение к нему. В этот послеполуденный час, если бы дом не стоял в низине и не был обсажен деревьями, которые своими кронами мешали опуститься туману, они не увидели бы ничего, кроме двух белых бетонных колонн с кнопочками звонков, под которыми располагались таблички «днем» и «ночью», и закрытых ворот, которые крепились к этим колоннам. Благодаря деревьям посетители ясно видели дом, хотя он и отстоял метров на пятьдесят от забора. Они могли рассмотреть водосточные трубы, пожарные выходы и веревки для сушки белья, а также зеленый купол, который добавили к этому строению японские военные за четыре года своего пребывания здесь.

Торопливо подойдя к воротам, Карлик, которому не терпелось войти внутрь, нажал на звонок с табличкой «днем». В колонну был вмонтирован небольшой динамик, и все уставились на него в ожидании, что оттуда раздастся чей-нибудь голос или, как предпочел бы Люк, выплывет облачко дурманящего Дыма марихуаны. На обочине дороги шофер включил на полную мощность радиоприемник; донеслась печальная мелодия китайской песни про любовь. Казалось, ей не будет конца. На второй колонне не было ничего, кроме медной пластинки, объявляющей, что здесь расположена Служба связи вооруженных сил – почти ничего не скрывающее «прикрытие», под которым работал Тафти Тесинджер, Ганс достал фотоаппарат и начал фотографировать все подряд, как будто он находился на одном из своих любимых полей сражений.

– Может быть, они не работают по субботам, – высказал предположение Люк.

Все продолжали чего-то ждать. В ответ Кро посоветовал ему не строить из себя идиота.

– Шпионы работают по двадцать четыре часа в сутки семь дней в неделю, – сказал он. – И перерыв на обед они никогда не делают.

Карлик решил действовать.

– Здравствуйте пожалуйста, – проговорил он, нажав на ночной звонок. – Он почти прижался губами к отверстиям переговорного устройства, изобразив английский аристократический акцент, с чем, надо отдать ему должное, справился на удивление неплохо. – Меня зовут Майкл Ханбури-Стедли-Химур, и я состою при Большом Му для выполнения особоважных личных поручений. Я бы хотел, пжалста, переговорить с майором Тесинджером по чрезвычайно безотлагательному вопросу, пжалста, дело в том, видите ли, что над Жемчужной рекой, ка-аэтся, поднимается грибовидное облако, и оно мешает Большому Му закончить партию в гольф. Спсибо. Будьте добры, не могли бы вы открыть ворота?

Одна из девушек прыснула со смеху.

– Я не знала, что его зовут Стедли-Химур, – сказала она.

Бросив Люка, обе девушки повисли на руке лохматого канадца.

– Он – настоящий Распутин, – восхищенно сказала одна из них, поглаживая его пониже спины. – Я видела в кино. Он – вылитый Распутин, не отличить. Правда, Канада?

К этому времени все успели приложиться к фляжке Люка и немного перегруппировались на площадке перед воротами, раздумывая, что же делать дальше. Со стороны дороги, где стояло такси, по-прежнему лилась бесконечная песня про любовь. Переговорное устройство на колонне не подавало признаков жизни.

Карлик нажал на оба звонка одновременно и попробовал применить угрозу в духе Аль-Капоне:

– Послушай, Тесинджер, мы знаем, что ты засел тут. Выходи, подняв руки вверх, без плаща, кинжал брось на землю… Эй-эй, поосторожнее, о с е л б е з м о з г л ы й ! – Проклятие в конце тирады было обращено не к канадцу и не к старому Кро, который незаметно отошел в сторонку (по всей вероятности, по естественной нужде), а к Люку, который решил пробиться в дом во что бы то ни стало.

Недалеко отсюда, на дальней стороне площадки, виднелась куча всякого хлама. Било заметно, что кое-что добавили сюда совсем недавно. Люк решительно направился к ней в поисках чего-нибудь, что могло бы помочь им найти ключ к разгадке, и откопал там чугунную отливку в форме буквы "S". Он волоком подтащил ее к воротам и, хотя весила она не меньше, а может, и больше пятнадцати килограммов, подняв ее высоко над головой, начал колошматить по прутьям ворот, отчего ворота загудели, как треснувший колокол.

Ганс Призывающий Смерть опустился на одно колено. Его лицо со впалыми щеками мученика расплылось в улыбке. Он продолжал щелкать фотоаппаратом.

– Тафти, считаю до пяти, – прокричал Люк, нанеся еще один сокрушительный удар по воротам. – Один… – Он снова ударил. – Два…

Огромное количество самых разных птиц поднялось с деревьев и летало у них над головами. Но даже громкие птичьи крики тонули в шуме, доносившимся из долины, и в оглушительном грохоте ударов по воротам.

Шофер такси забыл о песне про любовь и, пританцовывая, бегал вокруг новоявленных разведчиков, заливаясь смехом и хлопая в ладоши. Откуда ни возьмись появилась многочисленная китайская семья, прогуливавшая сразу две коляски, и это было тем более странно, что погода отнюдь не располагала к прогулкам – вот-вот мог разразиться страшный ливень. Китайцы тоже стали смеяться, в том числе и самый маленький ребенок. Все они скромно прикрывали рот ладошками.

Вдруг канадский Ковбой вскрикнул от удивления, стряхнул с себя девушек и указал на что-то за воротами.

– Ради всего святого, что, черт возьми, делает Кро? Этот старый идиот пробрался через колючую проволоку!

К этому моменту присутствующие окончательно потеряли какое бы то ни было представление о реальности и нормальном ходе вещей. Всех охватило коллективное помешательство. В голову ударил алкоголь, появилось ощущение гнетущего дня и затянутого горными тучами неба. Девушки, забыв обо всем, ласкали Канадца; Люк продолжал дубасить по забору; китайцы забивались оглушительным смехом. Все это продолжалось до тех пор, пока туман не исчез, причудливо громоздящиеся иссиня-черные тучи не оказались п р я м о у них над головами и на деревья не обрушился сильнейший дождь. Еще секунда – и все промокли до нитки. Девушки, неожиданно оказавшиеся наполовину обнаженными, смеясь и крича, побежали к «мерседесу». Ряды мужчин не дрогнули – устоял даже Карлик, – сквозь пелену дождя они продолжали смотреть на Кро – не было сомнений в том, что он укрывался от дождя под навесом у входа, по виду напоминавшим стоянку для велосипедов, хотя только сумасшедшему могло бы прийти в голову подняться по крутой дороге на Пик на велосипеде.

– Кро! – заорали они. – Ваше преосвященство! Этот сукин сын всех нас обставил!

Шум дождя был оглушающим. Казалось, ветви деревьев вот-вот не выдержат и сломаются под напором воды. Люк отбросил в сторону свой импровизированный чугунный молот и последовал за Кро. Лохматый Ковбой пошел первым, за ним – Карлик, замыкал шествие Призывающий Смерть, продолжая на ходу фотографировать, хотя вряд ли он сам видел, что снимает. Дождь хлестал немилосердно и ручейками стекал по ногам. Они двигались вверх но склону – туда, где к шуму дождя примешивался лягушачий хор. Перебравшись через зеленую живую изгородь, они остановились перед забором из колючей проволоки. Пролезли между двумя разведенными в разные стороны рядами «колючки» и переступили через неглубокую канаву. Когда они добрались до Кро, тот не отрываясь взирал на зеленый купол. Несмотря на соломенную шляпу, дождь струей стекал по лицу и подбородку, аккуратный светло-коричневый костюм превратился в нечто черное и бесформенное. Кро смотрел вверх словно загипнотизированный.

Люк заговорил первым:

– Ваша Милость? Эй, проснитесь! Это я, Ромео. Господи Боже мой! Да что же это такое? Что его так зацепило?

Люк, встревожившись, осторожно дотронулся до его руки. Но Кро по-прежнему молчал.

– Может быть, он умер стоя? – предположил Карлик, а улыбающийся Ганс «щелкнул» старика (на тот маловероятный случай, если это и вправду так).

Как старый боксер после нокаута, Кро медленно перевел взгляд.

– Брат Люк, – пробормотал он, – мы все должны нижайше просить у вас прощения, сэр.

– Помогите мне довести его до такси, – сказал Люк, но старый Кро никак не желал уходить отсюда.

– Тафти Тесинджер. Хороший разведчик. Звезд с неба не хватал – недостаточно хитроумен и проницателен для этого, – но разведчик хороший.

– Бог с ним, с Тафти Тесинджером, мир его праху, – нетерпеливо сказал Люк. – Пойдемте. Карлик, давай-ка пошевеливайся.

– По-моему, он чего-то накурился, – сказал Ковбой.

– Детали, Ватсон, анализируйте детали, и они дадут вам ключ к разгадке, – снова подал голос Кро. Он опять погрузился в размышления, хотя Люк все время тянул его за рукав. Дождь лил все сильнее. Кро продолжил:

– Обратите внимание, господа, на пустые кронштейны над окнами. Оттуда поспешно и не очень аккуратно сняли кондиционер, что весьма неразумно в это время года. Бережливость, сын мой, весьма похвальная черта характера, особенно у шпионов, осмелюсь заметить. Видите купол? Смотрите внимательно, сэр. Царапины, Увы, это не следы гигантской собаки, а царапины, которые оставили круглоглазые европейцы, которые очень торопились, снимая радиоантенны. Вы когда-нибудь слышали о штаб-квартире шпионской службы без антенн? Это все равно что дом терпимости без кроватей.

Дождь все усиливался и достиг такой интенсивности, что, казалось, сильнее просто не бывает. Громадные капли с глухим стуком падали вокруг так, как будто кто-то стрелял картечью. На лице Кро отражались самые разные чувства, о которых Люк мог только догадываться. Где-то в глубине души он вдруг испугался, что, может быть, Кро и в самом деле умирает. Люк почти не сталкивался с естественной смертью и не знал, как она приходит, а потому был настороже.

– Может быть, у них просто от высоты закружилась голова, и они отломили антенны как смогли? – сказал он, опять пытаясь потянуть Кро к такси.

– Очень может быть, ваша милость, воистину так. Несомненно, что наступило время поспешных и неуправляемых действий.

– Домой, – сказал Люк и, не допуская возражений со стороны старика, снова тронул его за руку. – Дорогу, пожалуйста. Дорогу санитарам с носилками.

Но австралиец все еще упрямо отказывался сдвинуться с места и все смотрел на английское шпионское гнездо, вокруг которого бушевала буря, так, как будто не мог оторвать от него взгляда.

Канадский Ковбой первым отправил в редакцию свой опус. Он написал его той же ночью, пока обе девушки спали в его кровати. Журналист решил, что такой материал скорее потянет на статью, чем на чисто информационное сообщение, поэтому построил сюжет вокруг Пика в целом, а Тесинджера использовал как стержень. Канадец объяснял, что Пик традиционно являлся в Гонконге чем-то вроде Олимпа – «чем выше по склону вы живете, тем выше ваше положение в обществе», – и что богатые англичане – торговцы опиумом, отцы-основатели Гонконга, перебирались туда, чтобы избежать холеры и лихорадки, которые свирепствовали в городе; что всего лишь пару десятилетии назад «желтый», не мог появиться здесь без специального пропуска.

Ковбой описал историю особняка Хай Хейвен и в заключение рассказал, что китайскоязычная пресса называла его не иначе, как «дьявольской кухней», где британский империализм стряпает свои бесовские заговоры против Мао. И вдруг в мгновение ока кухня закрылась, а повара исчезли. «Что это: еще один жест примирения?» – задавал вопрос автор. – Проявление умиротворения? Часть общей стратегии более умеренной политики по отношению к континентальному Китаю? Или просто еще один признак того, что в Юго-Восточной Азии, как и везде в мире, англичанам приходится спускаться с вершин на землю и довольствоваться более скромной ролью?"

Творение канадца постигла печальная судьба, хотя оно было достойно лучшей участи. Ошибка состояла в том, что журналист решил послать статью в толстую английскую воскресную газету, где он время от времени печатался. Уведомление "D" – правительственный циркуляр, запрещающий средствам массовой информации касаться этих событий, пришло в редакцию еще раньше. «Сожалеем невозможности напечатать Ваш интересный материал Хай Хейвен», – говорилось в телеграмме из редакции. Статья отправилась прямиком в мусорную корзину. Через несколько дней Ковбой обнаружил, что кто-то копался в его вещах. И еще: в последующие несколько недель телефон издавал какие-то странные звуки вроде

покашливания, поэтому каждый раз, взяв трубку, он обязательно говорил какую-нибудь гадость о Большом Му и его окружении.

Люк возвратился домой, полный интересных замыслов, принял ванну, накачал себя черным кофе и принялся за дело. Он обзвонил конторы всех авиакомпаний, поговорил со своими знакомыми, имеющими отношение к администрации Гонконга, и еще со множеством своих приятелей из американского консульства – бледнолицых и слишком уж прилизанных – и пришел в ярость от их уклончивых и ничего не проясняющих ответов, которые сделали бы честь самому Дельфийскому оракулу. Он выжал все, что было возможно, из сотрудников фирм по перевозке мебели, которым обычно поручалась работа, связанная с правительственными учреждениями. К десяти часам вечера, как он сам сказал Карлику, которому в тот вечер несколько раз звонил, у него были данные, «проверенные и перепроверенные по пяти совершенно разным каналам», о том, что Тесинджер с женой и всеми сотрудниками Хай Хейвен рано утром в четверг вылетели чартерным рейсом из Гонконга в Лондон. Собаку Тесинджера, как он узнал благодаря счастливой случайности, должны были отправить через пару дней, в конце недели. Набросав кое-что начерно. Люк сел за машинку. Напечатал пару строчек – и иссяк. Впрочем, он заранее знал, что так и будет.

Но начал Люк бойко и непринужденно:

«Снова черная туча скандала нависла над администрацией последней английской колонии в Азии, администрацией, в последнее время подвергающейся постоянной критике. Не успели улечься страсти в связи с недавними разоблачениями взяточников в полиции и среди чиновников гражданской службы, как стало известно, что окруженное самой непроницаемой завесой секретности учреждение в Гонконге – Хай Хейвен, куда тянулись нити всех заговоров, которые Англия плела против красного Китая, в страшной спешке эвакуировано».

Дойдя до этого места, Люк остановился и закрыл лицо руками. Из его груди вырвался звук, похожий на рыдание, – это был ропот на судьбу и Создателя, отчаяние от собственного бессилия.

Его преследовали кошмары по ночам: после всего увиденного на войне он часто просыпался в холодном поту и сотрясался от дрожи ужасных видений, которые даже не способен был описать словами. От ощущения запаха напалма и горящего человеческого мяса он получал даже какое-то утешение: было приятно сознавать, что после долгих лет, в течение которых он подавлял в себе все эти эмоции, плотина, сдерживавшая проявление нормальных человеческих чувств, прорвалась. Когда-то, на войне, Люк мечтал о том, когда же он сможет во всем разобраться и снова обрести способность испытывать отвращение. Если теперь кошмары помогают ему вернуться к нормальному состоянию – тому, в котором пребывают обычные мужчины и женщины, – ну что ж, тогда он будет принимать их с благодарностью. Но ни в каких, даже самых страшных кошмарах, ему и в голову не приходило, что после того, как он столько лет писал о войне, он не сможет писать о мире. Люк провел за машинкой шесть долгих ночных часов, пытаясь вырваться из этого страшного оцепенения и немоты. Иногда он вспоминал старика Кро и то, как он стоял под дождем и вода струями стекала с него на землю. Может быть, именно в э т о м и заключалось главное? Но слыханное ли это дело, чтобы один журналист построил свой материал на необъяснимом настроении и поведении своего же собрата-журналиста?

Статья Карлика, над которой тот тоже немало попотел, так же не имела большого успеха, и это привело его в весьма раздраженное состояние. На первый взгляд, там было все, что требовалось. Англичане выставлены на всеобщее осмеяние, без обиняков и недомолвок говорится о шпионах, и в кои-то веки Америка не выступала в роли палача и душителя Юго-

Восточной Азии. Но единственное, что Карлик получил в ответ, – это приказ не лезть не в свое дело и не трезвонить о чем не следует.

Оставался еще старый Кро. Хотя то, что он сделал, было всего лишь отвлекающим маневром и не шло ни в какое сравнение с направлением главного удара, то, как умело он рассчитал время и сделал то, что сделал, до сих пор не перестает внушать восхищение. В течение трех недель Кро ничего никуда не посылал. Люку, который не на шутку беспокоился о нем, сначала даже показалось, что продолжается тот необъяснимый упадок всех его душевных и физических сил, который он заметил на Пике. Казалось, Кро совсем потерял обычное жизнелюбие и склонность к дружескому общению. Он стал раздражительным, а временами бывал просто грубым и злым. Он ворчал на официантов, даже на своего любимца Го. Он обращался с шанхайскими любителями игры в кегли так, словно они были его заклятыми врагами, и припомнил все якобы нанесенные когда-то обиды, о которых они уже и сами не помнили. Сидя в одиночестве у окна, австралиец был похож на старого кутилу, переживающего не лучшие времена, – язвительного, отрешенного, апатичного. В один прекрасный день он исчез, и, когда Люк, опасаясь самого худшего, заглянул к нему домой, старая служанка, сказала ему, что «папа Виски ехать-ехать в Лондон, очинь-очинь бистро». Она была престранным созданием, и Люк был не слишком склонен ей верить. Один зануда журналист из Германии, работавший на журнал «Шпигель», рассказал, что видел Кро во Вьентьяне, когда тот пьянствовал в баре «Констелейшн», но Люк ему не очень поверил. Среди журналистов наблюдать за Кро было чем-то вроде игры для посвященных, и, если кому-то удавалось раскопать и рассказать другим что-нибудь интересное, это повышало авторитет рассказчика.

Но вот в один прекрасный день – в понедельник, примерно в полдень, старина Кро, в новом бежевом костюме, с изящным цветком в петлице, собственной персоной неторопливо вошел в клуб. Это был прежний Кро – улыбающийся, с неистощимым запасом анекдотов. Было видно, что он засел за работу. Старик потратил немало денег – больше, чем газета обычно выделяла для таких целей. Он не раз обедал в компании хороню одетых американцев, работающих в каких-то американских учреждениях, названия которых звучали весьма неопределенно, и средств на это не жалел. Некоторых из них Люк знал. Своих гостей – всегда по одному – Кро водил в спокойные, со знанием дела выбранные ресторанчики. В клубе злословили, говоря, что он обхаживает дипломатов (это считалось серьезным преступлением) – Кро это доставляло несказанное удовольствие. Потом судьба забросила старика в Токио – там проходила конференция китаистов, и позже, оглядываясь назад, логично было предположить, что он использовал эту поездку для того, чтобы проверить кое-какие детали для материала, который уже начинал складываться у него в голове. Несомненно, на конференции он попросил кое-кого из своих старых друзей раздобыть для него информацию, по возвращении в Бангкок, или Сингапур, или Тайбэй, или любое другое место, где они там живут. И они не отказали ему, потому что знали, что и он сделал бы для них то же самое. Казалось, он знает наперед, что именно они обнаружат, и в этом было что-то жутковато-непонятное.

В законченном виде результат этих трудов появился в одной из утренних газет Сиднея, которая была вне пределов досягаемости длинных рук англо-американской цензуры. По общему мнению, эта статья могла сравниться с лучшими статьями мастера времен расцвета его таланта. Это была передовица на две тысячи слов, примерно восемь машинописных страниц. Характерно, что Кро начал ее совсем не с упоминания Хай Хейвен, а с описания «пустующего по непонятным причинам» целого крыла в здании посольства Великобритании в Бангкоке, где еще месяц назад размещались странная организация под названием Отдел координации со странами НАТО и Отдел виз, в котором насчитывалось целых шесть вторых секретарей. «Что же привлекало жителей Таиланда в Англию в таких количествах, что для выдачи виз требовалось целых шесть вторых секретарей? – невинно задавал вопрос старый австралиец. – Может быть, те радости, которые сулили им массажные салоны веселого

лондонского квартала Сохо? И еще одно довольно странно, – делился он с читателями своими недоуменными вопросами, – почему же после того, как закрылись двери этого флигеля, а шесть вторых секретарей отбыли из Таиланда, у ворот посольства не выстроились длинные очереди таиландцев, обуреваемых желанием отправиться в путешествие?» Постепенно, по мере чтения статьи, – а писал Кро легко и непринужденно (но в статье не было и намека на небрежность) – перед читателями разворачивалась удивительная картина. Кро называл английскую разведслужбу Цирком. Он объяснял, что название произошло от месторасположения штаб-квартиры секретной службы на площади Кембридж серкус, имеющей форму круга, где пересекается несколько лондонских улиц. Цирк вывез своих людей не только из Хай Хейвен, писал он, но и из Бангкока, Сингапура, Сайгона, Токио, Манилы и Джакарты. И из Сеула тоже. Даже обычно стоящий особняком Тайвань на этот раз не оказался в стороне. Открылось, что тамошний английский резидент, обычно державшийся в тени, также уволил трех сотрудников канцелярии, по совместительству работавших шоферами, и двух секретарей-референтов – всего за неделю до того, как статья увидела свет.

Кро назвал все это «Дюнкерком рыцарей плаща и кинжала», но, утверждал он, «вместо лодок кентских рыбаков для эвакуации этих бойцов невидимого фронта использовались чартерные рейсы ДС-8».

Чем же был вызван такой массовый исход? Кро предлагал на выбор несколько не лишенных изящества версий. Может быть, мы являемся свидетелями еще одного сокращения государственных расходов в Англии? (Сам автор скептически относился к такому объяснению.) В трудные времена Англия обычно не отказывалась от шпионов, а еще больше полагалась на их помощь. Вся история империи заставляла ее поступать именно таким образом. Чем больше таяло ее влияние как колониальной державы, тем больше тайных усилий прилагала она для его защиты. Чем слабее становилась власть над своими колониями, тем отчаяннее она пыталась подорвать позиции тех, кто стремился вырваться из ее крепких объятий. Нет, Англия может дойти до последней крайности, но из всех предметов роскоши, которые у нее есть, от шпионов она откажется в последнюю очередь. Кро перечислил еще несколько возможных поводов, но от всех и камня на камне не оставил. Жест доброй воли и разрядка напряженности по отношению к континентальному Китаю? Англия сделала бы все, что возможно, для того чтобы не допустить антиколониальных устремлений Мао в сторону Гонконга, – но все-таки не отказалась бы от своих шпионов. Таким образом старый Кро подошел к теории, которая ему нравилась больше других.

Во всех странах Дальнего Востока и Юго-Восточной Азии, – писал он, – Цирк выполняет маневр, который на профессиональном шпионском жаргоне называется «уйти на глубину и лечь на дно».

Но почему?

Здесь автор сослался на свои источники «в высших кругах американских разведслужб, активно работающих в Азии». Согласно этим источникам, американские разведслужбы вообще, а не только в Азии, «вне себя от ярости из-за того, что английская разведслужба весьма небрежно относится к обеспечению безопасности своих операций». Но самое большое негодование с их стороны вызвало недавнее разоблачение одного важного русского агента – тут австралиец снова к месту (и со знанием дела) употребил словечко шпионского профессионального жаргона – «крота» в лондонской штаб-квартире Цирка: англичанина, который продался русским, который, по словам этих самых высокопоставленных сотрудников разведки, выдал Советам почти все мало-мальски стоящие англо-американские тайные операции за последние двадцать лет". На вопрос, где сейчас этот «крот», поступил желчный ответ: «Мертв. Или в России. Хотелось бы надеяться, что и то, и другое».

Кро всегда удавались концовки, но заключительный абзац этой статьи, на весьма небеспристрастный взгляд Люка, оказался своего рода шедевром. Можно сказать, в нем было

что-то оптимистическое, несмотря на то, что жизнь, о которой шла речь, всегда была окутана глубокой тайной.

«Ну так что же, означает ли это, что Ким – мальчик-шпион – навсегда исчез из легенд Востока? – спрашивал автор. – Означает ли это, что английские хитрецы никогда больше не будут натирать свою кожу разными снадобьями, чтобы она выглядела смуглой, надевать на себя туземную одежду и молча садиться у деревенского костра? Не бойтесь, – продолжал он. – Англичане еще вернутся! Имеющее давние традиции занятие – охота за неуловимыми вражескими лазутчиками – еще вернется к нам! Шпионы не перевелись: они лишь затаились.»

Статью опубликовали. В клубе на короткое время она вызвала всеобщее восхищение и зависть, но вскоре была забыта. Местная английская газета, тесно сотрудничающая с американцами, перепечатала ее полностью, и таким образом однодневка получила еще день жизни. Это должно порадовать старика, говорили все, перед ним сняли шляпу. Прежде чем он окончательно сойдет со сцены, напоследок еще раз признали его заслуги. Потом статью прочитали по радио на Би-би-си, а службе вещания на зарубежные страны, и, наконец, даже всегда покорная и беззубая служба радиовещания самого Гонконга передала материал Би-би-си в слегка измененном виде, и целый день все спорили, означает ли это, что Большой Му решил перестать затыкать рот местным службам новостей. Но даже этот продолжительный успех не заставил никого, включая и Люка, и даже самого Карлика, задуматься о том, каким же образом этот старый дьявол сумел найти тропинку и заглянуть в Хай Хейвен с черного хода.

Это просто-напросто доказывало (если кто-то нуждался в доказательствах), что журналисты ничуть не хуже замечают то, что происходит у них под носом. С другой стороны, тогда была суббота и на Гонконг надвигался тайфун.

А в самом Цирке, как совершенно правильно назвал английскую разведслужбу Кро, реакция на его статью была различной, в зависимости от того, как много знали те, кто реагировал. Например, в административно-хозяйственном отделе – у «домоправителей», которые отвечали за те жалкие остатки системы безопасности, которые Цирк сумел сохранить после всех передряг, статья старины Кро вызвала такой всплеск ярости, который может понять только тот, кто хоть однажды ощутил атмосферу, царящую в секретной службе, переживающей тяжелые времена. Даже люди, обычно слывущие терпимыми, жаждали крови и отмщения. Измена! Нарушение обязательств! Лишить пенсии! Установить наблюдение! Отдать под суд, как только вернется в Англию! Те, кто занимал положение немного повыше и не боялся за свою безопасность, смотрели на дело не так непримиримо, хотя и они не знали всего. Ну да, ну да, говорили они, сокрушаясь, но не слишком, так оно обычно и бывает; назовите нам агента, который время от времени не терял бы голову и не делал бы глупостей, особенно если его держали в неведении так долго, как беднягу Кро. Да и то, по правде сказать, он же не раскрыл ничего такого, что не было бы более или менее известно, разве не так? А эти «домоправители» – специалисты по режиму обеспечения секретности и безопасности – должны бы проявить ч у т ь больше сдержанности. Посмотрите, как они на днях набросились на бедняжку Молли Микин, сестру Манка, а ведь она еще совсем дитя, – и все потому, что она бросила какой-то пустой бланк в корзину для бумаг!

И только те, кто б ы л на самом верху, те, кто был посвящен во все тайны, смотрели на дело иначе. Для них статья Кро была шедевром дезинформации – хорошо продуманной и точно рассчитанной. Джордж Смайли оказался на высоте, говорили они. Несомненно, эта история должна была выйти наружу, а молчание всегда нежелательно – на этом сходились все. Следовательно, гораздо лучше сделать так, чтобы сведения вышли наружу так, как это удобно нам. Момент выбран правильно, информация строго дозирована, тон точно выверен: чувствуется, что за этой статьей стоит опыт всей жизни, в каждом мазке видна кисть мастера. Но эта оценка не выходила за рамки очень узкого круга людей.

А в Гонконге члены Шанхайского клуба любителей игры в кегли заключили; как у всех умирающих, у старины Кро появился дар провидения – его материал про Хай Хейвен оказался

его лебединой песней. Спустя месяц после появления статьи он отошел от дел, перестал писать, но из Гонконга не уехал, – правда, перебрался с острова на Новую Территорию. Снял там коттедж и объявил всем, что намерен доживать свои дни в этом благословенном краю узкоглазых. Для любителей игры в кегли это было все равно как если бы он перебрался на Аляску. Слишком далеко ехать обратно, говорили они, когда ты выпил.

И еще прошел слух – совершенно необоснованный, так как склонности Кро были совсем не такими, – что он нашел себе компаньона – хорошенького паренька-китайца. Это были козни Карлика: ему не понравилось, что старик своей статьей утер ему нос.

И только Люк упорно не хотел вычеркивать австралийца из своей жизни. Однажды утром, после ночного дежурства, он решил съездить и навестить его. Без какой-либо определенной цели – просто так, и еще потому, что этот старый дуралей был ему небезразличен. «Кро беззаботен и жизнерадостен, – рассказывал он потом, – не чужд земного – совсем как раньше». Хотя внезапное появление Люка в берлоге Кро было немного некстати. У него гостил друг – но не мальчик-китаец, а человек, которого он представил как Джорджа и который приехал в Гонконг по делам, с особым поручением: низенький, толстенький, близорукий, в круглых очках. Судя по всему, он также нагрянул к Кро неожиданно. Отведя Люка в сторону, журналист объяснил ему, что этот Джордж – сотрудник одного из английских газетных синдикатов, на который Кро работал когда-то много тысяч лет назад. «Он занимается стариками, ваша милость. Совершает поездку по Азии».

Кем бы он ни бил, било ясно, что Кро относится к невысокому толстячку с величайшим почтением – он даже называл его «ваше святейшество». Люк понял, что он здесь лишний, и уехал, так и не напившись.

Вот так обстояло дело. Тайное бегство Тесинджера глухой ночью; почти смерть, а потом воскрешение старика Кро; его лебединая песня наперекор всем скрытым, но многочисленным цензурным рогаткам; интерес Люка к миру секретных служб, не дававший ему покоя; на редкость удачное использование Цирком зла в своих интересах. Ничто не было запланировано, но жизнь распорядилась так, что все это оказалось прологом ко многому из того, что произошло впоследствии. Та суббота, когда к Гонконгу приближался тайфун; зыбь на поверхности зловонной, слегка колышущейся лужи, где суетятся и копошатся множество людишек; хор из древнегреческой трагедии, который уже устал, а героя все еще нет. Забавно, что несколькими месяцами позже Люку выпало счастье снова выступить в роли шекспировского гонца, приносящего весть, и объявить, что герой прибывает. Эту новость получили а корпункте по телексу, в день его дежурства, и он оповестил скучающую братию со свойственной ему горячностью:

– Парни! Послушайте, что я вам скажу! У меня важные новости! Джерри Уэстерби скоро снова будет с нами, ребята! Он снова едет на Восток, вы слышите? Снова ишачит на свою паршивую газетенку!

– Его сиятельство! – сразу же откликнулся Карлик, кривляясь и всем своим видом изображая бурный восторг, – это как раз то, чего нам не хватает – немножко голубой крови, чтобы поубавить вульгарности! Да здравствует благородство, ура! – Непечатно выругавшись, он бросил скомканную салфетку в стойку. – Господи Иисусе, – пробормотал он затем и залпом осушил стакан.

Судьбоносный призыв

В тот день после обеда, когда пришла телеграмма, Джерри Уэстерби с пишущей машинкой пристроился на затененной стороне балкона своего полуразвалившегося деревенского дома. Неизменный мешок со старыми книгами лежал у его ног. Письмо принесла почтмейстерша – одетая во все черное нескладная, угловатая крестьянка, которая, после ухода из жизни людей,

пользовавшихся уважением деревенских жителей, стала главным лицом в этой забытой Богом тасканской деревушке. Она была довольно коварным существом, но сегодня сознание важности происходящего пробудило в ней лучшие чувства, и, несмотря на жару, она почти бегом поднималась по выжженной солнцем тропинке. Впоследствии в книге регистрации корреспонденции было записано, что историческое событие – вручение письма – произошло в пять часов ноль шесть минут пополудни, что было неправдой, но придавало записи внушительность. На самом деле это произошло ровно в пять. В доме худенькая девушка – кожа да кости, – которую привез Уэстерби и которую в деревне прозвали Сироткой, изо всех сил колотила по жесткому куску козлятины, делая это с такой же яростью, как и все, за что бралась. Почтмейстерша заметила ее издалека – девушка стояла у открытого окна; локти в стороны, нижняя губа закушена, и, как обычно, хмурый взгляд исподлобья.

«Шлюха, – злорадно подумала старуха. – Вот теперь-то уж ты получишь то, что давно по тебе плачет»

Радио играло на полную мощность. Передавали Верди: Сиротка слушала только классику – в деревне узнали об этом, когда она однажды вечером закатила страшную сцену в таверне – кузнец хотел поставить пластинку с рок-музыкой. Она запустила в него кувшином. И вот от всего этого – от музыки Верди, стука пишущей машинки и грохота молотка, которым Сиротка отбивала козлятину, стоял такой оглушительный шум, что даже итальянец не мог бы не заметить его.

Джерри сидел на деревянном полу, неуклюже расставив колени и повернув ступни мысками внутрь – словно саранча, вспоминала потом почтмейстерша, – нет, может быть, он сидел на подушке, а мешок с книгами использовал как маленькую скамеечку. На полу между ног стояла пишущая машинка. Вокруг были разложены отдельные страницы рукописи – прижаты камнями, чтобы их не унес раскаленный ветер, от которого не было спасения на этой выжженной вершине холма, а рядом, под рукой, стояла оплетенная бутыль с местным красным вином – несомненно, на тот случай (знакомый даже величайшим творцам), если ниспосланное Всевышним вдохновение изменит и его потребуется подкрепить. Джерри был одет, как всегда, чем бы ни занимался: слонялся ли бесцельно по участку, или возился с десятком никудышных оливковых деревьев, или тащился с Сироткой в деревню за покупками, или сидел в таверне за стаканчиком терпкого вина. На нем были желтые ботинки из оленьей кожи, которые Сиротка никогда не чистила, и поэтому мыски у них вытерлись добела; короткие носки, которые она никогда не стирала; заношенная рубашка, которая когда-то была белой, и серые шорты, которые выглядели так, как будто их хорошо потрепали злые собаки, и которые любая порядочная женщина давно бы уже починила. Джерри встретил почтмейстершу знакомым, непрерывно льющимся потоком слов, одновременно и застенчивых, и восторженных, которые по отдельности она не понимала, а улавливала только их общий смысл – как в новостях по радио, – но могла потом изобразить с удивительной достоверностью, показывая при этом свои гнилые, в черных дуплах, зубы.

– Матушка Стефано, черт меня дери, вот это да! Да вы, наверное, совсем изжарились. Какая же Вы молодчина! Вот, промочите-ка горло, – оживленно приговаривал он, спускаясь по кирпичным ступенькам со стаканом вина для нее, расплывшись в широкой до ушей улыбке.

Так улыбаться мог бы удачливый школяр после успешной сдачи экзамена. В деревне его так и звали: Школяр. За девять месяцев по почте ему не приходило ничего, кроме посылок с книгами в мягкой обложке да еженедельного коротенького письма от дочери, а теперь – откуда ни возьмись – эта срочная телеграмма из Лондона, внушающая невольное почтение: лаконичная, как приказ, но с оплаченным ответом аж на пятьдесят слов! Подумать только – пятьдесят – сколько же это стоит! Поэтому неудивительно, что все, кто мог, захотели прочесть ее.

Сначала они споткнулись на слове " д о с т о п о ч т е н н ы й " : « Д о с т о п о ч т е н н о м у Джеральду Уэстерби». Почему? Что это значит? Булочник, который во время войны попал

в плен и оказался в Бирмингеме, извлек откуда-то видавший виды словарь: " б л а г о р о д н ы й, д о с т о й н ы й ; т и т у л, к о т о р ы й и м е е т с ы н п э р а ". Конечно, синьора Сандерс, которая живет на другой стороне долины, уже давно говорила, что Школяр принадлежит к знатному роду. Второй сын газетного магната, сказала она, лорда Уэстерби, владельца известной газеты, ныне уже покойного. «Сначала умерла газета, а потом и ее владелец,» – так сказала синьора Сэндерс, остроумная женщина, и все они повторяли ее шутку. Потом в телеграмме шло слово " с о ж а ле ю " – это было легко. " С о в е т у ю " – тоже понятно. Почтмейстерша с радостью обнаружила, что вопреки ее ожиданиям, англичане, несмотря на все свое упадничество, позаимствовали немало слов из доброй старой латыни. Со словом " о п е ку н " пришлось потруднее, потому что словарь привел их к слову " з а щ и т н и к ", " х р а н и т е л ь " или " б л ю с т и т е л ь ", и, конечно же, мужчины начали отпускать сомнительные шуточки, которые почтмейстерша пресекла со всей суровостью. Наконец, шаг за шагом, весь шифр был разгадан, и ситуация прояснилась. У Школяра есть опекун, то есть человек, заменяющий отца. Этот о п е к у н серьезно болен, лежит в больнице и хочет перед смертью непременно увидеть Школяра. Только его одного, и никого другого. Ему нужен только достопочтенный Уэстерби. Их воображение дорисовало остальные детали картины: рыдающая семья собралась у смертного одра; впереди – безутешная жена; священник причащает умирающего; все ценные вещи убирают под замок, и по всему дому – в коридорах, в кладовых – шепотом произносят одно и то же: «Уэстерби – где же достопочтенный Уэстерби?»

Оставалось разобраться с подписями в конце телеграммы. Подписей было три, и эти люди называли себя " с о л и с и т о р а ми ", то есть «поверенными», или «ходатаями». И, должно быть, сходство этого слова с «ходоками» снова развязало языки, и один за другим посыпались двусмысленные намеки, но когда разобрались, что оно означает не что иное, как " н о т а р и у с ", лица сразу посуровели. Пресвятая Дева Мария! Если делом занимаются три нотариуса, значит речь идет о больших деньгах. И если все трое настояли на том, чтобы поставить свои подписи, да к тому же оплатили ответ из пятидесяти слов, тогда, наверное, деньги не просто большие, а сказочно огромные! Горы денег! Вагоны денег! Неудивительно, что Сиротка так цепляется за него, шлюха!

Все наперебой принялись предлагать почтмейстерше свои услуги – выяснилось, что все готовы доставить телеграмму в дом на вершине холма. Гвидо может доехать до цистерны с водой на своей «ламбретте». Марио бегает быстро, как заяц. Мануэла – дочка бакалейщика – тоже готова принять участие: она девушка чувствительная, и, когда кто-то получает горестные вести, это ее стихия. Отвергнув услуги всех добровольных помощников и даже шлепнув Марио по рукам за наглость и самонадеянность, почтмейстерша закрыла почту, сына оставила присматривать за лавкой и отправилась с телеграммой сама, хотя это и означало, что ей минут двадцать придется взбираться по холму под безжалостно палящим солнцем. Если к тому же там наверху дует, словно из печки, этот проклятый ветер, то в награду за все труды у нее будет еще и полный рот красной пыли.

В деревне сначала не очень-то почтительно отнеслись к Джерри. И сейчас, шагая через рощу оливковых деревьев, почтмейстерша раскаивалась. Но ошибка была вполне объяснима. Во-первых, новичок приехал зимой, когда приезжают те, у кого не слишком много денег. Он приехал один, но на лице у него было то уклончиво-скрытное выражение, которое бывает у человека, совсем недавно сбросившего с плеч огромный груз обязанностей перед другими людьми – детьми, женами, родителями. В свое время почтмейстерша знавала немало мужчин, и она слишком часто видела эту улыбку раненого человека, чтобы не узнать ее у Джерри. Улыбка словно говорила: «Я женат, но свободен», но и то. и другое было неправдой. Во-вторых, в деревню его привез надушенный английский майор, тот еще жук – самодовольный и самовлюбленный; владелец конторы по продаже недвижимости. Он неплохо наживался на трудностях здешних крестьян – и это было еще одной причиной, чтобы отнестись к новоселу настороженно. Надушенный майор показал Школяру несколько неплохих крестьянских домов,

в том числе и тот, на который положила глаз сама почтмейстерша, – кстати, самый лучший из них. Но покупатель выбрал развалюху педераста Франко, прилепившуюся на самой вершине этого забытого Богом холма, по которому она сейчас карабкалась. Его здесь называли «холмом дьявола». Дьявол приходил сюда, когда в аду ему становилось слишком прохладно. Подумать только, выбрать дом этого скользкого типа Франко, который и молоко, и вино разбавляет водой, а по воскресеньям вместе с другими никчемными хлыщами торчит на городской площади, таращась на прохожих и занимаясь зубоскальством. Да и цена была совершенно непомерной – полмиллиона лир просто за заключение контракта, из которых надушенный майор пытался урвать треть для себя.

«Все знают, почему майор благоволит этому ловкачу Франко», – шипела почтмейстерша, брызгая слюной сквозь гнилые зубы, и верные подпевалы, переглядываясь, понимающе цокали языками, пока она не приказала им заткнуться.

И еще. Как женщина проницательная, почтмейстерша заметила в характере Джерри какое-то вызывающее недоверие противоречие. Твердость и жесткость, которые, казалось, прячутся под щедростью и широтой натуры. Она и раньше замечала это в англичанах, но Школяр превосходил их всех, и она ему не доверяла. Из-за этого обаяния, за которым чувствовалась неугомонная и мятущаяся душа, она считала его опасным. Конечно же, сегодня все эти черты, которые вначале она сочла предосудительными, можно объяснить чудачествами английского писателя-аристократа, но тогда почтмейстерша совсем не была склонна к снисходительности. «Подождите до лета, – брюзжа говорила она посетителям вскоре после его первого скромного визита в лавку: спагетти, хлеб и средство против мух. – Летом он поймет, что он купил, глупец. Летом мыши в доме этого ловкача Франко заполонят всю спальню; блохи, которых в доме Франко видимо-невидимо, съедят его заживо; осы этого педераста Франко не дадут ему ни минуты покоя в саду; а этот дьявольский раскаленный ветер иссушит его до костей. Вода кончится, и ему придется отправлять свои физиологические потребности в полях, как какому-нибудь зверю. А когда придет зима, надушенный самовлюбленный майор сможет снова продать этот дом какому-нибудь другому кретину, и все будут в убытке, кроме самого майора».

Что касается известности, то в первые недели абсолютно ничто в поведении Школяра о ней не говорило. Он никогда не торговался – наверное, просто понятия не имел о том, что торговец может уступить и снизить цену. Даже обслуживать его было неинтересно. А когда в лавке доходило до того, что нескольких несчастных фраз на ломаном итальянском ему не хватало, он все равно не повышал голоса и не орал, как всегда делают настоящие англичане, а преспокойно пожимал плечами и сам брал с полки то, что было нужно. Про него говорили, что он п и с а т е л ь. Знаем мы таких писателей! Ну да, он пачками покупал у нее бумагу для пишущей машинки. Заказали еще, он купил и ту. Замечательно. У него были книги: судя по виду, старые и покрытые плесенью, и он таскал их за собой повсюду в сером, как у браконьера джутовом мешке. И пока не было Сиротки, деревенские жители часто видели, как он шагает неизвестно куда с ним через плечо, чтобы пристроиться где-нибудь и погрузиться в чтение. Гвидо как-то наткнулся на него в Лесу Графини: новичок по-лягушачьи сидел на бревне, перелистывая книги, как будто все они составляли одну, а он потерял место, где остановился, и не может найти. И еще у него была пишущая машинка, замызганный чехол которой был весь облеплен потертыми багажными наклейками: опять-таки замечательно. Точно так же какой-нибудь длинноволосый, обзаведясь красками, называет себя художником. И он был таким же п и с а т е л е м.

Весной появилась Сиротка. Ее почтмейстерша тоже возненавидела.

Начать с того, что она была рыжая, что уже наполовину означает – шлюха. Грудь у нее была такая маленькая, что и кролика не выкормить. В отличие от Школяра с арифметикой у нее все было в порядке, и за правильностью подсчета в лавке она следила зорко. Поговаривали, что он нашел ее в городе – еще одно доказательство того, что шлюха. С самого

первого дня она ни на минуту не выпускала его из виду. Таскалась за ним, как ребенок. Ела вместе с ним – и ныла; пила вместе с ним – и дулась; ходила с ним за покупками, довольно быстро набрав приличный запас слов на итальянском – как воришка-карманник, поработав хорошенько в толпе, набирает иногда по мелочи приличную сумму.

Вскоре эти двое стали хоть и не самой заметной, но все же примечательной деталью местной жизни: огромного роста англичанин и его вечно скулящая тень – маленькая шлюха. Часто их можно было видеть спускающимися вниз по холму с тростниковой корзинкой: Школяр – в своих видавших виды шортах, радостно скалящийся при виде всех, кто попадался навстречу, и хмурая Сиротка в своем непристойном платье из мешковины, под которым ничего нет. Поэтому, хоть она и была страшна как смертный грех, все мужчины оглядывались на нее, чтобы увидеть, как под грубой тканью подпрыгивают при ходьбе упругие бугорки ягодиц. Она шагала, цепко обхватив его руку всеми своими пальчиками и прижимаясь щекой к его плечу, и отпускала руку только тогда, когда нужно было заплатить, и она с сожалением отсчитывала деньги из кошелька, который теперь находился в ее ведении.

Когда им встречался кто-то из знакомых, Школяр здоровался за двоих – и за себя, и за нее, – выбрасывая вперед свободную руку, очень длинную, и этот жест был похож на фашистское приветствие. Боже упаси, если в тех редких случаях, когда она бывала в деревне одна, какой-нибудь мужчина позволял себе дерзкое слово или нескромный намек: она поворачивалась и плевала в его сторону, как самая настоящая уличная потаскушка, и глаза у нее при этом горели, как у самого дьявола.

«Теперь-то мы знаем почему! – очень громко воскликнула почтмейстерша, карабкаясь все выше и добравшись уже до первого гребня холма. – Сиротка нацелилась на его наследство. Иначе с чего бы это шлюха проявляла такую верность?»

Такая резкая перемена во мнении и отношении матушки Стефано к Школяру, а заодно и в опенке мотивов поведения Сиротки была результатом визита в ее лавку синьоры Сандерс. Эта синьора была богата и занималась разведением лошадей на другом конце долины, где она жила со своей подругой, той, которую деревенские прозвали «взрослым мальчиком» и которая была коротко пострижена и носила цепочку вместо пояса. Их лошади везде брали призы. Эта синьора Сандерс была умна, проницательна и в меру прижимиста – как раз так, как любят итальянцы; она была знакома со всеми из тех немногих англичан, которых стоило знать. Они приехали сюда скоротать век и жили теперь и тут, и там – в долине и окрестных горних деревушках. Синьора пришла в лавку будто бы для того, чтобы купить ветчины, – это было, вероятно, с месяц назад, – но на самом деле ее интересовал Школяр. Она хотела знать, правда ли, что синьор Джеральд Уэстерби живет здесь, в этой деревушке? Такой крупный мужчина, волосы довольно светлые с проседью – что называют цвета «перец с солью», – спортивный, очень энергичный, держится скромно, даже застенчиво, аристократ?" Ее отец-генерал когда-то знавал его семью в Англии, сказала она, они, отец Школяра и ее отец, некоторое время жили в поместьях по соседству. Синьора Сандерс подумывала о том, чтобы навестить его. Как там дела? В стесненных он обстоятельствах или нет? Один или с кем-то? Почтмейстерша пробормотала что-то не очень вразумительное про Сиротку, но синьору Сандерс это не смутило. «Ох, уж эти Уэстерби – они всегда меняют женщин, как перчатки», – сказала она со смехом и повернулась к двери.

Совершенно сбитая с толку и огорошенная, мамаша Стефано остановила и засыпала ее вопросами. Кто он? Чем занимался в молодости? Журналист, ответила синьора Сандерс и рассказала то, что знала о его семье. Отец – колоритная фигура, такой же светловолосый, как и сын, держал скаковых лошадей; она потом встречала его, уже незадолго до смерти, и это был еще интересный мужчина. Как и сын, он никогда не знал покоя: постоянно менял женщин, переезжал из дома в дом, всегда кого-нибудь громко распекал: если не сына, то какого-нибудь прохожего на улице (к тому же частенько стоя на противоположной ее стороне).

Почтмейстерша стала еще настойчивей. А сам Школяр: сам по себе в чем-нибудь отличился? Ну, он, конечно, работал в разных солидных газетах, ответила синьора Сандерс, улыбаясь еще шире и таинственней. Почему? Англичане, как правило, не склонны относиться к журналистам с большим почтением, объяснила она на своем немного книжном итальянском, с классическим римским выговором.

Но почтмейстерше хотелось знать больше, намного больше. А что он пишет: о чем его книга? Он так давно этим занимается! И так много рвет и выбрасывает! Целыми корзинами – это ей мусорщик говорил, – ведь ни один здравомыслящий человек не станет разводить в разгар лета костер на холме. Бесс Сандерс понимала, каким сильным может быть любопытство у тех, кто живет в изоляции от большого мира, и знала, что в местах, где мало людей и событий, их ум вынужден сосредоточиваться на мелочах. Поэтому она постаралась, действительно постаралась сделать все, чтобы удовлетворить любопытство почтмейстерши. Ну, он, конечно, непрерывно п у т е ш е с т в о в а л, сказала она, возвращаясь к прилавку и кладя на него свою покупку. Конечно, теперь все журналисты все время путешествуют: завтракают в Лондоне, обедают в Риме, а ужинают в Дели, но синьор Уэстерби путешествовал очень много, просто исключительно много, даже по сравнению со всеми остальными. Так что, возможно, он пишет о своих путешествиях, предположила она.

Но п о ч е м у и з а ч е м он путешествовал? – не отставала почтмейстерша, для которой путешествие без цели просто не существовало. П о ч е м у ?

Чтобы все видеть своими глазами, терпеливо отвечала синьора Сандерс. Войны, эпидемии, голод. В конце концов, что еще в наши дни могут делать журналисты, кроме как писать о несчастьях рода человеческого? – спросила она.

Почтмейстерша с мудрым видом покачала головой, все ее мысли и чувства были поглощены только что сделанным открытием: сын светловолосого лорда, любителя верховой езды, кричавшего на всех подряд; одержимый путешественник, корреспондент солидных газет! А есть ли какие-нибудь места, какой-нибудь уголок Божьего мира, который он изучал больше других? Думаю, чаще всего он ездил на Восток, сказала синьора Сандерс, задумавшись на мгновение. Он побывал везде, но есть такие англичане, которые только на Востоке чувствуют себя как дома. Наверняка именно поэтому он и в Италию приехал. Некоторые мужчины без солнца просто тосковать начинают.

«И некоторые женщины тоже», – пронзительно взвизгнула почтмейстерша, и обе они от души рассмеялись.

«Ах, Восток… – произнесла почтмейстерша со скорбным выражением на лице, склоняя голову набок, – там столько войн, одна за другой, почему же Папа Римский не положит этому конец?» Пока матушка Стефано развивала свою мысль, синьора Сандерс, казалось, вспомнила что-то еще. Она улыбнулась – сначала едва заметно, потом шире. Улыбка изгнанника, подумала про нее почтмейстерша. Она похожа на отставного моряка, думающего о море.

«Он раньше всегда повсюду таскал за собой целый мешок книг», – сказала синьора, – Мы в шутку говорили, что он крадет их в богатых домах".

«Он и сейчас с ним ходит!» – воскликнула почтмейстерша и рассказала, как Гвидо наткнулся на него в Лесу Графини, когда Школяр читал, сидя на бревне.

«Я думаю, он мечтал стать п и с а т е л е м, – продолжала синьора Сандерс все так же задумчиво, пребывая во власти воспоминаний о давно минувших временах. – Я помню, его отец что-то говорил. Он был в с т р а ш н о й ярости. Орал на весь дом».

«Школяр? Это Ш к о л я р был в ярости?» – воскликнула матушка Стефано, не веря своим ушам.

«Нет-нет. Его отец. – Синьора Сандерс громко рассмеялась. – Согласно шкале престижа в Англии, – объяснила она, – писатели стоят еще ниже, чем журналисты. А он по-прежнему занимается живописью?»

«Живописью? Он что, художник?»

«Он пробовал себя в живописи, – продолжала синьора Сандерс, – но отец и это ему запретил. Художники стоят ниже в с е х п р о ч и х, общество хоть как-то признает только тех из них, кто добивается успеха».

Вскоре после того, как все это стало известно – и эффект этой информации был подобен взрыву мощного артиллерийского снаряда, – кузнец (тот самый кузнец, в которого Сиротка запустила кувшином) рассказал, что видел Джерри и эту девчонку в конюшне синьоры Сандерс, сначала – дважды в течение одной недели, потом – три раза, причем они оставались там обедать. Школяр проявлял недюжинные способности в обращении с лошадьми – гонял их на корде и вываживал, показав врожденный талант и умение понимать этих животных и укрощать даже самых норовистых. Сиротка не принимала в этом никакого участия, сказал кузнец. Она сидела в тени, вместе с подругой синьоры Сандерс – «взрослым мальчиком», и либо читала какую-нибудь книгу из мешка, либо не отрываясь смотрела на Джерри ревнивым немигающим взглядом. Теперь-то все знают, чего она ждала: смерти его опекуна, И вот сегодня – эта телеграмма!

Джерри увидел матушку Стефано издалека. Какая-то часть сознания инстинктивно никогда не переставала наблюдать за тем, что происходит вокруг. Он заметил черную фигуру, ковылявшую по пыльной тропинке вверх, словно хромой жук; почтмейстерша пересекла прямые, будто по линейке прочерченные тени от кедров, поднялась по сухому руслу ручья и вступила в «собственный уголок Италии Джерри» – целых двести квадратных метров. Не так уж много, но достаточно, чтобы прохладными вечерами, если хотелось поразмяться, постучать по привязанному к шесту теннисному мячу. Он почти сразу же заметил голубой конверт, которым она размахивала; он даже услышал мяукающий звук, который она издавала и который непонятным образом перекрывал все другие звуки долины: шум машин и визг ленточных пил. Не прекращая печатать, он украдкой взглянул на дом и убедился, что девушка закрыла окно кухни, спасаясь от жары и насекомых. Потом, в точности как описывала впоследствии почтмейстерша, быстро спустился по ступенькам и пошел со стаканом вина в руке ей навстречу, чтобы перехватить ее прежде, чем она подойдет слишком близко к дому.

Школяр медленно, только один раз, прочел телеграмму. На текст падала тень. На глазах у матушки Стефано, внимательно наблюдавшей за ним, лицо Джерри осунулось, замкнулось, а голос, когда он заговорил, положив свою огромную мягкую ладонь ей на руку, звучал более хрипло, чем обычно.

– Вечером, – сказал он, выводя ее снова на тропинку, ведущую к деревне. Он хотел сказать, что пошлет ответ сегодня вечером. О г р о м н о е с п а с и б о, матушка. Замечательно. Большое спасибо. Потрясающе.

Когда они расставались, она еще продолжала говорить без умолку, предлагая ему всевозможные услуги – заказать такси, носильщиков, позвонить в аэропорт, а Джерри рассеянно похлопал себя по карманам шортов в надежде найти там какие-нибудь деньги – мелкие или покрупнее: очевидно было, что он в этот момент совершенно забыл, что деньги теперь хранятся у девушки.

Школяр принял известие мужественно, доложила почтмейстерша в деревне. Он был очень обходителен – даже проводил ее немного по дороге к деревне; он держался сдержанно и достойно – только женщина, хорошо знающая жизнь, и так же хорошо знающая англичан, могла прочесть на его лице, какая боль и какое горе скрываются за этой сдержанностью; он был оглушен – даже забыл о чаевых. А может быть, это уже начала проявляться особая скупость, свойственная очень богатым людям?

А как вела себя С и р о т к а ? – спрашивали деревенские. Разве она не рыдала, не взывала к Пресвятой Деве, притворяясь, что разделяет его горе и отчаяние?

«Он еще ей не сказал, – шепотом отвечала почтмейстерша, с сожалением вспоминая, что ей удалось только один разок взглянуть на девицу, когда она изо всех сил колошматила по мясу. – Ему еще надо обдумать, как с ней быть».

Деревня успокоилась в ожидании вечера, а Джерри ушел в поле и долго сидел там, глядя на море и держа на весу мешок с книгами. Он закручивал его горловину до тех пор, пока не дошел до предела и мешок не начал сам вращаться в противоположную сторону.

Прямо перед ним расстилалась долина, ее полукругом охватывали пять холмов, а дальше, за ними и словно бы над ними, простиралось море, которое в это время дня казалось лишь плоским бурым пятном на небе. Поле, на котором он сидел, представляло собой длинную террасу, укрепленную камнями; на краю стоял развалившийся сарай, который служил укрытием, когда они устраивали пикник или хотели позагорать так, чтобы их никто не видел. Это продолжалось до тех пор, пока осы не устроили в одной из стен свое гнездо. Сиротка увидела их, развешивая белье после стирки, и прибежала к Джерри рассказать, а он, недолго думая, схватил ведро с известковым раствором (известь нашлась в запасах ловкача Франко) и замазал все входы и выходы из гнезда. И потом позвал ее, чтобы девушка могла полюбоваться на плоды его трудов: вот какой у меня мужчина, вот как он заботится обо мне. Он и сейчас представляет, как она стояла тогда рядом с ним, крепко прижав руки к груди, глядя на застывающий цемент. Обезумевшие осы жужжали внутри, а девушка шептала: «Господи Боже мой. Господи Боже мой», слишком напуганная, чтобы пошевельнуться.

«Может быть, она будет ждать меня», – подумал Джерри. Он вспомнил день, когда впервые встретил ее. Он часто мысленно возвращался к тому, как это произошло, потому что Уэстерби не слишком везло с женщинами. Когда такие встречи все-таки случались, он любил перебирать все подробности, словно заново смакуя их….Это было в четверг. Он, как обычно, отправился в город на попутной машине, чтобы кое-что купить, а может быть, и для того, чтобы посмотреть на новые лица и ненадолго оторваться от своего романа; а может быть, просто убежать от монотонности пустынного пейзажа, от которого иногда хочется выть и который частенько становился для него тюремной камерой (к тому же одиночной). Можно предположить, что в городе он просто хотел закадрить женщину, что время от времени делал, болтаясь в баре туристской гостиницы. Итак, он сидел в траттории на городской площади и читал, перед ним стояли кувшин с вином и тарелка с ветчиной и оливками, когда вдруг его внимание привлекла эта худенькая длинноногая девушка – совсем еще ребенок, – рыжеволосая, с печальным лицом, в коричневом платье, похожем на монашеское одеяние, и с матерчатой сумкой через плечо.

«В ее облике как будто чего-то недостает», – подумал он тогда.

Девушка смутно напомнила ему дочь Кэт – уменьшительное от Кэтрин, – но только смутно, потому что он не видел Кэт 10 лет с того времени, как распалась его первая семья. Он даже и сейчас не смог бы точно объяснить, почему он не виделся с ней. Когда еще не прошло первое потрясение от разрыва, из-за ложного представления о рыцарстве и благородстве он решил, что для Кэт будет лучше, если она его забудет. Пусть вычеркнет меня из своей жизни. Ее привязанности должны быть там, где ее дом. Когда мать Кэт снова вышла замуж, доводы в пользу того, чтобы совсем исчезнуть с ее горизонта, казалось, получили новое подкрепление. Но иногда он очень сильно скучал по дочери и, скорее всего, именно поэтому, обратив внимание на девушку, уже не мог забыть о ней. Может быть, Кэт тоже бродит где-нибудь так же – одна, смертельно усталая? Сохранились ли у Кэт веснушки? По-прежнему ли у нее такой же гладкий и круглый подбородок, похожий на обточенную морем гальку?.. После того как они

познакомились, девушка рассказала ему, что она не в ладах с законом. Некоторое время назад она нашла место гувернантки в одной богатой семье во Флоренции. Жена была слишком занята своими любовниками и не очень занималась детьми, а вот у мужа для гувернантки времени было более чем достаточно. Поэтому девушка взяла все наличные, какие смогла найти в доме, и сбежала. И вот она здесь. Без вещей, ее ищет полиция, из денег осталась последняя мятая банкнота, которой хватит на то, чтобы поесть как следует, а дальше – только пропадать.

В тот день – впрочем, как всегда, – на площади было не слишком много привлекательных женщин. И к тому времени, как беглянка села за столик, почти все мужчины – во всяком случае, те, которые не были калеками, – обратили на нее внимание. Со всех сторон слышались вкрадчивые голоса: обращение «красавица» было из них самым безобидным. Смысл этих реплик Джерри не всегда мог точно уловить, но все вокруг смеялись. Потом кто-то попытался ущипнуть ее за грудь, и тут уж Джерри встал и подошел к ее столику. Он отнюдь не был бесстрашным героем, в глубине души он считал, что как раз наоборот, но сейчас ему пришло в голову: ведь на ее месте могла быть Кэт… Он разозлился. Одной рукой хлопнул по плечу маленького официанта, который попытался ее облапить, а другой – огромного мужчину, зааплодировавшего храбрости официанта, и объяснил им на своем ломаном итальянском, что он настоятельно рекомендует им перестать надоедать девушке и дать ей возможность спокойно поесть, А иначе он будет вынужден свернуть им их грязные шеи. После этого атмосфера отнюдь не стала более дружественной. Коротышка, казалось, рвался в бой, его рука то и дело тянулась к заднему карману брюк. Он даже порывался снять пиджак, пока наконец последний взгляд Джерри не заставил его отказаться от своего намерения. Уэстерби оставил на столе деньги, поднял с пола сумку и, взяв девушку под руку, повел ее через площадь в «Аполло».

«Вы англичанин?» – спросила она по дороге. «До мозга костей», – свирепо фыркнул Джерри и тут в первый раз увидел, как она улыбнулась. Ради такой улыбки определенно стоило потрудиться: все ее худенькое личико светилось изнутри, как иногда освещается от радости чумазая физиономия мальчишки-оборвыша.

Потом, немного поостыв, Джерри накормил ее, а когда окончательно успокоился, разговорился, потому что после всех этих недель, когда ему не с кем било словом перемолвиться, было совершенно естественно отвести душу. Он объяснил девушке, что сам он – газетчик, репортер, сейчас не у дел и пишет роман, что это его первый опыт, хотя ему всегда хотелось писать, что его капиталы понемногу тают – те деньги, которые газета заплатила ему при увольнении по сокращению штатов. Что само по себе звучит забавно, добавил он, потому что всю свою жизнь он был вне штата и общества.

Это было что-то вроде щедрого прощального подарка, продолжался рассказ. Кое-что из этих денег он потратил на покупку дома, кое-что прожил в свое удовольствие, и теперь осталось совсем немного. И тут она улыбнулась во второй раз. Ободренный, он слегка затронул тему о том, на какую жизнь обрекает человека творчества О Господи, ты и представить себе не можешь, как приходится попотеть, чтобы все, что хочешь, к а к с л е д у е т выразить с л о в а м и, чтобы оно хорошо легло на бумагу, это такое дело…

«А как насчет жен?» – спросила она, перебивая его. На мгновение он подумал, что она говорит о романе. Потом увидел ее ждущий, подозрительный взгляд, поэтому ответил осторожно: «В настоящее время действующих нет» (как будто жены – это вулканы). Хотя, впрочем, в жизни Джерри так все и было. После обеда, когда они немного отяжелевшие, под жгучими лучами солнца, не спеша шли через пустынную площадь, девушка сделала первое и последнее заявление о своих намерениях.

«Все, что у меня есть, – в этой сумке, ясно? – спросила она. – И я решила, что так оно всегда и будет. Поэтому мне не нужно, чтобы кто-нибудь давал мне что-нибудь, что не уместится в эту сумку. Ясно?»

Когда они пришли на автобусную остановку, она осталась с ним и слонялась поблизости, а когда пришел автобус, влезла за Джерри следом и разрешила ему купить билет. В деревушке они вместе вышли из автобуса и побрели вверх по склону холма: Джерри тащил свой мешок с книгами, девушка – сумку. Вот так все и было. Она спала почти не просыпаясь три дня и три ночи, а на четвертую пришла к нему. Школяр был настолько не готов к этому, что даже дверь спальни оказалась запертой: у него был небольшой пунктик насчет дверей и окон (особенно ночью). Поэтому Сиротке пришлось колотить по двери и кричать: «Я хочу к тебе, в твою чертову постель, ради всего святого!» – прежде чем он открыл ей.

«Только никогда не ври мне, – предупредила она, забираясь к нему, как будто они собирались посекретничать перед сном, словно ученики в школе-пансионе. – Никаких слов, никакой неправды. Ясно?»

В любви она была как бабочка. Как китаянка, подумалось ему. Невесомая, словно перышко, все время в движении, ни минуты покоя. И такая беззащитная, что ему становилось страшно. Когда появились светлячки, они оба устроились на коленях на диване у окна и наблюдали за ними. Джерри думал о Востоке. Пронзительно стрекотали цикады, надрывались лягушки, и огоньки светлячков сближались и расходились в густой темноте за окном, а они – обнаженные – стояли на коленях целый час или даже больше, всматриваясь и слушая, пока яркая луна не скрылась за грядой холмов. Они не произносили ни слова, не принимали никаких решений. Но запирать дверь в свою комнату он перестал.

Музыка прекратилась, грохот от отбивания мяса тоже, начался перезвон церковных колоколов – звонили к вечерней службе. Долина никогда не замолкала совсем, но сегодня, казалось, колокола звучали громче Он неторопливо подошел к шесту с привязанным к нему мячом, отвел мяч в сторону и отпустил, потом несколько раз ткнул носком ботинка в траву у основания шеста, вспоминая, как летала ее гибкая маленькая фигурка в развевающемся платье, похожем на монашеское одеяние, отбивая один удар за другим.

«Опекун» – одно из главных кодовых слов, сказали ему когда-то. «Опекун» означает возвращение, дорогу назад. Еще мгновение Джерри колебался, глядя вниз, на голубую долину, где, мерцая, бежала та самая дорога – прямая как стрела; дорога, которая вела прямиком к городу и аэропорту.

Джерри не считая себя человеком, склонным к долгим размышлениям. В детстве он постоянно слышал разглагольствования отца, и это показало ему, чего стоят великие замыслы, а заодно и громкие слова. Возможно, именно это с самого начала и сблизило их с девушкой, подумал он. Ведь именно об этом она говорила: «Не давай мне ничего, что не уместится в мою сумку».

Может быть. А может быть, и нет. Она найдет кого-нибудь другого. Так всегда бывает.

П о р а, – подумал он. – Деньги кончились, роман не выходит, девушка слишком молода для меня. Ну, давай. Пора, время пришло".

Время чего?

П о р а ! Пора ей найти себе юного крепкого парня, вместо того чтобы отбирать последние силы у старика. Пора разрешить себе снова почувствовать охоту к перемене мест: пора снимать лагерь, поднимать верблюдов. В путь! Джерри приходилось поступать так не раз и не два. Разбиваешь палатку, живешь какое-то время, потом идешь дальше: извини, подруга.

Это приказ, напомнил он себе. Рассуждать нам не положено. Звучит труба, отряд строится. Спор окончен. О п е к у н.

И тем не менее странно, «Я чувствовал, что это вот-вот произойдет». – думал он, глядя на долину, где уже почти ничего нельзя было различить. Никаких таких великих предчувствий,

никакой этой чепухи: просто – да, он ощущал, что час приближается. Время пришло. Но вместо того чтобы почувствовать прилив бодрости и радости, он ощутил, что его охватывает вялость. Ему вдруг показалось, что он слишком устал, слишком растолстел, слишком вялый и сонный и никогда уже не сможет пошевельнуться. Он мог бы лечь прямо здесь, где стоял. Он мог бы спать на этой жесткой траве, пока его не разбудят или пока не наступит конец света.

Глупости, – сказал он сам себе. – Самые настоящие глупости". Вынув телеграмму из кармана, он бодро зашагал к дому.

– Эй, малышка! Старушка! Где ты прячешься? У меня новости, и не слишком приятные. – Он протянул ей телеграмму. – Из города греха, обреченного на гибель, – сказал он и отошел к окну, чтобы не видеть, как она будет читать.

Он подождал, пока не услышал шороха бумаги, упавшей на стол. Джерри повернулся. Теперь не сделать этого было просто нельзя. Девушка ничего не сказала, но обхватила себя руками, спрятав ладони под мышками. Ее жесты иногда бывали громче и выразительнее любых слов. Он видел, как беспокойно мечутся пальцы, стараясь найти что-нибудь, за что можно ухватиться.

– Почему бы тебе не перебраться на некоторое время к Бесс? – предложил он. – Старушка Бесс будет рада принять тебя. Она очень хорошо к тебе относится. Ты можешь жить там, сколько захочешь, она будет только рада.

Сиротка по-прежнему стояла, обхватив себя руками. Джерри ушел в деревню послать телеграмму. А когда он вернулся, девушка уже достала его костюм – тот самый, синий, над которым она всегда смеялась и который называла тюрем-

ной робой, – но сама она при этом дрожала всем телом. Лицо ее побледнело. Она выглядела совершенно больной, как в тот день, когда он замуровал ос в гнезде. Когда Уэстерби попытался поцеловать ее, она была холодна как мрамор. Ночью они спали вместе, и это было еще хуже, чем спать одному.

Матушка Стефано сообщила новости во время обеда, вскоре после полудня. От волнения у нее даже голос дрожал. Достопочтенный Школяр уехал, объявила она. Он был в костюме. И взял с собой саквояж, пишущую машинку и мешок с книгами. Франко отвез его в аэропорт на своем фургоне. Сиротка уехала с ним, но вышла у поворота на автостраду. Она не попрощалась: села у дороги, как шваль какая-нибудь, что, впрочем, так и есть. После этого Школяр некоторое время ничего не говорил и был погружен в свои мысли. Он совсем не обращал внимания на хитрые и ехидные вопросы Франко и все время теребил прядь волос надо лбом – синьора Сандерс как-то сказала, что у него волосы цвета перца с солью. В аэропорт они приехали за час до отлета и, чтобы убить время, распили вместе бутылочку и сыграли партию в домино. Но когда Франко попытался заломить непомерную цену за то, что привез его. Школяр проявил неожиданную прижимистость и жесткость и наконец-то начал торговаться, как настоящий богач.

Почтмейстерша сказала, что узнала все это от Франко, своего задушевного друга. Франко, которого злые языки называют педерастом. Разве она не защищала его всегда – неотразимого Франко, отца своего слабоумного сына? Конечно, у них бывало всякое – у кого не бывает ссор? – но пусть ей назовут, если смогут, более честного, трудолюбивого, элегантного и более шикарно одетого мужчину во всей долине, чем Франко, ее друг и любовник!

Школяр уехал домой за своим наследством, сказала она.

Лошадь Джорджа Смайли

«Только с Джорджем Смайли могло такое случиться, – говорил Родди Мартиндейл, толстяк-острослов из Министерства иностранных дел, – стать капитаном потерпевшего крушение корабля. И только Смайли, – добавлял он, – мог все еще больше усложнить, именно тогда решив расстаться со своей не всегда безгрешной красавицей женой».

На первый (и даже на второй) взгляд, Смайли не слишком подходил и для своего нового поста, и для роли мужа красавицы, как не преминул отметить Мартиндейл. Джордж был невысокий, толстый; при столкновении с мелочами жизни проявлял редкостную неприспособленность и неумение заставить считаться с собой. Природная застенчивость время от времени приводила к тому, что он вдруг начинал изъясняться высокопарно. И для людей вроде Мартиндейла, не привыкших быть на втором плане, его стремление не привлекать к себе внимания служило постоянным укором.

К тому же Смайли был близорук. В первые дни после катастрофы он, в круглых очках и традиционно унылом для чиновников костюме, наводящем на мысль о похоронах, в сопровождении верного помощника Питера Гиллема ходил по самым незаметным тропам в джунглях Уайтхолла, где на каждом шагу земля под ногами может обернуться трясиной.

В любое время дня и ночи он склонялся над заваленным бумагами столом в обшарпанном кабинете, который здесь называли «тронным залом», расположенном на шестом этаже мрачного, похожего на мавзолей особняка на площади Кембридж-серкус. В этом здании он теперь был самым главным начальником, но, увидев его, можно было подумать, что это ему, а не русскому шпиону Хейдону больше подходит словечко «крот» из жаргона профессиональных разведчиков. После бесконечно длинного рабочего дня в этом здании со множеством коридоров и мрачных склепоподобных комнат мешки под глазами у Смайли выглядели как настоящие синяки. Он редко улыбался, хотя чувство юмора ему было отнюдь не чуждо, и частенько простое усилие, которое требовалось для того, чтобы подняться со стула, казалось, оставляло его без сил. Приведя себя в вертикальное положение, он, слегка приоткрыв рот, застывал на мгновение и, прежде чем двигаться дальше, издавал негромкое пыхтение: «уу-х-х-х».

У Джорджа была еще одна привычка – иногда, задумавшись, он рассеянно протирал очки широким концом галстука, и в этот момент его лицо было таким щемяще беззащитным, что одна из секретарш, принадлежавшая к высшей касте секретарского сословия – на здешнем жаргоне этих дам называли мамашами, – признавалась, что не раз испытывала почти непреодолимый порыв (за которым ученые психиатры, конечно, усмотрели бы Бог знает что). Ей хотелось броситься и заслонить его от всех бед, избавить от той неподъемной ноши, которую он взвалил на свои плечи и, судя по всему, был полон решимости донести до конца.

«Джордж Смайли не просто чистит эти конюшни, – заметил как-то все тот же Родди Мартиндейл, обедая с друзьями в ресторане клуба „Гаррик". – Он еще и пытается затащить на себе лошадей на вершину холма. Ха-ха-ха».

В других слухах, распространяемых главным образом ведомствами, претендовавшими на то, чтобы стать преемниками возглавляемой Смайли службы, особенно теми, чьи позиции сильно пошатнулись, отношение к его трудам было гораздо менее почтительным.

«Джордж держится благодаря своему былому авторитету, – говорили они несколько месяцев спустя после его назначения. – С разоблачением Билла Хейдона ему просто повезло. И вообще, – говорили они, – Хейдона удалось разоблачить только с подачи американцев – благодаря полученной от них информации. А Джордж имел минимальное отношение к этой мастерски спланированной операции: заслуга по праву должна принадлежать Кузенам, но они дипломатично предпочли остаться в тени». «Нет-нет, – говорили другие, – это голландцы. Голландцы разгадали шифр Московского Центра и поделились своим открытием с англичанами через сотрудника, осуществляющего связь между родственными службами двух стран: спросите у Родди Мартиндейла – а Мартиндейл, конечно же, авторитет во всем, что касается Цирка и профессионал в распространении дезинформации о нем». Все эти разговоры повторялись снова и снова, а Смайли все это время, казалось, забыв обо всем и ни на что не обращая

внимания, молча продолжал заниматься своим делом и одновременно расстался с женой.

В это трудно было поверить.

Все были потрясены.

Мартиндейл, который за всю свою жизнь не любил ни одной женщины, чувствовал себя особенно оскорбленным. Обедая в «Гаррике», он раздувал это событие до невероятных размеров.

«Как он посмел! Он – абсолютное ничтожество, а она – наполовину С о у л и ! Это невозможно объяснить, это какой-то патологический инстинкт глубин его подсознания. Жестокость чистейшей воды, я вам скажу. После того, как он много лет мирился с ее абсолютно естественным и здоровым стремлением время от времени поразвлечься – уж можете поверить, он сам толкал ее на это, – что делает этот жалкий пигмей? Разворачивается на сто восемьдесят градусов и поистине с наполеоновской безжалостностью наносит ей удар! Это неслыханный скандал! Я готов сказать всем и каждому: это неслыханно! Я человек достаточно терпимый и, смею думать, знающий жизнь, но Смайли зашел слишком далеко. Да, слишком».

На этот раз, как иногда бывало, Мартиндейл ничего не путал. Факты были очевидны для всех. Когда Хейдона не стало и на прошлом был поставлен крест, супруги Смайли помирились, и воссоединившаяся пара, даже с некоторой торжественностью, снова въехала в свой небольшой домик в Челси, на Байуотер-стрит. Они стали появляться в обществе: выходили в свет, устраивали у себя небольшие, соответствующие новому назначению Джорджа приемы. На них бывали «кузены», иногда – кто-нибудь из парламентских заместителей министров, другие люди, имеющие вес в близких к правительству кругах. Все уходили с их обедов сытыми и довольными. В течение месяца-другого эта пара благодаря своей неординарности даже приобрела некоторую популярность в узком кругу высших государственных чиновников. Это продолжалось до тех пор, пока вдруг, к явному конфузу своей жены, Джордж Смайли не покинул ее и не устроился по-походному в полупустой чердачной комнатушке за своим «тронным залом» в Цирке. Вскоре мрачная атмосфера этого здания, казалось, наложила неизгладимый отпечаток на его лицо – так тюремная пыль въедается в кожу заключенного. А в это время Энн Смайли томилась в Челси, с трудом привыкая к новой и непривычной для нее роли брошенной жены.

«Жертвенность, – говорили те, кто знал. – Монашеское воздержание. Джордж – святой. В е г о – т о годы!»

"Чушь, – резко возражали люди вроде Мартиндейла. – Жертвенность во имя чего? Что там осталось, в этом наводящем уныние чудовищном здании из красного кирпича, что могло бы потребовать такого самопожертвования? Что в о о б щ е осталось на этом поганом Уайтхолле или даже, Господи прости, во всей этой поганой А н г л и и, что могло бы требовать таких жертв в наше время?

«Работа», – говорили те, кто знал.

«Но к а к а я работа? – визгливо возражали эти самозванные доброжелатели, наблюдавшие за тем, что происходит в Цирке, обмениваясь обрывками информации. Что он там делает, если три четверти сотрудников уволены? У него ведь никого не осталось, кроме нескольких стариков, чтобы было кому принести чаю. Ведь все агентурные сети засвечены и превратились в прах. Все резидентуры за рубежом законсервированы, спецфонд (финансирование операций Цирка) заморожен Министерством финансов, и на всем Уайтхолле и во всем Вашингтоне нет ни единого человека, которого он мог бы назвать своим другом. Если, конечно, не считать этого самоуверенного выскочку и зануду Лейкона из аппарата кабинета министров. Он-то всегда готов защищать Смайли до последнего – каждый раз, когда представляется случай. И неудивительно, что Лейкон сражается за него: что же ему еще остается? Ведь Цирк – основа влияния Лейкона. Без Цирка он стал бы (да, пожалуй, уже стал) – выхолощенным жеребцом – кастратом, лишенным реальной силы. Так что же удивляться, что Лейкон готов за Смайли в огонь и воду?»

«Это неслыханно, – раздраженно заявил Мартиндейл, расправляясь с копченым угрем, а потом с пирогом с начинкой из мяса и почек, запивая все это красным вином из погребов клуба, которое в очередной раз подорожало. – Я готов это сказать всем и каждому».

Между обитателями Уайтхолла и обитателями тасканской деревушки иногда на удивление много общего.

Время шло, но слухи не утихали. Наоборот, они множились, а затворническая жизнь Смайли, считавшаяся проявлением одержимости, лишь подкрепляла и расцвечивала их.

Вспомнили, что Билл Хейдон был не просто коллегой Джорджа, но и двоюродным братом Энн. Ярость, которую Смайли испытывал к Хейдону, говорили все, не прекратилась со смертью последнего: он готов был буквально плясать на его могиле. Так, например, Джордж сам надзирал за тем, как освобождали легендарную «комнату-башню» Хейдона, с окнами

на Чаринг-Кросс-роуд, как уничтожали всякое напоминание о нем: от бесстрастных, собственноручно написанных маслом картин до последних мелочей, оставшихся в ящиках письменного стола. Даже письменный стол Смайли приказал распилить и сжечь. А когда и это было сделано, утверждали рассказчики, он вызвал рабочих из обслуги Цирка и приказал им разобрать перегородки. «Вот это да», – сказал, услышав об этом, Мартиндейл.

Или возьмите другой пример – уж он-то кого угодно выбьет из колеи. Фотография, висящая на стене унылого «тронного зала» Смайли. Судя по ее виду, она была сделана для паспорта, но увеличена во много раз по сравнению с оригиналом, из-за чего стала зернистой и, как утверждали некоторые, имела призрачно-потусторонний вид. Один из молодых сотрудников Министерства финансов заметил ее во время совещания, на котором обсуждался вопрос о ликвидации банковских счетов для финансирования операций. «Послушай-ка, а это не портрет Босса?» – спросил он Питера, исключительно для того чтобы поддержать ничего не значащий светский разговор. Он спросил просто так, ничего особенного не имея в виду. Разве нельзя просто с п р о с и т ь ? Босс (других его имен пока еще никто не знал) был легендой этого учреждения. Он был наставником и советником Смайли на протяжении добрых тридцати лет. Говорили, что и хоронил его Смайли: ведь когда умирают те, чье имя окружает глубочайшая тайна, обычно их никто не оплакивает – все равно что тех, кто очень богат.

– Нет, черт побери, это совсем не Босс, – раздраженно ответил верный помощник и оруженосец Гиллем в свойственной ему небрежно-высокомерной манере. – Это Карла.

– Кто?

– Карла, мой дорогой, – это оперативный псевдоним одного из резидентов советской разведки, который когда-то завербовал Билла Хейдона, а потом курировал все, что тот делал.

«Да, это легенда совершенно иного рода, уж в этом можете быть уверены, – говорил Мартиндейл, весь дрожа от возбуждения. – Похоже, что мы имеем дело с настоящей вендеттой. Интересно, как далеко может зайти такая ребячливость?»

Даже Лейкона эта фотография немного тревожила.

– Скажи мне честно, Джордж, почему ты повесил ее здесь? – спросил он однажды тоном человека, не сомневающегося в том, что имеет право требовать ответа. Он зашел к Смайли как-то вечером по пути с работы. – Хотел бы я знать, что он для тебя значит. Ты над этим не задумывался? Тебе не кажется, что во всем этом есть что-то жуткое и зловещее? Кто он для тебя: победивший противник? Мне кажется, он должен нагонять уныние и отчаяние, злорадно глядя на тебя с высоты?

– Видишь ли, Билл ведь у м е р, – ответил Смайли в том лапидарном, иногда появляющемся у него стиле, давая не сам ответ, а ключ к ответу.

– Ты хочешь сказать, что Билл умер, а Карла жив? – развил его мысль Лейкон. – Ты предпочитаешь иметь не мертвого, но живого врага? Ты это хочешь сказать?

Но со Смайли иногда бывало, что в какой-то момент он словно переставал слышать вопросы, обращенные к нему, более того, говорили коллеги, возникало ощущение, что задавать их – просто дурной тон.

Случай, который дал уайтхолльским любителям посплетничать кое о чем посущественнее, касался «хорьков» – так называли специалистов по подслушивающим устройствам и защите от них. Никто и нигде не мог припомнить более вопиющего случая «фаворитизма». Г о с п о д и Б о ж е, до какой же наглости доходят иногда эти рыцари плаща и кинжала! Мартиндейл, который целый год ждал, когда же наконец проверят е г о кабинет, даже направил жалобу заместителю министра. Написал ее от руки, не доверив секретарше. Лично заместителю министра, чтобы никто, кроме него, не вскрыл конверт. То же самое сделал его «брат во Христе» в Министерстве обороны, и примерно то же – Хаммер из Казначейства (Министерство финансов Великобритании). Правда, Хаммер либо забыл, либо передумал отправлять записку в последний момент. И дело было вовсе не в том, кому и чему отдается приоритет, совсем нет. И даже не в принципе. Речь шла о д е н ь г а х. О г о с у д а р с т в е н н ы х деньгах. Казначейство к тому времени (по настоянию Джорджа) уже оплатило установку новой проводки в половине помещений Цирка. Судя по всему, его паранойя по поводу подслушивания не знала границ. Добавьте к этому, что «хорьков» было меньше, чем положено по штату, много ставок пустовало. У них даже случались трудовые конфликты из-за того, что им приходится работать сверхурочно, днем и ночью! Словом, как ни посмотреть, проблем множество. Вся ситуация была взрывоопасна – динамит, да и только!

И что же произошло? Мартиндейл был готов рассказывать об этом кому угодно: все подробности были у него наготове, в аккуратно наманикюренных пальчиках: Джордж отправился к Лейкону в четверг, в тот самый день, когда стояла чудовищная жара, – помните? – когда казалось, что еще немного – и о т д а ш ь Б о г у д у ш у. Даже в клубе «Гаррик» духота была невыносимой. А уж к ближайшей субботе – можете себе п р е д с т а в и т ь, какую сверхурочную работу это означало! – уже к субботе эти злодеи «хорьки» заполнили все здание Цирка, своим шумом приводя соседей в ярость, как будто бы разбирая все по кирпичику. Более в о п и ю щ е г о случая необоснованного попустительства не было с тех самых пор, как Смайли, наперекор всякому здравому смыслу, разрешили снова взять в Цирк эту любезную его сердцу свихнувшуюся старую каргу, эксперта по России Конни Сейшес, которая когда-то преподавала в Оксфорде и которую у них называли «мамашей», хотя она таковой вовсе не являлась.

Ненавязчиво – или, точнее сказать, со всей ненавязчивостью, на которую он был способен, – Мартиндейл попытался разузнать, действительно ли «хорьки» нашли что-нибудь, но натолкнулся на глухую стену. В мире тайных служб информация – это деньги, и, по крайней мере, с этой точки зрения Родди Мартиндейл был нищим, хотя возможно он не осознавал этого. Потому что в святая святых тайны, известной лишь посвященным, были допущены считанные единицы избранных. Действительно, в тот четверг Смайли нанес визит Лейкону в его отделанном деревом кабинете с видом на Сент-Джеймский парк; верно и то, что день был необычайно жарким для осени. Лучи солнечного света падали на ковер, на котором была изображена какая-то жанровая сцена, и в этих лучах были видны пылинки, словно маленькие тропические рыбки плавающие в воздухе. Лейкон даже снял пиджак, хотя, конечно, остался при галстуке.

– Конни Сейшес тут кое-что просчитала и покумекала относительно почерка Карлы, – объявил Смайли.

– П о ч е р к а ? – эхом отозвался Лейкон, как будто наличие почерка – противоречило правилам.

– Профессиональных методов. Приемов, которые характерны для Карлы. Складывается впечатление, что везде, где это было возможно, он использовал и «кротов», и подслушивающие устройства в тандеме.

– А теперь, если можно, Джордж, то же самое еще раз, но по-английски.

– Там, где позволяли обстоятельства, – продолжил Смайли, – Карла любил подкреплять операции, осуществлявшиеся его внедренными агентами, установкой подслушивающих устройств. – И хотя Смайли был уверен, что в стенах здания не было сказано ничего, что могло бы раскрыть какие-то «нынешние планы», как он их назвал, само предположение, что такие устройства существуют, и мысль о возможных последствиях внушали беспокойство.

В этой связи Лейкону стали лучше понятны действия Смайли.

– А эта умозрительная теория подтверждается чем-нибудь более осязаемым? – спросил он, испытующе вглядываясь в непроницаемое лицо Смайли. Он смотрел на него, оторвав взгляд от карандаша.

– Мы провели инвентаризацию нашей подслушивающей аппаратуры, – признался, наморщив лоб, Смайли. – Не хватает довольно большого количества техники, предназначенной для использования в помещениях. По всей вероятности, большая часть исчезла во время переделки здания в шестьдесят шестом.

Лейкон молчал, всем своим видом показывая, что ждет продолжения.

– Хейдон входил в комитет по строительству, который отвечал за ход работ, – закончил Смайли, выложив последний припасенный аргумент. – По сути дела, он был главным инициатором всего этого. И если… Короче говоря, если это каким-то образом дойдет до Кузенов, я думаю, это будет последней каплей, которая переполнит чашу.

Лейкон был человек умный и понимал, что сейчас, когда все они из кожи вон лезли, чтобы успокоить и задобрить Кузенов, ни в коем случае нельзя было допустить, чтобы у них появилась новая причина для недовольства. Их гнева нужно было избежать любой ценой. Если бы все зависело только от его желания, он бы приказал «хорькам» выехать на место в тот же день. Компромиссным решением была суббота, и, не посоветовавшись ни с кем, он отправил туда всю команду из двенадцати человек, в двух серых фургонах с надписью: «Санитарная служба. Дезинфекция».

Да, они действительно разобрали все по кирпичику, отсюда и пошли нелепые слухи о ликвидации комнаты-башни. «Хорьки» были в дурном расположении духа из-за того, что им пришлось работать в выходные дни, и, возможно, поэтому действовали более шумно и менее аккуратно, чем следовало. Из оплаты за сверхурочные с них вычитали возмутительно высокие налоги. Но настроение изменилось довольно быстро, после того как уже с первого захода они обнаружили восемь подслушивающих устройств, причем именно такого типа, какой обычно применялся Цирком. Схема размещения, придуманная Хейдоном, оказалась своего рода шедевром. Лейкон согласился с этим, когда приехал, чтобы увидеть все собственными глазами. Один микрофон был установлен в ящике ничейного письменного стола, как будто его туда просто нечаянно положили и забыли – правда, стол-то этот находился в комнате шифровальщиков. Другой пылился наверху старого стального шкафа в зале заседаний на шестом этаже – на местном жаргоне в «комнате жарких споров». Е щ е один, с типичной для Хейдона изобретательностью, был пристроен за сливным бачком в мужской уборной, которой пользовались сотрудники высшего звена. А во время второго захода, проверив несущие стены, обнаружили еще три микрофона, вмонтированных прямо в стену. «Хорьки» сняли слой штукатурки, и провода открылись во всей своей красе: ну прямо детская игра в телефон! Конечно, "подслушка" уже некоторое время бездействовала (как и все остальные хейдоновские

устройства), но тем не менее они там были. Между прочим, настроены они были на частоты, которые Цирк никогда не использовал.

«Кроме всего прочего, делалось и функционировало это за счет Казначейства, – перебирая провода заметил Лейкон с самой кривой улыбкой, на какую был способен. – Не забыть бы сказать об этом брату Хаммеру. Его это позабавит».

Уэльсец Хаммер был самым заклятым врагом Лейкона.

Некоторое время спустя Смайли по совету Лейкона устроил небольшой спектакль. Он дал указание «хорькам» привести в рабочее состояние подслушивающие устройства в зале заседаний и настроить их на частоту одной из немногих оставшихся еще у Цирка машин наблюдения. Затем пригласил трех самых несговорчивых чиновников из Уайтхолла (в том числе Хаммера), которые мало что видели, кроме своих письменных столов, совершить автомобильную прогулку в районе здания Цирка и дал им возможность подслушать разыгранную заранее написанную сценку – разговор в зале заседаний. Сотрудники оказались на высоте: сыграно было как по нотам.

После чего Смайли сам заставил чиновников поклясться, что они будут хранить все, что услышали, в полной тайне, а для вящей убедительности заставил их подписать бумагу, которая была составлена «домоправителями» специально для того, чтобы внушить им должное почтение. Питер Гиллем считал, что с месяц чиновники, может, и продержатся не проговорившись.

«Или меньше, если не повезет», – добавил он кисло.

Можно было понять, что Мартиндейл и его коллеги по Уайтхоллу, не входившие в соприкосновение с ведомством Смайли, жили в состоянии первозданного неведения относительно реальностей его мира, но даже те, кто стоял ближе к трону, точно так же ощущали свою удаленность и обособленность от него. Чем ближе стояли люди, тем меньше был их круг, а в самый близкий входили единицы. Вступая в коричневые производящие мрачное впечатление двери Цирка и следуя через турникеты, охраняемые бдительными сотрудниками, Смайли ничуть не менялся и не сбрасывал с себя покров привычной скрытности. Иногда дверь в его скромный кабинет не открывалась несколько дней и ночей, и единственными людьми, с которыми общался Смайли, были Питер Гиллем и всегда находящийся поблизости черноглазый человек по имени Фон, его доверенный слуга, который во времена «выкуривания» Хейдона «опекал» Смайли вместе с Гиллемом. Иногда Джордж исчезал, кивнув на прощание и прихватив с собой Фона – незаметное тщедушное создание, – оставляя Гиллема отвечать на телефонные звонки и предоставляя ему право разыскивать начальство в случае срочной необходимости, «Мамаши» сравнивали его поведение с последними днями Босса, который стараниями Хейдона умер на боевом посту от разрыва сердца.

В силу естественных процессов, свойственных закрытым сообществам, здешний жаргон пополнился еще одним новым словом. Разоблачение Хейдона теперь называли " к р а х о м ", а история Цирка делилась на периоды до «краха» и после «краха». И физический крах, и упадок самого здания, опустевшего на три четверти, а после визита «хорьков» и совсем пребывавшего в полуразрушенном состоянии, придавал всем действиям Смайли какой-то мрачный оттенок обреченности. Всем, кому приходилось жить с этим ощущением, в грустные минуты душевного упадка оттенок казался символическим. Разрушая что-то, «хорьки» не наводят после себя порядок. Возможно, немногим оставшимся обитателям Цирка казалось, что то же самое можно сказать и про Карлу, чье пыльное изображение, повешенное их почти неуловимым шефом на гвоздик в полном теней спартанском «тронном зале», продолжало наблюдать за обитателями Цирка.

То немногое, что они знали, было ужасна. Такие обычные вещи, как, например, кадровые перестановки, приобретали устрашающие масштабы. Смайли должен был уволить засвеченных сотрудников, ликвидировать засвеченные резидентуры: например, сеть агентов бедняги Тафти Тесинджера в Гонконге, хотя до Гонконга из-за его довольно большой удаленности от полей сражений с Советами руки дополи не скоро. Из Уайтхолла, к которому подчиненные Смайли да и он сам относились с глубочайшим недоверием, до них доходили слухи о том, что их начальник ведет не совсем понятные и довольно ожесточенные споры об условиях увольнения бывших сотрудников и их устройстве в новой жизни. Было немало случаев (и бедняга Тафти Тесинджер и тут служил подходящим примером), когда Билл Хейдон умышленно способствовал выдвижению на неоправданно высокие посты тех, кто уже на чем-то погорел, – про них с уверенностью можно было сказать, что они не проявят никакой личной инициативы. А выходное пособие? Дать ли им то, что заслуживают на самом деле, или то, на что они могут рассчитывать в соответствии с той завышенной шкалой, по которой, проявив дьявольскую хитрость, их расставил на должности Билл Хейдон? Были и другие случаи, когда Хейдон, ради своей собственной безопасности, под надуманными предлогами увольнял людей. Платить ли им пенсию в полном размере? Могут ли они претендовать на восстановление в должности? Растерявшись от всех этих проблем, неопытные министры, вступившие в должность после недавних выборов, давали весьма решительные и столь же противоречивые указания. В результате перед Смайли прошла невеселая вереница сотрудников Цирка, мужчин и женщин, обманутых в своих ожиданиях. «Домоправители» получили строгий приказ: чтобы ни в коем случае, из соображений безопасности и, возможно, этики, ни один из этих вернувшихся в штаб-квартире не появлялся. Смайли заявил, что не потерпит, чтобы хотя бы мимолетно встречались те, кто обречен, и те, кто возвращается из опалы. Поэтому при поддержке Министерства финансов, на которую скрепя сердце согласился уэльсец Хаммер, «домоправители», арендовав в Блумсберри дом, открыли временную приемную под видом курсов иностранного языка. На дверях висела табличка: «Извините. Прием посетителей только по предварительной договоренности». В приемной работали четверо сотрудников бухгалтерии и отдела кадров. Конечно же, эту четверку сразу окрестили «группой Блумсберри», и все знали, что иногда Смайли считает своим долгом, улучив свободный часок, заглянуть туда и поговорить с людьми, лица которых зачастую были ему совершенно незнакомы. Он выражал им сочувствие и утешал – совсем как посетители, навещающие родственников или знакомых, оказавшихся в больнице. Когда Джордж был не в настроении, он мог не вымолвить ни слова за все время визита, предпочитая сидеть в уголке пыльной комнаты, загадочный и похожий на Будду.

Что заставляло его так делать? Что он искал? Что хотел услышать? Если им двигал гнев, то все они в те дни разделяли его. Нередко сотрудники Цирка собирались после долгого рабочего дня в зале заседаний и развлекали друг друга байками и сплетнями; но если вдруг случалось, что у кого-то нечаянно вырывалось имя Карлы или его «крота» Хейдона, на них нисходило молчание ангелов, и даже хитрющая старушенция Конни Сейшес, главный эксперт по России, не могла вывести их из этого оцепенения.

Еще более трогательно в глазах подчиненных Смайли выглядели его попытки спасти от гибели хоть какую-то часть агентурной сети. Не прошло и дня после ареста Хейдона, как перестали подавать признаки жизни все девять линий связей Цирка в Советском Союзе и Восточной Европе. Прервалась радиосвязь, прекратилось движение курьеров, и были все основания полагать, что если и сохранились верные Цирку агенты, то их взяли сразу же. Но Смайли отчаянно сопротивлялся, не желая согласиться с этим простым объяснением, точно так же, как он отказывался признать, что Карла и Московский Центр работают так эффективно, что полностью застрахованы от ошибок, не оставляют следов и потому неуязвимы, и что логика их безупречна. Он не давал покоя Лейкону, надоедал Кузенам в их просторных кабинетах во Флигеле на Гроувенор-сквер (Большая площадь в центральной части Лондона, на которой находится здание американского посольства), настаивая на том, чтобы продолжалось

наблюдение за радиочастотами агентов. Несмотря на яростные возражения Министерства иностранных дел и, в первую очередь, Родди Мартиндейла, он добился, чтобы в передачах Всемирной службы Би-би-си открытым текстом были переданы сообщения, содержащие условную фразу приказа всем оставшимся на свободе агентам немедленно вернуться в Англию. Как ни странно, постепенно, понемногу агенты начали подавать признаки жизни – и это было похоже на голоса с другой планеты, пробивавшиеся через огромные космические расстояния.

Сначала Кузены в лице своего всегда подозрительно бодро настроенного главы представительства Мартелло сообщили, что американская служба эвакуации по своим каналам переправляет двух английских агентов, мужчину и женщину, в известный курортный город Сочи на Черном море, а тихие и неприметные люди Мартелло готовят небольшую лодку для операции, которую они упорно называли не иначе, как «операцией по эксфильтрации». Судя по описанию, речь шла о Чураевых, ключевых фигурах агентурной сети под кодовым названием " С о з е р ц а н и е ", охватывавшей Грузию и Украину. Не дожидаясь разрешения Министерства финансов, Смайли извлек из пенсионного небытия некоего Роя Бланда – дородного, пышущего здоровьем мужчину, бывшего марксиста-диалектика, который когда-то был рядовым агентом, а потом куратором этой агентурной сети. Он передал под команду Бланда, сильно пострадавшего во время «краха», двух людей из службы охраны – «цепных псов», специалистов по России – де Силски и Каспара, которые тоже были «законсервированы» и которым тоже в свое время покровительствовал Билл Хейдон. Транспортный самолет Королевских ВВС был наготове, когда пришло донесение, что лодка обстреляна при выходе из залива, а двое агентов убиты. Операция по тайной эвакуации провалилась, сообщили Кузены. Чтобы выразить свое сочувствие, Мартелло лично сообщил об этом Смайли по телефону. Он был по-своему добрым человеком и, как и Смайли, принадлежал к людям старой школы. Была ночь, шел проливной дождь.

«Не принимай все слишком близко к сердцу, Джордж, – посоветовал он тоном доброго дядюшки. – Ты слышишь? Есть рядовые агенты, а есть руководители, место которых – в кабинете, за письменным столом. И мы с тобой должны сохранять эту дистанцию. Иначе сойдем с ума. Мы не можем впадать в отчаяние из-за каждого агента. Такова уж „генеральская доля“. Не забивай об этом».

Питер Гиллем, который во время этого телефонного разговора стоял рядом со Смайли, впоследствии клятвенно заверял, что Смайли никак особенно на сообщение не прореагировал, а уж Гиллем-то знал Смайли. Однако десять минут спустя обнаружилось, что тот ушел, и никто не заметил, как это произошло, просто его необъятный плащ исчез с гвоздя, на котором обычно висел. Джордж, насквозь промокший, вернулся, когда уже рассвело, а плащ по-прежнему был переброшен у него через руку. Переодевшись, он снова вернулся к письменному столу, но когда Гиллем, хоть его и не просили, на цыпочках подошел и принес чаю, он, к своему величайшему смущению, обнаружил, что начальник сидит за столом в неестественно-напряженной позе, перед ним старый томик немецкой поэзии; руки со сжатыми кулаками лежат по обе стороны от книги, а сам он молча плачет.

Бланд, Каспар и де Силски умоляли, чтобы их снова взяли в Цирк. Они ссылались на пример с малышом Тоби Эстерхейзи – венгром, которому каким-то образом разрешили вернуться, – и требовали, чтобы к ним отнеслись так же, – но безуспешно. От их услуг отказались, и больше о них никто и никогда не слышал. Одна несправедливость порождает другую. Хотя репутация «ветеранов» была подмочена, они могли бы еще пригодиться. Но Смайли об этом и слышать не хотел – ни тогда, ни потом; никогда. Именно в те дни они пережили самую низшую точку кризиса – первый период сразу же после «краха». Тогда и в самом Цирке, и вне его многие всерьез считали, что они стали свидетелями того, как перестало биться сердце британских секретных служб: они отдали Богу душу.

Но вдруг через несколько дней после этой катастрофы удача улыбнулась и подарила Смайли небольшое утешение. В Варшаве среди бела дня глава местной агентурной сети Цирка,

скрывавшийся от преследования, услышал условную фразу в сообщении Би-би-си и пришел прямиком в английское посольство. Благодаря энергичным усилиям Лейкона и Смайли его в тот же вечер под видом дипкурьера доставили самолетом в Лондон. Не совсем доверяя тому, что он рассказывал, Смайли передал этого человека «инквизиторам» Цирка, которые, за неимением других допрашиваемых, замучили его до полусмерти, но в результате объявили, что он чист. Агенту помогли обосноваться в Австралии.

Потом Смайли пришлось решать судьбу «засвеченных» агентов Цирка в самой Англии. Инстинкт подсказывал бросить все: надежные конспиративные квартиры, ставшие теперь абсолютно ненадежными; «ясли» в Саррате, где традиционно проходили инструктаж и подготовку агенты и новые сотрудники; отказаться от экспериментальной акустической лаборатории в Харлоу; от разведшколы в Аргилле, готовившей подрывников и радистов; от морской школы в устье реки Хелфорд, где бывшие моряки обучали своих подопечных искусству мореплавания на маленьких суденышках, от стратегического центра связи в Кентербери. Он даже готов был отказаться от «умников» (шифровальщиков), занимавшихся разгадыванием кодов противника.

– Надо ликвидировать все, – сказал Смайли Лейкону вовремя одного из визитов к нему.

– А что потом? – спросил Лейкон, опешив от ожесточенности нового начальника, которая стала гораздо заметнее после неудачи в Сочи.

– Начнем все сначала.

– Понятно, – ответил Лейкон, что, разумеется, означало, что ему ничего не понятно.

Перед Лейконом лежали бумаги из Министерства финансов с колонками цифр, и, разговаривая, он продолжал изучать их.

«Ясли» в Саррате по причинам, мне совершенно не понятным, проходит по бюджету в о е н н о г о ведомства, – задумчиво заметил он, – и не имеет никакого отношения к твоему спецфонду. За центр в Харлоу платит Министерство иностранных дел, и я уверен, они уже давным-давно забыли об этом. Аргилл – под крылышком у Министерства обороны, которое наверняка понятия не имеет о его существовании; объект в Кентербери принадлежит почтовому ведомству, а Хелфорд – Военно-морскому министерству. Думаю, тебе будет приятно услышать, что центр в Бате финансируется за счет Министерства иностранных дел, документ об этом шесть лет назад скрепил своей подписью не кто иной как Мартиндейл. Но следы этого события точно так же уже давным-давно изгладились из памяти должностных лиц. Так что все эти объекты есть не просят. Согласен?

– От них нет никакого проку, это мертвый груз, – продолжал настаивать Смайли. – И пока они существуют, мы ни за что не сможем создать ничего нового им на замену. Саррат давно полетел ко всем чертям, Хелфорд обречен, Аргилл – сплошное недоразумение. Что касается «умников» – дешифровальщиков, последние пять лет они почти полностью работали на Карлу.

– Говоря «Карла», ты имеешь в виду Московский Центр?

– Я имею в виду отдел, в котором служил Хейдон и еще полдюжины…

– Я прекрасно знаю, что ты имеешь в виду. Но я думаю, что разумнее и безопаснее, если ты не против, говорить о ведомствах. Таким образом мы избегаем двусмысленности и неловкости, которая возникает, если говорить о личностях. В конце концов, ведомства для того и н у ж н ы, разве не так? – Лейкон ритмично постукивал карандашом по столу. Наконец он поднял глаза и испытующе посмотрел на Смайли. – Ну ладно, Джордж, теперь т ы у нас главный садовник, тебе и решать, какие ветви у деревьев обрубать и какие корни корчевать. Мне страшно даже подумать, что могло бы произойти, если бы я позволил тебе помахать топором в м о е й части сада. Все эти объекты – это наш золотой запас, наш самый надежный капитал. Откажись мы от них – и они будут безвозвратно потеряны. Если захочешь (но потом, а не сейчас), ты сможешь реализовать их и купить себе что-нибудь получше. Видишь ли, нельзя

продавать, когда спрос па рынке низок. Нужно подождать момента, когда ты сможешь сделать это с выгодой.

Смайли с неохотой последовал его совету.

Однажды (как будто мало у него болела голова обо всех этих проблемах) наступил черный понедельник и пришло безрадостное утро. Аудиторская проверка Министерства финансов обнаружила серьезные нарушения в использовании спецфонда Цирка на протяжении пяти лет, предшествовавших его замораживанию после краха. Смайли пришлось устроить неофициальное разбирательство, во время которого пожилой сотрудник финансового отдела, которого вызвали, несмотря на то, что он был на пенсии, не выдержал и признался в постыдной страсти к девушке из канцелярии, сумевшей обвести его вокруг пальца. В приступе страшного раскаяния этот пожилой человек, вернувшись домой, повесился. Не послушавшись совета Гиллема, Смайли настоял на своем и пошел на похороны.

Факты говорят, что именно с этих безрадостных дней – по сути дела, буквально с первых недель пребывания на своем посту – Джордж Смайли начал готовиться к наступлению.

Плацдармом для него послужили: философское обоснование, теоретические изыскания и человеческий фактор. За что надо благодарить Сэма Коллинза, игрока до мозга костей.

Философское обоснование было простым. "Задача, которая стоит перед разведывательной службой, – твердо заявил Смайли, – состоит не в том, чтобы играть в игры с преследованием и погонями, а в том, чтобы обеспечивать своих клиентов разведывательной информацией. Если служба с этой задачей не справляется, клиенты найдут других, менее щепетильных поставщиков, или – что еще хуже – займутся любительством и самодеятельностью. А сама разведка завянет на корню. Если тебя с твоим товаром долго не видят на рынке Уайтхолла – в мире, где обитают твои клиенты: правительственные ведомства и учреждения, – это очень плохо для тебя. Еще хуже, если Цирк не будет работать, а значит, не будет приносить плодов этой работы. Тогда у него не будет товара, которым он мог бы обмениваться с Кузенами и с другими родственными разведслужбами. Не иметь товара означало бы не участвовать в общем торговом обороте, а не участвовать в нем означало бы выйти из игры и погибнуть.

Теория или о т п р а в н о й п у н к т теории Смайли состоял в том, как разведывательная служба может добывать ценную разведывательную информацию, не требуя вложения ресурсов. Это стало предметом обсуждения неофициального совещания в «комнате для споров» на второй месяц после восшествия Смайли на престол. В совещании помимо него самого принимал участие очень узкий круг приближенных, которые, можно сказать, составляли команду, пользующуюся его полным доверием. Их было всего пятеро. Сам Смайли; его правая рука и оруженосец Питер Гиллем; главный специалист по России толстуха Конни Сейшес, в просторных, ниспадающих складками одеждах; черноглазый Фон, верный и доверенный слуга, раздававший печенье и наливавший всем чай из медного русского самовара. Последним был Док ди Салис по прозвищу Безумный Иезуит, главный специалист Цирка по Китаю.

Когда Бог создал Конни Сейшес, – говорили острословы, ему захотелось отдохнуть, поэтому из остатков он слепил Дока ди Салиса. Он был маленьким неряшливым созданием, вечно не в духе, и больше походил на обезьянку Конни, чем на равного ей по положению коллегу. И вправду, все в нем выглядело как-то очень подозрительно и не внушало доверия, начиная с непослушно топорщащихся седых волос, доходивших до засаленного воротника, и кончая деформированными кончиками влажных пальцев, которые так и норовили схватить все, что попадалось под руку, – словно цыплята, клюющие все, что попадается им на глаза. Если бы Дока рисовал Бердслей, то он непременно изобразил бы его в виде мохнатой обезьянки, выглядывающей из-за Конни в ее необъятных размеров одеянии. При всем при этом ди Салис был известным ученым, видным востоковедом и к тому же немножко героем: во время войны он провел некоторое время в Китае, обращая местных жителей в христианскую веру и

одновременно вербуя агентов для Цирка, а также сидел в тюрьме в Шанчжи, куда его упрятали японцы. Вот эти люди и составляли команду Смайли – «группу пяти». Со временем она расширилась, но вначале именно эти пятеро, и только они, составляли легендарное кадровое ядро. Как говорил впоследствии ди Салис, принадлежать к этой «пятерке» было все равно что "иметь билет коммунистической партии с порядковым номером, выраженным однозначной цифрой.

Сначала выступил Смайли. Он проанализировал, что представляет собой Цирк после «краха». Его можно было сравнить с городом, отданным на растерзание армии мародеров. Смайли прошелся по всем закоулкам владений Цирка и безжалостно продемонстрировал, как, каким образом, а зачастую и когда Хейдон раскрывал их секреты своим советским хозяевам. Конечно, у Джорджа было важное преимущество: он сам допрашивал Хейдона и сам провел предварительное расследование, приведшее его к разоблачению русского шпиона. Эта дорога была ему хорошо знакома. Однако заключительная часть речи представляла собой своего рода о б р а з е ц трезвого и реалистического анализа, лишенного какого бы то ни было самообмана.

– У нас не должно быть иллюзий, – кратко закончил он. – Наша организация уже никогда не будет такой, как прежде. Она может стать лучше, но все равно она будет другой.

– Аминь, – ответили сотрудники, по-прежнему пребывая в печальном расположении духа.

«Странно, – думал Гиллем впоследствии, вспоминая об этом, – что все важные события тех первых месяцев происходили ночью». Зал заседаний был вытянут в длину, это была комната с выступающими стропилами и мансардными окнами, из которых не было видно ничего, кроме оранжевого ночного неба и целого леса ржавых радиоантенн, которые после войны никто не посчитал нужным убрать.

– О т п р а в н о й п у н к т моей теории, – продолжал Смайли, – состоит в том, что все вредительские действия Хейдона соответствовали полученным указаниям, а все указания исходили лично от Карлы.

Все это означало, что, давая инструкции Хейдону, Карла обнаруживал тем самым прорехи в информации, которой располагал Московский Центр. Приказывая Хейдону попридержать, скрыть или подтасовать некоторую информацию, полученную Цирком от своих агентов, Карла невольно показывал, какие свои секреты ему хотелось бы уберечь.

– И это означает, что мы можем сейчас проанализировать все, что он делал, и таким образом сориентироваться в том, что нам делать сейчас, – да, дорогой? – негромко проговорила Конни Сейшес, чье умение схватывать на лету, как всегда, позволило ей опередить всех остальных присутствующих.

– Совершенно верно, Конни. Именно это мы и можем сделать, – сурово ответил Смайли. – Мы можем проанализировать прошлое и понять, что нам делать сейчас. – И он стал развивать эту мысль, оставив Гиллема в еще большем недоумении. – Мы должны пройти шаг за шагом по тропе разрушения, тянувшейся за Хейдоном, – пройти по его следу. Проанализировать, не упуская ни малейшей детали, с какими документами он работал; снова собрать воедино всю разведывательную информацию, которую добросовестно поставляли агентурные сети Цирка Пусть, если нужно, на это уйдут недели кропотливой исследовательской работы. Затем мы должны сравнить результаты с той информацией, которую Хейдон поставлял на рынок Уайтхолла – клиентам Цирка, правительственным ведомствам. Тогда н а о с н о в е а н а л и з а п р о ш л о г о м ы с м о ж е м с о р и е н т и р о в а т ь с я в т о м, ч т о н а м д е л а т ь с е й ча с, и вычислить исходную точку Хейдона, а следовательно, и Карлы.

Как только благодаря анализу прошлых событий мы правильно сориентируемся, перед нами откроются удивительные возможности, и тогда Цирк сможет (хотя сейчас в это трудно поверить) перехватить инициативу, то есть Цирк сможет д е й ст в о в а т ь, а не просто р е а г и р о в а т ь на действия других.

Отправной пункт теории Смайли означал (как жизнерадостно охарактеризовала это впоследствии Конни Сейшес), что нужно будет «раскапывать из-под горы песка еще одну чертову гробницу какого-нибудь Тутанхамона, причем Джордж Смайли будет идти впереди с факелом и освещать дорогу, а мы, бедные трудяги, будем копать до потери сознания».

Конечно же, в тот день мысль о Джерри Уэстерби не пришла в голову этим великим стратегам, составлявшим план действий на будущее.

На следующий день они пошли в бой: внушительных размеров Конни – в своем углу, вечно всем недовольный маленький ди Салис – в своем. Как сказал ди Салис, гнусавя и всем своим тоном выражая величайшее неодобрение: «По крайней мере, теперь-то мы знаем, зачем мы здесь». Их команды архивных клерков с нездоровыми одутловатыми лицами поделили архив на две части. Конни и ее «специалистам по большевикам» отошли Россия и ее сателлиты. Ди Салису и его «специалистам по желтой опасности» – Китай и страны «третьего мира». Сообщения о странах, теоретически являвшихся союзниками, откладывались в особый ящик для анализа «на потом». Люди, как и сам Смайли, работали день и ночь, не обращая внимания на время. Жаловались работники столовой, грозили увольнением сотрудники охраны, но постепенно энергия высокого напряжения, которая питала архивокопателей, передалась и обслуживающему персоналу. Они перестали протестовать.

Между двумя командами возникло шутливое соперничество, которое выражалось в том, что они постоянно пытались поддеть друг друга. Под влиянием Конни мальчики и девочки, корпевшие над работой в задних комнатах и на лицах которых практически никто и никогда не видел улыбки, начали вышучивать друг друга на языке тех великих мира сего, деятельность которых они столь пристально изучали. «Цепные псы царизма и империализма» пили безвкусный кофе в компании «раскольников, уклонистов, шовинистов и сталинистов». Но заметнее других изменился, бесспорно, ди Салис: он буквально расцвел. Во время ночной работы он вдруг устраивал короткий, но бурный перерыв – играл в пинг-понг, бросая вызов всем, кто осмеливался его принять, и при этом прыгал и скакал вокруг стола, как энтомолог, охотящийся за редким экземпляром чешуекрылых.

Первые плоды трудов придали им новые силы. В течение месяца были подготовлены три доклада, разосланные в обстановке величайшей секретности тем, кого это касалось. Благосклонная оценка была получена даже со стороны скептически настроенных Кузенов, Еще месяц спустя краткое изложение их изысканий с непроизносимым заглавием " П р е д в а ри т е л ь н ы й д о к л а д о п р о б е л а х в р а з в е д д а н н ы х, к о т о р ы ми р а с п о л а г а е т С о в е т с к и й Союз, о т н о с и т е л ь н о в о з мо ж н о с т е й н а н е с е н и я у д а р а в о е н н о – м о р с к и м и с и л а м и Н А Т О п о в о з д у ш н ы м ц е л я м п р о т и в н и к а " удостоилось скупой похвалы со стороны начальства Мартелло – конторы в Лэнгли, штат Вирджиния, и телефонного звонка от самого Мартелло, который не скрывал своего восхищения.

«Джордж, я г о в о р и л этим парням, – кричал он так громко, что, казалось, мог обойтись и без телефона, – я им говорил: Цирк еще покажет, на что он способен! Но тогда они мне не верили! Не верили, черт побери!»

Тем временем Смайли, иногда прихватив для компании Гиллема, а иногда с молчаливо приглядывавшим за ним Фоном отправлялся в свои никому не понятные странствия и бродил где-то до тех пор, пока не валился с ног от усталости. Поскольку Смайли не находил того, что искал, он пускался в эти странствия снова и снова. И днем, а нередко и ночью, он прочесывал шаг за шагом прилегающие и более отдаленные от Лондона графства, расспрашивая бывших сотрудников и агентов Цирка, отправленных на покой.

В Чизуике, скромно пристроившись в конторе Бюро путешествий (услуги по сниженным ценам!), беседуя с бывшим польским кавалерийским полковником, а ныне клерком, в какой-то момент Смайли решил, что кое-что нащупал, но надежда как мираж растаяла в воздухе, как только он попытался приблизиться к ней. В городке Севеноукс, в маленьком комиссионном магазинчике, торгующем радиоприемниками, он разговаривал с судетским чехом. Показалось, что птица счастья совсем близко… Но когда они с Гиллемом поспешили в Лондон, чтобы найти подтверждение словам чеха, в архивах они обнаружили, что все остальные участники этих событий уже умерли и никто больше не подскажет, в каком направлении двигаться дальше.

В поисках все той же ускользающей надежды Смайли побывал на частном конном заводе в Ньюмаркете, где подвергся оскорблениям (что вызвало приступ почти бешеной ярости у Фона). Обидчиком был шотландец, человек весьма самоуверенный, не привыкший и не считающий необходимым сдерживаться; ему в свое время покровительствовал предшественник на посту Смайли – Аллелайн. Вернувшись к себе, Смайли затребовал нужные бумаги – и снова понял, что забрезживший было свет погас.

А ведь именно в этом состояло самое последнее, подразумевавшееся, но не высказанное вслух убеждение, входившее в отправной пункт. Именно о нем Смайли говорил на том совещании в «комнате для споров»: та ловушка, в которую загнал себя Хейдон, была не такой уж необычной. В конечном счете, к его разоблачению привело не то, что в документации не сходились концы с концами, не то, что он подтасовывал сообщения с мест, и не то, что он просто «терял» документы, которые ему мешали. Подвела его паника. Это произошло, когда Хейдон, подчинившись эмоциональному порыву, вмешался в осуществление конкретной операции. В ходе ее внезапно возникла настолько серьезная угроза ему самому или, возможно, какому-то другому агенту Карлы, что единственным возможным спасением, несмотря на риск, он посчитал приостановку действий. Найти повторение такой «зацепки» и желал Смайли. Ответ на этот вопрос пытались найти Смайли и его помощники, беседуя с теми, кто приходил в приемную в Блумсберри.

«Можете ли вы вспомнить за все время вашей работы в разведслужбе какой-либо случай, когда, по вашему мнению, вам не разрешили, без веских на то причин, продолжить осуществление операции так, как того требовали интересы дела и логика событий?»

Не кто иной, как Сэм Коллинз, с улыбкой записного щеголя с Миссисипи, в смокинге и с коричневой сигаретой в руке, осчастливил их своим присутствием и в ходе беседы на вышеизложенный вопрос ответил: «Пожалуй, да, старина, – могу.»

За вопросом, как и за исключительно важным ответом Сэма, четко просматривалась внушительная фигура мисс Конни Сейшес и ее настойчивые поиски «русского золота».

А за фигурой Конни на стене угадывалась вечно размытая фотография Карлы.

" К о н н и к о е – ч т о р а с к о п а л а, П и т е р, – как-то поздно вечером сказала она Гиллему шепотом по телефону. – О н а к о е – ч т о н а ш л а, и э т о в е р н о, к а к д в а ж д ы д в а ".

Это была отнюдь не первая ее находка, и даже не десятая, но изощренный инстинкт сразу же подсказал ей, что «это – вещь стоящая, дорогуша, попомни слова старушки Конни». Гиллем так и передал Смайли, а Смайли убрал все документы, запер их, расчистил стол и сказал: «Ну ладно, пусть войдет».

Конни была очень больная, крупная и умная женщина, дочь университетского преподавателя и сестра университетского преподавателя. Сама в каком-то смысле женщина не чуждая учености, известная среди ветеранов Цирка как «мать Россия». Согласно преданиям, Босс завербовал ее за игрой в бридж, когда она только начала выходить в свет, в тот самый вечер, когда Чемберлен (В 1937-1940 гг. премьер-министр Великобритании Н.Чемберлен

проводил курс на «умиротворение» фашистской Германии, надеясь избежать участия Англии в войне и направить агрессию против СССР) пообещал «мир на протяжении нашей жизни». Когда Хейдон вошел в силу (благодаря возвышению своего покровителя Аллелайна), одним из его первых (и самых разумных с точки зрения инстинкта самосохранения) шагов было отправить Конни на покой. Потому что Конни знала Московский Центр вдоль и поперек – лучше, чем многие из тех, как она их называла, презренных тварей, которые в поте лица трудились «на Россию». Ее осведомленность о личной армии «кротов» и вербовщиков Карлы всегда была ее особой гордостью. В былые годы не существовало ни одного советского перебежчика, отчет об информации которого не прошел бы через изуродованные артритом руки «матери России»; не было ни одной «подсадной утки» – сотрудника, которому удалось втереться в доверие к уже выявленному «охотнику за талантами», работающему на Карлу, которого она не проинструктировала бы во всех деталях о методах работы последнего; не было ни одного самого незначительного слуха на протяжении почти сорока лет, что она провела на боевом посту, который она не впитала бы всем своим раздираемым болью существом и который не оставила бы на хранение вместе со всем хламом, который держала в своей памяти в сжатом виде и который она не могла бы моментально извлечь оттуда при первой же необходимости. Голова у Конни, как сказал однажды Босс, притворно изображая отчаяние, была похожа на оборотную сторону огромного старого конверта, где что только не записывают для памяти. Когда ее отправили на пенсию, старуха уехала в Оксфорд и совсем исчезла из виду, словно провалилась в преисподню.

Когда Смайли разыскал и снова пригласил ее, единственным любимым занятием Конни осталось разгадывание кроссворда из газеты " Т а й м с ", а для того чтобы чувствовать себя комфортно, ей требовалось две бутылки в день. Но в ту ночь – в ту самую ночь, когда свершилось это историческое событие местного масштаба, – она гордо пронесла свое внушительных размеров тело по коридору шестого этажа по направлению к расположенному за комнатой секретаря кабинету Смайли. Она была щегольски одета в чистый серый балахон и умудрилась нарисовать пару розовых губок не очень далеко от контура своих собственных. Целый день она не пила ничего крепче отвратительных мятных сердечных капель, запах которых еще долго ощущался в коридоре после того, как она уже прошла. Сознание важности происходящего, как единодушно решили все впоследствии, уже тогда ясно читалось на ее лице. В руках Конни тащила тяжелую пластиковую сумку, в какие упаковывают покупки в магазине, – кожаных сумок она не признавала.

Тем временем в ее кабинете, на одном из нижних этажей, ее пес – дворняжка по имени Тоби – безутешно скулил под ее письменным столом, вызывая неподдельное возмущение работавшего в той же комнате ди Салиса. Он нередко украдкой пинал беднягу ногой, а в более благодушные моменты довольствовался тем, что излагал Конни множество кулинарных рецептов китайской кухни, позволяющих приготовить вкуснейшие блюда из собак. На улице, за окнами мансард впервые за много дней шел проливной дождь. Конни считала это (как она сама потом рассказывала) глубоко символичным. Капли дождя, расплющивая сухие листья, выбивали дробь по шиферной крыше. В комнате перед кабинетом Смайли «мамаши» как ни в чем не бывало продолжали заниматься своими делами – они уже давно привыкли к паломничествам Конни. Тем не менее относились они к ним весьма неодобрительно.

Д о р о г у ш и, – проворковала Конни, по-королевски помахав им расплывшейся рукой. – Какая верность! Какая п р е д а н н о с т ь ! "

Перед входом в «тронный зал» надо было спуститься на одну ступеньку вниз – непосвященные, несмотря на выцветшую от времени табличку, обычно спотыкались. Для Конни с ее артритом преодолеть эту ступеньку было все равно что спуститься по длинной лестнице, поэтому Гиллем поддерживал ее под руку.

Смайли, сцепив пухлые руки, наблюдал, как она торжественно извлекала из пластиковой сумки все, что принесла: не глаз тритона, и не палец задушенного новорожденного младенца

– это снова описание Гиллема, – а досье, целую кипу досье, разложенных в определенном порядке, – трофеи еще одного ее отчаянного рейда по архиву Московского Центра. В течение трех долгих лет благодаря Хейдону к нему никто не мог подобраться. Когда Конни вытаскивала все папки и разглаживала все записки, которые приколола к ним, словно флажки в этой бумажной гонке преследования, она улыбалась своей знаменитой безбрежной улыбкой – снова слова Гиллема – и бормотала: "А, вот ты где, маленький дьяволенок или: «А куда же т ы подевался, такой-сякой?» – обращаясь, разумеется, не к Смайли и не к Гиллему, а к самим документам. У Конни была манера считать все, что ее окружает, живым и потенциально добрым или злонамеренным, будь то ее собачка Тоби, или стул, который мешает ей пройти, или Московский Центр, или, наконец, сам Карла.

– А теперь, дорогие мои, разрешите вам кое-что показать. Я устрою для вас э к с к у р с и ю и стану вашим г и д о м, – объявила Конни. – Развлечение – в ы с ш и й сорт. Словно Пасха, когда мама прятала крашеные яйца по всему дому и посылала нас, девочек, искать их.

После этого в течение, наверное, часов трех, не меньше, с перерывами на кофе, бутерброды и еще что-то, чего они совсем не хотели, но мрачный Фон тем не менее приносил и ставил перед ними, Гиллем изо всех сил старался не потерять нить, следя за всеми изгибами и скачками, которые совершала мысль Конни во время этого необычного путешествия. Полет ее мысли, благодаря изысканиям, которые она провела после догадки, был поставлен на прочную основу фактов. Она выкладывала перед Смайли документы, словно раздавая карты перед игрой, швыряя их на стол своими морщинистыми руками и отбирая так быстро, что он едва успевал их прочитать. Все это время она продолжала бормотать какую-то абракадабру (Гиллем потом назвал это «заклинаниями шамана низкого пошиба»), как это обычно делают одержимые своими идеями архивокопатели.

В основе ее открытия, насколько смог понять Гиллем, лежала обнаруженная Конни " з о л о т а я ж и л а " – след денег из Московского Центра, а точнее, советская операция по отмыванию денег. С ее помощью тайно переводившиеся средства легализовались и могли использоваться открыто. Схема всей операции была еще не совсем ясна. Часть информации поступила от родственной службы в Израиле, часть – от Кузенов. Помог и Стив Мэкелвор, резидент в Париже (теперь его уже не было в живых). Из Парижа через банк Индокитая след вел на Восток. При Хейдоне все эти документы направлялись в Лондонское управление, осуществлявшее оперативное руководство. Вместе с рекомендациями аналитического отдела изучения Советского Союза бумаги положили под сукно.

«Потенциально опасно для в высшей степени ценного источника информации» – такую резолюцию наложил один из приспешников Хейдона, и на этом все закончилось.

– Подшить в дело и забыть, – бормотал Смайли, рассеянно переворачивая страницы. – Подшить и забыть, У нас всегда есть масса веских причин для того, чтобы ничего не делать.

За окнами весь мир спал крепким сном.

– С о в е р ш е н н о в е р н о, мой дорогой, – мягко, словно боялась разбудить его, подтвердила Конни.

К этому времени папки с досье и подшивками документов были разбросаны по всему «тронному залу». Все выглядело похожим скорее на катастрофу, чем на триумф. Еще около часа Гиллем и Конни сидели молча, глядя в пространство перед собой, а Смайли тем временем скрупулезно, шаг за шагом, повторил этот путь от начала до конца: на его лице застыло напряженное выражение. Он склонился над документами, придвинувшись к лампе, и ее резкий свет еще больше подчеркивал морщины на одутловатом лице; руки судорожно перебирали бумаги, время от времени он слюнявил палец. Раз или два Джордж поднимал глаза, чтобы взглянуть на Конни, или открывал рот, чтобы сказать что-то, но она опережала его мысли и отвечала на вопрос, прежде чем он успевал задать его. Мысленно она снова проделывала это путешествие бок о бок с ним.

Закончив, Смайли откинулся на спинку кресла, снял и протер очки. На этот раз не широким концом галстука, а совершенно новеньким шелковым носовым платком, который лежал в нагрудном кармане его черного пиджака по случаю того, что он провел почти весь этот день на встрече с Кузенами, пытаясь, как и на многих предыдущих раутах, преодолеть возникшее между службами отчуждение. Пока он протирал очки, Конни, лучезарно улыбаясь, взглянула на Гиллема и одними губами неслышно прошептала: " Н у р а з в е о н н е п р е л е с т ь ? " Это было ее любимое выражение. Она часто использовала его, когда говорила о своем шефе. Что доводило Гиллема буквально до белого каления.

Следующая фраза Смайли была похожа на не очень уверенное возражение.

– И все же. Кон, формально распоряжение о проведении расследования б ы л о послано Лондонским управлением нашему резиденту во Вьентьяне.

– Это произошло прежде, чем Билл успел помешать этому, – парировала она.

Как будто не услышав, Смайли взял одну из открытых папок и протянул ее через стол Конни.

– А Вьентьян п р и с л а л – т а к и довольно пространный ответ. Это все отражено в описи документов. Но я что-то его не вижу. Где он?

Конни даже не потрудилась взять в руки папку, которую он ей протягивал.

– Где? В м а ш и н е д л я у н и ч т о ж е н и я б у м а г, дорогой мой, – отбрила старуха и, очень довольная собой, снова лучезарно улыбнулась Гиллему.

Наступило утро. Гиллем обошел комнату, выключая свет. Ближе к вечеру того же дня он заглянул в один не привлекающий особого внимания игорный клуб в Вэст-Энде, где, бодрствуя каждую ночь (как того требовала избранная им профессия), Сэм Коллинз стойко переносил тяготы вынужденной отставки. Гиллем ожидал застать его у игрового стола и удивился, когда его провели в роскошный кабинет, на двери которого висела табличка «Управляющий». Сэм восседал за внушительных размеров столом, самодовольно улыбаясь сквозь дым своих любимых коричневых сигарет, одна из которых торчала у

него во рту.

– Черт возьми, Сэм, как тебе это удалось? – спросил Гиллем театральным шепотом, притворяясь, что испуганно оглядывается по сторонам. – Ты стал крестным отцом мафии? Господи, Боже правый!

– В этом вовсе не было необходимости, – ответил Сэм все с той же вульгарно-самодовольной улыбкой.

Накинув поверх смокинга плащ, Сэм провел Гиллема через запасный выход на улицу, где оба они сели на заднее сиденье такси. Все это время в душе Гиллем удивлялся этой новообретенной важности Сэма.

У каждого сотрудника разведки, занимающегося практической, а не бумажной работой, есть приемы, помогающие ему не выдавать своих эмоций. Сэм в таких случаях обычно улыбался, глубже затягиваясь сигаретой. Глаза его загорались неярким, словно отраженным светом и выражали чрезвычайную снисходительность. Он не отводил взгляда от собеседника. Всю свою сознательную жизнь Коллинз работал в Азии. Он был ветераном Цирка, за плечами у него было много лет практической работы: пять лет на Борнео, шесть – в Бирме, еще пять – в Северном Таиланде и последние три – в столице Лаоса Вьентьяне. Работал он всегда под «крышей», отчасти соответствовавшей его действительным занятиям – коммерсант широкого профиля. В Таиланде его пару раз пытались прижать и, чтобы заставить во всем признаться, допрашивали с пристрастием, но потом отпускали. Из Саравака ему приходилось убегать, в

чем был. Под настроение Сэм мог порассказать немало историй о своих странствиях среди северных горных племен Бирмы, но настроение у него бывало не часто.

Коллинз был одним из пострадавших из-за Хейдона. Пять лет назад блестящие успехи Сэма, которых он добивался, не прилагая никаких усилий, словно играючи, сделали его серьезным кандидатом на высокий пост с кабинетом на шестом этаже. Некоторые даже поговаривали, что речь шла о кресле главы Цирка, и добавляли, что Хейдон использовал весь свой авторитет, настояв на назначении Перси Аллелайна. Все это было абсолютно нелепо. И поэтому, вместо того чтобы вознестись на вершины власти, Сэм остался тянуть лямку внизу, до тех пор пока Хейдон не подстроил его отзыв и увольнение из-за якобы допущенной оплошности.

– Сэм! Как мило с твоей стороны! Садись, – сказал Смайли, всем своим видом излучая радушие. – Ты что-нибудь выпьешь? Как там по распорядку дня, что сейчас – утро? Может быть, тебе предложить завтрак?

В свое время Сэм, ошеломив всех, окончил Кембридж с самим лучшим результатом в своем выпуске. Этим он поставил в тупик преподавателей, которые до тех пор считали его чуть ли не идиотом. Впоследствии профессора утешали друг друга, говоря, что он добился такого результата исключительно благодаря своей памяти. Однако люди более практичные объясняли это совершенно иначе. По их словам, Сэм волочился за ничем не примечательной девушкой-дурнушкой, которая работала в комиссии по приему экзаменов на степень бакалавра, и что она в знак своего благорасположения помимо всего прочего заранее показала ему экзаменационные работы.

Замок пробуждается

Сначала Смайли немного позондировал почву, проверяя, чего стоит Сэм. И Сэм, который тоже был не прочь сыграть партию в покер, проверил, на что годится Смайли. Некоторые рядовые сотрудники разведки, особенно неглупые, испытывают своеобразную гордость оттого, что не знают и не хотят знать картины во всей ее полноте Искусство их работы состоит в том, чтобы умело справиться с отдельными деталями, они упрямо не желают идти дальше. Именно таких правил придерживался Сэм. Смайли заранее покопался в его досье и сейчас задал несколько вопросов, прощупывая по разным старым делам, в которых, судя по всему, все было нормально. Ответы Сэма давали представление о его настрое и насколько можно полагаться на его память.

Они разговаривали наедине. В присутствии других людей это была бы уже совсем другая игра: она могла быть более или менее трудной, но она была бы другой. Позже, когда он уже спросил о главном и оставалось задать только второстепенные вопросы, Смайли пригласил Конни, Дока ди Салиса и Гиллема. Но это было позже, а пока Смайли в одиночку пытался проникнуть в тайные мысли Сэма, тщательно скрывая от него тот факт, что вся документация по делу уничтожена и, поскольку Мэклвора уже нет в живых, Сэм – единственный свидетель некоторых исключительно важных событий.

– Скажи, пожалуйста, Сэм, не помнишь ли ты хоть что-нибудь, – спросил Смайли, когда, наконец, решил, что наступил подходящий момент, – о запросе отсюда, из Лондона, полученном однажды во Вьентьяне, относительно неких денежных сумм, переводившихся туда из Парижа? Это был обычный стандартный запрос, поручавший провести «расследование на месте – по возможности, не разглашая, кто в нем заинтересован, с целью подтвердить или опровергнуть имеющуюся информацию» – что-нибудь в этом роде. Не припоминаешь случайно чего-нибудь такого?

Перед ним лежал исписанный листок бумаги, и данный вопрос был лишь одним из многих. По ходу разговора Смайли делал какие-то пометки карандашом, не поднимая глаз на Сэма. Но точно так же, как мы слышим лучше, когда наши глаза закрыты, так и он, даже не глядя на

Сэма, почувствовал, как тот весь напрягся и превратился во внимание. Сэм немного вытянул ноги, скрестил их, движения его стали замедленными и очень плавными.

– Ежемесячные переводы в банк Индокитая, – сказал Сэм после приличествующей случаю паузы. – Изрядные суммы. Переводились с канадского зарубежного счета в парижском филиале этого банка. – Он назвал номер счета – Выплаты производились в последнюю пятницу каждого месяца. Начиная с января семьдесят третьего или около того. Не помню ли я? Еще как помню.

Смайли сразу же заметил, что Сэм настраивается на долгую игру. Он помнил все очень отчетливо, но информация, которую он сообщил, была весьма скупа: это было похоже не на откровенный ответ, а на дебют длинной шахматной партии.

Все еще склоняясь над бумагами, Смайли заметил:

– Сэм, не могли бы мы немного пройтись по основным фактам? Здесь, в досье, документы подшиты не совсем правильно, и возникают кое-какие вопросы. Я хотел бы, чтобы ты внес поправки и восстановил истину в том, что касается лично тебя.

– Разумеется, – согласился Сэм и с удовольствием затянулся коричневой сигаретой.

Он смотрел на руки Смайли и время от времени, нарочито небрежно и совсем не долго, – ему в глаза. А Смайли, в свою очередь, изо всех сил старался непредвзято судить о запутаннейших ситуациях из жизни рядового агента. Вполне вероятно, что Сэм попытается укрыть от его внимания что-нибудь совершенно не относящееся к делу. Например, возможно, он немного смошенничал и ввел Центр в заблуждение относительно того, как истратил казенные деньги, а теперь боится, что этот обман обнаружится.

Может быть, он составил свое донесение в Центр на основе фактов, высосанных из пальца, вместо того, чтобы действительно навести справки, возможно, рискуя при этом головой? В конце концов, Сэм был уже в том возрасте, когда оперативный сотрудник думает прежде всего о собственной шкуре. Или все было как раз наоборот: проводя свое расследование, Сэм копнул глубже, чем было санкционировано штаб-квартирой? Тогда, когда на него сильно надавили, вместо того чтобы сообшить, что у него нет никаких сведений, он составил донесение, полагаясь на непроверенные слухи. Может быть, он заключил какую-то не слишком благовидную сделку с местными Кузенами. Или местные службы безопасности начали его шантажировать – на жаргоне Саррата это называлось: «ангелы немножко поджарили его», – и Коллинз решил угодить и нашим и вашим, так чтобы спасти свою шкуру и продолжать радоваться жизни, при этом не потеряв пенсии, заработанной в Цирке. Чтобы понять, почему сейчас Сэм ведет себя так, а не иначе, Смайли должен был помнить обо всем этом и многом другом. Очень опасно пытаться судить о реальной жизни, сидя в кабинете за письменным столом.

Поэтому, по предложению Смайли, они «прошлись» по всем фактам.

Запрос из Лондона о проведении оперативного расследования на месте, сказал Сэм, поступил в обычной форме. Старина Мак показал его Сэму, до того как он получил назначение в Париж. Мак был связным сотрудников Цирка в английском посольстве во Вьентьяне. Они встретились вечером на одной из конспиративных квартир. Все шло как обычно, хотя с самого начала стало ясно, что речь идет о русских. Сэм даже вспомнил, что он уже тогда сказал Маку: «Лондон, должно быть, думает, что это деньги из спецфонда Московского Центра», потому что вместе с другими пометками в начале шифровки он заметил перед текстом сообщения кодовое название аналитического отдела Цирка по вопросам изучения Советского Союза. (Про себя Смайли отметил, что Маку вовсе не следовало показывать Сэму эту шифровку.) Сэм также вспомнил, что сказал Мак в ответ на его замечание: «Вот уж чего им не стоило делать, так это выгонять старушку Конни Сейшес». Сэм от всей души с ним согласился. Вообще-то, по словам Сэма, выполнить это задание было довольно несложно. У Коллинза в банке Индокитая был свой человек, снабжавший Сэма информацией, – хороший парень, назовем его Джонни.

– Это зафиксировано здесь, Сэм? – вежливо поинтересовался Смайли.

«Допрашиваемый» уклонился от прямого ответа, и Смайли вполне понимал его нежелание распространяться об этом. Еще не родился такой оперативный сотрудник, который сообщал бы о всех своих информаторах. Точно так же, как иллюзионисты всеми силами стараются сохранить свои секреты, оперативные сотрудники – хотя и по другим причинам – всегда по природе своей стремятся сохранить в тайне имена своих «добровольных помощников».

– Джонни – очень надежный источник, – убежденно сказал Сэм. – Он великолепно проявил себя в нескольких операциях, связанных с торговлей оружием и наркотиками, и я готов поручиться за него перед кем угодно.

– А-а, так ты и этими делами занимался тоже – да, Сэм? – произнес Смайли с уважением.

Вот как, Сэм подрабатывал на стороне, помогая местному бюро по борьбе с наркотиками, отметил про себя Смайли. Немало оперативных сотрудников занималось этим, многие – даже с согласия штаб-квартиры: в их мире это было чем-то вроде реализации промышленных отходов, а также источником небольшого дополнительного дохода. В этом не было ничего особенного, но Смайли взял эту информацию на заметку.

– Джонни был парень что надо, – повторил Сэм. – Интонация говорила о том, что он не потерпит возражений.

– Ничуть не сомневаюсь, – все так же вежливо откликнулся Смайли.

Сэм продолжил. Он заглянул к Джонни в банк Индокитая и рассказал ему кое-что, чтобы тот не очень распространялся о поручении. Через несколько дней скромным служащий Джонни покопался в банковских книгах и обнаружил записи о переводах. Вот так в руках Сэма оказалось первое звено цепочки.

– Обычно все происходило так, – продолжал Сэм. – В последнюю пятницу каждого месяца из Парижа на имя мсье Делассю, проживающего в отеле «Кондор» во Вьентьяне, по телексу приходил денежный перевод, который выплачивался предъявителю паспорта, номер которого был указан. – И Сэм снова легко и без усилий назвал все номера. – Банк высылал извещение в понедельник, с утра пораньше. Делассю там появлялся, получал деньги наличными, укладывал их в кейс и удалялся. На этом все и заканчивалось.

– И сколько?

– Началось с небольших сумм, но они быстро выросли. Потом продолжали расти. Потом снова еще немного подросли.

– И на чем же остановились?

– Двадцать пять тысяч американских долларов крупными купюрами, – ответил Сэм без малейшей заминки.

Смайли поднял брови.

– В месяц? – спросил он, всем своим видом показывая удивление.

– Игра шла крупная, – согласился Сэм и погрузился вмолчание, которое не торопился прерывать.

Есть какая-то особая напряженность в умных людях, интеллектуальные способности которых оказываются востребованными не полностью. Иногда случается, что они просто не в состоянии контролировать проявление своих эмоций. И в этом смысле под ярким светом прожекторов они гораздо уязвимее своих глупых коллег.

– Ты сравниваешь, насколько все, что я говорю, совпадает с досье, старина? – спросил Сэм.

– Я ни с чем не сравниваю то, о чем ты говоришь, Сэм. Ты же знаешь, как все бывает в такие времена, как сейчас. Хватаешься за соломинку, прислушиваешься ко всему, что ветер принесет.

– Это точно, – промолвил сочувственно Сэм.

После того, как они обменялись взглядами, выражающими взаимное доверие, Коллинз снова возобновил свой рассказ.

Итак, Сэм проверил отель «Кондор». Один тамошний портье был постоянным источником информации вспомогательного характера – на кого он только не работал. Делассю не жил в отеле, но администратор, не смущаясь, признался, что за небольшое вознаграждение разрешил ему использовать адрес для получения корреспонденции. Случилось так, что следующий понедельник оказался как раз первым понедельником после последней пятницы месяца. С помощью Джонни Сэм поболтался под разными предлогами в банке и сумел великолепно рассмотреть этого самого мсье Делассю, когда тот вошел в банк, предъявил свой французский паспорт, пересчитал деньги, уложил их в кейс и вернулся к поджидавшему его такси.

Вообще такси, как объяснил Сэм, были во Вьентьяне редкостью. Каждый, кто хоть что-нибудь значил, имел машину с шофером, поэтому можно предположить, что Делассю не хотел называться кем-то, кто что-нибудь значит.

– Вот так все и было – заключил Сэм с интересом наблюдая за продолжавшим писать Смайли.

– Да, вот так-то.

Как и его предшественник Босс, Смайли никогда не использовал блокнотов: только отдельные листы бумаги. Он писал на стекле, которое Фон тщательно протирал дважды в день.

– Ну как: совпадает с досье или есть отклонения?

– Я бы сказал, что ты идешь прямо по курсу, Сэм, – ответил начальник. – Что мне доставляет истинное удовольствие – так это детали. Ты же знаешь, какие у нас бывают досье.

В тот же вечер Сэм снова тайно встретился со своим непосредственным начальником Маком. Он внимательно, не торопясь перебрал архив фотографий тамошних русских, и ему удалось опознать в Делассю не слишком привлекательные черты второго секретаря советского посольства по вопросам торговли, человека с военной выправкой, лет пятидесяти с гаком, не судимого, чьи полное имя и фамилия были известны, но совершенно непроизносимы, и потому в дипломатических кругах его знали как торгпреда Бориса.

Сэм, разумеется, отлично помнил все его непроизносимые имена. Он продиктовал их Смайли достаточно медленно, чтобы тот мог записать печатными буквами.

– Ну как, записал? – спросил Коллинз, всем своим видом выражая готовность помочь.

– Да, спасибо, записал.

– Что, кто-то потерял картотеку в автобусе?

– Вот именно, – подтвердил Смайли, усмехнувшись.

Когда месяц спустя снова наступил понедельник, продолжал Сэм, он решил действовать осторожно. Поэтому, вместо того чтобы самому следовать за торгпредом Борисом, он поручил сделать это своим двум подручным из местных, специализировавшимся на слежке.

Лаосские мальчики сработали филигранно. На дереве ни один листочек не пошелохнулся: никого не спугнули, а с Цирком их связать никому бы и в голову не пришло.

– Они работали на нас?

– Три года, верой и правдой, – подтвердил Сэм, – И здорово работали, просто великолепно, – добавил он. В нем заговорил оперативный сотрудник, для которого все его гуси-подчиненные – настоящие лебеди.

Именно эти ребята и проследили маршрут кейса во время его следующего путешествия. Такси – на этот раз уже другое, не то, что месяц назад, – повозило Бориса по городу и через полчаса высадило неподалеку от главной площади, поблизости от Банка Индокитая. Торгпред Борис немного прошелся, нырнул в местный банк и положил деньги, сразу всю сумму, на один счет в этом банке.

– Вот так-то. – Сэм зажег новую сигарету, даже не стараясь скрыть недоумения по поводу того, что Смайли заставляет его так долго и нудно пересказывать дело, столь полноотраженное в документах.

– Вот уж и вправду так-то, – пробормотал Смайли, усердно продолжая записывать.

Сэм мог считать, что миссия выполнена. Неопровержимые факты добыты. На некоторое время Коллинз затаился. Пыль улеглась, а в это время одна девушка из числа подчиненных, должна была нанести последний удар.

– Как ее звали?

Сэм сказал. Девушка из местных, не очень молоденькая, прошедшая подготовку в Саррате и работавшая под крышей той же торговой компании, что и он. Эта девушка (уже не первой молодости), зайдя в местный банк еще до Бориса, дождалась своей очереди, кстати стоя перед ним, и, подождав, пока он заполнит приходный ордер и все прочие бумаги, устроила небольшой спектакль.

– Как она это сделала, Сэм? – спросил Смайли.

– Потребовала, чтобы ее обслужили первой, – сказал Сэм с усмешкой. – А наш друг Борис, поскольку он совсем не был склонен уступить женщине, считал, что у него ничуть не меньше прав, и возражал. Они обменялись отнюдь не самыми лестными словами.

– Все это время приходный ордер лежал на стойке перед банковским служащим, – сказал Сэм, – и, разыгрывая сцену, помощница прочитала, что на нем написано: двадцать пять тысяч американских долларов на внешний счет какой-то богом забытой авиакомпании «Индочартер Вьентьян ЮА». За душой у которой только всего и было, что несколько латаных-перелатанных самолетов, металлический ангар, кипа почтовой бумаги с затейливым рисунком, молчаливая блондинка в конторе (слова не вытянешь!) и всегда готовый на любую авантюру пилот-мексиканец, из-за своего огромного роста известный в городе как Малыш Рикардо.

Слух у Смайли был так обострен, что он мог бы услышать, как падает с дерева лист. Но он услышал другое – если бы это можно было слышать: он услышал звук воздвигаемой стены. Смайли сразу же понял – по изменившемуся ритму речи, по тому, как голос Сэма стал немного напряженнее, по едва уловимому изменению позы и выражения лица, – все это говорило о том, что Сэм рассказывает нечто малозначительное и не заслуживающее внимания. Именно поэтому было понятно, что он приближается к самому главному.

Джордж мысленно заложил это место закладкой, решив вернуться к нему потом, а пока поговорить об этой небольшой авиакомпании.

– А-а, – сказал он небрежно, словно не придавая этому особого значения, – ты хочешь сказать, что еще раньше знал про эту компанию?

Сэм ограничился уклончивым: Вьентьян – это тебе не огромный город вроде Лондона.

– Но ты знал о ней? Вот что меня интересует.

– Во Вьентьяне все знали Малыша Рикардо, – ответил Сэм, ухмыляясь еще шире.

Смайли сразу понял, что Сэм хитрит. Но тем не менее решил ему подыграть.

– Расскажи мне про Рикардо, – попросил он.

– Это один из парней, которые работали на «Эйр Америка». Во Вьентьяне их было видимо-невидимо. Они участвовали в тайной войне в Лаосе.

– И проиграли ее, – сказал Смайли, снова записывая что-то.

– Однозначно, – согласился Сэм, наблюдая за тем, как Смайли откладывает в сторону один исписанный листок и берет другой из ящика письменного стола. – Рикардо был местной знаменитостью. Летал вместе с капитаном Рокки и его парнями. Говорят, они пару раз совершали увеселительные прогулки в провинцию Юнань по поручению Кузенов. Когда война закончилась, он немного поболтался без дела, а потом начал работать с китайцами. Между собой мы называли все эти компании «Эйр опиум». К тому времени, как Билл отозвал меня, они уже вполне встали на ноги.

И снова он сделал вид, что Сэму удалось его обмануть. Пока Сэм думает, что он ничего не заметил и ему удастся сбить его со следа, он будет говорить без умолку. А вот если он решит, что Смайли подбирается близко к его тщательно оберегаемому секрету, тогда он сразу же замолчит и из него слова клещами не вытянешь.

Поэтому Джордж снова что-то аккуратно записал на своем листочке, а потом добродушно продолжал:

– Отлично. А теперь, если можно, давай вернемся к тому, что ты сделал дальше, ладно? Мы знаем про деньги, мы знаем, кто их получает, мы знаем, через кого это делается. Как ты поступил, Сэм?

Ну, если память ему не изменяет, он выждал день или два, обдумывая ситуацию. Там были определенные н ю а н с ы, объяснил Сэм, на глазах обретая уверенность, были кое-какие мелкие детали. Во-первых, имел место Не Совсем Обычный Случай с Торгпредом Борисом. Борис, как Сэм уже сказал, считался настоящим русским дипломатом (если таковые вообще существуют). Сведений о его работе на какую-нибудь другую контору не было. Он разъезжал повсюду один, имел исключительное право подписи, когда речь шла об огромной сумме денег, а, как подсказывал Сэму его небольшой опыт, и то и другое говорило, что он работает «под крышей» и его официальная должность – только прикрытие.

– И не просто под крышей, а под суперкрышей, черт побери. Значит, он был большой шишкой и имел в своем распоряжении огромные деньги для оплаты услуг какого-то исключительно ценного агента, то есть имел звание не ниже полковника, а может быть, и повыше, так ведь? И о каких еще нюансах ты говорил, Сэм? – спросил Смайли, все еще держа Сэма на длинном поводке и не показывая, что он кое-что заподозрил, все еще не делая попыток приблизиться к тому, что было важным для Сэма.

– Эти деньги шли не по обычным каналам, – сказал Сэм. – Это были целевые выплаты. Так говорил Мак. Так думал я. Мы все так думали.

Смайли приподнял голову. Движения его стали еще более замедленными, чем раньше.

– Почему? – спросил он, глядя на Сэма в упор.

– У советской резидентуры во Вьентьяне было три банковских счета в разных банках. Кузены приглядывали за всеми. Так было уже на протяжении многих лет. Они знали о каждом центе, который снимали с этих счетов; более того, по номеру счета, с которого снимались деньги, они даже знали, на что они идут: на сбор информации или на подрывную работу. Там были свои курьеры, которые снимали деньги со счетов и передавали их кому следует, и существовала система трех подписей, если нужно было снимать со счета сумму больше тысячи баксов. Господи Боже мой, Джордж, ну что ты в самом деле – ведь все это есть в досье!

– Сэм, я хочу, чтобы ты вел себя так, как будто досье не существует, – очень серьезно ответил Смайли. Он продолжал писать. – Мы тебе все объясним, когда придет время. А до тех пор, пожалуйста, потерпи немного и не задавай вопросов.

– Хорошо, как скажешь, – откликнулся Сэм, переведя дух и почувствовав себя непринужденнее.

Смайли отметил: Сэм решил, что опасность прошла стороной и теперь у него под ногами твердая почва.

Тогда-то Джордж и предложил позвать старушку Конни и, возможно, Дока ди Салиса вместе послушать Сэма, Ведь Юго-Восточная Азия, в конце концов, его вотчина. С точки зрения тактики, Смайли был готов еще немного потянуть время, выжидая, когда наступит подходящий момент, чтобы заняться маленьким секретом Сэма; а с точки зрения стратегии, все то, что уже рассказал Сэм, представляло исключительный интерес. Поэтому Гиллема отправили за Конни и Доком, а Смайли тем временем устроил небольшой перерыв. Оба они, и Смайли, и Сэм, немного расслабились.

– Ну, как идут дела? – вежливо поинтересовался Сэм.

– Я бы сказал, мы переживаем н е к о т о р ы й спад, – признал Смайли. – А как ты? По работе не скучаешь?

– Это уж не Карла ли? – удивился Сэм, изучая фотографию на стене.

Голос Смайли вдруг зазвучал чопорно и неопределенно:

– Где? Ах, это… Да, это он. Боюсь, что сходство не очень большое, но лучшего у нас пока просто нет.

Слушая их, можно было подумать, что они обсуждают какую-то старинную акварель.

– Такое впечатление, будто ты вкладываешь в это что-то очень личное. Или нет? – раздумывал Сэм.

В этот момент в комнату один за другим вошли Гиллем, Конни и ди Салис. Гиллем шел первым. Маленький незаметный Фон, хотя в этом не было нужды, придерживал дверь.

Загадку временно отставили в сторону, и таким образом разговор превратился во что-то вроде военного совета: охота началась. Сначала Смайли кратко суммировал все, что рассказал Сэм, как бы между прочим подчеркнув, что они п р и т в о ря ю т с я, ведут себя так, как будто бы не существует никаких досье, что было завуалированным предупреждением для тех, кто к ним только что присоединился. Затем Сэм продолжил рассказ с того самого места, где остановился. С н ю а н с о в, небольших деталей, которые бросались в глаза, хотя, по его словам, на самом деле уже мало что оставалось несказанным. Выяснилось, что след ведет к компании «Индочартер Вьентьян ЮА». На этом он и оборвался, дело застопорилось.

– "Индочартер" – это компания, принадлежащая китайцам, проживающим за границей, – сказал Сэм, бросив взгляд на Дока ди Салиса. – Главным образом, китайцев родом из Сватоу.

При слове «Сватоу» у ди Салиса вырвалось восклицание, в котором слышались одновременно и смех, и рыдание.

– О, эти – хуже всего, – заявил он. Он хотел сказать, что они лучше других умеют хранить свои тайны.

– Это была компания, принадлежащая китайцам, – повторил Сэм еще раз. – Надо сказать, в сумасшедших домах Юго-Восточной Азии немало отличных оперативных работников, которые честно пытались разобраться, что же происходит с нелегальными денежками, попадающими в руки китайцев. Особенно китайцев из Сватоу или тех, кто проживает вне Китая, – которые, по сути дела, представляют собой совершенно особую народность и под контролем которых находятся монополии, производящие рис в Таиланде, Лаосе и еще нескольких местах. «Индочартер Вьентьян ЮА» – классический пример такого рода компаний, – вещал Сэм. Было очевидно, что крыша" коммерческой компании, под которой он работал, позволила ему довольно детально изучить этот вопрос, – Во-первых, это societe anonyme, акционерное общество, было зарегистрировано в Париже, – следовало продолжение. – Во-вторых, это societe, согласно информации, полученной из надежных источников, было собственностью зарубежной торговой компании шанхайских китайцев со штаб-квартирой в Маниле, которая, в свою очередь, принадлежала китайской компании,

зарегистрированной в Бангкоке. А она являлась вассалом гонконгской компании с совершенно непонятной структурой под названием «Чайна Эйрси», чьи акции котировались на тамошней фондовой бирже и которая владела самой разной собственностью – от флотилий джонок до цементных заводов, от скаковых лошадей до ресторанов. По тамошним стандартам торговый дом «Чайна Эйрси» был одной из самых надежных компаний, имевших многолетнюю историю и пользующихся хорошей репутацией. И вполне возможно, что единственное, что связывало «Индочартер» и «Чайна Эйрси», было то, что у чьего-то пятого старшего брата была тетя, которая ходила в школу вместе с одним из акционеров и была чем-то обязана ему.

Ди Салис еще раз энергично кивнул головой в знак одобрения. Сцепив пальцы нескладных рук, он резко опустил их на свое согнутое колено и подтянул его к подбородку.

Смайли сидел с закрытыми глазами, казалось, дремал. Но на самом деле он именно сейчас услышал то, что ожидал услышать: когда дело дошло до перечисления сотрудников «Индочартера», Коллинз из кожи вон лез, чтобы не привлечь внимания к какому-то одному человеку.

– Но мне казалось, ты упоминал, что в этой фирме помимо китайцев было двое сотрудников. – напомнил ему Смайли. – Ты говорил, какая-то неразговорчивая блондинка и пилот по имени Рикардо.

Сэм сразу же отмел напоминание как не заслуживающее внимания.

– Рикардо никто не принимал всерьез. Китайцы не доверили бы ему ни цента. Все более-менее важные дела решались в задней комнате. И если деньги получала эта компания, то именно там, в задней комнате, решалась их судьба и именно там исчезали их следы. Независимо от того, были то русские, опиумные или еще какие-нибудь деньги.

Ди Салис, который все это время слушал, изо всех сил дергая себя за мочку уха, сразу же поддержал Сэма:

– А потом эти деньги объявлялись где угодно – в Ванкувере, Амстердаме, Гонконге или еще где-нибудь, как того пожелает таинственный хозяин и где они понадобятся ему для каких-то сугубо китайских, непонятных для остальных людей целей, – заявил он и даже заерзал на стуле: видно было, что он чрезвычайно доволен собой и гордится своей проницательностью.

«Снова Сэм соскользнул с крючка», – подумал Смайли.

– Ну что ж, ладно, – проговорил он. – И как же дальше развивались события, Сэм? Как это виделось тебе лично?

– Лондон закрыл дело.

По наступившей мертвой тишине Сэм, должно быть, мгновенно понял, что он задел какой-то очень важный нерв. Об этом говорило все его поведение – жесты и мимика: он ни на кого не посмотрел, на лице не отразилось ни малейшего любопытства. Напротив, словно демонстрируя свою скромность, причем делая это несколько преувеличенно, он опустил глаза и начал сосредоточенно рассматривать свои хорошо начищенные вечерние туфли и со вкусом подобранные к элегантному смокингу носки, задумчиво попыхивая своей коричневой сигаретой.

– Когда же это произошло, Сэм? – спросил Смайли. Сэм назвал дату.

– Давай вернемся немного назад. Так, как будто документов не существует, ладно? Сколько Лондону было известно о твоем расследовании, о том, как оно продвигается? Расскажи нам об этом. Ты каждый день отправлял донесения о ходе расследования? Или, может быть, это делал Мак?

Если бы «мамаши» в соседней комнате в этот момент взорвали бомбу, рассказывал впоследствии Гиллем присутствующие все равно продолжали бы пожирать Сэма глазами.

– Ну конечно же я не новичок, – ответил Сэм с готовностью, словно потакая причудам Смайли. В оперативной работе он всегда руководствовался принципом «сначала – дело, потом

объяснения». – Мак тоже. Если действовать иначе, то очень скоро Лондон будет запрещать переходить улицу до тех пор, пока не поменяешь пеленки.

– Значит? – терпеливо, но настойчиво переспросил Смайли.

Это значит, что первое сообщение, которое они отправили в Лондон, было, можно сказать, последним. Мак подтвердил получение запроса о расследовании, коротко сообщил о том, что обнаружил Сэм, и запросил дальнейшие указания.

– А Лондон? Что сделал Лондон, Сэм?

Из Лондона Маку прислали немного истеричную, совершенно секретную срочную телеграмму, запрещая нам обоим заниматься дальше этим расследованием и требуя немедленно подтвердить, что я понял и подчинился приказу. По сути дела, они хорошенько шарахнули по нас ракетой, чтобы мы больше не занимались самодеятельностью.

Гиллем слушал, рассеянно рисуя что-то на листе бумаги: сначала цветочек, потом листики, потом капли дождя, которые падают на цветочек. Конни смотрела на Сэма сияющими глазами, как будто сегодня он был героем дня – женихом на свадьбе, – и ее глаза, похожие на глаза ребенка, от волнения были полны слез, готовых пролиться в любую минуту. Ди Салис, как обычно, ерзал на своем месте, пыхтя, как старый разводящий пары паровоз. Но и он не отводил взгляда от Сэма.

– Наверное, тебя это здорово разозлило? – спросил Смайли.

– Да нет, не очень.

– А тебе не хотелось довести дело до конца? Ведь ты уже немало разузнал.

– Ну, конечно, было досадно.

– Но ты все-таки подчинился приказу из Лондона?

– Я солдат, Джордж. Как и все оперативные работники.

– Очень похвально, – сказал Смайли, еще раз окинув взглядом Сэма, вольготно развалившегося в кресле, в хорошо сшитом смокинге, такого элегантного и уверенного в себе.

– Приказ есть приказ, – заметил Сэм, улыбаясь.

– Разумеется. А вот интересно, когда ты в конце концов вернулся в Лондон, – продолжал Смайли спокойно, словно размышляя, – и был на традиционной аудиенции у Билла, когда он жал тебе руку и благодарил за верную службу и говорил: «Добро пожаловать домой!», ты в разговоре с Биллом случайно не упомянул об этом деле, – ну так, между прочим?

– Да, я спросил у него, что же это он, черт возьми, делает, – подтвердил Сэм все с той же готовностью.

– А что Билл тебе на это ответил, Сэм?

– Свалил все на Кузенов. Сказал, что они занялись этим делом еще до нас. Сказал, что это их дело и их епархия.

– У тебя были какие-нибудь основания считать, что это действительно так?

– Конечно. Рикардо.

– Значит, ты догадался, что он работает на Кузенов?

– Он работал на них еще когда летал. Уже тогда он был у них на примете. Неудивительно, что его использовали и потом. Единственное, что им нужно было сделать, – это не выводить его из игры.

– Мне казалось, что мы пришли к единому мнению, что человека вроде Рикардо ни за что не допустили бы к серьезным делам этой фирмы?

– И тем не менее это не мешало им использовать его. Нет, Кузенов это не остановило бы. Дело все равно было в сфере их интересов, даже если Рикардо был никчемным человеком. В любом случае ситуация подпадала под пакт о разграничении сфер деятельности.

– Давай вернемся к тому моменту, когда Лондон запретил тебе продолжать расследование. Ты получил приказ прекратить все. Ты выполнил его. Но прежде, чем ты вернулся в Лондон, прошло какое-то время, так ведь? Не произошло ли какого-то развития событий?

– Я не совсем понимаю, что ты имеешь в виду, старина. И снова где-то в глубине сознания Смайли педантично отметил, что Сэм уклоняется от прямого ответа.

– Ну, например, тот приятель, Джонни, который работал на тебя в банке Индокитая. Ведь ваше сотрудничество наверняка продолжалось?

– Разумеется, – подтвердил Сэм.

– А Джонни случайно не упоминал в разговоре с тобой – ну, просто как о деле прошлом, – что стало с той «золотой жилой» после того, как ты получил телеграмму, запрещающую тебе продолжать расследование? Деньги поступали каждый месяц, как и раньше?

– Нет, все оборвалось. Париж прекратил денежные вливания. Ни «Индочартер», ни кто-либо другой денег больше не получали.

– А ранее не судимый торгпред Борис? Он по-прежнему живет припеваючи?

– Он уехал домой.

– Пора было?

– Он отработал три года.

– Но обычно они работают дольше.

– Особенно те, для кого посольство – лишь хорошая крыша, – согласился Смайли с улыбкой.

– А Рикардо? Тот самый безрассудный летчик-мексиканец, которого ты подозреваешь в сотрудничестве с Кузенами? Что стало с ним?

– Погиб, – сказал Сэм, все это время не спускавший со Смайли внимательного взгляда. – Разбился в авиакатастрофе на границе с Таиландом. Ребята говорили, что взял на борт слишком большой груз героина.

Когда Смайли поднажал, Сэм назвал и дату, когда это произошло.

– Сильно ли горевали о нем те, кто его знал? Завсегдатаи бара, так сказать?

Да нет, не очень. Большинство людей считали, что во Вьентьяне станет поспокойнее, когда там не будет Рикардо, который мог, например, выпустить в потолок все патроны из своего пистолета в «Белой Розе» или «У мадам Лулу».

– И где же можно было услышать такое мнение, Сэм?

– Ну, у Мориса, например.

– У Мориса?

– В отеле «Констеллейшн». Морис – владелец этого отеля.

– Понятно. Спасибо.

Здесь явно чего-то не хватало, но Смайли не склонен был искать это недостающее звено сейчас. Под пристальными взглядами Сэма, трех своих помощников и верного слуги Фона Смайли беспрестанно поправлял свои очки, пока наконец не сбил их окончательно; потом снова водрузил их на место и решительно положил руки на покрытый стеклом стол. Затем он заставил Сэма повторить весь свой рассказ еще раз, перепроверяя даты, имена и места событий, – делая все очень тщательно, как умеют опытные следователи, стараясь уловить своим тренированным ухом малейшие неточности, случайные расхождения и попытки что-то утаить, изменение тончайших нюансов – и, как было очевидно, не находя их. А Сэм, убаюканный чувством ложной безопасности, не сопротивлялся, наблюдая за всем этим с такой же отстраненной, ничего не выражающей улыбкой, с какой у себя в клубе он наблюдал за тем,

как ложатся карты на зеленое сукно игорного стола или как крутится колесо рулетки и белый шарик прыгает по нему, переходя из одного желобка в другой.

– Сэм, скажи пожалуйста, не мог бы ты устроить так, чтобы провести этот день здесь, у нас? – попросил Смайли, когда они снова остались вдвоем. – Фон устроит тебе какую-нибудь постель, и все такое прочее. Как ты думаешь, сможешь ты договориться об этом в клубе?

– О чем речь, дорогой, – великодушно согласился Сэм. И тогда Смайли сделал то, чем легко можно было вывести из душевного равновесия любого человека Вручив Сэму кипу журналов, он попросил по телефону, чтобы ему принесли личное досье Сэма. И, сидя напротив, в полном молчании от корки до корки прочитал все его тома.

– Оказывается, ты большой дамский угодник, – заметил наконец Смайли. За окном уже начали сгущаться сумерки.

– Бывает иногда, – подтвердил Сэм, все еще улыбаясь. – Бывает. – Но в его голосе ясно слышалась тревога.

Когда наступила ночь, Смайли отправил «мамаш» домой и отдал приказ «домоправителям» очистить архивы от всех «архивокопателей» самое позднее к восьми. Он не объяснил зачем. Он предоставил им возможность думать, что им заблагорассудится. Сэму приказали устроиться на ночь в комнате для совещаний, чтобы его можно было вызвать в любой момент, а Фону поручили составить ему компанию и приглядывать, чтобы не сбежал. Фон понял это указание буквально. Даже когда прошло немало времени и Сэм, казалось, задремал. Фон оставался на своем посту, свернувшись клубочком у порога, словно кот, ни на минуту не смыкая глаз.

Потом эта четверка – Конни, ди Салис, Смайли и Гиллем – закрылась в канцелярии и начала обещавшие быть долгими и нелегкими, требовавшими величайшей тщательности поиски документов. Сначала они попытались найти досье по операциям, которые, по правилам, должны были стоять в разделе Юго-Восточной Азии под датами, названными Сэмом. Таких карточек в каталоге не было, оперативных досье тоже не было, но это само по себе могло еще ничего не значить. Лондонское управление при Хейдоне имело обыкновение перехватывать оперативные документы и помещать их в свой сверхсекретный архив, к которому имел доступ очень ограниченный круг лиц. Поэтому четверка немало побродила по подвалу, в котором находился архив, – их шаги по коричневому линолеуму гулко отдавались под сводами, – прежде чем добралась до зарешеченной ниши – вроде преддверия к часовне, в которой нашли свой последний покой останки того, что раньше называлось архивом Лондонского управления. Карточек и документов снова не обнаружили.

«Ищите телеграммы», – приказал Смайли. Они проверили книги, в которых были подшиты все телеграммы оперативным сотрудникам и их ответы. В какой-то момент Гиллем был готов заподозрить Сэма во лжи, пока Конни не обнаружила, что страницы в журналах учета входящих и исходящих телеграмм за интересовавший их период были напечатаны на другой машинке – впоследствии выяснилось, что эту машинку «домоправители» приобрели полгода спустя после даты, которая стояла на напечатанной на ней описи.

«Ищите дубликаты», – приказал Смайли.

В Цирке всегда существовали дубликаты основных документов, которые архивный отдел заводил в том случае, если решалось, что оперативными бумагами будут часто пользоваться. Они хранились в папках, где листы не подшивались, и каждые полтора месяца составлялась их опись. После упорных поисков Конни удалось отыскать папку по Юго-Восточной Азии за полуторамесячный период сразу же после запроса Сэма о наведении справок в связи с обнаруженным следом, В папке не было никакого упоминания о подозрениях относительно

возможной советской «золотой жилы» и никакого упоминания о компании «Индочартер Вьентьян ЮА».

«Попробуйте ЛД», – сказал Смайли, используя сокращение, означавшее «личные досье». Он делал это очень редко – обычно терпеть не мог. Все перебрались в другой угол архива и перебрали карточки не одного ящика каталога в поисках личных досье – сначала на торгпреда Бориса, потом на Рикардо, потом на другие имена Малыша, считавшегося погибшим и упомянутого в первом донесении Сэма в Лондонское управление, которому была уготована такая незавидная участь. Время от времени Гиллема посылали наверх уточнить у Сэма какую-нибудь деталь. Гиллем заставал его за чтением журнала «Филд» с большим стаканом шотландского виски, из которого тот понемногу потягивал. Фон не спускал с него глаз и только время от времени, как позднее узнал Гиллем, позволял себе небольшую передышку, отжимаясь – сначала на костяшках рук, потом на кончиках пальцев. Они даже прикинули несколько вариантов произношения и написания имени Рикардо и проверили их по всему каталогу.

«А где у нас каталог по организациям?» – спросил Смайли.

Но на акционерное общество под названием «Индочартер Вьентьян» в каталоге организаций также не было никакой карточки.

«Посмотрите материал о переписке с Кузенами».

Все контакты с Кузенами во времена Хейдона осуществлялись исключительно через секретариат Лондонского управления по связи с родственными службами, который в силу совершенно очевидных причин был подчинен непосредственно Хейдону. В секретариате и хранились подшивки всей переписки с американским родственным ведомством.

Смайли и его помощники снова вернулись к нише, напоминающей преддверие к часовне, – и снова ничего. Питеру Гиллему эта ночь уже начинала казаться сверхъестественной и нереальной. Смайли почти не произносил ни слова. Его полное лицо словно окаменело. Конни в сильнейшем возбуждении забыла даже о болях, которые причинял ей артрит, и порхала от одной полки к другой, словно девочка-подросток на балу. Гиллем, который по характеру был отнюдь не склонен к копанию в бумажках, обреченно следовал за ней, стараясь не отставать от остальных, но втайне радуясь, что время от времени ему приходится бросать их и подниматься к Сэму.

«Мы нашли его, Джордж, дорогой мой. Теперь-то уж ему не уйти, – едва слышно бормотала Конни. – Теперь-то уж точно, как дважды два четыре, эта мерзкая жаба попалась».

Док ди Салис удалился в другую часть архива в поисках упоминаний китайских директоров компании «Индочартер» – удивительно, но Сэм все еще помнил и с трудом воспроизвел имена двух из них – сначала по-китайски, потом латинскими буквами и, наконец, так, как их обычно называли в китайскоязычном деловом мире.

Смайли сидел на стуле, изучая разные досье, словно читая в поезде – совершенно не обращая внимания на других пассажиров. Иногда он поднимал голову, но не слышал и не видел того, что происходит вокруг, – мыслями он был не здесь. Конни по собственной инициативе начала искать перекрестные ссылки на другие досье и каталоги, с которыми эти оперативные документы могли быть связаны. Существовали тематические каталоги по наемникам и летчикам, работающим по контрактам, не связанным с определенной компанией. Были и каталоги по методам, которые Московский Центр использовал для «отмывания» денег, предназначавшихся для оплаты агентов. Был даже целый трактат, который сама Конни написала много лет назад, о выплатах, которые шли нелегальной агентурной сети Карлы, функционировавшей независимо от основных, более или менее известных резидентур. Труднопроизносимые имена торгпреда Бориса не были включены в приложение. Были досье с основными сведениями по банку Индокитая и его связям с Московским народным банком, досье со статистическими данными о расширении масштабов деятельности Центра в Юго-Восточной Азии, досье по изучению вьентьянской резндентуры. Но количество отрицательных ответов

все росло, и, по мере того как их становилось все больше и больше, надежда таяла. До сих пор в поисках следов, оставленных Хейдоном, они еще нигде не сталкивались с таким систематическим и широкомасштабным заметанием следов. Это означало, что они нашли то, о чем и мечтать было трудно, – они нашли след, ориентир, который поможет им найти то, что искали.

След неуклонно вел на восток.

Только одна тоненькая ниточка, обнаруженная в ту ночь, тянулась к виновнику всего этого. Они наткнулись на нее уже где-то после рассвета, когда Гиллем почти засыпал. Откопала это доказательство Конни. Смайли молча положил его на стол, и они уставились на него при свете настольной лампы. Это было похоже на ниточку, ведущую к спрятанному сокровищу; скрепленная зажимом пачка бланков на уничтожение документов – всего немногим более десятка, на которых на средней строчке тонким черным фломастером было небрежно вписано кодовое имя того, кто давал на это разрешение. Обреченные на уничтожение досье с документами относились к «совершенно секретной переписке с Г/Флигеля» – то есть с Мартелло, главой управления Кузенов, который и сейчас занимал ту же должность, нынешним собратом Смайли. Причина уничтожения документов была та же, что и в телеграмме Хейдона Сэму Коллинзу, запрещающей продолжать расследование во Вьентяне «в силу опасности скомпрометировать чрезвычайно важную операцию, проводимую американскими коллегами». Кодовое имя, которым были подписаны бланки на уничтожение документов, принадлежало Хейдону.

Вернувшись наверх, Смайли еще раз пригласил Сэма в свой кабинет. На Сэме уже не было галстука-бабочки. Из-за щетины на щеках и подбородке, выделявшейся на фоне его белой рубашки, он выглядел далеко не таким элегантным.

Первым делом Смайли послал Фона за кофе. Он подождал, пока Фон принес кофе и удалился, потом налил две чашки, себе и Сэму, Сэму – с сахаром, себе – с сахарином. Потом он устроился в кресле рядом с Сэмом, чтобы стол не разделял их – чтобы показать Сэму, что он считает его своим.

– Сэм, я думаю, тебе следует рассказать мне немного об этой девушке, – сказал он очень мягко, как будто осторожно сообщая печальное известие. – Ты не стал говорить о ней из рыцарских побуждений?

Сэма эти слова, казалось, позабавили.

– Ты что, потерял все досье, старина? – спросил он также мягко, с выражением полного доверия, как могут говорить мужчины в совершенно неофициальной обстановке, где-нибудь в мужском туалете.

Иногда для того, чтобы тебе поверили и открыли что-то секретное, необходимо и самому поступить так же.

– Их потерял не я, а Билл, – ответил Смайли просто и без нажима.

Сэм впал в задумчивость. Сделал он это подчеркнуто картинно, словно наблюдая за собой со стороны. Загнув пальцы на руке – руке игрока, – он критически осмотрел свои ногти и неодобрительно покачал головой, увидев, что они не блещут чистотой.

– Этим клубом теперь уже почти не надо управлять, – задумчиво сказал он, – Признаться, он мне уже порядком наскучил. Деньги, деньги… Пожалуй, я уже созрел для перемен, пора заняться чем-нибудь посерьезнее, показать, на что я способен.

Смайли понял, к чему Сэм клонит, но он знал, что должен проявить твердость.

– Сэм, я совсем на мели. Я едва могу прокормить тех, кто на меня работает.

Коллинз в задумчивости отхлебнул из своей чашки, улыбаясь Смайли из-за струйки поднимавшегося пара.

– Кто она, Сэм? Что это за история? Сейчас абсолютно не имеет значения, насколько серьезен был твой проступок, как сильно ты нарушил правила. Все это дело прошлое. Я обещаю, что тебе ничего не будет.

Сэм встал, засунул руки в карманы, покачал головой и, как это мог бы сделать Джерри Уэстерби, начал кружить по комнате, разглядывая довольно странную и мрачную коллекцию на стенах: фотографию группы университетских преподавателей в мантиях; в рамке под стеклом написанное от руки письмо ныне покойного премьер-министра; все тот же портрет Карлы и много чего другого…

– Никогда не ставь сразу все свои фишки, – заметил Сэм, стоя так близко напротив фотографии Карлы, что от дыхания запотело стекло, – так мне когда-то говаривала моя старая матушка. – Никогда не отдавай так просто кому-нибудь все, что у тебя есть. Ведь мы так мало имеем в жизни. И расходовать это нужно бережно и расчетливо. А ведь игра-то продолжается, так ведь? – спросил он. Потом протер рукавом запотевшее стекло. – В этом вашем заведении довлеет ощущение голода. Я почувствовал это, как только вошел. Стол большой, сказал я себе, малыш сегодня обязательно чем-нибудь поживится.

Подойдя к столу, Сэм сел в кресло Смайли, как бы проверяя, насколько удобно в нем сидеть. Кресло поворачивалось вокруг своей оси и наклонялось вперед и назад. Сэм проверил и то и другое.

– Мне нужен бланк требования о розыске, – сказал он. – В правом верхнем ящике, – ответил Смайли, не сводя с Сэма глаз. Тот открыл ящик, достал тонкий желтый бланк и, положив его на стекло, приготовился писать.

В течение нескольких минут Сэм молча заполнял графы, время от времени останавливаясь, словно продумывая фразы до совершенства, затем снова продолжал.

– Позвони мне, если она объявится, – сказал он Смайли и, игриво помахав Карле, вышел.

Когда Коллинз ушел, Смайли взял со стола заполненную бумагу вызвал Гиллема и вручил ее, не говоря ни слова. На лестнице Гиллем остановился и прочитал, что же там было написано.

Элизабет, она же Лиззи, Уэрдингтон, она же Лиззи Рикардо, – это было написано на верхней строчке. Дальше шли детали: Возраст – около двадцати семи. Гражданство Великобритании. Семейное положение – замужем, информации о муже нет, девичья фамилия неизвестна, в 1972–73 годах была гражданской женой Малыша Рикардо, которого на настоящий момент нет в живых. Последнее местопребывания – Вьентьян, Лаос. Последнее известное место работы – секретарь – машинистка компании "Индочартер Вьентьян ЮА". До этого танцевала в ночном клубе (платная партнерша), торговала виски, была проституткой высокого класса.

Словно боясь нарушить установившиеся в последние дни правила, архив всего минуты через три выдал стандартный, наводящий уныние ответ: "Сожалеем, данное лицо в картотеке не значится". Вдобавок ко всему, «матушка»-распорядительница не согласилась с формулировкой «проститутка высокого класса». Она утверждала, что правильнее будет сказать: «проститутка высшей категории».

Любопытно, но Смайли ничуть не смутила скрытность Сэма, Он, казалось, спокойно принимал ее как неотъемлемую принадлежность профессии. Он запросил копии всех

сообщений, присланных Сэмом из Вьентьяна или откуда бы то ни было еше за последние десять с небольшим лет и которые уцелели после того, как Хейдон тщательно почистил архив. Получив документы, в свободные (если так можно сказать) часы Джордж перелистал их и, дав волю пытливому воображению, постарался представить себе, какими же тенями населен скрытый от постороннего глаза мир Сэма.

В этот критический момент расследования Смайли, как впоследствии единодушно утверждали все, кто об этом знал, продемонстрировал совершенно удивительное чувство такта. Другой, менее умный человек, мог бы сразу же броситься к Кузенам и потребовать, чтобы Мартелло в срочном порядке нашел американские документы, связанные с уничтоженными в Цирке, и предоставил ему возможность с ними ознакомиться. Но Смайли не хотел поднимать панику и показывать, что что-то случилось. Поэтому он решил действовать через своего самого скромного и неприметного помощника.

Молли Минин была хороша собой, всегда аккуратна и подтянута, возможно, немного замкнута и даже чуть-чуть казалась «синим чулком». Она не так давно окончила колледж, но уже считалась незаменимым сотрудником «старой гвардии» Цирка в силу того, что здесь работали ее брат и ее отец. Во время «краха» она проходила стажировку, у нее еще не закончился испытательный срок, и она работала в канцелярии – у нее, можно сказать, еще только резались молочные зубки. После всех событий она осталась в Цирке вместе с небольшим ядром сотрудников центральной конторы и даже получила, если, конечно, это можно так назвать, перевод с повышением в отделение контроля, откуда, если верить легендам и мифам Цирка, ни один мужчина, не говоря уже о женщине, «не возвращался живым». Но у Молли, должно быть, благодаря генам, было то, что среди людей этой профессии называлось врожденным инстинктом. Пока многие вокруг нее все еще обменивались впечатлениями и рассказывали друг другу забавные истории о том, что они делали и во что были одеты в тот момент, когда услышали об аресте Хейдона, Молли тихо и спокойно работала над созданием неофициального канала общения со своим коллегой, занимающим аналогичную должность у Кузенов на Гроувенор-сквер. Канал позволил бы действовать в обход тщательно продуманных оградительных процедур, введенных Кузенами после «краха».

В этом деле больше всего на руку Молли сыграла рутина. Обычно девушка бывала там по пятницам. Каждую пятницу она выпивала чашечку кофе с компьютерщиком Эдом или разговаривала о серьезной музыке с Мардж, его напарницей.

Иногда Молли оставалась, чтобы потанцевать или сыграть в шафлборд (Игра с передвижением деревянных кружочков по размеченной доске) или в кегли в «Сумеречном клубе» в подвале Флигеля. И в пятницу же, – разумеется, совершенно случайно – она прихватывала с собой небольшой списочек запросов о наведении справок о тех или иных интересующих ее людях. Даже если случалось, что в какой-то день не нужно было наводить справки ни о ком, Молли не ленилась придумать что-нибудь, чтобы не потерять этот канал. В одну из пятниц, по просьбе Смайли, Молли Минин включила в свой списочек имя Малыша Рикардо.

– Только, пожалуйста, Молли, он не должен привлекать к себе особого внимания, – обеспокоенно наставлял ее Смайли.

– Разумеется, – ответила Молли.

Чтобы напустить, как она это называла, туману, Молли выбрала еще десяток имен, начинающихся на "Р". Когда она дошла до Рикардо, выглядело это следующим образом; «Ричарде – под вопросом – или Рикнард – под вопросом – или Рикардо, профессия: учитель – под вопросом – или летчик-инструктор», – так, чтобы информация о Рикардо возникла лишь

как одна из возможных версий. Национальность: мексиканец – под вопросом – араб. Как бы между прочим она добавила информацию, что вообще-то он, возможно, уже умер.

Когда Молли вернулась в Цирк, наступил поздний вечер. Гиллем был совершенно на пределе. Когда тебе сорок, очень трудно проводить ночи без сна, решил он. В двадцать или в шестьдесят организм довольно легко переносит бессонницу: он уже знает, что к чему, а сорок – это все равно что подростковый возраст: подросток спит, чтобы повзрослеть, мужчина – чтобы оставаться молодым.

Молли было двадцать три. Она сразу же прошла в кабинет Смайли и села, держась, как всегда, очень прямо и подтянуто; ноги вместе, словно по стойке «смирно». Начала доставать что-то из своей сумочки под внимательным взглядом Конни Сейшес и даже еще более внимательным – но уже по совсем другой причине – взглядом Питера Гиллема.

– Очень жаль, что я так задержалась, – сказала она сурово, – но Эд настоял на том, чтобы мы сходили на фильм «Настоящая отвага», который они очень любили и который сегодня в очередной раз показывали в «Сумеречном клубе», и потом мне не сразу удалось от него отделаться, а я не хотела делать это резко, чтобы не обидеть его, особенно сегодня.

Молли протянула Смайли конверт – он вскрыл его, достав оттуда длинную светло-желтую компьютерную распечатку.

– Отделаться-то все-таки удалось? – поинтересовался Гиллем.

– Как все прошло? – было первым вопросом Смайли.

– Абсолютно нормально. – ответила девушка.

– До чего же любопытное послание! – было следующим восклицанием Смайли. Но по мере того как он читал, выражение лица постепенно менялось, превращаясь в совсем не свойственную ему злорадную ухмылку.

Конни была гораздо менее сдержанна. К тому моменту, когда она прочитала и передала бумагу Гиллему, она уже откровенно смеялась.

– Ну и Билл! До чего же умный, негодяй! Подумать только, всех сумел направить по ложному следу, всех одурачить! Черт меня подери!

Чтобы нейтрализовать Кузенов, Хейдон использовал тот же трюк, что и в Цирке, но только наоборот. Если перевести все, что говорилось в компьютерной распечатке, на обычный язык, то вырисовывалась захватывающе интересная картина.

Беспокоясь, как бы Кузены не занялись таким же расследованием деятельности компании «Индочартер», (это означало бы бесполезное дублирование Цирка), Билл Хейдон, как глава Лондонского управления, направил во Флигель в соответствии с постоянно действующим соглашением между двумя родственными службами уведомление о разграничении сфер влияния. Американцев ставили в известность, что Лондон в настоящее время занимается расследованием, связанным с «Индочартер Вьентьян ЮА», и что Цирк направил на место своего сотрудника. Как и полагалось в подобных случаях, американцы согласились не проявлять никакой инициативы в обмен на то, что англичане по завершении расследования поделятся с ними информацией, которую им удастся добыть. А для того чтобы помочь англичанам в операции. Кузены сообщили, что они больше никак не связаны с пилотом, известным как Малыш Рикардо.

Короче говоря, это был великолепный – возможно, даже непревзойденный – образец игры, когда при помощи одной стороны нейтрализовали другую и наоборот, в результате чего в выигрыше осталась третья.

– Спасибо, Молли, – вежливо поблагодарил Смайли после того, как все имели удовольствие самолично ознакомиться с этим шедевром. – Огромное тебе спасибо.

– Не стоит благодарности, – ответила строгая и подтянутая, напоминавшая медсестру Молли. – А Рикардо действительно нет в живых, господин Смайли, – закончила девушка и

назвала ту же дату смерти, что и Сэм Коллинз. Послеэтого она защелкнула замочек сумочки, поправила юбку на коленях, которые могли вызвать восхищение у самого придирчивого ценителя женской красоты, и изящной походкой вышла из комнаты. Взгляд Гиллема снова неотрывно следовал за ней.

После этого дня жизнь в Цирке пошла иначе: изменился ритм, изменилось настроение у людей. Лихорадочные поиски следов – хоть каких-нибудь следов – закончились. Теперь они могли идти к цели, а не тыркаться наугад в разные стороны. Деление на два дружественных, но все-таки четко разграниченных клана расследователей, почти полностью исчезло: и «большевики», и «желтолицые» стали частью одной команды под общим руководством Конни и Дока, хотя, конечно же, специализация по-прежнему сохранялась. На долю архивокопателей, конечно, выпадали радости, но были они как колодцы вдоль бесконечно длинной пыльной дороги, пролегающей по неприветливым местам. Иногда «путники» совсем изнемогали от «жажды», думая, что вот-вот упадут и не смогут подняться.

Конни потребовалась всего неделя на то, чтобы установить, кто же такой этот торгпред Борис, советский казначей во Вьентьяне, – ключевая фигура в переводе денег компании «Индочартер Вьентьян ЮА». Он оказался человеком по фамилии Зимин, бывшим военным, много лет назад окончившим разведшколу на окраине Москвы, готовившую сотрудников для Карлы, которой сам Карла уделял огромное внимание. В архиве были материалы о том, что в прошлом, под фамилией Смирнов, этот Зимин выполнял роль казначея, через которого шли деньги для агентурной сети, созданной Восточной Германией в Швейцарии шесть лет назад. А еще раньше он появлялся в Вене под фамилией Курский. Помимо казначейских функций, он специализировался на подслушивании, а также Ловушках и добыче компромата. Некоторые говорили, что это был тот самый Зимин, который очень ловко использовал женщину для того, чтобы в Западном Берлине подставить и получить компромат на одного французского сенатора. Впоследствии сенатор продал добрую половину государственных секретов своей страны.

Торгпред Борис уехал из Вьентьяна ровно через месяц после того, как сообщение Сэма было получено Лондоном.

После этой небольшой победы Конни поставила перед собой задачу на первый взгляд невыполнимую. Она хотела выяснить, какую схему передачи денег Карла (или его казначей Зимин) мог придумать для того, чтобы заменить раскрытую «золотую жилу». У Конни было несколько исходных положений. Во-первых, общеизвестная консервативность всех без исключения крупных разведслужб и их нежелание менять уже оправдавшие себя, испытанные методы решения профессиональных задач. Во-вторых, поскольку речь шла об очень больших суммах, не стоило отметать предположение, что Центр должен был заменить старую схему новой довольно быстро. В-третьих, наличествовала самоуспокоенность Карлы. До «краха» он думал, что Цирк стреножен его путами, после считал его ни для кого не опасным. Наконец, Конни просто надеялась, что ей помогут ее просто-таки энциклопедические знания предмета. Собрав воедино огромные горы материала, поступившего, но умышленно не обработанного (он пребывал в заброшенном состоянии все те годы, что старуха находилась в изгнании), команда Конни занялась установлением связи между, казалось бы, далекими друг от друга событиями: проверкой, сопоставлением, составлением графиков и диаграмм, выявлением индивидуального почерка того или другого сотрудника Центра Члены этой команды страдали от жесточайших мигреней, ожесточенно спорили, играли в пинг-понг и иногда – с чрезвычайными, доведенными до крайности предосторожностями – с согласия Смайли предпринимали робкие и скромные шаги для расследования на местах. Некоего доверенного человека в Сити (Исторический, коммерческий и финансовый центр Лондона) убедили нанести визит старому знакомому, специализировавшемуся на оффшорных компаниях в Гонконге. Один

валютный брокер в Чипсайде (Чипсайд – улица в северной части Лондона) показал свои книги регистрации сделок Тоби Эстерхейзи, практически единственному уцелевшему из когда-то славной армии курьеров и специалистов по слежке – «уличных художников» Цирка. Так со скоростью улитки оно и продвигалось: но теперь улитка по крайней мере знала, куда ей ползти.

Док ди Салис, как всегда, не очень-то посвящая других в свои планы, начал разматывать китайскую ниточку и пытался разобраться в скрытых связях и теневых родительских компаниях «Индочартер Вьентьян ЮА». Ему помогали такие же неординарные, как и он сам люди – либо студенты-филологи, либо уже немолодые агенты, отработавшие немало лет в Китае и теперь нашедшие здесь новое применение. Со временем все они стали чем-то похожи друг на друга – одинаковая монашеская бледность людей, обитающих в промозглых и сырых каменных кельях.

Тем временем Смайли, с такой же, если не большей осторожностью, продвигался по еще более извилистым и запутанным коридорам и открывал все новые и новые двери.

Он снова исчез из виду. Это было время ожидания. Джордж проводил его, решая сотни вопросов, безотлагательно требовавших внимания. Когда краткий период работы в команде закончился, он снова ушел и скрылся в своем мирке. Его видели на Уайтхолле; по-прежнему – в Блумсберри; случалось ему бывать и у Кузенов. А иногда «тронный зал» оставался закрытым в течение нескольких дней, и только темной фигуре верного Фона разрешалось проскальзывать туда и обратно с чашкой горячего кофе, тарелочкой печенья и иногда – с памятными записками. Смайли всегда испытывал ненависть к телефону, и теперь он часто отказывался отвечать на звонки, если только, по мнению Гиллема, они не касались вопросов чрезвычайной срочности. Таковых не случалось. Единственным телефоном, который Смайли не мог отключить, был аппарат прямой связи с Гиллемом. Но когда Джордж был совсем не в настроения, он мог и на него, пытаясь приглушить звонок, положить стеганый чехольчик от заварочного чайника.

Обычно Гиллем говорил, что Смайли нет, что он вышел или у него совещание и что он перезвонит через час. Потом он писал записку о том, кто звонил, вручал ее Фону и только тогда Смайли при желании перезванивал. Иногда он совещался с Конни, иногда – с ди Салисом, иногда – с обоими. Гиллема на эти совещания не приглашали.

Все семь томов досье на Карлу из отдела Советского Союза перенесли и навсегда оставили в личном сейфе Смайли. Гиллем расписался и принес их. При взгляде на них лицо Смайли приобрело какое-то странное спокойное выражение, он протянул руку ко всем этим папкам, будто желая поздороваться со старым другом. Дверь в его комнату снова закрылась на много дней.

«Слышно что-нибудь?» – иногда спрашивал Смайли у Гиллема. Это означало: Конни не звонила?

Примерно тогда же была эвакуирована гонконгская резидентура, и Смайли с большим запозданием узнал о неуклюжих попытках «домоправителей» не допустить, чтобы история с Хай Хейвен попала в газеты. Он сразу же запросил досье Кро и снова вызвал Конни на консультацию. Через несколько дней Кро собственной персоной появился в Лондоне и пробыл там два дня. Гиллем слушал когда-то его лекции в Саррате и недолюбливал его. А еще через пару недель увидела свет наделавшая столько шума статья старины Кро. Смайли очень внимательно прочитал, потом передал Гиллему. На этот раз он даже снизошел до того, чтобы объяснить свои действия: Карла наверняка очень хорошо представляет себе, чем сейчас может заниматься Цирк. Попытки сориентироваться в настоящем при помощи анализа прошлого всегда признавались как дело очень полезное. Однако Карла не был бы простым смертным, если бы не позволил себе немного расслабиться после такой безусловной победы.

«Я хочу, чтобы он со всех сторон только и слышал о том, как мы обескровлены, повержены и деморализованы», – объяснил Смайли.

Вскоре метод «подбитого крыла» был распространен и на другие области, и к числу наиболее приятных заданий Гиллема прибавилось еще одно – обеспечить Родди Мартиндейла горестными историями о том, в каком разгромленном состоянии пребывает Цирк.

И все же «архивокопатели» продолжали трудиться в поте лица. Впоследствии они назвали этот период «странным миром» (По всей вероятности, термин образован по контрасту со «странной войной» – периодом второй мировой войны на Западном фронте с сентября 1939 по май 1944 гг, когда военные действия практически не велись). У «землекопов» была карта, и они знали, в каком направлении двигаться, но, тем не менее, оставались горы земли, которые нужно было перекидать, работая даже не лопатами, а ложками. В этот период Гиллем иногда приглашал Молли Минин поужинать. Обеды были очень дорогими и бесконечно длинными и не имели никакого продолжения. Питер играл с Молли в сквош (Род упрощенного тенниса, когда играют на закрытом корте ракетками и мягким резиновым мячом) и восхищался ее глазомером, ходил с ней в бассейн и восхищался ее фигурой, но она избегала какого бы то ни было сближения, таинственно улыбаясь, немного отворачиваясь и склоняя голову. В то же время она не отталкивала его совсем.

Фон плохо переносил состояние вынужденного безделья, в его поведении появились некоторые странности. Когда Смайли исчезал и не брал его с собой, он буквально изнывал в ожидании своего повелителя. Застав как-то вечером его врасплох, Гиллем был просто потрясен, увидев, как Фон лежит, свернувшись калачиком, похожий на ребенка в материнской утробе, и носовым платком, чтобы причинить себе боль, туго-туго перетягивает большой палец руки.

– Послушай, приятель, ради Бога, не расстраивайся ты так! Это совсем не означает, что он к тебе плохо относится! Просто Джорджу ты сейчас не нужен. Вот и все. Отдохни несколько Дней, расслабься. Приди в себя.

Но Фон не послушал Гиллема. Он называл Смайли «шеф» и с подозрением относился к тем, кто называл его Джордж. Ближе к концу периода вынужденного бездействия и ожидания на шестом этаже появилось новое замечательное устройство. Его принесли в чемоданах два коротко стриженных техника. Зеленый телефонный аппарат предназначался, несмотря на известную неприязнь Смайли к такого рода вещам для прямого соединения с Флигелем, Провода шли через комнату, где сидел Гиллем, и были подключены к разнообразным серым коробочкам непонятного назначения, которые иногда вдруг начинали жужжать без предупреждения. Появление новинки только усугубило общее ощущение нервозности: что толку в машине, спрашивали они друг друга, если им нечего передать с ее помощью?

Но это было не так. Им было что сказать. По Цирку разнеслась весть – Конни что-то нашла! Что именно, она не говорила, но известие об открытии распространилось по всему зданию, подобно пожару в сухом лесу. Конни у цели! «Архивокопателн» добрались! Они обнаружили новую «золотую жилу». Они проследили весь путь!

Путь куда? К кому? Где он заканчивается? Конни и ди Салис хранили молчание. В течение целых суток, и днем, и ночью, они сновали в тронный зал и обратно, нагруженные папками и досье, – несомненно, для того чтобы снова продемонстрировать Смайли плоды своих трудов.

Потом Смайли исчез дня на три, и только много позднее Гиллем узнал, что для того, чтобы «закрутить покрепче все гайки», как он это называл, их начальник побывал в Гамбурге и Амстердаме и побеседовал с некоторыми знакомыми банкирами, занимающими видное положение. Эти господа долго объясняли Смайли, что война закончилась и что они никак не могут пойти против правил профессиональной этики, но потом все-таки предоставили необходимую информацию, хотя она всего лишь подтверждала то, что уже установили

архивокопатели. Смайли вернулся, но Гиллем по-прежнему не был посвящен во все детали. Возможно, он еще долго продолжал пребывать в неведении, если бы не ужин у Лейкона.

Гиллем оказался в числе приглашенных совершенно случайно. Да и сам ужин был в некотором роде случаен. Смайли обратился к Лейкону с просьбой принять его у себя во второй половине дня в секретариате кабинета министров и провел несколько часов, уединившись с Конни и ди Салисом, готовясь к встрече. В последнюю минуту Лейкона вызвали к начальству, в парламент, и он предложил Смайли вечерком приехать к нему и разделить скромный ужин.

Лейкон жил в довольно уродливом особняке в Аскоте. Смайли страшно не любил водить машину, служебной машины не было. В конце концов Гиллем предложил отвезти его на своем продуваемом насквозь стареньком «порше» и хорошенько укутал начальника пледом, который держал в машине на случай, если Молли Микин вдруг согласится отправиться с ним на пикник. По дороге Смайли пытался поддерживать ничего не значащий светский разговор, в чем он был не слишком силен. Когда они подъехали к дому Лейкона, лил дождь – на ступеньках возникло замешательство, что же делать с подчиненный на которого не рассчитывали. Смайли настаивал на том, чтобы Гиллем уехал и вернулся в половине одиннадцатого, а супруги Лейкон обязательно просили его остаться, уверяя что еды много, хватит на всех.

– Я поступлю так, как вы скажете, – сказал Гиллем, обращаясь к Смайли.

– Разумеется, я ничего не имею против, если хозяева приглашают, – с раздражением ответил Смайли.

Они вошли в дом.

Поставили четвертый прибор. Пережаренный бифштекс нарезали такими тонкими ломтиками, что он стал похож на пересушенное мясо. Дочке Лейконов дали деньги и отправили на велосипеде в ближайший паб за второй бутылкой дешевого вина.

Светловолосая госпожа Лейкон была чем-то похожа на лань и очень легко краснела. Когда-то, когда она выходила замуж, ее называли девочкой-невестой. Теперь она, так и не повзрослев превратилась в девочку – мать семейства.

Стол был слишком длинен для четверых. Госпожа Лейкон усадила Смайли и мужа на одном конце стола, а Гиллема посадила рядом с собой. Для начала она спросила, нравятся ли ему мадригалы, а потом пустилась в бесконечные рассказы о концерте, который недавно устроили в частной школе их дочери. Она считала, что школу совершенно развалили тем, что принимают детей богатых иностранцев. Половина этих детей совершенно не имеет представления о западной школе пения.

– Я хочу сказать, кому понравится, что его дети воспитываются вместе с толпой персов, а в этой самой Персии мужчины имеют по шесть жен? – возмущалась миссис Лейкон.

Стараясь не терять нить разговора, Гиллем одновременно напрягал слух, силясь уловить разговор на другом конце стола. Судя по всему, инициативу полностью захватил Лейкон.

– Во-первых, ты должен сначала обратиться к м н е, – басил он. – Ты сейчас так и поступаешь, и правильно делаешь. На этой стадии ты должен представить только предварительный документ – представление, содержащее описание ситуации в самых общих чертах. Министры всегда любят только то, что может уместиться на почтовой открытке. Желательно с картинкой, – поучительно сказал он и отпил маленький глоток отвратительного красного вина.

Госпожа Лейкон, в самой нетерпимости которой было что-то трогательно-наивное, теперь жаловалась на евреев.

– Я хочу сказать, они ведь даже едят не такую пищу, как мы, – возмущалась она. – Пенни говорит, что им на обед дают что-то такое особое из селедки.

Тут Гиллем снова потерял нить разговора на другом конце стола, пока Лейкон не повысил голос, пытаясь убедить Смайли.

– Постарайся при этом не упоминать о Карле, Джордж. Я ведь тебе уже много раз говорил. Научись вместо этого говорить «Москва», ладно? Они не любят, когда речь идет о личностях, даже если в твоей неприязни к нему на самом деле ничего такого нет. Да и мне это не слишком нравится.

– Ладно, пусть будет «Москва», – уступил Смайли.

– Ведь дело не в том, что кому-то они не нравятся, – говорила в это время госпожа Лейкон. – Просто они другие.

В этот момент мистер Лейкон вернулся к тому, что видимо, обсуждалось раньше:

– Когда ты говоришь о большой сумме, насколько она велика?

– Мы пока еще не можем точно сказать.

– Хорошо. Это выглядит интригующе. А фактора паники там нет?

Гиллем не очень понял, что Лейкон хотел этим сказать (да и Смайли, пожалуй, тоже).

– Что тебя больше всего тревожит в связи с этим открытием, Джордж? Чего ты боишься здесь? Для нас ты человек, профессия которого – обеспечивать безопасность страны.

– Скажем, угроза безопасности британской колонии? – после некоторого раздумья ответил Смайли полувопросом.

– Это они говорят о Гонконге, – объяснила Гиллему госпожа Лейкон. – Мой дядя был министром по политическим вопросам. Дядя с папиной стороны, – добавила она – Мамочкины братья никогда не занимались никакой умственной работой.

Она считает, что Гонконг – неплохое место, но там очень плохо пахнет.

Лейкон слегка порозовел и говорил немного беспорядочно, перескакивая с одного на другое

– Колония, Бог мой, ты слышишь. Вал? – крикнул он через весь стол, делая паузу, чтобы просветить жену. – Да они, насколько я знаю, живут раза в два богаче нас и, насколько я могу судить со своей колокольни, в гораздо большей безопасности, так что нам остается только завидовать им. Их договор истекает еще только через двадцать лет, даже если китайцы будут настаивать на его точном соблюдении. А с такими темпами они спокойненько распрощаются с нами и помашут на прощание ручкой.

– Оливер считает, что мы обречены, – разволновавшись, объяснила Гиллему госпожа Лейкон, так как будто она открывала ему семейную тайну, и послала своему мужу лучезарную улыбку.

Лейкон вернулся к конфиденциальному тону, но время от времени повышал голос, и Гиллем догадался, что это делается для того, чтобы порисоваться перед женушкой.

– Еще тебе нужно будет подготовить для меня бумагу – в качестве пояснения и дополнительной информации к тому, что будет, условно говоря, в открытке, о которой мы уже говорили. Надо четко сформулировать мысль о том, что серьезное советское присутствие в Гонконге в лице большой разведывательной сети могло бы вызвать серьезные осложнения в отношениях администрации колонии с Пекином, договорились?

– Прежде чем я смогу сделать такие далеко идущие…

– От чьего великодушия, – перебивая его, закончил Лейкон, – ежедневно и ежечасно зависит выживание Гонконга, так?

– Именно из-за этих возможных последствий… – снова начал Смайли.

– Господи, Пенни, ты же голышом! – воскликнула госпожа Лейкон в умилении.

Она вскочила из-за стола, чтобы отнести в постель и уложить непослушную младшую дочурку, которая появилась в дверях столовой. Тем временем Лейкон набрал в легкие воздуха, чтобы продолжить свои разглагольствования.

– Таким образом, мы не только защищаем Гонконг от р у с с к и х – а эта угроза сама по себе достаточно серьезна, уверяю вас, но, возможно, все-таки недостаточно актуальна для некоторых из наших господ-министров, мыслящих исключительно возвышенными категориями, – мы еще защищаем Гонконг от гнева Пекина, который внушает настоящий ужас всем без исключения. Так, Гиллем? О д н а к о, – продолжил Лейкон и, чтобы подчеркнуть поворот в своих рассуждениях, даже положил узкую и длинную ладонь на руку Смайли. – О д н а к о, – предупреждающе произнес он, его голос опустился и снова взлетел, – проглотят ли все это наши высшие руководители, принимающие решения, – это уже совершенно иной вопрос.

– Я и не собирался просить их сделать это до тех пор, пока мне не удастся получить подтверждение имеющихся у нас данных, – резко заметил Смайли.

– Да, но ведь как раз этого ты сделать и не можешь, разве не так? – возразил Лейкон, словно начиная играть другую роль. – Ты можешь проводить расследование только в Англии. Ни на что другое у тебя нет полномочий, исходя из положения о твоей организации.

– Но не проведя предварительной разведки по имеющимся данным…

– Но, Джордж, что конкретно ты п о д р а з у м е в а е ш ь под этим?

– Засылку своего агента.

Лейкон поднял брови и повернул голову, этим жестом сильно напомнив Гиллему Молли Микин.

– Какими методами ты будешь действовать – не мое дело, детали операции – тоже. Но совершенно ясно – ты не можешь сделать ничего, что могло бы вызвать недовольство, ибо у тебя нет денег и нет фондов. – Он подлил в бокалы вина, пролив немного на стол. – Вэл! – требовательно позвал он, – Тряпку!

– Ну почему же, к о е – к а к и е деньги у меня есть.

– Но не для этих целей. – От вина на скатерти осталось пятно. Гиллем посыпал его солью, а Лейкон приподнял ткань и подложил под нее кольцо для салфетки, чтобы не испортить полированный стол. Последовало довольно долгое молчание, прерываемое лишь звуком падающих на паркетный пол капель.

Наконец Лейкон сказал:

– Это твое, и только твое дело – определять, на что могут идти те деньги, которые у тебя есть.

– А ты не мог бы подтвердить это письменно?

– Нет.

– А могу я сослаться на твое разрешение предпринять те шаги, которые необходимы для подтверждения или опровержения имеющейся информации?

– Нет.

– Но ты не будешь чинить мне препятствий?

– Поскольку я ничего не знаю о методах, которыми ты действуешь (от меня этого и не требуется), в мои обязанности отнюдь не входит что-либо тебе указывать.

– Но поскольку я официально обращаюсь к… – начал Смайли.

– Вэл, ты принесешь мне когда-нибудь тряпку?! Как только ты обращаешься ко мне официально, я полностью умываю руки и знать тебя не знаю. Масштабы допустимых действий определяет Комиссия по определению разведывательной политики, а не я. Ты представляешь им свою просьбу и свои предложения. Они тебя выслушивают. И с этого момента все решается между вами. Я – всего лишь посредник. Вэл, принеси наконец тряпку, оно растеклось повсюду!

– Понятно, значит, на плахе оказывается моя, а не твоя голова, – подвел итог Смайли, словно разговаривая сам с собой. – А ты остаешься беспристрастным наблюдателем. Это мне очень хорошо известно.

– Оливер – не бесстрастный наблюдатель, – жизнерадостно сказала госпожа Лейкон, возвращаясь в комнату с дочкой на руках – девочка была в ночной сорочке и причесана. – Он с т р а ш н о тебя поддерживает, да, Олли? – Она вручила Лейкону тряпку, и тот начал промокать пролитое вино. – Он у нас теперь стал настоящим я с т р е б о м. Даже больше, чем американцы. Ну же, теперь скажи всем: «Спокойной ночи!» Пенни, давай-давай. – Она по очереди поднесла ребенка ко всем, сидевшим за столом. – Сначала господину Смайли… господину Гиллему,… а теперь папочке… Джордж, как поживает Энн? Надеюсь, она не уехала снова из Лондона?

– О, у нее все хорошо, благодарю вас.

– Ну ладно, не отступай, пока не получишь от Оливера все, что тебе от него нужно. Он в последнее время стал ужасно важным и надутым – ведь ты не станешь этого отрицать, Олли?

Женщина ушла танцующим шагом, напевая ребенку какие-то только им двоим известные песенки-загадки:

Буки-злюки за забором,
Буки-злюки во дворе,
И Поттиферу крышка!

Лейкон проводил ее восхищенным взглядом.

– Да, вот еще что, Джордж: ты собираешься как-то привлечь к этому американцев? – спросил он будто бы между прочим, как о чем-то, не имеющем большого значения. – Ты же знаешь, это всегда помогает представить дело в выигрышном свете. Пригласи американцев – и ты одержал победу над комиссией, даже не сделав ни одного выстрела. А уж Министерство иностранных дел просто будет у тебя в кармане

– Я бы предпочел пока действовать самостоятельно. «Как будто зеленого телефона вовсе нет и никогда не было», – подумал Гиллем.

Лейкон задумался, медленно вертя бокал в руке.

– Жаль, – наконец произнес он. – Очень жаль. Кузены не задействованы, фактора паники нет… – Он окинул взглядом не слишком импозантную фигуру коренастого полного человека перед ним. Смайли сидел, сцепив кисти рук и прикрыв глаза, – казалось, он дремлет. – И никаких других способов заставить их поверить, – продолжил Лейкон, явно высказывая те выводы, к которым он пришел на основе осмотра внешности Смайли. – Министерство обороны ради тебя палец о палец не ударит. В этом можешь быть уверен. То же самое можно сказать о Министерстве внутренних дел. С Министерством финансов дело может повернуться и так и этак, а с Министерством иностранных дел все будет зависеть от того, кого они пришлют на это заседание и хорошо ли этот человек с утра позавтракает. – Он снова на некоторое время задумался. – Джордж!

– Да?

– Давай я пришлю к тебе кого-нибудь, кто разделяет твою точку зрения. Кто поможет все точно сформулировать, составит представление для комиссии и выступит с ним на заседании.

– Нет, спасибо, я думаю, справлюсь сам.

– Заставляйте его больше отдыхать, – советовал Лейкон Гиллему оглушительно громким шепотом во время пути к машине. – И пожалуйста, постарайтесь уговорить его не носить больше эти черные пиджаки и все такое прочее. Они вышли из моды вместе с кринолинами. До свидания, Джордж! Позвони мне завтра, если ты передумаешь и тебе понадобится помощь. Гиллем, пожалуйста, поосторожнее за рулем. Не забывай, что ты выпил.

Когда они выезжали за ворота, Гиллем произнес нечто весьма непочтительное, но Смайли был так плотно укутан пледом, что ничего не услышал.

– Значит, Гонконг? – спросил Гиллем. Никакого ответа: ни да, ни нет.

– И кто же этот счастливчик? Кого из оперативных сотрудников вы собираетесь послать? – немного погодя, продолжил Гиллем, не очень надеясь получить ответ. – Или, может быть, это все говорилось только для отвода глаз, чтобы одурачить Кузенов?

– Мы вовсе не пытаемся водить их за нос, – возразил Смайли, на этот раз задетый за живое. – Если мы хоть как-то привлечем их к этому делу, нас просто оттеснят, нам даже места не останется. Если мы этого не сделаем, у нас не будет никаких средств. Весь вопрос в том, как найти необходимый баланс, – И Смайли снова закутался в плед.

Но уже на следующий день – подумать только! – они были готовы.

В десять Смайли собрал оперативное совещание. Сначала говорил он сам, потом говорила Конни, а ди Салис ерзал на стуле и чесался. Он был очень похож на противного, неизменно вызывающего отвращение опекуна в комедиях периода французской Реставрации (Комедии периода Реставрации (1660-1688 гг.) – комедии нравов; отличались остроумием и циничной откровенностью), пока не подошла его очередь высказаться, что он и сделал. В тот же самый вечер Смайли отправил телеграмму в Италию – настоящую телеграмму, а не просто шифровку, – подписанную кодовым именем Опекун, а копия этой телеграммы была приобщена к быстро увеличивающейся подшивке нового дела документов. Смайли написал текст, Гиллем вручил ее Фону, который тут же гордо отправился в круглосуточное почтовое отделение на вокзале Чаринг-Кросс. Если судить по тому, с каким торжественным видом Фон отбыл на почту, можно было подумать, что поручение отнести маленький желто-коричневый бланк было кульминационной точкой всей его до сего дня спокойной и упорядоченной жизни, в которой не было места ни для чего из ряда вон выходящего. Но на самом деле все было не так. До «краха» Цирка Фон работал в Брикстоне в качестве «охотника за скальпами». А его основной профессией была профессия «неуловимого убийцы».

Прогулка в парке

В течение этой солнечной недели перед отъездом Джерри Уэстерби ни на минуту не покидало ощущение, что происходит что-то радостное и будоражащее. Лондон в тот год наслаждался запоздалым летом, и про Джерри, пожалуй, можно было сказать то же самое. Мачеха, прививки, бюро путешествий, литературные агенты и редакторы с Флит-стрит (Улица в Лондоне, где находятся редакции большинства крупнейших газет) – хотя Джерри терпеть не мог Лондон и считал его воплощением зла и порока, на этот раз он воспринимал его спокойно и легко справлялся со всеми возникавшими проблемами, продолжая двигаться вперед бодрой и уверенной поступью. Для Лондона у Джерри даже был заготовлен особый образ, вполне сочетавшийся с ботинками из оленьей кожи. Костюм был сшит не то чтобы на Савил-роу (Улица в Лондоне, где расположены ателье дорогих мужских портных), но, по крайней мере, был настоящим костюмом, против этого не пойдешь. Сиротка почему-то называла его костюм тюремной робой: это произведение портновского искусства было выполнено из блекло-голубой ткани, которую можно не только чистить, но и стирать, и сшил его за двадцать четыре часа мастер из ателье «Счастливый дом Пончака из Бангкока», который гарантировал его несминаемость, о чем свидетельствовала этикетка с вышитыми яркими шелковыми буквами. Легкий полуденный бриз обычно раздувал костюм подобно легким платьям женщин, прогуливающихся по пирсу в Брайтоне. Шелковая рубашка (того же происхождения)

выглядела пожелтевшей, и вызывала воспоминания о раздевалках в спортивных клубах Уимблдона (Уимблдон – предместье Лондона, в котором находится Всеанглийский теннисный и крокетный клуб) или Хенли (Город на р. Темзе, где проводится ежегодная Хенлейская регата). Загар Джерри, хотя и приобретенный в Таскани, выглядел очень по-английски, так же как и знаменитый галстук для крикета, развевавшийся на шее, словно флаг. И только в выражении лица – и то для людей очень наблюдательных – была заметна та особая настороженность, которая не ускользнула от внимания почтмейстерши матушки Стефано и которую люди, не отдавая себе отчета почему, инстинктивно называют «профессиональной». Когда предполагалась возможность, что придется сидеть и ждать, Джерри тащил с собой свой привычный мешок с книгами. Это придавало ему вид неотесанного деревенского парня, недавно приехавшего в город.

Он обосновался, если это можно так назвать, на Тарлоу-сквер, где жила его мачеха, третья леди Уэстерби. Маленькая уютная квартирка до предела была забита огромными антикварными вещами, которые удалось вывезти из домов, от которых пришлось отказаться. Леди сильно красилась, и в ней было что-то птичье; она была раздражительна, как это иногда бывает с женщинами, которые в молодости были очень красивы; она частенько поругивала пасынка за допущенные оплошности, реальные или выдуманные, утверждая, например, что он выкурил ее последнюю сигарету или принес на башмаках грязь, вернувшись после прогулки по парку. Джерри на это не обижался. Иногда, возвращаясь домой очень поздно, в три или четыре часа ночи, и когда ему совсем не хотелось спать, он стучал в дверь и будил ее; мачеха надевала шуршащий вычурный халат и подкрашивалась. Он усаживал ее на кровать, с большим бокалом охлажденного мятного ликера, а сам устраивался на полу, среди сказочного нагромождения всякого старья, занимая собой все пространство, и делал вид, что укладывает вещи. Гора старья состояла из всевозможных бесполезных вещей: старых газетных вырезок, кип пожелтевших бумаг, юридических документов, перевязанных зеленой ленточкой, там была даже пара позеленевших от плесени сделанных на заказ сапог для верховой езды. Считалось, что Джерри решает, что из всех этих вещей может ему понадобиться в путешествии, но обычно на глаза попадалась какая-нибудь вещица, вызывавшая у обоих целую череду воспоминаний, – на этом все и кончалось. Однажды ночью, например, он извлек откуда-то толстую тетрадь со своими первыми рассказами.

– Эй, Пет, смотри-ка, а вот очень даже неплохой рассказик! Уэстерби мастерски срывает маску с этого злодея! Заставляет сердчишко биться быстрее. Не правда ли, друг мой? И кровь по жилам бежит веселей!

– Тебе надо было поступить на работу в компанию твоего дяди, – откликнулась леди Уэстерби, с глубочайшим удовлетворением переворачивая страницы.

Вышеупомянутый дядюшка владел компанией, производящей гравий, и являлся заметной фигурой в этой сфере бизнеса. Пет частенько упоминала о нем, чтобы подчеркнуть отсутствие деловой хватки у старины Самбо.

В другой раз они нашли старое завещание отца Джерри, составленное много лет назад («Я, Сэмюэль, также известный как Самбо, Уэстерби…») в связке вместе с целой кучей счетов и писем от адвокатов, адресованных душеприказчику, то есть Джерри, с пятнами от виски или хинина и начинавшиеся словами: «С глубоким прискорбием…»

– Да, тогда судьба выкинула неожиданное коленце, – проговорил Джерри, испытывая душевную неловкость, поскольку было уже слишком поздно снова засунуть этот конверт в середину кучи. – Пожалуй, мы могли бы отправить все это на свалку – как ты думаешь, друг мой?

Ее круглые, как пуговки, глаза гневно засверкали.

– Читай вслух, – громким голосом театрально приказала она, и вскоре оба углубились в уму непостижимые хитросплетения и сложности распоряжений о деньгах, оставляемых в

доверительную собственность, чтобы впоследствии обеспечить состояние внукам, дать образование племянникам и племянницам, пожизненный доход жене, состояние такому-то или такой-то в случае смерти такого-то, женитьбы или замужества таких-то; дополнительные распоряжения к завещанию: одни – чтобы отблагодарить за добро, другие – чтобы наказать за обиды.

– Эй, а знаешь, кто это такой? Дядюшка Элдред, про которого говорили, что в семье не без урода, – тот самый, который был горьким пьяницей! Господи Иисусе, зачем же он хотел ему-то оставить деньги? Ведь тот спустил бы все за одну ночь!

Были распоряжения относительно скаковых лошадей, которым иначе могло бы прийтись плохо: «Завещаю мою кобылу Розали в Мезон Лафитт, вместе с двумя тысячами фунтов в год на ее содержание, и моего жеребца Завоевателя, в настоящее время находящегося в Дублине на выездке, моему сыну Джеральду до естественной смерти вышеозначенных кобылы и жеребца, с условием, что он будет содержать их и заботиться о них…»

Старина Самбо, как и Джерри, безумно любил лошадей.

И еще – акции. Только для Джерри: акционерный капитал компании, исчисляемый миллионами. Председательское кресло, власть, ответственность; целый великолепный мир в наследство, в котором можно царить и наслаждаться жизнью, – мир, который ему предложили, даже пообещали, а потом вдруг отняли. «Моему сыну поручаю управлять всеми газетами моей издательской группы, в соответствии с установленными мною правилами и в духе традиций, сложившихся при моей жизни». В завещании нашлось даже место для признания незаконнорожденного ребенка: «Сумма в двадцать тысяч фунтов стерлингов, не подлежащая обложению налогом на наследство, должна быть выплачена мисс Мэри Такой-то, проживающей в городе Чобем, матери Адама, которого я признаю своим сыном».

Единственная проблема состояла в том, что делить-то было нечего. С того самого дня, когда газетная империя этого великого человека обанкротилась и прекратила свое существование, не сумев выстоять в борьбе с трудностями. Цифры на банковском счете таяли на глазах. Дойдя до нуля, сумма снова начала расти, но уже со знаком минус, увеличиваясь по крайней мере на один нолик в год, как комары раздуваются от выпитой крови.

– Ну что, Пет, – спросил Джерри в какой-то потусторонней тишине предрассветного утра, бросая конверт на вершину волшебной горы, – как ты: рада, что избавилась от него, дружище? – Перекатившись на бок, он взял в руки кипу пожелтевших газет, которые были детищами его отца, последние номера, и, как это умеют делать только старые газетчики, пролистал их все сразу. – Уж теперь-то – там, где он сейчас, он, пожалуй, уже не может гоняться за куколками-красотками, а?

Никакого ответа, слышно только громкое шуршание газетных ЛИСТОВ.

– Хотя он бы уж с радостью, будьте уверены. Загвоздка наверняка не в отсутствии желания с его стороны, осмелюсь предположить. – И спокойнее, снова повернувшись так, чтобы видеть маленькую изящную куколку, сидящую на краешке его кровати, – маленькие ножки едва доставали до ковра, покрывающего пол: – Но ты всегда была его любимой пташкой, друг мой, – номер один, что бы там ни было. Он всегда за тебя был готов и в огонь и в воду. Сам мне говорил: Лет – самая красивая женщина в мире, это уж точно". Сам говорил мне. Этими самыми словами. Однажды он прокричал их на всю Флит-стрит: «Самая лучшая из всех моих жен».

– Чертов повеса, – сказала мачеха, произнося слова мягкой скороговоркой, как это делают жители северной Англии. Вокруг ее рта собрались морщинки, похожие на зажимы хирурга вокруг красного шва губ. – Дьявольский повеса, ненавижу даже звук его имени.

Некоторое время они молча оставались в своих позах:

Джерри лежал на ковре, продолжая перебирать какие-то вещицы и теребя прядь волос надо лбом, а она сидела на кровати. Они чувствовали, что любовь к отцу Джерри, которую они оба испытывают, хотя и по-разному, объединяет их.

– Надо было тебе пойти работать в фирму дяди Пола – продавал бы гравий и балласт, – повторила она, вздохнув, словно высказывая истину, постигнутую путем страданий, – как женщина, которую часто обманывали.

В свой последний вечер в Лондоне Джерри пригласил мачеху в ресторан поужинать, и потом, уже дома, на Тарлоу-сквер, она сварила кофе и подала его в одной из немногих чашечек, оставшихся от ее севрского сервиза. Этот великодушный жест привел к несчастью. Не подумав, Джерри продел свой широкий указательный палец в тоненькую ручку чашечки, и она отломилась с едва слышным звуком, на который женщина, к счастью, не обратила внимания. Пришлось приложить массу усилий, очень искусно прикрывая это место рукой. Джерри ухитрился скрыть ущерб, причиненный чашечке, удалось даже выскользнуть на кухню и поменять ее на целую.

Когда самолет Джерри сделал остановку в Ташкенте – удалось выговорить эту уступку на транссибирском маршруте – он обнаружил (к своему величайшему удивлению), что в одном из уголков зала ожидания российские власти открыли бар. По мнению Джерри, это было потрясающим доказательством либерализации советской страны. Пошарив в кармане пиджака в поисках твердой валюты, решив выпить водки, он вместо монет нащупал изящный фарфоровый вопросительный знак с обломившимися кончиками. Водку пить расхотелось.

Во всех деловых вопросах Джерри был сговорчивым и покладистым. Его литературным агентом был давний знакомый, с которым они когда-то вместе играли в крикет, – человек по фамилии Менкен с не совсем ясным происхождением, но с весьма снобистскими наклонностями. Он был одним из тех глупых по природе своей людей, для которых английское общество – и в особенности издательский мир – всегда готовы создать очень удобную нишу для существования. Менкен вел себя грубовато-добродушно и немного импульсивно, носил щегольскую седую бородку – возможно, для того, чтобы создавать у людей впечатление, что он тоже не чужд писательства, а не просто охотится за рукописями. Они встретились за обедом в клубе, который претендовал на великолепие, но не блистал чистотой, выживший благодаря слиянию с менее великосветскими клубами и постоянным просьбам о пожертвованиях, рассылаемых своим членам. Сидя под взглядами мраморных изваяний в полупустом ресторане, они говорили о том, что крикетной команде Ланкашира не хватает быстрых боулеров (Игрок, бросающий мяч по калитке противника, во время игры в крикет). Джерри пожалел, что в команде Кента игроки «не бьют, а просто гладят мяч».

– В команде Мидлсекса есть несколько хороших молодых игроков, которые могут хорошо показать себя в будущем, но, Господи Боже, Твоя воля, посмотрите только, как их отбирают! – говорил Менкен, качая головой и одновременно усердно работая ножом.

– Очень жаль, что у тебя не хватило пороху в пороховнице, – рокотал агент, обращаясь к Джерри. Делал он это так, что слышать его мог всякий, кто захотел бы прислушаться. – В последнее время, думаю, никто не писал хороших романов о Востоке. Это удавалось Грину, если принимаешь его манеру (чего не могу сказать о себе). Я не отношусь к его поклонникам: слишком много всяких папских штучек. Пожалуй, Мальро, если любишь философию, но я не люблю. Ну, Моэм – туда-сюда, но вот и все – дальше можно снова возвращаться к Конраду. Твое здоровье. Можно мне тебе кое-что сказать? Не старайся подражать Хэмингуэю. Вся эта его манера – внутренняя красота, которая проявляется в экстремальных условиях, вся эта любовь, когда от человека мало что осталось и он подыхает от ран. Думаю, читатели этого не любят. Да и от многократного повторения это уже приелось.

Джерри проводил Менкена до такси.

– Можно мне тебе кое-что сказать? – снова спросил агент. – Делай предложения подлиннее. Когда ваш брат, журналист, начинает писать романы, вы пишете слишком коротко. Короткие абзацы, короткие предложения, короткие главы. Вы по-прежнему меряете то, что пишете, сантиметрами газетного столбца, вместо того чтобы думать о книжных страницах. Хэмингуэй был именно такой. Всегда пытался написать роман на спичечном коробке. Не стесняйся размахнуться.

– Будь здоров, Менкен. Спасибо.

– И ты будь, Уэстерби. Не забудь передать от меня привет своему старику. Как он? Стареет, наверное? Ну, что поделаешь, этого никому из нас не избежать.

Джерри почти удалось сохранить безмятежное расположение духа.

Газетчики, как и всякий другой кочевой народ, везде устраивают одинаковый кавардак. Стаббс (отпетый негодяй, по словам Конни Сейшес), ответственный редактор издательской группы, не являлся исключением. Его письменный стол был завален залитой чаем корректурой в гранках, чашками с чернильными пятнами и остатками бутерброда с ветчиной, скончавшегося по причине преклонного возраста. Сам Стаббс сидел посреди всего этого беспорядка, исподлобья глядя на Джерри, как будто Джерри пришел, чтобы все это у него отнять.

– Стаббси, гордость журналистского рода, – произнес Уэстерби, распахнув дверь. Он вошел и остановился у стены, держа руки за спиной, как будто хотел удержать себя от чего-то.

Стаббс прикусил язык, чтобы не произнести крепкое и отнюдь не лестное словцо, готовое сорваться с языка. Потом вернулся к подшивке документов, лежавшей на столе поверх всего хлама, – он изучал ее перед приходом Джерри. Существует много избитых шуток и анекдотов о газетных редакторах. Все они были применимы к Стаббсу. Он был обидчив, у него был тяжелый, сизый от щетины подбородок и тяжелые темные веки – словно их натерли сажей. Дальнейшую его судьбу было легко предугадать: будет работать в ежедневной газете до тех пор, пока не одолеют язва и прочие болячки. Потом его перекинут в редакцию воскресного выпуска. Еще годик – и сплавят в почетную ссылку в редакцию женских журналов, где его начальниками будут желторотые юнцы. Там он будет сидеть, пока не кончится его время.

– Сайгон, – прорычал Стаббс и шариковой ручкой с обгрызанным концом сделал какую-то пометку на полях. Его лондонский выговор нес на себе отпечаток слегка гнусавого американского произношения, словно сохранившегося у него с тех времен, когда на Флит-стрит господствовали канадцы. – Рождество три года назад. Вспоминаешь?

– О каких воспоминаниях ты говоришь, старина? – спросил Джерри, оставаясь у стены.

– О праздничных воспоминаниях, – ответил Стаббс с улыбкой палача. – Дух товарищества и веселья, небольшой праздник в корпункте, когда наши сотрудники были настолько молоды, что поддерживали таковой. Ты устроил вечеринку по случаю Рождества. – Стаббс процитировал документ из подшивки: «Израсходовано на рождественский обед в отеле „Континентал", Сайгон». Дальше ты, как мы всегда требуем, перечисляешь гостей. Местные журналисты, фотографы, шоферы, секретарши, мальчики-посыльные и черт его знает кто еще! На это тратится ни много ни мало – семьдесят фунтов, и все ради поддержания доброй репутации газеты и чтобы немного повеселиться. Теперь припоминаешь? В числе гостей ты упоминаешь Красавчика Столвуда. Он был на этой вечеринке? Я говорю про Столвуда. Вел себя, как обычно? Ухаживал за дурнушками, чтобы им не было грустно, говорил правильные слова, да? Стаббс выждал, снова пожевав язык, как будто раздумывая, высказать ли то, что у него там вертится. Но Джерри молча подпирал стену и всем своим видом показывал, что готов так стоять хоть целый день.

– Мы – придерживаемся левой ориентации. – Стаббс сел на своего любимого конька. – Это означает, что мы предпочитаем доверять сотрудникам и считаем ниже своего достоинства охотиться на хитрых лис, которые захотят смошенничать. Наше выживание может оказаться под угрозой из-за чрезмерной щедрости одного безграмотного миллионера. Есть документы, свидетельствующие, что Столвуд праздновал Рождество в Пномпене. Он устраивал там рождественский обед для высоких должностных лиц камбоджийского правительства, храни его Бог. Я говорил со Столвудом, похоже и он это подтверждает. Он был в Пномпене.

Джерри неторопливо продефилировал к окну и остановился, присев на старый черный радиатор отопления. За окном, меньше чем в двух метрах от него, над тротуаром, по которому в обоих направлениях сновали люди, висели большие уличные часы с довольно грязным циферблатом – подарок Флит-стрит от основателя газеты. Было не очень рано, но стрелки часов застыли на без пяти шесть. У дверей на другой стороне улицы двое мужчин читали газету. Шляпы и газета не позволяла разглядеть их лиц. Джерри подумал, как прекрасна была бы жизнь, если бы все «хвосты» на самом деле выглядели именно так.

– Стаббси, все тянут с этой газетенки комиксов, что могут, – сказал он совершенно серьезно после довольно долгого молчания. – Включая тебя. Ты говоришь о том, что было три года назад, черт побери! Да выбрось ты это из головы, дружище! Послушайся моего совета. Можешь засунуть этот свой документ себе в задницу. Другого он не заслуживает.

– Мы – не газетенка комиксов, мы – газета. Комиксы печатает цветное приложение.

– Для меня – газетенка, дружище. Всегда ею была, и всегда ею останется.

– Добро пожаловать, – выразительно сказал Стаббс со вздохом. – Добро пожаловать, избранник председателя правления. – Он взял печатный бланк контракта. «Имя: Уэстерби, Клайв Джеральд, – с пафосом продекламировал он, делая вид, что читает контракт. – Профессия: аристократ. Добро пожаловать, сын старика Самбо». – Он бросил контракт на стол – Будешь писать для обоих выпусков. Для воскресного и для ежедневного. Обеспечиваешь освещение всех событий недели, от военных действий до представлений с голыми бабами. Без автоматического права продления контракта и без пенсии, представительские расходы – на минимальном уровне. Расходы на стирку – только в командировках, и не включай сюда свои недельные счета из прачечной. У тебя будет карточка для оплаты телеграмм, но использовать ее не надо. Высылай статьи авиапочтой и сообщай по телексу номер квитанции, мы здесь будем учитывать, когда получим. Дальнейшая оплата – по результатам работы. Би-би-си великодушно согласилась использовать интервью, которые ты запишешь на магнитофон: расценки – как всегда, смехотворные. Наш председатель говорит, что это хорошо для престижа, уж не знаю, что он имеет в виду. Для использования твоих материалов другими агентствами и газетами…

– Аллилуйя, – закончил Джерри, глубоко вздохнув. Неторопливо прошествовав к столу, он взял шариковую ручку с обгрызенным концом, еще мокрую от зубов Стаббса, и, не глядя на ее владельца не просмотрев формулировок контракта, неторопливым царственным жестом в конце последней страницы, ухмыляясь, начертал свою подпись. В эту самую минуту девушка в джинсах весьма бесцеремонно распахнула дверь и вывалила на стол кипу свежих гранок, как будто ее специально прислали для того, чтобы прервать происходившее священнодействие с контрактом. Зазвонили телефоны – возможно, они звонили уже давно. Девушка вышла из комнаты, нелепо балансируя в туфлях на платформе; чья-то незнакомая голова заглянула в дверь и прокричала: «К старику на утреннюю молитву, Стаббси» Тут же появился кто-то из младших сотрудников, и уже через минуту Джерри под его руководством начал обход отделов, в которых должен показаться новоиспеченный корреспондент: административный, международный, отдел редакционных статей, бухгалтерия, отдел хроники, спортивный, отдел путешествий и отдел этих ужасных женских журналов. Провожатым был бородатый выпускник колледжа лет двадцати, и Джерри на протяжении всего ритуала называл его Седриком.

Покинув здание редакции, он остановился на тротуаре, слегка покачиваясь с пятки на носок и обратно, как будто был пьян или только что пережил хорошую встряску и еще не оправился.

– Потрясающе, – проговорил он достаточно громко, так чтобы услышали и оглянулись проходившие мимо девушки. – Отлично. Великолепно. Замечательно. Неподражаемо. – С этими словами Уэстерби нырнул в ближайшее питейное заведение, где стойку бара подпирали несколько видавших виды журналистов – главным образом из братии, пишущей о вопросах промышленности и политики, хваставшиеся друг перед другом, как их статья едва не стала гвоздем пятой полосы.

– Уэстерби! Это же сам граф, собственной персоной! Смотрите, это же его костюм! А в костюме – маленький графинчик – кто бы мог подумать!

Джерри оставался там, пока не подошло назначенное время. Пил очень умеренно, потому что хотел сохранить ясную голову для прогулки в парке с Джорджем Смайли.

В каждом закрытом сообществе есть свой узкий и широкий круг. Джерри принадлежал к широкому. Ему никогда бы не могло прийти в голову, что когда-нибудь он сможет «прогуляться по парку» или, если не употреблять профессионального жаргона, тайно встретиться со Смайли. Джерри назвал это, если бы ему когда-нибудь вздумалось – Боже упаси! – выразить словами то, что составляло большую и главную часть его судьбы – перенестись в другую жизнь, где живет и действует его второе, лучшее "я". Перед этим он должен был немного побродить по городу, взяв за точку отсчета какое-нибудь заранее условленное место, обычно не слишком людное, например Ковент Гарден, а потом появиться на месте за несколько минут до шести. Джерри полагал, что за это время довольно поредевшая команда «уличных художников» Цирка имела возможность хорошенько понаблюдать за ним и убедиться, что все чисто и «хвоста» нет. В первый вечер он должен был прийти к выходу на набережную из станции метро «Чаринг-Кросс» – это было место, где всегда много народу и сутолока и где всегда происходят какие-то заминки с транспортом. В последний вечер пунктом назначения была автобусная остановка на южной стороне Пикадилли, там, где начинается Грин-парк (Парк в Лондоне, тянется вдоль улицы Пикадилли). На эту остановку приходило много автобусов разных маршрутов. Встреч было четыре. Две в Лондоне и две – в «яслях». Совещания в Саррате являлись чисто рабочими – обязательное в таких случаях совершенствование профессиональных навыков – процедура, которую периодически проходили все оперативные сотрудники. Требовалось запомнить большое количество информации – телефонные номера, пароли, правила конспиративных встреч, условные фразы, открытый код обычных незашифрованных сообщений, запасные варианты и порядок действий в чрезвычайных обстоятельствах (которые, как хотелось надеяться, возможно, никогда не наступят). У Джерри была цепкая память на факты, и «инквизиторы», устроив ему экзамен, остались довольны. Кроме того, ему пришлось восстановить технику рукопашного боя, в результате чего на спине появились кровоподтеки от слишком частых падений на старенькие изношенные маты.

Встреч в Лондоне было две: очень короткий инструктаж и очень короткое прощание.

Его доставляли туда на машине, и каждый раз свидание обставлялось по-разному. У Грин-парка паролем служил пластиковый пакет из магазина «Фортнум энд Мейсон» (Универмаг в Лондоне, рассчитанный на богатых покупателей. "Часовая башня здания парламента в Лондоне). А на набережной он держал в руке старый номер журнала «Тайм», на обложке которого (по воле случая) была запечатлена весьма упитанная физиономия председателя Мао, и красная рамка, и подписи под фотографией в косых лучах заходящего солнца резко выделялись на белом фоне обложки. Часы на Биг Бене пробили шесть, Джерри сосчитал удары. Согласно правилам, такие встречи ни в коем случае не назначались на ровный час, четверть

или половину, а только в промежутки между ними, потому что считается, что это не так бросается в глаза.

Шесть часов осенью… Колдовской час, когда запах залитых дождями и засыпанных опавшими листьями крикетных полей Англии стелется над водой, смешиваясь с клочьями тумана, плывущего в сумерки над рекой. Джерри коротал время, пребывая в приятном состоянии, близком к трансу, бездумно впитывая все эти ароматы и почему-то сильно прищурив левый глаз.

Заскрежетав тормозами, автофургон остановился около Уэстерби. Это оказался видавший виды зеленый «бедфорд» с лестницей на крыше и надписью на боку: «Строительная фирма Харриса». Старая колымага, со стальными ставнями на окнах, Долго служившая верой и правдой в качестве машины наблюдения, теперь находилась на заслуженном отдыхе. Увидев, как подъехал фургон. Джерри направился к нему. Шофер, угрюмый молодой парень с заячьей губой, высунул в открытое окно голову с коротко стриженными волосами.

– А где же Уилф? – грубо и требовательно спросил он. – Мне сказали, что с тобой будет Уилф.

– Придется довольствоваться одним мной, – с обидой отозвался Джерри. – Уилф сегодня работает в другом месте.

Открыв заднюю дверцу, он забрался внутрь и захлопнул дверь: сиденье впереди, рядом с шофером, было умышленно заложено листами фанеры, и там для него места не было.

За всю дорогу они не вымолвили ни слова.

В былые времена водителями в Цирке работали в большинстве своем сержанты – нормальные ребята, с которыми Джерри всегда мог перемолвиться парой слов. Теперь все было иначе. Когда он ездил в Саррат, процедура была почти точь-в-точь такая же, только ехать по довольно ухабистой дороге нужно было чуть ли не сутки. Если везло и шофер не забывал бросить в заднюю часть фургона подушку, Джерри (даже после этой езды по ухабам) сохранял способность сидеть. Кабина водителя была отгорожена от места где, согнувшись, устраивался Джерри. Единственное, что он мог делать, так это смотреть наружу, подпрыгивая и скользя взад-вперед на деревянной скамье. И то мир был виден сквозь небольшие зазоры по краям стальных створок, закрывавших окна, поэтому окружающее выглядело, в лучшем случае, фрагментарно. Несмотря на это, Джерри довольно быстро по отдельным приметам начал узнавать места, по которым они проезжали.

Они миновали старые, давно отслужившие свое заводы, производящие гнетущее впечатление и похожие на плохо выкрашенные кинотеатры двадцатых годов; кирпичное здание придорожной закусочной с красной неоновой вывеской «Обслуживаем свадьбы». Острее всего сказалось впечатление того первого – и последнего – вечера в Цирке. Когда он приблизился к легендарным и таким знакомым башенкам, его охватило чувство, смутно похожее на благоговение, как бывало абсолютно всегда при приближении к этому дому: «Вот этому-то мы и служим». Сначала он увидел красную кирпичную стену, потом – черные стволы платанов, потом – разноцветные огни. Ворота распахнулись, фургон въехал во двор и резко, с глухим стуком, остановился. Кто-то открыл дверцы, в ту же минуту он услышал звук закрывающихся ворот, и мужчина громко прокричал, словно старшина в армии:

– Ну же, давай, парень, шевелись: оторви наконец задницу от подушки, черт тебя возьми! – Гиллем решил немногопоразвлечься.

– Привет, Питер, братишка, как дела? Господи, до чего же холодно!

Не утруждая себя ответом, Гиллем бодро хлопнул Джерри по плечу, быстро захлопнул дверцу фургона, запер ее сверху и снизу, положил ключи в карман и почти бегом повел его по коридору, полностью разгромленному «хорьками» – должно быть, они уже не в силах были сдерживать свою ярость. Штукатурка местами была отбита, куски ее валялись под ногами, под

ней сверкала дранка; двери были сорваны с петель; местами свисали балки и перекрытия окон и дверей; кругом валялся битый кирпич, и все кругом было покрыто толстым слоем пыли.

– У вас тут что, ирландские террористы поработали? – воскликнул Джерри. – Или просто кто-то устраивал вечеринку?

Гиллем не расслышал вопроса из-за громкого звука шагов. Они быстро шагали вверх по лестнице, Гиллем – впереди, Джерри – за ним по пятам, смеясь и громыхая ботинками по голым деревянным ступенькам. У двери Джерри подождал, пока Гиллем возился с замками. Потом снова подождал, пока их закрыли.

– Вот и пришли. Добро пожаловать!.

Они были на шестом этаже. Теперь они шли спокойно, без гонки и шума, – английские младшие офицеры, которым сделали замечание и призвали к порядку. Коридор повернул налево, направо, они поднялись на несколько узких ступенек. Треснувшее овальное зеркало, снова ступеньки: две вверх, три вниз. Они подошли к конторке охранника, за ней никого не было. Слева сияла комната для совещаний – пустая, с креслами, расставленными не очень ровным кругом, и с камином, в котором весело горел огонь. Они прошли мимо и вошли в длинную приемную с коричневым ковром на полу, на дверях которой висела табличка «Секретариат». Три «мамаши» с ниточками жемчуга на шеях не спеша печатали при свете настольных ламп. В дальнем конце комнаты виднелась давно некрашенная и захватанная около ручки дверь. На ней не было ни прорези, ни наличника для замка. Джерри заметил только отверстия от шурупов и отличающееся по цвету место, где когда-то был замок. Гиллем толкнул дверь без стука, просунул голову в образовавшуюся щель и негромко спросил, обращаясь к кому-то в комнате. Потом попятился назад и пропустил Джерри вперед: Джерри Уэстерби предстал пред светлые очи самого.

– Черт возьми, Джордж! Потрясающе! Привет!

– Не задавай ему вопросов о жене, – предупредил его Гиллем торопливой, едва слышной скороговоркой, которая еще долго звучала у Джерри в ушах.

Как можно охарактеризовать их отношения? Отец и сын? Мозг одного и повинующееся ему ловкое мускулистое тело другого? Возможно, точнее всего было бы сказать, что они были духовными отцом и сыном, что для людей их профессии считается самыми крепкими узами.

– Старина, да ты молодцом, – пробормотал Джерри с неловким смешком.

Когда друзья-англичане встречаются после долгой разлуки, они не могут найти подходящих слов для того, чтобы по-настоящему выразить охватившие их чувства. Особенно когда они стоят друг против друга в мрачном казенном кабинете, где неоткуда черпать вдохновение, и самый изящный предмет обстановки – сосновый стол. Джерри протянул руку – на долю секунды мускулистая ладонь хорошего игрока в крикет соприкоснулась с мягкой ладонью Смайли. Начальник двинулся к камину, где для них были приготовлены два немало послуживших на своем веку, старых кресла с потрескавшейся кожей, а следом за ним, на некотором расстоянии, – Джерри. Здесь тоже, несмотря на раннюю осень, в камине горел огонь, но гораздо более скромный, чем в комнате для совещаний.

– Ну, как там, в Лукке? – спросил Смайли, наливая из бутылки в стаканы.

– В Лукке замечательно

– Да что ты? Тогда, наверное, здорово не хотелось уезжать?

– Черт побери, нет. Все превосходно. Потрясающе. Твое здоровье!

– И твое тоже! Они сели.

– Почему «потрясающе», Джерри? – спросил Смайли, как будто это слово было ему незнакомо.

На столе ничего не было, вся комната была пуста, что делало ее похожей на кабинет без хозяина.

– Я думал, что со мной покончено, – объяснил Джерри. – Что меня навсегда вывели в тираж. Когда я получил телеграмму, у меня аж дыхание перехватило. Я думал: ну что ж, должно быть, Билл засветил меня так, что только слепой не увидел бы. Он ведь всех остальных засветил, так почему же я должен быть исключением?

– Да, – согласился Смайли, как будто он разделял недоумение Джерри, и некоторое время смотрел на него, откровенно разглядывая и не скрывая, что пытается в чем-то разобраться. – Да-да, конечно. Но, судя по всему, пожалуй, у него так и не дошли руки до того, чтобы выдать всю сеть наших внештатных сотрудников, привлекавшихся к выполнению отдельных заданий. Мы нашли следы его активной работы практически во всех остальных отделах архива, но материалы по внештатникам были собраны под названием «Дружественные контакты» в разделе «Армейский добровольческий резерв», а это, по сути дела, совершенно самостоятельный архив, к которому он не имел доступа. Это совсем не означает, что он считал вас не заслуживающими внимания, – поспешил добавить Смайли, – просто другие проблемы были для него важнее.

– С этим я вполне могу жить, – усмехнулся Джерри.

– Рад это слышать, – ответил Смайли. Поднявшись с кресла, он снова наполнил стаканы, подошел к камину, взял медную кочергу и начал задумчиво ворошить угольки. – Лукка… Да… Однажды мы с Энн ездили туда. Очень давно – должно быть, лет одиннадцать или двенадцать назад. Там все время шел дождь. – Он коротко рассмеялся. В небольшой нише в дальнем углу комнаты Джерри углядел узкую и на вид довольно жесткую походную кровать, в изголовье которой выстроился целый ряд телефонов. – Я помню, мы принимали ванны, – продолжал Смайли. – Тогда было модно там лечиться. Одному Богу известно, от чего именно мы лечились. – Он снова начал энергично ворошить в камине, и на этот раз огонь разгорелся, отбрасывая на круглое лицо оранжевые отсветы, так что толстые стекла его очков засверкали золотым блеском. – А ты знал, что поэт Гейне пережил там сильнейшее романтическое приключение? Роман… Я теперь даже думаю, что мы и поехали туда именно поэтому. Надеялись, что и на нас снизойдет благодать.

Джерси пробормотал в ответ что-то не очень вразумительное, не будучи вполне уверен в этот момент, кто такой Гейне.

– Он принимал ванны, пил воду и, занимаясь всем этим, встретил женщину, уже одно имя которой произвело на него такое неизгладимое впечатление, что он стал звать так свою жену. – Смайли еще мгновение постоял, освещенный отблесками огня, горевшего в камине. – У тебя ведь тоже там было романтическое приключение?

– Да нет, ничего особенного. Ничего такого, о чем нужно было бы писать домой, родным.

«Это дело рук Бесс Сандерс, – автоматически подумал Джерри, почувствовав, что земля слегка закачалась у него под ногами, но потом снова встала на место. – Да, Бесс – это естественная и неотъемлемая часть всезнающей службы. Отец – отставной генерал, главный шериф графства. Должно быть, у старушки Бесс по тетушке в каждой секретной конторе на Уайтхолле».

Снова нагнувшись, Смайли аккуратно поставил кочергу в угол, как будто возлагая венок.

– Человеческие привязанности совсем не обязательно противоречат нашим интересам. Мы просто предпочитаем знать об этих привязанностях.

Джерри промолчал.

Смайли, повернув голову, через плечо бросил на него взгляд, и тот изобразил на лице улыбку, чтобы сделать ему приятное, но она вышла немного натянутой.

– Могу сказать тебе, что даму, внушившую Гейне такую любовь, звали Матильда Эрвин, – Смайли вернулся к прерванному разговору, и улыбка Джерри превратилась в неловкий смешок. – Да, должен признать, по-немецки оно звучит несколько приятнее. Кстати, как книга?

Мне очень не хотелось, чтобы мы спугнули твою музу. Я бы себе этого не простил, можешь быть уверен.

– Никаких проблем, – ответил Джерри.

– Что, закончил?

– Да нет, не совсем. Ты же знаешь, как это бывает. Они замолчали, и какое-то время был слышен только стук пишущих машинок в комнате «мамаш» да шум уличного движения.

– Ну, тогда мы постараемся создать для тебя все условия, когда все будет позади, – сказал Смайли. – Я обещаю. А как прошла встреча со Стаббсом?

– Никаких проблем, – снова повторил Джерри.

– Можем мы еще что-нибудь сделать, чтобы помочь тебе все уладить?

– Да нет, не думаю.

Из коридора, ведущего к приемной, послышались шаги. «Ага, – подумал Джерри, – а вот и вожди могущественных кланов собираются на военный совет».

– Как настрой? Готов к ратным подвигам и все такое прочее? – спросил Смайли. – Ты действительно готов? Уверен, что ничего не имеешь против?

– Никаких проблем. «Почему я не могу сказать еще что-нибудь? – удивился он про себя. – Прямо как будто пластинку заело, черт побери».

– У многих сейчас настрой совсем не тот. Никакого желания во все это снова ввязываться. Особенно в Англии. Многие считают, что удобнее исповедовать другую жизненную философию: подвергать все сомнению. Считают, что они в середине, на нейтральной полосе, над битвой, хотя на самом деле такой позиции просто нет. Сторонние наблюдатели никогда не выиграли ни одной битвы, согласен? Мы, работающие в этой системе, это понимаем. Нам повезло. Наша нынешняя война началась в 1917 году, вместе с большевистской революцией. И ничего с тех пор пока не изменилось.

Смайли теперь стоял на другом конце комнаты, недалеко от кровати. На стене за ним висела, отражая свет разгоревшегося в камине огня, старая зернистая фотография. Джерри заметил ее сразу же, как только вошел. Сейчас, в этот напряженный момент, он словно почувствовал, что за ним изучающе наблюдают сразу двое: Смайли и глаза" смотревшие на него с размытой фотографии за стеклом, на котором играют отсветы каминного огня. Звуков, говоривших о том, что за дверью что-то происходит, становилось все больше. Они слышали голоса и обрывки смеха, скрип стульев.

– Я где-то читал, – сказал Смайли, – кажется, у какого-то историка, американца, – он писал о поколениях, которые рождаются в долговой тюрьме и проводят всю свою жизнь, пытаясь расплатиться с долгами и выйти на свободу. Я думаю, наше поколение именно такое. Согласен? И у меня по-прежнему такое ощущение, что я еще не со всеми долгами расплатился. А у тебя нет? Я всегда был благодарен службе за то, что она дала мне возможность платить по этим долгам. У тебя нет такого ощущения? Я думаю, нам не нужно стыдиться того, что мы кладем свою жизнь на алтарь. Наверное, я тебе кажусь старомодным?

Лицо Джерри словно наглухо захлопнулось. Когда он долго не видел Смайли, он всегда забывал об этой его черте, а когда встречался с ним снова – вспоминал слишком поздно. В старине Джордже было что-то от несостоявшегося проповедника, и чем, старше он становился, тем заметнее это проявлялось. Казалось, он думает, что весь этот проклятый западный мир озабочен теми же проблемами, что и он, и что всех надо просто наставить на путь истинный.

– И в этом смысле, я думаю, мы имеем полное право гордиться тем, что мы чуть-чуть старомодны…

Больше Джерри просто не мог выдержать.

– Старина, – взмолился он с вымученным смешком: он чувствовал, что кровь прилила к лицу, – ради всего святого. Ты говоришь, что нужно делать, я выполняю приказ. Ладно? Это

ты у нас мудрая сова, которая все знает и понимает, а не я. Ты говоришь, куда бить, – я наношу удар. В мире полным-полно интеллектуалов, умеющих рассуждать на любую тему, у которых всегда наготове дюжина самых разных аргументов против того, чтобы, черт возьми, высморкаться. И еще один такой никому не нужен. Ладно? Господи Боже мой, ну, ты ведь понимаешь, что я хочу сказать?

Резкий стук в дверь возвестил, что вернулся Гиллем.

– Трубки мира уже зажжены. Босс.

В этот момент Джерри показалось, что он расслышал слова «дамский угодник», что его немало удивило, но он не понял, относились ли они к нему самому, или к поэту Гейне – да, впрочем, его это не слишком волновала Смайли постоял в нерешительности, нахмурился и, казалось, вернулся с высот, на которые мысленно воспарил. Он взглянул на Гиллема, потом снова на Джерри, после чего сфокусировал взгляд где-то посередине, как это умеют делать ученые мужи в Англии.

– Да… ну ладно, тогда, пожалуй, мы можем приступать к делу. Давайте заведем часы, – сказал он с отсутствующим видом.

Когда они гуськом, по одному, выходили из комнаты, Джерри остановился, чтобы в полной мере оценить фотографию на стене; он насмешливо улыбался, надеясь, что Гиллем тоже немного задержится. Так и произошло.

– Похоже, что он проглотил свою последнюю шестипенсовую монету, – сказал Джерри. – Кто это?

– Карла, – ответил Гиллем. – Тот самый, который завербовал Билла Хейдона и на кого он работал. Главный русский шпион.

– Да? – А имя больше похоже на женское.

– Это кодовое название первой созданной им агентурной сети. Некоторые утверждают, что так звали его первую и единственную любовь.

– Ну и черт с ним, – беззаботно сказал Джерри и, все еще насмешливо улыбаясь, направился вместе с Гиллемом к комнате для совещаний.

Возможно, Смайли умышленно ушел вперед, он не мог слышать их разговора.

– Ты по-прежнему вздыхаешь по той ненормальной девице – ну, той, что играет на флейте? – спросил Джерри.

– Она теперь уже не такая ненормальная, – ответил Гиллем.

Они прошли еще несколько шагов.

– А у него? Снова сбежала? – сочувственно поинтересовался Джерри.

– Вроде того.

– А он сам-то как – с ним все в порядке? – Джерри кивнул на одинокую фигуру впереди, изо всех сил стараясь показать, что его это нимало не интересует. – Ест он нормально?За собой следит? Ну, одежда там, и все такое прочее?

– Все в полном порядке, лучше не бывает. А что?

– Да нет, ничего, просто спросил.

Из аэропорта Джерри позвонил дочери Кэт – он это редко делал, но сейчас ему казалось, что момент подходящий. Он понял, что был не прав, что делать этого не следовало, еще прежде чем опустил монету в автомат, но взыграло упрямство – он не положил трубку. Даже до боли знакомый голос бывшей жены не заставил его отказаться от этого намерения.

– Алло! Привет! Это я. Здорово. Рад тебя слышать. Как дела у Фила?

Это был ее нынешний муж, государственный служащий. Ему совсем немного оставалось до пенсии, хотя он был моложе Джерри, наверное, на целых тридцать сумасшедших жизней.

– Спасибо, у него все просто замечательно, – ответила она тем ледяным тоном, которым разговаривают бывшие жены со своими бывшими мужьями, когда встают на защиту своих нынешних супругов. – Ты звонишь, чтобы узнать об этом?

– Да нет, я, понимаешь ли, просто захотел поболтать с малышкой Кэт. Уезжаю ненадолго на Восток, снова впрягся в газетную лямку, – ответил он. Ему казалось, что он должен как-то объяснить это. – Газете понадобилась рабочая лошадка.

Джерри услышал стук, с которым она положила телефонную трубку на комод. «Дубовый комод, – вспомнил он. – С ножками в форме сплетенных колосьев ячменя. Еще одна из вещей, оставшихся от былого великолепия домов Самбо».

– Папа?

– Привет! – заорал он что было мочи, словно их плохо соединили или как будто он не ожидал услышать ее голос, – Это ты, Кэт? Здравствуй. Послушай, детка, ты получила мои открытки и все прочее? – Он прекрасно знал, что получила. Она регулярно благодарила его в своих еженедельных письмах.

Не слыша в трубке ничего, кроме того же «Папа?», которое она повторила еще раз с вопросительной интонацией, Джерри спросил бодрым голосом:

– Ты все еще собираешь марки? Да? Видишь, я ведь опять еду на Восток.

Тем временем объявляли посадку на какие-то рейсы, приземлялись самолеты, перемещались целые миры, но Джерри Уэстерби, который говорил со своей дочерью, оставался неподвижным среди всего этого движения.

– Ты когда-то просто с ума сходила по маркам, – напомнил он.

– Мне уже семнадцать.

– Ну да, ну да, конечно. Так что ты коллекционируешь теперь? Подожди-подожди, не говори, я сам догадаюсь… Мальчиков? Так? – Стараясь ни на секунду не сбиться с жизнерадостно-шутливого тона, он продолжал в том же духе, переминаясь с ноги на ногу, словно пританцовывая в своих ботинках из оленьей кожи, пересыпая речь шутками и сам же смеясь над ними. – Послушай, я там тебе послал немного денег. Через Блатта. Нечто вроде подарка ко дню рождения и к Рождеству одновременно. Ты, пожалуйста, посоветуйся с мамой, прежде чем тратить их. Или, может быть, с Филом. Ладно? Он вроде бы разумный парень, так ведь? Давай-ка, поставь передним задачу, пусть поломает голову. Это вроде бы по его части. – Он открыл дверцу телефонной будки, чтобы создать впечатление царящей вокруг спешки и суматохи. – Ну ладно, Кэт, кажется, объявляют посадку на мой самолет, – прокричал он, перекрывая шум аэропорта. – Береги себя, слышишь? Будь умницей. Знай себе цену. Ты понимаешь, что я хочу сказать?

Он встал в очередь перед стойкой бара, но в последний момент в нем проснулся инстинкт человека, немало поездившего по Востоку, и он перешел на другой конец зала, к кафетерию. Очень может быть, что не скоро удастся ему снова выпить стакан свежего коровьего молока. Пока он стоял в этой очереди, у Джерри возникло ощущение, что за ним кто-то наблюдает. Но это было неудивительно: в аэропорту люди всегда наблюдают друг за другом, так что, какого черта? Он подумал о Сиротке и пожалел, что у него нет времени встретиться с какой-нибудь женщиной, хотя бы только для того, чтобы стереть из памяти тяжелое воспоминание об их вынужденном расставании.

Смайли шел по улице: невысокий полноватый мужчина в непромокаемом плаще. Журналисты, поднаторевшие в описании людей, принадлежащих к разным слоям общества, и

разбирающиеся в этом гораздо лучше, чем Джерри, наблюдая за его продвижением по улочкам и переулкам, примыкающим к Чаринг-Кросс-роуд, с присущей им проницательностью сразу же определили бы, к какому типу людей принадлежит Джордж: типичный представитель армии людей в макинтошах – завсегдатаев салонов, где мужчины и женщины могут вместе попариться в сауне, или книжных магазинчиков «Только для мужчин».

Дальние прогулки вошли у него в привычку. Сейчас, когда Смайли снова был полон энергии, он мог не заметив обойти если не весь Лондон, то уж половину-то наверняка Теперь, когда он хорошо изучил все улицы и переулки вокруг, он мог выбрать один из двух десятков знакомых маршрутов от площади Кембридж-серкус, никогда не повторяясь. Сделав первые шаги и задав направление, он отдавался на волю случая и инстинкта и шел, не думая о дороге, в то время как его ум полностью сосредотачивался на том, чтобы разобраться в своих самых сокровенных душевных движениях. Но сегодня вечером у прогулки была особая цель, она заставляла его направлять шаги на юго-восток, и Смайли не сопротивлялся этому желанию. Воздух был влажным и холодным, вокруг висела густая пелена пронизывающего до костей тумана. В такие дни кажется, что уже никогда больше не увидишь солнца. Он шел, погрузившись в свой собственный мир, который был заполнен не людьми, а образами. И непроницаемая белая стена тумана, словно еще одна преграда, отгораживающая его от остального мира, оставляла его наедине с его мыслями. У дверей какого-то дома шептались двое убийц в кожаных пальто; темноволосый мальчик, сердито сжимавший в руках футляр со скрипкой, стоял в кругу света под уличным фонарем. У входа в театр толпились люди, и неоновые огни, горевшие над навесом театрального подъезда, бросали на них огненный отблеск – туман клубился вокруг них, словно дым.

Еще никогда Смайли не приходилось вступать в сражение, зная так мало и ожидая от его исхода так много. Он чувствовал, как его неудержимо тянет начать как можно скорее, и в то же время у него было ощущение, что за каждым его шагом следят. Даже уставая и на минуту отступая назад, он пытался проанализировать логику того, что собирается предпринять. Она не давалась, ускользала. Смайли оглядывался назад – и видел страшную пропасть, в которую низвергнется все в случае поражения. Он всматривался вперед – и сквозь запотевшие очки видел в тумане призывно манящие миражи, сулящие исполнение всех надежд. Подслеповато щурясь, он оглядывался вокруг себя – и понимал, что если останется на месте, не пойдет вперед, то ничто не сдвинется с мертвой точки. Он снова шел вперед, но твердой уверенности в правильности того, что он делает, не было. Не помогало и то, что он снова и снова анализировал шаги, приведшие его к этой точке: русская «золотая жила», явные следы личной армии Карлы и скрупулезность, с которой Хейдон, не жалея усилий, пытался уничтожить все напоминания о них. Но помимо внешних причин Смайли ощущал в себе существование темной побудительной силы, гораздо более неопределенной, которую его рациональное начало по-прежнему отказывалось признавать. Он называл это одним словом – Карла. И действительно, где-то глубоко внутри в нем продолжала тлеть и жечь душу ненависть к человеку, для которого главной целью было разрушить все, что было свято для Смайли как человека и личности – пусть не так много оставалось уже этих святынь: служба, которую он нес верой и правдой; друзья; страна; представление о том, каким должен быть разумный баланс в делах человеческих. Было правдой и то, что однажды, давным-давно, целую жизнь или даже две жизни назад, эти два человека на самом деле столкнулись лицом к лицу в душной индийской тюрьме, их разделял только железный стол – но тогда ничто не подсказало Смайли, что сама его судьба сидит перед ним. Карла был в большой немилости в Москве, Смайли пытался переманить его на Запад, но тот упорно молчал в ответ на уговоры, предпочитая смерть или даже еще более страшную судьбу на родине мгновенному избавлению от всех проблем, которое принесло бы ему отступничество. Правда и то, что время от времени в памяти Смайли возникало воспоминание об этой встрече – лицо Карлы, небритое и настороженное, его обращенный внутрь взгляд. И это воспоминание было как обвиняющий призрак, глядящий на

него из темноты небольшого кабинета, когда он забывался некрепким сном на своей походной кровати.

Но он не мог сколько-нибудь долго испытывать ненависть ни к кому – если, конечно, это не была та ненависть, которая является обратной стороной любви.

Он приближался к улице Кингз-роуд в Челси (Фешенебельный район в западной части Лондона). Здесь туман был еще сильнее из-за близости к реке. Вверху, высоко над головой, среди голых ветвей деревьев, горели круглые уличные фонари, похожие на китайские фонарики. Машин было мало, ехали они осторожно. Смайли перешел через улицу и повернул на Байуотер-стрит – небольшую улочку, заканчивавшуюся тупиком, застроенную аккуратными домиками с плоским фасадом. Теперь он шел по западной стороне улицы, стараясь держаться незаметно. Был тот вечерний час, когда все уже вернулись домой и отдыхают или принимают гостей; он видел в чужих окнах беседующих людей: губы двигались, хотя и не было слышно, что они говорят. Он узнавал некоторых из них, для кого она даже придумала имена: Кот Феликс, Леди Макбет, Толстяк. Он поравнялся со своим домом. Когда они уезжали, она договорилась, что к возвращению ставни покрасят в голубой цвет – они все еще были такими. Шторы не задернуты, потому что она терпеть не могла ощущения замкнутого пространства. Она одиноко сидела у секретера, как будто вся эта сцена специально рассчитывалась на него: красивая женщина и добродетельная жена, заканчивая свой день, занимается счетами и прочими хозяйственными делами. Она слушала проигрыватель, и влажный воздух донес до него слабое эха Сибелиус. Он не слишком хорошо разбирался в музыке, но хорошо знал все ее пластинки, а Сибелиуса несколько раз хвалил из вежливости. Он не мог видеть граммофон, но знал, что он стоит на полу, там, где она всегда его ставила, слушая музыку с Биллом Хейдоном во время их романа. Захотелось узнать, лежит ли рядом немецкий словарь и сборник немецкой поэзии. Несколько раз на протяжении последних десяти или двадцати лет, обычно сразу же после примирений, она преувеличенно прилежно начинала учить немецкий язык, чтобы Смайли мог читать ей вслух по-немецки.

Пока он смотрел, она поднялась из-за секретера, прошла по комнате и, остановившись на мгновение у изящного зеркала в позолоченной раме, поправила волосы. Она часто писала памятные записки и засовывала их под раму этого зеркала. «Есть ли там сейчас что-нибудь?» – подумал он. «Устроить скандал в гараже», «Отменить обед с Мадлен», «Сказать мяснику все, что я о нем думаю». Иногда, когда не все у них было хорошо, она таким же образом писала записки, предназначенные для него: «Заставить Джорджа улыбнуться, неискренне извиниться перед ним за мои прегрешения.» А когда отношения стали такими, что хуже некуда, она писала ему длинные письма и оставляла их там же, чтобы он мог их найти и прочитать.

Он удивился, увидев, что она выключила свет. Послышался звук задвижки входной двери. «Теперь накинуть цепочку», – подумал он автоматически. Закрыть на два оборота надежный замок Банамз. Сколько раз я должен тебе повторять, что задвижка очень ненадежна – ведь ее держат только слабенькие шурупы. Но все равно странно: он почему-то надеялся, что она не будет закрывать дверь на задвижку, на случай, если он вдруг захочет вернуться. Зажегся свет в спальне. В окне силуэт выглядел как картина, заключенная в раму: она была похожа на ангела, воздевшего руки к небу. Она дотянулась до штор, потянула их, почти прижав к себе, – и вдруг остановилась. На мгновение его пронзил страх, что она его увидела, но он тут же вспомнил о ее близорукости и о том, что она упрямо не желает носить очки. «Она собирается куда-то, – подумал он. – Она собирается переодеться для выхода». Женщина немного повернула голову так, как будто ее кто-то позвал. Ее губы двигались, на них появилась игривая улыбка. Руки снова поднялись – на этот раз к верхней пуговице домашнего платья. В этот самый момент другие, нетерпеливые руки задернули шторы до конца.

«О, только не это», – безнадежно взмолился Смайли. – «Пожалуйста, подожди, пока я уйду!»

Еще минуту или немного дольше он стоял на тротуаре, глядя на погасшее окно и не веря своим глазам, пока гнев, стыд и, наконец, отвращение к самому себе не захлестнули его, причинив невыносимую, почти физическую боль. Тогда он повернулся и, ничего не видя вокруг, торопливо зашагал назад, к Кингз-роуд. Кто же этот мужчина? Еще один любующийся собой безусый балетный танцовщик? Или этот ее мерзкий кузен Майлз, честолюбивый политик, поставивший себе цель сделать карьеру? Или какой-нибудь красавчик Адонис на одну ночь, которого она подцепила в одном из баров поблизости?

Когда раздался звонок городского телефона, Питер Гиллем сидел в одиночестве в комнате для совещаний. Он был немного навеселе, и его томили два желания: он страстно жаждал оказаться сейчас где-нибудь наедине с Молли Микин и обладать ею. Так же сильно он желал, чтобы поскорее вернулся Джордж Смайли. Гиллем снял трубку и услышал негодующий, запыхавшийся голос Фона.

– Он ускользнул от меня! – кричал тот. – Он меня провел?

– Значит, ты полный идиот, – с садистским удовольствием ответил Гиллем.

– Сам ты идиот! Он, как обычно, пошел к своему дому, так? Как всегда, Я ждал его поодаль. Некоторое время спустя он возвращается из переулка на улицу, смотрит прямо на меня – и не видит. Совсем не видит, как будто я грязь у него под ногами. Просто грязь. А в следующий момент его уже нет, я совсем один. Как ему это удалось? Куда он пошел? Я же его друг, черт побери! Что он о себе думает? Коротышка несчастный! Толстяк! Да я его просто убью!

Гиллем рассмеялся. Не говоря больше ни слова, он положил трубку.

«Поджаривание» Фроста

Снова Гонконг, и снова суббота, но о тайфунах уже забыли. Стоит ясный жаркий день: нещадно печет солнце, на небе ни облачка, и воздух раскален так, что трудно дышать, В Гонконгском клубе часы безмятежно пробили одиннадцать, их бой серебристо прозвенел в обшитой деревянными панелями комнате так, как будто где-то далеко, на кухне, со звоном упали на пол маленькие серебряные ложечки. Самые лучшие места уже были заняты теми, кто читал «Телеграф» (Разговорное от «Дейли телеграф» – ежедневная газета правоконсервативного направления) за прошлый четверг, в котором была нарисована весьма мрачная картина морального и экономического упадка их исконной родины.

– Фунт стерлингов снова падает, – сварливо проворчал один, не вынимая трубку изо рта. – Электрики бастуют. Железнодорожники бастуют. Пилоты бастуют.

– Надо спросить, а кто же работает? – так же ворчливо откликнулся другой.

– Если бы я был главным начальником в Кремле, я мог бы сказать, что мы поработали великолепно, – категорично заявил первый, чеканя слова, что делало речь похожей на военную команду.

Со вздохом, тем же решительным тоном он заказал два сухих мартини. Обоим говорившим было не больше чем по двадцать пять лет, но когда вы – патриот своей страны и вынуждены искать на чужбине возможность побыстрее разбогатеть, это довольно быстро вас старит.

Клуб иностранных журналистов сегодня выглядел довольно благопристойно – добропорядочных горожан было гораздо больше, чем журналистов. Без старины Кро, который как-то сплачивал их, шанхайские любители игры в кегли разбрелись в разные стороны, а несколько человек совсем уехали из колонии. Фотографы, привлеченные перспективой новых сражений в Камбодже. – сезон дождей закончился – перебрались в Пномпень. Ковбой был в сейчас в Бангкоке, не желая пропустить ожидаемого возобновления студенческих волнений; Люк – в своем корпункте, а его босс по прозвищу Карлик ссутулившись сидел у стойки бара, в

окружении обитающих в пригородах респектабельных англичан в темных брюках и белых рубашках, и обсуждал с ними достоинства коробки передач за тысячу сто.

«Но на этот раз холодное! Слышишь? Оч-чинь ха-лодный и быстро – топ-топ».

Даже Рокер притих. Сегодня его сопровождала жена, которая когда-то работала в миссионерской школе на Борнео. Это была сухопарая и вечно всем недовольная женщина с короткой стрижкой и с особым нюхом на грешников – казалось, она чуяла грех еще до того, как у самого грешника появлялись грешные мысли.

А в это же время, километрах в трех к востоку от клуба, на улице Клаудвью-роуд, куда на автобусе можно было доехать за тридцать центов (впрочем, поездка на городском автобусе в любом направлении и на любое расстояние стоила столько же), в районе Норт Пойнт, который, как говорят, является одним из самых плотно заселенных уголков нашей планеты; как раз там, где город начинает карабкаться к Пику, на шестнадцатом этаже многоэтажного дома под номером 7 А, на матрасе лежал Джерри Уэстерби, напевая какие-то свои слова на мелодию песенки «Рассвет в Майами» и наблюдая, как раздевается красивая девушка в окне напротив. Матрас был больше двух метров, предполагалось, что на нем будет спать целая семья китайцев, положив его не вдоль, а поперек, и, пожалуй, впервые за всю жизнь ноги Джерри не свисали с койки. Она была значительно длиннее кровати в квартире Пет, которую проще было бы называть колыбелькой, и даже длиннее кровати в Таскани. Там это не имело большого значения, потому что рядом с ним была женщина, к которой можно было прижаться, а когда лежишь рядом с женщиной, не вытягиваешься в постели во весь рост. А вот сейчас девушка, на которую он смотрел, находилась метрах в десяти от него – впрочем, она могла бы быть и за двадцать километров отсюда – это не сделало бы ее более недосягаемой. Каждое утро, уже девять дней, пока он жил здесь, она точно так же раздевалась и мылась, что неизменно доставляло Джерри удовольствие и вызывало восхищение. Когда ему везло, удавалось наблюдать всю церемонию от начала до конца, с того момента, когда она склоняла голову набок, чтобы распустить свои черные, до пояса, волосы, и до последнего, когда она целомудренно закутывалась в махровую простыню и возвращалась в другую комнату, где жила вся ее семья из десяти человек. Он хорошо знал всех членов этой семьи. Как они моются, какую музыку любят, какую еду готовят, как занимаются любовью, какие праздники отмечают, как бурно ссорятся – так, что за них становится страшно. Единственное, в чем он не был уверен, так это в том, наблюдает ли он каждый день за одной и той же девушкой – или их на самом деле две.

Она исчезла из поля зрения, но он продолжал напевать. Джерри чувствовал возбуждение, как это бывало с ним всегда перед заданием, что бы ему ни предстояло: избежав слежки, добраться до места встречи где-нибудь на тихой улочке в Праге и в какой-нибудь подворотне обменяться маленькими свертками с насмерть перепуганным человечком или (это был его звездный час, нештатным сотрудникам такое вообще поручали нечасто) пройти пять километров на веслах в потемневшей от времени старой лодке и подобрать на пляже, на берегу Каспийского моря, радиста. Чувствуя опасность, Джерри каждый раз обнаруживал в себе удивительное самообладание, приподнятость и готовность мгновенно реагировать на любые неожиданности. И в то же время – ноющий, выматывающий душу страх. Но эти два разных ощущения отнюдь не противоречили друг другу. «Это произойдет сегодня», – подумал он.

В квартире было три маленьких комнаты, и пол во всех трех был паркетный. Это первое, что бросалось ему в глаза каждое утро, потому что ни в одной из комнат не было ни мебели, ни прочей утвари, за исключением матраса, кухонной табуретки, стола, на котором стояла его пишущая машинка, единственной во всей квартире обеденной тарелки, которую использовали как пепельницу, и уже далеко не нового календаря с обнаженными девицами за одна тысяча девятьсот шестидесятый год. С фотографии на календаре на него смотрела рыжеволосая красавица, чьи прелести сильно поблекли за прошедшие годы. Он отлично знал этот тип женщин: зеленые глаза, потрясающий темперамент и такая чувствительная кожа, что стоит

только прикоснуться к ней пальцем, остается след, – в конце концов она может выглядеть как пятнистый маскхалат. Кроме всего прочего, в квартире имели место быть: телефонный аппарат (один), допотопный проигрыватель для пластинок (один) и две трубки для курения опиума, висящие на двух вбитых в стену гвоздях, выглядевших очень по-деловому, – это был полный перечень интересов и пожитков Ганса Призывающего Смерть, который теперь находился в Камбодже и который уступил Джерри свою квартиру. Около матраса лежал мешок с книгами – на этот раз его собственный.

Граммофон доиграл пластинку до конца. Джерри легко поднялся на ноги, получше закрепив свою импровизированную набедренную повязку на поясе. В этот момент зазвонил телефон, поэтому он снова сел и, взяв шнур, подтянул аппарат по полу к себе. Это, как всегда, был Люк, и он приглашал сыграть в карты.

– Извини, приятель. Не могу. Сочиняю статейку. Попробуй поиграть в вист сам с собой.

Набрав номер «времени», Джерри услышал гортанный голос, ответивший сначала по-китайски, потом по-английски, и по второму поставил свои часы. Потом он подошел к граммофону и снова поставил «Рассвет в Майами» на максимальную громкость. Это была его единственная пластинка, но она хотя бы заглушала шум совершенно бесполезного кондиционера. Все еще продолжая что-то напевать, он открыл дверцу единственного стенного шкафа и вытащил из старого кожаного саквояжа, стоявшего на полу, хорошо послужившую на своем веку, пожелтевшую от времени теннисную ракетку, принадлежавшую когда-то его отцу и купленную еще в тридцатые годы. На ручке особыми несмывающимися чернилами были выведены инициалы «С У». Отвинтив ручку, Джерри извлек из ее глубин четыре ролика с микропленкой, переложенные серой тонкой прокладкой, и уже далеко не новую камеру для микросъемок, которую он, как человек консервативный, предпочитал всем более современным моделям, которые специалисты по фотографированию в Саррате пытались ему навязать. Зарядив кассету в камеру, он установил скорость пленки и чтобы проверить, хорошо ли установлена диафрагма, сделал три пробных кадра, направив объектив на грудь рыжеволосой красавицы. Потом прошлепал на кухню и словно верующий в церкви опустился на колени перед холодильником, развязывая узел на галстуке крикетного клуба «Фри Форестерз», который держал дверцу в закрытом положении. Затем вынул из холодильника три яйца и снова завязал галстук. В ожидании, пока они сварятся, он постоял у окна, поставив локти на подоконник и любуясь сквозь металлическую сетку, которая служила защитой от грабителей, на столь дорогие его сердцу крыши, похожие на гигантские ступени, спускавшиеся вниз, к самому морю.

Крыши домов здесь, в Гонконге, представляли собой особый мир, где разыгрывался захватывающе интересный спектакль: борьба людей за выживание наперекор сумасшествию

города. В огороженных колючей проволокой двориках на крышах в поте лица трудились работники маленьких курточных мастерских; проводились религиозные службы; кто-то играл в старинную китайскую игру маджонг; предсказатели будущего жгли благовонные палочки и принимали посетителей, заглядывая в свои толстенные коричневые книги. Прямо перед Джерри находился английский сад, разбитый по всем правилам искусства на тайком принесенной сюда, на крышу, земле. Немного ниже три старые женщины занимались разведением щенков чау-чау, которым предстояло закончить свой век на чьем-нибудь столе. Там были и школы, где обучали танцам, чтению, балету, гимнастике и боевым искусствам; школы, где можно было приобщиться к вершинам искусства или постичь мудрость Мао; и сегодня утром, пока Джерри варил яйца себе на завтрак, какой-то старик, закончив свой длинный и непонятный непосвященному ритуал гимнастических упражнений, установил маленький раскладной стульчик, сидя на котором он ежедневно нараспев декламировал изречения этого великого человека. Бедняки, если у них не было крыши, строили себе нечто вроде балконов, похожих на вороньи гнезда, при взгляде на которые кружилась голова – около трех метров в длину и меньше метра в ширину, которые крепились на самодельных

кронштейнах, загонявшихся под пол гостиной. Ганс Призывающий Смерть утверждал, что здесь все время совершаются самоубийства. Он говорил, что именно это держит его здесь. Поэтому, если он ни с кем не трахался, он любил сидеть у окна с фотоаппаратом «Никон» в надежде успеть заснять такое самоубийство. До сих пор это ему ни разу не удалось. Внизу справа находилось кладбище, что, как говорил Призывающий Смерть, считалось плохим соседством, и благодаря чему арендная плата была на несколько долларов ниже. Пока Джерри завтракал, снова зазвонил телефон.

– Про что статья? – спросил Люк.

– Шлюхи с Ванчай похитили Большого Му, – ответил Джерри. – Увезли его на остров Резчиков по Камню и держат в заложниках, требуя выкуп. Кроме Люка, обычно звонили только женщины Ганса, и, когда Джерри предлагал им себя вместо него, они не соглашались.

В ванной не было занавески, поэтому Джерри приходилось принимать душ в позе боксера, пригнувшись, на полусогнутых ногах, чтобы не устроить в ванной потоп. Вернувшись в спальню, он надел костюм, взял нож и, отсчитав от угла комнаты Двенадцать половиц, поддел лезвием ножа тринадцатую. В углублении, выдолбленном в битуме, на который был уложен паркет, лежал пластиковый пакет, а в нем – пачка американских долларов разного достоинства, паспорт на чужое имя – на случай если бы пришлось уносить ноги, – водительские права и кредитная карточка авиакомпании на имя подрядчика Уоррела. Еще – небольшой революьвер, который Джерри, в нарушение всех инструкций Цирка, купил у Ганса, во время своих поездок предпочитавшего обходиться без оружия. Из этого тайного хранилища Джерри взял пять стодолларовых купюр, остальные положил на место и снова прикрыл половицей. Он опустил камеру и две запасные кассеты в карманы и, насвистывая, направился к выходу. Входная дверь была укреплена выкрашенной в белый цвет железной решеткой, которая могла бы задержать опытного грабителя минуты на полторы. Именно столько времени ушло на это у Джерри, когда он однажды, от нечего делать, открыл замок отмычкой. Пришел лифт, до отказа забитый китайцами, тоже спускавшимися вниз. При виде Джерри все сразу вышли. Так было каждый раз. Джерри для них был слишком большой, безобразно отталкивающий и угрожающе-чуждый.

И вот так, – подумал Джерри с напускной веселостью, шагнув в полумрак автобуса, идущего в центр города, – дети святого Георгия отправляются спасать империю.

"Время, потраченное на подготовку, никогда нельзя считать потерянным зря, – гласит немного тяжеловесный афоризм, формулирующий принцип, внушаемый всем агентам в «яслях», о том, как надо проверять, нет ли за тобой слежки.

Иногда Джерри чувствовал, что все, чему его учили в Саррате, вошло у него в плоть и кровь и составляет самую его суть, а все остальное просто не существует. Если следовать обычной человеческой логике, он мог напрямую отправиться к конечной цели своего путешествия: это было вполне возможно. Если следовать обычной логике, не было абсолютно никаких причин, особенно после вчерашней совместной попойки, против того, чтобы подъехать на такси к парадному входу, бодрым шагом войти в здание, смело бросить вызов своему новому закадычному приятелю и покончить со всем этим. Но он не мог действовать, следуя обычной человеческой логике. Говоря языком Саррата, Джерри приближался к «моменту истины» всей этой операции к моменту, когда за ним со стуком захлопнется дверь, после чего для него нет иного пути – только вперед. Это момент, когда каждый год из всех его двадцати лет в разведке всплывает в памяти и кричит. «Будь осторожен!» Если есть опасность попасть в ловушку, то она, скорее всего, будет поджидать его именно здесь. Даже если они заранее знают о его маршруте, тем не менее, по всему пути обязательно будут расставлены посты наблюдения. Люди в машинах или в оконах домов, мобильные команды наблюдения, которые будут «вести» его на случай неожиданностей: отклонения от маршрута или возникновения нового объекта для наблюдения. Если, образно говоря, Джерри еще может проверить, какая там, в бассейне, вода, прежде чем нырнет в нее с головой, то это только

сейчас, и никогда больше. Вчера вечером, когда они шатались по разным кабакам, за ним запросто могли наблюдать десятки местных сыскных агентов – «ангелов», но не хранителей, а он мог и не подозревать о том, что за ним следят. Но сейчас он мог покружить по городу и посмотреть, нет ли за ним «хвостов»; сейчас – по крайней мере, теоретически – у него была возможность установить это.

Он взглянул на часы. Оставалось ровно двадцать минут, а ему, даже если двигаться неторопливым, китайским, а не европейским шагом, достаточно было семи. Поэтому Уэстерби не спеша отправился в путь, ни на минуту не позволяя себе расслабиться. В других странах – практически, везде, кроме Гонконга, – он вышел бы намного раньше. За «железным занавесом», согласно «катехизису» Саррата на это понадобилось бы полдня, если не больше. Он мог бы отправить письмо самому себе – просто для того, чтобы пройти полквартала, остановиться у почтового ящика, а потом повернуть назад, проверив при этом, не замедлил ли кто-то шаг, не постарался ли избежать встречи с ним лицом к лицу, он проверил бы, нет ли поблизости классических постов наблюдения: двое людей с одной стороны, трое – через дорогу, и «переднее наблюдение», маячащее где-то невдалеке перед ним.

Но парадокс состоял в том, что, хотя сегодня утром он тщательно соблюдал всю предписанную правилами процедуру, какое-то другое, его внутреннее " я " сознавало, что он тратит время попусту: он знал, что на Востоке любой круглоглазый европеец мог жить все время в одном и том же квартале и даже не подозревать, что за каждым его шагом ведется неусыпное наблюдение. На каждом углу любой многолюдной улицы, по которой он проходил, стояли поодиночке и группками мужчины, старательно занимающиеся ничегонеделанием в ожидании чего-то, просто убивая время или бесцельно глазея на прохожих. Попрошайка вдруг потянулся и зевнул; мальчик-инвалид, чистильщик обуви, ринулся к ботинкам Джерри, когда тот проходил мимо, промахнулся и от досады щелкнул щетками друг о друга. Зловещего вида старуха, продающая порнографические открытки с европейскими и азиатскими девушками, приложив руку ко рту, что-то прокричала вверх – кому-то, кого не было видно за бамбуковыми лесами, окружавшими здание. Хотя мысленно Джерри всех их примечал и старался запомнить, он и сегодня точно так же не мог отличить их друг от друга, как и тогда, когда впервые приехал на Восток. Сколько лет назад это было? Двадцать? Господи, Боже мой! Двадцать пять лет назад! А проститутки? Или мальчики, предлагающие билеты незаконной лотереи? Или торговцы наркотиками, которые суют вам под нос что-то, завернутое в конфетные бумажки, приговаривая при этом: «Какие желаете? Желтые – за два доллара, синие – за пять. Хотите поймать кайф? Улетите в самые небеса, словно вы оседлали дракона!» Или, может быть, те, кто покупает миску риса у уличного торговца на другой стороне улицы? На Востоке, дружище, выжить может только тот, кто знает, что он ничего не знает.

Джерри следил за всем, что отражалось в полированном мраморе и стеклах витрин: полки, заполненные украшениями из янтаря, полки с изделиями из нефрита, наклейки, оповещающие о том, какие кредитные карточки принимаются в магазине, всевозможные электротовары и целые пирамиды черных чемоданов и сумок, с которыми, кажется, никто и никогда не путешествует. В магазине Картье красивая девушка раскладывала на бархатном подносе украшения из жемчуга. Почувствовав, что на нее кто-то смотрит, она подняла голову и взглянула на Джерри. И несмотря на то что все его мысли были сосредоточены на другом, в нем на какое-то краткое мгновение встрепенулся интерес, знакомый всем сыновьям Адама Но одного взгляда на его немного напряженную улыбку, неряшливый, далеко не безупречного покроя костюм и ботинки из оленьей кожи было достаточно, чтобы понять все, что ей было нужно: это – не потенциальный покупатель. Проходя мимо газетного киоска, Джерри заметил, что в газетах пишут о последних боях. В газетах, выходящих на китайском языке, на первых страницах были напечатаны большие фотографии погибших детей, рыдающих матерей и солдат в касках, напоминающих американские. О какой стране шла речь – о Вьетнаме, Камбодже, Корее или Филиппинах, определить было нельзя. Красные иероглифы заголовков

напоминали брызги крови. Может быть, Призывающему Смерть повезло. Испытывая жажду после выпитого вчера вечером, Джерри прошел через площадь и нырнул в полумрак бара «У капитана», но глотнул только воды из-под крана в мужском туалете. Вернувшись в фойе, он купил номер журнала «Тайм». Ему не понравилось, как на него поглядывали вышибалы в штатском, поэтому он вышел. Снова смешавшись с толпой, не спеша прошел к зданию почти, построенному в 1911 году, в те дни еще считавшемуся хоть и безобразной, но все же достопримечательностью давних времен, несколько облагороженной соседством еще более уродливых и нелепых бетонных зданий вокруг. Потом он сделал обманный маневр и резко свернул, пройдя через арку, миновав зеленый мост из рифленого железа, где на крюках висели мешки с почтой, похожие на индюшек в мясной лавке. Сделав еще один неожиданный поворот. он по пешеходному мостику прошел к Коннот-центру, чтобы сузить пространство, за которым надо наблюдать.

В сверкающем металлом вестибюле женщина крестьянского вида скребла металлической щеткой ступени неподвижного эскалатора, а в прогулочной галерее группа китайских студентов почтительно разглядывала скульптуру Генри Мура «Овал с точками». Оглянувшись назад, Джерри увидел коричневый купол старого здания суда, который казался совсем маленьким рядом с огромным, похожим на улей зданием отеля «Хилтон». «Королева против Уэстерби», – мысленно представил себе он строчки газетного сообщения: подсудимый обвиняется в шантаже, попытке подкупа, злоупотреблении доверием, а также еще в нескольких преступлениях, которые мы непременно состряпаем еще до вечера". Гавань жила своей обычной жизнью, сновали многочисленные суда и суденышки, причем маленьких было гораздо больше. На другом берегу залива, на фоне грязных клочьев смога, гордо поднималась Новая территория, изрытая котлованами. А у ее подножия, вдоль берега, тянулись товарные склады и фабричные трубы, изрыгающие коричневый дым.

Он повернул назад, прошел мимо контор шотландских компаний, мимо магазинов «Жардан» и «Свир» и заметил, что их двери закрыты решетками. «Должно быть, сегодня какой-нибудь праздник, – подумал он. – Наш или их?» На площади Монумента неторопливо разворачивалось гулянье – били фонтаны, пространство было расцвечено пляжными зонтиками, тут и там виднелись тележки продавцов кока-колы, и, наверное, не меньше полумиллиона китайцев стояли небольшими группками или проходили мимо, поглядывая на него – такого огромного по сравнению с ними. Громкоговорители, трещотки, жалобные звуки музыки. Он пересек улицу Джексон-роуд, стало немного потише. Прямо перед ним, на небольшой площадке с безупречным английским газоном, метались фигуры в белой форме. Только что начался матч в крикет, который закончится только вечером. На противоположном от подающего конце поля долговязый игрок в допотопного фасона кепке с надменно-скучающим видом натягивал перчатки. На минуту замедлив шаг, Джерри со снисходительной улыбкой, выдающей знатока и любителя игры, понаблюдал немного за знакомой сценой. Подача. Скорость мяча средняя, мяч пошел немного наружу, калитка осталась в стороне. Отбивающий, все с тем же снисходительным видом, сделал попытку отбить, промахнулся и медленно, скользящим движением, провел битой по боковой стороне калитки. Джерри понял, что в этой игре будет много неинтересных подач, которые не вызовут большого энтузиазма болельщиков. Он задал себе вопрос, кто с кем играет, и решил, что это, должно быть, все та же мафия с Пика играет сама против себя.

Там, где кончалось крикетное поле, через дорогу, высилось здание Китайского банка – огромное строение, украшенное алыми полотнищами лозунгов, прославляющих Мао. У входа в банк возлежали гранитные львы, которые гордо смотрели вдаль, словно не замечая бесчисленных групп китайцев в белых рубашках, фотографировавших друг друга на их внушительном фоне. Банк, нужный Джерри, стоял в другой стороне, за спиной подающего. На башенке, венчавшей его, развевался британский флаг – Юнион Джек, а внизу, у входа, стоял

бронированный фургон. Весь вид банка говорил о надежности и неприступности. Двери были распахнуты и блестели на солнце ярко начищенной медью.

Пока Джерри немного кружным путем продолжал приближаться к цели, несколько охранников в касках, в сопровождении высоких индийцев с длинными ружьями (с такими обычно охотятся на слонов), неожиданно появились из темной глубины здания. Они несли три черных сейфа с деньгами так бережно, словно это был Гроб Господень. Бронированный фургон отъехал, и на мгновение Джерри показалось, что двери банка сейчас закроются, отчего у него даже защемило сердце.

Это мгновенное видение нельзя было объяснить логически. Оно не означало, что его охватила паника. Просто на какую-то минуту он приготовился к неудаче – точно так же, как садовник всегда готов к тому, что в самый неподходящий момент начнется засуха, а спортсмен знает, что можно глупейшим образом подвернуть ногу и заработать растяжение накануне важнейшего матча. Оперативный агент с двадцатилетним опытом работы знает, что именно в последний момент может произойти что-нибудь неожиданное, опрокидывающее все планы. Умение быть готовым к худшему – часть профессиональной подготовки.

Но двери не закрылись, а Джерри повернул влево, решив сделать еще один круг по площади. Пусть охранники немного расслабятся, подумал он. Наверняка отправка денег привела их в состояние повышенной боевой готовности. Сейчас они все воспринимают и запоминают гораздо лучше.

Повернув, он не спеша, задумчиво зашагал к Гонконгскому клубу: неподалеку виднелся его вход, оформленный в стиле веджвудского фарфора, и полосатые ставни. Как только вы приближались к нему, уже у порога вас встречали запахи традиционной английской кухни, которыми насквозь пропиталось все здание. Легенда – это не ложь, обычно говорят «наставники». Легенда – это то, во что ты веришь, В субботу утром господин Джерри Уэстерби, не слишком известный журналист, направляется в свой любимый к а б а к… На ступеньках, у входа в клуб, Джерри остановился, похлопал себя по карманам, потом повернулся на сто восемьдесят градусов и целенаправленно зашагал к конечной цели своего путешествия, обойдя площадь по периметру с двух сторон, и еще, в последний раз проверяя, не замедлил ли кто-нибудь шаг и не отвел ли взгляд. Господин Джеральд Уэстерби, обнаружив, что в его карманах нет наличности, которая ему понадобится в выходные, решает быстренько заскочить в б а н к. Индийцы-охранники с ружьями для охоты на слонов равнодушно, не проявив никакого интереса, проводили его взглядом.

Все так, но только господин Джеральд Уэстерби в банк н е п о п а д а е т!

Ругая себя последними словами за то, что он такой набитый дурак, Джерри вспомнил, что сейчас уже больше двенадцати дня, а ровно в двенадцать все банки прекращают обслуживать клиентов. После двенадцати работают только сотрудники в кабинетах на верхних этажах, и именно так он это и спланировал.

«Расслабься, – подумал он. – Ты слишком много думаешь. Хватит думать: приступай к делу. Вначале было дело. Кто же однажды сказал ему это? Да ведь это был старина Джордж, он цитировал Гете. Вот уж не подумал бы!»

Теперь, когда до цели оставалось всего несколько шагов, его охватила тревога, он понял, что боится. Он чувствовал, что страшно голоден. Он ощущал страшную усталость. Почему Джордж вот так, одного, послал его сюда? Почему он должен все делать сам? Если бы это было до «краха», здесь была бы масса «наставников», которые следили бы за ним по всему маршруту, а кто-нибудь даже ждал бы его появления в банке – просто чтобы убедиться, что все в порядке. Уже наготове была бы группа приема, чтобы оценить все, что ему удастся добыть, чуть ли не до того, как он выйдет из банка. На случай если пришлось бы в спешке скрываться с места, его ждал бы автомобиль.

«А в Лондоне, – добавил про себя Джерри, заставляя опуститься с небес на землю, – эту добычу с нетерпением ждал бы Билл Хейдон – так ведь? – чтобы передать ее русским, упокой Господи его душу». Думая обо всем этом, Джерри усилием воли заставил себя поверить, что на него снизошло озарение – мгновенно, как срабатывает вспышка фотоаппарата. «Бог услышал мои молитвы», – подумал он. Ведь, в конце концов, все было почти как в добрые старые времена, когда улица была заполнена великолепнейшими статистами – сотрудниками, обеспечивающими проведение операции. Самыми лучшими, каких только можно было пожелать.

Неподалеку у тротуара остановился синий «пежо». В нем сидели два европейца устрашающего вида и изучали программу скачек в «Хэппи Вэлли». На машине – радиоантенна и все прочее, что положено в таких случаях. Слева мимо него неторопливо прошествовали две американские матроны – туристки, нагруженные путеводителями и фотоаппаратами, – их вид говорил о твердой решимости с честью выполнить свою обязанность – обозреть и запечатлеть. А из самого банка, когда он уже почти вступил под его своды, вышли двое мужчин почтенного вида, судя по всему – финансисты или предприниматели. На их лицах был именно тот серьезный и суровый вид, который иногда специально напускают на себя люди из группы наблюдения, желая отпугнуть любопытствующие взгляды.

«Полный маразм, – сказал себе Джерри. – Ты готов дезертировать, приятель. Ты наделал от страха в штаны, как сопливый мальчишка, и готов просить пощады». Он бодро взбежал по ступенькам, как вспархивает на ветку дрозд в жаркий весенний день.

Фойе банка было просторным, словно зал ожидания на железнодорожном вокзале. Музыка, звучавшая из репродукторов, напоминала военные марши. Операционный зал, обслуживающий клиентов, был закрыт стальными решетками. Джерри никого там не увидел – ни одного случайно задержавшегося служащего. Роскошный лифт – золотая клетка, с плевательницей для сигарет, заполненной песком, подняла его на десятый этаж. Там от простора холла не осталось и следа. Пространство стоит денег. Узкий светлый коридор вел к столу, где обычно сидит дежурный, встречающий посетителей, но сейчас

там никого не было. Джерри беспрепятственно прошествовал мимо, взяв на заметку, где находится запасной выход и служебный лифт, заботливо помеченные на плане, которым снабдили его «наставники» на случай «уноси ноги». «Интересно, откуда они знают такие детали, – подумал он, – ведь у них довольно ограниченные возможности? Не иначе, раздобыли где-нибудь проектную документацию». На стойке табличка из тикового дерева гласила: «Справочная отдела доверительных операций». Рядом с табличкой валялась раскрытая замусоленная дешевая книжка о предсказании судьбы по звездам, с большим количеством пометок на полях. Но дежурного не было. Суббота – особый день. Когда Джерри инструктировали, то сказали, что провернуть дело легче всего в субботу.

Уэстерби с радостным выражением лица посмотрел вокруг, как человек, которому нечего скрывать. Еще один коридор шел по всей длине фасада: слева были двери, ведущие в кабинеты сотрудников, справа – маленькие душные клетушки. разгороженные хлипкими стенами с виниловым покрытием.

Оттуда слышался неторопливый стрекот электрической пишущей машинки и мелодичные голоса секретарш-китаянок, занятых неспешной субботней беседой – когда особенно нечего делать, кроме как ждать обеденного часа, а вместе с ним конца рабочего дня, планируя свободный вечер. Слева располагалось четыре застекленных двери, с небольшими глазками размером с маленькую монетку, чтобы заглядывать в комнату или выглянуть из нее. Джерри неторопливо двинулся по коридору, заглядывая во все глазки, как будто это было его любимым занятием и он отдыхал душой, предаваясь ему: руки в карманах, на лице немного бесшабашная

улыбка. Ему говорили: четвертая слева – одна дверь и одно окно. Мимо прошел служащий, следом за ним – секретарша простучала каблучками своих изящных туфелек. Джерри, хотя и не выглядел слишком респектабельно, был европейцем, на нем был костюм, поэтому ни один из встретившихся не спросил, что ему здесь нужна

Привет, ребята", – буркнул он, и оба они вежливо откликнулись: Добрый день, сэр".

В конце коридора на окнах и дверях крепились металлические решетки. На потолке – синяя лампочка. По всей вероятности, она имеет какое-то отношение к системе обеспечения безопасности, но он не знал, какое именно: может, пожарная, может, охранная сигнализация. «Наставники» об этом не упоминали, а он никогда не был силен в технике. Первая комната била кабинетом. Он был пуст, если не считать нескольких пыльных спортивных кубков на подоконнике да вышитого герба спортивного клуба банка на вешалке на одной из стен. Он прошел мимо груды коробок из-под яблок, на которых было написано: «Отдел доверительных операций». Казалось, что они битком набиты завещаниями и прочими юридическими документами. Судя по всему, традиции скопидомства до сих пор еще существуют и не желают сдаваться в старых торговых компаниях. На стене висели таблички: «Посторонним вход воспрещен» и «Прием посетителей только по предварительной договоренности».

Вторая дверь вела через узкий коридор в небольшую комнату архива, где тоже никого не было. Третья – в туалет, на ней значилось: «Только для директоров». Рядом с четвертой располагалась доска объявлений для сотрудников банка, а на косяке над дверью была укреплена красная лампочка, а на самой двери – табличка с именем хозяина кабинета, выглядевшая очень внушительно: Дж. Фрост, заместитель начальника Отдела доверительных операций. Прием посетителей только по предварительной договоренности. Не входить, когда горит лампочка". Сейчас лампочка не горела, и в глазок был виден человек, сидевший в полном одиночестве за письменным столом. На столе – груда папок и свернутых трубочкой юридических документов на гербовой бумаге, перевязанных зеленой шелковой ленточкой (как всегда делают в юридических конторах Англии) и два телевизора внутренней телесети, обычно показывающие информацию о ценах на фондовой бирже. Из окна открывался вид на гавань, полагавшийся всем, кто занимал видное положение в компании. Этот пейзаж был расчерчен, словно простым карандашом, горизонтальными серыми линиями, потому что на окнах были столь же обязательные для преуспевающих бизнесменов венецианские жалюзи. Один из этих бизнесменов, обливающийся потом низенький толстячок в зеленом льняном костюме спортивного покроя, трудился сейчас за своим письменным столом не за страх, а за совесть – даже слишком прилежно для субботнего дня. На лбу у него блестел пот, под мышками на рубашке расползлись темные полукружья, и, как сразу подумал всезнающий Джерри, работник наверняка чувствовал свинцовую тяжесть во всем теле, как человек, который постепенно, очень медленно, приходит в себя после бурно проведенной ночи.

«Комната – угловая, – прикинул Джерри. – Дверь – только одна, вот эта самая. Толкнуть ее – и ты уже вне пределов досягаемости». Он в последний раз окинул взглядом пустой коридор. «Джерри Уэстерби выходит на сцену, – подумал он. – Если не можешь говорить, – танцуй». Он толкнул дверь, она легко открылась. Бодро шагнув вперед, он не забыл изобразить на лице свою самую обаятельную и невинную улыбку.

– Смотри-ка, да это Фрости! Привет, потрясающе, здорова Я не слишком рано? Или наоборот, опоздал? Послушай, приятель, я там наткнулся в коридоре на что-то непонятное – просто глазам не поверил: чуть не свалился, споткнувшись о них – целая куча коробок из-под яблок, набитых разными бумажками. "Интересно, что же это за клиент у Фрости? – спросил я себя. – Компания Кокса по продаже яблок «оранжевый пепин»? Или «красавица Бата»? Зная тебя, скорее «красавица Бата». Я решил, что это здорово забавно, особенно после того, как мы вчера хорошенько повеселились во всех этих питейных и прочих заведениях.

Вся эта болтовня, хотя, возможно, она прозвучала не слишком убедительно для остолбеневшего от удивления Фроста, дала Джерри возможность войти в комнату и быстро

закрыть за собой дверь. Его широкая спина закрывала единственный глазок, через который их могли увидеть; в душе он искренне благодарил людей из Саррата за то, что они подготовили для него эту мягкую посадку, и возносил молитву Всевышнему, прося о помощи и спасении.

После того как Джерри вошел, последовала несколько театральная сцена Фрост медленно поднял голову, глаза его оставались полузакрытыми, как будто ему больно било смотреть на свет (но, возможно, именно так оно и было). Увидев Джерри, он заморгал и отвел взгляд, затем снова посмотрел, чтобы убедиться, что это действительно он, собственной персоной. Потом вытер потный лоб носовым платком.

– Господи, Иисусе Христе, – сказал он. – Это действительно твоя рожа. Что, черт побери, ты здесь делаешь, мерзкий аристократишка?

На что Джерри, все еще стоя у двери, ответил еще одной широкой улыбкой и поднял руку в индейском приветствии, одновременно мысленно отмечая, что именно здесь, в комнате, может представлять опасность или требует особенно пристального внимания: два телефона, серая панель переговорного устройства внутренней связи и огромный сейф с отверстием для ключа, но секретного наборного замка нет.

– Как это тебя впустили? А-а, наверное, ты ошеломил и потряс их своим аристократическим титулом. А чего, собственно, ты добиваешься, вот так врываясь сюда? – Фрост, который и наполовину не был так недоволен этим вторжением, как можно было заключить из его слов, вышел из-за письменного стола и начал вразвалочку расхаживать по кабинету. – Это тебе вовсе не дом с красными фонарями, где живут хорошенькие сговорчивые кошечки, мой дорогой. Это – респектабельный банк. В некотором роде. – Подойдя к массивной фигуре Джерри, он сложил руки на груди и некоторое время внимательно созерцал его, в изумлении качая головой, потом похлопал по руке, потом ткнул кулаком в живот, при этом все время покачивая головой. – Ах ты, пьяница, распутник, похотливый развратник…

– Жалкий репортеришка, – подсказал Джерри. Фросту было не больше сорока, но природа уже наложила на него безжалостный отпечаток, который с возрастом проявляется у людей маленького роста, – постоянно снедающее их внутреннее беспокойство: Фрост беспрестанно потирал руки, разминал пальцы, проводил языком по губам, тут же их поджимая.

Сразу же бросавшееся в глаза чувство юмора и умение во всем найти хорошую сторону несколько мирило с этими неприятными привычками: вы переставали замечать, как его лицо лоснится от пота.

– Как насчет сигареты? – спросил Джерри, предлагая ему закурить. – Не хочешь еще немного отравить свой организм?

– Господи, – снова сказал Фрост и одним из ключей, висевших на связке, открыл старинный буфет орехового дерева со множеством зеркал, в которых отражалось огромное количество палочек для коктейлей с искуственными вишенками на конце и пивные кружки, на которых были изображены красотки и розовые слоны. – Тебя устроит «Кровавая Мэри»?

– Это как раз то, что мне сейчас нужно, дружище, – с благодарностью откликнулся Джерри.

В связке ключей он разглядел один желтый ключ от замка «Чабб». У сейфа тоже был замок «Чабб» – очень хороший, с желтым медальоном вокруг отверстия для ключа, довольно сильно поцарапанным и помятым и немного измазанным облезшей старой зеленой краской, которой был выкрашен сейф.

– По крайней мере в одном вам – прожигателям жизни с голубой кровью – надо отдать должное, – сказал Фрост, наливая и смешивая ингредиенты коктейля, как аптекарь. – Уж вы-то знаете, куда можно пойти. Тебя можно поставить в центре Солсбери Плейн с завязанными

глазами и, бьюсь обзаклад, ты найдешь «веселый дом» с хорошенькими девочками максимум за полминуты. Я, как человек чистый и неиспорченный, вчера был просто потрясен. Потрясен до глубины души. Скажи, когда хватит! Как-нибудь, когда я приду в себя и поправлюсь, я возьму у тебя пару адресочков. Если, конечно, я приду в себя, в чем я сейчас оч-чень сильно сомневаюсь.

Неторопливо переместившись к письменному столу Фроста, Джерри как бы безразлично бесцельно переложил с места на место несколько бумаг, а потом начал играть с выключателями внутренней связи, щелкая ими вверх-вниз поочередно, один за другим. Никто не откликнулся. Около одной из кнопок была надпись: Занят. Не беспокоить". Нажав ее, Джерри увидел сквозь глазок двери красноватый свет снаружи: это зажглась лампочка над дверью, предупреждая, что входить нельзя.

– Что касается девочек, – говорил в это время Фрост, все еще стоя спиной к Джерри и встряхивая бутылку с соком, – они большие шалунишки. При одном воспоминании мурашки по коже бегут. – Все еще восторженно смеясь своим мыслям, Фрост сделал несколько шагов по комнате, держа стаканы в широко расставленных руках. Да, а как их звали? Девочки были что надо!

– Номер семь и номер двадцать четыре, – сообщил Джерри с отсутствующим видом.

Говоря все это, он глянул под стол, разыскивая кнопку, включавшую сигнал тревоги, которая, как он знал, должна быть где-то на столе.

– Номер семь и номер двадцать четыре! – все с тем же восторгом повторил Фрост. – Как поэтично! И какая память?

На уровне колена Джерри обнаружил привинченный к тумбе письменного стола серый ящичек. Ключ-рычаг, включающий сигнал, передвигался вверх-вниз и сейчас стоял в положении «выключено». Джерри вытащил его и положил к себе в карман.

– Я говорю, какая у тебя замечательная память, – повторил весьма озадаченный Фрост.

– Ты же знаешь нас, газетчиков, приятель, – сказал Джерри, выпрямляясь. – Что касается памяти, то мы, газетчики, по этой части большие мастера, можешь быть уверен, – даже лучше, чем жены.

– Послушай-ка, отойди оттуда. Это – запретная территория.

Взяв с письменного стола большой рабочий календарь с записями Фроста о запланированных встречах и делах, Джерри внимательно изучил, какие свидания назначены на этот день.

– Боже правый! – проговорил он – Я вижу, у тебя был весьма напряженный денек. А кто это Н., приятель? Н: восемь тире двенадцать? Вряд ли это твоя теща?

Фрост поднес стакан к губам и жадно глотнул, потом притворился, что поперхнулся, и мучительно, сотрясаясь всем телом, откашлялся.

– Давай договоримся: ее в это не впутывай, ладно? Меня из-за тебя чуть кондрашка не хватила. Ну ладно, проехали!

– Нет, что же это все-таки за Н.? Надраться до бесчувствия? Или это Наполеон?

– Натали. Моя секретарша. Очень славная девушка. Ноги растут от самой шеи. Во всяком случае, так говорят. Я сам не проверял, откуда именно они растут. Поэтому сослаться на личный опыт не могу. Это единственное правило, которого я придерживаюсь. Пожалуй, надо будет как-нибудь его нарушить. Ну ладно, проехали! – снова повторил он.

– Она сейчас на месте?

– Думаю, что да. Я, кажется, слышал ее божественную поступь. Хочешь, чтобы я ее вызвал? Говорят, она очень благосклонно относится к аристократам.

– Нет, спасибо, не надо, – ответил Джерри, положив календарь на место и поднимая глаза на Фроста.

Тот смотрел ему прямо в глаза, не мигая и не отводя взгляда, словно бросая вызов, хотя силы были явно неравными: Джерри был на целую голову выше и гораздо шире в плечах.

– Невероятно, – провозгласил Фрост, все еще пребывая в состоянии восхищения и продолжая улыбаться Джерри. – Это было просто невероятно! – В его голосе слышались нотки признательности и даже преданности. – Девочки были просто потрясающие, и вообще компания что надо. Я хочу сказать, с какой стати человек вроде меня имеет дело с парнем вроде тебя? Ты всего-то навсего какой-то там «достопочтенный»… А мне больше подходят герцоги – это именно мой уровень: герцоги и шлюхи. Давай повторим это сегодня. Правда, давай!

Джерри рассмеялся.

– Я серьезно. Честное скаутское. Давай доведем себя на этом поприще до полного изнеможения и героической смерти, пока мы еще на что-то годимся. На этот раз за мой счет: все от начала и до конца, по полной программе. В коридоре послышались тяжелые шаги. Они приближались. Знаешь, что я сделаю? Вот увидишь. Я пойду к мадам Как-Ее-Там и настоятельно потребую, чтобы… – да что с тобой? – спросил он, заметив напряженное выражение на лице Джерри.

Шаги замедлились и остановились. Глазок закрыла черная тень. Остановилась, не двигаясь.

– Кто это? – спросил Джерри тихо.

– Милки.

– Кто такой Милки?

– Милки Уэй, мой босс, – ответил Фрост, когда шаги удалились, и, закрыв глаза, с явным облегчением перекрестился. Отправляется домой к своей благородной красавице жене, досточтимой госпоже Уэй, которая также известна в узком кругу как Моби Дик. Рост два метра двадцать сантиметров и кавалерийские усы. Не у него. У нее. – Фрост хихикнул.

– Почему он не вошел?

– По всей вероятности, решил, что у меня клиент, – беззаботно ответил Фрост, снова с удивлением отметив про себя напряженно-пристальный взгляд Джерри и его напускное спокойствие. – А кроме того, если бы Моби Дик унюхала от него запах спиртного в такое время дня, ему бы уж точно несдобровать. Что-то ты загрустил. Смотри веселей! У тебя есть я, и уж я-то о тебе позабочусь. Допивай свой коктейль. Ты сегодня выглядишь как-то очень благочестиво и добродетельно. Даже не по себе делается.

Когда наступит время действовать – не тяни, – инструктировали его «наставники». – *Не увлекайся зондированием почвы, не давай ему привыкнуть к твоему присутствию и почувствовать себя в безопасности.*

– Эй, Фрости, – окликнул Джерри, когда шаги совсем замерли вдали. – А как твоя половина? – Фрост протянул руку, чтобы взять стакан Джерри. – Твоя женушка. Как у нее дела?

– Спасибо, неважно, по-прежнему хворает, – ответил Фрост. Было заметно, что эта тема ему неприятна.

– Ты, конечно, уже звонил в больницу?

– Да ты спятил. Я часов до одиннадцати просто двух слов связать не мог. Она даже по телефону учуяла бы запах виски.

– Когда ты собираешься к ней в следующий раз?

– Послушай, сделай милость, заткнись. Хватит о ней. Ладно?

Пока Фрост no-прежнему смотрел на него, Джерри перебазировался к сейфу. Он попытался открыть его, нажав на большую ручку, но сейф был заперт. Наверху, в пыли, лежала тяжелая полицейская дубинка. Взяв ее обеими руками, он с отсутствующим видом сделал пару движений, как при игре в крикет, и положил ее назад. Все это время Фрост продолжал озадаченно смотреть, не отводя взгляда, и начиная подозревать, что здесь что-то не так.

– Я хочу открыть счет, Фрости, – сказал Джерри, по-прежнему стоя у сейфа.

– Ты?

– Я

– Судя по тому, что ты порассказал вчера ночью, у тебя с финансами так худо, что не то что в банк – в глиняную копилку положить нечего. Если, конечно, твой достопочтенный папочка не держал кое-что под матрацем, в чем я почему-то сомневаюсь. – Земля стремительно уходила у Фроста из-под ног, но он изо всех сил старался устоять. – Послушай-ка, давай я тебе лучше еще налью, а ты перестанешь изображать из себя Бориса Карлоффа в черную среду, ладно? Давай лучше пойдем к куколкам. Хэппи Вэлли (Счастливая долина (а н г л.) – район Гонконга, где расположены ночные клубы, игорные дома и другие увеселительные заведения), мы идем! Приглашаю тебя пообедать.

– Видишь ли, приятель я говорю не про свой счет. Я имел в виду счет другого человека: я хотел бы посмотреть на него, – объяснил Джерри.

Оживление медленно сошло с миниатюрного лица Фроста, словно жизнь покинула его, и это превращение было одновременно комичным и страшным.

– О, Джерри, только не это, – проговорил он чуть слышно, как будто у него на глазах произошел несчастный случай, жертвой которого стал Джерри, а не он, Фрост. Снова в коридоре послышались шаги. На этот раз женские, короткий и частый стук каблучков. Потом в дверь громко постучали – и молчание.

– Натали? – спросил Джерри тихо. Фрост кивнул.

– Если бы я был твоим клиентом, ты представил бы меня? Фрост покачал головой.

– Пусть войдет.

Язык Фроста, словно маленькая испуганная розовая змейка, высунулся изо рта, нервно облизал губы и снова спрятался.

– Войдите! – сказал он громким, внезапно охрипшим голосом. Дверь открылась, и вошла высокая китаянка в очках с толстыми стеклами. Она забрала письма, приготовленные для отправки.

– Желаю хорошо отдохнуть, господин Фрост, – сказала она.

– Спасибо. До понедельника, – отозвался Фрост. Дверь снова закрылась.

Джерри пересек комнату, обнял Фроста за плечи и быстро подвел его к окну. Тот не сопротивлялся.

– Доверительный счет, Фрости. Который находится в твоих руках. В руках неподкупного, честного человека. Довольно сомнительный счет.

На площади продолжался праздник. На крикетном поле игра временно остановилась. Долговязый подающий в старомодной кепке присел на корточки и старательно подправлял поверхность площадки между линиями. Другие игроки разлеглись прямо на поле и болтали между собой.

– Ты расставил мне ловушку, – сказал Фрост просто, пытаясь приучить себя к этой мысли. – Я думал, что у меня наконец-то появился друг, а ты пытаешься загнать меня в угол. А еще лорд.

– Никогда не имей дела с газетчиками, Фрости. Безжалостные люди. У них нет ничего святого. Ты потерял бдительность. Тебе не надо было так много трепать языком. Где у тебя хранятся документы?

– С кем же тогда отвести душу и потрепаться, если не с друзьями? – возразил Фрост. – Друзья для того и существуют, чтобы можно было с кем-то п о г о в о р и т ь. Рассказать кому-то.

– Вот и расскажи мне то, о чем я спрашиваю. Фрост покачал головой.

– Я христианин, – сказал он ни к селу, ни к городу. – Я каждое воскресенье хожу в церковь, никогда не пропускаю службу. Мне очень жаль, но то, о чем ты просишь, совершенно исключено. Я скорее соглашусь погубить свою репутацию, но не совершу должностного преступления, нарушив тайну вклада. Это знают все. Ты меня понял? Так что ничем не могу помочь. Никак. Мне очень жаль.

Джерри немного приблизился к нему, так что они теперь стояли, вплотную придвинувшись к подоконнику и почти касаясь друг друга плечами. Огромное оконное стекло дрожало от грохота мчавшихся внизу машин. Венецианские жалюзи были красноватыми от покрывавшей их строительной пыли. На Фроста было жалко смотреть, на его лице отражалась мучительная душевная борьба – он пытался осознать, в какую переделку попал.

– Вот что, приятель, послушай, что я тебе предлагаю, – сказал Джерри очень спокойно. – Выслушай меня внимательно. Готов? У меня есть и кнут, и пряник Если ты не делаешь то, о чем я тебя прошу, моя газета тебя ославит. Фотографии на первой полосе, заголовки во всю страницу, продолжение на последней, – ну, словом, все как полагается. «Захотите ли вы купить вторичный доверительный счет у этого человека?» «Гонконг – колыбель коррупции, и Фрости – ее верный слуга». Примерно так. Мы распишем, как вы развлекаетесь устраивая групповуху для круглоглазых в своем клубе молодых банкиров, – точь-в-точь, как ты порассказал мне. Как ты до самого последнего времени имел содержанку и устроил для нее любовное гнездышко в Коулуне и что от этого пришлось отказаться, потому что она была недовольна тем, что ты мало платил. Конечно, прежде чем газета все это напечатает, она проверит все факты, связавшись с председателем правления твоего банка, а может быть, и с твоей женушкой тоже, если, конечно, она будет достаточно хорошо себя чувствовать.

Лицо Фроста вдруг покрылось крупными каплями пота. Это произошло мгновенно: в один момент его болезненно-бледная физиономия была просто влажной и лоснящейся, а в следующий – пот лил градом, и капли неудержимо падали с толстого подбородка прямо на костюм.

– Это все из-за выпивки, – сказал он растерянно, пытаясь остановить этот град и вытирая его носовым платком. – Со мной всегда так бывает, когда я выпью. Проклятый климат, здесь просто невозможно жить. Здесь вообще нельзя жить людям. Здесь просто гниешь заживо. Ненавижу все здесь.

– Это был кнут – все плохое, что тебя ждет, – продолжал Джерри. Они все еще стояли у окна, плечом к плечу, как два человека, которые восхищаются открывающимся из окна видом. – А пряник, то есть хорошее, – это пять сотен американских долларов, которые я положу в твою славную потную ладонь; признательность журналистской братии с Граб-стрит (Жарг.: писаки, литературные поденщики; на улице Граб-стрит в XVIII веке жили неимущие литераторы); все остается шито-крыто; и Фрости запросто может сам стать председателем правления банка. Так почему бы не расслабиться и не уступить обстоятельствам, извлекая некоторую пользу? Ты меня хорошо понял?

– А дозволяется ли мне п о и н т е р е с о в а т ь с я, – проговорил, наконец, Фрост, безуспешно пытаясь изобразить сарказм, – с какой собственно целью и для чего именно ты питаешь такой жгучий интерес к этому счету?

– Проблема преступности и коррупции, дружище. Гонконгское звено длинной преступной цепи. Газетчики называют виновных. Счет номер четыреста сорок два. Он у тебя здесь? – спросил Джерри, указывая на сейф.

Фрост сказал «нет» одними губами, совсем неслышно.

– Сначала две четверки, а потом двойка. Где он хранится?

– Послушай, – лицо Фроста выражало одновременно страх, безнадежность и разочарование, – будь другом, окажи услугу, ладно? Не впутывай меня в это. Подкупи кого-нибудь из моих помощников-китайцев, договорились? Так будет гораздо лучше. Пойми, ведь у меня здесь определенное положение…

– Ты же знаешь здешнюю поговорку: «В Гонконге говорят даже маргаритки». Мне нужен ты. Ты – здесь, и ты можешь все сделать гораздо лучше, чем кто бы то ни было другой. Где документы? В кладовой банка?

Н е л ь з я о с т а н а в л и в а т ь с я н и н а м и н у т у, – учили его когда-то, – в с е в р е м я н а д о п о д н и м а т ь п л а н к у в с е в ы ш е и в ы ш е. С т о и т н а м г н о в е н и е п о т е р я т ь и н и ц и а т и в у – u е е у ж е н е в е р н у т ь.

Поскольку Фрост колебался, Джерри сделал вид, что теряет терпение. Своей большущей рукой он взял Фроста за плечо, развернул его, и заставил сделать несколько шагов назад, пока тот не оказался прижат к сейфу.

– Я спрашиваю: документы в банковской кладовой?

– Откуда мне знать?

– Я тебе объясню откуда, – грозно пообещал Джерри, подкрепляя свои слова укоризненным покачиванием головой, так что даже прядь волос у него на лбу заколыхалась.

– Я тебе объясню, откуда, дружище, – повторил он, похлопывая Фроста по плечу свободной рукой. – Потому что если не поймешь, то в сорок лет ты окажешься вышвырнутым отовсюду, с больной женой на руках и с детишками, которых надо кормить, и посылать в школу, и за это тоже платить, и для тебя это будет полная катастрофа. Ты должен выбрать либо одно, либо другое, и сделать это надо сию минуту. Не через пять минут, а прямо сейчас. Мне абсолютно безразлично, как ты это сделаешь, но все должно выглядеть абсолютно нормально, и Натали не должна ничего заподозрить.

Джерри, по-прежнему придерживая Фроста за плечо, заставил его вернуться на середину кабинета, где стоял письменный стол с телефоном. В жизни бывают ситуации, когда просто невозможно держаться с достоинством. В этот день с Фростом случилось именно это. Он поднял телефонную трубку и набрал одну цифру.

– Натали? Ты еще не ушла? Послушай, я задержусь, наверное, еще на часок, мне только что позвонил один клиент.

Скажи Сиду, чтобы не сдавал пока на охрану кладовую комнату. Я это сделаю, когда буду уходить, ладно? Он тяжело опустился в кресло.

– Пригладь волосы, – сказал Джерри, который снова вернулся к окну и выждал некоторое время.

– Преступность и коррупция, черт меня побери! – ворчал в это время Фрост. – Ну ладно, вполне допускаю, что он умеет обходить законы. Но покажите мне китайца, который этого не делал бы. Да и англичанина тоже. Ты думаешь, из-за этого весь Гонконг должен потерять сон и покой?

– Так он китаец? – мгновенно прореагировал Джерри.

Вернувшись к письменному столу, Джерри сам набрал номер Натали. Никакого ответа. Мягко подняв Фроста с кресла и поставив на ноги, Джерри подвел его к двери.

– Не ставь пока кладовую на охрану, – предупредил он. – Нам нужно вернуть все назад, прежде чем ты уйдешь домой.

Фрост вернулся. Мрачно сел за стол, положив перед собой три папки. Джерри налил ему водки. Пока тот пил, Джерри, стоя у него за спиной, объяснил, в чем должна выражаться его помощь. Фрости даже пальцем пошевельнуть не придется, сказал он. Единственное, что он должен сделать, – это оставить все, как лежит, и выйти в коридор, аккуратно закрыв за собой дверь. Рядом с дверью есть доска объявлений для служащих банка – Фрости наверняка видел ее много раз. Фрости должен будет встать перед этой доской и внимательно прочитать объявления – все без исключения оставаться там до тех пор, пока не услышит, как Джерри постучит изнутри два раза. Тогда он может вернуться. Пока он будет читать объявления, он должен все время стоять немного боком к доске – так, чтобы своим телом закрывать дверной глазок, чтобы Джерри знал, что он все еще здесь и чтобы никто из проходящих по коридору не смог заглянуть внутрь. Фрост может утешать свою совесть тем, что он не допустил никакого злоупотребления доверием, объяснял Джерри. Самое страшное, в чем его могло бы обвинить руководство банка – да, впрочем, если уж на то пошло, и клиент тоже, – это в том" что он вышел из своего кабинета, когда Джерри был там, и тем самым допустил небольшое нарушение правил безопасности.

– Сколько документов в папках?

– Откуда я знаю? – откликнулся Фрост, немного осмелев от того, что перед ним неожиданно открылась перспектива остаться почти невиновным.

– Так пересчитай их, дружище. Вот теперь молодец. Документов было ровно пятьдесят – гораздо больше, чем то, на что рассчитывал Джерри. Оставалось еще обсудить запасной вариант прикрытия – объяснения на случай, если Джерри, несмотря на все принятые предосторожности, все же кто-то помешает.

– Мне нужны будут бланки заявлений, – сказал он.

– Какие еще к черту бланки? Я здесь их не держу, – огрызнулся Фрост. – У меня есть секретарши, которые приносят бланки. У меня ничего нет. А девушки все ушли домой.

– Мне они нужны. Чтобы я мог открыть доверительный счет в твоем уважаемом банке, Фрости. Разложи их вот здесь, на столе, и положи свою ручку с позолоченным пером, которую ты предлагаешь своим уважаемым клиентам. Так, хорошо… А ты просто вышел немного поразмяться в коридор, пока я заполняю документы. А вот это – первый взнос, – объявилДжерри. Вытащив из кармана брюк небольшую пачку американских долларов, он бросил ее, она с приятным увесистым шлепком легла на стол. Фрост посмотрел на деньги, но не взял их.

Оставшись один, Джерри не терял ни минуты. Он открыл зажимы и достал документы из папок, разложил их попарно и начал фотографировать, по два в одном кадре. При этом он старался держать свои большие локти плотно прижатыми к телу, чтобы камера не дергалась, а ноги немного расставил, чтобы лучше удерживать равновесие. Когда он сомневался, хорошо ли получился кадр, он дублировал снимок. Иногда он делал несколько кадров подряд, меняя выдержку. Время от времени он поворачивал голову и проверял, по-прежнему ли дверной глазок закрыт зеленым пятном костюма, чтобы убедиться, что Фрост на своем посту и не позвал, хотя бы сейчас, вооруженных охранников. В какой-то момент Фрост начал проявлять нетерпение и постучал по стеклу, но Джерри рявкнул, чтобы тот не мешал.

Иногда он слышал, что по коридору кто-то идет. Если шаги приближались к кабинету, тогда он оставлял все как есть, в том числе и деньги, и бланки заявлений, убирал фотокамеру в карман и вставал у окна, как человек, который размышляет над важными решениями, определяющими всю его будущую жизнь, любуясь при этом на гавань и почесывая в затылке.

Один раз ему пришлось поставить новую кассету, что не так уж легко, когда пальцы у тебя большие, а обстановка – экстремальная. Ему все время казалось, что старенькая камера работает очень громко. Когда он подал сигнал Фросту, все папки снова лежали у того на столе, деньги – рядом с папками. Джерри почувствовал, что его начинает бить дрожь и силы его на исходе.

– Ты абсолютный идиот, – объявил Фрост, опуская пятьсот долларов прямо в карман пиджака.

– Само собой, – ответил он, оглядывая комнату, чтобы проверить, не осталось ли каких-нибудь следов его пребывания.

– Ты совсем спятил, ни черта не понимаешь, – заявил ему Фрост. Он выглядел очень решительно, и это выражение казалось нелепым на его лице. – Ты думаешь, ты можешь замахнуться на человека вроде него? С таким же успехом ты мог бы попытаться устроить кражу со взломом в Форт Нокс (Место хранения золотого запаса США), вооружившись фомкой и коробочкой шутих. Обезглавить эту хорошенькую семейку ничуть не легче.

– А-а, так это сам крестный отец честного семейства. Это мне нравится.

– Нет, это тебе совсем не понравится.

– Так ты его хорошо знаешь?

– Да, нас водой не разлить, – ответил Фрост все так же мрачно. – Я у него днюю и ночую. Ты же знаешь, как я люблю якшаться с могущественными мира сего.

– Кто открыл этот счет для него?

– Мой предшественник.

– Он бывал здесь?

– При мне – нет.

– Ты его когда-нибудь видел?

– На собачьих бегах в Макао.

– Г д е ?

– На собачьих бегах в Макао. Он проигрался тогда в пухи прах. Ничем не выделялся из толпы. Я был там со своей предпоследней пташкой-китаяночкой. Она мне его показала. Я спросил: «Это он? А-а, ну да… между прочим, он – мой клиент». На нее это произвело сильнейшее впечаление. На отрешенном лице Фроста проскользнул едва заметный отблеск того, другого, каким он был в те давние времена. – Между нами, скажу тебе, что о н по этой части тоже был упакован, что надо. С ним была очень хорошенькая блондинка. Кругло-глазая. Выглядела прямо как кинозвезда. Похожа на шведку. Должно быть, немало потрудилась не за страх, а за совесть на той кушеточке, где часто решается судьба этих звездочек. Вот что… – Фрост через силу улыбнулся, но vлыбка получилась вымученной.

– Поторопись, дружище. Что тебе?

– Слушай, давай покончим с этим. Не отказывайся. Ну, в самом деле. Хорошенько погудим сегодня. Погуляем как следует на все мои пять сотен. Ведь ты же на самом деле не такой, правда? Ведь тебе же просто приходится делать все это, чтобы заработать на жизнь.

Пошарив в кармане, Джерри извлек оттуда ключ от устройства для подачи сигнала тревоги и вложил его в вялую руку Фроста.

– Еще пригодится, – сказал он.

Когда Уэстерби выходил из банка, на широких ступенях лестницы стоял стройный, хорошо одетый молодой человек в легких американских брюках. Он читал какую-то серьезного вида книгу в твердом переплете – Джерри не мог рассмотреть, какую именно. Он прочитал не очень много, но делал это очень внимательно, как человек, твердо решивший заняться самообразованием.

Сделав дело, покрутись для отвода глаз, говорили ему наставники. Никогда не иди прямо туда, где тебя ждут. Если не можешь сразу передать добытое курьеру, по крайней мере запутай след.

Он несколько раз брал такси, каждый раз называя конкретное место: «К Королевской пристани», где он смотрел на загружающиеся паромы, связывающие остров с континентом, и на коричневые джонки, снующие между большими кораблями; «В Эбердин», где он бродил вместе с туристами, осматривающими достопримечательности, и глазел вместе с ними на плавучие ресторанчики и на людей, живущих на воде; «В деревню Станли вдоль городского пляжа», где бледные китайцы, немного сутулясь, как будто город все еще давил на их плечи, как и подобает примерным родителям, играли на мелководье со своими детишками. Китайцы никогда не плавают после лунного праздника, – автоматически припомнил он, но не смог сразу вспомнить, когда именно проходит этот праздник.

Планируя операцию, он раздумывал: не оставить ли ему фотоаппарат в гардеробной отеля «Хилтон», не сдать ли его на хранение в ночной сейф, не отправить ли его посылкой самому себе. Пользуясь журналистским прикрытием, посылку можно было передать со специальным курьером. Ни один вариант не удовлетворил Джерри, но еще важнее, что ни один вариант не устроил наставников. «Это партия для солиста, в которой не может быть помощников, – сказали они, – это работа для одного – иначе лучше совсем не браться за нее». Уэстерби купил кое-что, чтобы руки не были пустыми: пластиковый пакет и пару хлопчатобумажных рубашек. Когда ты только что провернул операцию и уходишь с ценной добычей, не забудь приготовить что-нибудь для отвлекающего маневра. На эту удочку попадаются даже самые опытные шпики службы наблюдения. И если они сядут тебе на хвост и ты бросишь эту приманку, кто знает? Возможно даже, что удастся занять их этим достаточно долго, чтобы самому унести ноги. Но все-таки он старался держаться подальше от людей и до смерти боялся какого-нибудь случайного воришки-карманника. В гараже на Коулуне для него был приготовлен автомобиль. Джерри был спокоен – он уже близок к финишу (скоро все закончится!), но не позволял себе расслабиться ни на минуту и не терял бдительности. Он чувствовал, что одержал победу, и все остальные чувства не имели сейчас никакого значения. Иногда работа бывает не слишком приятной.

Проезжая по улицам, он внимательно следил за другими машинами, особенно за «хондами», которыми в Гонконге обычно пользуются рядовые шпики, в поте лица добывающие хлеб насущный. Прежде чем выехать из Коулуна, Уэстерби проехал пару раз по тихим боковым улочкам. Ничего. На Джанкшен-роуд он влился в вереницу машин, направляющихся за город, на природу, в сторону залива Чистой Воды, и продолжал медленно ползти еще около часа, зажатый другими машинами и благодарный судьбе за эту страшнейшую пробку. Для преследователей нет ничего труднее, чем незаметно передать объект от одной тройки «хонд» другой (если все они попали во многокилометровый затор). Это означало, что остается только внимательно смотреть в зеркало заднего вида, вести машину и, убедившись, что никто за ним не увязался, прибыть на место.

Послеполуденная жара жгла немилосердно. Кондиционер в машине был включен на полную мощность, но от него не было никакого облегчения. Джерри проехал мимо питомника, где на площади в несколько сот квадратных километров стояли растения в больших горшках; мимо рекламы «Сейко»; потом мимо рисовых полей, похожих на стеганое одеяло и мимо посадок молодых деревьев. Влево от шоссе уходила узкая песчаная дорога, он резко свернул на нее, внимательно наблюдая за всем, что происходит. Повернув, остановился на обочине, поднял крышку капота и постоял некоторое время, делая вид, что дает мотору остыть. Мимо проехал салатовый «мерседес» с тонированными стеклами, кроме шофера был виден еще один пассажир. Этот «мерседес» довольно долго следовал за ним. Но сейчас проехал мимо, не

свернув. Джерри перешел через дорогу, на другой стороне которой было небольшое кафе, а рядом – телефон-автомат. Он набрал номер, выждал четыре гудка и положил трубку. Потом снова набрал тот же номер, выждал шесть гудков и, когда на другом конце ответили, снова дал отбой. Потом вернулся к машине и поехал дальше, петляя по улочкам заброшенных рыбацких деревень, пока не добрался до берега озера, заросшего тростником. Эти заросли выдавались далеко в озеро, тростник отражался в спокойной водной глади, и от этого казалось, что его больше чем на самом деле. Квакали лягушки. По озеру в летнем мареве скользили легкие прогулочные яхты. Выжженное добела небо на горизонте сливалось с водой. Джерри вышел из машины. В этот момент на дороге показался чихающий и громыхающий старенький «ситроен». На пассажирах-китайцах были кепки с надписью ока-кола", а в машине лежали рыболовные принадлежности. Женщин не было – только двое мужчин. Они не обратили на Джерри никакого внимания. Он направился к стоявшим в ряд домикам весьма обшарпанного вида. Они были обшиты вагонкой, а спереди облицованы бетонными решетками, как дома на побережье Англии, но только краска из-за жгучего солнца была здесь побледней. Названия домов были выжжены на кусках корабельных досок: «Дрифтвуд», «Сюзи Мэй», «Данромин». Там, где улица заканчивалась, вдоль берега шла эспланада с причалами, но сейчас она была закрыта, и теперь яхты останавливались где-то еще. Подходя к домам, Джерри бросил рассеянный взгляд на окна верхнего этажа. Во втором окне слева стояла яркая ваза с засушенными цветами, стебли которых были обернуты серебряной бумагой. Это был знак: путь свободен, входи. Распахнув маленькую калитку, он подошел к дому и позвонил. «Ситроен» остановился на берегу озера. Он услышал, как захлопали дверцы, в то же мгновение, что и голос из динамика у входа.

«Кого еще черти принесли?» – требовательно спросил громоподобный голос, и его раскаты сквозь легкое электрическое потрескивание донесли австралийский акцент. В замке что-то зажужжало, и защелка открылась. Джерри вошел и увидел грузную фигуру старины Кро на верхней площадке лестницы, страшно довольного, называющего его монсеньером и мошенником англичанином, только что ступившим на благословенную австралийскую землю. Он орал, что пора наконец соизволить поднять свою драгоценную аристократическую задницу в гостиную и заложить немножко за воротник.

По дому разносился запах горящих китайских благовоний. В полумраке, в дверях комнаты первого этажа, ему улыбалась беззубая служанка, это было то самое странное маленькое существо, которое допрашивал Люк, когда Кро уезжал в Лондон. Потертые стены гостиной на втором этаже были усеяны старыми фотографиями старинных приятелей Кро – журналистов, с которыми он работал на протяжении всех пятидесяти долгих лет сумасшедшей восточной жизни. В центре стоял стол с видавшей виды пишущей машинкой «Ремингтон», на которой, как считалось, Кро пишет мемуары о своей богатой событиями жизни. Больше в комнате ничего не было. У Кро, как и у Джерри, от полудюжины других жизней, осталось немало ребятишек и жен, и после того, как он оплачивал самые необходимые счета, на мебель денег уже как-то и не оставалось.

Окна в ванной не было.

Рядом с раковиной стояли бачок для проявки пленок и коричневые бутылки с проявителем и закрепителем. Там же находилось небольшое монтажное устройство для просмотра негативов с экраном из матового стекла. Кро выключил свет и бессчетное количество световых лет в полной темноте возился в ванной, ворча и чертыхаясь, время от времени поминая Папу Римского. Джерри по его ворчанию и чертыханию пытался определить, что именно старина Кро делает в данный момент. «Сейчас, – думал он, – Кро перематывает узенькую пленку с кассеты фотоаппарата на катушку бачка». Джерри представил себе, как он едва-едва прикасается к ней пальцами, не желая оставить следов на эмульсии. «Еще мгновение – и он усомнится, держит ли он ее вообще, – подумал Джерри. – Ему придется усилием воли заставить кончики пальцев не отпустить катушку». Ему стало не по себе. В темноте проклятия

старины Кро стали еще громче, но не настолько, чтобы заглушить доносящиеся с озера пронзительные крики птиц. «Он знает толк в фотографии, – подумал Джерри, успокаиваясь. – Он может все это проделать даже во сне». Послышался звук закручиваемой пластмассовой крышки и бормотание: «А теперь иди-ка в постельку, чертово отродье». Потом – неожиданно сухое громыхание, когда Кро осторожно потряс бачок с проявителем, чтобы из раствора вышли пузырьки воздуха. Раздался громкий, словно выстрел из пистолета, щелчок – и зажегся красный свет. Старина Кро снова стал виден во всей своей красе, при красном свете похожий на красного попугая. Склонившись над закрытой ванночкой, он быстро налил в нее фиксаж, потом уверенным движением перевернул ее и снова вернул в исходное положение, при этом постоянно поглядывая на стрелку кухонного таймера, медленно отсчитывающую секунды.

Задыхаясь от жары и нервного напряжения, Джерри вернулся в гостиную, налил себе пива и тяжело опустился на тростниковый стул, уставившись в пространство и все время прислушиваясь к постоянному журчанию воды. Сквозь окно были слышны голоса, говорившие по-китайски. Двое рыбаков установили свое снаряжение на берегу озера. Дети сидели в пыли, наблюдая за ними. Из ванной снова послышался скрежет пластмассы – Кро отвинчивал крышку, и Джерри вскочил на ноги. Но Кро, должно быть, услышал его, потому что властно скомандовал: «Подожди!» – и закрыл дверь.

Пилоты авиалиний, журналисты, шпионы, – гласило предупреждение, являвшееся частью Сарратской доктрины, – на их долю часто выпадает долгое и мучительное ожидание. Выматывающие душу бездействие, перемежающееся короткими периодами лихорадочной активности.

«Он хочет сначала сам просмотреть, – подумал Джерри: вдруг ничего не получилось». Согласно субординации оправдываться перед Лондоном должен будет Кро, а не Джерри. И именно Кро в самом крайнем случае может отдать ему приказ повторить попытку прищучить Фроста.

– Да чем ты там, черт побери, занимаешься? – завопил Джерри. – Что происходит?

Неожиданно в голову ему пришла нелепая мысль: «Может быть, ему просто захотелось пописать?»

Дверь медленно открылась. Торжественно-мрачное выражение лица Кро внушало благоговейный ужас.

«Ничего не вышло, пленка запорота», – пробормотал Джерри.

У него было ощущение, что слова не совсем доходят до Кро. Он уже готов был повторить сказанное, но гораздо громче. Он готов был сорваться с места и устроить черт знает что. Но Кро успел вовремя ответить.

– Как раз наоборот, мой мальчик. – Старик сделал шаг вперед, и Джерри увидел пленки, которые висели у него за спиной, словно маленькие черные червячки на бельевой веревке, закрепленные розовыми прищепками. – Совсем наоборот, сэр, – произнес он. – Каждый кадр – это шедевр четкости, произведение дерзновенное и волнующее.

Еще раз о лошадях

Первые известия о том, как у Джерри идут дела, поступили в Цирк рано утром, когда все застыло в напряженном ожидании. С этого момента все перевернулось, и выходные понеслись вскачь. Зная, когда можно ожидать новостей, Гиллем накануне заставил себя лечь в десять и время от времени засыпал, словно проваливаясь в сон, а потом просыпался, мучимый тревогой за Джерри или томимый откровенно сладострастными мечтами о Молли Микин, причем она представала перед ним то в своем довольно скромном купальнике, то без него.

Джерри должен был явиться к Фросту сразу после четырех утра по лондонскому времени, и уже в половине четвертого Гиллем, в своем стареньком «порше», в котором всегда что-нибудь где-нибудь постукивало, ехал по туманным лондонским улицам по направлению к площади Кембридж-серкус. Город выглядел так, что, если бы он не знал, который час, трудно было бы определить, светает или начинает смеркаться. Когда он вошел в комнату для совещаний, то застал там Кон-ни, добивающую кроссворд из «Тайме», и Дока ди Салиса за чтением «Размышлений» Томаса Трахерна: он дергал себя за ухо и одновременно покачивал ногой – как ударник, одновременно барабанящий по всем ударным инструментам установки. Между ними сновал Фон, как всегда не умеющий оставаться на одном месте, снедаемый внутренним беспокойством: он наводил порядок, смахивая пыль и расставляя все по местам, как старший официант, который ждет не дождется ухода клиента, чтобы подготовить место для следующего. Время от времени Фон втягивал воздух сквозь сжатые зубы и с шумом выдыхал, давая тем самым выход плохо сдерживаемой тревоге. В воздухе висело облако табачного дыма, от самовара привычно пахло вчерашним чаем. Дверь в кабинет Смайли была закрыта, и Гиллем решил, что не стоит его беспокоить. Он раскрыл журнал «Кантри лайф» (Сельская жизнь" (а н г л.) – иллюстрированный еженедельный журнал, рассчитанный преимущественно на землевладельцев, фермеров и т.п.). «Почти как в приемной у дантиста». – подумал он и продолжал сидеть, бездумно глядя, но не замечая фотографий знаменитых особняков, пока Конни не отложила кроссворд, выпрямилась и сказала: «Слышите?» Тогда и он услышал прерывистый жужжащий сигнал зеленого телефона прямой связи с Кузенами. Смайли снял трубку. Через открытую дверь в его собственный кабинет Гиллем посмотрел на целый ряд телефонных аппаратов. На одном из них сейчас горел зеленый предупредительный огонек. Он не погас до тех пор, пока не закончился разговор. Зазвонил «свой» аппарат внутренней связи – Гиллем поднял трубку, опередив Фона.

«Он вошел в банк», – непонятно (для непосвященных) объявил Смайли.

Гиллем передал это сообщение всем собравшимся. «Он в банке», – произнес он, но с таким же успехом он мог бы разговаривать с покойниками. Никто не прореагировал на услышанное.

К пяти Джерри вышел из банка. Перебирая в уме все возможные варианты, Гиллем чувствовал себя почти физически больным. «Поджаривание» – очень опасная игра, и, как и большинство профессионалов, Гиллем ненавидел эту процедуру, хотя и не по этическим соображениям. Одной из причин, определявших его отношение, было то, что нужно принимать во внимание сам объект операции, и, второе, что было еще хуже, – местные службы безопасности. Третья причина заключалась в самой операции: не все логично ведут себя в ситуации, когда их шантажируют. Попадаются герои, попадаются лжецы, можно налететь на истеричных типов, которые ведут себя как насилуемые девственницы – запрокидывают голову и орут, словно их режут, даже если на самом деле получают от этого удовольствие. Но главная опасность вставала во весь рост именно сейчас, когда Джерри должен был повернуться спиной к бомбе с бегущим по запалу огоньком и бежать. Как поступит Фрост? Позвонит в полицию? Мамочке? Директору банка? Жене? «Дорогая, я во всем признаюсь, спаси меня, и мы все начнем заново, с чистого листа». Гиллем не исключал даже такую кошмарную возможность – Фрост может пойти прямо к своему клиенту: «Сэр, я пришел к вам, чтобы снять с души тяжкий грех и признаться, что я нарушил одну из важнейших заповедей банка – выдал тайну вклада».

В тягостно-жуткой атмосфере раннего утра, когда человек особенно беззащитен перед мрачными предчувствиями, Гиллема передернуло от страха, поэтому он заставил себя думать только о Молли.

В следующий раз Гиллем не услышал звонка. Должно быть, Джордж сидел совсем рядом. В кабинете Питера маленький огонек горел целых пятнадцать минут. Потом он погас, и все застыли в ожидании, взгляды устремлены на дверь, ведущую в кабинет Смайли, словно мысленно они заклинают его выйти из своего уединения. Фон застыл на месте, забыв о том,

что делает, с тарелкой сэндвичей в руках, о которых сейчас никто и думать не мог. Потом ручка двери повернулась, и на пороге появился Смайли со стандартным (или «садовым») бланком запроса о розыске, уже заполненным его аккуратным мелким почерком и помеченным «полосой» (что означало запрос первостепенной важности – «Срочно для шефа» – и требовало немедленного исполнения). Он протянул его Гиллему и попросил сразу же отнести «Хозяйке улья» в канцелярию и не уходить, пока она не проверит имя по картотеке. Взяв бланк, Гиллем вспомнил, как некоторое время назад ему вручили похожий бланк с запросом об Элизабет, она же Лиззи, Уэрдингтон, заканчивавшийся словами «проститутка высшего класса». Когда он выходил, то услышал, как Смайли спокойно пригласил Конни и ди Салиса пройти в «тронный зал», а Фона отправил в библиотеку незасекреченных материалов, за последним изданием справочника «Кто есть кто в Гонконге».

«Хозяйку улья» специально поставили в раннюю утреннюю смену, и, когда Гиллем вошел в канцелярию, ее владения выглядели как картина Лондон бомбили ночью" – там были даже железная походная кровать и маленький примус, хотя в коридоре стоял автомат для приготовления кофе. «Не хватает только комбинезона и портрета Уинстона Черчилля», – подумал он. В запросе о розыске указывалось: фамилия – Ко, имя – Дрейк, другие имена неизвестны, год рождения – 1925, место рождения – Шанхай, в настоящее время проживает по адресу Гонконг, Хедлэнд-роуд, особняк «Семь врат», занимает пост председателя и управляющего директора компании «Чайна Эйрси Лтд., Гонконг». Хозяйка углубилась в архивный поиск, который со стороны выглядел очень внушительно, но единственным результатом его стала информация, что Ко в 1966 году был представлен к ордену Британской Империи в списке награжденных от Гонконга за «деятельность на благо общества и вклад в процветание колонии» и что Цирк получил рутинный запрос из канцелярии губернатора колонии в связи с проверкой кандидатур перед передачей в высшие инстанции на утверждение. Ответ гласил, что Цирк «не располагает никакой информацией, которая была бы несовместима с данным представлением». Взбегая по лестнице с этими долгожданными сведениями, Гиллем был уже достаточно проснувшимся, чтобы вспомнить, что Сэм Коллинз говорил, что «Чайна Эйрси Лтд., Гонконг» является в конечном счете владельцем той небольшой авиакомпании во Вьентьяне, которая получала щедрые дары от торгпреда Бориса. Гиллему показалось, что такая связь событий в высшей степени закономерна. Довольный собой, он вернулся в «тронный зал», где его встретило гробовое молчание. По полу были разбросаны тома справочника «Кто есть кто» – не только за последний год, но и за несколько предыдущих лет: Фон, как обычно, старался изо всех сил. Смайли сидел за столом и смотрел на лист бумаги с записями. Конни и ди Салис смотрели на Смайли, а Фона снова не было – должно быть, его послали куда-то с очередным поручением. Гиллем вручил Смайли бланк запроса с информацией, которую начальница канцелярии записала своим аккуратным каллиграфическим почерком. В этот момент снова зажужжал зеленый телефон. Сняв трубку, Смайли начал делать пометки на листе бумаги.

– Да, спасибо, записал. Дальше, пожалуйста. Да, тоже записал. – Так продолжалось десять минут, пока он не сказал: – Хорошо. Тогда до вечера. – И положил трубку.

На улице, под окнами, молочник-ирландец исступленно клялся, что никогда и ни за что не будет больше бродягой.

– Уэстерби раздобыл исчерпывающую информацию, – сказал наконец Смайли – хотя, конечно же, как и все остальные, он называл не имя, а оперативный псевдоним. – Там есть все цифры. – Он кивнул головой, как будто сам с собой соглашаясь, все еще глядя в свои записи. – Фотопленку доставят сюда только вечером, но в общих чертах картина ясна. Все суммы, которые раньше выплачивались через Вьентьян, в конце концов оказывались на этом счете в Гонконге. С самого начала «золотая жила» предназначалась, в конечном счете, для Гонконга. Все деньги. До последнего цента. Без вычетов и даже без банковских комиссионных. Сначала выплаты были довольно скромные, но потом быстро начали расти – мы можем только

догадываться почему. Все было так, как рассказал Коллинз. Рост остановился на двадцати пяти тысячах в месяц. Когда прекратились выплаты через Вьентьян, Центр не пропустил ни одного месяца. Они сразу же переключились на другую схему перевода денег. Ты права, Кон. Карла никогда ничего не делает, не имея запасного варианта.

– Он же профессионал, дорогой мой, – промурлыкала Конни в ответ. – Как и ты.

– Нет, не как я. – Он продолжал изучать свои записи.

– Это доверительный счет, – заявил он все тем же обыденным тоном. – Известно только одно имя – и это имя основателя доверительного счета, Ко. Кому в итоге предназначаются деньги – неизвестно – так они говорят. Возможно, сегодня вечером мы узнаем почему. За все это время со счета не сняли ни цента, – сказал Смайли, на этот раз обращаясь исключительно к Конни. И повторил еще раз: – С того самого времени, когда более двух лет назад начались выплаты, с этого счета не сняли ни цента. К настоящему времени на нем накопилась сумма порядка полумиллиона американских долларов. С учетом начисляемых сложных процентов, естественно, она очень быстро растет.

Для Гиллема эти последние новости были абсолютно необъяснимы. Какой, черт побери, смысл в том, чтобы переправлять кому-то полмиллиона долларов, если получатель, когда деньги дошли, даже не использовал их? А вот для Конни Сейшес и ди Салиса, наоборот, это явно имело огромное значение. На лице старухи появилась и медленно расползлась улыбка – она смотрела на Смайли в молчаливом экстазе. Так мог бы смотреть маленький ребенок.

– О, Джордж, – выдохнула она наконец, осознав всю важность сказанного. – Дорогой мой! Доверительный неиспользуемый счет! Но это же совсем другое дело! Да, конечно, так и должно было быть, разумеется. Все с самого начала указывало на это. С самого первого дня. И если бы толстая глупая Конни могла посмотреть на все непредвзято, если бы она не была такой старой, и разленившейся, и выжившей из ума, она бы все это давным-давно просчитала! Оставь меня в покое, Питер Гиллем, развратный молодой козел! – Она тяжело поднялась на ноги, вцепившись своими деформированными крючковатыми пальцами в подлокотники кресла. – Но кто может стоить таких денег? Может быть, речь идет о целой агентурной сети? Нет-нет, не может быть, для агентурной сети они этого не сделали бы. Такого прецедента никогда не было. Это не может быть оптовая оплата группе, это совершенно немыслимо. Так кто же это может быть? Что он такое мог сделать, за что стоило заплатить такие деньги? – Она уже ковыляла к двери, натягивая на плечи шаль, ускользая из их мира в свой собственный.

– Карла не платит деньги просто так, ни за что… – слышали они ее бормотание, вместе с ней удалявшееся по коридору. Она прошла мимо шеренги столов, за которыми обычно работали «мамаши» – сейчас их пишущие машинки были накрыты чехлами, словно закутанные в плащи часовые. – Карла – такой самовлюбленный скупердяй, он же убежден, что его агенты должны работать задаром! Конечно, именно так он и думает. Он платит им гроши. Так, деньги на карманные расходы. Ну да, конечно, я понимаю: инфляция и все такое, но ведь он заплатил полмиллиона долларов одному маленькому агенту-"кроту"! Никогда ни о чем подобном не слышала!

На ди Салиса это тоже произвело сильнейшее впечатление – пожалуй, не меньшее, чем на Конни, – но по-своему, с поправкой на его не совсем традиционное мышление. Он сидел, подавшись вверх всем своим нескладным угловатым телом, и лихорадочно что-то скреб серебряным ножичком в чашеобразной части своей трубки, как будто это была кастрюля, в которой что-то пригорело на огне. Его серебристо-седые волосы неряшливым гребешком нависали над засыпанным перхотью воротником мятого черного пиджака.

– Ну и ну, неудивительно, что Карла хотел спрятать все концы в воду, – вдруг выпалил он, как будто подчиняясь какой-то невидимой силе. – Совсем неудивительно. Карла, видите ли, тоже ведь кое-что смыслит в Китае. Это мне Конни говорила.

Он с трудом поднялся на ноги, одновременно схватив слишком много разных вещей: трубку, коробку с табаком, нож для разрезания страниц и своего Трахерна. Конечно, он не знает его до тонкостей. Ну, этого от него и ожидать нельзя. Карла ведь не ученый – он солдат. Но он не слеп, отнюдь нет – так говорит Конни. Ко. Он повторил это имя несколько раз, каждый раз по-своему, как бы на разных уровнях.

– Ко. Ко. Мне нужно посмотреть, каким иероглифом пишется это имя. Абсолютно все зависит от иероглифов. Высота… может быть, даже дерево… да, я могу представить себе его как дерево… или нет?… да, пожалуй, здесь может быть еще несколько вариантов. «Дрейк», конечно же, идет от миссионерской школы. Шанхайский мальчик, ходивший в миссионерскую школу. Ну ладно, ладно. В Шанхае, видите ли, все и началось. Самая первая партийная ячейка была создана в Шанхае. Почему это пришло мне в голову? Дрейк Ко. Интересно, как его на самом деле зовут. Несомненно, мы очень скоро это узнаем. Да, хорошо. Ну, что же, пожалуй, мне тоже нужно вернуться к своим бумагам и кое-что почитать. Смайли, как вы думаете, нельзя ли попросить, чтобы в мою комнату принесли ведерко угля? Когда отопление не включено, там просто замерзнуть можно. Я просил «домоправителей» уже раз десять, но единственное, что я получил в ответ на все мои просьбы. – это весьма дерзкие и неуважительные ответы. Боюсь, таковы уж наши времена… Anno domini… Но я полагаю, что зима совсем уже на пороге. Я надеюсь, Вы будете знакомить нас с материалом сразу же, как только он будет поступать? Не слишком приятно строить версии на догадках. Я составлю его биографию. Именно это я сделаю в первую очередь. Ко. А? Да-да, спасибо, Гиллем.

При этих словах он уронил томик Томаса Трахерна. Принимая его от Гиллема, выпустил из рук жестяную коробку с табаком, Гиллем поднял и ее.

– Дрейк Ко. Шанхайский язык, конечно же, почти ничего не объясняет. В Шанхае ведь настоящее столпотворение, смешение народов. Ответ, судя по тому, что нам известно, в Чиу-Чау. Но мы не должны спешить с выводами. Баптист. Пусть так, но ведь большинство чиу-чау – баптисты, разве нет? Сватоу… где это нам уже встречалось? Ага, компания-посредник в Бангкоке. Так-так, пока все сходится довольно хорошо. Или Хакка. Они ведь не являются взаимоисключающими, отнюдь нет.

Шаркая ногами, ди Салис вышел вслед за Конни, оставив Гиллема наедине со Смайли, который встал со своего места и, подойдя к креслу, тяжело опустился в него, устремив невидящий взгляд на огонь.

– Странно, – заметил он, помолчав немного. – У меня нет ощущения потрясения. Почему это так, Питер? Ты меня хорошо знаешь. Почему?

Гиллему хватило ума и такта промолчать.

– Хороший улов. Большая рыба. На содержании у Карлы. Доверительные не используемые счета; угроза того, что русские шпионы внедрились в плоть и кровь нашей колонии. Так почему же я не испытываю потрясения?

Зеленый телефон снова подал голос. Подошел Гиллем. На письменном столе он с удивлением увидел папку со свежими сообщениями Сэма Коллинза с Дальнего Востока.

Так прошли выходные. Конни и ди Салис словно сквозь землю провалились; Смайли засел за работу над докладной начальству; Гиллем почистил перышки, вызвал «мамаш» и договорился о работе над документом в несколько смен. В понедельник, получив подробнейшие инструкции от Смайли, он позвонил личному секретарю Лейкона и очень хорошо справился с заданием. "Никаких фанфар и торжества в голосе, – предупредил Смайли. – Постарайся, чтобы все прозвучало как бы между прочим.

Так Гиллем и сделал.

Он сказал:

– Некоторое время тому назад за ужином шла речь о том, что неплохо бы собрать заседание комиссии по определению разведывательной политики для рассмотрения некоторых фактов prima facie (Прежде в с е г о, с первого взгляда (л а т.)). В деле кое-что определилось, так что может быть, имеет смысл назначить дату. Командуйте, когда – и мы разошлем документ всем членам комиссии заблаговременно.

– Командуйте? Определилось? Где только вы и вам подобные учились английскому языку?

Личный секретарь Лейкона был обладателем сочного баритона, и у баритона было имя – Пим, Гиллем никогда не встречался с ним, но тем не менее, не имея на то разумных причин, ненавидел его всей душой.

– Я могу лишь передать ему, – предупредил Пим. – И посмотреть, что он скажет, и тогда я перезвоню вам. Его расписание на ближайший месяц о-очень сильно забито.

– Даже если у него все танцы уже расписаны, это ведь всего-навсего один маленький вальс, и, может быть, ему все-таки удастся найти для него место, – сказал Гиллем и в ярости бросил трубку.

«Ну, погодите у меня – подождите, и вы увидите, какой удар навис над вашими головами», – подумал он.

Когда в Цирке рожают долгожданное дитя, гласит народная мудрость, рядовому агенту остается только мерить шагами комнату, в которой отцу разрешается ждать благополучного разрешения от бремени. Пилоты авиалиний, газетчики-репортеры, шпионы… Сейчас Джерри снова пребывал в этом проклятом состоянии бездействия и беспомощности, когда от тебя ничего не зависит.

– Нас пересыпали нафталином, – объявил Кро. – Передали: «Сработано хорошо, теперь – затаиться и не подавать признаков жизни».

Они разговаривали по телефону, по крайней мере, каждые два дня, никогда не используя для этих разговоров свои телефоны, как правило, один звонил из фойе какой-нибудь гостиницы, а второй ждал звонка в фойе другой. И говорили они завуалированно, используя некую смесь сарратского профессионального иносказательного языка и журналистского слэнга.

– Твою статью проверяют в высших инстанциях, – говорил Кро. – Когда наши редакторы вынесут свое мудрое решение, они подобающим образом поставят тебя в известность. А пока: ты сделал свое дело – и больше не возникай. Это приказ.

Джерри не знал, как Кро выходит на связь с Лондоном, и это его не слишком интересовало, – главное, чтобы было безопасно. Он предполагал, что связь обеспечивает какой-нибудь сотрудник огромного неприкосновенного легального аппарата разведслужбы, но все это было не очень интересно.

– Теперь ты должен гнать статьи для своей газетенки, накручивать метраж и оставить на потом – чтобы было что сунуть под нос братцу Стаббсу, когда наступит очередной кризис, – сказал ему Кро. – И никакой самодеятельности, ты меня понял?

На основе своих похождений с Фростом Джерри выдал статейку о том, как сказались последствия вывода американских войск на ночной жизни квартала Ванчай: «Что стало с Сюзи Вонг после того, как бравые американские солдаты, уставшие от войны, с бумажниками, раздувшимися от денег, перестали прибывать большими партиями в Гонконг для восстановления сил». Он сфабриковал, или, как предпочитают называть это журналисты, немного домыслил и слегка преувеличил «интервью на рассвете» с безутешной вымышленной девушкой из бара, которая теперь вынуждена опуститься до того, чтобы обслуживать японских

клиентов. Он отправил эту статейку самолетом и через коррпункт Люка устроил, чтобы по телексу сообщили в редакцию номер сопроводительной бумаги, – все, как приказывал Стаббс.

Джерри не был совсем плохим репортером, но точно так же, как трудные ситуации заставляли его показать все, на что он способен, праздность способствовала тому, что на поверхность вылезало самое худшее. Удивленный быстрым ответом Стаббса, даже похвалившего его статейку, Люк зачитал ему по телефону текст ответной «превозносительной» телеграммы – Джерри начал поглядывать вокруг, изучая пейзаж в поисках новых высот, которые можно было бы покорить. Наличествовала парочка сенсационных судебных процессов, связанных с коррупцией, были замешаны некоторые уважаемые фирмы, а в роли главных обвиняемых выступали, как это обычно бывает, полицейские, «слова которых были неверно истолкованы». Приглядевшись к делам повнимательней, Джерри решил, что они мелковаты для того, чтобы вызвать интерес в далекой Англии. Там теперь такого добра тоже хватает. Один из сотрудников газеты попросил его написать о скандале, который раскопали их конкуренты, – что обладательница титула «Мисс Гонконг» якобы беременна, но Джерри не успел – та уже возбудила против газеты, напечатавшей эти слухи, дело о клевете. От скуки Джерри побывал на пустом, как выжженная пустыня, официальном брифинге для журналистов, который проводил Сладкоголосый – скучнейший тип, из которого не получилось путного газетчика, сам когда-то работавший на одну ежедневную газету в Северной Ирландии. Джерри провел целое утро, изучая темы, которые уже приносили ему успех в прошлом, прикидывая, нельзя ли кое-какие из них поэксплуатировать еще разок. И, прознав о слухах, что в армии грядут большие сокращения расходов, полдня таскался по гарнизону непальских стрелков в сопровождении майора по связям с общественностью (на вид ему было лет восемнадцать). Джерри жизнерадостно поинтересовался, каким образом будут решаться проблемы секса у его подчиненных, когда их семьи (в связи с сокращением средств на довольствие) отправят домой, в Непал? Майор предполагал, что офицеры будут ездить домой, в свои деревни, и навещать семьи где-то раз в три года. Судя по всему, он считал, что этого вполне достаточно. Немного добавив драматизма и только чуть-чуть погрешив против фактов, представив все так, словно непальцы – уже сейчас полк соломенных вдовцов, Джерри поднялся на вершину триумфа. Его статья «Холодный душ в жарком климате для английских наемных солдат» была удостоена чести напечататься с развернутым подзаголовком, хоть и не на первой странице. Уэстерби состряпал и заначил пару статей на черный день и проводил вечера в праздности, прожигая жизнь в клубе. Совершенно извелся, снедаемый внутренним беспокойством, в ожидании, когда же Цирк разродится.

– Ради всего святого, – с жаром убеждал он Кро, – ведь этот человек – весь на виду, можно сказать, общественное достояние.

– И тем не менее, – непреклонно отвечал Кро.

Джерри сказал: «Слушаюсь», а пару дней спустя – только потому, что он просто умирал от скуки, – начал свое собственное, совершенно неофициальное расследование истории жизни и любовных похождений господина Дрейка Ко, кавалера ордена Британской Империи, распорядителя Королевского жокейского клуба Гонконга, миллионера и образцового гражданина, Которого и заподозрить нельзя в чем-нибудь предосудительном. Он не сделал ничего особенного (по крайней мере, по понятиям самого Джерри) – ничего, выходящего за рамки послушания, ведь нет ни одного рядового агента разведслужбы, который в какой-то момент не вышел бы за рамки полученных инструкций.

Уэстерби начал осторожно, словно ребенок, совершающий путешествие к запретной коробке с печеньем. Так совпало, что он уже некоторое время подумывал о том, чтобы предложить Стаббсу серию из трех статей о сверхбогатых людях Гонконга. Копаясь как-то перед обедом в справочниках в библиотеке клуба иностранных корреспондентов, он, бездумно листая ту же книгу, за которой Смайли посылал в Лондон, – последнее издание Кто есть кто в

Гонконге, – нашел страницу, где говорилось о Ко Дрейке: женат, имел одного сына (умер в 1968 году), когда-то изучал право в Грейз Инн (Старейшая адвокатская корпорация в Лондоне, при которой имеется школа) в Лондоне, но, судя по всему, не слишком успешно, потому что о том, что Ко стал адвокатом, не говорилось. Потом перечислялись все его двадцать с лишним директорских должностей в разных компаниях. Увлечения: скачки, морские путешествия, коллекционирование нефрита. Кто бы от этого отказался? Потом благотворительные организации, которые он поддерживает, включая баптистскую церковь, духовный храм Чиу-Чау и бесплатную больницу Дрейка Ко для детей. Весьма разносторонняя благотворительность: никого не забыл, отметил Джерри, немного заинтригованный.

С фотографии в книге смотрел двадцатилетний мужчина приятной внешности, с мягким взглядом, обладающий не только большим богатством, но и большими достоинствами, но внешне ничем не отличающийся от многих других людей. Его покойного сына звали Нельсон. Британские адмиралы, отметил Джерри, Дрейк и Нельсон. Он не мог отделаться от мысли, что отец получил имя в честь первого английского мореплавателя, добравшегося до китайских морей, а сын – в честь героя Трафальгарской битвы.

Джерри было гораздо легче, нежели Питеру Гиллему, связать «Чайна Эйрси» в Гонконге и «Индочартер ЮА» во Вьентьяне. Ему показалось забавным то, что он прочитал в проспекте компании «Чайна Эйрси». Она занималась разносторонней деятельностью в области торговли и перевозок в юго-восточном регионе Азии, и в сферу ее интересов входили рис, рыболовство, электротовары, тиковое дерево, операции с недвижимостью и транспортные перевозки.

Работая как-то в корпункте у Люка, он предпринял более решительный шаг: исключительно в силу обстоятельств ему попалось на глаза кое-что о Дрейке Ко. Правда, надо признать, что он сам нашел имя Ко в картотеке. Точно так же, как и имена еще десятка или двух состоятельных китайцев, проживающих в колонии. В добавление к этому он – абсолютно без задних мыслей! – спросил у девушки-сотрудницы, какие из миллионеров-китайцев, по ее мнению, являются самыми колоритными личностями и подошли бы для его статей. И хотя Дрейк, возможно, и не был одним из самых очевидных кандидатов, Джерри не понадобилось много времени, чтобы навести девушку на это имя. Вслед за именем появились вырезки из газет. И в самом деле, как он уже доказывал Кро, было что-то унизительное, если не сказать неестественное, в том, чтобы прибегать к тайным методам получения информации о человеке, который настолько явно находится на виду. Агенты советской разведки, Джерри мог судить по своему ограниченному опыту, обычно представляли собой гораздо более скромные фигуры. По сравнению с ними Ко принадлежал к другому классу.

«Он чем-то напоминает мне моего старика Самбо», – подумал Джерри. Мысль о таком сходстве впервые пришла ему в голову.

Больше всего информации он почерпнул из журнала «Голден Ориент» (который уже больше не издавался). В одном из последних номеров он поместил иллюстрированный очерк на восьми страницах, озаглавленный «Красные рыцари Наньянга», в котором рассказывалось о все более многочисленных группах китайцев, живущих в разных странах, но поддерживающих очень выгодные торговые отношения с красным Китаем (обычно их называли «жирными котами»). Джерри знал, что название Наньянг используют для стран, находящихся к югу от Китая; и для китайцев это слово значит нечто вроде Эльдорадо, где царит мир и все живут в достатке. Каждому из героев этой журнальной статьи посвящалась одна страница с фотографией, обычно на фоне владений того или иного бизнесмена. Гонконгским героем очерка – а там еще были интервью с бизнесменами из Бангкока, Манилы и Сингапура – был «этот пользующийся всеобщей любовью человек – спортсмен, президент Жокейского клуба» господин Дрейк Ко, председатель, управляющий, директор и обладатель контрольного пакета акций компании «Чайна Эйрси Лтд., Гонконг». Он был сфотографирован со своей лошадью по кличке Счастливчик Нельсон в конце удачного сезона в Хэппи Вэлли. Джерри сразу же обратил

внимание на имя лошади. Ему показалось жутковатым, что отец называет лошадь именем своего умершего сына.

Фотография, напечатанная в журнале, давала гораздо лучшее представление о Ко, чем его безликий снимок в «Кто есть кто». У Ко было веселое, даже приподнятое настроение, и, несмотря на то что на нем был головной убор, возникало впечатление, что он – лысый. Кстати, головной убор на фотографии представлял наибольший интерес, потому что, насколько мог судить Джерри, никто и никогда не видел китайца в такой шляпе. Это была даже не шляпа, а скорее берет, сдвинутый набок и назад, и Ко был похож не то на английского солдата, не то на французского торговца луком. Но самое главное, что в Ко было то, что чрезвычайно редко встретишь у китайцев – самоирония. Он был высокого роста, на нем был дорогой и элегантный плащ в стиле «Берберри», и длинные руки торчали из рукавов, как у переростка. Было видно, что он действительно очень любит свою лошадь – одна рука спокойно лежала у нее на крупе. Когда в интервью Ко спросили, почему он по-прежнему содержит флотилию джонок, хотя джонки, по общему мнению, уже давно не выгодны, он ответил: «Я из рода Хакка из Чиу-Чау. Мы дышали водой, мы выращивали урожай на воде, мы спали на воде. Лодки – это моя среда обитания». Он также любил описывать свое путешествие из Шанхая в Гонконг в 1951 году. В то время граница между ними еще была открыта и, по сути дела, не было никаких ограничений на въезд. Тем не менее. Ко предпочел совершить путешествие на рыбацкой джонке, несмотря на пиратов, блокады и штормы, что другие расценивали по меньшей мере как очень эксцентричный поступок.

Говорят, он как-то обмолвился: «Я всегда был очень ленив. Если ветер бесплатно доставит меня туда, куда надо, зачем мне идти пешком? Сейчас у меня есть морская яхта длиной тридцать метров… я по-прежнему люблю море».

«Известен своим чувством юмора», – говорилось о нем в статье.

Хороший агент-разведчик обязательно должен быть интересным человеком, утверждают «наставники» из Саррата. В московском Центре, по-видимому, это тоже понимали.

Поскольку никто на него не смотрел, Джерри неторопливо подошел к картотеке, и через несколько минут у него в руках оказалась толстая папка, заполненная вырезками из газет и журналов, большая часть которых была посвящена скандалу с акциями в 1965 году, в котором Ко и группа китайцев из Сватоу сыграли не очень благовидную роль. Расследование, проведенное фондовой биржей, не пришло ни к каким определенным выводам, чего и следовало ожидать – дело было отправлено на полку. А в следующем году Ко наградили орденом Британской Империи. «Если ты кого-нибудь покупаешь, – говаривал когда-то старик Самбо, – покупай со всеми потрохами».

В бюро Люка работало несколько сотрудников-китайцев, и среди них – компанейский парень из Кантона по имени Джимми, который частенько бывал в клубе и которому платили по китайским расценкам за то, что он выступал в роли советника во всем, что касалось местных обычаев. Джимми утверждал, что китайцы из Сватоу – это совершенно особый народ, как шотландцы или евреи: они выносливы и не боятся трудностей, хранят верность своему клану; стали притчей во языцех из-за своей бережливости, доходящей до скупости, живут у моря и поэтому всегда могут искать в море спасения, когда их преследуют, или когда они страдают от голода, или когда не могут выбраться из долгов. Он добавил, что их женщины очень ценятся, потому что они красивы, трудолюбивы, рачительны и страстны.

«Собираетесь писать еще один роман, ваше благородие?» – вкрадчиво спросил Карлик, выглядывая из своего кабинета, чтобы выяснить, чем занимается Джерри. Джерри хотел было спросить, как это могло получиться, что китаец из Сватоу вырос и воспитывался в Шанхае, но счел, что будет благоразумнее перевести разговор на менее опасную тему.

На следующий день Джерри позаимствовал видавшую виды машину Люка. Вооружившись стандартной тридцатипятимиллиметровой камерой, он отправился на Хедлэнд-роуд, в «гетто для миллионеров» между заливами Рипалс Бей и Станли, и там постарался изобразить из себя любопытного зеваку, рассматривая тамошние виллы, как это делают многие праздные туристы. «Легенда» оставалась прежней – очерк для Стаббса о супербогатых людях Гонконга: даже сейчас, и даже самому себе, он вряд ли признался бы, что поехал туда из-за Дрейка Ко.

«Он отправился в Тайбэй хорошенько погудеть, – сказал ему Кро во время одного из конспиративных разговоров, когда оба они общались при помощи телефонов-автоматов. – Вернется только в четверг». В информации, полученной Кро по его каналам связи, можно было не сомневаться.

Он не стал фотографировать особняк под названием «Семь врат», но с глуповатым видом поглазел на него. Перед ним была вилла с черепичной крышей, стоявшая на довольно большом расстоянии от дороги, с большой верандой, выходящей к морю, и белой ажурной декоративной изгородью с аркой, увитой вьющимися растениями, которая красиво смотрелась на голубом фоне сливающихся моря и неба.

Кро сказал ему, что Дрейк, должно быть, выбрал название в память о Шанхае, где в стенах старого города было устроено семь городских ворот. «Сентиментальные воспоминания, сынок. Никогда не делай ошибки, недооценивая власть сентиментальных воспоминаний над узкоглазыми, но, с другой стороны, никогда не будь слишком сильно уверен в ней. Аминь». Джерри увидел около этой виллы лужайки и даже, что показалось ему забавным, площадку для крокета. Далее – великолепный цветник из со вкусом подобранных азалий и роз, модель джонки длиной более трех метров на бетонной подставке, изображающей море, и полукруглый, как эстрада для оркестра, бар с сине-белым полосатым навесом. Вокруг были расставлены белые стулья, и была… только одна человеческая фигура – мальчик в белых брюках, белом пиджаке и белых ботинках. По всей вероятности, семейство Ко ожидало гостей. Другие мальчики домашней прислуги мыли машину «Роллс-ройс Фэнтом» табачного цвета. Большой гараж был открыт, и Джерри заметил там «крайслер», но не рассмотрел, какой модели, и черный «мерседес» со снятыми номерами: должно быть, машину ремонтировали и номера сняли как помеху. Уэстерби постарался уделить ровно столько же внимания и другим особнякам на Хедлэнд-роуд и даже сфотографировал три из них.

Проехав дальше, к заливу Дип Уотер Бей, он остановился на берегу, рассматривая небольшую армаду джонок и катеров, принадлежащих биржевым маклерам, которые стояли на якоре и покачивались от морской зыби, но не смог рассмотреть отсюда «Адмирала Нельсона», знаменитую океанскую яхту Дрейка Ко – бесконечное повторение имени Нельсон, о чем бы ни шла речь, начинало действовать угнетающе. Он уже собирался уходить, когда услышал, что его окликают снизу: он прошел по шатким деревянным мосткам и увидел лодку, которую здесь называли «сампан». Старуха, сидевшая в ней, улыбалась ему и показывала на себя желтой куриной ножкой, которую перед тем обгладывала беззубыми деснами. Забравшись в лодку, Джерри жестом показал на яхты и катера, и она устроила ему небольшую экскурсию, чтобы он мог рассмотреть их вблизи, Она гребла, все время смеясь и что-то напевая, продолжая держать во рту куриную косточку.

«Адмирал Нельсон» был очень ухоженной, изящной и не очень высокой яхтой. Три мальчика в белых парусиновых штанах старательно драили палубу. Джерри попробовал подсчитать, сколько же у Ко уходит в месяц на расходы по содержанию всех его владений (хотя бы на прислугу). По пути назад он остановился у бесплатной больницы Дрейка Ко для детей и пришел к выводу, что, если верить поверхностному впечатлению, больница тоже находится в отличном состоянии.

На следующий день, рано утром, Джерри заглянул в роскошно отделанный вестибюль небоскреба в центральной части города, где находились конторы многих компаний, и изучил медные таблички, рассказывающие об обитателях этого здания. «Чайна Эйрси» и ее филиалы занимали три верхних этажа, но, как и можно было предположить, нигде не упоминалось об «Индочартер, Вьентьян ЮА», первоначальном получателе двадцати пяти тысяч американских долларов в последнюю пятницу каждого месяца.

В папке с газетными и журнальными вырезками, которую он читал в корпункте Люка, были ссылки на архивы консульства США. На следующий день Джерри отправился туда с целью «проверки фактов для статьи об американских солдатах в Венчай». Под присмотром умопомрачительно красивой девушки Джерри переходил от полки к полке, время от времени брал что-то и просматривал, а потом пристроился к самым старым документам, относившимся к самому началу пятидесятых, когда Трумэн ввел эмбарго на торговлю с Китаем и Северной Кореей. Консульство в Гонконге получило указание сообщать о всех нарушениях, и теперь он держал в руках отчет о том, что им удалось раскопать. После лекарств и электротоваров больше всего нарушений было связано с нефтью, и «компетентные», как их обычно называют, «органы США» всячески старались этому воспрепятствовать: они устраивали западни, выставляли патрули береговой охраны, допрашивали перебежчиков и пленных и наконец представили в подкомитеты сената и палаты представителей Конгресса США огромные досье с материалами.

Речь шла о 1951 годе (два года спустя после захвата власти коммунистами в Китае) – как раз тогда, когда Ко приплыл на джонке из Шанхая в Гонконг без цента в кармане. Операция, о которой упоминалось в статье из папки в корпункте Люка, была осуществлена шанхайцами, и поначалу казалось, что это – единственное, что связывало с ними Ко. В те дни многие иммигранты из Шанхая жили в совершенно антисанитарных условиях, в переполненной сверх всякой меры гостинице на улице Де Вероуд. Во вступлении говорилось, что они были одной огромной семьей, которую объединили общие страдания и нищета. Некоторые еще раньше вместе бежали от японцев, точно так же, как теперь вместе бежали от коммунистической угрозы.

" П о с л е т о г о к а к м ы с т о л ь к о н а т е р п е л и с ь о т к о м м у н и с т о в, – заявил один из задержанных на допросе, – с а м о е м а л о е, ч т о м ы м о г л и с д е л а т ь, – это погреть р у к и н а и х п р о б л е м а х.

Другой был более агрессивен: " Г о н к о н г с к и е ж и р н ы е к о т ы н а ж и в а ю т с я н а э т о й в о й н е и п о л у ч а ю т м и л л и о н ы. К т о п р о д а е т к р а с н ы м э л е к т р о н н о е о б о р у д о в а н и е, п е н и ц и л л и н, р и с ? "

В пятьдесят первом для них были открыты два пути, говорилось в докладе. Первый – дать взятку пограничникам и переправить нефть через Новую территорию и дальше, через границу, на грузовиках. Второй – доставить ее морем, что означало, что взятку надо дать портовому начальству.

Опять показания одного из допрошенных: " М ы, л ю д и и з Х а к к а, х о р о ш о з н а т ь м о р е. М ы н а х о д и т ь к о р а б л ь т р и с т а т о н н, м ы в з я т ь к о р а б л ь в а р е н д а. М ы з а г р у ж а т ь к о р а б л ь с ц и с т е р н ы с н е ф т ь, м ы п и с а т ь н е п р а в д а в г р у з о в о й м а н и ф е с т и н е п р а в д а п р о п о р т н а з н а ч е н и я. М ы п л ы т ь в м е ж д у н а р о д н ы е в о д ы и п о т о м п о л н ы й в п е р е д в А м о й. К р а с н ы е н а з ы в а т ь н а с б р а т ь я, п р и б ы л ь с т о п р о ц е н т. Н е с к о л ь к о т а к о й п у т е ш е с т в и й – и м ы п о к у п а т ь к о р а б л ь ".

" О т к у д а в ы б р а л и д е н ь г и, ч т о б ы в п е р в ы й р а з з а ф р а х т о в а т ь с у д н о и з а к у п и т ь н е ф т ь ? " – спрашивал следователь.

" Т а н ц п л о щ а д к а " Р и т ц ". – Ответ обескураживал. Так называли место на набережной, где спускалась к морю улица Кингз-роуд, говорилось в сноске в конце страницы,

где можно было снять отличную девочку. Большинство из них были родом из Шанхая. В той же сноске говорилось о членах группировки, занимавшейся этим бизнесом. Одним из них был Дрейк Ко.

" Д р е й к К о б ы л о ч е н ь к р у т о й п а р е н ь, – говорилось в показаниях еще одного свидетеля, приведенных в приложении. – Д р е й к К о н е л ь з я р а с с к а з а т ь н е б ы л и ц а. О н с и л ь н о н е л ю б и т ь п о л и т и ч е с к и е л ю д и. Ч а н К а й ш и. М а о. О н г о во р и т ь о н и в с е к а к о д н а ч е л о в е к. О н г о в о р и т ь о н з а Ч а н М а о ш и. О д и н д е н ь г о с п о д и н К о – г о л о в а н а ш а г р у п п а ".

Что касается организованной преступности, расследование ни к чему не привело. Считалось установленным фактом, что к тому времени, когда Шанхай пал перед натиском Мао Цзедуна в сорок девятом, около двух третей его преступного мира перебралось в Гонконг; что Красная и Зеленая банды вели между собой ожесточенную борьбу за право обеспечивать «крышу» и собирать дань со своих клиентов в Гонконге. По сравнению с этой войной то, что происходило в Чикаго в двадцатые годы показалось бы детскими забавами. Но не удалось найти ни одного свидетеля, который согласился бы рассказать хоть что-нибудь о «Дриадах» (Название преступной группировки в Китае) или какой-либо другой преступной группировке.

Неудивительно, что к субботе, когда Джерри отправился на скачки в Хэппи Вэлли, он имел неплохое представление о человеке, за которым охотился.

Таксист запросил двойную цену, потому что это был день скачек, и Джерри заплатил, потому что знал, что так принято. Он сказал Кро, куда едет. Кро не возражал. Джерри поехал с Люком, зная, что иногда два человека привлекают меньше внимания, чем один. Он побаивался наткнуться на Фроста, потому что мир круглоглазых в Гонконге очень велик. Чтобы придать себе веса, от главного входа он позвонил в дирекцию, и через некоторое время появился некто капитан Грант, молодой сотрудник ипподрома, которому Джерри объяснил, что он здесь по заданию редакции: пишет материал об ипподроме. Грант оказался приятным и умным человеком. Он был хорошо одет, курил турецкие сигареты, находил забавным все, что говорил Джерри, и держал себя дружелюбно, хотя и несколько отстраненно.

– Значит, Вы – его сын? – спросил он в конце концов.

– А Вы его знали? – спросил Джерри, сияя ослепительной улыбкой.

– Нет, но много слышал, – ответил капитан Грант, и по выражению его лица можно было догадаться, что ему нравилось то, что он слышал.

Он подарил им значки, а потом пригласил выпить. Только что закончился второй заезд. Пока они разговаривали, было слышно, как в толпе возник и нарастал рокот, а потом замер, словно шум обвала. В ожидании лифта Джерри кинул взгляд на доску объявлений, чтобы посмотреть, кто купил отдельные ложи. Среди завсегдатаев, каждый год бравших ложи, значилась мафия Пика: Банк (с большой буквы), как любили называть себя представители Гонконгского и Шанхайского банка, фирма «Джардин Матесон». Губернатор, командующий британскими войсками. Господина Дрейка Ко, кавалера ордена Британской Империи (хотя он и был главным распорядителем клуба), среди них не было.

– Уэстерби! Господи Боже мой, приятель, и кто же это тебя сюда пропустил? Послушай-ка, это правда, что твой папан разорился незадолго до смерти?

Джерри нерешительно улыбнулся, но потом, хоть и с небольшим запозданием, вытянул нужный бланк из картотеки своей памяти: Клайв Как-Его-Там, благополучный адвокат, имеет дом на берегу залива в Рипалс Бей, шотландец, все сминающий на своем пути, человек очень любезный и столь же неискренний, о котором открыто говорят, что он большой мошенник. Джерри использовал его для прикрытия, когда однажды надо было провернуть одно не очень безупречное дельце с золотом в Макао, и был убежден, что Клайв на нем поживился.

– Привет, Клайв, как здорово, что я тебя встретил, просто потрясающе!

Все еще ожидая лифта, они обменялись несколькими банальными фразами.

– Ну-ка, дай-ка нам твою программку. Ну, давай же! Я сейчас устрою тебе ого-го какой выигрыш.

«Портон, – вспомнил Джерри, – Клайв Портон». Почти силой вырвав программу скачек из рук Джерри, Портон послюнявил большой палец, перелистал брошюрку и на одной из страниц в середине шариковой ручкой обвел в кружок имя какой-то лошади.

– Седьмой номер в третьем заезде, – ставь, не ошибешься, – говорил он, дыша Джерри в лицо. – Можешь заложить последнюю рубашку и поставить на эту лошадь, понял? Скажу тебе прямо, я не каждый день вот так раздаю деньги направо и налево.

– Что этот жлоб пытался тебе навязать? – спросил Люк, когда они наконец от него отделались.

– Уговаривал поставить на одну лошадь.

Они разошлись в разные стороны. Люк пошел делать ставки и попытаться пробиться в Американский клуб, находившийся наверху. А Джерри, повинуясь необъяснимому порыву, решил поставить сотню долларов на Счастливчика Нельсона, а потом торопливо зашагал к ресторану Гонконгского клуба. «Если я проиграю, – бесстрастно решил он, – запишу этот проигрыш на счет Джорджа».

Двойные двери ресторана были открыты, и он сразу вошел внутрь. Там царил дух богатства, начисто лишенного изящества: ни дать ни взять – гольф-клуб где-нибудь в графстве Суррей в Англии в дождливый выходной день, разница лишь в том, что дамы, не боясь воришек, надели свои настоящие драгоценности. Женщины сидели в стороне, словно дорогое оборудование, которому не нашлось применения. Они напряженно смотрели на экран, транслировавший заезды, и жаловались друг другу на прислугу и на то, что на улицах небезопасно: могут налететь, вырвать сумочку – и поминай как звали. В комнате стоял запах сигар, пота и уже съеденной еды.

Вид Джерри – ужасный костюм и ботинки из оленьей кожи – не вызывали сомнений в принадлежности к пишущей братии. Леди нахмурились. В Гонконге так трудно принадлежать к изысканному обществу, казалось говорило выражение их лиц, потому что здесь слишком многие беспрепятственно проходят туда, куда их и на порог пускать не следует. У стойки бара собралась группа людей, серьезно относящихся к процессу пития, – главным образом, «саквояжники», разъезжающие по всему свету сотрудники лондонских банков, финансирующе торговые операции. Дяденьки, вследствие неумеренного потребления пива, раньше положенного отрастили животы и обзавелись двойными подбородками. Вместе с ними «принимала внутрь» мелкая сошка из «Джардин Матесон», у которых нос не дорос быть допущенными а отдельную ложу фирмы. Хорошо одетые и воспитанные молокососы не внушали симпатии. Высшей целью для них были деньги и повышение по службе. Джерри с опаской огляделся, чтобы убедиться, что поблизости нет Фрости, но либо его птички не соблазнили его сегодня, либо он был где-то еще.

Улыбнувшись всем сразу и неопределенным взмахом руки изобразив общее «здрасьте!», Джерри разыскал помощника управляющего ресторана, радостно приветствовав его, словно только что встреченного лучшего давно потерянного друга. Упомянув мимоходом капитана Гранта, Уэстерби опустил ему в карман двадцать долларов и, в нарушение абсолютно всех правил, попросил оставить столик на весь день. С чувством радостного предвкушения Джерри вышел на балкон. Солнце, запах конского навоза, тихое жужжание китайской толпы и учащенное биение его собственного сердца – все сливалось в одно слово – «лошади».

Какое-то мгновение Джерри постоял, улыбаясь и впитывая каждой клеточкой все увиденное, потому что сколько бы он ни появлялся на ипподроме, для него каждый раз словно был первым.

Трава на скаковом круге в Хэппи Вэлли была, должно быть, самой дорогой сельскохозяйственной культурой в мире. Ее было очень мало. Узкая травяная дорожка огибала поле, похожее на площадку для игр в каком-нибудь лондонском районе – выжженную солнцем и вытоптанную тысячами ног – ни признака зелени – только плотно утрамбованная грязь. Восемь вытоптанных футбольных полей, одна хоккейная площадка и поле для регби – все они производили впечатление заброшенности. Но тоненькая зеленая ленточка скакового круга, огибавшая этот заповедник запустения, всего за один год смогла заставить людей только законным образом поставить внушительную сумму в сотню миллионов фунтов стерлингов. Примерно столько же приходилось на долю подпольных букмекеров.

На самом деле это место точнее было бы назвать не долиной, а чашей: с одной стороны пространство ограничивал белый стадион, с другой – коричневые холмы, а прямо и левее представал другой Гонконг: нечто вроде Манхэттена; серые мрачные небоскребы, похожие на карточные домики, были так тесно прилеплены друг к другу, что, казалось, поддерживают один другого. С каждого маленького балкона торчал бамбуковый шест – словно булавка, скрепляющая эту конструкцию. С шестов длинными черными гирляндами свисали сохнущие после стирки вещи. Было похоже, что какое-то огромное чудовище пролетело мимо, задев здание и оставив эти развевающиеся лохмотья. Для огромного большинства людей, пришедших сегодня на ипподром (за исключением нескольких, которых можно было по пальцам перечесть), Хэппи Вэлли означала надежду на мгновенное избавление от нищеты, маня игроков призрачной мечтой об удаче.

Немного дальше, справа от Джерри, сверкали новые и роскошные здания. Там, припомнилось ему, располагаются конторы тех самых подпольных букмекеров, которые при помощи самых разных, непонятных для непосвященного способов (условных жестов, переговорных устройств и фонариков) – Саррат наверняка оценил бы их – поддерживали постоянный контакт со своими помощниками на ипподроме. Выше тянулись лишенные какой бы то ни было растительности гребни холмов, прорезанные карьерами и изобилующие, по слухам, массой подслушивающей аппаратуры. Джерри где-то слышал, что антенны-блюдца установили для Кузенов, чтобы они могли отслеживать полеты тайваньских самолетов над территорией Гонконга. В небе висели маленькие белые комочки облаков, которые, казалось, не исчезают даже в самую ясную погоду. А вверху простирался купол выбеленного добела китайского неба, которому наверняка было больно от нестерпимо жаркого солнца. В небе медленно кружился ястреб. Джерри с радостным и благодарным чувством охватил картину с одного взгляда – словно залпом осушил стакан.

Для толпы на ипподроме наступило время, когда нечем заняться. Больше других внимание привлекали четыре толстые китаянки в широкополых шляпах (такие носят в Хакка) и черных костюмах, похожих на пижамы. Они шли по скаковому кругу с граблями, поправляя драгоценную траву там, где ее примяли конские копыта. Женщины шествовали с достоинством людей, которым ни до чего нет дела, как будто воплощая собой всех китайских крестьян.

По ставкам лошадь, на которую советовал ставить Клайв Портон, была третьей в списке фаворитов. Счастливчик Нельсон Дрейка Ко к таковым не принадлежал, ставки принимались сорок к одному, что означало, что надежды на выигрыш никакой. Протиснувшись мимо толпы жизнерадостных австралийцев, Джерри подошел к углу балкона и, вытянув шею, попытался через головы разглядеть, кто сидит в ложах, отведенных для владельцев участвующих в скачках лошадей. Ложи находились за зелеными металлическими воротами, у которых стоял охранник. Закрывая от солнца глаза рукой и ругая себя за то, что не взял бинокль, Джерри разглядел какого-то солидного, сурового вида мужчину в костюме и темных очках, а рядом с ним – очень хорошенькую девушку. Мужчина был одновременно похож и на китайца, и на

испанца, и Джерри решил, что он филиппинец. А девушка была очень хороша – самая лучшая из тех, что можно купить за деньги.

«Должно быть. Ко сейчас со своей лошадью», – подумал Джерри, вспомнив старину Самбо. – Скорее всего, в паддоке (Выгул около конюшен, загон на ипподроме), где готовят лошадей к старту, дает инструкции тренеру и жокею".

Он вернулся через ресторан в фойе у главного входа, спустился по широкой лестнице на два этажа вниз и через зал вышел на галерею для зрителей, заполненную огромной толпой задумчивых китайцев. Там были только мужчины. Все они в благоговейном молчании смотрели вниз, на крытый песчаный манеж, где прыгало много шумных воробьев и трое мужчин (постоянные тренеры «мафу», работающие каждый со своей лошадью) выводили трех лошадей. Они держали поводья своих подопечных с несчастным видом, как будто нервы не выдерживали напряжения. Элегантный капитан Грант наблюдал за происходящим, этому же занятию предавался и старый русский тренер из белогвардейцев по имени Саша. Джерри любил и уважал его. Саша сидел на маленьком складном стульчике, слегка подавшись вперед. Он занимался выездкой монгольских пони в Шанхае уже во времена Договора (Один из ряда англо-китайских договоров, подписанных во второй половине XIX века, предоставлявший Англии в Китае права экстерриториальности и многие другие привилегии). Джерри мог слушать его рассказы ночь напролет про три скаковых круга в Шанхае – английский, международный и китайский; про то, как богатые английские торговцы – «короли» – держали по шестьдесят, а то и по сто лошадей каждый, отправляя их морем из одного портового города в другой, вновь и вновь вступая в борьбу за первенство. Саша был мягкий человек философского склада, с голубыми глазами, устремленными вдаль, и с подбородком борца, считающего любые приемы дозволенными. Кроме всего прочего, он тренировал Счастливчика Нельсона. Сидя поодаль от всех, он смотрел в ту сторону где, как решил Джерри, должна быть дверь, не заметная отсюда.

Внезапно шум на трибунах заставил Джерри резко повернуться. Раздался рев. а потом высокий пронзительный крик, толпа на одной из трибун всколыхнулась, и в нее клином врезались полицейские в черно-серой форме. Мгновение, и несколько полицейских уже тащили какого-то несчастного окровавленного карманника к тоннелю, ведущему в подвальный этаж. Джерри совсем ослепило яркое солнце, и когда он снова повернулся к темному паддоку, ему понадобилось несколько секунд для того, чтобы сфокусировать взгляд на неясных очертаниях фигуры господина Дрейка Ко.

Он не сразу узнал его. Первый человек, на которого Уэстерби обратил внимание, был совсем не Ко, а молодой жокей-китаец, стоявший рядом со старым тренером Сашей, – высокий, тонкий, как тростинка, юноша. Он постукивал себя хлыстом по сапогам, как будто повторяя жест, увиденный когда-то на английской гравюре. На нем был костюм цветов Ко. В статье «Голден Ориента» говорилось, что это «серо-стальной (как море) и небесно-голубой, чередующиеся в шахматном порядке». Как и Саша, юноша смотрел на что-то, чего Джерри не видел. В следующее мгновение из-под помоста смешливый толстяк тренер вывел молодого гнедого жеребца. Номера под попоной не было видно, но Джерри узнал коня по фотографии: теперь он оценил, что это за конь. Бывают такие лошади, которым просто нет равных среди себе подобных, и, по мнению Джерри, Счастливчик Нельсон был именно таким. «Превосходное животное, – подумал он, – красивая высокая холка, ясный глаз. Ничуть не похож на гнедых цвета тюремной баланды со светлой гривой и таким же хвостом, за которых на скачках всегда болеют женщины». Учитывая местные условия – а здесь климат сильно ограничивает возможность достижения наилучшей формы, – Счастливчик Нельсон был лучше всех остальных. В этом Джерри был уверен. На какое-то мгновение состояние жеребца вызвало у него тревогу: бока и задние ноги слишком блестят от пота. Он снова перевел взгляд на глаза Нельсона: ясные, незамутненные. Ему стала понятна слегка неестественная потливость жеребца, и сердце снова возрадовалось: этот хитрый дьявол Ко приказал облить лошадь из

шланга, чтобы он хуже выглядел. Джерри с радостью вспомнил, что именно так в подобной ситуации повел бы себя старик Самбо.

Пришло время перевести взгляд с жеребца на его хозяина.

Господин Дрейк Ко, кавалер ордена Британской Империи, обладатель внушительной суммы в полмиллиона американских долларов, человек, заявивший, что он – сторонник Чан Мао-ши, стоял в стороне, в тени, отбрасываемой белой бетонной колонной диаметром около трех метров. На первый взгляд, это был человек не слишком привлекательной, но и не отталкивающей наружности, высокий и сутулый, словно человек, которого приучила к этому его профессия – зубной врач или сапожник. Он был одет так, как одеваются англичане: серые мешковатые брюки из шерстяной фланели и черный двубортный блейзер, немного длинноватый в талии, что подчеркивало несуразность и угловатость его худощавой фигуры. Лицо и шея блестели, словно хорошо начищенная кожа, и были совершенно лишены растительности, а многочисленные морщины, избороздившие их, казались резкими, словно складки, заглаженные утюгом. Цвет лица Ко был темнее, чем предполагал Джерри: он готов был заподозрить, что в нем есть арабская или индийская кровь. Он носил все тот же немыслимый головной убор, что и на фотографии, – темно-синий берет. Уши торчали из-под него, как кремовые розы на торте. Глаза, и без того очень узкие, из-за берета казались еще более удлиненными. Коричневые итальянские туфли, белая рубашка с открытым воротом. В руках нет ничего, даже бинокля: зато на лице великолепная, на полмиллиона долларов улыбка, во рту сверкает золото – кажется, он радуется не столько за себя, сколько за всех остальных.

Но было еще кое-что – скорее, намек. Это как внутреннее электричество: метрдотели, швейцары и журналисты обычно определяют сие свойство с первого взгляда; у старика Самбо оно п о ч т а было: в нем был намек на то, что если он захочет, в его распоряжении через мгновение окажутся огромные средства, и если ему понадобится, никому не ведомые люди в мгновение ока принесут все, что он потребует на блюдечке с голубой каемочкой.

Картинка ожила. Распорядитель скачек приказал жокеям оседлать лошадей. Смешливый мафу сдернул попону, и Джерри, к своему удовольствию, заметил, что по приказанию Ко жеребца еще и почистили щеткой против волоса, чтобы сделать якобы плохое состояние еще более явным. Тоненький, как тростинка, жокей не очень ловко и не очень быстро вспрыгнул в седло, что-то дружелюбно сказав сверху Ко – должно быть, из-за нервного напряжения забыв о разделяющей их дистанции. Ко, которого от Джерри отделял жеребец, уже решил уйти, но повернулся и что-то резко ответил – что-то односложное, чего Джерри расслышать не мог. При этом он даже не смотрел на того, к кому обращался, и ему было все равно, услышит ли его еще кто-нибудь. Что это было? Выговор? Слова ободрения? Приказ слуге? Ко не перестал широко улыбаться, но голос его звучал жестко, словно щелчок кнута. Жеребец с всадником направились в одну сторону, Ко – в другую, а Джерри снова помчался через ресторан на балкон, протиснулся к самому краю и посмотрел вниз.

К этому времени Ко был уже не один, а с супругой. Джерри так и не понял, пришли они на трибуну вместе или она присоединилась к нему позже. Женщина была очень миниатюрной. Он обратил внимание на блеск черного шелка и движение в толпе вокруг – это мужчины уступали ей дорогу. Трибуна заполнялась зрителями. Ее голова не доходила им и до плеч. Он снова нашел ее взглядом рядом с Ко: изящную и безупречную жену-китаянку, надменную, пожилую, такую холеную и ухоженную, что невозможно было представить, что она когда-то была моложе и носила что-то другое, а не этот шелковый, расшитый золотом, с великолепными воздушными застежками наряд от парижского модельера. Когда они с Кро, уже совсем одуревшие, как-то сидели перед небольшим проектором, Кро вдруг дал волю своей фантазии: "Жена доставляет ему немало хлопот, – сказал он. – Л ю б и т с т а щ и т ь ч т о – н и б у д ь в б о л ь ш и х у н и в е р м а г а х. К о п р и х о д и т с я п о сы л а т ь с в о и х л ю д е й з а р а

нее, чтобы предупредить администрацию магазина и пообещать, что они заплатят за все, что она стянет".

В статье «Голден Ориент» о жене говорилось, как о «деловом партнере в начале его карьеры». Читая между строк, Джерри догадался, что она была одной из девушек с танцплощадки «Ритц».

Рев толпы нарастал.

– Ты поставил на нее, Уэстерби? Ты поставил на нее, парень? – Шотландец Клайв Портон наседал на Джерри, пот буквально лил с него градом (а все – спиртное!) – Это же такая лошадь, черт меня побери! Даже при таких ставках все-таки можно кое-что выиграть! Ну, давай-давай, это верняк!

Объявили старт, это избавило Джерри от необходимости отвечать. Шум на мгновение захлебнулся, потом снова набрал силу и взмыл к небу. Вокруг слышны то и дело повторяемые имена и номера лошадей. Старт, и лошади рванули вперед. Первые двести метров всегда подождите: скоро на смену безмятежному спокойствию придет отчаянная борьба.

Когда лошадей на рассвете выводят на выездку, вспомнил Джерри, копыта обматывают тряпками, чтобы не потревожить сон обитателей окрестных домов. Бывало, в давние времена, в перерыве между военными очерками и похмельем, Джерри иногда вставал рано утром и приходил сюда просто посмотреть на лошадей. Если ему везло и он встречал здесь кого-нибудь из своих влиятельных (в здешнем мире) друзей, он возвращался вместе с ними в многоэтажные конюшни с кондиционированным воздухом, чтобы посмотреть, как четвероногих нежат и лелеют. Днем шум транспорта полностью заглушал конский топот, и сверкающие в лучах солнца лошади, плотной группой бежавшие по дальней стороне скакового крута, казалось, медленно и совершенно беззвучно продвигались вперед, как будто плыли по изумрудно-зеленой реке.

– Моя все время впереди, – не очень уверенно объявил Клайв Портон, наблюдая за заездом в бинокль. – Фаворит не подводит. Великолепно. Отлично сработано, отлично.

Лошади пришли к последнему повороту перед выходом на финишную прямую.

– Ну же, ну, постарайся! Эй, ты, кретин, а плетка у тебя зачем? – пронзительно кричал Портон.

Теперь уже даже невооруженным глазом было видно, что вперед выходит серо-голубой жокей Счастливчика Нельсона и что остальные участники заезда уважительно уступают ему дорогу. Еще один жеребец попытался составить ему конкуренцию, но сдался и отстал. Лошадь, на которую ставил Портон, отставала уже на три корпуса, хотя жокей изо всех сил старался ее подогнать.

– Не согласен! – орал Портон. – Где распорядитель, черт побери? Этого коня придержали! Я впервые в жизни вижу, чтобы коня так бесстыдно сдерживали!

Когда Счастливчик Нельсон грациозно пересек финишную линию, Джерри снова быстро перевел взгляд направо и вниз.

Дрейк Ко не выказал никаких эмоций. И это не была просто восточная невозмутимость: в этот миф Джерри никогда не верил. Безусловно, это не было безразличием. Господин Дрейк Ко просто наблюдал за вполне устраивающим его развитием событий: войска торжественно проходят мимо, держа равнение на него. Невероятная жена стояла рядом, по ее спине тоже нельзя было ни о чем догадаться, кроме того, что после всех трудностей и битв, которые выпали на ее долю, сейчас наконец исполняют гимн в ее честь. На долю секунды она напомнила Джерри старушку Пет в молодые годы. «Пет выглядела точно так же, – подумал Джерри, – когда какая-нибудь лошадь Самбо, его гордость и надежда, приходила к финишу одной из последних. Она стояла точно так же и не сдавалась, несмотря на неудачу».

Церемония вручения призов била моментом, когда можно было предаться воспоминаниям.

Хотя нигде не было буфета, где угощали бы пирожными (как это обычно бывает на деревенском празднике где-нибудь в Англии), солнце, несомненно, светило гораздо ярче, чем могли бы надеяться самые оптимистичные организаторы праздника туманного Альбиона; серебряные кубки были гораздо роскошнее маленького поцарапанного кубка, вручаемого эсквайром победителю в заезде на три круга. Шестьдесят полицейских в форме, возможно, тоже выглядели немножко претенциозно, но благородная дама в шляпе «тюрбан» (такие были в моде в тридцатые годы нашего столетия), важно восседавшая во главе длинного стола, покрытого белой скатертью, была такой приторно-слащавой и высокомерной, что самый взыскательный сторонник соблюдения традиций своей родины не мог бы пожелать ничего лучшего. Дама хорошо знала, что полагается делать в таких случаях. Дрейк Ко и его жена, оба широко улыбаясь (Ко по-прежнему был в берете), выступили из группы болельщиков, бурно выражавших восторг, и Ко принял кубок в свои руки. Все это произошло так быстро, что фотограф оказался застигнутым врасплох и не успел их сфотографировать. Ему пришлось просить всех присутствующих повторить торжественный аккорд церемонии. Это вызвало немалое неудовольствие со стороны благородной дамы, и Джерри сквозь гомон праздной толпы зрителей уловил слова «чертов зануда», произнесенные немного манерно и нараспев. Наконец Ко получил кубок в руки, а благородная дама приняла букет гардений, которые стоили не меньше шестисот долларов, с таким видом, словно делает кому-то одолжение: Восток и Запад вернулись каждый в свой мир, к своему раздельному существованию.

– Будете писать о нем? – благосклонно переспросил капитан Грант.

Они неторопливо шагали к трибунам.

– М-мм, по правде сказать, да, – признался Джерри с улыбкой. – Как-то очень неожиданно он преподнес всем этот сюрприз, вы не согласны?

– О да, Дрейк в этом заезде несомненно заткнул всех за пояс, – сухо откликнулся Грант. – Вы очень ловко его разгадали. Лучше, чем мы. Хотите поговорить с ним?

– Поговорить с кем?

– С Ко. Пока он еще не пришел в себя после победы. Может быть, вам удастся кое-что из него вытянуть, – добавил Грант с все той же доброжелательной улыбкой. – Пойдемте, я вас представлю.

Джерри не колебался ни минуты. Как у репортера, у него были все основания сказать «да». Как у шпиона – трудно сказать. Иногда в Саррате говорят, что ничто на самом деле не представляет угрозы, пока не начинаешь о ней думать.

Окружавшие Ко его друзья и знакомые стояли, рассматривая кубок. Доносился громкий смех. В центре, ближе всего к победителю, стоял тот самый толстый филиппинец со своей красавицей, и Ко дурачился с девушкой, целуя ее то в одну, то в другую щеку. Все вокруг смеялись – кроме жены Ко, которая нарочно отошла в сторону и начала разговор с женщиной-китаянкой ее возраста.

– Это Арпего, – шепнул Грант на ухо Джерри, указывая на толстяка филиппинца. – Он владеет всей Манилой и большинством островов вокруг.

Брюшко Арпего нависало над брючным ремнем, как будто он засунул себе под рубашку большущий камень.

Грант не пошел сразу к Ко, а обратился к плотному китайцу с вкрадчивым выражением лица, который, судя по всему, занимал должность помощника или секретари. Джерри, ожидая, стоял в стороне. Толстяк китаец подошел в сопровождении Гранта.

– Это господин Тиу. – негромко сказал Грант. – Господин Тиу, разрешите представить вам господина Уэстерби, сына того самого Уэстерби.

– Вы хотите говорить с господином Ко, мистер Уэсби?

– Если это удобно.

– Разумеется, удобно, – ответил Тиу, явно пребывая в состоянии эйфории. Он беспрестанно размахивал своими пухлыми руками на уровне живота. На правом запястье сверкали золотые часы. Пальцы на руках слегка согнуты, как будто хотят удержать воду. Тиу весь блестел и лоснился, и практически невозможно было определить его возраст: можно было дать и тридцать, и шестьдесят. Господин Ко победить на скачках, теперь все удобно. Я приводить его сюда. Ждите здесь. Как имя вашего отца?

– Самьюэл, – ответил Джерри.

– Лорд Самьюэл, – уточнил Грант сурово.

– Кто это? – тихо спросил Джерри, когда толстяк Тиу вернулся к шумной толпе китайцев.

– Мажордом в доме Ко. А заодно управляющий, секретарь, носитель портфеля, приближенное лицо, а также специалист по улаживанию всяческих дел. Он при Ко с самого начала. Они во время войны вместе бежали от японцев.

«Заодно и главный полицейский», – подумал Джерри, глядя на Тиу, идущего рядом с хозяином.

Грант снова приступил к церемонии взаимного представления.

– Сэр, – начал он, – это – Уэстерби, чей весьма известный отец, лорд, имел много лошадей, не отличавшихся быстротой. Он также купил несколько скаковых кругов для букмекеров.

– Какая газета? – спросил Ко. Голос звучал резко, мощно и раскатисто. Тем не менее, Джерри готов был поклясться, хоть это его и удивило, что он уловил в нем намек на акцент жителей севера Англии, напомнивший ему о старушке Пет.

Джерри назвал газету.

– А, та самая, где печатают фотографии девушек! – радостно воскликнул Ко. – Я читал эту газету, когда был в Лондоне во время моего пребывания с целью изучения юриспруденции в известной адвокатской корпорации «Грейз Инн». Знаете, почему я читал вашу газету, господин Уэстерби? Я твердо придерживаюсь мнения, что чем больше газет, которые предпочитают печатать фотографии хорошеньких девушек, чем писать о политике, тем больше вероятность того, что мы будем жить в чертовски лучшем мире, господин Уэстерби, – торжественно заявил Ко, безбожно смешивая не к месту используемые идиомы и язык предпринимателей совета директоров. – Не откажите в любезности передать это от меня своей газете, господин Уэстерби. Это мой вам бесплатный совет.

Рассмеявшись, Джерри открыл свой блокнот.

– Я поставил на вашего жеребца, господин Ко. Каково ощущать себя победителем?

– Думаю, приятнее, чем быть побежденным.

– Это ощущение не приедается?

– Наоборот, с каждым разом оно нравится мне все больше.

– Относится ли это к вашим деловым предприятиям?

– Разумеется.

– Можно ли мне поговорить с госпожой Ко? – Она сейчас занята.

Делая пометки в блокноте, Джерри почувствовал знакомый запах, мешавший ему сосредоточиться. Это был терпкий и пикантный запах французского мыла – сочетание миндаля и розовой воды. Его любила одна из его бывших жен. Судя по всему, к нему неравнодушен и лоснящийся господин Тиу – наверное, считает, что он усиливает его неотразимость.

– Ваша формула победы, господин Ко?

– Упорная работа. Никакой политики. Никаких бессонных ночей.

– Вы богаче, чем были десять минут назад?

– Я и десять минут назад был достаточно богат. Вы можете передать своей газете, что я очень восхищаюсь английским образом жизни.

– Даже несмотря на то, что мы не очень упорно работаем? И много занимаемся политикой?

– Вы просто передайте, – повторил Ко, глядя ему прямо в глаза.

Это звучало как приказ.

– Что приносит вам удачу, господин Ко?

Ко сделал вид, что не услышал вопроса, но улыбка медленно сползла с его лица. Он смотрел прямо на Джерри узкими, как щелочки, глазами, словно оценивая его. Мимика стала заметно жестче.

– Что приносит вам удачу, сэр? – повторил Джерри. Последовало долгое молчание.

– Без комментариев, – ответил Ко, по-прежнему глядя Джерри прямо в глаза.

Искушение добиться ответа стало совершенно непреодолимым.

– Не будьте жестоки, господин Ко, – настаивал Джерри, широко улыбаясь. – В мире полно людей, которые мечтают разбогатеть и стать такими же, как вы. Подскажите им, как этого добиться, только намекните. Что приносит вам такую большую удачу?

– Не суйте свой нос, куда не следует, черт побери, – резко ответил Ко и, даже не стараясь казаться вежливым, повернулся спиной и пошел прочь. В то же мгновение Тиу неторопливо сделал полшага вперед и, положив свою мягкую руку чуть ниже плеча Джерри, преградил ему дорогу.

– Надеетесь ли вы победить в следующий раз, господин Ко? – прокричал Джерри поверх плеча Тиу вслед удаляющейся спине.

– Об этом лучше спросить у жеребца, господин Уэсби, – посоветовал Тиу, улыбаясь всем пухлым лицом и по-прежнему не снимая руки с предплечья Джерри.

Возможно, это действительно было бы разумнее, потому что Ко, уже совершенно позабыв о корреспонденте, успел вернуться к своему другу господину Арпего, филиппинцу, и они, как и раньше, разговаривали и смеялись. Д р е й к К о б ы л к р у т ы м п а р н е м, вспомнилось Джерри. Д р е й к у К о н е л ь з я б ы л о р а с с к а з а т ь к а к у ю – н и б у д ь с к а з о ч к у. Но Тиу тоже неплохо со всем справляется…

Пока они возвращались к основной трибуне. Грант в душе посмеивался.

– Когда в прошлый раз победил жеребец Ко, он не согласился даже отвести его в паддок после заезда, – вспомнил он. – Только махнул рукой, чтобы кто-нибудь увел его. Даже подойти не захотел.

– Черт побери, но почему же?

– Не ожидал, что тот победит, вот почему. Не предупредил своих друзей чиу-чау. Ему было неловко перед ними. Может быть, и сейчас так же, когда вы спросили его об удаче.

– А как получилось, что он стал одним из распорядителей?

– Наверняка поручил Тиу купить для него голоса. Это дело обычное. Ну ладно, всего хорошего. Не забудьте получить свой выигрыш.

Вот тогда-то непревзойденный мастер своего дела Уэстерби неожиданно и вытянул козырную карту.

Уже закончился последний забег. Джерри разбогател на четыре тысячи долларов, Люк куда-то исчез. Джерри искал его в Американском клубе, в клубе «Лузитано» и еще в нескольких

других, но там его либо не видели, либо вышвырнули. С территории ипподрома можно было выйти только через одни ворота, поэтому Джерри двинулся к выходу. Машины не соблюдали никаких правил. «Роллс-ройсы» и «мерседесы» так и норовили выехать на тротуар, а сзади напирала толпа. Джерри решил не вступать в борьбу за право сесть в такси и двинулся вперед по узкому тротуару. Тут-то он и увидел, к своему огромному удивлению, Дрейка Ко – одного, выходящего из калитки на другой стороне дороги. В первый раз с тех пор, как Джерри увидел его, он не улыбался. Подойдя к кромке тротуара, он минуту-другую постоял в нерешительности, раздумывая, стоит ли переходить улицу, но решил остаться там, где был, и стал внимательно вглядываться в поток машин. Ждет «Роллс-ройс Фантом», – подумал Джерри, вспомнив о машинах в гараже на Хедлэнд-роуд. Или «мере», или «крайслер». Неожиданно Джерри увидел, как Ко сорвал берет и выставил руку в сторону, словно голосуя, – так держат мишень для ружейного выстрела Вокруг глаз и губ Ко снова разбежались морщинки – золотые зубы блеснули в радостной улыбке. Возле него, заскрежетав тормозами, остановился, не обращая ни малейшего внимания на все остальные автомобили, не «роллс-ройс», не «мерс» или «крайслер», а длинный красный «ягуар» с поднятой крышей. Джерри не мог бы не заметить этого, даже если бы хотел. Один скрежет тормозов заставил шедших по тротуару повернуть голову в сторону. Джерри приметил номер, память сразу же зафиксировала его.

Ко сел в машину, оживленный и возбужденный так, как будто никогда в жизни не ездил в машине с откидным верхом. Джерри увидел, что еще до того, как машина отъехала, он уже оживленно говорил и смеялся. Еще Джерри успел рассмотреть женщину, сидевшую за рулем, – развевающийся голубой шарф, темные очки, длинные светлые волосы. Она наклонилась, перегнувшись через Ко, чтобы закрыть дверцу на предохранитель, – настоящая красавица. Рука Дрейка по-хозяйски покоилась на глубоком вырезе платья. Победитель жестикулировал, наверняка рассказывая в мельчайших подробностях о своем выигрыше. Машина тронулась, и он очень не по-китайски поцеловал ее в щеку, а потом еще и еще: и трудно объяснить почему, но эти поцелуи казались более искренними, чем те, которые Ко запечатлел на щечках спутницы господина Арпего.

Железная калитка на другой стороне улицы, из которой вышел Ко, была по-прежнему открыта. У Джерри от всего увиденного голова буквально пошла кругом. Он пересек улицу, увертываясь от машин, и вошел в калитку. На старом колониальном кладбище буйно разрослась зелень, воздух был напоен запахом цветов, а огромные старые деревья давали густую тень. Джерри никогда не приходил сюда раньше и был потрясен, оказавшись в таком уединенном месте. Кладбище располагалось на склоне холма, вокруг небольшой старой церквушки, постепенно приходившей в упадок. На ее потрескавшихся стенах играли отблески вечернего солнца, пробивавшегося сквозь листву деревьев. Из проволочной конуры на Джерри яростно залаяла тощая восточноевропейская овчарка.

Джерри огляделся, не очень хорошо понимая, зачем он пришел и что ищет. Могилы здесь были разные – старые и новые и похоронены в них были люди разных рас и вероисповеданий. Могилы белой русской эмиграции с массивными темными православными крестами и длинными витиеватыми надписями, напоминавшими о пышности царского режима. Джерри представил себе, как они стоят на кладбище где-нибудь в России, засыпанные снегом. На одном из памятников было описание бесприютных скитаний какой-то русской княгини, и Джерри задержался на минуту, чтобы прочитать его: из Таллина в Пекин (даты), потом из Пекина в Шанхай (снова даты), приехала в Гонконг в сорок девятом, незадолго до смерти. Имела поместья в Екатеринбурге, с вызовом было добавлено в конце эпитафии. Не тот ли это Шанхай?

Он обратил взор на живых: три старика в голубых, похожих на пижамы, костюмах, молча сидели на скамейке в тени. Они повесили клетки со своими птицами на ветви дерева над

головой, чтобы птицы могли слышать пение, не заглушаемое шумом автомобилей и стрекотом цикад. Два могильщика закапывали новую могилу. Никто не провожал покойника По-прежнему не сознавая, чего же он ищет, Джерри подошел к ступенькам, ведущим в церквушку. Заглянул внутрь. После яркого солнечного света ему показалось, что там совсем темно. Из мрака на него смотрела старая женщина. Он отпрянул. Овчарка еще сильнее зашлась в лае. Она была совсем молодой. Цикады стрекотали оглушительно громко, за ним ворчание собаки было почти не слышно. В воздухе стоял запах цветов, немного отдающий гнилью. И тут в голову Джерри пришла одна мысль – это было почти озарение. Им овладела решимость довести дело до конца.

Церковный служитель был приветлив и суховато-вежлив. Он не говорил по-английски. Церковные книги были очень старыми, записи в них напоминали банковские книги давних времен. Джерри сидел, медленно переворачивая страницы, читая имена, даты рождения, смерти и похорон; напоследок он посмотрел на план кладбища: участок, номер. Найдя то, что искал, он снова вышел на воздух и пошел по другой тропинке – вверх, по направлению к крутому склону. Вокруг порхало множество бабочек. Стайка школьниц на пешеходном мостике хихикала, глядя на него. Джерри снял пиджак и перекинул его через плечо. Пройдя мимо высоких кустарников, он добрался до скошенного выступа, заросшего желтой травой. Памятники были совсем небольшими – меньше метра. Джерри обошел их, проверяя номера, пока не оказался перед низкой металлической оградой с калиткой, на которой стоял номер 728. Статуя изображала маленького кудрявого мальчика в натуральную величину в бриджах и в итонском пиджаке (Часть школьной формы в Итоне – одной из девяти старейших престижных мужских привилегированных средних школ: черный до пояса пиджак напоминает фрак без фалд), какие носили во времена королевы Виктории. Вечерние бабочки беззаботно порхали вокруг его головы. Это был типично английский ребенок. Надпись на памятнике гласила: «Нельсону Ко. Любим и помним». Дальше шло множество дат, и Джерри не сразу понял, что означают эти десять лет подряд, ни один год не пропущен, последний – 1968. В следующую секунду он осознал, что это были те десять лет, которые прожил этот мальчик, – благодарность судьбе за каждый прожитый день. На нижней ступеньке постамента лежал большой букет орхидей, с которого даже не сняли бумагу.

Ко благодарил Нельсона за свою победу. По крайней мере, Джерри понял, почему тот упорно не желал отвечать на вопрос об удаче, – это было вторжение в его сокровенные чувства.

Бывает усталость, знакомая только секретным агентам, – когда вдруг чувствуешь непреодолимый соблазн проявить благородство и великодушие, но это может стать «поцелуем смерти», предвестником беды. Джерри постоял еще минуту, глядя на орхидеи, на каменного мальчика, сопоставляя это с тем, что он слышал и знал по собственному опыту. У Джерри появилось непреодолимо опасное ощущение завершенности, как будто он встретил каких-то людей, а потом вдруг обнаружил, что это – его собственная семья. У него было чувство, как будто он нашел то, к чему долго стремился.

Перед ним был человек. Он живет в таком-то доме, у него такая-то жена, у него цель в жизни и он играет по правилам, которые Джерри нетрудно понять. Человек, не имеющий определенных политических убеждений. Однако в тот момент Джерри понял его лучше, чем когда-либо понимал сам себя. Мальчик из бедной семьи чиу-чау в конце концов становится распорядителем Жокейского клуба, кавалером ордена Британской Империи, приказывает перед забегом окатить своего жеребца из шланга. Мальчик из Хакка, который вел цыганскую жизнь и которому лодка заменяла дом, устраивает своему сыну христианские похороны по баптистскому обряду и ставит на его могиле английский памятник. Капиталист, который ненавидит политику. Юрист, не достигший больших профессиональных высот, главарь организованной преступной группировки; человек, который строит больницы и управляет авиакомпанией, замешанной в торговле наркотиками. Жертвователь денег на религиозные

храмы играет в крокет и разъезжает на «роллс-ройсе». Американский бар в китайском саду, и русское золото на доверительном счету.

Все, что он узнал о Ко, складывалось в сложную мозаику, и некоторые ее части трудно было увязать друг с другом, но все это в тот момент нисколько не тревожило Джерри; это не казалось зловещим предзнаменованием или необъяснимым парадоксом. Скорее наоборот, он воспринимал все эти обстоятельства как детали, сплавленные самим Ко, его целенаправленными усилиями и жесткой волей в единое целое – в лице одного, хотя и очень неоднозначного человека, который чем-то довольно сильно напоминал Джерри старину Самбо. Но, пожалуй, другое ощущение было еще сильнее – казалось, что общество этого человека ему не претит. Уэстерби вернулся к выходу с ощущением спокойствия, великодушия и щедрости, как будто не Ко, а он выиграл забег. Но на дороге реальность снова привела его в чувство.

Машин было уже немного, и ему сразу удалось найти такси. Они не проехали и сотни метров, как Джерри увидел Люка: тот выписывал кренделя на кромке тротуара. Удалось уговорить его сесть в такси и высадить у входа в клуб иностранных корреспондентов. Из гостиницы «Фурэма Хотел» Уэстерби позвонил домой Кро: дал два звонка и положил трубку, потом снова набрал номер и услышал, как Кро вопрошает: «Кто вам нужен, черт побери?» Он попросил господина Сэвиджа, в ответ его послали куда подальше и сообщили, что он не туда попал; потом, выждав полчаса, давая возможность Кро добраться до другого телефона, Джерри пешком дошел до отеля «Хилтон» и снова перезвонил.

– Наш друг объявился собственной персоной, – сказал Джерри. – Был в центре всеобщего внимания из-за большого выигрыша. Когда все кончилось, очень славная белокурая дама подвезла его в спортивной машине – Джерри назвал номер машины. – Ясно, что отношения между ними дружеские. Они вели себя очень демонстративно и не по-китайски.

– Круглоглазая? Европейская женщина?

– Конечно, черт побери, круглоглазая! Где, черт возьми, ты видел…

– Господи Иисусе, – негромко выдохнул Кро и повесил трубку, прежде чем Джерри успел рассказать ему о храме маленького Нельсона.

Властелины совещаются

Фойе уютного особняка Министерства иностранных дел на Карлтон Гарденс, часто используемого для проведения совещаний, постепенно заполнялось. Люди приходили по двое и по трое, но внимания друг на друга не обращали – так бывает на похоронах. На стене висело объявление: «Внимание! Воздержитесь от обсуждения не подлежащей разглашению информации». Смайли и Гиллем с довольно унылым видом настороженно пристроились прямо под ним на краешке дивана, обтянутого бархатом цвета лососины. Комната была овальная (стиль рококо в интерпретации Министерства общественных работ). На расписном потолке Вакх гонялся за нимфами, которые относились к перспективе быть пойманными намного благосклоннее Молли Микин. У стены стояли пустые пожарные ведра, двое служащих охраняли дверь, ведущую внутрь. За овальными подъемными окнами парк был залит осенним солнечным светом, шуршали сухие листья.

Сол Эндерби широкими шагами вошел в комнату, следом за ним – сотрудники Министерства иностранных дел. Гиллем знал его только по имени. Когда-то он был послом Великобритании в Индонезии, а теперь считался главным экспертом по Юго-Восточной Азии. Поговаривали, что он всецело поддерживает жесткую американскую политику. За ним шел заместитель министра, получивший эту должность по настоянию профсоюзов, и еще один человек – немного нелепо и не по обстоятельствам щегольски одетый. Он на цыпочках подошел к Смайли, в недоумении развел руками, как будто эта встреча застала его врасплох.

– Неужели это возможно? – неестественно громко прошептал он. – Неужели это он? Да, это действительно он! Джордж Смайли, во всей своей красе. Дорогой мой, да тебе удалось

сбросить несколько килограммов. А кто этот милый мальчик рядом с тобой? Нет-нет, не говори мне. Я знаю. Это Питер Гиллем. Я о нем слышал. Говорят, он н и ч у т ь не испорчен неудачами.

– О нет, только не… – непроизвольно вырвалось у Смайли. – О Господи Боже мой. Родди.

– Что ты хочешь этим сказать? «О нет, только не… О Господи Боже мой, Родди»? – требовательно спросил, передразнивая его, Мартиндейл, ничуть не обескураженный, все тем же театрально громким шепотом. – Ты, наверное, хотел сказать: «О да! Да, это Родди. Я просто вне себя от радости, что снова вижу тебя, Родди!» Послушай, прежде чем соберется вся эта шушера, расскажи мне, как поживает несравненная Анна? Только мне, чтобы никто больше не слышал. Я могу устроить обед в вашу честь? Для вас двоих? Вы можете сами выбрать, кого мне пригласить. Как, согласен? Между прочим, да, я д е й ст в и т е л ь н о являюсь членом комитета, если именно этим вопросом занят сейчас ваш крысиный умишко, молодой человек по имени Питер Гиллем. Я получил новое назначение, я – ценный специалист, и наше новое начальство от меня просто в восторге. Неудивительно – я сколько с ними возился.

Дверь, ведущая во внутренние помещения, резко открылась. Один из служащих у дверей прокричал: «Джентльмены!» – и знатоки этикета посторонились, пропуская женщин вперед. Их было двое. За ними последовали мужчины, Гиллем замыкал процессию.

В первые несколько мгновений могло показаться, что они в Цирке: специально суженный проход, в котором охранники проверили в лицо каждого входящего, потом – импровизированный временный коридор. Он вел к конструкции, напоминающей вагончик-бытовку для строителей. В этом «вагончике» не было окон, и он был подвешен и зафиксирован на стальных тросах в пустом пространстве, словно в лестничном пролете. Гиллем совсем потерял Смайли из виду. Когда он поднялся по ступенькам из древесностружечной плиты и вошел в комнату для проведения секретных совещаний (там практически невозможно было организовать подслушивание), то увидел только тени людей, ожидающих начала заседания при свете синего

ночника.

– Ну, пожалуйста, кто-нибудь сделайте же что-нибудь, – взмолился Эндерби, как мог бы взмолиться отчаявшийся посетитель ресторана после долгого тщетного ожидания обслуживания. – Ради всего святого, дайте свет! Что же они творят!

Гиллем вошел, дверь захлопнулась, ключ повернулся, электронный замок сыграл мелодию и замолк, и три лампы-трубки дневного света, несколько раз мигнув, наконец загорелись, залив всех мертвенно-бледным светом.

– Ну, наконец-то, Слава Всевышнему, – сказал Эндерби и сел за стол.

Позднее Гиллем удивлялся, как это он мог быть так уверен, что возглас в темноте принадлежал Эндерби, но, наверное, есть голоса, которые можно услышать прежде, чем человек что-нибудь произнесет.

Стол, за которым проходило заседание, был покрыт зеленым сукном, словно бильярд где-нибудь в молодежном клубе. На одном конце стола сидели представители Министерства иностранных дел, на другом – Министерства по делам колоний. Такое разделение объяснялось не юридически закрепленной структурой, а скорее внутренним самоощущением этих людей: шесть лет назад два министерства были формально объединены под одной грандиозной крышей – в рамках дипломатической службы, но ни один здравомыслящий человек не воспринимал это объединение всерьез. Гиллем и Смайли оказались в центре, плечом к плечу. Справа и слева от них осталось по пустому стулу. Разглядывая присутствующих, Гиллем обратил внимание – хотя, казалось бы, в данной ситуации это было неуместно – на то, как они одеты. Все сотрудники Министерства иностранных дел явились при полном параде – в черных, как сажа, официальных костюмах, с понятными только посвященным символами принадлежности к привилегированному классу: Эндерби и Мартиндейл надели галстуки бывших воспитанников Итона. У представителей колониального ведомства был какой-то

затрапезный вид – они выглядели крестьянами, приехавшими в город на выходные, самое большее, чем они могли похвастаться (если говорить о галстуках), был галстук королевского артиллериста. Его обладателем был Уилбрахам, их лидер, честнейший человек со спортивной фигурой. В его «группу поддержки» входили: невозмутимая женщина в коричневом костюме (он вполне подошел бы для посещения церкви) и совсем молоденький паренек с веснушками и копной рыжих волос. Остальные члены комитета сидели напротив Смайли и Гиллема и были похожи на секундантов на дуэли, которую они не одобряют. Они пришли по двое, чтобы чувствовать себя увереннее: темноволосый и смуглый Преториус из Службы безопасности с женщиной, имени которой никто не знал, коллегой и помощницей; два бледнолицых воина из Министерства обороны; два финансиста из Министерства финансов. Оливер Лейкон сидел отдельно от всех, так что со стороны могло показаться, что это человек, которого происходящее почти не касается. На столе перед каждым лежала докладная Смайли в красной с розовым папке с грифом «Совершенно секретно. Передаче не подлежит». Она выглядела совсем как сувенирная программка. Слова «Передаче не подлежит» означали, что этот документ нельзя показывать Кузенам. Написал докладную Смайли, напечатали «мамаши». Гиллем самолично наблюдал, как восемнадцать страниц были размножены и скреплены вручную – все двадцать четыре экземпляра. Теперь плоды их трудов лежали перед людьми, сидящими вокруг этого большого стола, среди стаканов для воды и пепельниц. Немного приподняв свой экземпляр над столом, Эндерби с громким шлепком опустил его обратно.

– Все прочитали это? – спросил он. Прочитали все.

– Тогда начнем, – объявил Эндерби и обвел всех немного надменным взглядом. Глаза у него были воспаленные. – Кто первый? Ты, Оливер? Это ты нас здесь собрал. Тебе и карты в руки.

Гиллем подумал, что Мартиндейл, который всегда был грозой Цирка и всех его начинаний, на этот раз ведет себя на редкость тихо, что совсем на него не похоже. Его взгляд был почтительно обращен к Эндерби, уголки рта опушены, как будто он чем-то огорчен.

Лейкон решил начать с обеспечения своих тылов.

– Прежде всего, разрешите мне сказать, что для меня это является не меньшей неожиданностью, чем для всех вас, – сказал он. – Это – очень серьезный удар, Джордж. Возможно, было бы легче это воспринять, если бы мы были лучше подготовлены. И, должен сказать, что я чувствую себя немного неловко, выступая в роли человека, который должен обеспечивать постоянную связь со службой, в последнее время не очень стремящейся к поддержанию связи.

– Правильно, совершенно правильно, – поддержал Уилбрахем.

Смайли невозмутимо молчал. Преториус хмуро кивнул в знак согласия.

– Кроме того, все это происходит в очень неподходящее время, – добавил Лейкон многозначительно. – Я хочу сказать, что предположение, которое само по себе требует серьезнейшего рассмотрения, может иметь серьезнейшие последствия. Здесь очень многое надо осмыслить. Очень многим неприятным фактам посмотреть в лицо. Так ведь, Джордж?

Обеспечив пути для отступления, Лейкон постарался изобразить, что, может быть, никакой «бомбы под кроватью» на самом деле и нет.

– Разрешите мне кратко изложить суть вашего заключения. Можно? Если называть вещи своими именами, уважаемого китайского гражданина Гонконга подозревают в том, что он – русский шпион. Я правильно изложил главную мысль, Джордж?

– Известно, что он получает очень крупные суммы от русских, – поправил его Смайли, не поднимая головы.

– И эти выплаты осуществляются из секретного фонда, предназначенного для оплаты услуг нелегальных агентов?

– Да.

– Этот фонд предназначен только для оплаты таких агентов? Или он может использоваться и для других целей?

– Насколько нам известно, он не предназначен для других целей. – Смайли был так же немногословен.

– Ну, скажем, для таких целей, как пропаганда или вознаграждение в благодарность за неофициальное содействие развитию торговых связей – что-нибудь в этом духе? Не может такого быть?

– Насколько нам известно – нет, – повторил Смайли.

– Да, но возникает вопрос, насколько хорошо это известно? – с дальнего конца стола подал голос Уилбрахем. – Не так давно мы имели возможность убедиться, что не все так уж хорошо известно, или я не прав?

– Вы понимаете, к чему я клоню? – спросил Лейкон.

– Нам потребуется гораздо больше убедительных фактов в подтверждение этого, – изрекла с ободряющей улыбкой дама в коричневом из Колониального ведомства.

– И нам тоже, – мягко согласился Смайли. Одна или две головы удивленно поднялись. – Мы просим разрешить и одобрить действия, которые будут направлены именно на то, чтобы получить такие факты.

Лейкон снова взял инициативу в свои руки.

– Предположим на минуту, что мы принимаем вашу гипотезу. Что эти деньги, как вы говорите, являются секретным фондом разведслужбы.

Смайли сдержанно кивнул.

– Есть ли какие-то основания полагать, что средства идут на подрывную деятельность во вред колонии?

– Нет.

Лейкон взглянул на свои записи – Гиллем отметил про себя, что он хорошо подготовился к совещанию.

– Не выдвигает ли обвиняемый требование, чтобы банковские счета Гонконга были переведены из Лондона? Что означало бы, что наш долг увеличится еще на девятьсот миллионов фунтов стерлингов?

– Насколько мне известно – нет.

– Не выступает ли он за то, чтобы мы убрались с этого острова? Не занимается ли он подстрекательством к беспорядкам? Добивается объединения с континентальным Китаем? Размахивает этим проклятым Договором (По всей вероятности, соглашение 1898 г., по которому у Китая на условиях аренды сроком на 99 лет, до 1.07.1997 г, была отторгнута северная часть полуострова Коулун с прилегающими островами)?

– Нам такие факты неизвестны.

– Он не является радикалом и сторонником установления полного равенства? Не требует создания сильных профсоюзов, свободного волеизъявления, введения обязательного образования, создания отдельного парламента для китайцев вместо нынешних покорных ассамблей, как там они называются?

– "Легко" и «Экско», – подсказал Уилбрахем. – И не такие уж они покорные.

– Нет, ничего этого он не делает, – ответил Смайли.

– Тогда что же он делает? – возбужденно перебил Уилбрахем. – Ничего. Таков ответ. Вообразили невесть что! Охота за химерами, существующими только в их воспаленном мозгу.

– Судя по тому, что нам известно, – продолжал Лейкон, как будто не услышав возбужденного выкрика, – вполне вероятно, что Ко делает ничуть не меньше для процветания Колонии, чем любой другой состоятельный и уважаемый китайский предприниматель. Не будем вдаваться в обсуждение, много это или мало. Он обедает у губернатора, но, насколькоя понимаю, у нас нет оснований утверждать, что он обшаривает его сейф, чтобы ознакомиться с содержимым. По сути дела, этого господина можно было бы назвать типичным гонконгским предпринимателем: один из распорядителей Жокейского клуба, занимается благотворительностью, является одним из столпов интегрированного общества, добился успеха в делах, богат, как Крез. Что касается этики, то представления о ней в среде предпринимателей примерно такие же, как моральные принципы в публичном доме.

– Ну, я бы сказал, здесь ты тоже не совсем справедлив, Оливер! – возразил Уилбрахем, – Поосторожней в выражениях! Вспомни о строительстве новых городских кварталов.

И снова Лейкон как будто не услышал его:

– Следовательно, мы можем сделать вывод, что трудно найти менее подходящий объект для подозрений со стороны английской разведслужбы или для вербовки русской разведкой – ну, разве что кавалер Креста Виктории, или ветеран войны, получающий пенсию по инвалидности, или обладатель титула баронета.

– В нашем мире это называется хорошей крышей, – сказал Смайли.

– Очень тебе признательны, Оливер, – прочувствованно поблагодарил Эндерби.

Да, они со Смайли стоят друг друга!" – восторженно решил Гиллем, вспоминая тот ужасный обед в Аскоте. «Буки-Злюки во дворе… И Понтиферу крышка!» – мысленно продекламировал он, вспомнив, как тогда это сделала хозяйка.

Эндерби пригласил выступить Хаммера, представителя Министерства финансов. В его гневной речи Смайли хорошенько досталось за недостатки в финансовой отчетности, но, судя по всему, никто, кроме этого ведомства, не считал, что данные прегрешения Смайли имеют сейчас какое-то значение.

– Совсем не для того вам был предоставлен секретный спецфонд, – возмущенно настаивал Хаммер с неистовством, свойственным его уэльскому темпераменту. – Они должны были использоваться…

– Ладно-ладно. Допустим, Джордж поступил нехорошо, – вмешался в конце концов Эндерби, заставляя финансиста замолчать. – Но вопрос в том, пустил ли он денежки по ветру или при минимальных расходах сумел выйти на важную информацию. Крис, я думаю, сейчас самое время Империи сказать свое веское слово.

Уилбрахем откликнулся на приглашение. Его поддерживали соратница из Колониального ведомства и рыжеволосый помощник, чье молодое лицо выражало твердую решимость защищать шефа и наставника до последней возможности.

Уилбрахем принадлежал к людям, которые не осознают, как долго они размышляют, прежде чем что-нибудь сказать.

– Да, – начал он наконец, в тот момент, когда окружающим показалось, что прошла уже целая вечность. – Да. Итак, я хотел бы, если можно, для начала поговорить о деньгах – точно так же, как и Лейкон. – И без того уже было Понятно, что он считает докладную Смайли оскорблением и набегом на свою территорию. – Поскольку деньги – это единственный факт, который у нас есть и на котором мы можем строить свои выводы, – внушительно сказал он, переворачивая страницу в лежащем перед ним экземпляре и возвращаясь к началу. – Да. – И снова бесконечно долгая пауза. – Вы говорите, что сначала деньги поступали из Парижа через Вьентьян – Пауза. – Потом русские полностью изменили схему платежей, деньги стали

поступать по иному каналу: Гамбург – Вена – Гонконг. Бесконечные сложности, необходимость прибегать к разным хитростям для заметания следов и все такое прочее – в этом мы вам поверим. Та же сумма, но в другой упаковке, так сказать. Ладно. А почему, по вашему мнению, они это сделали, так сказать?

«Так сказать», – мысленно отметил Гиллем, очень чувствительный ко всякой словесной шелухе.

– Очень разумно время от времени менять установившуюся рутину, – ответил Смайли, повторяя объяснение, которое он уже предложил в докладной.

– Секреты профессии, Крис, – вступил в разговор Эндерби, который иногда тоже любил щегольнуть профессиональным жаргоном.

Мартиндейл, который по-прежнему сидел тише воды, ниже травы, бросил на него восхищенный взгляд. Уилбрахем снова завел себя – так заводят часы.

– Мы должны принимать во внимание то, что Ко делает, – заявил он категорично. Это, однако, не могло полностью скрыть его озадаченность – он постучал костяшками пальцев по покрытому сукном столу. – А не то, что он получает. Это мое мнение. В конце концов, если смотреть в корень, – я хочу сказать, ведь это не собственные деньги Ко, вы согласны? Юридически он не имеет к ним никакого отношения. – Эти слова вызвали минутное замешательство. Все замолчали. Все, кроме Смайли и Гиллема, потянулись к бумагам и зашуршали страницами. – Я хочу сказать: мало того, что эти деньги совершенно не тратятся, что само по себе достаточно странно – я к этому еще скоро вернусь, – это и не деньги Ко. Они на доверительном счету, и, когда придет получатель, будь то мужчина или женщина, деньги будут принадлежать мужчине или женщине. До тех пор они находятся на доверительном хранении, так сказать. Поэтому я хочу спросить: а в чем же виноват Ко? Открыл доверительный счет? Но это не запрещено законом. Это происходит каждый день. И особенно в Гонконге. А тот, кому предназначены средства – ведь подумайте только, – он может находиться где угодно! В Москве, в Тимбукту или… – Ему не удалось найти третье название, поэтому он не закончил предложения, чем вызвал большое смущение своего рыжеволосого помощника, хмуро смотревшего прямо на Гиллема, словно бросая ему вызов. – Главный вопрос, на который мы должны ответить: какие факты у нас есть против Ко?

Эндерби лениво ковырял в зубах. Возможно, он понял, что противник только что нашел убедительный аргумент, но представил его довольно слабо, в то время как его самого отличало умение сделать как раз наоборот. Он вынул спичку изо рта и внимательно посмотрел на ее влажный кончик.

– А что это за чушь собачья про отпечатки большого пальца, Джордж? – спросил он, по всей вероятности пытаясь немного отвлечь внимание от успешного выступления Уилбрахема. – Звучит прямо как из романов Филлипса Оппенхайма.

«Манеры кокни в аристократическом районе Белгрейва (Белгрейв – фешенебельный район Лондона недалеко от Гайд-парка), – подумал Гиллем, – последняя стадия издевательства над языком».

В ответах Смайли было примерно столько же эмоций, как в голосе «говорящих часов» по телефону.

– Использование отпечатков большого пальца – это метод, широко применяемый в банковской практике по всему китайскому побережью. Он восходит к временам, когда население было почти поголовно неграмотным. Многие китайцы, живущие за пределами Китая, предпочитают иметь дело с английскими банками, а не со своими собственными, и в том, как структурирован этот счет, нет ничего необычного. Человек, в пользу которого открыт доверительный счет, не называется, но может заявить о своих правах различными способами: например, предъявив оторванную половину банкноты или, как в этом случае, удостоверив свою личность отпечатком большого пальца левой руки (левой – потому что считается, что от

работы он стирается меньше, чем на правой). Банк, скорее всего, отнесется к этому спокойно, если, конечно, тот, кто открыл доверительный счет, предоставил гарантии выступающим в качестве доверенных лиц – их не должны обвинить в ошибке и выплате денег не тому лицу.

– Спасибо, – ответил Эндерби и снова поковырял в зубах. – Я думаю, этот отпечаток большого пальца вполне может принадлежать и самому Ко, – предположил он. – Что могло бы помешать ему так поступить? Уж тогда деньги по праву будут принадлежать ему. Если он является доверенным лицом и получателем одновременно, какие могут быть сомнения: это его собственные деньги.

С точки зрения Гиллема, обсуждение вопроса пошло по какому-то абсурдному пути.

– Это всего-навсего предположение, – произнес Уилбрахем, как обычно, помолчав минуты две. – А почему не предположить, что Ко оказывает услугу кому-то из своих приятелей? ПРОСТО предположите это на минуту. А уж этот друг занимается чем-то не слишком благовидным, так сказать, или имеет какие-то дела с русскими через нескольких посредников. Ваши китайцы оч-чень любят конспирацию. Уж каких только хитростей они ни выдумывают – даже самые лучшие из них. И Ко – не исключение, будьте уверены.

Тут рыжеволосый молодой человек впервые подал голос, решив поддержать своего патрона.

– Вся эта докладная построена на ложной посылке, – безапелляционно заявил он, обращаясь в этот момент больше к Гиллему, чем к Смайли. Он был похож на мальчика-шестиклассника пуританских взглядов: считает, что секс лишает человека сил, а шпионаж – дело аморальное. – Это вы говорите, что русские регулярно платят Ко. А мы говорим, что не исключено, что на доверительный счет переводятся русские деньги, но Ко и доверительный счет – это разные вещи. – В своем негодовании юноша не заметил, что говорит слишком долго. – Вы обвиняете его. А мы утверждаем, что Ко не сделал абсолютно ничего, что противоречило бы гонконгским законам, и потому должен в полной мере пользоваться всеми правами гражданина Колонии.

В этот момент послышалось одновременно несколько протестующих голосов. Все замолчали, уступая поле битвы Лейкону.

– Никто не говорит о вине, – резко возразил он. – О вине здесь не было сказано ни слова. Мы говорим о безопасности. О ней, и только о ней. О безопасности и о желании или нежелании провести расследование относительно возможной опасности.

Мрачный коллега Хаммера из Министерства финансов оказался таким же категоричным и непримиримым, как и рыжеволосый «шестиклассник» из Министерства по делам колоний.

– Никто не собирается нарушать права Ко как подданного Ее Величества, – продолжил он. – Потому что у него их нет. В гонконгских законах не говорится о том, что губернатор не имеет права вскрыть и прочитать письма Ко, дать указание о прослушивании телефона, подкупить служанку или установить в его доме аппаратуру для подслушивания. Абсолютно ничего. Есть еще кое-что, что, если сочтет нужным, мог бы сделать губернатор.

– Это тоже весьма умозрительные суждения, – откликнулся Эндерби, бросив взгляд на Смайли. – Цирк сейчас не имеет возможности заниматься такими фокусами, и, кроме того, при данных обстоятельствах это было бы небезопасно.

– Это может иметь самые скандальные последствия, – вставил рыжеволосый молодой человек, что было весьма неразумно с его стороны.

Взгляд гурмана Эндерби, чьи глаза пожелтели от огромного количества деловых обедов, в которых ему приходилось принимать участие, обратился на молодого человека и на минуту остановился, словно отмечая, что с ним нужно будет впоследствии поработать.

Итак, и вторая стычка не принесла никакого результата. Словесные баталии велись в том же духе до перерыва на кофе, и когда его объявили, по-прежнему не было ни победителей, ни

побежденных. Второй раунд закончился вничью, решил Гиллем. Он уныло раздумывал, сколько же их еще будет.

– Чем мы занимаемся? – спросил он Смайли, пользуясь тем, что в том гуле, который стоял в комнате, его никто не услышит. Эта бесконечная говорильня не приведет к исчезновению проблемы.

– Они должны соразмерить ее со своим пониманием, – объяснил Смайли, не вкладывая в слова ни критики, ни осуждения. Помимо этого, он, казалось, твердо решил ни во что не вмешиваться и по-восточному держаться в тени. Никакие попытки Гиллема пробудить его от этой спячки не имели успеха. Эндерби потребовал, чтобы принесли чистые пепельницы. Парламентский заместитель министра заявил, что они должны попытаться прийти к какому-то решению. – Подумайте только, во что наше сидение обходится налогоплательщикам, – гордо заявил он.

До обеда оставалось еще два часа.

Открывая третий раунд, Эндерби предложил обсудить щекотливый вопрос – нужно ли ставить правительство Гонконга в известность о данных разведки относительно Ко. С точки зрения Гиллема, это было очень хитрым ходом, поскольку представители теневого Министерства по делам колоний (как Эндерби называл своих доморощенных собратьев) по-прежнему считали, что кризиса нет и, следовательно, предупреждать никого не надо. Но честнейший Уилбрахем, не заметив подвоха, клюнул. Он сказал:

– Какие могут быть сомнения! Конечно, мы должны поставить Гонконг в известность! У них же самоуправление. У нас просто нет выбора.

– Оливер? – обратился Эндерби к Лейкону, приглашая его высказаться, со спокойствием человека, у которого на руках хорошие карты. Лейкон поднял голову, и было заметно, что ему не понравилось, что его заставляют говорить. – Оливер? – повторил Эндерби.

– Мне очень хотелось бы напомнить присутствующим, что этот вопрос поднят Смайли и дело происходит в Колонии, находящейся в ведении Уилбрахема. Мы должны дать им возможность самим решить, кто же из них прав, а кто ошибается, – отреагировал он, по-прежнему занимая выжидательную позицию и проявляя завидную решимость остаться на ней.

Что означало, что отвечать должен Смайли.

– Ну что же, если бы речь шла о том, чтобы информировать только губернатора и больше никого, то тут трудно было бы возражать, – сказал он. – То есть это в том случае, если это не было бы слишком сложно для него, – добавил он с сомнением, и Гиллем увидел, что «рыжик» снова рвется в бой.

– А с какой стати это будет слишком сложно для него? – Уилбрахем искренне удивился. – Опытный администратор, проницательный человек, умеющий разговаривать с людьми и добиваться поставленных целей. Он в чем угодно разберется и сориентируется. Почему это может быть слишком сложно для него?

На этот раз длинную паузу сделал Смайли.

– Разумеется, ему пришлось бы самому шифровать и расшифровывать отправляемые и получаемые телеграммы, – продолжал он задумчиво, словно забыв о том, где находится и кто вокруг, и размышляя, к каким последствиям это могло бы привести. – Само собой разумеется, мы не сможем разрешить ему посвятить кого-то из сотрудников в эту тайну. А это означает, что ему пришлось бы очень трудно (как, впрочем, и любому на его месте). Личные шифровальные книги – это не проблема: естественно, мы обеспечили бы его всем, чем нужно. При необходимости немного подучили бы шифровальному делу. Ну и, пожалуй, еще одно: губернатору придется выступать в роли провокатора в случае, если он будет приглашать Ко

на приемы. Что, по всей вероятности, ему делать придется. Мы не можем позволить себе спугнуть подозреваемого сейчас, на этой стадии. Не вызовет ли это возражений у губернатора? Возможно, нет. Некоторые очень легко привыкают. – Он взглянул на Эндерби.

Уилбрахем уже протестовал:

– Но помилуй Бог, что вы говорите: если Ко – русский шпион, что мы по-прежнему отрицаем, и если губернатор пригласит его на ужин и совершенно ненароком, доверительно разговаривая с ним, нечаянно упомянет о чем-то, о чем не должен упоминать… нет, это чертовски несправедливо. Это могло бы стоить губернатору карьеры. Уж не говоря о том, какие последствия это могло бы иметь для Колонии! Ему о б я з а т е л ь н о нужно сказать!

Смайли, казалось, совсем засыпал.

– Ну конечно же, если за ним такое водится и можно ожидать от него таких оплошностей, – кротко проговорил он, – тогда, я думаю, тогда может возникнуть вопрос о том, что этому человеку, пожалуй, вообще нельзя доверять такую информацию.

В последовавшем ледяном молчании Эндерби снова ленивым движением вынул спичку изо рта.

– Да, Крис, – прокричал он Уилбрахему на другой конец стола, – было бы чертовски странно, если бы в Пекине в одно прекрасное утро проснулись и обнаружили, что губернатор Гонконга, личный представитель Королевы и прочая, прочая, прочая, которому подчиняются расквартированные здесь войска и так далее и тому подобное, никогда не забывал раз в месяц пригласить к своему столу шпиона, которого весьма высоко ценят в Москве. И даже наградил его за все его старания медалью. Что он на сегодняшний момент имеет? Он еще не получил дворянского титула?

– Орден Британской Империи, – ответил кто-то.

– Бедняга. Ну ничего, у него все еще впереди, я полагаю. Служа верой и правдой, он еще достигнет новых вершин. Как и все мы.

Кстати говоря, Эндерби уже получил дворянский титул, а вот Уилбрахем вместе с многими другими застрял где-то на полпути.

– Считаю аргументы неубедительными, – упрямо повторил Уилбрахем и положил свою волосатую руку на яркую папку перед собой.

За этим последовала общая дискуссия, которая показалась Гиллему этаким intermezzo (Перерывом (и т.)), когда с молчаливого согласия всех присутствующих второстепенным участникам обсуждения была предоставлена возможность высказаться. Хаммер заявил, что хотел бы, чтобы здесь и сейчас было принято решение, что делать с полумиллионом долларов спецфонда Московского Центра, если каким-то образом эти деньги попадут в руки англичан.

– Не может быть и речи о том, чтобы Цирк использовал эти деньги для своих нужд, – предупредил он. – Ими может распоряжаться только Министерство финансов. Все ли это сознают?

– Да, это ясно, – ответил Смайли.

Гиллем начал различать, где проходит пропасть, разделяющая участников заседания. Одни из них признавали, хотя и без особой радости, что необходимость проведения расследования – это свершившийся факт, а другие продолжали вести арьергардные бои против проведения расследования. Хаммер, к удивлению Питера, казалось, смирился с его необходимостью.

Несколько взаимосвязанных, хотя и утомительных, вопросов о легальных и нелегальных резидентурах помогли страху перед «красной угрозой» пустить корни в умах присутствующих. Член парламента Лафф требовал, чтобы ему ясно и понятно объяснили разницу. Смайли терпеливо вещал:

– "Легальный", или резидент «под крышей», – сказал он, – это сотрудник разведки, живущий в той или иной стране под официальным или полуофициальным прикрытием, учитывая, насколько болезненно Пекин относится ко всему, связанному с Россией, Гонконгское правительство приняло решение ликвидировать все формы советского представительства в колонии – посольство, консульство, отделение ТАСС, коррпункт московского радио, коррпункт Агентства печати «Новости», представительство Аэрофлота, Интуриста и всех других организаций, которые представляли собой удобную «крышу», под которой традиционно работали легальные агенты. В результате любая деятельность советской разведки в Колонии могла проводиться только сетью нелегалов. Именно эти предпосылки определили направление поисков аналитической группы Цирка, пытавшейся установить новый маршрут перевода денег, – сказал он, стараясь не использовать профессиональный жаргон и не называть деньги «золотой жилой».

– Да, но тогда получается, что мы сами подтолкнули русских, – с удовлетворением подытожил Лафф. – Мы должны благодарить за это только самих себя. Мы наносим удар – они огрызаются и наносят ответный. Кого это удивит? Мы пытаемся решить проблему, созданную п р е д ы д у щ и м правительством. Это – не наших рук дело. Хотите заниматься «охотой на русских» – получайте то, что заслужили. Все естественно. Мы просто, как обычно, пожинаем плоды того, что посеяли.

– Что до этого числилось за русскими в Гонконге? – задал вопрос умненький паренек из Министерства внутренних дел.

Представители Министерства по делам колоний снова начали проявлять бурную активность. Уилбрахем лихорадочно листал страницы документа, но, увидев, что его рыжеволосый помощник рвется в бой, он пробормотал:

– Если хочешь, Джон, можешь ответить на этот вопрос, – и откинулся на спинку стула, сохраняя при этом весьма свирепый вид.

Дама в коричневом хитро улыбалась, глядя на сукно, покрывавшее стол, как будто она помнила его еще новеньким. «Шестиклассник» рванул в атаку, и столь же неудачно, как и в первый раз.

– Мы считаем, что прецеденты в этом отношении весьма знаменательны, – с напором начал он. – Все предыдущие попытки Московского Центра хоть как-то зацепиться в Колонии – все без исключения – были неудачными и в высшей степени непрофессиональными. – И он перечислил несколько весьма тривиальных примеров. – Пять лет назад, – продолжил он, – агент, работавший под видом архимандрита Русской православной церкви, прибыл в Гонконг из Парижа, чтобы попытаться установить контакты с остатками русской белоэмигрантской колонии. Этот господин пытался завербовать пожилого владельца ресторана, прибегнув к давлению и шантажу, и в скором времени (как и следовало ожидать) был арестован. В последнее время случалось, что на берег сходили моряки российских грузовых судов, зашедших в Гонконгский порт для ремонта. Они предпринимали неуклюжие попытки подкупить портовых грузчиков и докеров, которых они считают сочувствующими левым взглядам. Их тоже арестовывали, допрашивали, пресса расписывала во всех подробностях несостоятельность их замыслов, и затем их должным образом препровождали назад, на корабль, запрещая покидать его до самого отплытия.

Парнишка привел еще несколько примеров, когда попытки были такими же смехотворными и наивными. Всех стало клонить в сон в ожидании, когда же он наконец закончит.

– Наша политика во всех этих случаях была абсолютно одинаковой. Как только их арестовывали, это становилось достоянием общественности. Господа журналисты желают сфотографировать их? Сколько вам будет угодно. Съемки для телевидения? Пожалуйста, начинайте устанавливать камеры. В результате чего мы добились? Пекин похвалил нас за то, что мы помогаем сдерживать советский империалистический экспансионизм. – Придя в сильнейшее возбуждение, юноша осмелел настолько, что теперь обращался прямо к Смайли: – Поэтому вы сами понимаете, что, когда вы говорите о столь любезных вашему сердцу сетях нелегальных агентов, мы, честно говоря, просто не считаем их существование возможным. Легальные, нелегальные: мы считаем, что Цирк сейчас занимается этим делом, чтобы привлечь к себе внимание и снова выйти на арену!

Уже готовый открыть рот, чтобы дать достойную отповедь, Гиллем вдруг почувствовал, что Смайли прикоснулся к его локтю, жестом призывая к сдержанности.

Последовало довольно долгое молчание, Уилбрахем был смущен больше остальных.

– Ты знаешь, Крис, – сухо сказал Эндерби, – на мой взгляд, это больше похоже на дымовую завесу.

– На что он намекает? – нервно и требовательно спросил он.

– Я просто отвечаю на тот аргумент, который с твоего позволения, изложил твой уверенный в своей правоте помощник, Крис. Дымовая завеса. Обман. Русские размахивают саблями там, где вы можете хорошо их видеть, а когда все ваши головы повернуты в другом направлении, они продолжают свое грязное дело на другом конце острова. За вашу изобретательность, брат Ко! Ты согласен со мной, Джордж?

– Ну, пожалуй, да, мы тоже так считаем, – согласился Смайли. – И, наверное, мне следует напомнить вам – об этом написано и в докладной, – сам Хейдон очень любил повторять тезис о том, что русские практически не имеют никакой агентуры и не ведут работы в Гонконге.

– Обед, – объявил Мартиндейл без большого оптимизма.

Они в угрюмом молчании пообедали наверху. Блюда прибыли на фургончике расфасованными в пластиковые подносы с перегородками. Они были очень низкие, и у Гиллема сладкий крем, предназначавшийся на десерт, попал в мясо.

Подкрепившись, Смайли использовал послеобеденное оцепенение, чтобы использовать на полную катушку то, что Лейкон назвал «фактором паники». Если говорить точнее, он попытался заставить участников совещания увидеть и поверить в тот факт, что Советы не могут не стремиться к расширению своего присутствия в Гонконге и что в этом есть своя внутренняя логика, даже если, как он сам выразился, Ко не является примером такого присутствия.

– Через Гонконг, самый большой порт континентального Китая, идет сорок процентов внешней торговли этой страны.

По оценкам, каждый пятый житель Гонконга каждый год на законном основании ездит в Китай и возвращается назад: правда, в среднем, а эта средняя цифра, несомненно, завышена из-за тех, кто совершает такие путешествия многократно. Красный Китай незаконно, но с молчаливого согласия властей держит в Гонконге целые команды первоклассных специалистов, экономистов и инженеров, обеспечивающих интересы Пекина в области торговли, морских перевозок и экономического развития; и абсолютно каждый из них представляет собой совершенно естественный объект для того, чтобы склонить к сотрудничеству или в иной форме завербовать для тайной работы на разведку, – заверял Смайли. – Весь рыболовный флот и флотилия джонок Гонконга имеют по два порта приписки: в Гонконге и на побережье Китая, и свободно плавают в прибрежных водах туда и обратно…

Прервав его, Эндерби неторопливо задал вопрос, который должен был помочь Смайли:

– А ведь у Ко есть достаточно много джонок. Ты, кажется, говорил, что он – один из последних мореплавателей?

– Да, у него их немало.

– Но он сам не ездит в континентальный Китай?

– Никогда. Такие поездки совершает его помощник, но, насколько мы можем судить, сам Ко этого не делает.

– Помощник?

– У него есть управляющий по имени Тиу. Они вместе уже двадцать лет. Даже дольше. Они родом из одних мест, и в судьбе у них много общего: Хакка, Шанхай и так далее. Тиу является номинальной фигурой, возглавляющей несколько его компаний.

– И он регулярно ездит в континентальный Китай?

– По крайней мере, раз в год.

– По всей стране?

– Есть сведения о поездках в Кантон, Пекин, Шанхай. Но очень может быть, что этот перечень далеко не полон.

– А Ко не выезжает из Гонконга. Любопытно.

Когда вопросы и комментарии на эту тему были исчерпаны, Смайли возобновил свою речь о привлекательности Гонконга для русских шпионов, что немного напоминало рекламные проспекты туристического агентства Кука, живописующего привлекательность Новой Зеландии.

– Гонконг абсолютно уникален, – просто и без затей сказал Джордж. – Ни одно другое место на Земле не предлагает и десятой доли возможностей для проникновения в Китай, которыми обладает Гонконг.

– Возможностей! – эхом отозвался Уилбрахем. – Точнее было бы назвать их соблазнами.

Смайли пожал плечами.

– Пусть будут соблазны, если хотите, – согласился он. – Советская разведка отнюдь не отличается стойкостью в преодолении таких соблазнов.

И под аккомпанемент смешков со стороны некоторых посвященных он перешел к перечислению известных им фактов о попытках действий Центра против Китая в целом – изложению сводного краткого доклада, подготовленного совместно Конни и ди Салисом. Он описал усилия Центра по организации кампании с севера, используя широкомасштабную вербовку и проникновение в Китай советских этнических китайцев. Попытка не удалась. Он описал огромную сеть постов радиоперехвата по всей длине сухопутной китайско-советской границы протяженностью более семи тысяч километров – план не сработал, поскольку он давал возможность получать военную информацию, в то время как угроза была политической. Он перечислил слухи о попытках Советов установить контакты с Тайванем, когда предлагалось объединить усилия в интересах противодействия китайской угрозе путем организации совместных действий и дележа прибыли, – эти предложения были отвергнуты. И вполне возможно, что они задумывались больше для того, чтобы вбить клин между Тайванем и Китаем, и вызвать раздражение Пекина, чем для того, чтобы установить серьезные контакты. Он привел примеры, как русские «охотники за талантами» пытались вести работу в китайских общинах Лондона, Амстердама, Ванкувера и Сан-Франциско, и коснулся завуалированного предложения Центра Кузенам несколько лет назад о создании организации, в которую могли бы входить те, для кого Китай был общим врагом. Попытка оказалась тщетной. Кузены не захотели играть в эти игры. И наконец, он упомянул многолетнюю историю операций по жесточайшему шантажу и подкупу должностных лиц Пекина, занимающих посты за границей. Подкупить никого не удалось.

Когда Смайли закончил, он откинулся на спинку стула и еще раз повторил основное положение, которое вызывало сильнейшую тревогу:

– Рано или поздно Московский Центр обязательно обратит свои взоры на Гонконг.

Это снова вернуло присутствовавших к Ко. Родди Мартиндейл под орлиным взглядом Эндерби начал новый раунд этой, не обещавшей быть легкой схватки.

– А как ты думаешь, Джордж, для чего предназначаются эти деньги? Я хочу сказать, мы слышали множество заявлений, для чего они наверняка не предназначены. Нам говорят, что деньги со счета никто не снимает и не тратит. И это все. Мы не смогли продвинуться ни на шаг дальше, спаси и помилуй нас Господь. Ведь мы же ничего н е з н а е м наверняка. Мы снова вынуждены задавать все тот же набивший оскомину вопрос: за что кому-то платят эти деньги, как их тратят и что нам следует д е л а т ь ?

– Это не один вопрос, а три, – вполголоса сурово произнес Эндерби.

– Именно потому, что мы не знаем ответов, – бесстрастно ответил Смайли, – мы и просим разрешения на то, чтобы найти их.

Кто-то из сотрудников Министерства финансов спросил:

– А полмиллиона – это много?

– На моей памяти – беспрецедентно много, – ответил Смайли. – Московский Центр, – старательно избегал он упоминания имени Карлы, – вообще очень не любит, когда ему приходится покупать преданность тех, кто с ними сотрудничает. А платить такие огромные суммы – это просто неслыханно.

– Но чью преданность они покупают? Ведь мы этого таки не знаем, – недовольно проговорил кто-то.

Мартиндейл, выступавший сегодня в роли гладиатора, снова бросился в бой:

– Ты явно недоговариваешь, Джордж. Я в этом уверен. Поделись с нами тем, что знаешь. Не будь таким скрытным.

– Да, ты не мог бы высказать хотя бы какие-то предположения? – поддержал Лейкон с просьбой в голосе.

– Наверняка ты мог бы хоть чуть-чуть приоткрыть свои карты, – присоединился Хаммер.

Но Смайли устоял даже перед этим трехсторонним натиском. Наконец-то начал срабатывать фактор паники. Смайли сам умело подготовил для этого почву. Сейчас все ждали от него решающего слова – как испуганные пациенты ждут диагноза врача А Смайли отказывался ставить диагноз на том основании, что у него нет необходимых данных.

Поверьте, я действительно ничего больше не могу вам сказать, кроме как перечислить факты такими, как они есть. Было бы абсолютно бессмысленно высказывать разные предположения на этой стадии.

Впервые с начала заседания дама в коричневом из Колониального ведомства задала вопрос. У нее был мелодичный и умный голос.

– А если посмотреть на прецеденты, господин Смайли? – Голова его как-то странно дернулась и наклонилась, как будто он пытался уклониться от удара. – Существуют ли прецеденты, когда русские тайно переводили деньги на счет какого-то посредника? Например, в других странах?

Смайли ответил не сразу. Гиллем, сидевший всего в нескольких сантиметрах от него, готов был поклясться, что вдруг ощутил, как тот напрягся, словно по нему прошел заряд энергии большой силы. Но когда взглянул на его бесстрастный профиль, он увидел, что начальник еще больше погрузился в дремотное состояние и веки у него устало опустились.

– Было несколько случаев, когда выплачивались так называемые а л и м е н т ы, – неохотно признал он.

– Алименты, господин Смайли? – эхом отозвалась дама в коричневом, а ее рыжеволосый спутник устрашающе нахмурился, словно давая понять, что развод – это еще одно явление, к которому он относится с большим неодобрением.

Отвечая, Смайли с величайшей осторожностью подбирал слова, как будто при прогулке по минному полю, где каждый шаг грозит опасностью.

– Вполне понятно, что есть агенты, работающие во враждебных с точки зрения Советов странах, которые из-за конспирации не могут получать плату за услуги и использовать деньги, пока продолжают работать. – Дама в коричневом слегка кивнула, показывая, что разъяснения ей понятны. – Традиционная практика в таких случаях такова: деньги кладутся на банковский счет в Москве, и агент получает доступ к ним, когда обстоятельства позволяют ему тратить их. Или их получают его иждивенцы, если…

– Если ему не повезло, – закончил Мартиндейл с некоторым злорадством.

– Но Гонконг – не Москва, – с улыбкой напомнила ему дама в коричневом.

Смайли стал еще медлительнее – он буквально засыпал на ходу.

– В тех случаях, когда главным побудительным мотивом для агента являются деньги и он понимает, что не хочет и не сможет прижиться в России. Известны случаи, когда Московский Центр работал по сходной схеме – ну, например, в Швейцарии.

– Но в Гонконге такого пока не бывало? – настойчиво допытывалась она.

– Нет. В Гонконге – нет. И трудно вообразить – если судить по событиям, имевшим место в прошлом, – что Москва для выплаты алиментов готова расстаться с такой огромной суммой. Помимо всего прочего, это могло бы подтолкнуть агента к тому, чтобы отойти от дел.

Раздался смех, но, когда он утих, дама в коричневом держала наготове следующий вопрос.

– Но вначале выплаты были более скромными, – приятно улыбаясь, гнула она свою линию. – Так что побудительный момент для отхода от дел мог возникнуть лишь относительно недавно?

– Совершенно верно, – подтвердил Смайли.

«К сожалению, даже слишком верно», – подумал Гиллем, чувствуя, что его охватывает тревога.

– Господин Смайли, а если отдача от работы агента представляла для них достаточно высокую ценность? Считаете ли вы, что русские были бы готовы отойти от своих правил и заплатить такую цену? В конце концов, если говорить об абсолютных величинах, сумма не такая уж и большая – по сравнению с возможностью получить исключительно ценную разведывательную информацию.

А теперь Смайли совсем замер. Ни одного жеста. По-прежнему учтив. Он даже слегка улыбнулся, но было абсолютно ясно, что больше он не будет обсуждать никакие предположения. Потребовалось вмешательство Эндерби, чтобы положить конец этим настойчивым расспросам.

– Послушайте, дети мои, мы не должны слишком увлекаться отвлеченным теоретизированием, иначе мы можем провести за этим занятием весь день! – воскликнул он, посмотрев на часы. – Крис, а как насчет американцев: нужно их поставить в известность или нет? Если мы решаем не сообщать ничего губернатору, какова будет наша позиция по отношению к доблестным союзникам?

«Джорджа спас звонок в конце урока», – подумал Гиллем.

При упоминании о Кузенах Уилбрахем взвился, как разъяренный бык при виде красной тряпки. Гиллем догадался, что он предчувствовал возникновение этого вопроса, и заранее решил, что зарубит его на корню.

– Боюсь, об этом не может быть и речи! – резко выкрикнул он даже не подумав, прежде чем высказаться. – Категорически. И причин для этого огромное множество. Одна из них – разграничение сфер деятельности. Гонконг – наша территория. Американцы не имеют там никаких прав. Абсолютно. Другая – Ко – британский подданный и может рассчитывать на то, чтобы мы оградили его от посягательств на его права. Возможно, это звучит немного старомодно. Но честно вам скажу: меня это не волнует. Если втянуть в это дело американцев, их не остановишь. Такое уже бывало. Одному Господу известно, чем это может закончиться. Третья причина – маленький протокольный вопрос. – Он говорил об этом с иронией, будто хотел разбудить отклик в душе бывшего посла, пытаясь перетянуть его на свою сторону. – Совсем небольшой вопросик, Эндерби. Если мы ставим в известность американцев и при этом не сообщаем ничего губернатору… Если бы я был губернатором и оказался бы в таком положении, я бы немедленно подал прошение об отставке. Это все, что я могу сказать. Вы поступили бы точно так же. Я в этом уверен. И вы тоже знаете, что это так.

– При условии, что вам так или иначе стало бы об этом известно, – уточнил Эндерби.

– Не сомневайтесь, я бы узнал. Начать с того, что они поспешили бы заслать туда побольше своих людей, обшарили бы его дом и установили бы там аппаратуру для прослушивания. В Африке мы пару раз привлекали их в подобных случаях. И это всегда заканчивалось катастрофой. Полной катастрофой. – Он положил руки на стол перед собой, одну на другую – так первоклассников учат сидеть за партой, – и сердито уставился на них.

В этот момент раздалось страшное шипение и тарахтение, как будто заработал подвесной лодочный мотор, – произошел какой-то сбой в одном из электронных глушителей, делающих подслушивание невозможным. После паузы все наладилось.

– Да, не завидую я тому, кто решился бы провести тебя подобным образом, Крис, – негромко откликнулся Эндерби.

Наступила напряженная тишина, которую никто не спешил прервать. Он смотрел на Уилбрахема с улыбкой, в которой проглядывало восхищение.

– Я согласен с предыдущим выступавшим, – неожиданно для всех высказался Лейкон.

«Они знают, – спокойно подумал Гиллем. – Джордж их уломал. Они знают, что он договорился с Мартелло, и они знают, что он не скажет об этом, потому что решил сделать все по-тихому».

Но в тот день Гиллем очень многое понимал не так, как оно было на самом деле. И если Министерство финансов и Министерство обороны с некоторой опаской согласились с общим мнением по этому, казалось бы, несложному вопросу: «Американцев надо держать на расстоянии», – сам Смайли не захотел присоединиться к единодушному хору, и это было непонятно.

– Все это хорошо, тем не менее остается весьма щекотливый вопрос о том, что делать со сведениями, имеющимися в нашем распоряжении, – сказал он. – В том случае, разумеется, если вы решите, что наша служба не должна продолжать расследование, – добавил он с сомнением в голосе, приведя всех в полное замешательство.

Гиллем почувствовал некоторое облегчение, когда увидел, что Эндерби тоже ничего не понимает.

– Что, черт возьми, ты хочешь этим сказать? – сердито спросил он, на минуту потеряв способность понимать все подводные течения в дискуссии и просчитывать происходящее на несколько ходов вперед.

– Ко имеет деловые интересы во многих странах Юго-Восточной Азии, – напомнил ему Смайли. – Посмотрите на первую страницу моей докладной. – Все послушно подчинились и зашуршали страницами. – Мы располагаем информацией о том, что он контролирует через посредников и подставных лиц некоторые прелюбопытнейшие компании – такие, например, как ночные клубы в Сайгоне, авиакомпанию во Вьентьяне, имеет несколько танкеров в Таиланде…. и в деятельности некоторых этих компаний можно не без оснований найти не только чисто деловые, но и политические мотивы, а это уже самым непосредственным образом затрагивает интересы американцев. И мне, естественно, понадобятся ваши письменные распоряжения, если вы хотите, чтобы я нарушил наши обязательства по существующим двусторонним соглашениям с США.

– Продолжайте, – властно бросил ему Эндерби и вынул новую спичку из коробка.

– Спасибо, я считаю, что сказал все, что хотел, – вежливо ответил Смайли. – Ведь все предельно просто. Если исходить из того, что мы не получим разрешения продолжать расследование, что, как говорит Лейкон, является наиболее вероятным исходом этого совещания, как я должен поступить? Выбросить полученные разведывательные данные в мусорнуюкорзину? Или передать их нашим союзникам в соответствии с существующими соглашениями об обмене информацией?

– Союзники! – с горечью воскликнул Уилбрахем. – Это они-то союзники? Да ты же держишь пистолет у нашего виска, понимаешь ты это или нет?

Твердый ответ Смайли прозвучал совершенно ошеломляюще, особенно по сравнению с бесстрастным и даже пассивным поведением на протяжении всего совещания.

– У меня есть указание Комиссии постараться восстановить наше сотрудничество с американцами. Вы сами записали в должностной инструкции, что я должен приложить все усилия, чтобы снова сделать возможными те особые отношения и возродить тот дух взаимного доверия, которые существовали до Хейдона. «Чтобы мы снова могли занять свое место застолом среди сильнейших» – так вы сказали. – Он смотрел прямо в глаза Эндерби.

– Место за столом среди сильнейших, – эхом отозвался кто-то из сидящих за столом – совсем новый голос. – Если хотите знать, так я вам скажу, что это не стол, где сидят сильнейшие, а жертвенный алтарь. Мы уже принесли в жертву этому и Ближний Восток, и Африку. Все во имя особых отношений.

Но Смайли, казалось, не слышал. Он снова впал в состояние мрачного безразличия, всем видом выражая несогласие с происходящим. Казалось, скорбное выражение его лица говорит: иногда бремя моих обязанностей становится мне просто не по силам.

Большинство присутствующих снова помрачнели. Кто-то пожаловался, что накурено и нечем дышать. Послали за служащим.

– В чем дело? Почему вентиляция не работает? – сурово спросил Эндерби.

– Из-за отсутствия запасных частей, сэр, – объяснил служащий. – Мы подали заявку давным-давно, сэр. Я припоминаю, это было незадолго до Рождества, сэр, – значит, скоро будет год. Ну конечно же, я понимаю, что это не оправдание, сэр.

– Господи Боже мой, – вымолвил Эндерби. Принесли чай в протекавших бумажных стаканчиках. На сукне оставались мокрые пятна. Гиллем отдался мыслям о несравненной фигуре Молли Микин.

Было уже почти четыре часа, когда Лейкон, похожий на командующего, объезжающего свои войска, оглядел всех немного надменным взглядом и предложил Смайли изложить «очень четко, чего же именно вы хотите и о чем просите – чисто практически, Джордж. Давайте сформулируем ваши пожелания и попытаемся найти приемлемое решение».

Если бы Смайли говорил горячо и эмоционально, это неизбежно привело бы к поражению. Он, казалось, тоже это понимал.

– Во-первых, нам нужно, чтобы вы подтвердили наше право и дали разрешение неофициально вести работу в Юго-Восточной Азии. Так, чтобы губернатор мог сказать, что он не имеет к нам никакого отношения. – Взгляд в сторону парламентского заместителя министра. – Во-вторых, нам нужно разрешение на то, чтобы навести кое-какие справки внутри страны.

Все головы поднялись, как по команде. Представители Министерства внутренних дел сразу же начали проявлять беспокойство. Почему? Кто? Как? Какие справки? Если это в самой Англии, то вопрос должен быть передан представителям родственной службы. Человек из Службы безопасности, Преториус, сразу же пришел в сильнейшее волнение.

– Ко изучал право в Лондоне, – не отступал Смайли. – У него остались связи, дружеские и деловые. И, разумеется, нам нужно будет выяснить, кто эти люди. – Он взглянул на Преториуса. – Мы ознакомим родственную службу со всеми сведениями, которые нам удастся получить" – пообещал он. И вернулся к изложению своих пожеланий. – Что касается денег, то в моей докладной содержится вся информация о средствах, которые понадобятся нам прямо сейчас, включая разбивку по статьям расходов и приблизительную оценку того, что может потребоваться в случае разных непредвиденных обстоятельств. И наконец, мы просим, как на правительственном, так и на местном, гонконгском, уровне разрешить возобновить работу нашей гонконгской резидентуры в качестве передовой базы данной операции.

Все были потрясены. Это последнее пожелание было встречено молча, да и Гиллем был ошеломлен. Ни разу, ни на одном из совещаний в Цирке, во время подготовки к этому заседанию, ни на встрече с Лейконом, насколько было известно Гиллему, никто, включая и самого Смайли, даже намеком не говорил о возобновлении деятельности Хай Хейвен или создании другой штаб-квартиры, которая стала бы преемником старой резидентуры. Снова послышался возмущенный ропот.

– Если нам не разрешат этого, – закончил Смайли, перекрывая протестующие возгласы, – если резидентскую сеть нельзя вернуть, мы просим, по крайней мере, согласия вести работу в Колонии при помощи нелегальных агентов. Желательно, чтобы местные власти об этом не знали, но необходимо одобрение и покровительство со стороны Лондона. Все существующие агенты и источники информации должны быть узаконены задним числом. В письменном виде, – закончил он и встал, бросив суровый взгляд на Лейкона.

И снова Гиллем и Смайли мрачно устроились в фойе, на том же диванчике цвета лососины, на котором, словно попутчики в поезде, начали сегодняшний день.

– Почему? – негромко спросил Гиллем.

Но, во-первых, задавать Джорджу Смайли вопросы в тот день было просто признаком дурного тона, а во-вторых, это было строжайше запрещено суровым предупреждением над их головами.

«Подумать только, так глупо просчитаться: замахнуться на слишком многое – и в результате остаться с носом, – в унынии размышлял Гиллем. – Ты сам вырыл себе яму. Бедняга Джордж: постарел, да и вообще уже не тот. Единственная операция, которая могла помочь нам снова вернуться к жизни… Жадность – вот что тебя сгубило. Жадность, когда старый шпион захотел вернуть все разом. Конечно, я его не брошу, – думал Гиллем. – Я не сбегу с тонущего корабля. Мы заведем ферму и будем выращивать цыплят. Молли может вести бухгалтерию, а Энн в сельской тиши может крутить романы с наемными работниками».

– Как вы себя чувствуете? – обратился он к Смайли.

– Чувства тут дело десятое, – ответил тот. «Большое спасибо,» – подумал Гиллем.

Прошло двадцать минут. Смайли не пошевельнулся. Голова опустилась на грудь, глаза закрылись – можно было подумать, что он молится.

– Может быть, вечером стоит устроить себе выходной? – предложил Гиллем.

Смайли только нахмурился.

Появился служащий и пригласил их вернуться в комнату заседаний. Во главе стола теперь сидел Лейкон, он вел себя как большой начальник. Эндерби сидел через два места от него и вполголоса разговаривал с Хаммером. Преториус был похож на грозовую тучу, за его мрачностью были видны вспышки молний, а его спутница поджала губы, всем своим видом выражая неодобрение, возможно, даже сама не сознавая того. Лейкон, чтобы все замолкли, пошелестел лежавшими перед ними бумагами и, как судья, который хочет подольше помучить и заинтриговать аудиторию, прежде чем объявить главное решение комитета, начал в деталях зачитывать все выводы, к которым пришли члены Комиссии.

Министерство финансов заявило серьезный протест (это занесено в протокол) в отношении нарушений Джорджем Смайли правил использования средств, находящихся на счете для финансирования операций. Смайли должен также иметь в виду, что любые запросы относительно права на проведение расследований и получения информации в Англии должны заранее согласовываться со Службой безопасности, а не «предъявляться с бухты-барахты в ходе заседания комитета в полном составе, поскольку заседание комитета – это не цирк и никому не нужно, чтобы новоявленные фокусники извлекали кролика из шляпы на глазах у изумленной публики». О воссоздании гонконгской резидентуры не может быть и речи. Да даже из соображений практических, из-за простого отсутствия времени, такой шаг сейчас невозможен. За этим заявлением, казалось, скрывался намек, что Смайли не должен был высказывать этого бесстыдного требования. Вопрос принципиальный, потребуются консультации на самом высоком уровне, и поскольку Смайли совершенно недвусмысленно выступил за то, чтобы не ставить губернатора в известность о фактах, обнаруженных его ведомством (реверанс Лейкона в сторону Уилбрахема), было бы очень трудно представить убедительные факты в пользу возобновления работы резидентуры в обозримом будущем, особенно в свете широкой огласки эвакуации Хай Хейвен, к сожалению, имевшей место.

– Я с величайшим сожалением вынужден принять ваше решение, – мрачно откликнулся Смайли.

«Господи, ну что же он не борется, – подумал Гиллем, – уж погибать – так с музыкой!»

– Принимайте его, как вам угодно, – ответил Эндерби, и Гиллем мог бы поклясться, что в глазах и у Эндерби, и у Хаммера он заметил торжествующие огоньки.

«Ах вы, сукины дети, – подумал он, не пытаясь подыскать более изысканную форму для чувств. – Уж вы-то не получите по знакомству бесплатных цыплят с нашей с Джорджем фермы». Мысленно он уже прощался с ними со всеми.

– Все остальные пожелания, – продолжил Лейкон, положив один и взяв другой листок, – относительно финансирования и срока запрошенных полномочий с определенными ограничительными оговорками и гарантиями удовлетворяются.

Парк был пуст. Большая часть посетителей разошлась, и теперь он был в распоряжении профессионалов. Кое-где на мокрой траве, словно солдаты после битвы, лежали влюбленные парочки. Дремали фламинго. Рядом с Гиллемом, в состоянии эйфории размашисто шествовавшим за Смайли, Родди Мартиндейл пел Джорджу дифирамбы:

– Я думаю, он просто великолепен. Непобедим. А хватка! Я обожаю, когда у людей есть хватка. Это качество, которое я больше всего ценю в людях. А Джорджу этого не занимать. Когда тебя переводят в другое место, начинаешь воспринимать вещи иначе. Должен признаться, на расстоянии многое понимаешь лучше. А ваш отец был арабистом, если я не ошибаюсь?

– Да, – односложно ответил Гиллем, его мысли по-прежнему были заняты Молли: он думал о том, можно ли еще пригласить ее поужинать.

– Да… арабист, и человек, воспитанный на «Almanach de Gotha»(Ежегодник по дипломатии и генеалогии, который публиковался на французском и немецком языках с 1763 по I944 г. в г. Гота (Германия)). А чем он занимался «до» или «после»?

Гиллем уже собирался оборвать все эти глупости, которых он просто не понимал, но вовремя сообразил, что Мартиндейл всего-навсего задает безобидный вопрос о научных интересах и пристрастиях его отца.

– "До" – конечно же до Рождества Христова. Всю жизнь, – ответил он. – Если бы это было возможно, он бы непременно вернулся к временам райских кущ Эдема.

– Я хотел бы пригласить вас на обед.

– Спасибо.

– О времени мы договоримся. Кого еще вы хотели бы видеть? Кто вам приятен? Кто вам нравится? Я люблю новых людей, перемены.

Перед ними, словно паря в насыщенном влагой, бодрящем воздухе, раздавался голос Эндерби, медленно-протяжно выражавшего восхищение победой, одержанной Смайли.

– О т л и ч н о е заседаньице. Очень многого добились. Ни в чем не уступили. В е л и к о л е п н о провели партию. Думаю, теперь вам нужно успешно довести дело до конца – и можно начинать думать о том, чтобы расширяться и сделать пристройку к своему зданию. А Кузены не подведут? Будут вести себя прилично? – Он кричал так, как будто они по-прежнему находятся в комнате, где можно не бояться подслушивания. – Ты там прозондировал почву? Ты уверен, что они подыграют, как надо, и при этом не постараются получить все лавры? Боюсь, что здесь до самого последнего момента нельзя быть уверенным, но ты, наверное, можешь удержать ситуацию под контролем. Посоветуй Мартелло не высовываться и ходить на цыпочках, а иначе он не успеет оглянуться, как будет иметь крупные неприятности с Колониальным ведомством. Жаль старину Уилбрахема – не повезло ему. Из него получился бы отличный губернатор Индии.

А еще дальше – собеседников совсем не было видно из-за деревьев – шел разговор между невысоким толстячком Хаммером и Лейконом. Причем коротышка Хаммер энергично жестикулировал, а Лейкону приходилось наклоняться, чтобы услышать, что он говорит.

Да, великолепный заговор, думал Гиллем. Он оглянулся назад и удивился, увидев, что за ними почти бежит «дядька» Смайли Фон. Сначала ему показалось, что он еще далеко. Поднимающийся от земли туман полностью скрывал его ноги, была видна только верхняя половина туловища. Потом вдруг он сразу оказался довольно близко, и Гиллем услышал знакомый резкий голос, просительно повторяющий: «Сэр, пожалуйста, сэр», пытавшийся привлечь внимание Смайли. Пропустив Мартиндейла вперед, чтобы тот не услышал разговора, Гиллем решительным шагом подошел к Фону.

– Что случилось, черт побери? Почему ты с криками бегаешь по улицам?

– Они нашли девушку! Мисс Сейш, сэр, она послала меня специально, чтобы я передал. – Его глаза сверкали и казались слегка сумасшедшими. – «Скажи шефу: они нашли девушку» – ее собственные слова, лично шефу.

– Ты хочешь сказать, что она тебя сюда п р и с л а л а ?

– "Лично шефу, немедленно", – уклонился от прямого ответа Фон.

– Я спросил: она прислала тебя сюда? – Гиллем буквально кипел от ярости. – Я сам скажу тебе, каков ответ: «Нет, сэр, она не посылала меня сюда». Ах ты, чертов любитель эффектных жестов, бегаешь по всему Лондону в своих резиновых тапочках! Ты совсем спятил. – Выхватив из рук Фона мятую записку, он бегло просмотрел ее. – И даже имя другое. Это все чепуха, какой свет не видывал. У тебя истерика. Иди в Цирк и сиди там в своей конуре: слышишь, что я говорю? Шеф займется этим, когда вернется. И не смей больше устраивать такой переполох.

– Кто это был? Такой интересный персонаж, – поинтересовался сгорающий от любопытства Мартиндейл, когда Гиллем вернулся. – Какое прелестное создание! Неужели все шпионы такие же красавцы? В нем определенно есть что-то венецианское. – Я хочу записаться к вам добровольцем. Немедленно.

В тот же вечер в «комнате жарких споров» состоялось импровизированное совещание. Но состояние эйфории, в котором все пребывали в результате триумфа Смайли на Комиссии (у Конни эйфория была усилена алкоголем), отнюдь не способствовало эффективности заседания. После напряжения последних месяцев, когда возможность действовать была жестко ограничена, Конни разошлась вовсю. Девушка! В ней ключ к решению всей загадки! Старуха чувствовала, что теперь ее мысль сбросила с себя все оковы и обрела свободу. Нужно немедленно послать в Гонконг Тоби Эстерхейзи, нужно установить ее адрес, сфотографировать ее, проследить, что она делала до сих пор и чем занимается сейчас, нужно обыскать ее комнату! Нужно ввести в дело Сэма Коллинза, немедленно! Ди Салис ерзал на стуле, ворчал, глупо ухмылялся, дымил трубкой и качал ногой, но по крайней мере на этот вечер он потерял способность не соглашаться с Конни. Он даже один раз высказался в том духе, что, мол, найдена естественная тропинка к сердцу всей проблемы, – разумеется, имея в виду все ту же таинственную девушку. Неудивительно, что малышу Фону отчасти передалась их лихорадка. Гиллем уже почти сожалел, что дал волю раздражению во время разговора в парке. Более того, если бы не появились Смайли и Гиллем, которые, как могли, остужали пыл остальных, в тот вечер это временное коллективное помешательство вполне могло бы закончиться какой-нибудь большой глупостью – и одному Богу известно, к чему все это могло привести. В мире секретных служб встречается немало случаев, когда на вполне здравомыслящих людей находило такое затмение рассудка, но Гиллем впервые воочию наблюдал приступ этой болезни.

Итак, только около десяти (или даже немного позже) им удалось составить инструкции для старины Кро, и только в половине одиннадцатого Гиллем, у которого в глазах уже стоял туман, по пути к лифту налетел на Молли Микин. В результате этой счастливой случайности – или, может быть, Молли сама это подстроила, о чем он так никогда и не узнал, – в жизни Питера Гиллема зажглась путеводная звезда, которая и поныне ярким светом горит с того самого дня. С неохотой, как обычно, словно делая ему одолжение, Молли согласилась, чтобы он подвез ее домой, хотя ему было совсем не по пути. Когда они подошли к дверям, она, как обычно, пригласила его на прощание выпить чашечку кофе. Предвидя, что дальше все будет как обычно, – «О нет, Питер, пожалуйста, Питер, дорогой, мне очень жаль», – Гиллем готов был отказаться. Но вдруг что-то в ее взгляде – какая-то спокойная решимость, как ему показалось, – заставило его передумать. Как только они оказались в квартире, она закрыла дверь на ключ и накинула цепочку. Потом все с тем же скромным и недоступным видом она привела его в спальню; и Гиллем был просто ошеломлен тем, как радостно и самозабвенно она ему отдалась.

Маленький кораблик Кро

Прошло сорок восемь часов. В Гонконге был воскресный вечер. Кро опасливо шел по переулку. На город надвинулся туман, сумерки наступили рано. Но на этой улочке дома стояли так тесно, что туману трудно было проникнуть сюда, и он висел на высоте третьего-четвертого этажей, рядом с проводами и веревками, на которых сушилось белье, и, словно пот, ронял горячие дождевые капли, впитавшие в себя всю пыль и чад города. Они со стуком падали на широкие поля соломенной шляпы Кро и на апельсины, разложенные на лотках. Их запах далеко разносился во влажном воздухе. Когда Кро бывал здесь, то он чувствовал, что он – в Китае; здесь, рядом с морем, был тот Китай, который он любил больше всего, и этот Китай просыпался, готовясь к ночному празднику жизни: слышалось пение, автомобильные гудки,

заунывный плач, звуки гонгов, голоса торгующихся покупателей и продавцов. Ноздри щекотали запахи кухни, откуда-то долетал металлический перезвон – словно каждый из двадцати разных инструментов вел свою собственную мелодию. Некоторые китайцы просто неподвижно сидели на пороге домов и наблюдали, как этот иностранный дьявол, такой забавный, идет мимо по переулку, стараясь никому не помешать. Кро любил все это, но нежнее всего он любил свои м а л е н ь к и е к о р а б л и к и – так китайцы называют тайных информаторов, а мисс Уэйфарер, к которой он сейчас направлялся, была классическим, хотя и скромным, представителем таких «корабликов».

Кро глубоко вздохнул, наслаждаясь всеч что знал и любил. Восток никогда не разочаровывал его. Мы их колонизируем, ваши светлости, мы их развращаем, мы их эксплуатируем, мы бомбим и отдаем на разграбление их города, мы ничего не знаем об их культуре и вызываем их крайнее удивление тем бесчисленным количеством религиозных сект, которые существуют у нас. Мы не только оскорбляем их зрение своей уродливостью, монсеньеры, мы оскорбляем и их обоняние – запах круглоглазых для них просто невыносим, а мы слишком ненаблюдательны, чтобы хотя бы понять это. И при всем при том, дети мои, когда мы сделали все, что могли, и даже больше, чтобы вызвать их ненависть, мы видим на их лицах все ту же азиатскую улыбку, разве что чуть менее приветливую.

Другие круглоглазые, возможно, не решились бы прийти сюда в одиночку. Члены мафии, живущей на Пике, скорее всего, даже понятия не имели о существовании этих улочек. Жены англичан, укрывшиеся в своих казенных квартирах в британском «гетто» в Хэппи Вэлли, нашли бы здесь все, с чем им труднее всего мириться в Гонконге, куда их забросили судьба и служебная карьера мужа. Нельзя было сказать, что это плохая часть города, она просто не была европейской. Такой, как улицы Сентрал и Педдер в километре отсюда, с электрическими дверьми, со вздохом распахивающимися перед вами и впускавшими вас в царство кондиционированной прохлады. Другие круглоглазые из-за страха, который они непременно испытывали бы здесь, могли невольно бросить на кого-нибудь неосторожный взгляд, который мог быть неправильно истолкован, – а это было опасно. Кро знавал человека, которому в Шанхае за такой взгляд пришлось заплатить жизнью. А взгляд Кро неизменно выражал дружелюбие, он всегда и во всем всем уступал и держался очень скромно, а когда останавливался, чтобы сделать покупку, первым уважительно и всегда уверенно здоровался с продавцом на своем плохом кантонском наречии. Он не спорил и платил высокую цену, соглашаясь с тем, что так и положено, раз он принадлежит к низшей расе круглоглазых.

Кро купил орхидеи и баранью печенку. По воскресеньям он всегда так делал, покупая их поочередно то у одного, то у другого лоточника, чтобы не обижать ни одного из конкурентов, и, когда ему не хватало знаний китайского, переходил на свой витиеватый английский язык.

Австралиец нажал кнопку звонка. У Феббы, как и у самого Кро, был домофон. Главное управление в свое время распорядилось, чтобы у всех были стандартные домофоны. Она воткнула веточку вереска в свой почтовый ящик – это было вроде талисмана и одновременно служило сигналом, что все в порядке.

– Привет, – раздался из переговорного устройства женский голос. Он мог бы принадлежать и американке, и китаянке. В нем слышался вопрос: – Да?

– Ларри называет меня Питом, – сказал Кро.

– Проходи, Ларри сейчас у меня.

На лестнице было абсолютно темно и пахло так, словно кого-то недавно вырвало. Каблуки Кро металлически цокали, когда он поднимался по каменным ступеням. У входа он щелкнул выключателем, который должен был на несколько минут включить свет, пока он не дойдет до нужной двери, но свет не зажегся, и пришлось на ощупь подниматься до третьего этажа. В какой-то момент они подумывали о том, чтобы найти для нее квартиру получше, но с отъездом

Тесинджера все заглохло, а теперь на это уже нечего было надеяться – более того, в каком-то смысле и сама Фебба уже как бы не существовала.

– Билл, – проворковала она, закрывая за ним дверь, и поцеловала в обе рябые щеки, как обычно хорошенькие девушки целуют добрых дядюшек (хотя она вовсе не была хорошенькой).

Кро вручил орхидеи. Он держался с ней очень внимательно и заботливо.

– Моя дорогая, – сказал он. – Дорогая моя.

Она вся дрожала. Ее жилье состояло из одной комнаты, которая была одновременно и спальней, и гостиной. Здесь же, в уголке, располагались небольшая плита и раковина, а еще небольшая комнатка с душем и унитазом. Больше ничего не было. Кро прошел к раковине, развернул печенку и отдал ее кошке.

– Билл, ты ее балуешь, – сказала Фебба, с улыбкой глядя на цветы.

Он положил на кровать коричневый конверт, но ни тот, ни другой даже слова не сказали.

– Как поживает Уильям? – спросила она, играя произношением его имени.

Кро уже успел повесить шляпу на дверь и теперь наливал виски: неразбавленное – для Феббы, с содовой – для себя.

– А как поживает Феб? Это интереснее. Как ты прожила всю эту долгую и холодную неделю? А, Феб?

Тем временем она привела в беспорядок кровать и бросила на пол ночную сорочку с оборочками и кружевами (по легенде, Фебба – китаянка-полукровка – сожительствовала с этим толстым иностранным дьяволом). В изголовье, над помятыми подушками, висела фотография с видом Швейцарских Альп – казалось, у всех китайских девушек над кроватью висит такая картинка. На тумбочке возле постели стояла фотография ее отца англичанина, единственная которая у нее была: скромный клерк из Доркинга в Сюррее, сразу же по прибытии в Гонконг – круглый воротничок, усы и напряженный, пристальный, слегка сумасшедший взгляд. Кро иногда казалось, что его сначала застрелили, а потом уже сделали фотографию.

– Т е п е р ь уже все в порядке, Билл, – ответила Фебба. – Т е п е р ь все в порядке.

Она стояла рядом с ним, почти касаясь плечом, и ставила цветы в вазу. Руки у нее сильно дрожали, как обычно по воскресеньям. На ней было серое платье, немного напоминающее военный мундир – какие носят в Пекине, а на шее – золотое ожерелье, полученное ею по случаю десятилетия сотрудничества с Цирком. В нелепом порыве великодушия Главное управление решило заказать его в магазине «Эсприз» в Лондоне, а потом переправить с дипломатической почтой, вместе с письмом, подписанным лично Перси Аллелайном, злосчастным предшественником Джорджа Смайли на его нынешнем посту. Письмо ей разрешили прочитать, но не оставили.

Она хотела отнести вазу на стол, но немного расплескала воду, и Кро взял вазу у нее из рук.

– Эй, в чем дело? Все нормально. Для волнений нет причин, слышишь?

Она постояла еще с минуту, по-прежнему с улыбкой глядя на него, а потом вдруг разрыдалась, не в силах больше сдерживаться, и рухнула на стул. Иногда она рыдала, иногда могла расчихаться, иногда просто очень громко разговаривала и слишком много смеялась, но всегда она словно специально приберегала взрыв, какую бы форму он ни принимал, к его приходу.

– Билл, мне иногда бывает так страшно.

– Я знаю, дорогая, я знаю. – Он сел рядом и взял ее за руку.

– Этот новый парень в отделе очерков. Он так с м о т р и т на меня, Билл, он следит за всем, что я делаю. Я уверена, что он на кого-то работает. Билл, на кого он работает?

– Ну, может быть, он просто немножко в тебя влюблен, – сказал Кро со всей мягкостью, на которую был способен, продолжая поглаживать ее по плечу. – Ты же привлекательная женщина. Ты что, забыла об этом, моя дорогая? Ты можешь произвести неизгладимое впечатление на человека, сама того не желая. – Он говорил притворно строго и по-отечески наставительно. – Ну-ка, признайся, ты ему, наверное, строишь глазки? А еще бывает, женщины вроде тебя иногда кокетничают, сами того не сознавая. Но опытный в таких делах мужчина всегда это заметит, Фебба. Обязательно заметит.

На прошлой неделе это был привратник у входа. Она сказала, что он записывает, когда она приходит и уходит. За неделю до этого – машина, которая постоянно ей везде попадалась, – «опель» зеленого цвета. Трудность заключалась в том, чтобы развеять ее страхи, не усыпив при этом бдительности, потому что когда-нибудь однажды – Кро никогда не позволял себе забывать об этом, – однажды она окажется права. Вытащив из тумбочки у кровати целый ворох исписанных листочков, она начала свой отчет. Это произошло так неожиданно, что Кро просто не успел переключиться. У нее было крупное бледное лицо, которое не было привлекательным ни по европейским, ни по азиатским стандартам. Длинное туловище, короткие ноги и саксонские руки – большие и некрасивые. Она сидела на краешке кровати, и в ней вдруг проглянуло что-то от пожилой почтенной матроны. Чтобы удобнее было читать, она надела толстые очки.

– Кантон присылает студента-комиссара, который должен выступить на собрании членов группы во вторник, – сказала она, – поэтому собрание в четверг отменили, и Эллен Туо еще раз потеряла шанс хотя бы один вечер побыть секретарем.

– Погоди-погоди, не торопись, ради Бога, – взмолился со смехом Кро. – Не на пожар торопимся!

Раскрыв записную книжку и приготовившись писать, он попытался угнаться за ней. Но Феббу трудно было удержать, даже если это пытался сделать Билл Кро, хотя ей когда-то говорили, что он на самом деле полковник или даже еще выше. Ей хотелось покончить со всем этим. Одним из ее постоянных заданий было наблюдение за группой интеллектуалов левого толка, в которую входили студенты университета и журналисты-коммунисты; ей удалось войти к ним в доверие, хотя они и воспринимали ее не совсем всерьез. Она каждую неделю докладывала ему об этой группе, хотя результаты были не очень впечатляющие. А теперь вдруг по какой-то непонятной причине группа начала развивать бурную деятельность.

– Билли Чень вызвали в Куала-Лумпур для участия в каком-то важном заседании, – сказала она. – Джонни и Белинде Фонг поручили подыскать надежное помещение, где можно было бы поставить печатный станок.

Быстро наступал вечер. Не прерывая ее, Кро осторожно встал с места и включил лампу, чтобы резкий переход к электрическому свету не испугал ее, когда совсем стемнеет и его все равно придется зажечь.

– Поговаривают об объединении с группой в Норт Пойнт, – продолжала женщина, – но товарищи из университета, как всегда, возражают. Они возражают абсолютно против всего, – сказала Фебба враждебно. – Снобы. И вообще, эта шлюха Белинда, глупая как пробка, уже несколько месяцев не платит членские взносы, и вполне возможно, она у нас вылетит из партии, если не перестанет играть в азартные игры.

– Это будет совершенно справедливо, моя дорогая, – покладисто согласился Кро.

– Джонни Фонг говорит, что Белинда в положении и ребенок не от него. Ну и хорошо, надеюсь, так оно и есть. Это ее немного утихомирит…

Кро припомнил: у тебя пару раз возникала точно такая же проблема, но что-то не замечал, чтобы ты становилась потише.

Кро послушно записывал, зная, что ни в Лондоне, ни где-нибудь еще, никто никогда не прочтет ни слова из того, что он сейчас пишет. В дни процветания Цирк внедрил своих агентов

в десятки таких групп в надежде, что со временем они выведут их на тех, кого на своем дурацком профессиональном жаргоне называли «челноками» между Пекином и Гонконгом, и это позволит им перебросить какие-то мостики и хоть чуть-чуть закрепиться в континентальном Китае. Этот план увял на корню, а задачу стоять на страже безопасности колонии перед Цирком никогда не ставили – эту роль играла Специальная служба и, надо сказать, ревниво следила за тем, чтобы никто больше в это не вмешивался. Но маленьким корабликам, как прекрасно понимал Кро, гораздо труднее менять курс, чем ветрам, которые их подгоняют. Кро старательно подыгрывал Феббе, подкидывая время от времени уточняющий вопрос, проверяя, из каких источников получена информация и откуда в свою очередь они ее узнали. «Откуда ты знаешь это, Феб?» – «Слышала?» – «Ладно. А от кого у Билли Ли эта информация, Феб? А не может быть, что Билли Ли немного приврал здесь, самую малость, для красного словца? Ну знаешь, чуть-чуть приукрасил, как водится?» В разговоре с ней К р о использонал журналистские словечки, потому что Febба, как и Джерри, как и сам Кро, была по своей «основной» профессии журналисткой. Она работала в качестве «свободного художника», не прикрепленного к штату ни одной газеты, и снабжала англоязычную прессу Гонконга сплетнями о пикантных подробностях из жизни местной китайской аристократии.

Пока Кро слушал, выжидал, подавал нужные реплики – подыгрывал, как это называется у актеров, он мысленно перебирал в памяти всю ее историю, которую рассказывал пять лет назад, на курсах повышения квалификации в Саррате, когда его отправили туда, чтобы освежить в памяти кое-что из профессиональных незаконных навыков и, может быть, научиться чему-нибудь новенькому. Потом они говорили, что это было самое лучшее выступление из всего, что они слышали за две недели, – настоящий триумф. Этого ожидали, и на семинар, где он должен был выступать, пригласили всех, кто проходил курс переподготовки. Даже руководство школы пришло послушать его. Те, кто в этот день не работал, даже попросили, чтобы за ними прислали микроавтобус, чтобы они могли пораньше добраться до Саррата из местечка Уотфорд, где жили многие из них. Всем хотелось послушать старину Кро, который на восточных делах собаку съел, послушать, что он расскажет, сидя в бывшей библиотеке с оленьими рогами на стене, о пережитом и передуманном за всю свою долгую профессиональную жизнь, отданную и г р е. Агенты, которых даже не надо вербовать, – такова была тема его выступления. На небольшом возвышении было даже некоторое подобие кафедры, но он не использовал ее. Он сел на обычный стул, снял пиджак и широко расставил ноги; живот внушительно нависал над ремнем брюк, на рубашке – темные круги от пота; и говорил он так, как мог бы рассказывать эту историю шанхайским любителям игры в кегли в ту субботу, когда на Гонконг надвигался тайфун, если бы только обстоятельства позволили ему сделать это.

А г е н т ы, к о т о р ы е в е р б у ю т с я с а м и, ваши светлости.

– Тебе нет равных в этом деле, – сказали ему, и он поверил, что это действительно так. Если Восток был для Кро домом, то маленькие кораблики были его семьей, и он изливал на них всю свою нерастраченную любовь, для которой (так уж получилось) не нашлось места в его другой, не тайной жизни. Он воспитывал и обучал их всем тонкостям профессионального мастерства с любовью, которая сделала бы честь отцу; и самым трудным в жизни этого уже не молодого человека был тот день, а точнее говоря, та ночь, когда Тафти Тесинджер исчез под покровом темноты, даже не предупредив Кро, лишив его жизнь на какое-то время цели и всего, что придавало ей смысл.

– Некоторые люди – прирожденные агенты, монсеньоры, – сказал он им. – Они предназначены для этой работы самим периодом истории, в котором живут, тем, где они оказались, и своими собственными природными склонностями. И в таких случаях вопрос лишь в том, кто первым приберет их к рукам, ваши преосвященства. И это можем быть мы, это могут быть наши соперники; или это могут быть миссионеры, чтоб им пусто было.

Смех.

Потом пошли примеры из жизни – только имена и географические названия он изменял, и среди прочих – не кто иной, как агент под кодовым именем Сьюзен – маленький кораблик женского пола, в бурном море Юго-Восточной Азии. Родилась в тревожном 1941 году, полукровка. Не называя имени, он рассказывал им о Феббе…

– Ее отцом бил скромный клерк из Доркинга, ваши светлости, у которого за душой не было ни пенни. Он приехал на Восток как служащий одной шотландской торговой компании, сотрудники которой шесть дней в неделю не покладая рук тащили с побережья все, что могли, а на седьмой шли в церковь молиться Кальвину. Он слишком беден, чтобы жениться на европейской женщине, друзья мои, поэтому берет на содержание запретную девушку-китаянку, что обходится ему недорого. В результате этого союза появляется упомянутый агент по кличке Сьюзен. В тот же год на авансцену выходят японцы. Неважно, где это происходило, монсеньоры, – история была везде одна и та же: будь то в Сингапуре, Гонконге или Малайе. Они появились мгновенно. И было ясно, что они намерены остаться надолго. И во всем этом хаосе отец вышеупомянутого будущего агента по кличке Сьюзен делает благородный шаг. «К черту осторожность, ваши преосвященства, – говорит он. – В такое время все достойные и отважные мужчины должны выйти вперед и постоять за все, что им дорого». Итак, он женится на своей китаянке, ваши светлости, чего я обычно не рекомендую делать, но он поступает именно так, и, женившись, он крестит свою дочь – будущего агента Сьюзен – и записывается в Добровольческий отряд, который был доблестным отрядом, состоявшим из глупцов, у которых голова забита героическими бреднями. Это были силы местной самообороны, собиравшиеся противостоять японским ордам. Вскоре, ваши светлости, он, как человек отнюдь не рожденный для ратных подвигов, становится великолепной мишенью для японского захватчика – в результате, как и следовало ожидать, отдает Богу душу. Аминь. Да будет земля пухом скромному клерку из Доркинга, ваши светлости.

Кро крестится, а по комнате прокатывается волна смеха. Кро не смеется вместе с остальными и сохраняет полнейшую невозмутимость. В первых двух рядах он видит новые молодые лица – без морщин, без шрамов, – лица, которые хорошо бы смотрелись на экране телевизора; Кро догадывается, что это новенькие, которых загнали послушать Великого и Неповторимого. Их присутствие действует на него воодушевляюще. С этой минуты он ни на мгновение не выпускает их из виду.

– Будущий агент еще ходит пешком под стол, когда ее достойный отец уходит в мир иной, друзья мои, но на всю свою жизнь она запомнит: когда приходит решающий час, англичане выполняют свой долг. И с каждым проходящим годом она будет любить этого погибшего на поле брани героя немножечко сильнее. А после войны торговая фирма, в которой работал ее отец, целый год или два помнит и заботится о ней, а потом как-то невзначай забывает – уж очень накладно помнить. И тем не менее. В пятнадцать она едва жива от того, что надо содержать больную мать и работать на танцплощадках, чтобы платить за учебу. И тем не менее. А потом она привлекает внимание сотрудника службы социальной помощи – к счастью, он является одним из наших достойных братьев, ваши святейшества; и он помогает ей прийти к нам. – Кро вытирает лоб платком. – Сьюзен начинает восхождение к вершинам благоденствия и праведности, ваши светлости, – провозглашает он. – Под журналистским прикрытием мы вводим ее в игру, заказываем ей переводы из китайских газет, даем мелкие поручения, вовлекаем в работу, завершаем образование и обучаем ее нашему тайному ремеслу. Немного денег, немного поддержки, немного любви, немного терпения – и очень скоро в активе у нашей Сьюзен уже семь поездок в континентальный Китай, совершенные на законном основании, причем некоторые из них с весьма щекотливыми заданиями по нашей линии. Она великолепно с ними справилась, ваши светлости. Она была курьером, предприняла попытку установить связи с дядюшкой в Пекине, хотя времени для подготовки было очень мало, и очень успешно. И все это, друзья мои, несмотря на то, что она – полукровка, а таким китайцы обычно не очень доверяют. И как вы думаете, друзья мои, как она все это время

представляла себе, что такое Цирк? – почти выкрикнул Кро, обращаясь к завороженным слушателям. – Как вы думаете, кем она нас считала? – Старый кудесник снова понижает голос и поднимает пухлый указательный палец. – Мы для нее были напоминанием о ее отце, – говорит он в полной тишине. – Мы для нее – это память о погибшем скромном клерке из Доркинга. Мы для нее – это святой Георгий, вот мы кто для нее. Мы очищаем китайские сообщества вне Китая от вредных элементов, что, черт возьми, под этим бы ни подразумевалось. Мы ведем борьбу с Триадами, и с рисовыми картелями, и с бандами торговцев опиумом, и с детской проституцией. Она даже считала нас, когда ей этого очень хотелось, тайными союзниками Пекина, потому что мы. Цирк, печемся об интересах всех достойных китайцев. – Кро обвел суровым взглядом ряды молодых лиц, которые изо всех сил старались выглядеть непреклонными. – Кто-то из вас улыбается, ваши светлости? – требовательно спросил он громоподобным голосом. Но никто не улыбался. – Обратите внимание, господа, – закончил Кро, – какой-то частью своего существа она всегда чертовски ясно понимала, что все это абсолютная белиберда. И именно тут вы должны сыграть свою роль. Именно здесь ваш секретный агент должен всегда быть в состоянии полной боевой готовности. О да! Мы – хранители веры, друзья мои. Когда она пошатнется – мы подставляем плечо, чтобы укрепить ее. Когда она теряет опору – мы протягиваем руку поддержки, чтобы она не упала. – Его голос возвысился: он достиг кульминационной точки своей истории. В следующее мгновение, чтобы все ощутили контраст, он драматически, едва слышно прошептал; – И даже когда вера столь иррациональна, ваши светлости, никогда не относитесь к ней свысока. В наше время мы очень мало что можем предложить взамен ее. Аминь.

Всю свою жизнь с искренним чувством гордости, которого он не стыдился, старина Кро вспоминал аплодисменты, которыми его тогда наградили.

Закончив отчет, Febба, ссутулившись, наклонилась вперед, поставила локти на колени, так что костяшки кулаков соприкасались один с другим, словно усталые любовники. Кро молча, словно священнодействуя, поднялся со стула, взял записи со стола и сжег их на газовой горелке.

– Браво, моя дорогая, – спокойно сказал он. – Если мне будет позволено высказать свое мнение, ты молодец, и эта неделя принесла поистине бесценные результаты. Есть еще что-нибудь?

Она покачала головой.

– Я хотел сказать: что-нибудь, что нужно сжечь? Она снова покачала головой.

Кро внимательно приглядывался к ней.

– Феб, дорогая моя, – наконец объявил он, как будто только что пришел к очень важному решению. – А не засиделась ли ты дома? По-моему, я уже давно не приглашал тебя куда-нибудь поужинать. – Она повернулась и растерянно посмотрела на него. Выпитое виски, как всегда, ударило ей в голову. – Осмелюсь утверждать, что если двое коллег-газетчиков время от времени идут в ресторанчик по-дружески поужинать, то это совсем не противоречит нашей легенде. Так что ты скажешь?

Она заставила его отвернуться к стене, пока надевала нарядное платье.

У нее когда-то жила птичка колибри, но она умерла. Он купил ей другую, но она тоже умерла, и они решили, что птичкам колибри почему-то плохо в этой квартире, и отказались от этой идеи.

– Когда-нибудь, в один прекрасный день, я повезу тебя кататься на лыжах, – сказал он, пока она закрывала за собой дверь. Это была их давняя шутка, навеянная заснеженным пейзажем у нее в изголовье.

– Только на один день? – кокетливо откликнулась она, и это тоже было частью их шутливого ритуала.

В тот бурный, наполненный событиями год, как говаривал Кро, еще имело смысл пойти поужинать на сампане в заливе Козуэй Бей. Те, кого называют сливками общества, еще не обнаружили тамошней прелести, а еда была не такой, как во всех остальных ресторанчиках, и дешевая. Когда они добрались до набережной, туман рассеялся и ночное небо было чистым. Он выбрал самый дальний от берега сампан, который вклинился в группу небольших джонок, окружавших его со всех сторон. Повар сидел на корточках у медной жаровни, где на углях готовилась еда, а его жена подавала посетителям. Корпуса джонок нависали над ними, мешая видеть звезды, а дети, живущие на лодках, бегали, ловко перебираясь с одной палубы на другую, как крабы. Их родители тем временем нараспев декламировали странно звучавшие религиозные песнопения, и звуки их голосов разносились над черной водой. Кро и Феббa сидели на низеньких деревянных табуретах, под сложенным навесом, почти в полуметре от воды, и при свете висячей лампы ели кефаль. Дальше от берега, за стоянками, на которых укрываются от тайфунов, проплывали корабли, похожие на огромные освещенные плавучие дома, а следом за ними скользили джонки. На берегу город жил своей напряженной жизнью: слышался гул, звон, скрип – пульсировало сердце, и мерцали огни огромных уродливых зданий, словно коробочек с ювелирными украшениями, которые открылись навстречу обманчивой красоте ночи. А над всем этим сквозь качающиеся мачты виднелся черный Пик, названный в честь Виктории, местами укрытый клочьями тумана, освещенными лунным светом.

Они говорили об искусстве. Феббa исполняла свой традиционный номер, как про себя называл это Кро: играла женщину с широкими культурными интересами и творческими устремлениями. Это было очень утомительно. Когда-нибудь" говорила она мечтательно, она поставит фильм, а может быть, даже два, о Китае, о настоящем Китае, как он есть. Недавно она видела одну историческую мелодраму, поставленную Ран Ран Шо, но там не было ничего, кроме дворцовых интриг. Она считает, что это отличный фильм, но немножко – ну, как бы это сказать, выспренный. Да. А театр? Слышал ли Кро приятную новость? Театр «Кембридж Плейерс», возможно, привезет в декабре свою новую программу в Колонию. Пока это только предположения, но она надеется, что на следующей неделе это должно подтвердиться.

– Это будет отличное развлечение, Феб, – с чувством сказал Кро.

– Это будет совсем не развлечение, – сердито возразила Феба. – Этот театр специализируется на острой социальной сатире.

В темноте Кро улыбнулся и подлил ей пива. Никогда не поздно учиться, монсеньеры, никогда не поздно.

Так продолжалось, пока женщина не начала рассказывать о здешних китайских миллионерах, о жизни которых она знала немало. Кро с нетерпением ждал этого весь вечер. Но если он и подталкивал Феббу к этой теме, то делал это совершенно незаметно для нее. В мире журналистки-полукровки гонконгские богачи были королями. Здесь их причуды и экстравагантные выходки привлекали такое же внимание, и о них писали так же, как в других странах сплетничают и пишут о жизни кинозвезд или футболистов. Феббa знала о них все.

– Кто из твоих подопечных отличился на этой неделе, Феб? – с добродушной усмешкой спросил Кро.

– Кого бы из них выбрать? Надо подумать, – кокетливо проговорила женщина, притворяясь, что никак не может решить. – Ну конечно же, можно выбрать П. К., у которого во вторник был день рождения. Ему исполнилось шестьдесят восемь, он женат в третий раз, и его нынешняя жена раза в два моложе его. И как, вы думаете, он отпраздновал свой день рождения? Отнюдь не в кругу семьи, а в ресторане с двадцатилетней потаскушкой!

– Отвратительно, – согласился Кро. – П. К., – повторил он. – Это тот, у которого ворота с такими необычными столбами? Да?

– Он самый, – ответила Феббa – Столбы для этих ворот обошлись в сто тысяч гонконгских долларов. Фигуры драконов трехметровой высоты из стекловолокна и плексигласа,

освещаются изнутри. Или… – продолжала она в раздумье, как будто склоняясь к тому, чтобы выбрать другого претендента на пальму первенства – Может быть, чемпионом стоит назвать Ю. Ю.? Он, безусловно, может претендовать на это звание. Ю. Ю. женился ровно месяц назад на очень славной девушке – дочери Дж. Дж. Хо, одного из совладельцев фирмы «До и Чен», у них самый большой танкерный флот; на свадьбе съели тысячу омаров. А позавчера вечером он появился на приеме с абсолютно новой любовницей, которую он купил на деньги жены. Она абсолютно ничем не примечательна, кроме того, что он разодел ее в наряды от Сен-Лорана и нацепил ожерелье от Микимото из четырех нитей жемчуга, – конечно, оно не подарено, а только взято напрокат. – И тут Февба не смогла совладать с собой – голос у нее дрогнул и смягчился. – Билл, – сказала она с придыханием, – эта девчушка совершенно фантастически смотрелась рядом со Ю. Ю., этой старой жабой, ты бы видел! Или, может быть, Гарольд Тан, – продолжала она задумчиво. – Гарольд отличился совершенно особым образом и вел себя просто безобразно. Его дети только что вернулись домой из Швейцарии, где заканчивали образование; они прилетели на праздник – и обставлено это возвращение было по первому классу. В четыре утра они нагишом скакали вокруг бассейна; и его дети, и их друзья, вдребадан пьяные, лили шампанское в бассейн, а Гарольд пытался все это сфотографировать.

Кро выжидал, мысленно распахнув дверь, чтобы она вошла, но она не входила, а Кро был слишком стреляный воробей, чтобы подтолкнуть ее.

– Чиу-Чау – самые лучшие из них, – лукаво сказал он. – Чиу-Чау никогда до такого безобразия не опустятся. Правда, Феб? У Чиу-Чау карманы глубокие, а руки короткие, – подначивал он ее. – По сравнению с ними скупые шотландцы покажутся транжирами. Правда, Феб?

Но Февба не была расположена к шуткам.

– Не верь тому, что про них говорят, – убежденно возразила она. – Многие из Чиу-Чау щедры и обладают возвышенной душой.

Он посылал ей телепатические волны. Так человек, показывающий карточные фокусы, всеми силами души пытается сделать так, чтобы ему попалась нужная карта, но Февба все еще колебалась, бродила вокруг, но не входила в распахнутую дверь, предлагая ему какие-то другие имена. Она упомянула сначала об одном, потом о другом, потом потеряла нить разговора, попросила подлить ей пива, а когда он почти отчаялся, она совсем мечтательно произнесла:

– А что касается Дрейка Ко, он просто л а п о ч к а. Про него я не желаю слышать н и о д н о г о дурного слова, понимаешь?

Теперь настала очередь Кро отойти в сторону от того, что его интересовало.

– А что ты думаешь о разводе старины Эндрю Квока? – спросил он. – Господи Боже мой! Должно быть, ему пришлось раскошелиться! Говорят, она бы его давно выставила, но ждала, пока он сколотит приличное состояние, чтобы можно было кое-что содрать при разводе. Это правда, Феб, хотя бы отчасти? – И так далее: три, четыре, пять имен, прежде чем он позволил заглотнуть наживку…

– А тебе не приходилось слышать когда-нибудь, что у старины Дрейка есть или была когда-то круглоглазая любовница? В Гонконгском клубе на днях говорили. Блондинка, и, говорят, прехорошенькая.

Феббе было приятно упоминание Кро о том, что он проводит время в Гонконгском клубе. Это словно перекидывало мостик от нее к тем, кто олицетворял связь между колонией и метрополией.

– Да все об этом знают, – ответила она устало, как будто Кро, как всегда, отстал от жизни на много световых лет. – Было время, когда все мальчики завели круглоглазых любовниц – разве ты не знал? Разумеется, у П. К– было две. У Гарольда Тана тоже была, пока ее не увел

Юстас Чоу, а Чарли Ву даже хотел взять ее с собой на ужин у губернатора, но его супруга не разрешила шоферу заехать за ней.

– Да где же они их понаходили, скажи мне ради всего святого? – спросил Кро, смеясь. – На Лейн Кроуфорд (Улица в Гонконге, где находятся увеселительные заведения)?

– А авиакомпании зачем, как ты думаешь? – не скрывая своего неодобрения, ответила Феббa. – Стюардессы подрабатывают между полетами: пятьсот американских долларов за ночь с белой шлюхой. И не обольщайся: английские авиакомпании – не исключение. Наоборот, они кому хочешь фору дадут. Ну а потом Гарольду Тану его стюардессочка так понравилась, что он договорился с ней на постоянной основе, а потом оглянуться не успели – все они начали въезжать в снятые для них квартиры, и каждый раз, когда прилетают в Гонконг на четыре дня, разгуливают по магазинам, как будто они герцогини – от этого просто тошнит. Правда, Лиза – совсем не такая. В ней чувствуется порода Она настоящая аристократка, у родителей потрясающие поместья на юге Франции, и еще они владеют одним из небольших Багамских островов. Она отказывается принимать от них помощь исключительно из моральных соображений – хочет сохранить свою независимость.

Она другая, это сразу видно, – достаточно посмотреть на черты ее лица, на то, как она сложена.

– Л и з а, – повторил Кро. – Лиза? Немка, что ли? Терпеть не могу немцев. У меня нет никаких расовых предрассудков, но не люблю их, ничего не могу с этим поделать. Интересно, зачем пай-мальчику вроде Дрейка, из Чиу-Чау, любовница из этих тошнотворных немок, я вас спрашиваю? Но, конечно, Феб, ты у нас эксперт, это по твоей части, моя дорогая, как я могу сомневаться в том, что ты говоришь?

Они уже перебрались на корму сампана и лежали рядом на брошенных на палубу подушках.

– Не говори таких глупостей – это просто смешно, – фыркнула Феба. – Л и з а – английская аристократка.

– Тра-та-та, – отозвался Кро и замолчал, глядя на звезды.

– Она оказывает на него в высшей степени положительное и облагораживающее влияние.

– Кто? – переспросил Кро, словно забыл, о чем они говорили.

Феббa заговорила, почти скрипя зубами от ярости:

– Лиза оказывает облагораживающее влияние на Д р е й ка К о. Послушай меня, Билл. Ты что, заснул? Билл, я думаю, тебе лучше отвезти меня домой. Пожалуйста, отвези меня домой.

Кро глубоко вздохнул. Такие размолвки – как будто бы они были любовниками – случались у них регулярно, примерно раз в полгода, и давали им некоторую разрядку, от чего их отношения становились только прочнее.

– Дорогая моя, это ты меня послушай, хорошо? Только одну минуточку, ладно? Ни одну английскую девушку, аристократку по рождению, будь она великолепно сложена или хромая и кривая, не могут звать Лиза, если только где-то там нет немецкой крови. Это первое. А как ее фамилия?

– Уэрд.

– Элизабет – вот как ее зовут. Уменьшительное имя – Лиззи. Или Лайза. «Лайза из Ламбета» (Один из первых романов известного английского писателя С.Моэма). Ты, наверное, не расслышала. Мисс Элизабет Уэрд: в девушке с таким именем вполне может течь благородная кровь. Я даже могу поверить, что она может быть хорошо сложена. Но не Лиза, дорогая моя. А Лиззи.

Феббa не на шутку разозлилась.

– Не надо меня учить, как и что произносить! – бросила она ему в лицо. – Ее зовут Лиза. Говорю по буквам: Л-и-з-а, и именно так ее имя пишется, потому что я с п р о с и л а ее об

этом, и она н а п и с а л а его собственноручно, и именно так оно и было напечатано в… О, Билл. – Ее голова склонилась ему на плечо. – О, Билл. Пожалуйста, отвези меня домой.

Она расплакалась. Кро обнял ее и прижал к груди, нежно похлопывая по плечу.

– Дорогая моя, пожалуйста, успокойся. Это я во всем виноват, я, а не ты. Я должен был догадаться, что она – твоя подруга Женщина из высшего общества, вроде Лизы, красивая и состоятельная, связанная романтической страстью с одним из людей, недавно вошедших в круг новой знати, – как могла хорошо разбирающаяся в людях журналистка, такая, как ты, пройти мимо и не согреть ее дружеским вниманием? Я был слеп. Прости меня. – Он выдержал приличествующую случаю паузу. – Как это было? – спросил он терпеливо. – Ты брала у нее интервью, да?

Во второй раз за этот вечер Фебба вытерла глаза носовым платком Кро.

– Она очень просила меня. Она не моя подруга. Она занимает слишком высокое положение, чтобы быть ей. Это просто невозможно! Она умоляла меня не упоминать в газетах ее имени. Она здесь инкогнито. От этого зависит ее жизнь. Если ее родители узнают, что она здесь, они немедленно пришлют за ней и найдут возможность заставить ее вернуться. Они невообразимо влиятельны. У них есть личные самолеты, у них есть абсолютно все. И как только они узнают, что она живет с китайцем, они пустят в ход все возможные рычаги давления – ему просто невозможно противостоять – только для того, чтобы принудить ее вернуться. «Фебба», – сказала она, – из всех людей в Гонконге вы одна лучше других сможете понять, что такое жить в обстановке нетерпимости". Она просила меня. И я пообещала.

– Ты правильно поступила, – убежденно поддержал ее Кро. – Никогда не нарушай этого обещания, Феб. Обещание должно быть свято. – Он вздохнул, выразив этим вздохом свое восхищение. – Я всегда говорю, что тропинки нашей жизни подчас бывают гораздо более странными и необычными, чем ее магистральные пути. Если ты напечатаешь это в своей газете, осмелюсь предположить, что твой редактор скажет, что у тебя с головой не все в порядке. А ведь это истинная правда. Ярчайший и замечательнейший пример человеческой чистоты и верности идеалам во имя идеалов. – Глаза Феб тем временем закрылись, и он слегка встряхнул ее, чтобы она еще немного пободрствовала. – Я спрашиваю себя: как мог возникнуть такой союз? Какие звезды соединили их? Какой счастливый случай помог встретиться двум душам, которые так нуждались друг в друге? К тому же почему в Гонконге, ради всего святого?

– Это судьба. Она ведь даже не жила здесь. Она совсем удалилась от мирской суеты после неудачного любовного романа и решила посвятить оставшуюся жизнь тому, чтобы делать изысканные ювелирные украшения, чтобы принести в мир, со всеми его страданиями, хоть немного красоты. Она прилетела сюда всего на день-другой, чтобы купить золота для работы, и совершенно случайно, на одном из потрясающих приемов Салли Кейл, встретила Дрейка Ко, и это решило ее судьбу.

– И с тех пор истинная любовь расцветает, не зная преград?

– Конечно же нет. Они повстречались. Она полюбила его. Но она была полна решимости не позволять себе эмоционально привязаться к кому-то и уехала домой.

– Д о м о й ? – эхом отозвался Кро, сильно заинтригованный. – Где же может быть дом у женщины с такими высокими идеалами?

Фебба рассмеялась:

– Разумеется, не на юге Франции, глупыш. Она вернулась во Вьентьян. В город, в который никто никогда не приезжает. Город, где нет никакой светской жизни и нет роскоши, к которой она привыкла с детства. Такое вот место она выбрала. Это был ее остров. У нее там были друзья, она интересовалась буддизмом, искусством, антиквариатом.

– А где же она обитает теперь? По-прежнему в какой-нибудь непритязательной хижине? И продолжает придерживаться своих идеалов, проповедуя отказ от земных благ? Или брату Ко удалось обратить ее в свою веру и убедить ее не лишать себя удовольствий?

– Твой сарказм совершенно неуместен. Конечно же Дрейк подарил ей прелестную квартирку.

Кро понял, что здесь нужно остановиться: это было как озарение. Он постарался замести следы проявленного интереса, как в карточном фокусе стараются спрятать нужную карту среди множества других. Он рассказывал Феб бесчисленные истории о Шанхае. Но ни разу даже в мыслях не позволил себе ни на шаг приблизиться к загадочной Лизе Уэрд, хотя Феба, наверное, могла бы избавить его от последовавших хлопот и беготни.

Он любил повторять: «За каждым художником и секретным агентом, друзья мои, должен стоять коллега по ремеслу с увесистым деревянным молотком в руках, готовый нанести удар, когда тот начинает зарываться».

В такси по пути домой Фебба снова была спокойна, но вся дрожала. Он, как безупречный кавалер, довел ее до самой двери. Он ей все простил. У входа он потянулся поцеловать ее, но она отстранила его рукой.

– Билл, от меня есть хоть какая-нибудь польза? Скажи мне. Когда я совсем перестану приносить пользу, ты должен выбросить меня на помойку. Обязательно, я настаиваю на этом. Сегодня была совершенно бесполезная встреча – абсолютно ничего путного. Ты очень мил, ты делаешь вид, что все хорошо, а я стараюсь изо всех сил. Но все равно это была совершенно бесполезная встреча. Если у тебя есть для меня другая работа, я возьмусь за нее. А если нет, ты должен меня вышвырнуть. Безо всякой жалости.

– Будут и другие вечера, – заверил он ее, и только тогда она позволила ему поцеловать себя.

– Спасибо, Билл, – сказала она.

"Итак, вот к чему мы пришли, ваши светлости, – подвел итог своим размышлениям Кро, когда снова садился в такси, чтобы доехать до отеля «Хилтон». – Агент под кодовой кличкой Сьюзен трудилась в поте лица и старалась изо всех сил, но с каждым днем она становилась для нас чуть менее ценной, потому что ценность агента не может быть выше значимости поставленной перед ним цели, и в этом истинное мерило их стоимости. А в тот единственный раз, когда она дала нам в руки бесценную информацию, – золото, истинное золото, монсеньоры. – При этом он мысленно поднял вверх все тот же пухлый указательный палец, чтобы этот важный вывод запомнили мальчики, еще не заработавшие шрамов, завороженно слушающие его в первых рядах. – В тот е д и н с т в е н н ы й раз она даже и не подозревала, что она для нас сделала, и н и п р и к а к и х о б с т о я т е л ь с т в а х заподозрить этого н е м о г л а ".

Когда-то Кро написал, что над самыми лучшими шутками в Гонконге редко смеются, потому что народ там слишком серьезный. Например, в тот год в недостроенном многоэтажном здании был открыт Тюдорский пивной бар, где настоящие английские подавальщицы в декольтированных платьях, какие носили при Тюдорах, с угрюмым видом подавали настоящее английское пиво, между прочим, холоднее, чем подают в Англии, а за дверями бара, в фойе, обливающиеся потом кули – чернорабочие в желтых строительных касках – круглосуточно монтировали лифты. Еще там была итальянская таверна, где винтовая чугунная лестница вела к балкону Джульетты, но, не доходя до него, упиралась в оштукатуренный потолок. В шотландской харчевне китайцы были одеты в традиционные шотландские юбочки: время от времени они устраивали бунты из-за того, что им жарко в таком одеянии, или из-за того, что на пароме «Стар Ферри» поднимались цены. Кро однажды даже побывал в опиумном притоне с кондиционерами и приглушенно звучащей музыкой – обслуживание посетителей было поставлено на поток. Но самым нелепым местом, где ему даже жаль было тратить деньги, был

этот бар на крыше с видом на залив, с оркестром, где четыре китайских музыканта играли мелодии Ноэля Кауарда, и китайские бармены с совершенно невозмутимыми лицами, в пудреных париках на манер XVIII века и сюртуках выходили к вам из темноты и с хорошим американским акцентом спрашивали: «Чего изволите выпить?»

– Пива, – прорычал гость Кро, хватая горсть миндаля. – Но только х о л о д н о г о. Слышите? О ч – ч и н ь х о л о д н ы й. И быстро – т о п – т о п.

– Надеюсь, жизнь вашего преосвященства легка и приятна? – поинтересовался Кро.

– Слушай, кончай с этим, ладно? Все это мне уже совершенно осточертело.

Озабоченное лицо старшего инспектора полиции выражало только одно – бесконечный цинизм. Если у человека есть выбор между добром и злом, говорил его угрюмый взгляд, то он всегда выберет зло; и весь мир делится пополам, на две части: тех, кто знает и принимает это как данность, и тех длинноволосых шизиков с Уайтхолла, которые управляют Англией и колониями и верят в сказочки про доброго Дедушку Мороза…

– Как, удалось найти ее досье?

– Нет.

– Она называет себя Уэрд. Отсекла конец имени.

– Я знаю, черт тебя побери, как она себя называет. Мне до лампочки, она может себя называть хоть Мата Хари, черт ее побери. Все равно досье на нее нет.

– Но раньше было?

– Так точно, дружище, было, – издевательски ухмыляясь, произнес Рокер, передразнивая акцент Кро. – Было, а теперь нет. Я достаточно ясно выражаюсь или мне написать это невидимыми чернилами на заднице у почтового голубя, чтобы ты наконец понял, чертов австралийский тугодум?

Кро некоторое время посидел молча, потягивая пиво.

– А мог это сделать Ко?

– Сделать что? – Рокер нарочно прикидывался, что не понимает.

– Изъять из картотеки ее досье.

– Мог.

– Еще одно пропавшее архивное досье: болезнь, кажется, приобретает характер эпидемии, – подытожил Кро, сделав еще один глоток освежающего напитка. – Когда в Лондоне чихают, в Гонконге тоже появляются заболевшие. Как коллега, хотел бы выразить вам, ваше преосвященство, свое сочувствие. Примите мои искренние соболезнования. – Он понизил голос и спросил почти безо всякого выражения: – Скажите-ка мне, ваша милость, насколько услаждающе для вашего слуха звучит имя Салли Кейл?

– Никогда о такой не слышал.

– Чем она занимается?

– Владеет компанией «Антиквариат Чичи, Лтд» и держит антикварную лавку в Коулуне. Торгует добытыми не самым честным путем предметами искусства, качественными подделками, статуэтками Божественного Будды.

– Откуда все это?

– По-настоящему ценные вещи получает из Бирмы через Вьентьян. Подделки – местного производства. Шестидесятилетняя грязная сводня, – добавил он мрачно, осторожно принимаясь за новую кружку пива. – У нее несколько немецких овчарок и шимпанзе. Она бы тебя заинтересовала.

– Что, и посмотреть есть на что?

– Ты шутишь.

– Мне говорили, что именно Кейл представила девушку Ко.

– Ну и что? Кейл подыскивает круглоглазых девиц, готовых к услугам. Китайцы Чау ценят ее за это. И я тоже. Я однажды попросил ее подыскать мне кого-нибудь. Что, ты думаешь, она мне ответила? Сказала, что у нее в тот момент не было достаточно маленьких, наглая стерва.

– Наша благородная красотка, как говорят, приехала сюда, чтобы купить золотишка. Это похоже на правду?

– Очень даже, тут и думать нечего, – презрительно отозвался Рокер. – Кейл, по сути, была монополистом на рынке золота сомнительного происхождения из Макао – это всем было известно.

– А какую роль во всем этом играл Ко?

– Слушай, кончай придуриваться, хватит ходить вокругда около. Кейл была чисто номинальной фигурой. На деле всем этим с самого начала заправлял Ко. Этот его жирный цепной пес был ее партнером.

– Тиу?

Рокер снова впал в пивную меланхолию, но Кро отнюдь не намерен был позволить увести себя в сторону и придвинул свое испещренное оспинами лицо совсем близко к многострадальному уху Рокера.

– Мой дядюшка Джордж будет тебе очень благодарен, если ты предоставишь ему всю информацию о выше упомянутой даме по имени Кейл, которая имеется в твоем распоряжении. Понятно? Он щедро воздаст тебе за твою помощь. Его особенно интересует ее деятельность, начиная с того судьбоносного мгновения, когда она представила нашу маленькую аристократку ее покровителю из Чау, и до настоящего времени. Имена, даты, все, чем она занималась, – все, что у тебя на нее есть. Ты меня слышишь?

– Хм-м, передай дядюшке Джорджу, что из-за него я лет на пяток могу загреметь в тюрьму Стэнли.

– У тебя там будет неплохая компания, не так ли, Эсквайр? – многозначительно спросил Кро.

Это не слишком тактичное напоминание относилось к недавним малоприятным событиям, случившимся в мире Рокера. Двое его высокопоставленных коллег отправились в тюрьму отбивать сроки по нескольку лет каждый, и другие с тоской ожидали, что и им придется последовать той же дорожкой.

– Коррупция, – в ярости пробормотал Рокер. – Хотел бы я знать, что они теперь еще откопают? Бойскауты чертовы: как подумаю – с души воротит.

Кро слышал все это и раньше, но сейчас снова терпел, потому что у него был бесценный дар – умение слушать, которое в Саррате ценится гораздо выше, чем умение говорить.

– Тридцать тысяч европейцев, черт побери, и четыре миллиона косоглазых, чтоб им пусто было: совершенно другая, непохожая ни на что мораль, ни дна ей ни покрышки, и дьявольски здорово организованные преступные синдикаты, равных которым, может быть, не найти во всем мире. И чего они ждут от меня в этой ситуации? Уничтожить преступность полностью мы не можем. Тогда как нам ее поставить под контроль? Мы идем к главарям и заключаем с ними джентльменское соглашение – что же нам еще остается делать? «Ладно, ребята. Чтобы никаких лишних преступлений, никаких посягательств на чужую территорию, все должно быть честно и благородно, чтобы моя дочка могла не опасаясь выйти на улицу в любое время дня и ночи. Я буду арестовывать ваших ребят – и немало, чтобы не огорчать судейских и чтобы заработать свою жалкую пенсию, и. Господи, помоги тем, кто нарушит правила или проявит неуважение к властям». Ну да, они платят кое-какую дань. Назовите мне хоть одного человека на всем этом закосневшем в грехе острове, кто не платил бы где-нибудь и кому-нибудь. А если есть люди, которые платят, то, значит, есть и люди, которые получают… Кстати, – Рокеру вдруг

наскучила его любимая тема, – твой дядюшка Джордж обо всем уже давным-давно прекрасно осведомлен.

Львиная голова Кро медленно поднялась, пока его внушающий ужас немигающий взгляд не остановился на лице Рокера, который отвернулся и смотрел в другую сторону.

– Джордж осведомлен о ч е м, позвольте вас спросить?

– Об этой чертовой Салли Кейл. Несколько лет назад мы по вашей просьбе представили вам всю ее подноготную. Попытка дестабилизировать этот чертов фунт стерлингов или что-то в этом роде. Продавала золотые слитки на цюрихском рынке золота по демпинговым ценам, что ли. Если хочешь знать, что я об этом думаю, по-моему, все это была страшная

глупость.

Прошло еще полчаса, прежде чем немолодой австралиец устало поднялся из-за стола и пожелал Рокеру на прощание долгих лет жизни и благополучия.

– И ты держи хвост морковкой, – прорычал в ответ Рокер.

В тот вечер Кро не поехал домой. У него были друзья: адвокат, закончивший Йель (Один из самых престижных университетов в США), и его жена, у которых был свой дом в Гонконге – один из двухсот с лишним частных домов на острове, – уже не новый, но просторный дом на Поллокс Пас, недалеко от вершины Пика; у Кро был свой ключ. На подъездной дороге, недалеко от входа, была припаркована машина кого-то из консульских, – хозяева были известны тем, что любили вращаться в дипломатических кругах. Войдя в свою комнату, Кро, казалось, совсем не удивился, застав в ней респектабельного молодого американца. Он сидел в плетеном кресле и читал толстенный роман. Это был светловолосый молодой человек приятной наружности, в костюме, какие обычно носят дипломаты. Кро не поздоровался с ним и никак не прореагировал на его присутствие. Ни слова не говоря, он сел у письменного стола, на котором сверху лежало стекло, и, взяв отдельный лист бумаги (в лучших традициях своего духовного наставника Смайли), начал печатными заглавными буквами писать донесение, предназначавшееся лично его святейшеству, – и прочь еретики! Потом еще на одном листе бумаги он написал ключ к этой шифровке. Закончив, он вручил оба листа молодому человеку, который с величайшим почтением положил их к себе в карман – и мгновенно исчез, так и не сказав ни слова. Оставшись один, Кро дождался звука отъезжающего лимузина и только тогда развернул и прочитал шифровку, которую молодой человек оставил для него. Потом он сжег ее, бросил пепел в раковину и смыл водой – и только тогда растянулся на кровати, радуясь, что теперь можно никуда не спешить.

«Ну и денек… Но я еще кое на что гожусь». Он страшно устал. Господи, как же он устал! Мысленно Кро снова увидел лица молодых людей в Саррате, совсем еще детей, сидящих плечом к плечу. Но мы продвигаемся вперед, ваши светлости. Медленно, но верно мы движемся вперед. Пусть совсем медленно – как слепой, выстукивая палочкой дорогу, нащупывая ее в темноте. «Пора бы мне выкурить трубочку опиума, – подумал он. – Неплохо бы и какую-нибудь славную девочку, чтобы подбодрила меня. Но как же я устал, Господи!»

Смайли, пожалуй, устал ничуть не меньше, но донесение Кро, которое пришло час спустя, прибавило ему энергии: и уж совсем он воспрянул духом, когда выяснилось, что досье на мисс Салли Кейл (последний известный адрес – Гонконг), занимающуюся торговлей поддельными предметами искусства и незаконной скупкой и продажей золотых слитков, а также несколько раз замеченную в контрабанде наркотиков, в кои-то веки оказалось на месте, в архивах Цирка, цело и невредимо. И не только это. Кодовая кличка Сэма Коллинза, резидента агентурной сети Цирка во Вьентьяне, мелькала на каждой странице этого досье. Это могло означать, что долгожданная победа не за горами.

Чаепития и умение слушать

Уже после того, как с «делом Дельфина» было покончено, Смайли не раз упрекали, что именно тогда наступил момент, когда ему следовало снова обратиться к Сэму Коллинзу и – не миндальничая и не церемонясь – заставить его рассказать все, – что знает, а он этого не сделал. «Джордж таким образом мог бы значительно ускорить дело, – говорили люди знающие, – и выиграть жизненно важное время».

Чушь! Они сильно все упрощали.

Во-первых, время не играло такой уж существенной роли. Русская «золотая жила» и та операция, за которую переводились деньги, какой бы она ни была, тянулись годами, и можно было предположить, что, если никого не спугнуть, могла бы продолжаться еще столько же. Единственными, кто требовал действий, были влиятельные люди на Уайтхолле, сам Цирк и – косвенно – Джерри Уэстерби, которому пришлось еще пару недель томиться от скуки, доходя до полного одурения, пока Смайли тщательно готовился к следующему шагу. Кроме того, приближалось Рождество, а в это время всех обычно охватывает лихорадочное нетерпение. Ничто не указывало на то, что у самого Ко или в операции, с которой он связан, что-то меняется. «Ко и его русские деньги возвышались перед нами, словно гора, – писал впоследствии Смайли о „деле Дельфина" в своем прошении об отставке. – Мы могли возвращаться к нему, когда нам угодно, проверяя и перепроверяя факты, но мы не могли сдвинуть его с места. Проблема была не в том, как подстегнуть самих себя, а в том, как подтолкнуть Ко к каким-то шагам, которые помогли бы понять его игру».

Вывод ясен: задолго до того, как это осознали все остальные, кроме разве что Конни Сейшес, Смайли уже понял, что девушка может оказаться главным рычагом и поэтому становится самой важной фигурой среди всех остальных действующих лиц – к примеру, гораздо важнее Джерри Уэстерби, которого в любой момент можно было заменить кем-то другим. Это было лишь одной из многих веских причин, почему Смайли решил сам приблизиться к ней настолько, насколько позволяли соображения безопасности. Еще одной причиной явилось то, что сам характер отношений между Сэмом Коллинзом и этой девушкой был по-прежнему неясен. Так легко сейчас, оглядываясь назад, сказать: «Это очевидно», но в тот момент ответ был далеко не так ясен и бесспорен. Кое-что подсказало досье Салли Кейл. Кое о чем Смайли удалось догадаться, заполнив кое-какие пробелы с помощью интуиции и анализа поведения Сэма; быстренько наведя в архивах справки о событиях, имевших место в прошлом, выявили кое-какие факторы, дающие ключ к пониманию проблемы, и нашли, как обычно, целый ряд аналогичных случаев; о многом поведал анализ донесении Сэма о его оперативной работе. Непреложный факт: чем дольше Смайли держал Сэма в стороне, тем ближе подходил к самостоятельному пониманию отношений девушки и Ко, девушки и Сэма – и тем прочнее становились позиции Смайли, с которых он мог вести диалог с Сэмом и требовать от него чего-то, когда они наконец снова встретились.

И кроме того, кто мог наверняка сказать, как повел бы себя Сэм, если бы на него попытались надавить? Правда, у «инквизиторов» случались удачи, но бывали и поражения. А Сэм был очень крепким орешком.

Смайли заботило еще одно немаловажное соображение, хотя великодушие не позволило упомянуть о нем в итоговом документе. В те дни, после краха, много призраков бродило по коридорам Цирка, и один из них – страх, что где-то здесь, в Цирке, затаился тот, кого Билл Хейдон назначил на роль своего преемника, тот, кого Билл сам привел сюда, завербовал и обучил, готовя именно на тот случай, когда он сам по тем или иным причинам сойдет со сцены. Действительно, с самого начала Сэма привлек к работе и продвигал Билл Хейдон. То, что потом Хейдон принес его в жертву, вполне могло быть сделано для отвода глаз. Кто тогда, в атмосфере недоверия и подозрительности мог с уверенностью сказать, что Сэм Коллинз, всячески пытавшийся добиться, чтобы его снова взяли в Цирк, не является тем самым человеком, на котором Хейдон остановил свой выбор и кому хотел передать эстафету предательства?

Вот почему Джордж Смайли надел плащ и снова покинул кабинет. Несомненно, он сделал это с охотой, ведь в душе он по-прежнему оставался оперативником – человеком, который любит делать все сам. Это признавали даже его враги.

В лондонском районе Излингтон (там, где раньше был старый поселок Барнсбери) с утра шел дождь. Смайли появился там, хорошенько подготовив свой визит, чтобы он ни у кого не вызвал лишних вопросов. На мокрых черепичных крышах викторианских коттеджей среди телевизионных антенн дефлекторы на каминных трубах казались птицами, которые нахохлились, чтобы согреться. Дальше, за коттеджами, виднелись очертания большого дома, который начали строить муниципальные власти, но забросили из-за недостатка средств. Его коробка так и возвышалась, окруженная строительными лесами.

– Господин?..

– Стандфаст, – вежливо ответил Смайли из-под зонта.

Достойные люди инстинктивно узнают друг друга. Господину Питеру Уэрдингтону, когда он открыл дверь, достаточно было окинуть беглым взглядом фигуру толстяка в насквозь промокшем плаще на пороге – черный, как у всех чиновников, туго набитый портфель с тиснеными буквами EIIR на пластиковом клапане, слегка неуверенный вид и поношенный костюм, как его добродушное лицо осветилось дружелюбной, приветливой улыбкой.

– Я вас жду. Очень любезно с вашей стороны, что вы пришли. Министерство иностранных дел сейчас ведь находится на Даунинг-стрит? Как вы добирались? Наверное, на метро от Чаринг-Кросс? Проходите, пожалуйста, сейчас я заварю чай.

Это был человек, который раньше работал в частных школах, но потом перешел в государственную систему образования, потому что эта работа приносила ему большее удовлетворение. Негромкий голос, внушающий спокойствие и говорящий о постоянстве и надежности. Даже сама одежда, как заметил Смайли, проходя следом по узкому коридору, говорила о том, что на него можно положиться. Хотя Питеру Уэрдингтону было, наверное, всего тридцать четыре года, его плотный твидовый костюм являл собою категорию вечных – он мог считаться одинаково модным, а скорее, одинаково немодным так долго, как того пожелает владелец. Дом был без сада, окна кабинета выходили прямо на асфальтированную игровую площадку. Массивная решетка защищала окна. Площадка была поделена на две равные части высоким забором из металлической сетки. За ней стояло здание самой школы со множеством архитектурных украшений, построенное в начале века, во времена короля Эдуарда Оно было даже чем-то похоже на здание самого Цирка, но в него можно было заглянуть. Смайли заметил, что на первом этаже стены увешаны детскими рисунками. На втором сквозь окно просматривались деревянные подставки с пробирками для опытов по химии. Сейчас у детей была перемена, и девочки в гимнастических трико играли в мяч на

половине площадки. А мальчики за проволочной сеткой группами стояли на своей половине, как пикетчики у заводских ворот черные – отдельно, белые – отдельно. В кабинете повсюду лежали ученические тетрадки. На стене рядом с камином висел плакат с генеалогическим древом английской королевской семьи, с портретами королей и королев. Небо было затянуто тучами, и поэтому школа выглядела темной, словно поржавевшей.

– Надеюсь, вам не помешает шум, – прокричал Питер из кухни. – Я, по-моему, его теперь просто не замечаю. Вам с сахаром?

– Нет-нет. Без сахара, пожалуйста, – поспешно ответил Смайли с извиняющейся улыбкой.

– Боитесь лишних калории?

– В общем, да. Немного. – Смайли играл самого себя, как говорят в Саррате, только немного утрировал. Чуть-чуть более скромный и неприметный, немножко больше измученный заботами, деликатный, порядочный государственный чиновник, который достиг своего потолка к сорока годам и с тех пор так и остается на той же должности.

– Если хотите, есть лимон! – снова прокричал хозяин из кухни, гремя чашками и блюдцами, с которыми управлялся не слишком ловко.

– Нет-нет, спасибо, не надо! Только молоко.

На полу кабинета, покрытом вытертым ковром, лежали предметы, напоминающие о том, что здесь бывает еще один ребенок, дошкольник: кубики строительного набора и блокнот, исписанный детскими каракулями – бессчетно повторенными буквами Д и А. С лампы свисала картонная рождественская звезда. На грязно-желтых стенах – волхвы и ясли. Питер вернулся в комнату с подносом, на котором стояло все для чая. Мужчина он был большой и нескладный, с вьющимися, рано ставшими седеть каштановыми волосами. Хотя он долго возился с чашками, они были не слишком чистые.

– Вы очень разумно поступили, зайдя во время перерыва, когда я свободен, – сказал он. – Конечно, если можно сказать «свободен», когда нужно еще проверить все это. – Он кивком показал на ученические тетради.

– Я абсолютно уверен, что вас, учителей, сильно недооценивают, – проговорил Смайли, неодобрительно покачивая головой. – У меня у самого есть друзья – преподаватели. Они уверяют, что до полуночи сидят за проверкой тетрадей, и нет причин сомневаться, что так оно и есть.

– Значит, они принадлежат к тем, кто делает это добросовестно.

– Мне кажется, вас тоже можно включить в эту категорию.

Питер Уэрдингтон неожиданно расплылся в улыбке, ему было очень приятно слышать это.

– Боюсь, действительно так. Если уж за что-то берешься, то имеет смысл делать это хорошо, – сказал он, помогая Смайли снять плащ.

– По правде сказать, жаль, что не так уж много людей разделяет эти взгляды.

– Вам самому следовало бы стать учителем, – сказал Питер, и они оба рассмеялись.

– А как вы устраиваетесь с сынишкой? – спросил Смайли, усаживаясь.

– С Яном? Отправляю к бабушке. К моей матери, не ее, – пояснил он, наливая чай. Он протянул чашку Смайли. – А вы женаты? – спросил он.

– Да. Да, женат, и, пожалуй, можно сказать, очень счастлив в браке.

– Дети есть?

Смайли покачал головой и разрешил себе огорченно улыбнуться.

– Увы, – сказал он.

– Дети приносят массу огорчений, – совершенно справедливо заметил Уэрдингтон.

– Наверное, – ответил Смайли. – И все же очень жаль, что у нас нет детей. Это особенно ощутимо в нашем возрасте.

– Вы сказали по телефону, что у вас есть какие-то новости об Элизабет, – сказал Питер. – Я был бы очень благодарен вам, если бы вы рассказали мне то, что вам известно.

– Нет ничего такого, что внушало бы особый оптимизм, – осторожно сказал Смайли.

– Но надежду? Без надежды нельзя.

Смайли наклонился к черному пластиковому портфелю и открыл простенький замочек.

– А теперь я очень просил бы вас немного помочь мне, – сказал он. – Я ничего от вас не скрываю, но мы всегда стараемся исключить малейшие сомнения. Я по натуре человек очень осторожный и не стыжусь в этом признаться. Мы поступаем точно так же, когда получаем сведения об англичанах, умерших в других странах. Мы никогда не говорим ничего определенного, пока не будем а б с о л ю т н о у в е р е н ы. Имена, полученные при крещении, фамилия, полный адрес, дата рождения, если мы можем ее выяснить, – мы считаем своим долгом проверить все, абсолютно все. Просто чтобы иметь полную уверенность. Но, конечно, не причину, мы не устанавливаем причину – это дело местных властей.

– Спрашивайте, – с искренней готовностью сказал Уэрдингтон.

Заметив некоторую напряженность в его голосе, Смайли поднял голову и посмотрел на него, но честное лицо хозяина было повернуто от него, он делал вид, что внимательно рассматривает сваленные в углу старые пюпитры для нот.

Послюнявив большой палец, Смайли с деловым видом открыл досье, лежавшее у него на коленях, и перевернул несколько страниц. Это было досье Министерства иностранных дел с пометкой «Лица, местонахождение которых неизвестно». Лейкон раздобыл это досье у Эндерби под каким-то предлогом.

– Вы не возражаете, если мы пройдемся по всем деталям с самого начала? Разумеется, важны не все, а наиболее существенные. Я думаю, нет нужды повторять, что, если вы не захотите отвечать на какие-то вопросы, – это ваше право. Моя проблема в том, что я, видите ли, обычно этим не занимаюсь. Мой коллега Уэндовер, с которым вы встречались, сейчас, к сожалению, болен, а вы ведь знаете, мы не всегда тщательно оформляем бумаги и фиксируем а б с о л ю т н о в с е. Он – замечательный человек, но когда дело доходит до составления отчетов, на мой взгляд, он чересчур краток. Я не говорю, что небрежен, – упаси меня Бог! – совсем нет, но иногда из составленных им бумаг не очень легко понять, что за человек описан, каков по характеру, каковы его взгляды…

– Я всегда был абсолютно откровенен с вами. Всегда, – с некоторой досадой произнес учитель, все еще стоя лицом к груде пюпитров. – Таковы мои принципы.

– А я со с в о е й стороны могу заверить вас, что мы, в нашем министерстве, никогда не злоупотребляем оказанным нам доверием.

Вдруг стало очень тихо. До этого самого момента Смайли даже и в голову не приходило, что крики детей могут действовать так успокаивающе, а теперь, когда они прекратились и игровая площадка опустела, у него появилось ощущение, что чего-то не хватает. Прошло несколько минут, прежде чем он привык к тишине.

– Перемена закончилась, – объяснил Питер с улыбкой.

– Что вы сказали?

– Перемена. Когда дети пьют молоко с булочками. Благодаря налогам, которые мы все платим.

– Ну, во-первых, согласно записям моего коллеги Уэндовера – еще раз хочу подчеркнуть, что я отнюдь не критикую его, – в данном случае нет никаких оснований подозревать, что миссис Уэрдингтон ушла из дома по чьему-то принуждению… Нет, сначала выслушайте меня, пожалуйста. Дайте мне объяснить, что я имею в виду, когда так говорю. Пожалуйста. Она ушла добровольно. Она ушла из дому сама. Ее никто не пытался уговорить или обманом заставить сделать это, никто и никоим образом не оказывал на нее давления, действуя с противоправными намерениями. Такого давления, которое – скажем так – могло бы со временем и в установленном порядке стать предметом судебного разбирательства, ходатайствовать о возбуждении которого могли бы вы или другие лица против третьего лица, в настоящий момент пока не установленного?

Смайли знал, что чужое многословие вызывает у тех, кому приходится его терпеть, почти невыносимое желание говорить самому. И если они не прерывают вас прямо, то, по крайней мере, отвечают потом с большей страстью, словно давая выход долго сдерживаемой энергии. А Питер Уэрдингтон, будучи учителем и директором школы, отнюдь не привык выступать в роли слушателя.

– Она уехала одна, совершенно одна, и я считал, считаю и всегда буду считать, что она имела полное право так поступить. Если бы она уехала не одна, если бы это было связано с кем-то еще, с мужчиной, – видит Бог, все мы грешные люди, – это не имело бы абсолютно

никакого значения. Достаточно ли полно я ответил на ваш вопрос? Дети имеют право на то, чтобы у них были и отец, и мать, – закончил он утверждением, с которым трудно спорить.

Смайли усердно записывал, но делал это очень медленно. Питер побарабанил по колену, потом захрустел костяшками пальцев, одним за другим, словно дал автоматную очередь, – это выдало его внутреннее нетерпение.

– Так, а теперь скажите мне, пожалуйста, господин Уэрдингтон, обращались ли вы с заявлением о том, чтобы официально было принято решение, что на вашем попечении остается…

– Мы всегда знали, что рано или поздно она покинет нас. Это подразумевалось. Я был ее якорем. Она называла меня «мой якорь». Или «директор школы». Я не возражал. Она не хотела меня обидеть. Просто она не могла заставить себя сказать «Питер». Она любила меня как идею. Не как человека, тело, душу, личность, даже не как партнера. А как идею, необходимое дополнение к личности, чтобы она могла чувствовать свою человеческую завершенность, Я могу это понять. Так выражалась ее неуверенность в себе, нужно было, чтобы ею восхищались. Если она хвалила кого-то, это было потому, что она хотела в ответ услышать похвалу себе.

– Понимаю, – сказал Смайли и снова что-то записал, как будто подписываясь под мнением, высказанным Питером.

– Я хочу сказать, что никто, женившись на Элизабет, не мог бы надеяться, что она будет полностью принадлежать ему. Это было бы противоестественно. Теперь я смирился с такой мыслью. Даже маленький Ян должен был называть ее Элизабет. И это я тоже понимаю. Она не могла вынести ощущение несвободы, которое создает слово «мама». Когда ребенок бежит за ней и зовет «мама». Это было слишком невыносимо. Тут уж ничего не поделаешь, это я тоже могу понять. Могу представить себе, что вам, поскольку у вас нет детей, трудно понять, как женщина, какой бы она ни была, мать, которую любят, о которой заботятся, которой даже не приходится работать и зарабатывать деньги, может так просто бросить своего собственного ребенка и до сих пор с того самого дня не прислать ему ни одной открытки. Возможно, вам это кажется непонятным и даже отталкивающим. Ну что ж, я смотрю на это иначе. Тогда – да, можете не сомневаться – мне было очень тяжело. – Он перевел взгляд на игровую площадку. Уэрдингтон говорил спокойно, в его голосе не было ни малейшего намека на жалость. Он мог бы так разговаривать с кем-то из своих учеников. – Мы пытаемся учить наших ребят тому, что все люди свободны. Свобода в рамках исполнения своих гражданских обязанностей. Пусть они развивают свою индивидуальность. Как мог я объяснить ей, кто она есть? Я просто хотел быть рядом – вот и все. Быть другом Элизабет. Ее долгим привалом: это еще одно словечко, которое она для меня придумала. «Мой долгий привал». Самое главное заключается в том, что у нее не было необходимости уходить. Она могла это делать здесь. Рядом со мной. Знаете, женщинам нужна какая-то опора. Без такой опоры…

– И вы с тех пор так и не получали никаких известий от нее самой? – мягко спросил Смайли. – Ни письма, ни открытки для Яна абсолютно ничего?

– Ни строчки, Смайли записал что-то.

– Господин Уэрдингтон, не знаете ли вы, бывало ли когда-нибудь, чтобы ваша жена использовала какое-нибудь другое имя или фамилию?

Почему-то этот вопрос активно не понравился Питеру Уэрдингтону и похоже было, даже привел его в весьма раздраженное состояние. Он возмутился, как будто ученик ему нагрубил на уроке, и поднял указательный палец, требуя тишины. Но Смайли поспешил продолжить:

– Например, свою девичью фамилию? Или, может быть, вашу фамилию в укороченном варианте, чтобы в неанглоговорящей стране было проще…

– Нет. Нет, нет и еще раз нет. Никогда. Вы должны понять то, что лежит в основе психологии человеческого поведения. О ней можно было бы писать в учебнике по психологии – классический случай: она не могла дождаться, когда сможет избавиться от родительской

фамилии. Одна из главных причин, почему она вышла за меня замуж, – чтобы получить нового отца и новую фамилию. А когда она всего этого добилась, с какой стати было от этого отказываться? То же самое с ее фантазиями – с дикими, совершенно невероятными историями, которые она сочиняла и рассказывала. Она пыталась убежать из привычного окружения. А когда это произошло, когда она добилась этого, найдя меня, и обрела стабильность, которую я воплощаю, естественно, необходимость быть кем-то еще отпала. Она самореализовалась. Так почему же надо было уходить?

И снова Смайли не стал спешить. Он взглянул на собеседника, словно сам не зная, чего хочет, потом посмотрел в досье, перевернул последнюю страницу, водрузил на нос очки и перечитал последнюю запись – ясно было, что делает он это не в первый раз.

– Господин Уэрдингтон, если наша информация точна, а у нас есть все причины полагать, что это именно так, я бы сказал, что мы, по самым осторожным оценкам, процентов на восемьдесят уверены в этом. Да, я бы взял на себя смелость заявить это: ваша жена в настоящее время живет под фамилией Уэрд. И, что довольно любопытно, использует имя с немецким написанием – Л-И-З-А. Как мне говорили, произносится онотоже на немецкий лад – Лиза, а не Лайза. Я хотел бы знать, не можете ли вы подтвердить или опровергнуть это предположение, а также информацию, что она весьма активно занимается ювелирным делом и коммерцией на Дальнем Востоке и ведет дела в Гонконге и других крупных городах. Судя по имеющейся информации, она не стеснена в средствах, занимает видное положение в обществе и принята в достаточно высоких кругах.

Было очевидно, что Питер Уэрдингтон мало что понял из сказанного. Он уселся на пол – колени торчали так высоко, что мешали ему, и он никак не мог их опустить. Еще раз похрустев пальцами, он с досадой взглянул на пюпитры в углу, похожие на сваленные в кучу скелеты, и попытался заговорить прежде, чем Смайли закончил.

– Послушайте. Я прошу вот о чем. Чтобы любой, кто будет вступать в контакт с ней, правильно сформулировал главное. Я прошу, не надо воздействовать на ее чувства или взывать к ее совести. Это исключено. Нужно четко и ясно сказать, что ей предлагается, и еще, что ей будут рады. Вот и все.

Смайли, чтобы скрыть неловкость, сделал вид, что очень заинтересовался какими-то бумагами в досье.

– Ну, прежде чем мы дойдем до э т о г о, не могли бы мы еще немного разобраться с фактами и уточнить кое-что?

– Н е т никаких фактов, – резко ответил Уэрдингтон, снова попадая во власть раздражения. – Просто есть два человека. Сейчас, с Яном, три. А фактов в таких делах просто н е б ы в а е т. Н и в о д н о м, браке. Вот чему учит нас жизнь. Все отношения между людьми абсолютно субъективны. Вот я сейчас сижу на полу. Это – факт. Вы пишете. Это – факт. Ее мать все время мутила воду. Это – факт. Вы следите за моей мыслью? Ее отец – сумасшедший тип с буйной фантазией, которого давно пора отправить в психушку. Это – факт. Элизабет – не дочь царицы Савской и не незаконный отпрыск Ллойд Джорджа, что бы она там ни говорила. У нее нет диплома о прохождении курса санскрита, как она заявляла одной учительнице, в чем та по сей день уверена. «Когда же мы будем иметь удовольствие снова встретиться с вашей очаровательной женой, знатоком Востока?» Она знает о ювелирном деле ничуть не больше меня. И это – факт.

– Давайте уточним время и место некоторых событий, – произнес Смайли, словно разговаривая сам с собой. – Если можно, я хотел бы для начала проверить их.

– К вашим услугам, – послушно согласился Питер и подлил Смайли чаю из зеленого металлического чайника. Мел, которым школьные учителя пишут на доске, глубоко въелся в кончики пальцев его больших рук и казался такой же неотъемлемой частью его внешности, как и седина в волосах. – Правда, боюсь, на самом деле всю эту чепуху вбила ей в голову ее

мать, – продолжал он тем же совершенно разумным тоном. – Все эти настойчивые попытки добиться, чтобы она стала актрисой, потом – балериной, потом – пристроить ее на телевидение… Мать всегда хотела, чтобы ее дочерью восторгались. Разумеется, потому, что она сама не сумела этого добиться. Все это совершенно естественно и психологически объяснимо. Почитайте Берна. Почитайте кого угодно. Это просто ее способ выразить свою индивидуальность. Через дочь. К этому нужно относиться с пониманием и уважением. Теперь-то я все это понимаю. С ней все в порядке, со мной все в порядке, со всем остальным миром все в порядке, с Яном все в порядке, и вдруг в какой-то момент она исчезает.

– Да, кстати, а вы не знаете, случайно, не пишет ли она матери?

Питер покачал головой.

– Мне жаль вас огорчать, но уверен, что нет. Ко времени своего отъезда она все поняла и не питала никаких иллюзий на ее счет. Полностью прекратила всякие отношения. Вот уж что я с полной уверенностью могу сказать, так это то, что в этом я ей помог, – барьер она преодолела. Единственное, что я сумел сделать, чтобы она стала хоть чуточку счастливее.

– Мне кажется, у нас нет адреса ее матери, – сказал Смайли, листая страницы досье. – Не могли бы вы…

Уэрдингтон громко, с расстановкой продиктовал ему адрес, как будто диктант ученикам.

– А теперь время и место некоторых событий, – повторил Смайли. – Пожалуйста.

Она ушла от него два года назад. Несчастный супруг назвал не только день, но даже и час, когда это произошло. Не было никакой ссоры – он терпеть не может ссор, – Элизабет слишком часто получала это удовольствие от матери, – они очень хорошо и спокойно провели тот вечер, можно даже сказать, как-то особенно хороша. Им захотелось какого-нибудь разнообразия, он повел ее ужинать в ресторан.

– Может быть, вы заметили его по дороге сюда? «Кноссос», рядом с «Экспресс Дэйри», кафе-молочной.

Они выпили вина, и вечер удался на славу. Эндрю Уилтшир, новый преподаватель английского, составил им компанию. Элизабет всего за несколько недель до этого заинтересовала Эндрю йогой. Они ходили вместе на занятия в центр Собелл и очень подружились.

– Она по-настоящему прониклась йогой, – сказал он тогда, одобрительно кивая седой головой. – Эндрю умел разговорить ее. Не слишком сосредоточен на себе и своих переживаниях, не склонен к самокопанию, какой-то очень земной…

Они вернулись домой втроем, он сам, Эндрю и Элизабет, в десять часов, потому что надо было отпустить няню, которая оставалась с ребенком, объяснил Уэрдингтон. Он сварил кофе, они послушали музыку, и около одиннадцати Элизабет поцеловала их обоих и сказала, что сходит к матери – узнает, как у нее там дела.

– Мне казалось, вы говорили, что она прервала всякие отношения со своей матерью, – мягко возразил Смайли, но Питер сделал вид, что не услышал его.

– Конечно, поцелуи для нее ничего не значат, – пояснил Уэрдингтон, чтобы ввести Смайли в курс дела. – Она целует всех – учеников, своих подружек, – она могла бы поцеловать мусорщика на улице – да кого угодно. У нее очень открытый и дружелюбный характер. Я повторяюсь, но еще раз скажу: она просто не может пройти мимо кого-нибудь. Я хочу сказать, что когда она встречается с какими-то людьми и у нее возникают какие-то – абсолютно любые – отношения с ними, онадолжна непременно покорить их. Даже со своим собственным ребенком, с официантом в ресторане… а потом, когда она добьется своего, они становятся ей скучны. Естественно. Она пошла наверх, взглянула на Яна и наверняка тогда же взяла в спальне свой паспорт и хозяйственные деньги. Она оставила записку, в которой было одно только слово – «Извините», и с тех пор я ее не видел. И Ян тоже.

– Э-э, а не получал ли Э н д р ю каких-нибудь известий от нее? – поинтересовался Смайли, снова поправив очки.

– С какой стати он должен был что-то получать?

– Вы сказали, что они были друзьями, господин Уэрдингтон. Иногда третьи лица играют важную роль в таких делах.

На слове " д е л а " он поднял голову и встретился со страдальческим взглядом честных глаз Питера Уэрдингтона: на мгновение с обоих словно сорвали маски. Кто за кем наблюдает? Смайли за Питером или наоборот? Возможно, все это – плод воображения, воображения человека, пережившего предательство и теперь всегда ожидающего предательского удара. Или он на самом деле ощутил, что между ним и этим слабым человеком на другом конце комнаты существует какое-то смутно осознаваемое родство страдающих душ? «Вам нужно создать л и г у обманутых мужей, которые полны жалости к себе. Вы все полны этого наводящего тоску ужасного сострадания!» – как-то раз бросила ему Энн.

«Ты никогда не знал свою Элизабет, – подумал Смайли, все еще глядя на Питера Уэрдингтона, – а я так никогда и не узнал свою Энн».

– Вот и все, что я могу вспомнить, – сказал Питер. – После этого – провал в памяти.

– Да, – откликнулся Смайли и, сам того не замечая, прибег к спасительной фразе, которую не раз в течение их разговора произнес Уэрдингтон. – Да, я понимаю.

Он встал, собираясь уходить. На пороге комнаты, в дверях, стоял маленький мальчик. У него был уклончивый и враждебный взгляд. Полная безмятежная женщина стояла сзади, поддерживая его за кисти поднятых кверху рук: казалось, она держит его на весу, но на самом деле он стоял на ногах.

– Посмотри, вот и папа, – сказала женщина, глядя на Уэрдингтона приветливыми карими глазами.

– Привет, Дженни. Это господин Стандфаст из Министерства иностранных дел.

– Здравствуйте, – вежливо поздоровался Смайли. Они обменялись еще несколькими ничего не значащими фразами; Смайли пообещал, что, если у них появится какая-нибудь новая информация, он сразу же даст знать, и через несколько минут откланялся.

– Счастливого вам Рождества, – прокричал ему вслед Питер.

– Да-а, конечно. И вам тоже. Всем вам тоже очень счастливого Рождества. И не только этого, но и многих других.

В придорожном кафе обязательно кладут в чай сахар, если специально не попросишь не делать этого. Каждый раз, когда женщина-индианка наливала чай, маленькая кухонька наполнялась паром. Мужчины, сидевшие по двое и по трое, молча ели свой завтрак, обед или ужин в зависимости от того, когда у каждого из них начался этот день. Здесь тоже чувствовалось приближение Рождества. Шесть засаленных разноцветных стеклянных шаров висели над прилавком для создания праздничной атмосферы, к стене был прибит сетчатый чулок – с просьбой о пожертвованиях для парализованных детей. Смайли держал перед собой вечернюю газету, но не читал ее. В углу, не далее чем в четырех метрах от него, маленький Фон занял классическую позицию «дядьки», приглядывающего за подопечным. Его темные глаза дружелюбно улыбались всем посетителям и входной двери. Он брал чашку левой рукой, а правую держал почти прижимая к груди – без явной цели, просто так. «Сиживал ли вот так когда-нибудь Карла, – подумал Смайли. – Искал ли иногда убежища среди тех, кто далек от его мира?» Босс иногда тоже прибегал к этому. Босс создал для себя целую жизнь – вторую, третью или четвертую – в двухкомнатной квартирке на верхнем этаже, рядом с Западным обводным каналом. Там его знали как господина Мэтьюза, причем это имя не было

зарегистрировано у «домоправителей» в качестве одной из нескольких фамилий, которыми он пользовался. Конечно, сказать «целая жизнь» было бы преувеличением. Но он держал там какую-то одежду, там жила женщина – сама миссис Мэтьюз, и у них даже была кошка. Рано утром по четвергам он брал уроки игры в гольф в клубе ремесленников, а сидя за письменным столом в Цирке, он с презрением отзывался о черни и голытьбе, о гольфе и любви и обо всех остальных недостойных интересах и стремлениях, которые в глубине души его влекли. Он даже взял в аренду садовый участок, припомнил Смайли, рядом с запасными железнодорожными путями. Миссис Мэтьюз настояла на том, чтобы Смайли поехал с ней в ее ухоженном автомобиле «моррис» посмотреть на него. Это было в тот день, когда он сообщил ей печальную новость. Участок был такой же, как и все остальные, и там царил такой же беспорядок: росли непременные розы, хранились заготовленные на зиму овощи, которые никогда не использовались, а сарайчик для садового инвентаря был забит шлангами и коробочками из-под семян.

Миссис Мэтьюз была вдовой, мягкой и уступчивой, но умеющей справляться с жизненными невзгодами.

– Е д и н с т в е н н о е, что я хочу знать, – сказала она тогда, прочитав сумму на чеке, – е д и н с т в е н н о е, что я хочу знать наверняка, господин Стандфаст: он д е й с т в и т е л ь н о умер или просто вернулся к своей жене?

– Он действительно умер, – заверил ее Смайли, и она ему поверила, и была очень благодарна. Он не стал добавлять, что жена Босса окончила свой земной путь одиннадцать лет назад и до самого своего конца не сомневалась, что ее муж чем-то там занимается в Управлении угольной промышленности.

Приходилось ли Карле придумывать, как убедить в необходимости чего-нибудь членов какого-нибудь комитета? Приходилось ли ему участвовать в хитроумных заговорах, обманывать глупых, льстить умным, узнавать себя в кривых зеркалах типа Питера Уэрдингтона – и все это ради того, чтобы сделать свое дело?

Он взглянул на часы, потом на Фона. Телефон-автомат висел рядом с туалетом. Но когда Смайли попросил хозяина кафе разменять деньги, чтобы позвонить, тот отказал на том основании, что очень занят.

– Эй ты, ублюдок, кончай выкобеннваться, дай ему монеты! – прикрикнул шофер-дальнобойщик, с головы до ног одетый в кожу.

Хозяин беспрекословно повиновался.

– Как все прошло? – спросил Гиллем, ответивший по прямому городскому аппарату.

– Очень хорошая информация о прошлом, – ответил Смайли.

– Гип-гип ура, – отозвался Гиллем.

Еще одним обвинением, которое впоследствии выдвигали против Смайли, было то, что он тратил свое драгоценное время на второстепенные дела, вместо того чтобы поручить их кому-нибудь из подчиненных.

На северной окраине Лондона, рядом с площадкой для гольфа «Таун энд Кантри» (Город и деревня (а н г л.)), находятся жилые дома, которые похожи на палубные надстройки постоянно тонущих кораблей. Они стоят на дальнем краю продолговатых лужаек, где цветы почему-то никогда по-настоящему не цветут, мужья по утрам, примерно в восемь тридцать, садятся в спасательные шлюпки и в спешке уплывают, а женщины и дети проводят день на плаву, пока не возвратятся мужчины – слишком усталые, чтобы еще куда-нибудь плыть. Эти дома были построены в тридцатые годы, с тех пор они так и остались грязно-белыми. Их прямоугольные окна со стальными переплетами выходят прямо на площадку для гольфа, покрытую сочной зеленой травой, которая время от времени колышется от ветра, и женщины с козырьками, защищающими глаза от солнца, в будние дни бродят здесь, словно заблудшие

души. – Один такой дом называется «Аркади Мэншэнс», и семья Пеллинг живет в квартире семь, из окон которой виден краешек площадки около девятой лунки. Когда буковые деревья вокруг покрываются листвой, площадку не видно.

Смайли позвонил, он не услышал внутри ничего, кроме тоненького потренькивания электрического звонка: ни звука шагов, ни лая собаки, ни музыки. Дверь открылась, и мужской надтреснутый голос вопросительно сказал из темноты:

– Да?

На самом деле голос принадлежал сутулой женщине высокого роста. В руке она держала сигарету.

– Меня зовут Оутс, – сказал Смайли, протягивая большую зеленую визитную карточку. Другая легенда, другое имя.

– А, это вы! Заходите. Поужинаете, посмотрите представление. По телефону ваш голос кажется моложе, – проговорила она низким, прокуренным голосом, стараясь поддерживать светскую беседу. – Он дома. Он думает, что вы – шпион, – сообщила она, покосившись на зеленую карточку. – Но вы же не шпион, правда?

– Конечно нет, – ответил Смайли. – Должен разочаровать вас – не шпион. Всего-навсего сыщик.

Квартира, казалось, состояла из одних коридоров. Женщина шла впереди, указывая дорогу и оставляя за собой запах джина. Она приволакивала одну ногу, правая рука безжизненно висела. «Инсульт», – догадался Смайли. Она была одета так, как будто никто и никогда не восхищался ее ростом и не обращал внимания на то, что она – женщина. Как будто ей самой было все равно. Туфли без каблуков и мужской свитер, перетянутый ремнем, из-за чего плечи казались очень широкими.

– Он говорит, что никогда о вас не слышал. Он проверил по телефонному справочнику – вы просто не существуете.

– Мы предпочитаем держаться в тени, – ответил Смайли. Она резко распахнула дверь.

– Он существует, – громко сообщила женщина – И он – не шпион, а сыщик.

В кресле у противоположной стены мужчина читал «Дейли телеграф», держа газету перед самым лицом, так что Смайли мог видеть только лысую голову, домашний халат и короткие скрещенные ноги в домашних кожаных шлепанцах; но почему-то он сразу понял, что мистер Пеллинг принадлежит к той категории людей маленького роста, которые женятся только на высоких женщинах. В комнате было все, что могло бы ему понадобиться для автономного выживания. Его телевизор, его кровать, его одноконфорочная газовая плита; стол, за которым можно есть, и мольберт для рисования. На стене висела раскрашенная фотография, цвета были немного ярковаты, – портрет очень красивой молодой девушки с небрежной надписью на одном из уголков – так кинозвезды оставляют автограф, желая любви простым смертным, не принадлежащим к их кругу избранных. Смайли узнал в девушке Элизабет Уэрдингтон. Он уже видел достаточно много ее фотографий.

– Господин Оутс, разрешите представить вам Нанка, – сказала по всем правилам женщина и только что не сделала реверанса.

«Дейли телеграф» медленно опустилась, словно гарнизонный флаг с мачты, и за газетой оказалось сердитое блестящее маленькое лицо с густыми бровями, в очках, какие обычно носят бизнесмены.

– Да. Так кто вы такой? Поточнее, пожалуйста, – потребовал ответа господин Пеллинг. – Вы из Секретной службы или нет? Не виляйте, говорите все начистоту, и покончим с этим. Видите ли, я не люблю сыщиков. Что это такое?

– Это его визитка, – объяснила госпожа Пеллинг, протягивая ему карточку. – Зеленого цвета.

– Ага, так у нас происходит обмен нотами? И мне тоже нужна визитная карточка, да, Сесс? Тебе придется заказать их для меня, моя дорогая. Будь любезна, зайди, пожалуйста, к Смиту.

– Вы любите ч а й ? – спросила миссис Пеллинг у Смайли, склонив голову к плечу и глядя на него сверху вниз.

– Зачем ты предлагаешь ему чай? – недовольно спросил господин Пеллинг, глядя, как она включает в розетку электрический чайник. – Ему не нужен чай. Он не гость. Он даже не из разведки. Я его не приглашал. Можете остаться у нас на недельку, – обернулся он к Смайли. – Можете переехать к нам, если хотите. Можете занять ее кровать. Что это за организация у вас «Обеспечение безопасности при торговле слитками. Консультанты». Ничего себе названьице!

– Он хочет поговорить о Лиззи, дорогой, – сказала миссис Пеллинг, ставя перед мужем поднос с чаем. – Ну пожалуйста, постарайся хоть раз вести себя как любящий и заботливый отец.

– Да уж, много вам будет пользы от ее кровати, – пробормотал мистер Пеллинг, снова берясь за свою газету.

– Ты всегда умеешь сказать доброе слово, – сказала миссис Пеллинг и коротко рассмеялась. В этом смехе были слышны отголоски крика птицы. Ей вовсе не хотелось смеяться.

Наступила неловкая тишина.

Женщина передала Смайли чашку чаю. Приняв ее, он обратился к газете, закрывавшей мистера Пеллинга. Сэр, сейчас кандидатура вашей дочери Элизабет рассматривается в связи с возможным назначением на очень ответственную должность в крупной компании, осуществляющей деятельность за границей. В нашу организацию обратились с конфиденциальной просьбой – что является рутинной, но исключительно важной и необходимой процедурой в наши дни – навести справки у друзей и родственников Элизабет в Англии, чтобы составить представление о том, каковы ее деловые и человеческие качества.

– Это значить побеседовать с нами, дорогой, – сочла необходимым пояснить миссис Пеллинг на случай, если бы муж вдруг не понял.

Газета полетела в сторону.

– Уж не хотите ли вы сказать, что моя дочь не обладает необходимыми деловыми и человеческими качествами? На это вы намекаете, сидя здесь и распивая чай в моем доме?

– Нет, сэр, – ответил Смайли.

– Нет, сэр, – повторила следом за ним миссис Пеллинг, не придумав ничего лучше.

На этот раз молчание тянулось довольно долго.

– Мистер Пеллинг, – наконец сказал Смайли терпеливо, но твердо, – насколько я знаю, вы проработали много лет в Управлении почт и телеграфа и, поднявшись по ступеням служебной лестницы, занимали высокий и ответственный пост.

– О да, много-много лет, – согласилась миссис Пеллинг.

– Я работал, – ответил мистер Пеллинг, снова скрывшись за своей газетой. – Сейчас в мире слишком много говорят. А вот работают мало.

– Брали ли вы на работу в свой отдел преступников? Газета зашуршала, но вскоре шуршание прекратилось.

– Или коммунистов? – спросил Смайли, по-прежнему очень мягко.

– Если это и происходило по недосмотру, мы живо избавлялись от них, – ответил мистер Пеллинг, и на этот раз газета, опустившись, осталась у него на коленях.

Миссис Пеллинг щелкнула пальцами.

– Вот так, – сказала она.

– Мистер Пеллинг, – продолжал говорить Смайли тоном доктора, разговаривающего со своим пациентом, – вашу дочь собираются назначить на очень важный пост в одной из крупнейших компаний на Востоке. Она будет заниматься воздушными перевозками, и в силу занимаемой должности ей будет заранее известно о транспортировке больших партий золота в Англию и из Англии, а также о поездках дипломатических курьеров и перевозке документов, составляющих государственную тайну. Эта работа очень хорошо вознаграждается. Я считаю вполне разумным – и уверен, что вы со мной согласитесь, – что она должна пройти все процедуры проверки, которые в таких случаях проходят другие кандидаты на такие ответственные – и весьма завидные – посты.

– А на кого работаете вы? – спросил мистер Пеллинг. – Вот что я хотел бы знать. Кто поручится, что вы – человек ответственный?

– Нанк, – с мольбой в голосе сказала миссис Пеллинг, – ну кто может поручиться в таком деле?

– Не мешай мне высказаться! Я уже много лет Нанк! Лучше налей ему еще чаю. Хозяйка ты или нет? Ну так и веди себя, как положено хозяйке. Им всем уже давным-давно следовало бы воздать Лиззи по заслугам, и я не делаю секрета из того, что я очень недоволен тем, что это не произошло раньше, особенно если учесть, чем они ей обязаны.

Мистер Пеллинг возобновил изучение внушительной визитной карточки Смайли.

– "Корреспондентские отношения с фирмами в Азии, США и на Ближнем Востоке". Это что же, друзья по переписке? Головная контора на улице Саут-Молтон-стрит. Телефон. Для справок такой-то. И кто же мне ответит, если я туда позвоню? Надо полагать, ваш соучастник, помогающий в осуществлении преступного замысла?

– Если контора на Саут-Молтон-стрит, то все д о л ж н о быть в порядке, – заметила миссис Пеллинг.

– Власть без ответственности. – Мистер Пеллинг набрал номер. Он гнусавил, как будто кто-то зажал ему нос пальцами. – Ох, не нравится мне все это, ох, не нравится.

– С о т в е т с т в е н н о с т ь ю, – поправил его Смайли. – Мы, как компания, гарантируем возмещение убытков, в случае если наши клиенты пострадают из-за нечестности сотрудников, которых мы рекомендуем. И мы сами соответствующим образом застрахованы.

После того как Пеллинг набрал номер, прозвучало пять гудков, и только потом ответили операторы Цирка. Смайли оставалось молиться, чтобы не произошло какого-нибудь сбоя.

– Соедините меня с исполнительным директором, – властно приказал мистер Пеллинг. – Меня не волнует, что у него совещание! У него есть имя? Как его зовут? Ну так вот вы скажите мистеру Эндрю Форбсу-Лайлу, что мистер Хамфри Пеллинг желает побеседовать лично с ним. Прямо сейчас.

Долгое ожидание.

Х о р о ш о с р а б о т а н о, – думал Смайли. – З д о р о в о п р и ду м а н о.

– Говорит Пеллинг. Ко мне пришел человек, который называет себя Оутс. Он сейчас сидит передо мной. Невысокий, толстый, нервничает. Как я должен к нему отнестись?

Смайли в трубке был немного слышен голос Питера Гиллема – зычный, с командирскими нотками, внушающий Пеллингу, что он должен отнестись к мистеру Оутсу с полным почтением, разве что не требующий, чтобы Пеллинг вставал, обращаясь к нему. Тот закончил разговор и положил трубку, немного успокоенный.

– А Лиззи знает, что вы должны с нами встретиться? – спросил он.

– Вот уж она посмеялась бы, если бы знала, – сказала жена.

– Возможно, она даже не знает о том, что ее кандидатура рассматривается в связи с этим назначением, – сказал Смайли. – В последнее время тенденция такова, что все чаще человеку предлагают пост уже после того, как проведена всесторонняя проверка.

– Нанк, это все ради Лиззи, – напомнила ему миссис Пеллинг. – Ты же сам знаешь, что по-прежнему любишь ее, хотя мы ничего не получали от нее уже целый год.

– Вы никогда не пишете ей? – с сочувствием спросил Смайли.

– Она так захотела, – ответила миссис Пеллинг, бросив взгляд на мужа.

С губ Смайли сорвался какой-то непонятный звук. Это могло быть и выражение сожаления, но на самом деле он испытал облегчение.

– Налей ему еще чаю, – приказал мистер Пеллинг. – Не видишь? Он уже давно все выпил.

Он еще раз испытующе посмотрел на Смайли.

– И все-таки даже сейчас я не уверен, что он не из Секретной службы, – сказал он. – Действительно, в нем нет блеска и лоска, но, может быть, это так и задумано.

Смайли принес с собой несколько разных бланков. Сотрудник типографии Цирка на скорую руку изготовил их вчера на светло-желтой бумаге – и попал в самую точку, потому что, как выяснилось, в мире мистера Пеллинга бланки придавали всем и законный вид и респектабельность, а светло-желтый цвет он считал самым подходящим. Двое мужчин занялись заполнением бланков, как два друга вместе разгадывают кроссворд. Мистер Пеллинг карандашом писал ответы на вопросы, Смайли пристроился рядом, а жена мистера сидела напротив, устремив взгляд в окно, сквозь серые тюлевые занавески, и все время крутила на пальце обручальное кольцо. Они записали дату и место рождения.

– Здесь же, немного дальше по улице, в родильном доме «Александра». Теперь его уже нет, снесли – да, Сесс? – и построили там одно из этих кафе-мороженых.

Они записали, где она училась, и мистер Пеллинг изложил свои взгляды на этот предмет.

– Я никогда не оставлял ее подолгу в одной школе – правда, Сесс? Чтобы сохранялась живость ума. Чтобы не засасывала рутина. Я всегда говорил, что перемена окружающей обстановки – это все равно что каникулы. Так ведь, Сесс?

– Он прочитал очень много книг о воспитании и образовании, – сказала миссис Пеллинг.

– Мы поженились поздно, – сказал он, словно объясняя ее присутствие.

– Мы хотели, чтобы она поступила на сцену, – сказала она. – Он, помимо всего прочего, хотел быть ее импрессарио.

Он записал еще несколько дат. Она посещала занятия в Школе драматического искусства и секретарские курсы.

– Хорошее воспитание и общий кругозор, – сказал мистер Пеллинг, – а не образование – вот во что я верю. Старался дать ей возможность узнать понемногу обо всем. Чтобы она разбиралась в жизни. Чтобы она умела держаться в обществе.

– О, она умеет держаться, – закивала миссис Пеллинг и издала какой-то непонятный горловой звук, выдохнув целое облако сигаретного дыма. – И в ж и з н и р а з б и р а е т с я.

– Но она так и н е о к о н ч и л а секретарские курсы? – спросил Смайли, проводя пальцем по списку. – И Драматическую школу тоже.

– В этом не было необходимости, – ответил мистер Пеллинг.

Они дошли до графы о предыдущих местах работы. Мистер Пеллинг перечислил не меньше полудюжины в Лондоне и поблизости – ни на одном месте она не держалась больше полутора лет.

– Работа везде была очень неинтересная, – с приятной улыбкой объяснила миссис Пеллинг.

– Она просто хотела оглядеться, – снисходительно объяснил ее муж. – Она хотела присмотреться ко всему, почувствовать, что держит руку на пульсе жизни, прежде чем брать на себя серьезные обязательства. Я так ей посоветовал, правда, Сесс? Они все хотели, чтобы она осталась, но я не попался на эту удочку. – Он дотронулся рукой до плеча жены. – И не

говори, что это в конечном счете не оправдало себя! – возбужденно прокричал он. – Даже если нам не разрешено вслух говорить об этом!

– Ей больше всего нравился балет, – сказала миссис Пеллинг. – Ей нравилось учить детей. Она обожает детей. Просто обожает их.

Это вызвало у мистера Пеллинга сильнейшее раздражение.

– Она делает к а р ь е р у, Сесс, – заорал он, стукнув себя по колену. – Господи Всемилостивый! Глупая ты женщина: ты что, хочешь, чтобы она к нему вернулась? Ты этого хочешь?

– Скажите, пожалуйста, а чем именно она занималась на Ближнем Востоке? – спросил Смайли.

– Училась. В школах бизнеса. Учила арабский язык, – сказал мистер Пеллинг и вдруг словно раздался в плечах и стал выше ростом. К удивлению Смайли, он даже встал с кресла и, властно жестикулируя, начал мерить комнату шагами. – Она оказалась там – не в последнюю очередь – из-за несчастного брака, что толку скрывать!

– Господи Иисусе, – сказала миссис Пеллинг.

Стоя, мистер Пеллинг производил впечатление человека крепкого и умеющего постоять за себя, что выглядело даже немного устрашающе. Но она к нам вернулась. О да. Ее комната в этом доме всегда ждет ее, она рядом с моей. Лиззи может прийти в любой момент, когда захочет. Она всегда найдет меня здесь. О да. Мы помогли ей преодолеть этот барьер – правда, Сесс? И потом, в один прекрасный день я сказал ей…

– Она пришла с очень славным кудрявым молодым человеком, – перебила его жена. – Учитель, англичанин. Его звали Эндрю.

– Шотландец, – автоматически поправил ее мистер Пеллинг.

– Эндрю был очень милый мальчик, но с Нанком, конечно, не сравнить. Правда, дорогой?

– Он был ей не пара. Все толковал про эту самую йогу. Несерьезно все это, я вам скажу, – глупости и выкрутасы. И тогда как-то раз я ей сказал: «Лиззи, арабы – вот где ты сможешь построить свое будущее». – Он щелкнул пальцами, словно разговаривая с воображаемой дочерью. – «Нефть. Деньги. Власть. Поезжай. Собери чемодан: возьми только самое необходимое. Купи билет. И с Богом».

– Ее дорогу оплатил ночной клуб, – сказала миссис Пеллинг. – И между прочим, они ее здорово надули.

– Ничего такого не было! – резко вскинулся мистер Пеллинг, он даже набычился и принял бойцовскую стойку, чтобы погромче прикрикнуть на нее, но миссис Пеллинг продолжала рассказ, как будто его здесь и не было.

– Понимаете, она позвонила по объявлению. Говорила с этой женщиной из Брэдфорда, которая расписывала все, не жалея красок, и чего только не обещала. Содержательница публичного дома. «Нужны платные партнерши для клиентов ночного клуба, но это не то, что вы подумали», – сказала она. Они купили ей билет на самолет, а когда он приземлился в Бахрейне, ее заставили подписать контракт, по которому она должна была отдавать все, что заработает, за квартиру, которую для нее сняли. И с того самого дня она была у них в руках – разве нет? Она никуда не могла обратиться. Посольство не могло ей помочь, никто не мог. Понимаете, она очень красивая.

– Ах ты, старая карга! Мы здесь разговариваем о ее карьере! Ты что, не любишь ее совсем? Ты ей не мать! Боже мой!

– Она уже сделала карьеру, – с чрезвычайно гордым видом сказала миссис Пеллинг. – Самую лучшую карьеру в мире.

Мистер Пеллинг в отчаянии повернулся к Смайли: – Запишите: «работала по приему гостей и изучала язык» – и еще запишите…

– А не могли бы вы сказать мне, – мягко прервал его Смайли, послюнявив большой палец и перевернув страницу, – может быть, так будет лучше это сделать, – не было ли у нее опыта в организации перевозок?

– И еще запишите… – Мистер Пеллинг крепко сжал кулаки и сначала посмотрел на свою жену, потом на Смайли, и, казалось, он никак не может решиться, продолжать ему или нет. – Запишите: «работала на английскую Секретную службу, занимала ответственный пост». В качестве тайного агента. Ну, что же вы остановились? Пишите! Вот. Теперь вы знаете. – Он повернулся и сказал, обращаясь к жене: – Он сам из службы, занимающейся безопасностью, он так сказал. Он имеет право знать, и она имеет право, чтобы о ней это знали. Моя дочь не будет неизвестным героем. Или неоцененным. Помяните мои слова: она еще получит медаль Георгия (Военная медаль, которой награждаются отличившиеся во время войны гражданские лица), прежде чем закончит свой земной путь!

– Все это глупости, – устало сказала миссис Пеллинг. – Это просто одна из тех и с т о р и й, которые она выдумывала. И ты это прекрасно знаешь.

– Погодите: если можно, давайте сначала закончим с одним, а потом уже перейдем к другому, – терпеливо и деликатно попросил Смайли. – Мы говорили, если не ошибаюсь, о том, был ли у нее опыт в организации перевозок.

Мистер Пеллинг положил подбородок на руку, между указательным и большим пальцами, и принял чрезвычайно умный вид.

– Ее первый опыт к о м м е р ч е с к о й деятельности, – начал он задумчиво, – то есть когда она сама стала себе полной хозяйкой, – вы понимаете, о чем я говорю, – когда все устроилось и выкристаллизовалось и действительно начало приносить доход, – разумеется, помимо разведывательной работы, о которой я упоминал, – когда она стала набирать служащих и иметь дело с большими суммами денег и когда она заняла ответственное положение, соответствующее ее способностям, – все это началось в… Как он называется, этот город?

– Ви-ен-ти-ан, – четко, по слогам произнесла его жена, придав названию английское звучание.

– Столица Ла-оса, – сказал мистер Пеллинг, с ударением на первом слоге, как в слове «хаос».

– А как называлась компания, скажите, пожалуйста? – спросил Смайли, держа карандаш наготове у соответствующей строчки.

– Компания по производству виски, – ответил мистер Пеллинг с важным видом, – Моя дочь Элизабет владела и управляла одной из основных иностранных компаний по производству спиртных напитков в этой измученной войной стране.

– А как она называлась?

– Она продавала неочищенное виски в бочках американцам, которые там болтались, – сказала миссис Пеллинг, стоя у окна, спиной к ним. – И получала за это комиссионные, двадцать процентов. Они покупали эти бочки и оставляли их для выдержки в Шотландии, считая, что потом с м о г у т их продать и вложенные в это деньги принесут им неплохую прибыль.

– Простите, кого вы имеете в виду, когда говорите «они»?.. – спросил Смайли.

– А потом ее любовник сбежал и прикарманил денежки, – сказала миссис Пеллинг. – Провернул дельце. Очень неплохо.

– Все это чистейший вздор! – выкрикнул мистер Пеллинг. – Эта женщина сошла с ума! Не слушайте ее!

– Скажите, пожалуйста, а где она жила в это время? – спросил Смайли.

– Запишите: «она была представителем», – говорил тем временем мистер Пеллинг, в отчаянии потрясая головой, как будто все полностью вышло из-под контроля, – «представителем компании по производству виски и секретным агентом».

– Она жила с пилотом, – сказала миссис Пеллинг. – Она называла его Малыш. Если бы не Малыш, она бы подохла с голоду. Он был великолепен, но война его всего перекорежила. Конечно, а как же могло быть иначе? То же самое было и с нашими мальчиками, разве не так? Вылеты на задания, день за днем и ночь за ночью. – Откинув голову назад, она вдруг громко прокричала, словно давая команду: «По машинам! Боевая тревога!»

– Она совершенно не в себе, – снова объяснил мистер Пеллинг. – В восемнадцать их нервы ни к черту не годились, по крайней мере, у половины из них. Но они все выдержали. Понимаете, они любили Черчилля, Им нравилось, что он н е т р у с и т. Совершенно спятила, – повторил мистер Пеллинг. – Кричит ни с того ни с сего. Совсем крыша поехала.

– Извините, – сказал Смайли, торопливо записывая. – А как звали Малыша? Пилота? Как его фамилия?

– Рикардо. Малыш Рикардо. Он л а п о ч к а. Знаете, он умер, – сказала она, обращаясь прямо к мужу. – Сердце Лиззи было совершенно р а з б и т о – правда, Нанк? Но все равно, пожалуй, так было лучше.

– Она н и с к е м не жила, человекообразная ты обезьяна! Это все было специально так устроено. Она работала на английскую Секретную службу!

– О Боже мой, – с усталой безнадежностью вздохнула миссис Пеллинг.

– Нет, не твой Боже. А м о й Меллон. Запишите это, Оутс. Дайте-ка я посмотрю, правильно ли вы записали. Меллон. Имя ее непосредственного начальника в английской Секретной службе было М-Е-Л-Л-О-Н, два "л". Меллон. Он изображал простого торговца. И неплохо справлялся с торговлей. Естественно, он же умный человек. Но на самом деле… – Мистер Пеллинг с силой ударил кулаком одной руки по ладони другой, звук получился неожиданно громкий. – Но на самом деле под маской приветливого и услужливого английского предпринимателя этот самый Меллон (два л) вел в одиночку тайную войну против врагов Ее Величества, и моя Лиззи помогала ему в этом. Торговцы наркотиками, китайцы, гомосексуалисты – эти иностранные шпионы, которые всеми силами пытаются подорвать мощь нашего славного государства… Моя бесстрашная дочь Лиззи и ее друг полковник Меллон вдвоем отважно вели войну, чтобы помешать их коварному наступлению! И это – чистейшая правда.

– Т е п е р ь – т о я в и ж у, от кого у нее эта страсть к сочинительству, – сказала миссис Пеллинг и, оставив дверь открытой, удалилась по коридору, ворча что-то себе под нос.

Посмотрев ей вслед, Смайли увидел, что она остановилась на мгновение и наклоном головы пригласила его заглянуть к ней. Потом она исчезла в темном коридоре. Вдалеке хлопнула дверь.

– Это правда, – продолжал Пеллинг, все так же настойчиво, но немного спокойнее. – Да-да-да, все так и было. В английской разведывательной службе мою дочь уважали и ценили как отличного оперативного работника.

Сначала Смайли не отвечал: он был слишком сосредоточен на том, что писал. Поэтому какое-то время не было ничего слышно, кроме неторопливого поскрипывания ручки по бумаге и изредка шороха переворачиваемой страницы.

– Хорошо. Так, а теперь давайте я запишу и эти детали, если не возражаете. Разумеется, это будет держаться в строжайшей тайне. Должен сказать вам, что мы в нашей работе не так уж редко встречаемся с подобными вещами.

– Хорошо, – сказал мистер Пеллинг, и, с решительным видом усевшись на дерматиновое кресло, вынул из бумажника одинарный листок бумаги и протянул его Смайли. Это было письмо

длиной в полторы страницы, написанное от руки. Почерк был одновременно и претенциозно-затейливый, и детский. Больше других букв привлекала внимание буква "Я", когда речь шла об авторе письма, затейливо украшенная завитушками, а все остальные буквы выглядели поскромнее. Письмо начиналось с обращения «Мой дорогой и милый папочка» и заканчивалось подписью «Твоя любящая дочь Элизабет», а между ними – текст, который Смайли сумел почти полностью запомнить наизусть.

"ЯприехалавоВьентьян, Этогородсмаленькимидомиками, вчем–топохожийнафранцузскиегорода, авчем–то–немногодикий, нонебеспокойсяобомне; уменяестьважныеновостидлятебя, которыеядолжнасообщитьнемедленно. Вполневозможно, чтодовольнодолготынебудешьиметьотменяникакихизвестий, ноневолнуйся, дажееслиуслышишьчто–нибудьнехорошее. Уменявсевпорядке, обомнезаботятся, ияделаювсеэторадиПравогоДела, которымтыможешьгордиться. Кактолькояприбыласюда, яобратиласькангл ийскомуторговомупредставителюздесьмистеруМакервуру (онангличанин), ионнаправилменяработатькМеллону. Янеимеюправарассказатьтебе, поэтомутыдолженверитьмне ; егозовутМеллон, ионзанимаетсяторговлей, ипреуспеваетвэтом, ноэтотолькополовинадела. МеллонотправляетменясзаданиемвГонконг, ядолжнавыяснитькое–чтоозолотыхслиткахинаркотиках, неподаваявиду, чтомнеэтоинтересно. Повсюдуменябудутсопровождатьлюди, которыенедадутменявобиду, аегонастоящееимя–неМеллон. Макервуробовсемзнает, нонеподаетвиду. Еслисомнойчто–нибудьслучится, яниочемнепожалею, потомучтоиты, иязнаем, чтоинтересыСтраны, важнее, ичтозначитодинчеловекздесь, вАзии, гдестольколюдейигдежизньвообщенивочтонеставится? Это–хорошаяРабота, папа, такая, окотороймыстобоймечтали, особенноты, когдавоевал, защищаясвоюсемьюитех, коголюбил. Молисьзаменяипозаботьсяомаме. Явсегдабудулюбитьтебя, дажееслиокажусьвтюрьме.

Смайли вернул письмо.

– Там нет даты, – бесстрастно заметил он. – Вы не могли бы сказать мне, когда оно было написано, мистер Пеллинг? Хотя бы приблизительно?

Пеллинг назвал ему не приблизительную, а точную дату. То, что он провел всю свою трудовую жизнь в Королевском почтовом ведомстве, не прошло даром.

– С тех пор она мне ни разу не писала, – с гордостью сказал мистер Пеллинг, складывая письмо и пряча его назад в бумажник. – И с того самого дня до сегодняшнего – ни единого слова, ни единого звука. Да это и не нужно. Совершенно не нужно. Мы – одно целое. Однажды это было сказано, а потом ни я, ни она больше не упоминали об этом. Она мне только намекнула. И я понял. И она знала, что я знаю. Лучшего взаимопонимания между отцом и дочерью просто быть не может. И все, что за этим последовало: Рикардо Как-Там-Его, живой или мертвый, – какая разница? Какой-то китаец, о котором она долдонит, – это тоже неважно: забудьте про него. Друзья-мужчины, друзья-женщины, коммерция – не обращайте внимания ни на что, о чем вам говорят! Это все – абсолютно все – прикрытие. Она не принадлежит сама себе, она полностью подчиняется им. Она работает на Меллона, и она любит своего отца. Точка.

– Вы были очень добры, – поблагодарил Смайли, складывая свои бумаги. – Пожалуйста, не беспокойтесь: не надо провожать меня, я сам найду дорогу.

– Ищите, что хотите, – откликнулся мистер Пеллинг, снова возвращаясь к своим прежним шуточкам.

Когда Смайли закрывал за собой дверь, мистер Пеллинг уже снова сидел в своем кресле, делая вид, что полностью поглощен поиском места, на котором прервал чтение «Дейли телеграф».

Запах алкоголя в темном коридоре ощущался сильнее. Прежде чем хлопнула дверь, Смайли насчитал девять шагов – значит, это должна быть последняя дверь слева, самая дальняя от комнаты мистера Пеллинга. Это могла быть уборная, но на уборной висела табличка «Букннгемский дворец, Черный ход». Смайли очень тихо позвал миссис Пеллинг и услышал громкое «Убирайтесь!». Он вошел в комнату – и оказался в ее спальне. Женщина, развалившись, лежала на кровати со стаканом в руке, перебирая ворох открыток с видами. Сама комната, как и комната ее мужа, была оборудована всем, чтобы существовать, не покидая ее: газовая горелка, раковина с грудой немытых тарелок… Стены увешаны фотографиями высокой молодой женщины, очень хорошенькой, на некоторых она была с мужчинами, на других – одна. Почти все они были сделаны на фоне восточных пейзажей. Пахло джином и кошкой.

– Он никак не желает оставить ее в покое, – сказала миссис Пеллинг. – Это я про Нанка. Так было всегда. Он пытался это изменить, но так и не смог. Понимаете, она ведь очень красивая. – Мать второй раз за день повторила эти слова в качестве объяснения и перекатилась на спину, держа одну из открыток у себя над головой, чтобы прочитать.

– Он может сюда войти?

– Даже если бы вы попытались затащить его сюда силой, у вас это не получится, дорогой мой.

Смайли закрыл дверь, сел на стул и сразу же вынул свою тетрадь.

– У нее есть очень милый и славный китаец, – сказала она, все еще глядя на открытку, которую держала вверх ногами. – Она пошла к нему, чтобы спасти Рикардо, а потом влюбилась. Он стал для нее настоящим отцом, первым настоящим отцом за всю жизнь. В конце концов все закончилось благополучно. Все неприятности. Они позади. Он называет ее Лиза, – сказала она. – Он считает, это ей больше подходит. Забавно, правда? Мы не любим немцев. Мы – патриоты. А теперь он ей подкинул отличную работенку – правда ведь?

– Насколько я понимаю, она предпочитает называть себя Уэрд, а не Уэрдингтон. Вы не знаете, у нее есть какие-нибудь причины для этого?

– Полагаю, она хотела сократить фамилию этого зануды учителишки до минимума, как и его роль в своей жизни.

– Когда вы сказали, что она пошла на это, чтобы спасти Рикардо, вы, конечно, имели в виду, что…

Миссис Пеллинг театрально застонала, как будто ей причинили боль.

– Ох уж эти мне мужчины. Когда? С кем? Почему? Как? В кустах, дорогой мой. В будке телефона-автомата, милый мой. Она купила жизнь Рикардо, заплатив единственной валютой, которая у нее была. Она оказала ему эту честь и потом ушла от него. А что, собственно, вам не нравится? По правде сказать, он был совершенно никчемный человек. – Она взяла еще одну открытку и стала внимательно разглядывать пальмы на пустом берегу. – Моя малышка Лиззи переспала с половиной Азии, прежде чем она нашла своего Дрейка. Но она его нашла. – Вдруг женщина встрепенулась и села, как будто услышала какой-то шум, и очень внимательно посмотрела на Смайли, одновременно приводя в порядок волосы. – Я думаю, вам лучше уйти, дорогой мой, – сказала она все так же тихо и повернулась к зеркалу. – По правде сказать, мне

как-то уж очень не по себе от общения с вами. Я плохо выношу, когда вижу вокруг себя честные и достойные лица. Извините, дорогуша, вы ведь понимаете, что я хочу сказать?

В Цирке Смайли потребовалась всего пара минут, чтобы удостовериться в том, что он и так знал. Фамилия Меллон (с двумя "л") – в точности, как говорил мистер Пеллинг, – была официальным оперативным псевдонимом Сэма Коллинза.

Шанхайский экспресс

В воспоминаниях, которые сейчас услужливо подсовывает память участникам тех событии и где не все запечатлелось так, как происходило на самом деле; а так, как удобнее помнить, в связи с этим моментом возникает обманчивое впечатление, что дальше время словно сжалось и события следовали одно за другим почти беспрерывно. Для Джерри пришло и прошло Рождество, отмеченное чередой бесцельных вечеров в клубе иностранных корреспондентов, с большим количеством выпитого. В последний момент он решил отправить Кэт несколько посылок, которые в самые немыслимые ночные часы пришлось завертывать в праздничную оберточную бумагу с рождественскими рисунками.

Дополненный и исправленный запрос о розыске Рикардо был официально передан Кузенам, и Смайли сам отвез его во Флигель, чтобы как можно лучше объяснить все Мартелло. Но из-за рождественской суеты запрос где-то застрял, не говоря о других причинах – приближающемся падении правительств Вьетнама и Камбоджи, и завершил прохождение по инстанциям американских департаментов уже после наступления Нового года (как свидетельствуют даты в досье по «делу Дельфина»). А р е ш а ю щ а я в с т р е ч а с Мартелло и его друзьями из ведомства контроля за наркотиками, и подавно, состоялась только в начале февраля. Разумом в Цирке понимали, в каком напряжении из-за этих долгих проволочек живет Джерри, но в атмосфере кризиса, которая по-прежнему преобладала, никто не почувствовал, что это для него значит. И уж тем более никто ничего не сделал, чтобы облегчить это бремя. В этом некоторые тоже могут обвинить Смайли (в зависимости от того, какую позицию они занимают), хотя трудно представить себе, что еще он мог бы сделать, только что не отозвать Джерри в Англию. Тем более что Кро продолжал слать радужные донесения о его самочувствии и настроении.

На шестом этаже все работали на износ, и Рождество прошло почти незамеченным, если не считать не слишком удавшегося праздника в полдень двадцать пятого и небольшого перерыва чуть позже, когда Конни и «мамаши» через все громкоговорители по случаю Рождества включили речь королевы, чтобы устыдить еретиков вроде Гиллема и Молли Микин, которых речь привела в состояние буйного веселья (потом они в коридоре не очень успешно пытались изображать королеву).

Официальное возвращение Сэма Коллинза в не очень внушительные ряды сотрудников Цирка произошло в по-настоящему морозный день в середине января. В этом событии присутствовали и забавная, и смутно тревожная сторона. Забавная состояла в том, что его арестовали. Он прибыл ровно в десять утра в понедельник на этот раз не в смокинге, а в элегантном сером пальто, с розой в петлице. Он выглядел неправдоподобно молодо. Но Смайли и Гиллема не было, они уехали на совещание с Кузенами, и ни охранникам на входе, ни «домоправителям» никто не оставил никаких инструкций, поэтому они заперли Сэма в подвале и он просидел там три часа, дрожа от холода и кипя от злости, пока не вернулся Смайли и не подтвердил, что теперь он работает здесь. Кроме того, с комнатой, которую ему отвели, тоже вышла комедия. Смайли распорядился выделить ему кабинет на пятом этаже, рядом с Конни и ди Салисом, но Сэм и слышать об этом не желал – он хотел сидеть на шестом. Он считал, что это больше соответствует его нынешнему статусу «координатора». И бедным охранникам, словно китайским кули, пришлось на своем горбу таскать мебель вниз и вверх по лестницам.

То что составляло смутно тревожащую сторону, объяснить было труднее, хотя некоторые пытались это сделать. Конни заключила, что Сэм – " х о л о д н о – о т ч у ж д е н н ы й ", выбор этих прилагательных внушал тревогу. Гиллем охарактеризовал его как и з г о л о д а в ш е г о с я, «мамаши» – как человека «переменчивого», а по мнению «копателей», он был с л и ш к о м у ж л о в к и й. Самым странным для тех, кто не знал начала всей этой истории, была его самодостаточность. Он не заказывал никаких досье, не просил разрешения сделать то или другое, он почти не звонил по телефону, кроме как для того, чтобы сделать ставки на скачках или проверить, как идут дела в его клубе. И еще: куда бы он ни шел, на лице постоянно играла улыбка. Машинистки утверждали, что он и спит с улыбкой, а по выходным стирает ее вручную в теплой воде, чтобы к понедельнику снова была как новенькая. Смайли беседовал с ним за закрытыми дверями, и постепенно о результатах этих бесед узнавали другие члены команды.

Да, девушка объявилась во Вьентьяне с парой хиппи, которые направлялись в Катманду, но сбились с пути. Да, когда они ее бросили, она попросила Макелвора подыскать ей работу. И Макелвор направил ее к Сэму, подумав, что, если у нее, кроме красивой внешности, нет ничего за душой, ее можно использовать. Все это (если читать и между строчек) почти полностью совпадало с тем, что девушка описала в письме домой. У Сэма в тот момент были на примете пара дел с наркотиками, которые давно дожидались своей очереди, – ничего серьезного; а во всех остальных отношениях в его работе, благодаря Хейдону, стоял полный штиль, поэтому он подумал, что может пристроить ее к пилотам и посмотреть, что из этого получится. Он не сообщал о ней в Лондон, потому что Лондон в тот момент не давал разрешения ни на что. Он сам, единолично, решил испытать ее и платил ей из денег на административные расходы. В результате объявился Рикардо. И еще он разрешил ей проработать информацию по незаконной торговле золотыми слитками в Гонконге, но все это было до того, как он понял, что она совершенно не справляется с делом. Было большим облегчением, когда Рикардо устроил ее работать в «Индочартер» и избавил от нее Сэма.

– И что же еще он знает? – в негодовании добивался Гиллем. – Пока он не открыл нам ничего такого, что давало бы ему право претендовать на участие в наших совещаниях.

– Он з н а е т е е, – терпеливо объяснял Смайли и возвращался к изучению папки с материалами Джерри Уэстерби, которые в последнее время стали его главным чтением, – Мы сами не гнушаемся прибегать время от времени к небольшому шантажу, – добавил он с терпимостью, которая могла свести с ума. – И вполне резонно, что время от времени мы сами должны уступать.

А Конни, обычно не употреблявшая грубых слов, удивила всех, процитировав довольно откровенное высказывание – кажется, президента Джонсона, – который когда-то сказал это о Дж. Эдгаре Гувере. «Джордж предпочитает, чтобы Сэм Коллинз был в палатке, а по малой нужде выходил из нее, нежели чтобы он всегда был снаружи, а по нужде приходил сюда», – объявила она и хихикнула, как школьница, удивляясь своей смелости.

Самое главное, что только в середине января, продолжая свои исследования относительно прошлого Ко и докапываясь до мельчайших деталей, Док ди Салис объявил о потрясающем открытии: оказывается, еще жив некто мистер Хибберт, миссионер-баптист, работавший в Китае, которого Ко упомянул как человека, который может поручиться за него, когда просил разрешить ему изучать право в Лондоне.

Так что все события на самом деле были растянуты на более продолжительный период, чем утверждают те, кто сегодня предается воспоминаниям, подсознательно подгоняемым под то, что им удобнее. Поэтому и напряжение, в котором пребывал Джерри, выносить было гораздо труднее.

– Видите ли, существует возможность того, что его произведут в рыцарское звание, – сказала Конни Сейшес. Она уже говорила это по телефону.

Все выглядело в высшей степени внушительно. Конни немного распушила волосы. Она была в темно-коричневом костюме и такой же темно-коричневой шляпе, в руках у нее была темно-коричневая сумочка (чтобы было куда положить радиомикрофон). А снаружи, на подъездной дорожке, ведущей к дому, в синем такси, с включенным мотором и работающим обогревателем, Тоби Эстерхейзи, венгр по происхождению и великолепный мастер по ведению слежки, делал вид, что дремлет, а на самом деле принимал и записывал разговор в доме с помощью аппаратуры, спрятанной под сиденьем. Вместе с необычным для нее внешним обликом Конни приобрела и новую манеру поведения – она стала воплощением четкости и дисциплины: держала наготове записную книжку из тех, которыми издательство Ее Величества снабжает все государственные учреждения, а в руке, изуродованной артритом, сжимала такую же казенную шариковую ручку. Что касается ди Салиса, державшегося немного в стороне, то над ним тоже потрудились, чтобы придать ему чуть более современный вид. Невзирая на протесты, его заставили надеть одну из рубашек Гиллема – в полоску, с подходящим по тону темным галстуком. Что удивительно, результат получился вполне убедительным.

– Это в в ы с ш е й с т е п е н и конфиденциально, – громко и четко сказала Конни, обращаясь к мистеру Хибберту. Это она тоже уже говорила ему по телефону.

– Абсолютно конфиденциально, – подтвердил ди Салиси взмахнул руками, после чего один локоть опустился на бугристое колено и остался там, хотя опора была не слишком удобной, а узловатая ладонь обхватила и почесала подбородок.

Губернатор представил его к рыцарскому званию, сказала она, и теперь Совет должен решить, поддерживают ли они эту кандидатуру и будут ли рекомендовать ее Букингемскому дворцу. При слове «дворец» она бросила взгляд на ди Салиса, в котором сквозило с трудом сдерживаемое раздражение. Тот сразу же расцвел лучезарной, но скромной улыбкой – как какая-нибудь знаменитость, приглашенная на телепередачу. Его седые волосы были напомажены и причесаны, и голова выглядела так (как сказала потом Конни), словно ее смазали жиром, чтобы поставить в духовку запекаться.

– Поэтому вы, к о н е ч н о ж е, поймете, – вещала Конни с интонацией, очень сильно напоминающей интонации женщин-дикторов на радио и телевидении, – что для того, чтобы не поставить наши высшие органы власти в неловкое положение, уберечь их от этого, необходимо провести самую тщательную проверку.

– Букингемский дворец, – эхом откликнулся мистер Хибберт, подмигнув ди Салису. – Да подумать только! Королевский дворец – слышишь, Дорис?

Он был очень стар. По документам ему было восемьдесят один. Он достиг такого возраста, когда черты лица перестают меняться и только становятся все более безмятежными. На нем был высокий жесткий воротничок, какие носят баптистские священники, и бежевый шерстяной жакет, застегивающийся впереди на пуговицы, с кожаными заплатками на локтях. На плечи была наброшена шаль. Он сидел перед ними спиной к окну, и на фоне светло-серого моря казалось, что его седую голову окружает сияние.

– Сэр Дрейк Ко, – произнес он. – Вот уж этого я никогда не предполагал, прямо вам скажу. – Характерный акцент северных графств в его речи был настолько заметен, что, как и белоснежно-белые волосы, мог показаться нарочитым. – Сэр Дрейк, – повторил он. – Подумать только! А, Дорис?

В комнате была и его дочь, которой могло быть от тридцати до сорока: светловолосая, в желтом платье; напудренная, но с ненакрашенными губами. Казалось, с самой юности ее лицо не изменилось, только мечты и надежды постепенно развеялись и перестали оживлять его. Когда она что-нибудь говорила, щеки заливал румянец, но говорила она редко. Она испекла печенье, сделала бутерброды – тонкие, как бумажный лист, и купила кекс с тмином, который

лежал на салфетке. Наливая чай, она процеживала его через кусочек муслина, по краям обшитый бисером. Над столом висел зубчатый бумажный абажур в форме звезды. Вдоль одной из стен стояло пианино с открытыми нотами религиозного гимна «Веди нас, чистый свет». Красиво переписанные несколько строчек из стихотворения Киплинга «Если» висели на стене, над решеткой камина, в котором не было дров, и по обе стороны окна с видом на море висели бархатные драпировки – такие плотные, словно они предназначались для того, чтобы отгородиться от несуществующего для обитателей этого дома. В комнате не было книг – не было даже Библии. Зато сиял огромный цветной телевизор, а под потолком была протянута длинная веревочка, на которой сгибом, сторонами вниз, висело множество рождественских открыток. Они напоминали подстреленных птиц, которые вот-вот упадут на землю. В комнате не было ничего, что напоминало бы о китайском прибрежном городе, если не считать зимнего моря за окном. День был спокойный и безветренный. В саду кактусы и кустарники замерли в ожидании, когда же закончатся холода. По набережной торопливо шагали прохожие.

– Они хотели бы, если можно, записать кое-что из рассказанного, – добавила Конни: одним из неписаных правил Цирка является то, что, если вы без разрешения записываете беседу на магнитофон, надо кое-что записать и вручную. Во-первых, чтобы подстраховаться на случай отключения аппаратуры, а во-вторых, чтобы не заподозрили, что ведется магнитофонная запись.

– О, ради Бога, записывайте, сколько угодно: не все мы можем похвастаться феноменальной памятью – не так ли, Дорис? Дорис-то, кстати, может: у нее великолепная память – как в свое время у ее матери.

– Первым делом, если можно, мы хотели бы сделать то, что всегда делаем, когда наводим у кого-то справки о других лицах, – сказала Конни, стараясь не слишком торопиться, чтобы не навязывать старику непосильный для него темп, – мы хотели бы точно установить, как долго вы знали мистера Ко, при каких обстоятельствах вы встретились и каковы были ваши отношения с ним.

Если перевести это на профессиональный язык, вопрос звучал так: «Опишите, насколько тесно вы были связаны с Дельфином».

Говоря о других, старые люди говорят о себе, словно вглядываясь в отражение в уже не существующих зеркалах.

– То, что я стану священником, было предопределено с самого моего рождения, – говорил мистер Хибберт. – Священниками были мой дед и мой отец. У отца был большой, о ч е н ь б о л ь ш о й приход в Маклсфилде. Его брат умер в двенадцать лет, но и он уже дал обет служения Богу – правда ведь, Дорис? А я в двадцать поступил в школу подготовки миссионеров. И в двадцать четыре отправился морем в Шанхай, чтобы работать в Миссии Жизни Господней. Я плыл на «Эмпайр Куин», и там было больше стюардов, чем пассажиров, – во всяком случае, мне так запомнилось. О, Боже мой. Он собирался пробыть несколько лет в Шанхае, преподавая в миссионерской школе и занимаясь китайским языком, а потом, если удастся, перевестись в миссию во Внутреннем Китае и переехать туда с побережья.

– Мне очень этого хотелось. Мне хотелось попробовать себя в самом трудном деле. Мне всегда нравились китайцы. В Миссии Жизни Господней не все было совершенно, но пользу мы приносили. А миссионерские школы католиков – они больше походили на монастыри со всем, что этому сопутствует, – сказал мистер Хибберт.

Ди Салис, который когда-то был иезуитом, неопределенно улыбнулся.

– А мы подбирали детей на улицах, – сказал мистер Хибберт. – Шанхай – удивительное место, где все перемешано самым невероятным образом, уж можете мне поверить. Кого и чего там только не было! Банды, коррупция, проституция – махровым цветом; политические

интриги, деньги, алчность и нищета Все, что только существует в человеческой жизни, можно было там найти. Правда ведь, Дорис? Она, конечно, не может по-настоящему это помнить. Мы снова поехали туда после войны, – правда, Дорис? – но вскоре они выставили нас. Дорис тогда было не больше одиннадцати, так ведь? К тому времени уже не осталось мест вроде этого – таких, как Шанхай, поэтому мы вернулись сюда Но нам здесь н р а ви т с я – правда, Дорис? – сказал мистер Хибберт, ни на минуту не забывая, что говорит от имени обоих. – Нам здесь нравится в о з д у х. Вот что нам особенно нравится.

– Да, очень, – ответила Дорис и откашлялась, поднеся большую руку, сжатую в кулак, к губам.

– Мы их кормили всем, что могли достать, – вот до чего дошло. – Мистер Хибберт возобновил свой рассказ: – У нас там была уже немолодая женщина – мисс Фонг. Помнишь Дейзи Фонг, Дорис? Конечно же помнишь – Дейзи и ее колокольчик? Да нет, вряд ли. Но до чего же быстро летит время! Можно сказать, что Дейзи была Дудочником в пестром костюме (Герой поэмы Браунинга, который, играя на дудочке, собрал всех детей и увел их из города) – только у нее была не дудочка, а колокольчик, и она была не мальчиком, а пожилой женщиной. Она делала богоугодное дело, даже если потом и взяла грех на душу. Мисс Фонг была самой лучшей христианкой из всех, кого мне удалось обратить в христианскую веру, и так продолжалось до тех самых пор, пока не пришли японцы. Она ходила по улицам, старая добрая Дейзи, и звонила что есть мочи в колокольчик. Иногда с ней ходил старина Чарли Вэн, иногда я. Мы обычно выбирали улицы рядом с доками или район ночных клубов – дальше по берегу, за пристанью, – эту улицу мы называли «Кровавым переулком». Помнишь, Дорис? Да нет, конечно. И старушка Дейзи звонила в колокольчик – динь-диннь-динь! – Он рассмеялся при этом воспоминании: Хибберт ясно видел ее перед собой, и даже рука бессознательно повторяла движения, как будто и он изо всех сил звонит в колокольчик. Ди Салис и Конни вежливо посмеялись вместе с ним, но Дорис только нахмурилась.

– Рю де Джефф – это было самое страшное место. Там было много французов – неудивительно, рядом больше всего домов блуда. Ну, вообще-то их везде предостаточно, а в Шанхае их было видимо-невидимо. Его называли Городом Греха. И были абсолютно правы. Когда вокруг Дейзи собиралось несколько ребятишек, она их спрашивала: «Есть ли среди вас такие, у кого нет мамы?» И всегда находились один-два. Не сразу, конечно: здесь один, там один. Некоторые нарочно так говорили – ну, чтобы посмотреть, что из этого получится, чтобы им дали рису на ужин. Потом таких отправляли домой с провожатым. Но всегда находилось несколько настоящих сирот – правда, Дорис? Мало-помалу у нас начала работатьшкола, и к концу у нас их было сорок четыре. Некоторые и жили в миссии, но не все. У нас были уроки Закона Божьего, мы учили их читать, писать и считать, немного географии и истории. Это все, что мы могли сделать.

Стараясь сдержать свое нетерпение, ди Салис устремил неотрывный взгляд на серое море за окном. А Конни сумела изобразить на лице постоянную восхищенную улыбку и не отводила глаз от лица старика.

– Точно так же Дейзи нашла и братьев Ко, – продолжалон, не замечая, что перескакивает с одного на другое. – Рядом с доками, – правда, Дорис? – они искали там свою мать. Они приехали из Сватоу, оба мальчика. Когда же это было? Должно быть, в одна тысяча тридцать шестом году. Дрейку было десять или двенадцать, а его брату Нельсону восемь. Они были худенькие, словно тростинки: уже несколько недель толком не ели. Рис обратил их в христианство мгновенно, можете мне поверить! Конечно, имен у них в те дни не было – по крайней мере английских. Они были из Чиу-Чау – людей, живших на воде, на своих лодках. Нам так никогда и не удалось узнать наверняка о судьбе их матери – правда, Дорис? «Ее убили из ружья, – сказали нам мальчики. – Убили из ружья». Это могли сделать и японцы, и гоминьдановцы. Мы так никогда и не узнали, да и не все ли равно? Всевышний взял ее к себе, и остальное не имело значения. Смерть ставит точку, а мы должны продолжать жить дальше.

У маленького Нельсона одна рука была в страшном состоянии – сплошное месиво. Выглядело просто ужасно. Сквозь рукав торчала сломанная кость – наверное, это сделали те же, кто убил их мать. А Дрейк держал Нельсона за здоровую руку, и первое время никакими уговорами нельзя было заставить его отпустить брата хоть на минуту, даже для того, чтобы бедняга Нельсон мог поесть. Мы говорили между собой, что у них на двоих одна действующая рука, – помнишь, Дорис? Дрейк обычно сидел за столом, одной рукой придерживая Нельсона, а другой старательно запихивал рис ему в рот. Мы вызвали доктора, но и он не смог их разделить. И нам пришлось смириться. «Тебя будут звать Дрейк, – сказал я ему. – А ты будешь Нельсон, потому что вы оба – храбрые моряки, согласны?» Это твоя мать придумала – помнишь, Дорис? Ей всегда очень хотелось иметь сыновей.

Дорис посмотрела на отца, открыла рот, чтобы сказать что-то, но передумала.

– Им нравилось гладить ее волосы, они часто это делали, – сказал старик немного удивленно. – Они любили гладить твою мать по голове и звонить в колокольчик старой Дейзи, вот что они любили. Они раньше никогда не видели светлых волос. Дорис, а как насчет свеженького со? Мой уже совсем остыл, и у них наверняка тоже. «Со» – это так в Шанхае называют чай, – пояснил он. – В Кантоне его называют «ча». Мы используем некоторые словечки с того самого времени, уж сам не знаю почему.

Дорис почти выбежала из комнаты, издавая при этом какое-то раздраженное шипение, а Конни использовала паузу, чтобы задать вопрос.

– Видите ли, мистер Хибберт, в наших бумагах ни словом не упоминается о брате, – сказала она с легкой укоризной в голосе. – Вы говорили, что он был моложе. На два года? Или на три?

– Не упоминается о Нельсоне? – Старик был потрясен. – Ну как же, он так его любил! Это же была вся его жизнь – Нельсон! Ради него он был готов на все. Как же это может быть, что не упоминается о Нельсоне, – а, Дорис?

Но Дорис готовила «со» в кухне.

Сверившись со своими записями, Конни строго улыбнулась.

– Боюсь, это наша вина, мистер Хибберт: я вижу, что в канцелярии губернатора оставили пропуск в строчке для перечисления б р а т ь е в и с е с т е р. Уж я прослежу, чтобы в ближайшие же дни в Гонконге кое-кому стало очень стыдно. Вы, конечно, вряд ли помните дату рождения Нельсона? Просто чтобы не терять времени на все эти запросы?

– Ну конечно же нет. Дейзи Фонг наверняка вспомнила бы, но ее уже давным-давно нет на свете. Она для каждого из них придумывала день рождения, даже когда они сами не знали его.

Ди Салис потянул себя за мочку уха, от чего его голова немного склонилась.

– А может быть, вы могли бы вспомнить их китайские имена? – неожиданно выпалил он своим тонким голосом, – Они могли бы оказаться полезными, если придется что-то уточнять.

Мистер Хибберт покачал головой.

– Ну надо же! Никакого упоминания о Нельсоне! Как же это может быть? Да нельзя даже подумать о Дрейке, не представив тотчас же маленького Нельсона рядом с ним. Они всегда были вместе, как нитка с иголкой, – так мы про них говорили. Это естественно, они же сироты.

Они услышали, как в прихожей зазвонил телефон, и, к своему удивлению, которое они, разумеется, ничем не выказали, оба – и Конни, и ди Салис – явственно различили «О, черт!», сорвавшееся с губ Дорис, бросившейся из кухни снять трубку. На фоне усиливающегося свиста закипающего чайника до них долетали обрывки сердитых фраз: «Ладно, ну так п о ч е м у ж е нет? Ну если дело в этих чертовых тормозах, з а ч е м было говорить, что это сцепление? Нет, мы не х о т и м новую машину. Мы хотим, чтобы вы починили старую, ради всего святого». С

громким «Господи!» она положила трубку и вернулась в кухню, где чайник свистел уже так, словно вот-вот взорвется.

– Вы не помните их китайские имена, до того как вы дали им новые? – ласково улыбаясь старику, вернулась Конни к прерванному разговору, но он только покачал головой.

– Это надо было бы спросить у старушки Дейзи, – ответил он, – а она уже давным-давно в раю, благослови, Господи, ее душу.

Ди Салис собирался было усомниться в том, что старик действительно не знает имен, но Конни взглядом заставила его замолчать, " П у с т ь р а с с к а з ы в а е т д а л ь ш е, – непререкаемо говорил ее взгляд. – С т о и т т о л ь к о н а ж а т ь н а н е г о – и м ы п р о и г р а е м п о в с е м с т а т ь я м ".

Старик сидел во вращающемся кресле, и, сам того не сознавая, он понемногу поворачивался по часовой стрелке, и теперь сидел лицом к морю и обращал свою речь к нему.

– Они были совсем непохожи друг на друга – как лед и пламя, – сказал мистер Хибберт. – Я никогда не видел двух братьев, которые были бы столь непохожи – и в то же время так преданы друг другу, и это несомненный факт.

– Непохожи в ч е м ? – спросила Конни, направляя разговор в нужное русло.

– Ну, хотя бы вот это: маленький Нельсон боялся тараканов. А у нас, естественно, не было тех удобств, к которым сейчас все привыкли. Ну вот, они должны были ходить в уборную в отдельный маленький сарайчик, а там тучами летали эти самые тараканы – так и свистели вокруг, как пули, – просто ужас! Нельсон даже подходить к сарайчику боялся, ни за что не соглашался туда идти. Рука у него заживала неплохо, и ел он за пятерых, но он терпел несколько дней подряд, только бы не идти в сарайчик. Твоя мама пообещала ему луну с неба достать, если он туда сходит. Дейзи Фонг задала ему хорошую трепку – я и сейчас помню, какие у него тогда были глаза: он иногда умел так посмотреть, сжав кулачок на здоровой руке, что казалось, вот-вот превратит вас в камень, – этот Нельсон от рождения был бунтарем. И вот однажды, смотрим из окошка и видим: Дрейк, обнимая Нельсона за плечи, ведет его по дорожке к сарайчику и сам идет с ним, чтобы составить ему компанию, пока тот будет делать свои дела. Вы не замечали, что у детей, живших на воде, походка совсем другая? – вдруг спросил он с интересом, как будто только что увидел этих детей. – У них ноги колесом, потому что на лодке всегда места не хватает.

Дверь медленно открылась, и вошла Дорис с подносом с только что заваренным чаем и поставила его на стол с легким позвякиванием.

– И с пением было то же самое, – сказал мистер Хиббери и снова замолчал, глядя на море.

– Когда они пели р е л и г и о з н ы е г и м н ы ? – Конни с готовностью задала наводящий вопрос, бросив взгляд на полированное пианино с пустыми подсвечниками.

– Дрейк был готов что угодно петь громким голосом, как только твоя мать садилась за пианино. Рождественские гимны, например. «Там есть зеленый холм». Он за твою мать готов был кому угодно глотку перегрызть, этот Дрейк. А маленький Нельсон – нет. Я никогда не слышал, чтобы он хоть одну ноту взял.

– Зато ты потом его очень хорошо услышал, – резко напомнила Дорис, но старик предпочел ее не услышать.

– Его можно было лишить обеда или ужина, но он ни за что не соглашался прочесть молитву. У него с самого начала были сложные взаимоотношения с Богом. – Он вдруг рассмеялся молодым задорным смехом. – Знаете, я всегда говорил, что именно из таких людей потом получаются настоящие верующие. Другие просто ведут себя вежливо. Никто по-настоящему не обращается в веру, не преодолев этого внутреннего конфликта с Богом.

– Этот проклятый гараж, – проговорила Дорис, все еще пылая негодованием после телефонного разговора, начиная резать кекс с тмином.

– Как же мы забыли? Как там ваш шофер? – воскликнул мистер Хибберт. – Давайте Дорис отнесет ему чаю? Он же, наверное, замерз там до полусмерти! Или давайте позовем его сюда! Ну же! – Но прежде чем Конни или ди Салис успели ответить, мистер Хибберт уже заговорил о своей войне. Не о той, какой она была для Дрейка, и не о той, какой была для Нельсона, а о своей собственной, как она вспоминалась ему сейчас: отдельные, не связанные между собой картины. – Забавно, но очень многие думали, что японцы – это именно то, что нужно. Что они покажут этим зарвавшимся китайским националистам их место. Конечно, не говоря уж о коммунистах. О, поверьте, прошло немало времени, пока пелена не спала у них с глаз. Даже после того, как начались бомбардировки. Закрылись европейские магазины, тайпаны отправили в безопасные места свои семьи, Загородный клуб превратили в госпиталь. И все равно еще оставались люди, которые говорили: «Нет причин для беспокойства.» А потом вдруг однажды – бабах! – они закрыли все миссии – правда, Дорис? Это доконало твою мать. Она умерла. Она была не очень вынослива, особенно после туберкулеза. А вот братья Ко выдержали испытания лучше многих, благодаря тому, что приобрели.

– Да? А что они приобрели? – с живейшим интересом спросила Конни.

– Они познали Иисуса Христа, и это знание служило им путеводной звездой и утешало в трудный час.

– Да-да, конечно, – согласилась старуха.

– Разумеется, – поддакнул ди Салис, переплетя пальцы рук, выгибая их и притягиваясь. – В о и с т и н у т а к, – добавил он елейно.

Итак, при «япошках», как называл их старик, миссия закрылась, и дети во главе с Дейзи Фонг с колокольчиком влились в поток беженцев, пытавшихся добраться до Шаньджао: кто на повозке, кто автобусом или поездом, но большей частью пешком, а оттуда – в Чунцин, где националисты Чан Кайши устроили свою временную столицу.

– Ему нельзя долго говорить, – улучив момент, предупредила Дорис, стараясь, чтобы отец не услышал. – Он начинает заговариваться.

– Да нет, дорогая, мне все можно, – возразил мистер Хибберт, глядя на нее с любовью. – Я уже свое отжил. И теперь мне можно делать абсолютно все, что я пожелаю.

Они допили чай, поговорили о саде, с которым все время возникали проблемы – с тех самых пор, как они поселились здесь.

– Нам говорят, нужно сажать растения с серебристыми листьями, они могут расти на засоленных почвах. Ну не знаю, не уверен, а ты как думаешь, Дорис? Они вроде бы не очень хорошо приживаются, правда?

Со смертью жены, по словам мистера Хибберта, его собственная жизнь тоже как бы кончилась: он просто доживает отпущенные ему годы, пока Господь не заберет его к ней. Он жил и работал некоторое время на севере Англии. После этого недолго – в Лондоне, проповедуя слово Божье.

– А потом мы переехали на юг – правда, Дорис? Я только не знаю почему.

– Из-за воздуха, – сказала она – Здесь очень хороший воздух.

– В Букингемском дворце наверняка будет прием, правда? – спросил мистер Хибберт. – Полагаю, Дрейк мог бы даже записать нас в список приглашенных. Подумай только, Дорис. Тебе это понравилось бы. Королевский прием в саду. Шляпки.

– Но вы все-таки вернулись в Шанхай, – в конце концов напомнила Конни, пошелестев страницами, чтобы привлечь внимание проповедника. – Японцев разгромили, Шанхай снова стал открытым городом, и вы все-таки вернулись туда.

– Н-да, мы туда поехали.

– Значит, вы снова видели братьев Ко. Вы снова встретились и, я уверена, замечательно обо всем поговорили, как в добрые старые времена. Так это было, мистер Хибберт?

На мгновение показалось, что он не понял вопроса, но вдруг запоздало рассмеялся.

– Да, и, ей-богу, они уже стали настоящими взрослыми мужчинами. И вовсю ухлестывали за девушками, не в присутствии Дорис будь сказано. Я всегда говорил, дорогая, что Дрейк женился бы на тебе, если бы ты дала ему хоть малейшую надежду.

– Ну, папа, в с а м о м д е л е, – пробормотала Дорис и сердито нахмурилась, глядя на пол.

– А Нельсон – о, вы не поверите, он стал настоящим смутьяном! – Он выпил несколько ложечек чая – осторожно, как будто кормил птичку. – «А где мисси?» – это он, Дрейк, спросил первым делом. Он хотел видеть твою мать. «Где мисси?» За это время он совершенно забыл английский язык, и Нельсон тоже. Потом мне пришлось давать им уроки. Я ему сказал. Он к тому времени уже повидал немало смертей, в этом можно не сомневаться. Поэтому он сразу поверил. «Мисси умерла», – сказал я ему. Что еще можно было сказать? «Она умерла, Дрейк, и Господь взял ее к себе». Я никогда: ни до, ни после, не видел его плачущим, но в этот раз он заплакал, и я почувствовал, как люблю его за это. «Моя терять две мать» – сказал он мне. – Моя мать умирать, теперь мисси умирать". Мы помолились за упокой ее души. А что еще можно было сделать? А вот маленький Нельсон, он не плакал и не молился с нами. Он – нет. Он никогда не был привязан к ней так, как Дрейк. В этом не было ничего личного, но она была врагом. Мы все были врагами.

– Кого вы имеете в виду, когда говорите «мы», мистер Хибберт? – осторожно, чтобы не спугнуть, спросил ди Салис.

– Европейцы, капиталисты, миссионеры – все мы – чужаки, которые приехали, чтобы заполучить их души, их рабочую силу или их серебро. Все мы, – повторил мистер Хибберт без малейшего намека на злобу, – эксплуататоры. Так он воспринимал нас. И в чем-то он был прав. – В разговоре на мгновение возникла неловкая заминка, но Конни умело спасла положение.

– Как бы то ни было, вы снова открыли миссию и оставались в Шанхае до захвата власти коммунистами в сорок девятом, так? И, надо полагать, в течение этих четырех лет вы могли по-отечески приглядывать за Дрейком и Нельсоном. Я права, мистер Хибберт? – спросила она, держа ручку наготове.

– О да, мы снова открыли двери для всех. В сорок пятом ликовали вместе со всеми. Война закончилась, япошки побеждены, беженцы могут возвратиться в свои дома. Люди на улицах обнимались и плакали, и все такое прочее. Мы получили деньги: по всей вероятности, репарации, или дотации. И Дейзи Фонг к нам вернулась, но ненадолго. В течение одного или двух лет на поверхности все было как будто бы по-прежнему, но даже тогда это было уже не совсем так. Мы могли оставаться, пока Чан Кайши был в состоянии осуществлять контроль, – ну а он, как вы знаете, не очень в этом преуспел. К сорок седьмому году коммунизм пришел на улицы Шанхая, а к сорок девятому стало ясно, что это всерьез и надолго. Разумеется, ушел в прошлое режим «открытого города», а также все права и концессии, предоставленные иностранцам, – ив конце концов туда им и дорога Все остальное тоже потихоньку менялось. Как всегда, были слепцы, которые говорили, что старый Шанхай не может исчезнуть, что он будет существовать всегда, – точно так же в свое время они говорили, что япошки– это не страшна. По их словам Шанхай развратил маньчжурцев, потом – тех, кто силой пытался установить свою власть: Гоминьдан, японцы, англичане. А теперь, говорили они, этот город точно так же развратит коммунистов. Конечно же, они ошибались. Мы с Дорис – как бы это сказать, мы не верили в коррупцию и развращение как средство решения проблем Китая, как в свое время не верила в это твоя мать. Поэтому мы вернулись домой.

– А братья Ко? – напомнила ему Конни, пока Дорис с шумом вытаскивала какое-то свое вязание из коричневого бумажного пакета.

Старик в нерешительности помедлил, и на этот раз, пожалуй, заминка в его рассказе была вызвана не старческой забывчивостью, а сомнениями, которые он испытывал.

– Да, действительно, – произнес он после неловкого молчания. – На долю этих двоих выпали удивительные приключения, это я вам говорю.

– П р и к л ю ч е н и я, – сердито фыркнула Дорис, позвякивая своими вязальными спицами. – Точнее будет назвать это бесчинствами.

Море еще продолжало мерцать, но в комнате свет уже почти угас. Газовая горелка немного пофыркивала – этот звук напоминал звук работающего где-то вдалеке мотора.

– Когда они выбирались из Шанхая, Дрейк и Нельсон несколько раз теряли друг друга, – продолжал старик. – Когда им не удавалось сразу найти друг друга, они очень тяжело переживали разлуку, не находя себе места, пока наконец не встречались. Нельсон, младший, добрался до Чунцина, не получив ни царапины. Он перенес и голод, и усталость, и страшные бомбардировки, когда погибали тысячи мирных жителей. А вот Дрейка, который был постарше, призвали в армию Чан Кайши, хотя его войска не вели боевых действий, а лишь отступали, надеясь, что коммунисты и японцы перебьют друг друга.

Дрейк метался, как раненый зверь в клетке, пытаясь найти фронт и изводясь до полусмерти от невозможности узнать что-нибудь о Нельсоне. Ну а Нельсон – он, можно сказать, бил баклуши в Чунцине, отдавая все свое время этим книжкам по коммунистической идеологии, которыми он увлекся. У них там даже была газета " Н ь ю Ч а й н а д е й л и " – он мне потом рассказывал, и, представьте себе, ее печатали с разрешения Чан Кайши! Каково? Там у него было еще несколько единомышленников, и в Чунцине они вместе начали думать о том, как строить новый мир, когда закончится война, и в один прекрасный день она, благодарение Богу, закончилась!

В сорок пятом году, – рассказывал мистер Хибберт, – без преувеличения можно сказать, их разлука закончилась благодаря чуду. Это был один шанс из многих тысяч, да что там тысяч – миллионов. Дорога к побережью была забита множеством грузовиков, повозок, шли войска, солдаты катили пушки – все тянулись к Шанхаю. Представьте среди всего этого Ко, который, как сумасшедший, бегал взад и вперед: "Вы не видели моего брата?

Драматизм ситуации вдруг разбудил в нем проповедника, и голос зазвучал громче.

– Какой-то маленький грязный парнишка взял Дрейка за руку: «Послушай, ты, Ко, – как будто просил огонька. – Твой брат здесь, в грузовике, через две машины отсюда, разговаривает с коммунистами из Хакка: разошелся – не остановить». И уже через минуту они обняли друг друга, и теперь-то Дрейк ни на секунду не выпускал Нельсона из виду, пока они не вернулись в Шанхай, да и т о г д а тоже.

– И они пришли навестить вас, – услужливо подсказала Конни.

– Когда Дрейк вернулся в Шанхай, у него в голове была одна цель, только одна. Брат Нельсон должен получить хорошее образование. Больше ничто под луной не имело для него значения, кроме того, что Нельсон должен стать образованным человеком. Ничего. Нельсон должен учиться. – Старик похлопал рукой по подлокотнику. – По крайней мере один из братьев должен преуспеть в этом. О, Дрейк был полон решимости, он ни за что не отступил бы. И он своего добился; – сказал старик. – Дрейк добился, чего хотел. Иначе и быть не могло. Он к тому времени научился делать дела. Дрейку было девятнадцать с небольшим, когда он вернулся с войны. Нельсону должно было исполниться семнадцать, и он тоже работал день и ночь – сидел над книжками, конечно. Дрейк тоже трудился не покладая рук, но это была физическая работа.

– Он был мошенник, – сказала Дорис едва слышно. – Он стал членом банды и занимался воровством. Когда не лапал меня.

Возможно, мистер Хибберт все же услышал ее, а может быть, это было продолжение их постоянного спора – как бы то ни было, он рассказывал.

– Дорис, ты должна постараться воспринимать эти Триады в контексте всей обстановки в стране, – поучительно отметил он, – Шанхай был городом-государством. Им управляла горстка крупных коммерсантов, воротил преступного мира, и других, ничуть не лучше. Там не было ни профсоюзов, ни законов, ни порядка; жизнь была трудна, и она немного стоила. Я очень сомневаюсь, что Гонконг сегодня так уж сильно отличается от Шанхая тех дней, если взглянуть не на поверхность, а чуть глубже. По сравнению с некоторыми из этих так называемых английских джентльменов какой-нибудь мукомол из Ланкашира наверняка покажется сияющим образцом христианских благодетелей. – Мягко отчитав таким образом дочь и выполнив свой отцовский долг, он вернулся к Конни и к своему рассказу.

Конни казалась ему старой знакомой: такие дамы всегда сидят на передней скамье в церкви: внушительных габаритов, внимательная, в шляпе, с жадностью впитывающая каждое его слово.

– Они обычно приходили к чаю, в пять часов, оба брата. У меня все уже было готово, еда стояла на столе и лимонад, который они любили, – называли его «содовой». Дрейк приходил из доков, Нельсон – после занятий. Они набрасывались на еду, почти не разговаривая, а потом снова возвращались к работе – правда, Дорис? Откопали где-то какую-то легендарную личность – ученого по имени Чен Ин. Чен Ин был так беден, что ему пришлось учиться читать и писать при свете светлячков. И братья частенько разглагольствовали о том, как Нельсон будет вторым Чен Ином. Я ему обычно говорил: «Ну давай, Чен Ин, возьми еще булочку, чтобы подкрепить свои силы». Они обычно посмеются немного – ну и снова уходят."До свидания, Чен Ин, всего тебе хорошего". Время от времени, когда его рот не был слишком набит едой, Нельсон набрасывался на меня со своей политикой. Господи Боже мой, ну и идеи у него были! Это не то, чему его учили мы, – мы-то и знали не так уж много. Деньги – корень всех зол. Ну что ж, я бы, пожалуй, не стал отрицать этого! Я и сам проповедовал это много лет! Братская любовь, товарищество, религия – это опиум для народа – ну, с этим последним я согласиться не мог, но если взять клерикализм, интриги в высших церковных кругах, католицизм, идолопоклонство – тогда он, пожалуй, был не слишком далек от истины, так как я ее понимал. Он и о нас, англичанах, говорил не слишком приятные вещи, но мы, пожалуй, их заслужили, осмелюсь заметить.

– Это, однако, не мешало ему есть за твоим столом, так ведь? – сказала Дорис, снова очень тихо и словно разговаривая сама с собой. – Или отречься от своей религии. Или разгромить миссию, не оставив камня на камне.

Но старик только снисходительно улыбнулся:

– Дорис, дорогая моя, я тебе уже много раз говорил и еще раз скажу: Господь являет свою волю по-разному. И если стремящиеся к добру готовы искать истину, и справедливость, и братскую любовь – Ему не придется долго ждать у дверей для Него найдется место в их сердце.

Дорис покраснела, и спицы еще быстрее замелькали у нее в руках.

– Конечно же она права. Нельсон разгромил миссию. И от религии отрекся. – Облачко огорчения на мгновение появилось на лице проповедника, но все-таки возобладало другое, и он неожиданно рассмеялся: – А помнишь, какого жару ему задал за это Дрейк? Такую головомойку устроил. Ох, не могу! «Политика, – сказал Дрейк, – ее нельзя есть, ее нельзя продать и, не в присутствии Дорис будь сказано, с ней нельзя спать! Единственное, на что она годится, – это крушить храмы и убивать ни в чем не повинных людей!» Я больше никогда не видел его таким сердитым. И он устроил Нельсону хорошую выволочку, ох и устроил! Дрейк кое-чему научился в своих доках. Это уж я точно могу вам сказать!

– Вот и скажите, это ваш д о л г, – по-змеиному прошипел в темноте ди Салис. – Вы должны рассказать нам в с е. Это в а ш д о л г.

– Студенты устроили шествие, – возобновил рассказ мистер Хибберт. – Факелы, ночь (это было после комендантского часа), коммунисты вышли на улицы, чтобы хорошенько пошуметь. Это было в начале сорок девятого – думаю, весной, тогда еще все только разгоралось. – Стала заметна разительная перемена в том, как мистер Хибберт рассказывал: если раньше его повествование было разбросанным и хаотичным, сейчас он стал неожиданно точным и немногословным. – Мы сидели у огня – помнишь, Дорис? Дорис тогда было четырнадцать или пятнадцать? Мы любили разводить огонь в камине, даже когда в этом не было большой необходимости, – это напоминало нам дом и Маклсфилде. И тут мы услышали на улице топот и лозунги, которые они декламировали нараспев. Шум был оглушительный: свистки, гонги, колокольчики, барабаны, тарелки, как у музыкантов, – просто ужас. Я подозревал, что дело идет к этому. Маленький Нельсон, он все время предупреждал меня во время наших уроков английского. «Уезжайте домой, мистер Хибберт. Вы хороший человек» – говорил он мне, благослови его, Господи. – Вы хороший человек, но когда прорвет плотину, вода хлынет и затопит, не разбирая, и хороших, и плохих". Он иногда использовал такие интересные образы, Нельсон, когда хотел. Это у него шло or его веры. Это не придумывалось специально. Он ч у в с т в о в а л это. «Дейзи, – сказал я Дейзи Фонг – она сидела с нами у огня, та самая, что звонила в колокольчик. – Дейзи, идите с Дорис в задний дворик: я думаю, к нам сейчас нагрянут гости». И в следующий момент – дзинь – кто-то бросил камень в окно. Мы услышали голоса – кричали очень громко, я сразу узнал молодого Нельсона, просто по голосу. Он вообще-то, разумеется, говорил и на чиу-чау, и на шанхайском, но на этот раз он, естественно, говорил с этими парнями на шанхайском. Он кричал: «Смерть цепным псам империализма! Долой злобных религиозных гиен!» Ох уж эти мне лозунги, которые они выдумывают! По-китайски они еще как-то звучат, а переведите их на английский – получается какая-то галиматья. Потом не выдержала дверь – и ввалились они.

– Они разбили крест, – сказала Дорис, оторвавшись на минуту от вязания, чтобы взглянуть на образец рисунка.

Но на этот раз Хибберт, а не дочь, удивил всех слушавших своей приземленностью.

– Они разбили не только его, Дори, а во много раз больше! – бодро возразил он ей. – Они разгромили все. Церковные скамьи, престол Господень, пианино, стулья, лампы, разбросали книги и Библии. Да, они здорово разошлись – это я могу вам точно сказать. Настоящие вандалы, вот кто они были. Я им сказал: Давайте, продолжайте. Не стесняйтесь. То, что создал человек, может быть разрушено, но вы не уничтожите слово Божие, даже если вы изрубите здесь все в щепки". Нельсон не осмеливался на меня глаза поднять, бедняга. Мне было жаль его до слез. Когда они ушли, я посмотрел вокруг и увидел старую Дейзи Фонг. Она стояла в дверях, а Дорис – за ней. Дейзи смотрела на это, и ей было приятно. Я видел по ее глазам. Она в душе была одной из них. И в тот момент она была счастлива. «Дейзи, – сказал я ей. – Пойди собери вещи и уходи. В этой жизни ты можешь посвятить себя чему-то, а можешь этого не делать – как пожелаешь, моя дорогая. Но никогда не отдавайся чему-нибудь на время. Потому что это хуже, чем быть шпионом».

Конни лучезарной улыбкой выразила свое согласие, а ди Салис обиженно засопел. Но старик почти не заметил этого – он жил своим рассказом и черпал в нем вдохновение.

– Ну вот, мы сели вдвоем – мы с Дорис, вот она, – и всплакнули – правда, Дорис? И я не стыжусь в этом признаться. Я не стыжусь слез, никогда не стыдился. Нам очень не хватало твоей матери, очень. Мы преклонили колена и помолились. А потом начали убираться. Трудно было решить, с чего начать. И вдруг входит Дрейк! Он покачал головой, чтобы показать, как удивился тогда. «Добрый вечер, мистер Хибберт», – говорит он своим сочным низким голосом, с особым акцентом: он немного перенял у меня мой северный выговор – мы всегда над этим смеялись. А за ним – маленький Нельсон, стоит со щеткой и тазом в руках. Рука у него так и осталась скрюченной – наверное, она и сейчас такая же, та, в которую он был ранен маленьким, – но это не помешало ему управляться со щеткой. Это уж точно, можете мне

поверить. И вот тут-то Дрейк задал ему. О, как он его ругал – как сапожник, хоть он и не был сапожником, но в каком-то смысле был чернорабочим. Я никогда ни до, ни после не слышал, чтобы он так ругался. – Хибберт безмятежно улыбнулся дочери. – К счастью, он говорил на чиу-чау, – помнишь, Дорис? Я не очень хорошо понимаю его – может быть, наполовину, а он использовал слова, большей частью мне не известные. Но слышали бы вы! Кого он только не поминал: и черта, и дьявола, и слова погрубее, и уж я не знаю что.

Он замолчал на минуту и прикрыл глаза – то ли от усталости, то ли чтобы помолиться.

– Конечно, Нельсон был не виноват. Ну, это мы уже знали. Он был лидером. Ему нельзя было потерять свое лицо. Когда они устроили эту процессию и двинулись по улицам, у них не было определенной цели, и вдруг кто-то крикнул ему: «Эй, мальчик из миссии! Покажи-ка нам, с кем ты теперь!» Вот они сделал это. У него не было другого выхода. Но все равно это не помешало Дрейку устроить ему хорошую трепку. Мы ушли спать, они все убрали и устроились на ночь в церкви на полу, на случай если бы толпа вернулась. Когда мы встали утром и спустились вниз, все книги были аккуратно сложены в стопки – все, что сохранились, и Библии тоже. Они сами подправили крест. И даже починили, как могли, пианино, но только, конечно, настроить его было уже невозможно.

Снова завязав руки в какой-то невообразимый узел, ди Салис задал вопрос. Как и у Конни, перед ним лежала открытая записная книжка, но он еще так и не написал в ней ни слова.

– Какая дисциплина была в это время у Нельсона? – требовательно спросил он своим негодующе-гнусавым голосом и приготовился записать.

Мистер Хибберт озадаченно нахмурился.

– Ну как, он, разумеется, подчинялся дисциплине своей партии – коммунистической.

– Ой, папа, – смущенно прошептала Дорис, уткнувшись в свое вязание, а Конни поспешила пояснить вопрос

– Что Нельсон в это время изучал, мистер Хибберт? И где?

– А, предмет. В этом смысле дисциплина! – И мистер Хибберт снова вернулся к ясной манере изложения.

Он знал точный ответ. О чем еще могли они говорить с Нельсоном во время уроков английского языка, кроме коммунистического учения, если не о планах самого Нельсона? Младший Ко был помешан на инженерном деле. Он верил в технику, а не в Библию, и считал, что именно она выведет Китай из состояния феодализма.

Судостроение, шоссейные и железные дороги, заводы и фабрики – вот о чем мечтал Нельсон. Архангел Гавриил с белым воротничком, дипломом инженера и логарифмической линейкой в руках – вот кем он мысленно видел себя.

Мистер Хибберт пробыл в Китае недостаточно долго, чтобы увидеть, как юноша благополучно достиг своей желанной цели, потому что Нельсон получил диплом только в пятьдесят первом.

Ди Салис изо всех сил царапал что-то в своей книжке.

– Но Дрейк, который все эти шесть лет работал на него и где только мог, почти не тратя на себя, добывал деньги, – продолжал мистер Хибберт, не обращая внимания на Дорис, которая пыталась вставить что-то о Триадах. – Дрейк все вынес и был вознагражден за это – точно так же, как и Нельсон. Он видел, как Нельсону вручили этот кусочек картона, который так много определяет в жизни, и он понял, что сделал то, чего добивался, и что теперь он может отойти от дел, как он всегда и планировал.

Ди Салис пришел в крайнее волнение и с каждой минутой становился все более возбужденным. Его некрасивое лицо пошло красными пятнами, он едва мог усидеть на своем стуле.

– А п о с л е окончания учебы – что было потом? – настойчиво добивался он. – Что он д е л а л ? Что с ним стало? Рассказывайте дальше. П о ж а л у й с т а, продолжайте.

Мистер Хибберт, польщенный таким горячим интересом, улыбнулся.

– Ну, как говорил Дрейк, – сказал он, – Нельсон сначала работал чертежником на судоверфи, готовил разные проекты и учился. Хватал все на лету у русских инженеров, которые в те годы, после победы Мао, в большом количестве хлынули в Китай. Потом, в пятьдесят третьем, если мистеру Хибберту не изменяет память, Нельсон был удостоен чести быть отобранным для дальнейшей учебы в Ленинградском университете в России, и он пробыл там – ну, по крайней мере, до конца пятидесятых. Видели бы вы, как Дрейка распирало от гордости, когда он об этом рассказывал – казалось, еще немного – и лопнет! – Мистер Хибберт и сам был очень горд – как будто рассказывал о своем собственном сыне.

Неожиданно ди Салис наклонился вперед, держа ручку наперевес, словно, несмотря на остерегающие взгляды Конни, собирался ткнуть ею старика.

– Итак, после Ленинграда что стало с ним?

– Ну что? Разумеется, он вернулся в Шанхай, – ответил мистер Хибберт, рассмеявшись. – И конечно же получил повышение – при той квалификации, при том авторитете… Ну как же – судостроитель, получил образование в России, знает и инженерную, и административную сторону дела! А как он восхищался этими русскими! Особенно после Кореи. У них было все: машины, могущество, идеи, философия. Эта Россия была для него Землей Обетованной. Он боготворил их как… – Голос старика оборвался, и энтузиазм, с которым он говорил, тоже внезапно иссяк. – О Господи! – пробормотал он и остановился – снова, уже во второй раз за время их беседы, испытав неуверенность, правильно ли он поступает. – Но это не могло продолжаться вечно, так ведь? Это восхищение Россией: как долго оно продолжалось в чудо-стране, которую создавал Мао? Дорис, дорогая, дай мне, пожалуйста, шаль.

– Она у тебя на плечах, – ответила Дорис.

Ди Салис продолжал наступать, совершенно забыв о приличиях. Он забыл обо всем, даже о записной книжке на коленях: ему нужно было только получить ответы на свои вопросы.

– Он вернулся, – пронзительно верещал он. – Хорошо.

Он заметно продвинулся по служебной лестнице. Он получил образование в России, он был почитателем России. Замечательно. Ч т о б ы л о д а л ь ш е ?

Мистер Хибберт долго смотрел на собеседника. Его лицо было бесхитростным, так же как и взгляд. Он смотрел, как мог бы смотреть умный ребенок, не имеющий представления о хитрости и коварстве. И вдруг стало ясно, что мистер Хибберт больше не верит ди Салису, более того, он ему не нравится.

– Его уже нет, молодой человек, – сказал наконец Хибберт и, развернув вращающееся кресло, погрузился в созерцание морского пейзажа за окном.

В комнате было уже почти совсем темно, и только газ давал немного света. Серый пляж за окном был пустынен. На калитке сидела чайка, она казалась очень большой и черной на фоне последних отблесков заходящего солнца.

– Но вы сказали, что у него и сейчас по-прежнему скрюченная рука, – раздраженно прервал его ди Салис. – Вы сказали, что полагаете, что так оно и есть. Вы сказали это про сегодняшний день. Я слышал это в вашем голосе!

– Ну ладно, я думаю, мы уже достаточно утомили мистера Хибберта, – сказала Конни примирительно и, бросив строгий взгляд на ди Салиса, наклонилась, чтобы взять сумочку. Но ее соратника было трудно остановить.

– Я не верю ему! – закричал он пронзительным визгливым голосом. – Как? Когда умер Нельсон? Назовите нам даты!

Но старик только кутался в шаль и не отводил взгляда от моря.

– Мы были в Дареме, – сказала Дорис, все еще не поднимая глаз от вязания, хотя было уже слишком темно, чтобы вязать. – Дрейк приехал туда повидаться с нами на своем лимузине. У него был шофер, и еще с ним был помощник, он всегда его сопровождает – Тиу. Они когда-то вместе занимались мошенническими делами в Шанхае. Ему хотелось покрасоваться. Ко привез мне в подарок платиновую зажигалку и тысячу фунтов наличными для папиной церкви. Дрейк хвастался орденом Британской Империи – он у него был в коробочке. Он отвел меня в сторонку и пригласил приехать в Гонконг и стать его любовницей – и это прямо у отца под носом! Какая наглость! Он хотел, чтобы отец подписал какую-то бумагу. Поручительство. Сказал, что собирается изучать право в Грейз Инн. Подумайте только, в его-то годы! В сорок два! Говорят, некоторые учатся так поздно. Он-то, конечно, и не собирался всерьез учиться! Все это делалось для вида, все

только разговоры, как всегда. Папа спросил у него: «А как Нельсон?» И…

– Подождите минуточку, пожалуйста, – снова ее прервал ди Салис, совершив еще одну непростительную ошибку. – Назовите дату, пожалуйста. Когда все это было? Мне нужны даты!

– В шестьдесят седьмом. Папа уже собирался на пенсию – правда, папа?

Старик не отозвался.

– Хорошо, в шестьдесят седьмом. В каком месяце? Поточнее, пожалуйста!

Он едва не сказал: «Поточнее, женщина». Конни уже всерьез начинало беспокоить его поведение. Но когда она еще раз попыталась удержать его, он не обратил на нее ни малейшего внимания.

– В апреле, – сказала Дорис, подумав немного. – Это было вскоре после папиного дня рождения. Именно поэтому он привез тысячу фунтов для церкви. Он знал, что папа не возьмет денег для себя, потому что папа не одобряет то, как Дрейк зарабатывает их.

– Отлично. Хорошо. Замечательно. В апреле. Значит, к апрелю шестьдесят седьмого Нельсон уже умер. А что рассказал Дрейк об обстоятельствах его смерти? Какие подробности? Вы что-нибудь помните?

– Он ничего не рассказывал. Никаких подробностей. Я вам говорила. Папа спросил, и он просто ответил: «Мертв», как будто Нельсон собака. Вот вам и братская любовь. Папе было так неловко, что он даже не знал, куда глаза девать. Отец был потрясен, это был удар в самое сердце – и тут же Дрейк, с безразличным видом, как будто его это совсем не трогает: «У меня нет брата. Нельсон мертв». А папа ведь еще продолжал молиться за Нельсона – правда, папа?

На этот раз старик ответил. В сумерках его голос звучал гораздо громче.

– Я всегда молился за Нельсона, я и сейчас по-прежнему молюсь за него, – сказал он просто. – Когда он был жив, я молился о том, чтобы так или иначе он выполнил свое Божественное предназначение в мире. Я верил, что он способен свершить великие дела. Дрейк – тот нигде не пропадет. Он крепкий парень Его так просто из седла не выбьешь. Но свет у дверей Миссии Жизни Господней горел бы не напрасно, если бы Нельсон Ко сумел помочь в создании справедливого общества в Китае. Пусть Нельсон называл бы его коммунизмом. Неважно, как называть. Но в течение трех долгих лет мы с твоей матерью отдавали ему нашу христианскую любовь, и я не потерплю, чтобы кто-нибудь – ты, Дорис, или кто-то еще – говорил, что свет Божественной любви может погаснуть навсегда. Его не могут погасить ни политическая борьба, ни меч. – Он глубоко вздохнул. – А теперь, когда он мертв, я молюсь о его душе, точно так же, как я молюсь о душе твоей матери, – закончил он, и почему-то казалось, что его последние слова прозвучали не столь убежденно. – И если это наивные глупости – пусть так.

Конни уже совсем поднялась уходить. Она знала, что важно вовремя остановиться; она хорошо чувствовала обстановку, и ее пугал ди Салис, который шел напролом, не зная удержу. Но тот взял след и, учуя его, остановиться не мог.

– Значит, он умер не своей смертью, да? Вы сказали: политическая борьба и меч. Какая политическая борьба? Это Дрейк вам так сказал? Ведь по-настоящему убивали относительно редко, вы же знаете, Я уверен, вы что-то скрываете от нас!

Ди Салис тоже поднялся, но встал не напротив мистера Хибберта, а рядом с ним и теперь отрывисто бросал вопросы вниз, на седую голову старика, как будто участвуя в имитационной игре «допрос» в Саррате.

– Вы были так б е з м е р н о любезны… – рассыпалась тем временем в благодарностях перед Дорис Конни. – Мы узнали все, что нам было нужно, и даже больше. Я уверена, что вопрос о возведении в рыцарское звание завершится благополучно, – сказала она со значением, явно адресуя эти слова в первую очередь ди Салису. – А теперь нам надо идти, и еще раз о г ро м н о е спасибо вам обоим.

Но на этот раз ее намерение осталось невыполненным из-за самого старика.

– А еще через год он потерял и второго своего Нельсона – Господи, помоги ему и утешь, – своего малыша, – пробормотал он. – Увы, Дрейку предстоит одинокая старость. Это было его последнее письмо – да, Дорис? «Помолитесь за моего малыша Нельсона, мистер Хибберт» – так он написал. И мы молились за него. Он хотел, чтобы я прилетел в Гонконг и совершил погребальный обряд. Но я не мог этого сделать – сам не знаю почему. По правде сказать, я никогда не любил очень пышные похороны.

Тут ди Салис буквально набросился на старика, словно хищная птица на жертву, при этом его лицо выражало неподдельное ликование – на него было страшно смотреть. Он наклонился прямо над Хиббертом, в возбуждении схватил край шали, в которую тот кутался, и зажал его в кулаке.

– А г а / В о т – в о т / А он когда-нибудь просил вас молиться за Нельсона-старшего? Отвечайте мне.

– Нет, – просто ответил старик. – Нет, не просил.

– А почему нет? Если, конечно, он на самом деле не был жив! В Китае есть много способов умереть, вы ведь согласитесь со мной? И не все из них означают физическую смерть! Может быть, точнее было бы употребить другое слово – опозорен?

Его пронзительный голос, как злой дух, носился по комнате, освещенной газом.

– Пусть они уйдут, Дорис, – спокойно сказал старик, глядя на море. – Посмотри, как там шофер, дорогая. Не замерз ли. Зря мы не отнесли ему чаю, но теперь уж все равно.

Они прощались в прихожей. Старик остался сидеть в кресле, и Дорис закрыла дверь в комнату. Иногда шестое чувство Конни срабатывало с пугающей точностью.

– Имя Лиза вам что-нибудь говорит, мисс Хибберт? – спросила она, застегивая пряжку на своем необъятных размеров пальто из искусственной кожи. – У нас есть сведения, что в жизни мистера Ко есть некая Л и з а.

Лицо Дорис, на котором не было никакой косметики, сердито нахмурилось.

– Так звали маму, – сказала она. – Она была немкой, лютеранского вероисповедания. Так этот подлец украл и это?

Когда они оказались в машине, сидевший за рулем Тоби Эстерхейзи помчал их, вместе с их потрясающими новостями, домой, к Джорджу. По пути они поругались из-за того, что ди Салис так несдержанно вел себя. Особенно был шокирован Тоби, а Конни всерьез опасалась, что старик может написать Ко. Но вскоре осознание важности того, что они узнали, возобладало над опасениями, и к вратам своего тайного города они прибыли уже с чувством триумфаторов, одержавших важную победу.

Когда они благополучно оказались в стенах Цирка, наступил звездный час ди Салиса. Вызвав к себе «семейство» экспертов по желтой опасности, он разослал их с заданиями по добыче самой разной информации – и машина закрутилась; под предлогами, придуманными

для сокрытия истинных целей, они разъехались по всему Лондону, а некоторые отправились и в Кембридж. В душе ди Салис был замкнутым и нелюдимым человеком. Никто не знал его – кроме, может быть, Конни, и если Конни не любила его, тогда его не любил никто. В общении с людьми он всегда выступал чужеродным элементом, и частенько казался несуразным. Но никто и никогда не сомневался в его умении сконцентрировать волю, когда идет серьезная охота, и настигнуть добычу.

Ди Салис подробнейшим образом изучил архивные материалы Шанхайского университета связи, по-китайски – Чао Танг, который после второй мировой войны славился преданностью студентов коммунистическим идеалам и воинственной готовностью защищать их, и сосредоточил свои усилия на факультете судостроения, на котором в программу обучения входили и вопросы управления отраслью, и судостроение как таковое. Он составил списки членов партии факультета до и после сорок девятого года и внимательно изучил те немногие сведения о выпускниках, которым поручили руководить подразделениями крупных предприятий, – для занятия такого поста требовалось обладать техническими знаниями. В особенности он уделил внимание верфи Киянгнан – огромному предприятию, где не раз проводились «чистки» гоминьдановских элементов. Составив списки, насчитывающие несколько тысяч имен, он завел досье на всех продолживших образование в Ленинградском университете, а потом снова вернувшихся на ту же верфь с повышением. Учеба на судостроительном факультете в Ленинграде продолжалась три года. По подсчетам ди Салиса, Нельсон должен был заниматься там с пятьдесят третьего по пятьдесят шестой, а потом его должны были направить в отдел морского судостроения Шанхайского муниципалитета, что прямо означало возвращение на верфь Княнгнан. Исходя из того, что у Нельсона могло быть китайское имя, по-прежнему неизвестно, и к тому же он мог взять себе новую фамилию – что было вполне вероятно, ди Салис предупредил всех помощников, что биография Нельсона, возможно, делится на две части – и каждой соответствует отдельное имя. Они должны были смотреть в оба, чтобы не проглядеть признаков двух половинок одной жизни.

Всеми правдами и неправдами ди Салис заполучил списки зачисленных на соответствующие факультеты в Шанхайском и Ленинградском университетах и списки выпускников и сопоставил их. Эксперты, занимающиеся Китаем, – это особое братство, которому нет аналогов, и общность их интересов важнее правил протокола и сильнее национальных различий. У ди Салиса были связи не только в Кембридже и во всех архивах мира в отделах Востока, но и в Риме, Токио и Мюнхене. Он разослал письма повсюду, замаскировав свою настоящую цель среди множества других вопросов. Даже Кузены, как выяснилось впоследствии, не вполне сознавая, что делают, открыли для него некоторые свои материалы. Он прибег и к еще более хитрым способам получения информации. Он отправил «копателей» к баптистам, чтобы они порылись в архивных записях регистрации учеников миссионерских школ, в расчете на ничтожно малый шанс, что китайские имена Нельсона все-таки были записаны и остались в архиве. Он навел справки обо всех известных ему случаях смерти руководителей среднего уровня в судостроительной промышленности.

Но это было только одно направление его работы. Другое было связано с началом, как называла ее Конни, Великой Богопротивной Культурной Революции, в середине шестидесятых, и касалось имен шанхайских деятелей, которые из-за своих преступных прорусских взглядов были официально изгнаны со своих постов, ошельмованы или отправлены в «Школу 7 мая» для того, чтобы вновь осознать возвышающее человека достоинство крестьянского труда. Ди Салис также проверил списки посланных в лагеря трудового перевоспитания, но это не принесло успеха. Он искал в обличительных листовках хун-вэйбинов упоминания о порочном влиянии баптистского воспитания на того или иного деятеля, впавшего в немилость, он играл в сложные игры с именем Ко. Где-то в подсознании жила мысль, что, возможно, изменив имя, Нельсон мог выбрать другой иероглиф, однако сохранив внутреннюю связь с первоначальным. Поэтому ди Салис искал иероглиф, который читался бы либо точно так же, либо очень похоже.

Но когда он попытался рассказать все это Конни, она очень быстро устала от длинных объяснений и не захотела выслушать до конца.

Конни Сейшес вела свои поиски в совершенно ином направлении. Ее внимание сосредоточилось на деятельности известных Цирку вербовщиков, прошедших подготовку у Карлы и работавших среди иностранных студентов в Ленинградском университете в пятидесятые годы, и еще на слухах, которые так и не были подтверждены, что Карла, будучи молодым агентом Коминтерна, после войны откомандировывался в Шанхай для оказания помощи коммунистическому подполью в воссоздании секретной организации.

В середине всей этой бурной деятельности по «раскапыванию» новой информации взорвалась небольшая бомба, доставленная с Гроувенор-сквер. Они еще не успели переварить информацию, полученную от мистера Хибберта, и обе «семьи» вели лихорадочный поиск, когда Питер Гиллем принес Смайли срочное сообщение. Смайли был, как обычно, погружен в чтение каких-то бумаг, и когда Питер вошел, он положил папку в ящик письменного стола и закрыл его.

– Это от Кузенов, – мягко сообщил Гиллем. – Относительно братца Рикардо, вашего любимого пилота. Они хотели бы повидаться с вами во Флигеле как можно быстрее. Я должен был перезвонить им еще вчера.

– Ч е г о они хотят?

– Встретиться с вами. Они использовали другой глагол – «повидаться».

– Правда? Неужели так и сказали? Господи, что творится! Не иначе как под влиянием немецкого языка. Или так раньше по-английски говорили? «Повидаться со мной». Да-а, скажу я вам. – И Смайли отправился в ванную бриться.

Вернувшись в свой кабинет, Гиллем застал там Сэма Коллинза, который, развалясь, сидел в кресле, курил одну из своих ужасных коричневых сигарет и улыбался той самой улыбкой, которую можно стирать, если она испачкается от частого ношения.

– Что-нибудь случилось? – вальяжно спросил Сэм.

– Убирайся отсюда к чертовой матери, – резко ответил Гиллем.

Гиллему совсем не нравилось, что Сэм слишком часто сует свой нос куда не следует, а в этот день у него были особые и весьма веские основания не доверять ему. Когда сегодня он зашел к Лейкону в Секретариат кабинета министров, чтобы отдать на проверку ежемесячный отчет Цирка о расходовании выделенных средств, он с удивлением увидел, как из кабинета Лейкона выходит Сэм и запросто перебрасывается шутками с ним и Солом Эндерби из Министерства иностранных дел.

Воскресение Рикардо

До «краха» обе разведслужбы участников «особых отношений» регулярно, раз в месяц, проводили встречи, которым всегда старались придать как можно более неофициальный характер. После них всех обычно приглашали «промочить горло», как любил называть это Аллелайн, предшественник Смайли. Если встреча проходила на территории американцев, Аллелайна и его команду (среди них – весьма популярного Билла Хейдона) приглашали в огромный бар на крыше, более известный в Цирке под названием «Планетарий», Угощали сухим мартини и таким видом на Вэст-Энд (Фешенебельная часть Лондона), который вряд ли можно было увидеть где-нибудь еще. А когда хозяевами были англичане, то в «цирковой» комнате для совещаний устанавливали раскладной стол и покрывали его штопаной скатертью. Американских гостей приглашал и посетить последний бастион шпионского ведомства, неподалеку от района фешенебельных клубов в Лондоне – и, между прочим, место рождения английской разведывательной службы. Подавали на этих «приемах» южноафриканское шерри, чье происхождение умело скрывалось, поскольку шерри подавали в хрустальных графинах, считая, что гости не заметят разницы. Обычно на этих неофициальных встречах не было

заранее согласованной повестки дня. По традиции на них не делали записей. Старые друзья в этом не нуждаются, а кроме того, скрытые микрофоны, в отличие от участников, всегда остаются трезвыми и справляются с этой задачей гораздо лучше.

После «краха» эти милые встречи на некоторое время полностью прекратились. В соответствии с приказами, полученными Мартелло из его штаб-квартиры в Лэнгли, штат Вирджиния, «от английских союзников надлежало держаться на расстоянии» – английская разведка оказалась в одном списке с разведслужбами Югославии и Ливана, – и некоторое время коллеги, образно говоря, завидев друг друга, переходили на другую сторону улицы и не поднимали глаз. Они напоминали супружескую пару в разгар бракоразводного процесса. Но когда наступило то серое зимнее утро и Смайли с Гиллемом быстро собрались и через некоторое время уже звонили у дверей флигеля юридического советника на Гроувенор-сквер, явственно чувствовалось некоторое потепление в отношениях – оно ощущалось даже в суровых лицах морских пехотинцев у входа, впустивших их.

Двери, между прочим, были двойные, с решетками с позолоченными украшениями в виде перьев поверх черных металлических створок. Суммы, равной стоимости этих дверей, Цирку было бы достаточно, чтобы просуществовать по крайней мере несколько дней. Когда они вошли внутрь, возникло ощущение, как будто они приехали из маленькой деревушки в столицу.

У Мартелло был очень большой кабинет. Так как окон не было, было совершенно невозможно определить время дня или ночи. Над пустым письменным столом, закрывая дальнюю стену, был укреплен американский флаг, будто развернутый ветром. В центре комнаты, вокруг стола красного дерева, стояло несколько самолетных кресел, в одном из них сидел сам Мартелло. Он был крупным мужчиной плотного телосложения, с бодрым выражением лица – выпускник Йельского университета. На нем был костюм для загородных прогулок, всегда казавшийся немного неуместным – не подходящим ни для одного времени года. По обе стороны от него молча сидели двое мужчин с выражением полной искренности на нездорово-бледных лицах.

– Джордж, я очень ценю, что ты смог так быстро прийти, – сердечно приветствовал его Мартелло, выходя из-за стола навстречу. Голос звучал тепло и доверительно. – Ты можешь не сомневаться: я, конечно же, знаю, как ты занят. Я знаю. Сол! – Он повернулся к двум незнакомцам по другую сторону стола; до сих пор на них никто не обратил внимания: один – молодой, с виду помощник Мартелло, только, может быть, менее лощеный; другой – намного старше, коренастый и полный, со шрамом на лице и стрижкой «ежик» – наверняка, ветеран чего-нибудь. – Сол, – повторил Мартелло, – я хочу познакомить тебя с легендой нашей профессии, мистером Джорджем Смайли. Джордж, это Сол Экланд, занимающий ответственный пост в нашем славном Управлении по борьбе с наркотиками, – правильно я говорю, Сол? Сол, познакомься с Питером Гиллемом.

Старший протянул руку, Смайли с Гиллемом по очереди пожали ее. Ощущение было такое, как будто они прикоснулись к сухой коре.

– Отлично, – воскликнул Мартелло, глядя на сцену с удовлетворением свахи, провернувшей хорошее дельце. – Джордж, ты, надеюсь, помнишь Эда Ристоу, тоже из Управления? Он наносил вам визит вежливости несколько месяцев назад. Так вот, Сол принял дела у Ристоу. Сейчас он занимается Юго-Восточной Азией. А этот молодой человек, Сай, работает вместе с ним.

«У американцев потрясающая память на имена: с ними никто не сравнится», – подумал Гиллем.

Сай был моложе тех двоих, что сидели отдельно. У него были баки и золотые часы, он был похож на мормонского миссионера: благочестивый и доброжелательный, но готовый защищаться. Он улыбнулся заученной улыбкой, как будто это было частью его роли, Гиллем улыбнулся ему в ответ.

– А что с Ристоу? – спросил Смайли, пока они усаживались

– Коронарная недостаточность, – ответил ветеран Сол голосом таким же сухим и шершавым, как и его ладонь. Его волосы были похожи на жесткую шерсть и лежали едва заметными волнами. Когда он чесал голову – а делал это он часто, – казалось, что слышно, как проволочно-жесткие пряди трутся друг о друга.

– Мне очень жаль, – сказал Смайли.

– Это может перейти в хроническое состояние, – сказал Сол, не глядя на него, и затянулся сигаретой.

В этот момент Гиллему впервые пришло в голову, что в воздухе витает что-то весьма важное. Он уловил намек на то, что между представителями двух американских организаций существует нешуточная напряженность. У американцев неожиданные смещения с постов, как знал Гиллем из опыта общения с ними, очень редко бывают вызваны такой банальной причиной, как болезнь. Он даже пошел дальше и спросил себя, какую же оплошность совершил предшественник Сола Эндерби.

– Управление по борьбе с наркотиками… э-э… естественно, самым непосредственным образом заинтересовано в нашем небольшом совместном начинании… э-э… Джордж, – сказал Мартелло, и таким не слишком многообещающим заявлением, хоть и косвенно, возвестил о том, что предстоит обсуждение темы Рикардо и его роли, хотя Гиллем почувствовал, что с американской стороны по-прежнему присутствует не совсем понятное желание сделать вид, что встреча на самом деле происходит вовсе не для того. Это явствовало уже из первых фраз Мартелло, на редкость пустых и бессодержательных. – Джордж, наши коллеги в Лэнгли всегда стараются работать в очень тесном контакте со своими добрыми друзьями из Управления по борьбе с наркотиками, – заявил он со всей теплотой, присущей дипломатической устной ноте.

– Взаимно, – буркнул ветеран Сол и в подтверждение его слов выдохнул облако сигаретного дыма, почесывая при этом серо-стальные волосы.

Гиллему показалось, что по характеру он очень скромный человек и сейчас ему не по себе. Сай, молодой помощник, чувствовал себя гораздо более непринужденно.

– Все дело в разграничении сфер деятельности, мистер Смайли, сэр. В таком деле бывают некоторые вопросы, где и та, и другая организация одинаково заинтересованы в чем-то. – Голос Сая был немного высоковат для человека такой комплекции.

– Сай и Сол уже работали вместе с нами в поисках нашего общего противника, – сказал Мартелло, стараясь еще больше успокоить собеседников. – Сай и Сол – свои люди, можешь мне поверить. Лэнгли привлекает к некоторым делам людей из Управления по борьбе с наркотиками, и они, в свою очередь, тоже иногда привлекают Лэнгли. Так мы и работаем. Правильно я говорю, Сол?

– Правильно, – ответил Сол.

«Если они не договорятся между собой в ближайшее время, – подумал Гиллем, – очень м о ж е т б ы т ь, что они выцарапают друг другу глаза».

Питер взглянул на Смайли и увидел, что и тот понимает напряженность момента. Он сидел словно собственное изваяние: руки на коленях, глаза, как обычно, почти закрыты; казалось, его воля – и он стал бы невидимкой, пока перед ним разыгрывают весь этот спектакль с объяснениями.

– Возможно, первым делом стоило бы просто полностью проинформировать друг друга о самых новых данных и последних деталях, – предложил Мартелло, как будто приглашая всех принять душ.

«Первым делом? А что должно последовать?» – подумал Гиллем.

Один из молчунов Мартелло был известен им под рабочим псевдонимом Мэрфи. Волосы и кожа у Мэрфи были настолько светлые, что еще чуть-чуть – и его можно было бы назвать

альбиносом. Взяв в руки папку, Мэрфи с величайшим почтением в голосе начал читать странички из дела. Каждую страничку он брал отдельно и держал перед собой.

– В понедельник объект наблюдения прибыл в Бангкок на самолете компании «Катей Пасифик Эйрлайнз» (информация о рейсе прилагается), в аэропорту на своем шикарном лимузине его встречал Тан Ли (имеется ссылка на информацию в наших архивах). Они сразу же направились в отель «Эраван» в зарезервированный компанией «Эйрси» номер люкс. – Он взглянул на Сола. – Тан является управляющим директором компании «Эйшен Раис энд Дженерал», сэр, которая, в свою очередь, является бангкокским филиалом компании «Эйрси» (имеются ссылки на информацию в наших архивах). Они провели в номере три часа и…

– Э-э, Мэрфи, – прервал его Мартелло.

– Да, сэр?

– Все эти «имеется ссылка», «информация прилагается»…можно не читать. Мы знаем, что у нас есть досье на этих парней. Ладно?

– Хорошо, сэр.

– Ко был один? – требовательно спросил Сол.

– С управляющим Тиу, сэр. Он сопровождает Ко почти повсюду.

В этот момент Гиллем снова случайно посмотрел на Смайли и перехватил его вопросительный взгляд, адресованный Мартелло. Гиллем догадался, что он думает о девушке, – ездила ли и она тоже с ним? – но снисходительная улыбка на лице Мартелло не дрогнула, и мгновение спустя Смайли, казалось, смирился и снова стал внимательно слушать.

Тем временем Сол повернулся к помощнику, и между ними произошел короткий обмен репликами. Это выглядело так, как будто, кроме них, в комнате никого нет.

– Почему никто, черт возьми, не поставит в этом чертовом гостиничном номере микрофоны для прослушивания, Сай? В чем задержка?

– Мы уже предлагали своим людям в Бангкоке сделать это, Сол, но проблема в стенных перекрытиях – в них, по-моему, нет нужных для этого полостей или что-то в этом роде.

– Эти бангкокские клоуны отрастили такие толстые зады, что им теперь ничего не нужно, кроме как нежить их в мягких креслах. Это тот самый Тан, которого мы пытались прижать в прошлом году с героином?

– Нет, того звали Тан Ха, Сол. А этот – Тан Ли. У них там Танов – видимо-невидимо. Тан Ли – всего лишь подставное лицо. Он выступает в роли связного с Фатти Хонгом в Чнанг Мей. А вот уж Хонг поддерживает связи с производителями и крупными распространителями.

– Давно пора отправить туда кого-нибудь, чтобы пристрелить этого сукина сына, – сказал С о л. Было непонятно, какого именно сукина сына.

Мартелло кивнул бледнолицему Мэрфи, чтобы тот продолжал.

– Сэр, затем все трое поехали на машине в Бангкокский порт, то есть Ко, Тан Ли и Тиу, сэр, и осмотрели двадцать или тридцать каботажных суденышек, которые стоят у причалов. Потом на машине они вернулись в Бангкокский аэропорт, и объект наблюдения вылетел в Манилу, на Филиппины, для участия в конференции по цементу в гостинице «Эдем и Бали».

– А Тиу не поехал в Манилу? – спросил Мартелло, чтобы потянуть время.

– Нет, сэр. Он улетел домой, – ответил Мэрфи. Смайли снова бросил взгляд на Мартелло.

– По цементу, держи карман шире! – воскликнул Сол. – Мэрфи, а те суда, которые они осматривали, их используют для доставки наркотиков в Гонконг?

– Да, сэр.

– Мы знаем эти суда, – с упреком сказал Сол. – Мы заними охотимся уже не первый год. Так, Сай?

– Абсолютно верно.

Сол обрушился на Мартелло, как будто именно он во всем виноват:

– Они выходят из порта абсолютно пустыми и берут наркотики на борт только в открытом море. Никто не знает, на какое именно судно погрузят товар – даже капитан судна, на которое пал выбор, – до тех пор, пока катер не пришвартуется и не передаст партию наркотиков. А когда они входят в территориальные воды Гонконга, то выбрасывают груз с сигнальными буями за борт, и через некоторое время его подбирают джонки. – Сол говорил очень медленно, как будто ему больно, с усилием выдавливая хриплые слова: – Мы уже много лет упрашиваем англичан хорошенько пошерстить джонки, ноэти сукины дети все подкуплены.

– Это вся информация, которой мы располагаем, сэр, – закончил Мэрфи и положил прочитанное на стол.

Снова наступило неловкое молчание. Хорошенькая девушка с подносом с кофе и печеньем ненадолго прервала эту тягостную паузу, но, когда она вышла, стало еще хуже

– А почему бы вам просто не сказать ему все? – наконец предложил Сол. – Или давайте я это сделаю.

И только тогда они, как сказал бы Мартелло, приступили к главному и весьма щекотливому делу.

Речь и движения Мартелло стали одновременно и торжественными, и доверительными: ни дать ни взять – семейный адвокат, читающий завещание усопшего наследникам.

– Джордж… э-э… по нашей просьбе в Управление по борьбе с наркотиками, чьих представителей мы видим сейчас перед собой, еще разок, как бы это выразиться, поточнее перепроверили всю информацию, связанную с пропавшим пилотом Рикардо, и, как мы и предполагали, обнаружили довольно значительный по объему материал, который до тех пор в силу различных обстоятельств оставался неизвестным, чего, конечно же, не должно было быть. И сейчас, мне думается, никто не окажется в выигрыше, если мы начнем искать виновных и показывать на кого-то пальцем; кроме того, Эд Ристоу – очень больной человек. Давайте просто констатируем, что так уж получилось, что информация о Рикардо попала в некую «мертвую зону» между нами и Управлением. Теперь «зона» ликвидирована, и мы хотели бы проинформировать вас о том, что нам теперь известно.

– Спасибо, Марти, – не выказав никакого раздражения, произнес Смайли.

– Похоже, Рикардо все-таки жив, – объявил Сол. – И похоже, мы допустили первостатейный ляп.

– Допустили что? – резко переспросил Смайли, еще до того, как смысл сказанного дошел до него.

Мартелло поспешил выступить в роли переводчика:

– Ошибку, Джордж. Обычную ошибку, какую всегда может допустить человек. Это со всеми случается. Л я п. Даже с тобой, наверное?

Гиллем внимательнейшим образом изучал ботинки Сая. Их широкие ранты блестели так, что напоминали резиновые. Смайли смотрел вверх, на боковую стену, на портрет бывшего президента Никсона, чей благожелательный взгляд, казалось, одобрительно наблюдает за этим тройственным союзом. Никсон ушел в отставку добрых полгода назад, но Мартелло, судя по всему, был полон трогательной решимости не отрекаться от него. Мэрфи и второй молчаливый помощник Мартелло даже не шевелились – как дети в присутствии епископа, пришедшие в церковь для первого причастия. Только Сол постоянно был в движении: то почесывал свой слегка волнистый «ежик», то попыхивал сигаретой – он был похож на второго ди Салиса, только гораздо более внушительных размеров.

«Сол никогда не улыбается, – подумал Гиллем отстраненно, – он разучился делать это».

Мартелло продолжал:

– Смерть Рикардо официально зарегистрирована в наших досье как событие, имевшее место двадцать первого августа или около того, так я говорю, Джордж?

– Совершенно верно, – подтвердил Смайли. Мартелло перевел дух и склонил голову в другую сторону, сверяясь со своими записями.

– Однако… э-э… второго сентября, то есть пару недель спустя после его… э-э… официально зарегистрированной смерти. Так? Выходит, что Рикардо лично обратился в одно изместных отделений Бюро по борьбе с наркотиками в азиатском регионе. Сол не хотел бы… э-э… уточнять, в какое именно отделение, и я с пониманием отношусь к его желанию.

Гиллем решил, что эти бесконечные «э-э» помогают Мартелло не замолкать, когда ему надо немного подумать.

– Рикардо предложил этому бюро свои услуги: он хотел продать товар и информацию относительно… э-э… якобы полученного им задания, связанного с опиумом, для выполнения которого, как он утверждал, он должен был лететь прямо через границу в… э-э… красный Китай.

Внутри у Гиллема все похолодело. Это чувство долго не проходило. Ощущение, что он присутствует при каком-то исключительно важном событии, становилось тем сильнее, чем длиннее и бессодержательнее были беседы, предшествовавшие разговорам о множестве малозначительных или совсем незначительных мелочей. Впоследствии он рассказывал Молли, что «вдруг отдельные ниточки сами собой сплелись в один узор», представший перед ним во всей своей красе. Но это ему потом так вспоминалось, он, без сомнения, немного прихвастнул, преувеличив собственную проницательность. И тем не менее сам шок – после того как они так долго ходили вокруг да около, строили всяческие предположения и рылись в архивах, – сам шок от того, что все это почти физически ощутимо связалось с континентальным Китаем, был настолько реальным, что здесь никаких преувеличений и не требовалось.

Мартелло снова повел себя как уважаемый мэтр юриспруденции.

– Джордж, я должен сообщить тебе еще кое-какие детали о… э-э… некоторых наших прошлых проблемах и компромиссах, которые мы предпочли бы не разглашать. В ходе боевых действий в Лаосе Фирма прибегала к помощи некоторых северных горских племен – может быть, ты даже знал об этом. Они живут чуть ли не на территории Бирмы – ну, ты знаешь эти племена, шэнов. Они добровольно участвовали в действиях на нашей стороне – ты следишь за моей мыслью? Многие из племен жили тем, что выращивали только одну «культуру» – э-э… опиумный мак – и в интересах тогдашнейвойны Фирме пришлось… э-э… закрыть глаза на то, что мы не в силах были изменить. Ты следишь за моей мыслью? Этим людям надо было как-то жить, у них просто не было другого способа существования, и они не видели ничего дурного в том… э-э… что выращивают опиумный мак. Ты следишь за моей мыслью?

– Боже Всемилостивый! – прошептал Сол едва слышно. – Ты слышал, Сай?

– Слышал, Сол.

Смайли сказал, что он все понимает.

– Эта политика, проводившаяся… э-э… Фирмой, на очень короткое время вызвала исключительно тактические, не принципиального характера, разногласия между Фирмой с одной стороны… и э-э… Управлением по борьбе с наркотиками – с другой. Потому что, видишь ли, в то время как доблестные подчиненные Сола всеми силами старались прекратить… э-э…злоупотребление наркотиками (а это в высшей степени достойная цель) и… э-э… перекрыть этот поток, что является их главной задачей и святой обязанностью, Джордж, интересы Фирмы в тот момент, точнее сказать, заинтересованность в успешном ведении войны, – ты следишь

за моей мыслью, Джордж? – требовали, чтобы мы, так сказать… э-э… закрыли глаза на некоторые вещи.

– Фирма стала крестным отцом для этих горских племен, – пророкотал Сол. – Все мужчины племени воевали, а люди Фирмы летали в их деревни, помогали собирать урожай мака, трахались с их женщинами и служили перевозчиками для наркоты.

Но Мартелло не так-то легко было выбить из седла.

– Видишь ли, Сол, мы считаем, что это будет некоторым преувеличением, но… э-э… надо признать, что охлаждение между нами возникло, и это главное, что может представлять интерес для нашего друга Джорджа. Что касается Рикардо, надо сказать, что он парень не промах. Он много раз летал по поручению Фирмы в Лаос, а когда война закончилась, Фирма помогла ему устроиться в новой жизни, распростилась, щедро заплатив, и прекратила какие бы то ни было контакты. Когда войны нет, эти парни не годятся ни для чего другого, никому не нужны. Поэтому… э-э… возможно, в тот момент Рикардо, который, можно сказать, был нашим «образцовым лесником», э-э… превратился, так сказать… э-э… в «браконьера» Рикардо – ты следишь за моей мыслью?

– По правде сказать, н е с о в с е м, – не проявляя никаких эмоций, признался Джордж.

У Сола в отличие от Смайли не было ни малейшего желания подсластить горькую правду.

– Пока шла война, Рикардо возил наркотики для Фирмы, чтобы в селениях горского племени не погасли очаги. Война закончилась, и он стал возить наркотики в частном порядке. Он знал все связи, и он знал кое-какие секреты. Он стал работать на себя, вот и все.

– Спасибо, – поблагодарил его Смайли, и Сол вернулся к почесыванию коротко стриженной головы.

Мартелло снова сделал маленький шажок в сторону не слишком приятной истории о воскрешении Рикардо.

"Должно быть, они договорились между собой, – подумал Гиллем. – Говорит в основном Мартелло. Наверное, он с самого начала сказал Солу: «Смайли – наш партнер!.. Мы будем работать с ним так, как считаем нужным».

– Второго сентября семьдесят третьего года, – рассказывал Мартелло, – а г е н т у Б ю р о п о б о р ь б е с н а р к о т и к а м и в р е г и о н е Ю г о – В о с т о ч н о й А з и и – м ы н е б у д е м н а з ы ва т ь е г о и м я… – настойчиво продолжал он скрытничать, – молодому человеку, который только недавно начал работать на этом поприще, Джордж, поздно ночью позвонили по телефону. Это был самозваный капитан Малыш Рикардо, который считался погибшим, а ранее был наемником в Лаосе и воевал под началом капитана Рокки. Рикардо предложил довольно большую партию опиума-сырца по стандартной закупочной цене. Однако помимо опиума он предлагал свежую информацию за минимальные, по его словам, деньги – он был заинтересован в скорейшем заключении сделки. То есть Рикардо просил пятьдесят тысяч долларов США мелкими купюрами и западногерманский паспорт для того, чтобы выехать в ближайшее время из страны. Агент Бюро, имя которого мы не называем, встретился с ним в ту же ночь, через пару часов, на автостоянке, и они быстро договорились.

– То есть вы хотите сказать, что он к у п и л опиум? – Смайли очень удивился.

– Сол подтвердит, что… э-э… существует твердый тариф для таких сделок, – так, Сол? – о котором известно всем, кто занимается наркотиками, Джордж, и… э-э… он составляет определенный процент от того, какую сумму принесла бы реализация этой партии на улицах городов, правильно? – Сол буркнул что-то, что должно было выражать подтверждение. – У… э-э… агента, которого мы не называем по имени, было задание: если к нему обращаются с таким предложением, всегда закупать предлагаемые наркотики по этой цене. Он действовал как раз на основании этих полномочий. Проблемы не было. Агент также… э-э… высказал готовность при условии одобрения высшими инстанциями предоставить Рикардо документы,

которые имели бы небольшой срок действия, Джордж. – Как выяснилось впоследствии, Мартелло имел в виду западногерманский паспорт, до истечения срока действия которого оставалось всего несколько дней. –…В случае, Джордж, в случае, который еще требовал доказательств, что информация Рикардо окажется достаточно ценной, поскольку одним из направлений работы Бюро являетсяпоощрение людей к предоставлению информации, не останавливаясь перед затратами. Но он, то есть агент, дал понять Рикардо, что эта сделка – паспорт и плата за предоставление информации – должна быть одобрена и санкционирована штаб-квартирой, людьми Сола. Итак, он купил опиум, но отложил решение вопроса об информации. Все правильно, Сол?

– До последней запятой, – пробурчал тот.

– Сол, может быть, будет лучше, если дальше ты расскажешь сам? – предложил Мартелло.

Когда Сол заговорил, все остальные его телодвижения прекратились. Двигались только губы.

– Наш агент попросил Рикардо дать представление о его информации, чтобы в штаб-квартире могли оценить, насколько она интересна. Мы называем это «оценкой в первом приближении». Пилот рассказывает нам, что ему приказано совершить полет с грузом наркотиков через границу, на территорию красного Китая, и вернуться обратно с грузом, который он получит в уплату за доставленный товар. Характер его не назывался. Вот что он сказал. Вот этим он нас заинтересовал. Он добавил, что знает, кто стоит за сделкой, что знает главного хозяина – самого главного из всех главных. Но они все так говорят. Затем Рикардо сказал, что знаком со всеми деталями сделки, но опять же все они так говорят. По его словам, он отправился в континентальный Китай, но выскользнул из-под наблюдения над территорией Лаоса и на бреющем полете вернулся домой, уклоняясь от радарного слежения. Вот и все. Где началось его путешествие, он не сообщил, но сказал, что у него есть обязательства перед людьми, которые дали ему это задание, и если они когда-нибудь его найдут, то загонят ему зубы прямо в глотку. Да, так он и сказал, слово в слово, так и в протоколе записана «зубы в глотку». Поэтому он хотел провернуть дельце как можно скорее, отсюда и выгодная для нас цена – пятьдесят штук. Он не назвал этих людей, не предъявил никаких доказательств, кроме опиума, но сказал, что самолет у него по-прежнему «Бичкрафт», он спрятал его и может показать нашему агенту при следующей встрече при условии, что начальство проявит серьезный интерес к его информации. Это все, чем мы располагаем. – Закончив, Сол занялся своей сигаретой. – Опиум тянул на несколько сот килограммов. Хорошего качества.

Мартелло снова умело взял инициативу в свои руки:

– Итак, некий агент Бюро, которого мы не называем по имени, сообщил все начальству и зарегистрировал полученное предложение, Джордж. Он сделал то, что любой из нас сделал бы на его месте. Он передал в штаб-квартиру информацию, чтобы заинтересовать нас в сделке, и дал Рикардо указание затаиться до тех пор, пока не будет ответа из Центра."Увидимся дней через десять – может быть, через две недели. Вот тебе деньги за опиум, а денег за информацию придется немного подождать. Такие у нас правила". Ты следишь за моей мыслью?

Смайли понимающе кивнул, Мартелло тоже кивнул в ответ, не прекращая рассказа.

– Вот тут-то мы и допустили промах. Именно здесь механизм дал сбой. Из-за ошибки одного человека – правильно я говорю? Бывает, конечно, и хуже, но ненамного. В нашем деле может быть два объяснения прошлых ошибок: умышленный саботаж или простое недоумие. В данном случае налицо элементарный промах, здесь не может быть никаких сомнений. Предшественник Сола – Эд, который сейчас болеет, оценил

полученное предложение на основе того, что было ему представлено. Ты же встречался с ним, Смайли: Эд Ристоу – хороший разумный парень. На основе того, чем располагал, Эд принял решение, которое можно понять, но которое тем не менее было неверным – не принимать предложение. Рикардо хотел пятьдесят тысяч. Пожалуй, за действительно ценную

информацию это не так уж и много, насколько я понимаю. Но Рикардо хотел, чтобы заплатили сразу же – деньги на бочку. Все сразу – и дело кончено. А Эд, видишь ли, Эд чувствовал ответственность, ему и без того хватало разных внутренних проблем, и Эд просто не решился выложить такую сумму денег американских налогоплательщиков человеку вроде Рикардо без гарантий, что взамен получишь что-то действительно ценное. Задумаешься тут, когда имеешь дело с человеком, знающим ходы, выходы и обходные пути, который, может быть, только и хочет, чтобы этот молодой и неопытный агент Бюро по борьбе с наркотиками попался в расставленную ловушку. Поэтому Эд не дал хода делу, а дал указание не предпринимать больше никаких действий. Зарегистрировать – и забыть. Вопрос решен. Опиум – закупить, остальное – нет.

Кто знает, может быть, у Эда действительно неважно с сердцем", – решил Гиллем, не зная, что и думать. Но от части он сознавал, что подобное могло бы случиться и с ним… и даже случалось: предлагают действительно важную информацию, а ты ее упускаешь.

Не тратя времени на бессмысленные упреки, Смайли спокойно перешел к тому, что можно было сделать.

– Где сейчас Рикардо, Марти? – спросил он.

– Неизвестно.

Перед следующим вопросом пауза была гораздо длиннее, это был скорее не вопрос, а просто размышление вслух.

– Вернуться обратно с г р у з о м, х а р а к т е р к о т о р о г о н е н а з ы в а л с я, п о л у ч е н н ы м в у п л а т у з а д о с т а в л е н н ы й т о ва р, – повторил Смайли. – У тебя есть какие-нибудь мысли относительно того, какой груз это мог бы быть?

– Мы решили, что золото. Мы не ясновидящие – точно так же, как и вы, – недружелюбно ответил Сол.

Тут Смайли отключился и на некоторое время совершенно перестал принимать участие в дискуссии. Он ушел в себя, на его лице появилось выражение тревоги, и каждый, кто знал Джорджа, сказал бы, что он погружен в свои мысли так, что не видит и не слышит ничего вокруг. Поэтому Гиллем неожиданно оказался в ситуации, когда нужно было поддерживать разговор. Он, как и Смайли, стал обращаться к Мартелло.

– Рикардо никак не намекнул, куда он должен был доставить груз из Китая?

– Нет. Ничего, кроме того, о чем я уже рассказал. Это все, чем мы располагаем.

Смайли все еще не был готов продолжать словесный поединок. Он устремил мрачный взгляд на свои сложенные на столе руки. Гиллем поискал, о чем еще можно было спросить:

– И не намекнул, каков мог быть предполагаемый вес груза?

– Господи Боже мой, – проговорил Сол, неправильно истолковав отстраненность Смайли. Он медленно покачал головой, словно не веря, что приходится иметь дело с такими туго соображающими партнерами.

– Но вы а б с о л ю т н о уверены, что к агенту обратился именно Рикардо? – спросил Гиллем, продолжая тянуть время.

– На все сто процентов, – подтвердил Сол.

– Сол, – предложил Мартелло, наклоняясь через стол, – Сол, а почему бы тебе не дать Джорджу копию донесения этого агента из местного отделения Бюро – без фамилий, конечно? Тогда он будет владеть всей информацией, которой располагаем мы.

Сол мгновение поколебался, посмотрел на своего помощника, пожал плечами и наконец неохотно достал тонкий лист бумаги из папки перед ним, с мрачным видом оторвав нижний край донесения с подписью.

– Это не для протокола, – проворчал он.

В этот момент Смайли вдруг ожил и, получив бумагу, некоторое время молча внимательно изучал обе ее страницы.

– Скажите, пожалуйста, а где сейчас находится этот безымянный агент Бюро по борьбе с наркотиками, приславший это донесение? – спросил он наконец, посмотрев сначала на Мартелло, потом на Сола.

Сол почесал за ухом. Сай неодобрительно покачивал головой. А оба молчаливых помощника Мартелло никак не прореагировали на происходящее. Бледнолицый Мэрфи продолжал читать что-то в своих записях, а его коллега ничего не выражающим взглядом смотрел на портрет бывшего президента.

– Он обосновался в коммуне хиппи к северу от Катманду, – прорычал Сол, скрытый облаком сигаретного дыма. – Этот сукин сын перебежал к противнику.

Завершающая фраза Мартелло была на редкость нелогичной:

– Вот… э-э… Джордж, почему наш компьютер выдал информацию, что Рикардо уже нет в живых и что он похоронен, в то время как наш общий банк информации – после того как наши друзья из Управления по борьбе с наркотиками тщательно перепроверили имеющиеся сведения – не дает оснований думать так.

До сих пор у Гиллема создавалось впечатление, что Мартелло ни в чем не виноват.

– Парни Сола из Управления опростоволосились, – утверждал он, – но Кузены великодушно готовы простить их и забыть о случившемся.

В атмосфере спада напряженности, установившейся вслед за моментом наивысшего накала страстей, это ложное впечатление еще некоторое время продержалось.

– Поэтому… э-э… Джордж, я бы хотел сказать, что отныне мы все можем рассчитывать – вы, мы, Сол, и его люди – на абсолютно полную поддержку всех наших ведомств. Я бы даже сказал, что во всем происшедшем есть и очень положительная сторона. Ты согласен, Джордж? Конструктивная.

Но Смайли снова погрузился в размышления, абстрагировавшись от окружающего. В ответ он только поднял брови и крепче сжал губы.

– Тебя что-то тревожит, Джордж? – спросил Мартелло. – Я хочу сказать: у тебя возникли какие-то проблемы?

– Что? Нет-нет, спасибо. «Бичкрафт», – сказал Смайли, – это одномоторный самолет?

– Господи Боже мой, – выдохнул Сол.

– Двух… Джордж, двухмоторный, – ответил Мартелло. – На таких обычно летают крупные предприниматели.

– В донесении говорилось, что груз опиума, который он перевозил, составил четыреста килограммов, так?

– Чуть меньше, чем полтонны, Джордж, – уточнил Мартелло, проявляя максимум терпения и готовности сделать все, что от него потребуется. – М е т р и ч е с к о й тонны, – добавил он с сомнением в голосе, глядя на помрачневшее лицо Смайли. – Разумеется, не вашей английской тонны, Джордж. А метрической.

– В к а к о м и м е н н о о т с е к е самолета перевозили опиум?

– В кабине, – ответил Сол. – Скорее всего, были сняты свободные пассажирские кресла. Существуют разные модификации самолета «Бичкрафт». Мы точно не знаем, каким был этот, потому что мы его так никогда и не видели.

Смайли снова уставился на тонкий лист бумаги, который он по-прежнему сжимал в пухлой руке.

– Да, – пробормотал он себе под нос. – Да, по всей вероятности, так они и сделали. – И сделал маленькую пометку карандашиком с золотым наконечником – понятный только ему иероглиф – на полях, а потом снова погрузился в размышления, недоступные для посторонних.

– Ну что же, – с наигранным оптимизмом произнес Мартелло. – А теперь, пожалуй, нам, рабочим пчелкам, пора возвращаться в свои ульи и разобраться, что же делать в свете новой информации. Правильно я говорю, Пит?

Гиллем уже почти встал из-за стола, когда заговорил Сол. Он обладал врожденной грубостью, особым даром, который нечасто встречается и производит малоприятное впечатление на окружающих. Внешне ничего не изменилось. Он отнюдь не потерял самообладания. Просто это была такая манера говорить, его манера вести дела, и все остальные способы явно раздражали Сола.

– Г о с п о д и И и с у с е, Мартелло, в какие игры мы тут с вами играем? Ясно, что это лицо – крупная добыча, так? Мы сейчас подобрались, возможно, к самой важной фигуре в торговле наркотиками во всем регионе Юго-Восточной Азии. Это наша самая главная цель. Ладно, мы должны принимать во внимание интересы нашего союзника. Ваша Фирма наконец-то решила помириться с Управлением по борьбе с наркотиками и поработать вместе, потому что вам надо загладить свою вину – пособничество горскому племени. Не думай, что из-за того случая я держу на вас какую-то личную обиду. Ладно, у нас есть соглашение о разделе сфер влияния с англичанами – мы не должны соваться в Гонконг. Но ведь Таиланд – это наша сфера влияния, как и Филиппины, и Тайвань, и весь этот чертов регион, и война – это тоже наше дело, а англичане сидят на своей толстой заднице, ничего не предпринимают и в ус не дуют. Четыре месяца назад они обратились к нам и сделали свой ход. Замечательно, мы уступаем им дорогу. И что же они делают все это время? Они все еще только раскачиваются. Они бы уже давным-давно успели побриться, черт побери, а они все еще только намыливают свои смазливые физиономии. Для нас это означает, что мы попусту тратим деньги. У нас наготове целый хорошо отлаженный аппарат: он готов к тому, чтобы хорошенько потрясти Ко и все его связи по всему полушарию. Мы много лет ждали, когда же подвернется такой случай, и мы вполне можем прижать его к стенке. И законы на этот счет есть, – ах, какие отличные законы! – чтобы припаять ему от десяти до тридцати лет, а может быть, и п о б о л ь ш е. Чего только у нас против него нет: контрабанда наркотиков – есть, контрабанда оружия – есть, нарушение эмбарго и ввоз в континентальный Китай запрещенных товаров – есть; мы знаем, что он получил от Москвы больше золотишка, чем кто-либо другой на нашей памяти, и у нас впервые есть доказательства, если этот парень Ри-кардо не врет, что существует программа подрывной работы с использованием наркотиков, которую финансирует Москва и которую готовы распространить и на красный Китай в надежде на то, что с ними удастся сделать то же самое, что делают с нами.

Этот взрыв Сола вывел Смайли из задумчивости, как будто на него вылили ведро холодной воды. Во время гневной речи Сола он сполз на краешек стула, сжал руку в кулак, забыв, что держит в ней донесение, наклонился вперед и с ужасом неотрывно смотрел сначала на Сола, а потом на Мартелло.

– Марти, – пробормотал он. – Господи Боже мой. Только не это!

Гиллем проявил большее самообладание. По крайней мере, ему удалось ввернуть возражение:

– Ну, для того чтобы подорвать что-то в Китае с помощью наркотиков, пятисот килограммов опиума, пожалуй, все-таки не хватит, Сол, – как-никак китайцев больше восьмисот миллионов.

Но Сол не воспринимал юмор, да и возражения тоже, особенно от какого-то смазливенького англичанина.

– И что же? Собираемся ли мы нанести ему смертельный удар? – громогласно и требовательно спросил он, не отклоняясь от курса. – Черта с два. Ничего подобного. Мы осторожничаем и ходим вокруг да около. Мы наблюдаем за происходящим, как сторонние зрители. «Надо проявить такт и осторожность. Это дело англичан. Это их территория, их противник, их право выбирать тактику». Ладно. Значит, нам остается ходить кругами, топтаться на месте. Мы – как бабочка, которая летает вокруг. Господи Иисусе, если бы мы этим занимались, мы бы уже много месяцев назад приперли этого сукина сына к стенке. – Стукнув по столу ладонью, Сол, немного перефразировав, еще раз повторил сказанное: – Впервые за все это время мы взяли на мушку матерого врага, работающего на советских коммунистов, который хочет подорвать то, что нам дорого, который распространяет наркотическую заразу и хочет заарканить целый огромный регион. Он получает деньги от русских и мы можем это д о к а з а т ь. – Сол обращался к Мартелло. Смайли и Гиллем для него словно не существовали. – И запомните еще одно, – посоветовал он Мартелло. – У нас есть очень влиятельные люди, которые хотели бы извлечь из этого максимальную пользу. Люди, которые не любят, когда их заставляют ждать. Люди, у которых есть влияние. Люди, которые очень сердиты на вас из-за той сомнительной роли вашей Фирмы в доставке наркотиков во Вьетнам и распространении их там среди наших парней. Ведь именно в этом главная причина, почему вы посвятили нас в то, что происходит сейчас. Так что, может быть, было бы лучше, если бы вы дали этим своим либералам из Лэнгли, разъезжающим в лимузинах, добрый совет: садишься на горшок – нужно срать, а иначе нечего на нем сидеть. И вступать в сомнительные сделки с наркодельцами больше не советую: можно так вляпаться – век не отмоетесь.

Смайли побледнел, и Гиллем всерьез начал за него беспокоиться. Он подумал, что у того, возможно, сердечный приступ или что он вот-вот упадет в обморок. Со своего места Питер видел, что лицо Джорджа вдруг посерело и постарело, и даже сердитые огоньки в его глазах, когда он обращался к Мартелло, выдавали усталость – усталость старого человека.

– И тем не менее соглашение есть. До тех пор, пока оно существует, я надеюсь, вы не отступите от него. В свое время вы сделали заявление об общих принципах наших взаимоотношений и пообещали, что будете воздерживаться от действий в английской сфере влияния, не получив на это нашего разрешения. И вы, в частности, пообещали, что полностью предоставите нам разработку этой конкретной операции, участвуя лишь в осуществлении наблюдения и обеспечения связи, н е за в и с и м о о т т о г о, к у д а м о г у т в ы в е с т и н а с н и т и д а н н о г о д е л а. Таков был уговор. Полное невмешательство в обмен наполную информацию. Я не могу понимать это иначе, как полный отказ от каких бы то ни было действий со стороны Лэнгли и полный отказ от каких бы-то ни было действий со стороны любых других американских ведомств. Я надеюсь, что вы не собираетесь отступить от данного слова и оно по-прежнему заслуживает доверия. Поэтому я рассматриваю нашу договоренность как незыблемую и не подлежащую пересмотру.

– Объясни ему, – сказал Сол, встав и направившись к выходу. Сай, болезненно-бледный помощник, похожий на мормона, последовал за ним. У дверей Сол обернулся и, указывая пальцем на Смайли, сказал: – Вы едете на нашей телеге, и мы говорим вам, что делать: когда слезать, а когда помогать хозяину.

Мормон кивнул.

– Это уж точно, – сказал он и улыбнулся Гиллему, как будто ожидая ответной улыбки.

Мартелло кивнул своим помощникам, и Мэрфи и его молчаливый коллега вышли из комнаты вслед за Солом и Саем.

Мартелло встал, чтобы налить всем выпить. Стены в кабинете были из красного дерева – точнее, как заметил Гиллем, из тонких панелей под красное дерево. Когда Мартелло потянул за какую-то ручку в стене, взорам присутствующих открылась машина для замораживания льда, из чрева которой один за другим появились несколько уже готовых шариков – не совсем круглых, скорее, в форме мяча для регби. Мартелло налил три стакана виски, не спрашивая других, что они будут пить. Смайли, казалось, полностью ушел в себя. Он сидел, по-прежнему вцепившись пухлыми руками в подлокотники кресла, а сам откинулся на спинку, похожий на полностью выложившегося боксера, отдыхающего между раундами, глядя в потолок. Потолок был подвесной, сквозь отверстия в нем были видны мерцающие огоньки. Мартелло поставил стаканы на стол.

– Благодарю вас, сэр, – сказал Гиллем. Мартелло любил, когда его так называли.

– Это именно то, что нам сейчас нужно, – сказал он.

– Кого еще посвятили в это дело твои начальнички? – спросил Смайли, обращаясь к звездам. – Налоговую службу? Таможню? Мэра города Чикаго? Двенадцать своих лучших друзей? Ты отдаешь себе отчет, что даже те, кому я непосредственно подчиняюсь, не знают, что мы сотрудничаем с вами? Боже правый!

– Джордж, ну не сердись. У нас, точно так же, как и у вас, есть политики и политика. Есть обещания, которые мы должны выполнять. Есть рты, которые надо заткнуть. Есть люди, от которых надо откупиться. Управление по борьбе с наркотиками жаждет нашей крови. Эта история с военными перевозками в Юго-Восточной Азии получила широкую огласку на Капитолийском холме. Кто только ее не обсуждал: сенаторы, подкомитеты Палаты представителей – все, кому не лень. Ведь как было? Парень возвращается с войны законченным наркоманом – и первое, что делает его любящий папочка, – пишет члену Конгресса от своего округа. Фирме совсем не нужны эти сплетни, порочащие нашу репутацию. Мы хотим, чтобы все наши друзья были на нашей стороне. Так что это все – необходимая и неизбежная работа на публику, Джордж.

– Я был бы тебе очень благодарен, если бы ты уточнил, что вы пообещали и какую сделку вы заключили с Лэнгли, – попросил Смайли. – По крайней мере, объясни мне просто и доходчиво.

– Джордж, уверяю тебя, никакой с д е л к и нет. Лэнгли неможет заключать сделки, когда речь идет о чем-то, что не принадлежит нам, а эта операция – безусловно в а ш а. Мы ведем слежку за Ко – точнее, вы следите за ним, может быть, с небольшой нашей помощью, мы с вами стараемся раздобыть все, что сможем, и только тогда… э-э… если нам самим не удастся ничего найти, ну, тогда в дело вступит Управление по борьбе с наркотиками. Они постараются сделать все, что в их силах, – разумеется, в рамках дружественного сотрудничества и под нашим контролем.

– И тогда уже охотничий сезон открыт для всех, – заключил Смайли. – Ну и ну! Господи, разве так можно осуществлять операцию!

Когда надо было кого-нибудь успокоить, мало кто мог сравниться с Мартелло.

– Джордж! Джордж, предположим, они припрут Ко к стенке. Предположим, они его арестуют, когда он в следующий раз захочет выехать из колонии. Если его посадят в Синг-Синг на десять или тридцать лет, мы же в любой момент при необходимости сможем найти его там. Почему ты решил, что все это так страшно?

«Это действительно страшно, черт побери», – подумал Гиллем. Но тут до него дошло – и при этой мысли он даже испытал злорадное торжество, – что сам Мартелло ничего не знает о братце Нельсоне и что свою главную карту Джордж так и не раскрыл!

Смайли все еще сидел, откинувшись в кресле. Лед в виски таял, холодные капли оседали на внешней стороне стакана. Какое-то время он смотрел на то, как они, словно слезы, скатываются на стол красного дерева.

– На какой срок мы можем рассчитывать? Пока никто не вмешается в наши дела? – спросил Смайли. – Сколько пройдет времени, прежде чем Управление по борьбе с наркотиками начнет заявлять о своих правах?

– Ну, Джордж, здесь нет никаких жестких сроков. Об этом речь совсем не идет! Можно говорить о каких-то ориентировочных цифрах, как сказал Сай.

– Скажем, может идти речь о трех месяцах?

– Это, пожалуй, многовато, немножко с перехватом.

– Значит, меньше, чем о трех месяцах?

– Я бы сказал, около трех месяцев, три – максимальный срок, от десяти до двенадцати недель – где-то в этом районе, Джордж. Это гибкие рамки. Мы же все друзья. Самое большее – три месяца, так бы я определил.

Смайли глубоко вдохнул и медленно выдохнул. Еще вчера у них времени было столько, сколько они могли пожелать. Мартелло еще немного приоткрыл карты.

– Сол не обо всем поставлен в известность, Джордж, – сказал он, сознательно используя вместо собственного жаргон Цирка. – Э-э… многое для Сола – белые пятна. – Мартелло как бы отчасти признал свою вину. – Мы не раскрыли передним все наши карты. Ты ведь понимаешь, что я имею в виду? – После паузы он добавил: – Солу доступна только часть информации – он не продвинулся дальше первого эшелона. Ни на дюйм дальше. В этом можешь быть уверен.

– Интересно, что именно ты называешь «первым эшелоном».

– Он знает, что Москва платит Ко. Знает, что он торгует опиумом. И больше ничего.

– А про девушку он знает?

– Нет, как раз о ней-то он и не знает, Джордж. Девушка, ведь она сопровождала Ко во время поездки в Бангкок. Помнишь, как Мэрфи зачитывал описание его пребывания в Бангкоке? Девушка была в номере гостиницы. Потом она отправилась с ним в Манилу. Я видел, что ты обо всем догадался. Я прочитал это по твоим глазам. Мэрфи специально выбросил часть донесения с девушкой. Только из-за Сола. – Смайли, казалось, немного начал оживать. – Все наши договоренности остаются в силе, Джордж, – великодушно заверил Мартелло. – Ничего не прибавляется, но ничего и не отнимается. Ты ловишь рыбу на крючок, вываживаешь ее, чтобы хорошенько заглотнула наживку, а мы помогаем тебе ее съесть. И если в какой-то момент понадобится наша помощь, нужно только поднять трубку зеленого аппарата и позвать нас. – Американец зашел так далеко, что, утешая, позволил себе положить руку на плечо Смайли, но, почувствовав, что жест ему неприятен, быстро ее убрал. – Однако, если вдруг случится так, что ты сам захочешь, чтобы мы взяли на себя основную тяжесть операции, – ну что ж, тогда мы просто поменяемся ролями и…

– И вы пожнете наши лавры и добьетесь того, что вас вдобавок вышвырнут из Колонии, – закончил за него фразу Смайли. – Я хотел бы, чтобы не оставалось недоговоренности в отношении еще одной вещи. Это должно быть зафиксировано в письменном виде. Необходимо, чтобы мы обменялись письмами на этот счет.

– Это твоя игра, и правила устанавливаешь ты, – с готовностью откликнулся Мартелло.

– Моя служба будет вываживать рыбу, – настойчиво, все тем же непререкаемым тоном повторил Смайли. – Мы же и вытащим рыбу на берег, если я правильно употребляю рыбацкие термины. Боюсь, я не очень в этом силен: я не рыболов.

– Вытащишь на берег, возьмешь сачком, бросишь на песок, разумеется.

– Готовность Мартелло соглашаться на все, чтобы любой ценой успокоить Смайли, по мнению подозрительного Гиллема, начала потихоньку иссякать.

– Я настаиваю на том, что это должна быть наша операция. Этот человек принадлежит нам. Я настаиваю на приоритете. Именно мы будет брать и держать его у себя, пока не сочтем возможным и разумным передать его вам.

– Нет проблем, Джордж, абсолютно никаких проблем. Вы берете его к себе на борт, он ваш. Как только вы решите, что хотите, чтобы мы вышли на сцену, даете знать. Все просто и понятно.

– Я пришлю завтра утром письменное подтверждение этой договоренности.

– Джордж, тебе совсем не обязательно беспокоиться. У нас много сотрудников. Мы пришлем кого-нибудь из них, чтобы забрать письмо.

– Я пришлю его вам, – повторил Смайли. Мартелло поднялся из-за стола.

– Джордж, мы только что обо всем договорились.

– Нет, договоренность была у нас раньше, – возразил Смайли, – но в Лэнгли ее нарушили.

На прощание они обменялись рукопожатием.

Этот момент в истории операции нельзя сравнить ни с одним другим – он уникален. В профессиональном жаргоне есть несколько выражений, которые можно использовать, чтобы охарактеризовать его. Можно сказать: «Это был день, когда Джордж развернул операцию на 180 градусов», хотя на самом деле на это у него ушла целая неделя, а значит, на целую неделю приблизился срок, назначенный Мартелло. Но для Гиллема этот процесс представлял собой нечто более значительное, величественное и исполненное внутренней красоты, чем просто перевод рычага из одного положения в другое. По мере того как он все больше проникал в замысел Смайли и зачарованно наблюдал за тем, как тот педантично отрабатывает каждую деталь: вызывает кого-то из своих сотрудников, ставит еще одну ловушку здесь, добавляет еще один капкан там, убирает лишнее звено где-то еще, – Гиллему казалось, что он является свидетелем действий капитана большого океанского лайнера. Он разворачивает огромный корабль, маневрируя с величайшей осмотрительностью, давая задний ход и подавая немного вперед до тех пор, пока громадина полностью не развернется и не двинется в противоположном направлении.

Именно это и происходило: нужно было сделать поворот на 180 градусов, то есть двинуться в противоположном направлении.

Они вернулись в Цирк, не обменявшись по дороге ни словом. Последний лестничный пролет Смайли прошел так медленно, что у Гиллема вновь проснулись опасения за его здоровье, поэтому при первой же возможности он позвонил врачу Цирка и перечислил все симптомы, вызывавшие у него тревогу, но врач ответил, что видел Смайли пару дней назад, когда тот заходил к нему совсем по другому делу и выглядел так, что не возникало сомнений в том, что он еще поскрипит.

Дверь тронного зала закрылась, и снова «дядька» Фон мог радоваться – теперь обожаемый шеф опять принадлежал только ему. Когда запросы Смайли просачивались из-за дверей зала, они были таинственны и непонятны. Самолеты «Бичкрафт»: нужны планы салона и каталоги фирмы и еще (но только в том случае, если удастся раздобыть информацию) – как можно более детальные сведения о владельцах таких самолетов в Юго-Восточной Азии и о продажах и покупках подобной техники в этом регионе. Тоби Эстерхейзи покорно нырнул в темные дебри рынка самолетостроения, я вскоре Фон вручил Молли Микин внушительную кипу старых номеров журнала «Транспорт уорлд» («Мир транспорта» (а н г л.)), с инструкциями, написанными от руки зелеными чернилами, – как и все, что исходило от Смайли, – отметить все рекламные объявления, касающиеся самолетов «Бичкрафт», которые могли привлечь внимание потенциальных покупателей в течение шести месяцев, предшествовавших злосчастной опиумной миссии пилота Рикардо в красный Китай.

Точно так же, получив от Смайли письменные указания, Гиллем, не привлекая излишнего внимания, навестил некоторых «копателей» ди Салиса и, не поставив в известность их

темпераментного начальника, выяснил, что они все еще далеки от того, чтобы установить личность Нельсона Ко. Один из ветеранов команды даже позволил себе предположить, что во время последней встречи со старым мистером Хиббертом Дрейк Ко говорит самую что ни на есть правду и что братец Нельсон в самом деле мертв. Но когда Гиллем пришел с этим предположением к Смайли, тот нетерпеливо покачал головой и вручил ему шифровку с новым поручением Кро: используя источник информации в местной полиции, выяснить (желательно под благовидным предлогом) все детали, имеющиеся в их картотеке, о поездках управляющего Ко – Тиу – в континентальный Китай: в какие города выезжал и из каких возвращался.

Уже через сорок, восемь часов на письменный стол Смайли лег длинный ответ Кро, который, по-видимому, доставил ему огромное удовольствие, что случалось нечасто. Джордж вызвал дежурного шофера и приказал отвезти себя в Хампстед-Хит, лесопарк на северной окраине Лондона, и в одиночестве долго гулял по морозному, залитому солнцем парку. Если верить рассказам Фона, то он долго, разинув рот, рассматривал рыжих белочек, после чего снова вернулся в тронный зал.

– Но неужели ты не видишь? – возмущенно говорил онГиллему. В тот вечер Смайли пребывал в состоянии возбуждения, что тоже было для него не характерно. – Неужели ты не понимаешь, Питер? – Он пытался сунуть ему под нос ответКро с перечнем дат и даже тыкал пальцем в одну из строчек: – Тиу ездил в Шанхай за шесть недель до того, как Рикардо получил свое задание. Сколько времени он там провел? Сорок восемь часов. Ты просто невозможный тупица!

– Ничего подобного, – возразил Гиллем. – Просто у меня нет прямой телефонной связи с Господом Богом, только и всего.

В подвалах Цирка вместе с Милли Маккрейг, начальником отдела подслушивающих устройств, Смайли многократно прокручивал монологи старого мистера Хибберта, время от времени недовольно хмурясь. По словам Милли, именно тогда, когда ди Салис делал довольно неуклюжие попытки оказать на старика давление. А еще он занимался тем, что читал, расхаживал взад-вперед по кабинету и иногда беседовал с Сэмом Коллинзом. Беседы были короткими и очень напряженными. Встречи с Сэмом, как заметил Гиллем, требовали от Смайли большого напряжения душевных сил; его приступы дурного настроения, которые, видит Бог, были не столь уж часты, если учесть, какой груз он нес на своих плечах, всегда накатывали на него после ухода Сэма. Когда приступы проходили, он казался более усталым и одиноким, чем когда бы то ни было до тех пор, пока не предпринимал одну из своих долгих ночных прогулок.

Потом, примерно на четвертый день, который для Гиллема из-за каких-то причин был днем неприятностей (может быть, из-за спора с чиновниками в Министерстве финансов, которые отказывались выплатить денежную премию Кро), Тоби Эстерхейзи каким-то образом проскользнул сквозь преграды (в лице Фона и Гиллема) и незамеченным проник в «тронный зал», где вручил Смайли несколько ксерокопий договора купли-продажи новенького четырехместного самолета «Бичкрафт». Его приобрела бангкокская фирма «Аэросуис энд Ко», зарегистрированная в Цюрихе. Тоби обещал добыть дополнительную информацию об этой компании. Смайли особенно торжествовал, узнав, что это был четырехместный самолет. Два задних сиденья можно снимать – > – кресла первого и второго пилотов закреплены намертво. Что же касается самой сделки, то она была заключена двадцатого июля: значит, всего за какой-нибудь месяц до того, как этот сумасшедший Рикардо отправился в красный Китай с намерениями нарушить его воздушное пространство, но потом вдруг передумал.

– Даже Питер может установить связь между этими двумя событиями, – грубовато пошутил Смайли. – Ну же, Питер, какая между ними связь? Давай дерзай!

– Самолет был куплен через две недели после возвращения Тиу из Шанхая, – ответил Питер. – Его роль в этой шутке совсем не доставляла ему удовольствия.

– И что из этого следует? – требовательно спросил Смайли. – На что мы дальше должны обратить внимание?

– Мы должны задать вопрос: кому принадлежит фирма «Аэросуис», – резко ответил Питер, не на шутку рассердившись.

– Совершенно верно. Спасибо, – Смайли изобразил большое облегчение. – Благодаря твоим блестящим умозаключениям я снова поверил в тебя, Питер. Хорошо. А кого же мы видим во главе компании «Аэросуис», как ты думаешь? Бангкокского представителя собственной персоной.

Гиллем перевел взгляд на записи на письменном столе Смайли, но тот продемонстрировал великолепную быстроту реакции и закрыл их ладонями.

– Тиу, – сказал, заливаясь краской, Гиллем.

– Ура! Правильно, Тиу. Отличная работа.

В тот же день, вечером, когда Смайли снова вызвал Сэма Коллинза, его лицо, на котором одно настроение так быстро сменялось другим, снова помрачнело.

И тем не менее все ловушки были расставлены. После того как Тоби Эстерхейзи столь успешно обнаружил проданный самолет, он получил новое задание и вылетел на Западные острова Шотландии под видом инспектора по уплате налога на добавленную стоимость. Он провел там три дня, занимаясь внеплановой проверкой бухгалтерских книг компании по производству виски, специализирующейся на заключении форвардных контрактов на продажу неочищенного виски в бочках. Тоби вернулся, как сказала Конни, с таким похотливым блеском в глазах, что его можно было принять за сексуального маньяка.

Результатом и вершиной всей этой разносторонней деятельности стала чрезвычайно длинная телеграмма старому Кро, составленная после заседания оперативного совета: «Золотые старики», если еще раз позаимствовать выражение Конни, плюс Сэм Коллинз. Это заседание состоялось после довольно длинного совещания с Кузенами, посвященного изысканию путей и средств, на котором Смайли опять воздержался от каких-либо упоминаний о неуловимом Нельсоне Ко, но запросил дополнительные средства наблюдения и связи в регионе. Своим сотрудникам Смайли объяснил планы так. До сих пор операция ограничивалась поисками и получением сведений о Ко и об ответвлениях советской «золотой жилы». Прилагались все усилия к тому, чтобы Ко не узнал, что Цирк проявляет к нему интерес.

Затем Джордж суммировал всю собранную на тот момент информацию: Нельсон, Рикардо, Тиу, «Бичкрафт»; даты и вытекающие из них выводы; зарегистрированная в Швейцарии авиакомпания, у которой, как теперь выяснилось, нет никакого офиса и других самолетов. По словам Смайли, он предпочел бы подождать, пока не удастся с уверенностью установить личность Нельсона, но каждая операция – это компромисс между желаемым и возможным, а в данном случае, отчасти благодаря стараниям Кузенов, время у них уже на исходе.

Во время разговора Джордж ни разу не упомянул о девушке и ни разу не взглянул на Сэма Коллинза. Затем он перешел к тому, что скромно назвал следующей фазой.

– Сейчас главное – положить конец топтанию на месте. Бывают операции, которые проходят успешнее, если события развиваются естественным ходом. И бывают другие – они мало что дают, пока не получат решающий импульс, подталкивающий развитие событий. «Дело Дельфина» относится ковторой категории. – Смайли сердито нахмурился, прищурился, потом снял очки и, к тайному восторгу всех присутствующих, машинально протер стекла широким концом галстука, подтвердив старинную легенду о нем. – Я предлагаю совершить разворот на сто восемьдесят градусов и дать операции этот импульс. Иными словами, продемонстрировать Ко, что мы проявляем живейший интерес к его делам.

Как всегда, первой приличествующую случаю почтительную тишину нарушила Конни. Она заулыбалась. Эта улыбка говорила о том, что она лучше других поняла замысел Смайли.

– Он хочет выкурить его, – восторженно прошептала она, обращаясь сразу ко всем, – Точно так же, как Билла. Умная ищейка! Хочешь поджечь вход в нору – так, дорогой? – и посмотреть, куда он побежит. О Джордж, ты просто умница, ты самый замечательный из всех моих мальчиков, это я торжественно заявляю!

В телеграмме Кро для описания плана было использовано другое метафорическое выражение. Оперативным агентам оно больше нравится: говорилось о том, что нужно потрясти дерево Ко. Из всего остального текста телеграммы было совершенно ясно, что несмотря на то, что это чревато значительной опасностью, для этой цели Смайли собирается использовать мощную фигуру и сильные руки Джерри Уэстерби.

В качестве примечания можно добавить, что через пару дней после совещания исчез Сэм Коллинз. Все были чрезвычайно довольны. Он перестал приходить на работу, Смайли о нем не упоминал. Когда Гиллем украдкой проскользнул осмотреть его кабинет, он не заметил никаких личных вещей Сэма, кроме пары нераспечатанных карточных колод и безвкусно оформленных сувенирных спичек с рекламой какого-то ночного клуба в Вэст-Энде. Когда же Питер попытался расспросить «домоправителей», они были до удивления разговорчивы. По их словам, Сэм запросил приличное выходное пособие и обещание вернуться к вопросу о его праве на получение пенсии. И что нечего было особенно хвастаться. Надежды, которые на него возлагали, лопнули – и теперь-то уж он здесь больше не появится. И скатертью дорожка.

И все же Гиллем не мог избавиться от какого-то странного беспокойства при мысли о Сэме. На протяжении нескольких следующих недель он неоднократно говорил о нем с Молли. Причиной этого беспокойства было не только то, что он случайно встретился с ним у кабинета Лейкона. Питеру не давало покоя одно обстоятельство, связанное с письмами, которыми обменялись Смайли и Мартелло, подтверждая свою устную договоренность. Смайли не хотелось, чтобы Кузены присылали за письмом, – это означало бы появление на площади Кембридж-серкус шикарного, привлекающего внимание лимузина, да не простого, а в сопровождении мотоциклиста. Поэтому Гиллему было приказано взять Фона для сопровождения и самому доставить письмо к Кузенам, на Гроувенор-сквер. Но получилось так, что в тот день Гиллем был завален работой, а С э м, как обычно, бездельничал. Поэтому когда Сэм вызвался вместо него отнести письмо, Гиллем согласился, о чем потом горько пожалел. Это чувство до сих пор не давало ему покоя.

Потому что вместо того, чтобы передать письмо Джорджа Мэрфи или его безликому коллеге, как сказал Фон, Сэм настоял на том, чтобы его провели к самому Мартелло. И провел больше часа наедине с ним.

Часть 2

Сотрясая дерево

Лиз

Стар-Хайтс – самый современный и высокий жилой Дом в Мидлевелзе. Он выстроен в форме круга и ночью выглядит как огромный светящийся карандаш, впившийся в темные мягкие очертания Пика. К нему ведет извилистая дорога, но пешеходу доступна лишь узенькая ленточка шириной в пятнадцать сантиметров между шоссе и скалой. В Стар-Хайтс пешеходы не в почете.

Начинался вечер. Час пик для светского общества. Джерри осторожно пробирался по обочине этого самого тротуара. Мимо, едва не задевая его, проносились «мерседесы» и «роллс-ройсы», боясь опоздать за кем-то заехать, кого-то куда-то отвезти. В руках Джерри держал упакованный в бумагу букет орхидей: побольше, чем букетик, что Кро преподнес Феббе Уэйфарер, но поменьше охапки, которую Дрейк Ко оставил на могиле малыша Нельсона.

Эти орхидеи никому не предназначались. «Когда дорастешь до моего уровня, приятель, начнешь понимать, что для всего, что ты делаешь, нужно иметь уйму веских причин».

Джерри был настороже, но испытывал облегчение – долгое томительное ожидание наконец окончилось.

" Вам, ваша светлость, предстоит просто вышибить дверь ногой. – Инструктаж Кро вчера несколько затянулся. – Растолкай всех, вломись, начинай работать локтями и не останавливайся, пока не окажешься снаружи – с другой стороны ".

«Хотя бы одной ногой», – подумал Уэстерби.

Вход в вестибюль прикрывал увешанный лентами козырек. В воздухе, словно предвосхищая задачу Джерри, стоял аромат женских духов. «Не забудь, здание принадлежит Ко» – на прощание кисло добавил Кро. Внутренняя отделка вестибюля была еще не закончена, вокруг почтовых ящиков не хватало мраморных плит. Изящная рыба из стекловолокна должна была извергать воду в фонтан с мозаичным полом, но трубы не подключили, и пока в бассейне грудой лежали мешки с цементом. На стеклянной кабинке лифта красовалась надпись «Прием гостей», внутри сидел портье-китаец. Когда Джерри вошел, он читал, но потом оторвался от книги и оценивающе всмотрелся, не зная, окликнуть или пропустить. Букет орхидей отчасти убедил китайца в благих намерениях Уэстерби. На горизонте появилась пара американских матрон в полной боевой раскраске. Они подошли к стойке и остановились рядом с Джерри.

– Какие чудные цветы! – защебетали они, теребя обертку.

– Да, букет что надо. Возьмите, Дарю! Берите, берите! – Он протянул им половину. – Прелестным женщинам никак нельзя без цветов. Женщина без цветов – все равно что неодетая женщина.

Все засмеялись. Мужчины Туманного Альбиона – народ особенный. Портье снова уткнулся в книгу, Джерри был допущен. Подошел лифт. По вестибюлю зашелестела толпа дипломатов, бизнесменов и их чопорных супруг, увешанных драгоценностями. Джерри пропустил американских матрон вперед. Дым дорогих сигар смешивался с ароматом духов, граммофон с заезженной пластинкой мурлыкал забытые мелодии. Матроны нажали кнопку двенадцатого этажа.

– Вы тоже к Хаммерстайнам? – осведомились они, все еще разглядывая орхидеи.

На пятнадцатом этаже Джерри выбрался на пожарную лестницу. Там воняло кошками и отбросами из мусоропровода. По дороге вниз он наткнулся на горничную с ведром грязного белья. Она хмуро смерила его взглядом. Он поздоровался, та буйно расхохоталась. Он спустился до восьмого этажа, потом снова вышел на роскошную лестничную площадку для жильцов. Позолоченные двери двух лифтов выходили в небольшую ротонду. На этаже было четыре квартиры, каждая из которых занимала один сектор круглого здания с отдельным коридором. Джерри остановился в коридоре В, с цветами – единственным средством защиты, и начал следить за ротондой. Его внимание было приковано к началу коридора С Бумажная обертка орхидей намокла там, где он слишком крепко сжимал ее.

«Это обязательное еженедельное мероприятие, – заверил его Кро. – Каждый понедельник Американский клуб проводит вечер аранжировки цветов. Она встречается там с приятельницей, Нелли Тан, сотрудницей „Эйрси‟. Они любуются цветочными аранжировками, а потом остаются на ужин».

"А где сейчас Ко? "

«В Бангкоке. Занимается делами».

«Будем надеяться, черт возьми, что он пробудет там подольше».

«Аминь, сэр. Аминь».

Взвизгнули несмазанные петли. Соседняя дверь распахнулась, и в коридор вышел молодой стройный американец в смокинге. Спокойные голубые глаза, портфель в руке. Он застыл на месте, глядя на Джерри и его орхидеи.

– Вы с этим меня поджидаете? – поинтересовался он. У него был протяжный говор, характерный для бостонского светского общества. Он выглядел богатым и уверенным в себе.

Дипломат или банкир из интеллектуальной элиты, догадался Джерри.

– Нет, собственно говоря, не совсем, – признался Джерри, изображая круглого английского дурня. – Я ищу мисс Кэвендиш. – За спиной американца Джерри заметил стеллаж, плотно уставленный книгами. Дверь тихо закрылась. – Мой приятель попросил меня передать это мисс К э в е н д и ш из квартиры 9D. Сам слинял в Манилу, а меня оставил с орхидеями, вот так.

– Вы ошиблись этажом, – ответил американец, шагая к лифту. – Вам выше. И коридором ошиблись. Коридор D на другой стороне. Вон туда.

Джерри постоял рядом с ним, делая вид, что ждет лифта вверх. Первым прибыл лифт, направляющийся вниз, молодой американец быстро шагнул внутрь, и Джерри снова занял свой пост. Дверь, помеченная буквой С, открылась, и Джерри увидел ее. Она вышла и два раза повернула ключ в замке. Длинные пепельные волосы собраны на затылке в низкий «хвост». Простое платье с низким воротником и сандалии. Он не успел разглядеть ее лица, но сразу понял, что она очень красива. Все еще не замечая его, девушка прошла к лифту, и Джерри почудилось, что он смотрит на нее с улицы сквозь стекла.

Джерри знавал женщин, преподносящих свое тело так, словно оно – крепость, штурмовать которую дано лишь храбрейшим из храбрых. На некоторых из них Джерри даже был женат, впрочем, возможно, они стали такими под его влиянием. Попадались и такие, которые, можно подумать, когда-то горячо возненавидели себя, поэтому ходят сгорбив спину и тщательно скрывая бедра. А были женщины, которые только сделают шаг навстречу – и кажется, они преподносят тебе драгоценный дар. Такие встречались редко, и сейчас Джерри понял, что она достойна быть королевой этого племени. Она остановилась у золоченых дверей и следила за мигающими цифрами. Он встал рядом. Лифт пришел, но она все еще не замечала Джерри. Как он и надеялся, лифт был набит битком. Оберегая орхидеи, он втиснулся боком, рассыпался в извинениях и улыбках и демонстративно приподнял букет повыше. Она повернулась к нему спиной, он оказался рядом. Воротник оставлял плечи обнаженными. Они были сильными, Джерри различил крохотные веснушки и пушок тонких золотистых волос, тонкой черточкой уходящий вдоль позвоночника вниз. Ее лицо было обращено к нему в профиль. Он всмотрелся.

– Лиззи? – неуверенно спросил он. – Привет, Лиззи, это я, Джерри.

Она резко обернулась и взглянула снизу вверх. В этот миг ему захотелось отшатнуться подальше, потому что он понимал, что первым ее откликом будет физический страх перед его ростом. Он не ошибся. Серые глаза испуганно мигнули, потом остановились.

– Лиззи Уэрдингтон! – заявил он более уверенно. – Ну как виски? Вспомнила меня? Когда-то я удачно вложил денежки в ваше дело. Джерри. Приятель Малыша Рикардо. Сорок с лишним литров с моим именем на этикетке! Все оплачено и взято на борт.

Он говорил вполголоса, понимая, что, возможно, ворошит прошлое, которое ей хотелось бы поскорее забыть. Он говорил так тихо, что пассажиры в лифте слышали лишь мелодию «Капли дождя продолжают падать на мою голову», доносившуюся из музыкального автомата, да ворчание пожилого грека, которому чудилось, что его замуровали.

– Да-да, конечно, – произнесла она и одарила его сияющей улыбкой стюардессы. – Джерри! – Она замолчала, словно его имя вертелось у нее на языке. – Джерри… э-э… – Затем нахмурилась и взглянула на него, словно театральная актриса, воплощающая аллегорию Забывчивости.

Лифт остановился на шестом этаже.

– Уэстерби, – торопливо подсказал он, выручая ее. – Репортер. Вы заставили меня раскошелиться в баре «Созвездие». Мне хотелось чуть-чуть тепла и уюта, а получил я лишь бочонок виски.

Кто-то рядом с ними засмеялся.

– О, конечно! Джерри, дорогой! Как я могла забыть… Какими судьбами в Гонконге? О Боже!

– Как обычно, гоняюсь за сенсациями. Пожары, эпидемии, голод. А как ты? Ушла на покой, полагаю, при твоих-то методах торговли. Никогда в жизни мне так не выкручивали руку.

Она радостно рассмеялась. Двери раскрылись на третьем этаже. Внутрь с трудом втащилась старушка, опирающаяся на две трости.

"Лиззи Уэрдингтон сбыла с рук ровным счетом пятьдесят пять бочонков пунцового вдохновения из источника Гиппокрены, ваша светлость, – говорил старина Кро. – Все до одного проданы покупателям – мужчинам, и многие из них, как мне говорили, получили вдобавок к виски некие дополнительные услуги. Осмеливаюсь предположить, это придает новый смысл выражению "полной мерой".

Они спустились в вестибюль. Девушка вышла первой, Джерри шел рядом. Сквозь двери парадного входа он увидел ее красный спортивный автомобиль с откинутым верхом, втиснутый между сверкающими лимузинами. «Она, должно быть, позвонила вниз и велела подать его к подъезду, – подумал он. – Если здание принадлежит Ко, он, черт возьми, не мог не позаботиться, чтобы с ней обращались как следует». Проходя через вестибюль, Лиззи болтала без умолку, то и дело оборачиваясь к нему. Руку она отставила далеко от туловища, оттопырив ладонь, как манекенщица. Он, должно быть, спросил ее, как ей нравится в Гонконге, но сам не мог этого припомнить.

– Я в восторге от него, Джерри, просто в восторге Вьентьян по сравнению с ним… отстал на много веков. Ты слышал, что Рик погиб? – Она произнесла это высокопарным тоном, словно давая понять, что она и смерть – давние знакомые – Мне казалось, после Рика я не смогу никого полюбить. Джерри, я ужасно ошибалась. Гонконг – самый веселый город в мире. Лоуренс, дорогой, я отчаливаю в своей красной подлодке. У нас в клубе девичник.

Лоуренсом звали портье. Ключ от ее автомобиля висел на большой серебряной подкове. Глядя на нее, Джерри вспомнил скачки в Хэппи Вэлли.

– Спасибо, Лоуренс, – нежно произнесла она и сверкнула улыбкой, которая будет преследовать беднягу всю ночь. – Джерри, здесь такие чудесные люди, – призналась она театральным шепотом по пути к парадному входу. – Подумать только, чего мы только в Лаосе не говорили о китайцах! Но здесь я поняла, что это самый чудесный, самый выдающийся и изобретательный народ на свете. – Она перешла на иностранный акцент непонятного происхождения. Должно быть, переняла его у Рикардо и подпускает иногда для шика. – Люди думают: Гонконг… сказочные магазины… не облагаемые налогом фотоаппараты… рестораны, но, если честно, Джерри, стоит только заглянуть чуть поглубже и увидеть истинный Гонконг и его народ… здесь есть все, чего только можно пожелать в жизни. Кстати, как тебе нравится моя новая машина?

– Так вот на что ты потратила прибыль от виски.

Он протянул руку, и она положила в нее ключи, чтобы он открыл ей дверцу. Так же без слов он дал ей подержать орхидеи. Полная луна, еще не поднявшаяся из-за черной громады Пика, сияла, как лесной пожар. Девушка села в машину, он вернул ей ключи и на сей раз почувствовал прикосновение ее руки. Это опять напомнило ему скачки в Хэппи Вэлли, он вспомнил, как Ко, отъезжая, поцеловал ее.

– Не возражаешь, если я поеду на заднем сиденье? – спросил он.

Она рассмеялась и распахнула заднюю дверцу.

– Так куда же ты едешь с такими роскошными орхидеями? Она включила зажигание, но Джерри мягко повернул ключ обратно. Лиззи удивленно взглянула на него.

– Малышка, – тихо сказал он. – Я не умею врать. Я змея, заползшая в твое гнездо, и, прежде чем везти меня куда-то, пристегни ремень и выслушай горькую правду.

Он тщательно все обдумал. Лучше всего произнести эти слова именно сейчас, чтобы ей не показалось, будто ей что-то угрожает. Она сидела на водительском кресле собственной машины, под освещенным козырьком собственного дома, в двадцати метрах от портье Лоуренса, и Уэстерби, чтобы ей было спокойнее, играл роль смиренного грешника.

– Наша случайная встреча не совсем случайна. Это во-первых. Во-вторых, как бы это помягче выразиться, мне дано предписание разыскать тебя и порасспросить о твоем покойном дружке Рикардо.

Она все еще рассматривала его, все еще чего-то ждала. На кончике ее подбородка Джерри заметил два шрама, довольно глубоких, похожих на следы от когтей. Ему стало интересно, кто и чем их оставил.

– Но Рикардо мертв, – пробормотала она, пожалуй, чересчур поспешно.

– Разумеется, – успокоил ее Джерри. – Какие могут быть вопросы? Однако моей газетенке стало известно из первых рук, или, как любит говорить начальство, «с пылу с жару», что Рикардо жив, а моя работа – потакать их прихотям.

– Но это полная чушь!

– Согласен. Полная чушь. Они выжили из ума. Утешительная награда – две дюжины изрядно помятых орхидей и лучший обед в городе.

Она отвернулась и смотрела куда-то вдаль через ветровое стекло. Фонарь над головой ярко освещал ее лицо, и Джерри стало интересно, каково это – обитать в таком красивом теле Нелегко, наверно, двадцать четыре часа в сутки держаться на достойной его высоте. Серые глаза Лиззи приоткрылись чуть шире, и у него возникло сильное подозрение, что ему предлагается заметить, как блестят слезы у нее на глазах и как дрожат руки, сжимающие руль.

– Прости, – пробормотала она. – Просто… когда любишь человека… отдаешь ему все… а он умирает… а потом, однажды вечером, ни с того ни с сего…

– Извини, – сказал Джерри. – Мне очень жаль. Она завела машину.

– А почему тебе должно быть жаль? Если он жив, это очень хорошо. Если умер, ничего не изменилось, В любом случае мы ничего не теряем. – Она засмеялась. – Рик всегда говорил, что его невозможно уничтожить.

«Словно воруешь у слепого нищего, – подумал он. – Нельзя ее отпускать просто так».

Она вела машину умело, но напряженно. Он догадывался – она как-то вдохновляла на догадки, – что она сдала экзамены совсем недавно и что в награду за это ей подарили машину. Ночь стояла необычайно тихая. Они спустились в город. Гавань лежала, сверкая огнями, как идеально гладкое зеркало посреди открытой шкатулки с драгоценностями. Они обсудили, куда ехать дальше. Джерри предложил податься на Полуостров, но она покачала головой.

– Ладно. Поедем сначала выпьем, – заключил он. – Давай сметем все стены!

К его удивлению, она протянула руку и пожала ему запястье. Он вспомнил Кро. Она так со всеми себя ведет, говорил он.

Его не покидало ощущение, что этой ночью она сбросила все оковы. Он вспомнил, как забирал из школы Кэт, свою дочь, когда та была еще ребенком, и как они придумывали массу всяких интересных дел, чтобы день казался длиннее.

В темном диско-баре в Коулуне они пили «Реми Мартен» со льдом и содовой. Он догадался, что это любимый напиток Ко и что она привыкла составлять ему компанию. Было рано, в баре сидело человек двенадцать, не больше. Музыка гремела на полную катушку, приходилось кричать во все горло, чтобы расслышать друг друга. Она ни разу не упомянула Рикардо. Она предпочитала слушать музыку, откинув голову назад. Иногда она брала Джерри за руку, один раз положила голову ему на плечо, рассеянно поцеловала и выплыла на середину бара, чтобы в одиночку исполнить медленный танец. Она танцевала с легкой улыбкой, закрыв глаза. Мужчины позабыли своих девушек и раздевали ее глазами, а официанты-китайцы каждые три минуты приносили свежие пепельницы, чтобы взглянуть на ее ноги. Через полчаса, выпив два бокала, она объявила, что питает глубокую страсть к Дюку и к джазу, и они вернулись на Остров, в местечко, где, как было известно Джерри, живой филиппинский оркестр весьма неплохо подражает Эллингтону. «Кэт Андерсон – лучшая вещь на свете после нарезанного кусочками хлеба», – заявила она. Слышал ли он Армстронга и Эллингтона вместе? Правда, они величайшие из великих? Заказав еще «Реми Мартен» она спела ему «Настроение цвета индиго».

– Рикардо танцевал? – спросил Джерри.

– Танцевал ли он? – тихо откликнулась она, притопывая ногами и слегка прищелкивая пальцами в такт мелодии.

– Мне казалось, Рикардо прихрамывал, – возразилДжерри.

– Это ему не мешало, – ответила она, все глубже погружаясь в музыку. – Я никогда к нему не вернусь, сам понимаешь. Никогда. Эта глава закрыта. И закрыта навсегда.

– Где он это заработал?

– Что, танцы?

– Нет, хромоту.

Она нажала пальцем на воображаемый спусковой крючок и выстрелила в воздух.

– То ли на войне, то ли сердитый муж попался, – грустно улыбнулась Лиззи.

Джерри заставил ее повторить, и она наклонилась, едва не прижимаясь губами к его уху. Она знала новый японский ресторанчик, где подают фантастическое мясо из Кобе.

– Расскажи, откуда у тебя эти шрамы, – попросил он по дороге. Он тронул себя за подбородок. – Слева и справа. Чем это тебя?

– А, пустяки, охотилась на ни в чем не повинных лис, – ответила она с легкой улыбкой. – Дражайший папочка был без ума от лошадей. Боюсь, и до сих пор без ума.

– Где он живет?

– Папа? В самой обыкновенной полуразрушенной твердыне в Шропшире. Дьявольски велика для них, но они ни за что не переедут. Ни прислуги, ни денег, холод собачий девять месяцев в году. Мама не умеет даже яйцо сварить.

Он уже покачивался, когда она вспомнила бар, где подают божественные канапе с карри, и они кружили по улицам, пока не нашли его. Лиззи расцеловала бармена. Музыки не было. Джерри славно со стороны слышал, как рассказывает ей все о Сиротке, пока не дошел до причин их разрыва, на которые старательно напускал тумана.

– О, Джерри, милый, – мудро заявила она. – Но между тобой и ею двадцать пять лет разницы, чего же еще ждать?

«А между тобой и Дрейком Ко девятнадцать лет разницы и жена-китаянка, так чего же ты ожидаешь?» – подумал он, немного раздражаясь.

Они ушли, на прощание она снова расцеловала бармена. Однако Джерри еще не настолько опьянел от ее общества и от бренди с содовой, чтобы не заметить, что она позвонила по телефону, отговорившись предлогом, что ей якобы надо отменить назначенную встречу. Звонок затянулся надолго, и, когда она вернулась, вид у нее был довольно торжественный. Оказавшись снова в машине, он перехватил ее взгляд, и ему показалось, что в нем мелькнула тень недоверия.

– Джерри!

– Да?

Она покачала головой, рассмеялась, провела ладонью по его лицу и поцеловала его.

– Здорово, – сказала она.

Он понял, что Лиззи спрашивает себя, как же могло получиться, что, если она действительно когда-то продала ему бочонок виски, она так прочно забыла покупателя. Он догадался, что она также не может вспомнить, сопроводила ли она тот бочонок дополнительными услугами, о которых столь непочтительно упоминал Кро, Но это ее трудности, решил он. Надо было думать с самого начала.

В японском ресторане их усадили за столик в углу – сработала улыбка и другие прелести Лиззи. Она сидела лицом к залу, а он сидел лицом к девушке и глядел на нее – Джерри это нравилось, но в Саррате сошли бы с ума. Он отчетливо видел ее освещенную свечами голову и впервые распознал следы, оставленные возрастом: не только отметины от когтей на подбородке, но и морщины, проложенные долгими странствиями и беспокойной жизнью; для Джерри они имели особый смысл, это были шрамы, доблестно заработанные в битвах с горькой долей и собственным неблагоразумием. Она носила золотой браслет, новый, без единой царапины, и побитые часы в дешевом корпусе, на циферблате которых красовался зверек из диснеевского мультфильма; вместо стрелки на цифры указывала исцарапанная рука в перчатке Его заинтересовало, с чего она так привязана к старым часам, и он спросил, кто ей их подарил.

– Папа, – рассеянно ответила она.

На потолке у них над головами висело зеркало, и среди чужих макушек он хорошо видел ее светлые волосы, выпуклую грудь, золотые пылинки волос у нее на спине. Он попытался вызвать Лиззи на разговор о Рикардо, но она тут же ощетинилась; Джерри следовало бы заметить, что после телефонного звонка ее настроение изменилось, но он ничего не почувствовал.

– А какие гарантии на то, что я не увижу своего имени в твоей газете?

– Могу только обещать.

– Но если редактор узнает, что я была девушкой Рикардо, что ему помешает тиснуть это за своей подписью?

– У Рикардо было полным-полно девчонок. Ты сама знаешь. Они появлялись и исчезали целыми толпами.

– Но я-то была только одна, – твердо заявила она, и он поймал ее взгляд. Она смотрела на дверь. Просто у нее была такая привычка – везде, где бы она ни оказалась, оглядывать зал, словно в поисках кого-то, кого здесь нет. Он позволил ей перехватить инициативу разговора.

– Ты говорил, у газеты есть точные сведения из первых рук, – произнесла она. – Что это значит?

Ответ они вызубрили и не раз прорепетировали с Кро. Поэтому сейчас его слова прозвучали если не убедительно, то по крайней мере уверенно.

– Рик разбился восемнадцать месяцев назад в горах близПайлиня на таиландско-камбоджийской границе. Такова официальная версия. Никто не нашел ни тела, ни разбитого самолета, и поговаривают, будто он вез опиум. Страховая компания не выплатила ни копейки, а «Индочартер» никогда не предъявляла никакого иска. Почему? Потому что у Рикардо был особый контракт – совершать полеты только для них. Но тогда возникает вопрос: почему никто не подал иск против «Индочартер»? Ты, например. Ты была его подругой. Почему бы тебе не потребовать возмещения ущерба?

– До чего непристойное предположение, – процедила она тоном герцогини.

– Кроме того, ходят слухи, что его недавно видели в различных злачных местах. Говорят, он отпустил бороду, но так и не сумел избавиться от хромоты, а также от привычки выпивать в день по бутылке шотландского виски и, не при тебе будь сказано, гоняться за любой юбкой, которая мелькнет в радиусе десяти километров от него.

Она приготовилась что-то возразить, но он не дал ей раскрыть рта и одним духом выложил все остальное.

– Старший портье в отеле «Ринком» в Чиангмае подтвердил его личность по фотографии (если не считать бороды). Хорошо, пусть мы, белые, для них на одно лицо. Тем не менее он был совершенно уверен. Далее, всего месяц назад в Бангкоке пятнадцатилетняя девчонка в интересном положении, со всеми пожитками явилась в мексиканское консульство и назвала счастливым отцом не кого-нибудь, а Рикардо. Я не верю в беременность длиной в восемнадцать месяцев. Думаю, ты тоже. И не надо на меня так смотреть, малышка. Это ведь не я придумал, правда?

Это придумали в Лондоне, хотелось добавить ему, состряпали идеальную смесь фактов и вымысла, чтобы хорошенько потрясти дерево. Но она опять смотрела не на него, а на дверь у него за спиной.

– Мне нужно спросить тебя еще кое о чем. О махинациях с виски, – добавил он.

– Это не махинации, Джерри, это совершенно серьезное деловое предприятие!

– Малышка, ты всегда была тверда, как кремень. Скандалом тут и не пахнет. И так далее. Но если Рик не раз преступал закон, он ведь мог решить, что лучше было бы изобразить старый трюк – ненадолго исчезнуть?

– Рик бы так не поступил, – произнесла она наконец, но было видно, что она сама не верит в свои слова. – Ему нравилось быть на виду у всего города. Убегать – не в его привычках.

Джерри было искренне жаль, что приходится так ее терзать. Сложись все иначе, он пожелал бы, чтобы она испытывала к нему совсем другие чувства Он наблюдал за девушкой; ему стало ясно, что в спорах она всегда проигрывает: они рождали в ней ощущение безнадежности, она отказывалась признавать свое поражение.

– Например, – продолжил Джерри, и она покорно наклонила голову, – не могло ли случиться так, что твой Р и к, продавая из-под полы бочонки с дешевым виски, не смог расстаться с денежками и вместо того чтобы передать их на винокурню… это всего лишь предположение, нет ни малейших доказательств… в таком случае…

– К тому времени, как наше предприятие закрылось, у каждого вкладчика был заверенный контракт с указанием причитающихся ему процентов со дня покупки. Каждая копейка, которую мы занимали, была учтена, как положено.

До сих пор он лишь ходил вокруг да около, собирая информацию. Сейчас перед ним замаячили очертания цели, и он сделал рывок.

– Не как положено, малышка, – поправил он ее. Она не поднимала глаз от тарелки с нетронутой едой. – Совсем не как положено. Все расчеты были сделаны через шесть месяцев послеустановленного срока. Что незаконно. На мой взгляд, это очень показательно. Вопрос: кто вытянул Рика из ямы? По нашим сведениям, на него накинулись все, кому не лень:

виноделы, кредиторы, закон, все местное общество. Все до одного точили на него нож. И вдруг, в один прекрасный день – бах! Исковые заявления аннулированы, тень тюремной решетки бледнеет. Как это случилось? Ведь Рик был чуть ли не поставлен на колени. Кто же этот таинственный ангел-спаситель? Кто выкупил его долги?

Пока он держал речь, она подняла голову, и вдруг, к его удивлению, лицо Лиззи озарила сияющая улыбка. В следующий миг он заметил, что она через его плечо машет рукой кому-то, кого он не видит. Он посмотрел в зеркало на потолке и увидел ярко-синий костюм и густую шевелюру тщательно напомаженных черных волос. Между костюмом и шевелюрой улыбалось уменьшенное перспективой круглое лицо китайца, восседающее на могучих плечах. Он радостно поднял руки, как боксер, приветствующий публику, а Лиззи подзывала его присоединиться к ним.

– О, мистер Тиу! Какое чудесное совпадение! Это мистер Тиу! Подсаживайтесь! Попробуйте мясо. Оно великолепно. Мистер Тиу, это Джерри, репортер с Флит-стрит. Джерри, это мойочень хороший друг, он принимает во мне большое участие. Мистер Тиу, он берет у меня интервью! Представляете, у меня – и интервью! Это так здорово! Он расспрашивает о Вьентьяне и о том бедолаге-летчике, которому я лет сто назад пыталась помочь. Джерри знает обо мне все. Он просто чудо!

– Мы уже встречались, – сказал Джерри и улыбнулся вовесь рот.

– Конечно, – ответил Тиу, возрадовавшись не меньше его, и Джерри снова почудился знакомый аромат, смесь запахов миндаля и розовой воды – такие духи любила его первая жена. – Конечно, – повторил Тиу. – Вы пишете о лошадях, правильно? Так сказать, лошадиный писака?

– Правильно, – согласился Джерри, растягивая рот до ушей.

В следующие десять минут мир вокруг Джерри совершил несколько лихих кувырков. У него появилась масса забот: казаться не меньше других обрадованным удачей, свалившейся на них в лице мистера Тиу; пожать ему руку, как бы обещая, что в дальнейшем они станут друзьями; отодвинуть стул, заказать напитки, мясо, палочки для еды и все остальное. Но при этом в мозгу вертелась мысль, не имевшая отношения ни к Тиу, ни к его поспешному появлению – воспоминание, засевшее в голове так крепко, что никаким последующим событиям не удалось его стереть. У него перед глазами стояло выражение лица Лиззи в тот миг, когда она впервые увидела его, в ту долю секунды, когда решительные складки еще не стерли с ее губ радостную улыбку. Оно как нельзя лучше рассказало ему о противоречиях, из которых складывалась ее натура: о мечтах вырваться на свободу, таких же, какие терзают заключенного в тюрьме, о выдуманных характерах, которые она примеривала на себя, словно маскарадные костюмы, прикидываясь другим человеком, если надо было избежать того, что предназначает судьба. Разумеется, это она вызвала Тиу – ей больше ничего не оставалось. Его удивляло, что ни Цирк, ни он сам не сумели этого предвидеть. История о Рикардо, как бы она ни была правдива, была слишком горяча для ее рук. Но когда Тиу вошел в ресторан, ее серые глаза выражали не облегчение, а слепую покорность: двери опять захлопнулись, развлечение окончилось. «Мы – как светляки, будь они прокляты, – снова услышал он шепот Сиротки – воспоминания о детстве всегда приводили ее в ярость. – Всю жизнь тащим на спинах этот чертов огонь».

Для его боевой задачи, сразу сообразил Джерри, появление Тиу было подарком свыше. Его сведения предназначались для Ко, а Тиу был несравненно более мощным передающим устройством, чем Лиззи Уэрдингтон.

Она наконец закончила целовать Тиу и передала его Джерри.

– Мистер Тиу, вы будете моим свидетелем, – с необычайно заговорщическим видом объявила она. – Вы должны запомнить каждое мое слово. Джерри, выкладывай все, как будто его здесь нет. Я хочу сказать, мистер Тиу будет нем, как могила, правда, мистер Тиу? Дорогой, – сказала она и опять чмокнула его. – Это так здорово, – повторила она, и все трое погрузились в дружескую беседу.

– Итак, чего вы доискиваетесь, мистер Уэссби? – с безукоризненной приветливостью спросил Тиу и занялся мясом. – Вы репортер на скачках, лошадиный писака, с какой стати вам тревожить красивых девушек, правильно?

– Хорошо сказано, приятель! Хорошо сказано! О лошадях оно куда безопаснее, так?

Все громко рассмеялись, не глядя в глаза друг другу. Официант поставил перед ним бутылку шотландского виски «Блэк Лейбл». Тиу откупорил ее и принюхался с видом знатока.

– Он ищет Рикардо, мистер Тиу. Неужели вы не поняли? Он считает, что Рикардо жив. Правда, чудесно? Я хочу сказать, сейчас, разумеется, у меня не осталось к Рикардо никаких чувств, но если бы он опять был с нами, было бы так прекрасно. Только подумать, какую мы могли бы устроить вечеринку!

– Это Лиза вам сказала? – спросил Тиу, наливая себе виски. – Она сказала, что Рикардо еще здесь?

– Кто сказал, старина? Не понял. Не расслышал имя, которое вы назвали вначале.

Тиу ткнул палочкой для еды в сторону Лиззи.

– Она сказала, что он жив? Этот летчик? Этот Рикардо? Лиза вам сказала?

– Я никогда не разглашаю своих источников, мистер Тиу, – проговорил Джерри столь же приветливо. – Именно так говорят журналисты, когда хотят сказать, что они кое-что разнюхали, – объяснил он.

– Так всегда говорят лошадиные писаки, правильно?

– Верно, верно!

Тиу опять засмеялся, и Лиззи на этот раз расхохоталась даже громче, чем он. Девушка снова теряла власть над собой. Возможно, она слишком много выпила, подумал Джерри, а может быть, привыкла к крепким напиткам и выпитое лишь поддерживает огонь. А если он еще раз назовет меня лошадиным писакой, я, пожалуй, прибегну к самозащите.

Лиззи снова взяла тон заправской светской штучки:

– О, мистер Тиу, Рикардо так повезло! Вы только подумайте, кем он был. «Индочартер»… Я тоже работала на эту маленькую авиакомпанию… да еще несколько милейших китайцев, папиных знакомых… а Рикардо, как и все летчики, ничего не смыслил в делах… по уши залез в долги. – Она махнула Джерри рукой. – Господи, он даже пытался втянуть меня в одну из своих затей – представляете! – продавал виски, если хотите знать, и вдруг мои очаровательные китайские друзья свихнулись и решили, что им нужен новый летчик для чартерных рейсов. Они оплатили его долги, посадили его на зарплату, дали старую этажерку…

Джерри предпринял первый из шагов, после которых возврата не бывает.

– Когда Рикардо исчез, он летал не на этажерке, малышка. Он летел на новехоньком «Бичкрафте», – неторопливо поправил он, – За «Индочартер» никогда не значился собственный «Бичкрафт». И сейчас у них его нет. Мой редактор выяснил это совершенно достоверно, не спрашивайте меня как. «Индочартер» никогда не сдавал такого самолета внаем, никогда не арендовал его и не терял.

Тиу снова разразился веселым смехом.

"Тиу очень здравомыслящий епископ, ваше преосвященство, – предупреждал Кро. – Пять лет управлял епархией монсиньора К. О. в Сан-Франциско. Рентабельность была образцовой. Самое худшее, что сумели пришить ему агенты по борьбе с наркотиками, так это то, что он моет "роллс-ройс" в день именин святого".

– Эй, мистер Уэссби, может, Лиза его украла! – воскликнул Тиу со своим наполовину американским акцентом. – Может, она по ночам ходила и воровала самолеты у других авиакомпаний!

– Мистер Тиу, ваши шутки непристойны, – заявила на это Лиззи.

– Как тебе это нравится, лошадиный писака? Как тебе нравится?

Веселье за их столиком, где сидело всего три человека, стало таким шумным, что соседи начали поворачивать головы и с интересом посматривать на них. Джерри заметил это в зеркало – он не удивился бы, если бы в оплетенном прутьями дверном проеме увидел Ко собственной персоной, бредущего к ним вразвалочку – походкой человека, выросшего на лодке. Лиззи закусила удила.

– О, это была просто сказка! Однажды Рик едва не уморил себя голодом и был должен всем нам, он растратил все сбережения Чарли, содержание, которое присылал мне папа, – Рик всех нас просто разорил. Само собой, мы делились с ним деньгами так, будто они просто принадлежат ему… и вдруг мы узнаем, что у Рика есть работа, что ему ничто не грозит и жизнь опять прекрасна. Все остальные бедолаги-пилоты стояли прикованными к земле, а Рик и Чарли летали туда и сюда, как…

– Как мухи с синим задом, – предположил Джерри, и Тиу в приступе веселья согнулся пополам так, что ему пришлось схватиться за плечо Джерри, чтобы не свалиться со стула. Однако у Джерри появилось неуютное ощущение, что его измеряют наощупь – хорошо ли войдет в него нож.

– Эй, слушай, вот здорово! Мухи с синим задом! Мне нравится! Ну и весельчак ты, лошадиный писака!

Джерри порядком надоели прикрытые любезностями уколы Тиу, и он предпринял весьма ловкий маневр. Все-таки Кро давал неплохие советы. Уэстерби пропустил слова Тиу мимо ушей и уцепился за имя, ненароком слетевшее с уст Лиззи.

– Да, кстати, Лиззи, а что случилось со стариной Чарли? – спросил он, понятия не имея, кто такой Чарли. – Что сталось с ним после того, как Рик исчез и оставил всех с носом? Только не говори, что он тоже исчез вместе со своим самолетом.

В ответ девушка разразилась еще одним долгим повествованием. Тиу откровенно восторгался услышанным, хихикал с набитым ртом и кивал головой.

«Он пришел, чтобы выяснить подоплеку происходящего, – подумал Джерри. – Он слишком проницателен, чтобы пытаться совладать с языком Лиззи. Он беспокоится не из-за нее, а из-за меня».

– О, Чарли несокрушим, он просто бессмертен, – заявила Лиззи. Она опять обращалась к Тиу. – Мы говорим о Чарли Маршалле, мистер Тиу, – пояснила она. – Вы наверняка его видели, он наполовину китаец, фантастическое существо, весь состоит из кожи, костей да опиума и при этом великолепный летчик. Его отец – старый гоминьдановец, отъявленный разбойник, живет в Шанских горах. Мать – какая-то нищая корсиканка – вы же знаете, корсиканцы в Индокитае просто кишат, – но он действительно необычайная личность. Знаете, почему он называет себя Маршаллом? Его отец не хотел давать ему свое имя. И что сделал Чарли? Вместо имени присвоил себе самое высокое звание в армии. «Мой отец – генерал, а я буду маршалом», – говорил он. Неплохо придумано, да? И, по-моему, гораздо лучше, чем «адмирал».

– Классно, – признал Джерри. – Здорово. Чарли гений.

– Лиза сама довольно необычайная личность, мистер Уэссби, – многозначительно заметил Тиу, и по настоянию Джерри они за это выпили – за ее необычайную личность.

– Слушай, а что это за Лиза такая? – спросил Джерри, поставив бокал. – Ты же Лиззи. Кто такая Лиза? Мистер Тиу, я такой дамы не знаю. Почему мне не объяснят шутку?

Теперь Лиззи откровенно обратилась за помощью к Тиу, но тот заказал себе сырой рыбы и уплетал ее в полной отрешенности.

– Некоторые лошадиные писаки задают слишком много вопросов, – процедил он с набитым ртом.

– Новый город, новая жизнь, новое имя, – наконец, выдавила Лиззи с неубедительной улыбкой. – Я хотела перемен, потому теперь меня зовут вот так. Некоторые девушки меняют прическу, а я взяла новое имя.

– И завела нового парня, чтобы звал тебя этим именем? – спросил Джерри.

Она опустила глаза и покачала головой, а Тиу опять разразился хохотом.

– Что стряслось с этим городом, мистер Тиу? – возмутился Джерри, бессознательно подавая реплику за нее. – Ослепли здесь все, что ли? Боже мой, я бы ради нее пересек моря и континенты, а вы что делаете? Да пусть зовет себя, как хочет!

– Что до меня, я бы поехал от Коулуна до Гонконга, не дальше! – ответил Тиу, в полном восторге от собственного остроумия. – А может, остался бы в Коулуне, позвонил ей и велел заскочить на часик повидаться со мной!

На протяжении этой речи Лиззи не поднимала глаз, и Джерри подумал, как было бы здорово как-нибудь в другой раз, когда у них будет побольше времени, сломать жирную шею Тиу в нескольких местах. Но, к сожалению, в планы Кро это не входило.

"Деньги, – говорил Кро. – Когда наступит нужный момент, раскопай один конец "золотой жилы" и можешь заказывать торжественный финал".

Поэтому Джерри принялся выпытывать, что Лиззи знает об «Индочартере». Кто они такие, каково было на них работать? Она принялась все выкладывать с такой готовностью, что он подумал: может быть, существование на лезвии бритвы нравится ей больше, чем он до сих пор полагал?

– О, Джерри, это было чудесное приключение! Ты даже представить не можешь. – Она снова заговорила с лишенным национальной принадлежности акцентом, который переняла у Рика: – Авиакомпания! Само это слово такое несуразное. На самом деле и думать забудьте о ваших новых сверкающих авиалайнерах, обаятельных стюардессах, шампанском, икре и всей этой чепухе. Мы работали. Мы были первопроходцами, это меня и притягивало. Я могла бы спокойно прожить без папы и без тетушек, я имею ввиду, что я, слава Богу, совершенно независима, но разве можно устоять, когда встречаешься с интересным делом? Мы начинали всего-навсего с парой ужасных старых «DC-3», буквально связанных веревками и склеенных жвачкой. Нам даже сертификат летной годности пришлось покупать. Иначе никто бы нам его не выдал. После этого мы возили буквально все. «Хонды», овощи, свиней – с этими бедными свиньями была целая история. Представляешь, Джерри, они сорвались с привязи. Заявились в первый класс, пробрались даже в кабину, такая была кутерьма!

– Прямо как пассажиры, – пояснил Тиу с набитым ртом. – Она везла свиней первым классом, значит, свиньи были первоклассные, правильно, мистер Уэссби?

– Какими же маршрутами вы летали? – спросил Джерри, когда все оправились от приступа смеха.

– Видите, как он меня допрашивает, мистер Тиу? Я никогда и не думала, что так неотразима! Так таинственна! Джерри, мы летали везде. В Бангкок. Иногда в Камбоджу. Баттамбанг, Пномпень, Кампонгтям – когда там было открыто. Везде. Ужасные дыры.

– А были у вас постоянные клиенты? Торговцы, таксисты, да? Кто был заказчиком?

– Заказчиками у нас были абсолютно все – все, кого нам удавалось заполучить. Все, кто мог платить. Само собой, желательно вперед.

Оторвавшись от мяса из Кобе, Тиу решил перевести беседу в русло светской болтовни.

– Ваш отец – большая шишка из высшего общества, правильно, мистер Уэссби?

– Более или менее, – ответил Джерри.

– В высшем обществе все богатые. Почему вы стали лошадиным писакой, правильно?

Не обращая на Тиу ни малейшего внимания, Джерри швырнул на стол козырную карту и ждал, что зеркало с потолка вот-вот рухнет прямо на них.

– Говорят, что ваша компания была как-то связана с тамошним русским посольством, – беспечно бросил он, обращаясь к Лиззи. – Тебе ничего не вспоминается, а, малышка? Какие-нибудь красные под кроватью, смею спросить?

Тиу усердно уплетал рис. Он держал чашку под подбородком и безостановочно работал палочками. Но на этот раз Лиззи не бросила на него даже беглого взгляда, и это говорило о многом.

– Р у с с к и е ? – озадаченно переспросила она. – С какойэто стати русские пошли бы к нам? У них есть регулярные рейсы «Аэрофлота» во Вьентьян и обратно каждую неделю.

Он мог бы поклясться, и тогда, и позже, что она говорит правду. Но для Лиззи он сделал вид, что не удовлетворен таким ответом.

– Не было заказов даже на местные перелеты? – «Пытки» продолжались. – Захватить что-нибудь и перевезти, курьерские заявки или что-нибудь в этом роде?

– Ни разу. С какой стати? Кроме того, китайцы просто ненавидят русских, разве не так, мистер Тиу?

– Русские очень плохие люди, мистер Уэссби, – подтвердил Тиу. – Они плохо пахнут.

«Да уж не хуже тебя», – подумал Джерри, снова уловив запах первой жены.

Джерри рассмеялся над нелепостью собственных подозрений.

– Для меня редакторы – как колики в животе для простых смертных, – отступил он. – Мой шеф убежден, что мы сможем найти красных под кроватью. «Советские хозяева, которые платят Рикардо». И «Не залетал ли Рикардо в Кремль?».

– Платили Рикардо? – переспросила Лиззи, ничего не понимающая. – Рик не получал от русских ни копейки. Что за чушь они городят?

Джерри начал снова.

– Но ведь «Индочартер» получал, разве нет? Если толькомои хозяева, как обычно, не надули меня. «Индочартер» получал деньги из тамошнего русского посольства и переводил их в Гонконг в американских долларах. Такова версия Лондона, и они крепко за нее уцепились.

– Они с ума сошли, – уверенно сказала девушка. – В жизни не слышала подобной чепухи.

Джерри показалось, что она даже рада, что разговор свернул в такую невообразимую сторону. Рикардо жив – тут она шла по минному полю. Ко ее любовник – эту тайну пусть раскрывают, если хотят, Ко или Тиу, но она не станет. Но русские деньги – Джерри был до глубины души уверен, что она ничего не знает и поэтому ничего не боится.

Он предложил проводить ее до Стар-Хайтс, но она отказалась: Тиу живет с ней в одной стороне и им по пути.

– Вскоре увидимся, мистер Уэссби, – пообещал Тиу.

– С нетерпением буду ждать, дружище, – ответил Джерри.

– И пишите только о лошадях, слышите? По-моему, вы на этом больше денег заработаете, правильно, мистер Уэссби? – Он дружески похлопал Джерри по плечу. Ни в его голосе, ни в жесте не ощущалось ни малейшей угрозы. Тиу не произнес больше ни слова, будто опасался, что его совет сочтут чем-то более серьезным, нежели простой дружеской доверительностью.

Внезапно все кончилось. Лиззи чмокнула метрдотеля, но так и не поцеловала Джерри. За пальто она послала не Тиу, а Джерри, словно не хотела оставаться с ним наедине. Прощаясь, она едва взглянула на него.

"Иметь дело с хорошенькими женщинами, ваша милость, – предостерегал его Кро, – все равно что общаться с известными преступниками, а дама, чьего внимания ты домогаешься, несомненно, попадает под эту категорию".

Джерри брел домой по залитым лунным светом улицам, стараясь не обращать внимания на усталость после долгого путешествия, на нищих и на глаза, провожающие его из-за каждой двери. По дороге он подвергал изречение Кро тщательному осмыслению. Насчет «преступника», собственно говоря, можно было бы и помолчать: это слово во все времена было чересчур зыбким определением, а Цирк и его агенты существовали не для того, чтобы олицетворять собой слишком узкое понимание законности. Кро рассказывал Джерри, что в тяжелые времена Рикардо заставлял Лиззи перевозить для него через границы какие-то небольшие посылки. Велика важность! Пусть об этом пекутся умники из начальства. Известные преступники – совсем другое дело. «Известные» – с этим словом он был согласен полностью. Вспоминая затравленный взгляд, каким Элизабет Уэрдингтон смотрела на Тиу, он не мог не признать, что знал это лицо, этот взгляд, эту беспомощность всю свою сознательную жизнь, под какой бы маской они ни скрывались.

Многие недалекие критики Джорджа Смайли не раз шептали, что в этот момент ему следовало предугадать, в какую для Джерри сторону подует ветер, и увести его с поля битвы. В конце концов, Смайли был куратором Уэстэрби. Он единолично вел досье на Джерри, подкармливал и инструктировал его. Если бы он был в расцвете сил, говорили они, а не на полпути к закату, он между строк прочел бы тревожные сигналы в сообщении Кро и вовремя преградил Джерри дорогу. С тем же успехом они могли бы заявить, что он всего лишь второсортная гадалка. Факты, поступившие в распоряжение Смайли, были таковы.

На следующее утро после приключения Джерри и Лиззи Уэрд (или Уэрдингтон) Кро на автомобильной стоянке более трех часов выслушивал его отчет и в своем рапорте отметил, что Джерри, что вполне объяснимо, пребывает в состоянии «уныния, неизбежно следующего за бурным всплеском». Похоже, писал Кро, Джерри боится, что Тиу или сам Ко поставят девушке в вину ее «преступную осведомленность» и даже применят к ней насилие. Джерри не раз упоминал, что Тиу открыто презирает и девушку, и его самого, и, скорее всего, всех европейцев; он без конца повторял слова Тиу о том, что ради нее он проехал бы от Коулуна до Гонконга, и ни метра дальше. Кро возражал ему, указывая, что при желании Тиу мог в любую минуту заставить ее замолчать и что ее осведомленность, по собственным утверждениям Джерри, не касается даже «золотой жилы» из России, не говоря уже о братце Нельсоне.

Короче говоря, Джерри демонстрировал все обычные симптомы, которые проявляются у оперативных агентов после удачной операции. Ощущение вины, усугубляемое дурными предчувствиями, невольно возникающее расположение к объекту операции – эти симптомы так же легко предсказать, как предвидеть всплеск истерических слез у спортсмена после крупных соревнований.

На второй день, когда Джерри впервые вышел на связь, дозвонившись до Кро по заранее отработанной схеме, старик-австралиец, чтобы поддержать Джерри на плаву, передал ему теплые персональные поздравления Смайли – правда, чуть раньше, чем получил их из Цирка, – и отметил, что Джерри говорит гораздо более бодрым тоном, однако очень волнуется из-за своей дочери Кэт. Он забыл про ее день рождения – по его словам, он будет завтра – и хотел бы, чтобы Цирк послал ей японский кассетный плейер с набором записей, чтобы положить начало ее фонотеке. Кро телеграфировал Смайли список кассет, велел «домоправителям» административно-хозяйственного отдела немедленно браться за дело и потребовал, чтобы «сапожники» – иными словами, отдел, занимающийся изготовлением фальшивых документов, – написали почерком Джерри сопроводительную открытку со следующим текстом: «Дорогая Кэт! Попросил приятеля опустить это в Лондоне. Береги себя, милочка. Люблю тебя, как всегда. Папа». Смайли дал добро на покупку и велел "домоправителям" вычесть ее стоимость из жалованья Джерри. Перед отправкой он лично проверил содержимое посылки и похвалил поддельную открытку. Также он убедился в том, о чем они с Кро давно подозревали: что назавтра у Кэт нет никакого дня рождения и что наступит он очень нескоро. Просто Джерри очень нужно было выказать отцовскую привязанность: еще один признак временного упадка сил. Смайли отправил Кро телеграмму с требованием держаться поближе к Джерри, но не навязываться. Джерри не выходил на связь вплоть до ночи после пятого дня, когда он потребовал неотложной встречи в течение часа. После наступления темноты свидание состоялось. Оно произошло под видом случайной встречи двух старых сослуживцев в их давно условленном месте, где они всегда встречались в неотложных случаях, – в круглосуточном придорожном кафе на Новой территории. Следом за телеграммой в Лондон полетело письмо от Кро с пометкой «лично Смайли в собственные руки». Оно прибыло в Цирк с курьером Кузенов через два дня после описанного события, то есть на седьмой день. Справедливо полагая, что Кузены найдут способ прочитать текст, невзирая на все печати и другие ухищрения, Кро усыпал письмо изобилием уклончивых оборотов, псевдонимами и тайными кличками; здесь этим словам возвращено их истинное значение.

Уэстерби очень сердился. Он требовал сообщить, какого черта Сэм Коллинз делает в Гонконге и каким боком втянут в дело Ко. Я никогда раньше не видел его таким разъяренным. Я спросил, с чего это он взял, что тут замешан Коллинз. Он ответил, что видел его не далее как этим вечером – если быть точным, в одиннадцать пятнадцать – в машине, стоявшей в Мидлевелзе, на террасе чуть ниже Стар – Хайтс, прямо под уличным фонарем. Тот читал газету. С места, где находился Коллинз, говорит Уэстерби, хорошо видны окна Лиззи Уэрдингтон на восьмом этаже, и Уэстерби полагает, что он вел что-то вроде слежки. Уэстерби в это время шел пешком и утверждает, что он "еле сдержался, чтобы не подойти к Сэму и не спросить его напрямик". Но привитая в Саррате дисциплина взяла верх, и он, не подавая вида, продолжал спускаться с холма по своей стороне дороги. Но он утверждает, что Коллинз, как только заметил его, включил мотор и быстро поехал по холму вверх. Уэстерби записал номер машины, и номер, безусловно, верный. Все остальное Коллинз подтвердил.

В соответствии с согласованной нами инструкцией на случай подобных обстоятельств (ваша шифровка от 15 февраля} я дал Уэстерби следующие ответы:

1. Даже если это действительно был Коллинз, его передвижения ни в коей мере не подконтрольны Цирку. Коллинз оставил Цирк

в смутные времена, перед крахом, он известный игрок, бродяга, пройдоха и т. д., а на Востоке ему известны все ходы и выходы. Я сказал Уэстерби, что он будет законченным идиотом, если решит, что Коллинз до сих пор находится на службе в Цирке или, тем паче, имеет отношение к делу Ко.

2. У Коллинза очень стандартная, невыразительная внешность, сказал я: правильные черты лица, усы и т. д., такими лицами, как у него, кишит весь Лондон. Я выразил сомнение, как Уэстерби может с уверенностью утверждать, что в одиннадцать пятнадцать вечера с противоположной стороны дороги он опознал этого человека. Уэстерби возразил, что у него превосходное зрение и что газета, которую читал Сэм, была открыта на странице, посвященной скачкам.

3. И, в конце концов, что там делал сам Уэстерби, спросил я, какого черта он шляется вокруг Стар – Хайтс в одиннадцать вечера? Он ответил: возвращался с вечеринки, где выпил с ребятами из ЮПИ, и надеялся поймать такси. Тут я сделал вид, что вышел из себя, и заявил, что тот, кто выпил с подонками из ЮПИ, не разглядит и слона с пяти метров, не говоря уже о том, чтобы опознать Сэма Коллинза с двадцати пяти, да еще в машине, да еще темной ночью. Надеюсь, с этим покончено.

Нечего и говорить, что этот случай серьезно встревожил Смайли. О хитрости с Коллинзом знали всего четыре человека: Смайли, Конни Сейшес, Кро и сам Сэм. Если на него наткнется Джерри, это внесет дополнительные трудности в дело, и без того перегруженное непредвиденными случайностями. Однако Кро, знаток своего дела, полагал, что сумел разубедить Джерри; что ж, Кро виднее, он находится в центре событий. Может быть, будь этот мир устроен чуть лучше, Кро задался бы целью выяснить, устраивало ли ЮПИ в ту ночь вечеринку в Мидлевелзе, а выяснив, что не устраивало, опять вызвал бы Джерри и потребовал объяснить, как он оказался поблизости от Стар-Хайтс, и в этом случае Джерри, возможно, изобразил бы вспышку гнева и придумал другую историю, которую не так легко проверить: например, что он был с женщиной, а Кро, черт возьми, пусть не сует нос не в свое дело. В конце концов они безо всякой надобности попортили бы друг другу нервы и вернулись к исходной неопределенной ситуации.

Также соблазнительно, но неразумно было бы ожидать от Смайли, который и без того задыхался под грудой других дел – бесконечные неотступные поиски Нельсона, ежедневные совещания с Кузенами, арьергардные бои в коридорах Уайтхолла, – что тот придет к заключению, которое естественным путем вытекало бы из его опыта одинокой жизни, а именно: что Джерри, которому в тот вечер не хотелось спать и у которого не было настроения посидеть в компании, бродил по ночным улицам, пока не оказался около дома, где жила Лиззи, и шлялся вокруг, точно так же, как скитался по ночам сам Смайли, не сознавая, чего же он хочет, без малейшего шанса ее увидеть.

Однако Смайли был слишком сильно втянут в бурный водоворот событий, чтобы позволить себе дать волю таким полетам фантазии. И когда настал восьмой день и Цирк окончательно перешел на военное положение, виновато в этом, помимо всего прочего, было вполне простительное тщеславие одиноких людей во всех концах света, не позволяющее им допустить, что где-то есть человек, который мог бы их понять.

День восьмой

Веселое настроение, воцарившееся на шестом этаже, приятно контрастировало с подавленной атмосферой предыдущего собрания. Гиллем назвал это «медовым месяцем архивокопателей». Сегодня вечером торжество по поводу удачного окончания работы достигло наивысшего накала. Это произошло, к вящему восторгу координаторов из Цирка, в точности на восьмой день после того, как Джерри, Лиззи и Тиу искренне и в полной мере обменялись мнениями относительно Малыша Рикардо и «золотой жилы» из России, – именно это событие стали брать в последующем за точку отсчета. Гиллем выжимал из Молли все, на что она была способна. Они, как проворные ночные зверьки, бегали туда и сюда, по старым, по новым и опять по старым тропам, которые успели зарасти, – приходилось открывать их заново. Наконец все они, все двенадцать, под предводительством неразлучных вожаков Конни Сейшес (она же Мать-Россия) и помятого ди Салиса (он же Док), собрались не где-нибудь, а в «тронном зале», под портретом Карлы, и почтительно полукругом расселись вокруг начальника, все вперемежку – и специалисты по большевикам, и знатоки «желтой опасности». Это было их пленарным заседанием, а для лиц, непривычных к столь громким терминам, это событие считалось просто историческим. Подтянутая чопорная Молли сидела рядом с Гиллемом, распустив длинные волосы, чтобы прикрыть следы поцелуев на шее.

В основном говорил ди Салис. Все остальные считали, что так и должно быть. В конце концов, Нельсон Ко целиком и полностью относится к его вотчине, он китаец до последней ниточки костюма. Док с трудом сдерживал себя – мокрые волосы торчали, как колючки, колени дрожали, ноги приплясывали, нервные пальцы не останавливались ни на миг. Он излагал дело низким, почти осуждающим голосом, при котором неизбежная кульминация кажется еще более ужасающей. У этой кульминации было имя. Его звали Ко Шэнь-нсю, он же Ко, Нельсон, в дальнейшем известный под именем Яо Кай-Шэнь. Именно так его звали, когда он впал в немилость во время культурной революции.

– Но в этих стенах, джентльмены, – прогудел ди Салис, словно и не догадываясь, что здесь присутствуют и женщины, – мы будем продолжать звать его Нельсоном. Он родился в 1928 году в небогатой пролетарской семье в Сватоу – так утверждают официальные источники (уточнил ди Салис). И вскоре переехал в Шанхай. Ни в официальных, ни в неофициальных документах не нашлось упоминания об учебе в школе мистера Хибберта при миссии Жизни Господней. Встречались лишь слезные рассказы о том, что «в детстве он подвергался безжалостной эксплуатации западных империалистов», которые-де отравили его религией. Когда в Шанхай вошли японцы, Нельсон примкнул к потоку беженцев в Чунцин – в точности так, как рассказывал мистер Хибберт. С самого раннего возраста, опять-таки согласно официальным источникам, – продолжал Док, – Нельсон втайне посвятил себя изучению основ революционной теории и, несмотря на преследования гнусного чанкайшистского отребья, принимал активное участие в деятельности подпольных коммунистических групп. Находясь среди беженцев, он "неоднократно (при каждом удобном случае) пытался сбежать к Мао, но его удерживала лишь чрезвычайная молодость. Возвратившись в Шанхай, он, уже будучи студентом, стал ведущим кадровым политработником подпольного коммунистического движения и выполнял специальные задания в районе верфей в Киянгнане, чтобы подавить пагубное влияние фашистских элементов из гоминьдана. В Университете средств связи он публично призывал к созданию объединенного фронта студентов и крестьян. Окончил университет с отличием в 1951 году…

Ди Салис прервался и, сбрасывая напряжение, вскинул руку и запустил пальцы в волосы на затылке.

– В общем, шеф, обычный елейный портрет героя-студента, который, опережая время, видит свет в конце туннеля, – пропел он.

– А что насчет Ленинграда? – спросил Смайли из-за стола, бегло делая какие-то заметки.

– С тысяча девятьсот пятьдесят третьего по пятьдесят шестой.

– Так, Конни?

Конни, как всегда, сидела в кресле на колесиках. Она проклинала морозный сезон, а заодно и эту жабу Карлу.

– Мы имеем некоего коллегу Бретлева, дорогуша Бретлев Иван Иванович, академик, Ленинградский факультет кораблестроения, стародавний друг китайцев, работал в Шанхае на китайских ищеек Центра. Опытный солдат революции, позже под руководством Карлы стал выискивать таланты среди иностранных студентов.

Для тех, кто вел поиски по китайской линии – специалистов по «желтой опасности», – эта информация была полной неожиданностью. Все встрепенулись, заскрипели стулья, зашелестели бумаги. Наконец Смайли кивнул, ди Салис опустил голову и продолжил рассказ.

– В тысяча девятьсот пятьдесят седьмом он вернулся в Шанхай и был назначен начальником железнодорожных мастерских…

Смайли перебил:

– Но он же с пятьдесят третьего по пятьдесят шестой был в Ленинграде?

– Правильно, – подтвердил ди Салис.

– Тогда, получается, один год выпадает.

На сей раз не зашелестела ни одна бумага, не скрипнул ни один стул.

– Официальное объяснение – стажировка на советских верфях, – произнес ди Салис, ухмыльнувшись Конни и с таинственным видом изогнув шею.

– Спасибо. – Смайли сделал еще одну пометку. – «Пятьдесят седьмой», – повторил он, – Это было до или после разрыва китайско-советских отношений, Док?

– До. Отношения серьезно ухудшились в пятьдесят девятом.

Тогда Смайли спросил, упоминается ли где-нибудь брат Нельсона. Или Дрейка точно так же не признают в Китае, где живет Нельсон, как Нельсона – в Китае, где живет Дрейк?

– В одной из самых ранних официальных биографий Дрейк упоминается, но не по имени. В более поздних говорится, что брат умер во время коммунистического переворота в сорок девятом.

Смайли отпустил одну из своих нечастых шуток; она была встречена громким смехом, заметно разрядившим атмосферу.

– Это дело битком набито людьми, которые якобы мертвы, – пожаловался он. – Как было бы здорово найти где-нибудь хоть один настоящий труп. – Всего через несколько часов эту остроту будут вспоминать с содроганием.

– У нас также есть сведения, что Нельсон в Ленинграде считался образцовым студентом, – продолжал ди Салис, – По крайней мере, с точки зрения русских. Они отослали его обратно с наилучшими рекомендациями.

Конни позволила себе издать еще одно восклицание. Она принесла с собой Трота, грязную дворняжку буроватой окраски. Он расслабленно лежал на ее широких коленях, испускал отчаянную вонь и время от времени издавал вздохи, но никто, даже Гиллем, который терпеть не мог собак, не нашел в себе духу прогнать его.

– Да ведь так и должно быть, дорогуша, разве нет? – воскликнула она. – Русские и должны были превозносить таланты Нельсона до небес, как же иначе, особенно если в университете его перехватил коллега Бретлев Иван Иванович, а красавчики из отряда Карлы похитили его и отвезли в учебный центр! Ах, подающий надежды маленький крот Нельсон! Когда он вернется в Китай, надо дать ему хороший старт в жизни! Но в дальнейшем это принесло ему мало пользы, не так ли, Док? Особенно когда его взяла за горло Великая Богопротивная Культурная Революция! В те времена стало неудобно выставлять напоказ щедрые знаки восхищения, полученные от гончих псов советского империализма, правда?

О падении Нельсона удалось узнать очень немного, объявил Док, повысив голос в ответ на всплеск Конни.

– Можно допустить, что оно было насильственным, что все произошло именно так, как указала Конни: те, кто был в особой чести у русских, наиболее тяжело пострадали. – Он поднес к покрытому пятнами лицу свернутый лист бумаги и взглянул на него. – Я не могу привести полного списка его назначений на момент опалы, шеф, потому что все равно он их потерял. Но не подлежит сомнению, что он весьма эффективно организовал работы по кораблестроению в Цзинани, а следовательно, принимал участие в создании большей части крупнотоннажного военно-морского флота Китая.

– Понятно, – тихо произнес Смайли. Записывая, он оттопырил губу, словно выражая неодобрение, и высоко поднял брови.

– Судя по его должности в Киянгнане, он мог занимать места в комитетах по военно-морскому планированию, в области коммуникаций и стратегической политики. К шестьдесят третьему году его имя начинает регулярно появляться в обзорных отчетах Кузенов из Пекина.

– Здорово сработано, Карла, – тихо произнес Гиллем, сидя рядом со Смайли, и тот, не переставая писать, откликнулся на это проявление эмоций тихим «да».

– Питер, дорогой, и только он один! – взорвалась Конни, не в силах больше сдерживаться. – Только он один из всех этих лягушек заметил, что надвигается катастрофа! Глас вопиющего в пустыне, правда. Трот? «Следите за желтыми дьяволами, – говорил он им. – Однажды они, как пить дать, развернутся и укусят руку, которая их кормит. И когда это случится, вы получите у себя за спиной восемьсот миллионов врагов. И все ваши ружья окажутся нацеленными не в ту сторону. Помяните мое слово». Вот так он им говорил, – повторила она, в порыве чувств дергая дворняжку за ухо. – Написал целый доклад: «Угроза перемены курса со стороны недавно появившегося социалистического партнера». Он внушал это каждой собаке в Руководстве Московского Центра. Слово за словом обдумывал это своей мозговитой башкой в Сибири, отбывая заключение по приказу дядюшки Джо – Сталина, будь он проклят. «Шпионь за друзьями сегодня, завтра они наверняка станут врагами», – говорил он им. Старейший афоризм в нашем деле, любимое изречение Карлы. Сдавая дела, он буквально прибил это гвоздями к двери на площади Дзержинского. Никто не обратил ни малейшего внимания. Никто и ухом не повел. Зерно пало на каменистую землю, милые мои. Через пять лет оказалось, что Нельсон был прав, но Москва и не подумала поблагодарить его, это я вам говорю! Он слишком часто оказывался прав, чтобы им это понравилось, болванам этим" правда, Трот? Уж ты-то знаешь, милый мой, ты-то понимаешь, куда клонит старая дуреха! – При этих словах она приподняла пса в воздух за передние лапы, и тот снова плюхнулся ей на колени.

Конни не могла вынести, что старый Док тянет все одеяло на себя, хоть они и договорились об этом заранее. Она чувствовала логику его рассказа, но ее женская натура не могла примириться с реальностью.

– Очень хорошо, Док, стало быть, он пострадал во время чистки, – тихо произнес Смайли, овладевая собой. – Тогда вернемся в шестьдесят седьмой год, вы позволите? – Он опять оперся подбородком на руку.

В полумраке Карла хмуро взирал с портрета на собравшихся. Ди Салис нараспев продолжал:

– Да, можно подумать, что это одна из обычных печальных историй. На него надели дурацкий колпак. Плевали вслед на улице. Жене и детям дали пинка. Исправительные лагеря, трудовое воспитание «в объеме, соизмеримом с тяжестью преступления». Призывы вернуться к крестьянским добродетелям. В одном из отчетов указывается, что Нельсона отправили проверить себя в сельскую коммуну. И когда он ползком вернулся в Шанхай, его заставили опять начинать с самого дна, ввинчивать болты в железнодорожные рельсы или что-то в этом

роде. Что же касается русских – раз уж мы говорим именно об этом, – торопливо добавил Док, прежде чем Конни успела его перебить, – в их глазах он погиб. У него не стало ни доступа наверх, ни влияния, ни друзей.

– И скоро ли он сумел вскарабкаться обратно? – спросил Смайли, многозначительно полузакрыв глаза.

– Года три назад он снова начал действовать, В общем-то, у него есть все, в чем нуждается Пекин: мозги, технические знания, опыт. Но его официальная реабилитация состоялась лишь в начале семьдесят третьего года.

Пока ди Салис методично описывал все ступени процедуры восстановления Нельсона в прежнем положении, Смайли тихо подтянул папку к себе и сверился с какими-то датами, которые по причинам, пока не получившим объяснения, внезапно ему потребовались.

– Платежи на имя Дрейка начали поступать в середине семьдесят второго, – пробормотал он. – В середине семьдесят третьего суммы резко возросли.

– Благодаря Нельсону, дорогуша, – прошептала ему вслед Конни, словно суфлер из-за кулис. – Чем больше он знал, тем больше говорил, а чем больше говорил, тем больше получал. Карла платит только за конфетки, и все равно его милости жгут, как клеймо.

– В семьдесят третьем году, сообщил ди Салис, признав должным образом все свои ошибки, Нельсон был принят в Шанхайский городской революционный комитет и назначен партинструктором в военно-морскую часть Народно-освободительной армии. Шесть месяцев спустя…

– Дата? – перебил Смайли.

– Июль семьдесят третьего.

– Значит, Нельсон был официально реабилитирован?..

– Процесс начался в январе семьдесят третьего.

– Благодарю.

Шесть месяцев спустя Нельсон оказывается в Центральном комитете Коммунистической партии Китая, где работает в неизвестной пока должности.

– Вот это да! – тихо воскликнул Гиллем, и Молли Микин потихоньку пожала ему руку.

– А в отчете Кузенов, – сообщил ди Салис, – как всегда, без даты, но хорошо аргументированном, говорится, что Нельсон работал неофициальным советником в Комитете по военному имуществу и артиллерийско-техническому снабжению Министерства обороны.

Ди Салис преподнес это откровение с каменно-неподвижным лицом, не обставляя его обычным своим манерничанием. Это лишь усилило эффект.

– Что касается поиска подходящих агентов, шеф, – тихо продолжил он, – то с точки зрения оперативной работы мы, китайский отдел вашего большого дома, рассматриваем этот пост как один из ключевых во всей китайской администрации. Если бы мы искали, в какую дырку в материковом Китае засунуть одного-единственного агента, мы наверняка остановились бы на человеке в должности Нельсона.

– По каким причинам? – Смайли то строчил заметки, то заглядывал в раскрытую папку на столе.

– Китайский военно-морской флот до сих пор пребывает в каменном веке. Мы, разумеется, проявляем некоторый формальный интерес к достижениям китайской технической мысли, но наши истинные приоритеты, равно как приоритеты Москвы, лежат в области стратегии и политики. Кроме того, Нельсон мог бы сообщить нам общую мощность всех китайских верфей. И к тому же он мог бы рассказать нам о потенциале китайского подводного флота, который много лет пугает Кузенов до смерти. Да и нас тоже частенько заставляет дрожать, осмелюсь добавить.

– Можно представить, как его боятся в Москве, – пробормотал, не дожидаясь своей очереди, какой-то старый архивокопатель.

– Китайцы, как считается, разрабатывают собственную версию русских подводных лодок класса «G-2», – пояснил Док. – О них никто ничего не знает. Создали ли они свою конструкцию? Сколько на них пусковых установок – две или четыре? Какого класса ракеты – "море-воздух "или «море-море»? Какие финансовые ассигнования требуются? Говорят, что это подводные лодки типа «Хань». До нас дошли слухи, что в семьдесят первом китайцы заложили одну такую лодку. Подтверждения мы так и не получили. В шестьдесят четвертом они, как утверждается, построили в Даляне подлодку класса G, вооруженную баллистическими ракетами, но никто из официальных лиц ее не видел. И так далее и тому подобное, – неодобрительно заключил ди Салис, ибо, как почти все в Цирке, питал глубокую неприязнь к военным вопросам и предпочитал более возвышенные цели. – За надежные и современные сведения об этих объектах Кузены заплатили бы целое состояние, Лэнгли может потратить пару лет работы, ухлопать на исследования, несанкционированные облеты, спутники, подслушивающие устройства и еще Бог знает на что сотни миллионов долларов – и все-таки не приблизиться и наполовину к тому, что можно узнать из одной-единственной фотографии. Поэтому если Нельсон..: – Он не закончил фразы, и от этого она прозвучала куда более выразительно.

– Хорошо сработано, Док, – прошептала Конни. Еще несколько минут никто не произнес ни слова. Их удерживал Смайли – он непрерывно строчил в блокноте и то и дело заглядывал в папку.

– Здорово работает, прямо второй Хейдон, – пробормотал Гиллем. – Даже лучше. Китай – последний рубеж. Самый крепкий орешек для разведчика.

Смайли, по-видимому, закончил расчеты и откинулся в кресле.

– Рикардо отправился в полет через несколько месяцев после официальной реабилитации Нельсона, – произнес он.

Это ни у кого не вызвало вопросов.

– В Шанхай едет Тиу, а через шесть недель – Рикардо…

Гиллем услышал, как где-то далеко, на пределе восприятия, затрещал телефон прямой связи с Кузенами, подключенный к его комнате, и в дальнейшем, излагая эту историю, он изо всех сил пытался убедить слушателей – хотя неизвестно, было ли это так на самом деле или он говорил это задним числом, – что в этот миг в подсознании, как джинн из лампы, возник пренеприятнейший образ Сэма Коллинза, и в который раз он спросил себя, как у него хватило ума поручить Сэму доставить Мартелло такое важное письмо.

– У Нельсона есть на руках еще один козырь, шеф, – продолжил ди Салис, когда все подумали, что он уже закончил. – Я бы не стал утверждать со всей уверенностью, но при нынешних обстоятельствах не осмеливаюсь об этом умолчать. Несколько недель назад из Западной Германии мы получили информацию, которой иногда обмениваемся. Согласно их источникам, с недавнего времени Нельсон входит в состав некоего органа, который мы из-за недостатка сведений прозвали Пекинским Чайным клубом; это начинающая становиться на ноги организация, которая, как мы полагаем, была создана для координации действий всех разведывательных служб Китая. Сначала братец Ко входил туда в качестве советника по электронным средствам слежения, потом был повышен до полноправного члена. Насколько мы можем понять, это организация наподобие нашей Комиссии по определению разведывательной политики. Но должен подчеркнуть, что это лишь догадки, выстрел вслепую. Ни нам, ни заокеанским коллегам о китайских разведывательных службах ничего не известно.

На мгновение Смайли потерял дар речи. Он уставился на ди Салиса, открыл и закрыл рот, снял и протер очки.

– А какие у Нельсона мотивы? – спросил он. Настойчивый треск телефона прямой связи с Кузенами все еще не доходил до его сознания. – Или вы, Док, предпочитаете стрелять вслепую? Как вы себе это представляете?

Ди Салис так выразительно пожал плечами, что его сальные волосы встали дыбом, наподобие половой швабры.

– Пусть другие гадают, – ядовито произнес он. – Кто в наши дни верит в мотивы? С его стороны было бы совершенно естественно откликнуться на попытки завербовать его в Ленинграде, конечно, если работа проводилась как следует. В этом нет никакой нелояльности. Правда, не совсем общепринято. Россия всегда была старшим братом Китая. Им стоило только сказать Нельсону, что его отобрали в авангард членов комитета «повышенной бдительности». Для этого не требуется особой хитрости.

Зеленый телефон в соседней комнате трезвонил не переставая. Это о многом говорило – Мартелло редко бывал так настойчив. Поднимать трубку имели право только Гиллем и Смайли. Но Смайли не слышал звонка, а Гиллем решил, что скорее провалится в преисподнюю, чем сдвинется с места, пока ди Салис излагает возможные причины, по которым Нельсон стал «кротом» Карлы.

– Когда началась культурная революция, многие из тех, кто занимал такие же высокие должности, как Нельсон, решили, что Мао сошел с ума, – рассказывал Док, все еще не желая выдвигать никаких теорий. – Так считал даже кое-кто из его генералов. Унижения, которые претерпел Нельсон, заставили его смириться внешне, но внутренне он, возможно, обозлился и – кто знает? – возжаждал мести.

– Платежи на имя Дрейка начали поступать как раз тогда, когда реабилитация Нельсона была практически завершена, – мягко возразил Смайли. – Каковы ваши предположения?

Для Конни это было уже чересчур. Ее снова прорвало:

– О Джордж, разве можно быть таким наивным? Ты же сам можешь все понять, дорогуша! Не могут же эти несчастные китайцы на полжизни запереть под замок технического специалиста высочайшего класса и не извлекать из него никакой пользы! Карла видел, куда ветер дует, так, Док? Он все учуял и пошел по ветру. Он держал бедняжку Нельсона на привязи и, едва тот из глуши попал в цивилизованный мир, направил по его следу своих гончих: "Это мы! Вы нас не забыли?

Мы ваши друзья! Мы не дадим вам пропасть! Не будем плевать вслед на улице! Давайте вернемся к делу". Вы и сами бы так поступили, разве нет?

– А деньги? – спросил Смайли. – Полмиллиона?

– Кнут и пряник! Грандиозное вознаграждение с намеком на шантаж. Нельсона поймали сразу на два крючка.

Несмотря на бурный взрыв Конни, последнее слово осталось за ди Салисом:

– Он китаец. Он прагматичен. Он брат Дрейка. Он не может уехать из Китая…

– Пока не может, – тихо добавил Смайли, еще раз заглядывая в папку.

–…и хорошо знает настоящую цену своих услуг русской разведке. «Политику нельзя съесть, с ней нельзя переспать», – любит говорить Дрейк. Тогда по крайней мере на ней нужно делать деньги…

– В ожидании дня, когда можно будет выбраться из Китая и потратить их. – Смайли закрыл папку и поднял листок с заметками. Гиллем на цыпочках вышел из комнаты. – Дрейк однажды уже пытался вытянуть его и потерпел неудачу, так что Нельсон будет принимать деньги от русских до… до каких пор? Возможно, пока Дрейку не повезет.

Настойчивый, где-то на грани восприятия, треск телефона наконец затих.

– Нельсон – «крот» Карлы, – подытожил Смайли, обращаясь, скорее всего, к себе самому. – Он сидит на бесценном кувшине с информацией о Китае. Уже поэтому он нам

интересен. Он действует по приказам Карлы. Они сами по себе имеют для нас громадное значение. По ним можно точно определить, что именно русские знают о своих китайских врагах и даже что они против них замышляют. Информация посыплется на нас, как из рога изобилия, стоит только как следует вдуматься в его сведения. Я прав, Питер?

Трагическая новость всегда приходит неожиданно. Только что новая идея казалась незыблемой; в следующий миг она уже уничтожена, и для тех, кто пострадал в катастрофе, мир меняется безвозвратно. Однако Гиллем успел подстелить соломки; ею стали слова, написанные на почтовой бумаге со штампом Цирка. Питер составил экстренное сообщение для Смайли. надеясь, что вид письма заранее подготовит начальника к неприятным новостям. Он тихо подошел к столу с письмом в руке, положил конверт на стекло и стал ждать.

– К с т а т и, о Ч а р л и М а р ш а л л е, другом летчике, – поинтересовался у собравшихся Смайли, до сих пор ни о чем не догадываясь. – Напали ли Кузены на его след, Молли?

– Его история во многом похожа на историю Рикардо, – ответила девушка и недоуменно взглянула на Гиллема, стоявшего сбоку. Питер почему-то побледнел и стал казаться старым и больным. – Как и Рикардо, он во время войны в Лаосе совершал полеты для Кузенов. Они одновременно учились в секретной авиационной школе Лэнгли в Оклахоме. Когда война закончилась, американцы выбросили его на свалку, и больше о нем ничего не известно. В Управлении по борьбе с наркотиками утверждают, что он возил опиум, но они говорят это обо всех летчиках, работавших на Кузенов.

– Полагаю, вам нужно прочитать вот это, – твердо сказал Гиллем, указывая на послание.

– Следующим шагом Уэстерби должен стать Маршалл. Нельзя ослаблять давление, – продолжал Смайли.

Он взял наконец листок со стола и протянул его к свету. Затем прочитал его, приподняв брови и полузакрыв глаза. Прочитал, как всегда, дважды. Выражение лица не изменилось. Те, кто сидел рядом, говорили, что оно просто застыло.

– Благодарю, Питер, – тихо произнес Смайли и положил бумагу на стол. – И благодарю всех присутствующих. Конни и Док, вы можете остаться. Остальным этой ночью желаю хорошо выспаться.

У тех, кто был помоложе, это пожелание вызвало здоровый смех: было уже далеко за полночь.

Рядом с Джерри, притулившись к вытянутой ноге, спала девушка с верхнего этажа, худенькая смуглая куколка; оранжевый свет, льющийся с промоченного дождем гонконгского неба, не оставлял на ней ни единого пятнышка. Она похрапывала, запрокинув голову, а Джерри смотрел в окно и думал о Лиззи Уэрдингтон. Он вспоминал отметины от когтей у нее на подбородке и в который раз спрашивал себя, кто же их оставил. Он думал о Тиу, представлял его в роли ее тюремщика и повторял прозвище лошадиный писака", пока не разозлил себя окончательно. Он спрашивал себя, долго ли еще придется ждать и появился ли наконец у него хоть малейший шанс наладить с ней отношения. Это было все, о чем он просил: всего один шанс. Девушка пошевелилась и затихла. Из-за соседней двери доносилось привычное клацанье: участники партии в маджонг перед началом игры промывали косточки.

Поначалу девушка не то чтобы неподобающе быстро ответила на ухаживания Джерри – он уже несколько дней заваливал ее почтовый ящик потоком страстных записок, – просто ей нужно было оплатить счета за газ. Официально она принадлежала некоему бизнесмену, но в последнее время его посещения становились все реже и реже и наконец прекратились совсем.

Это привело к тому, что она уже не могла позволить себе ни визит к прорицателю, ни партию в маджонг, не говоря уже о модной одежде, к которой она привыкла в далекие дни, когда снималась в фильмах о кун-фу. Поэтому она и уступила, но подоплека тут была чисто финансовой. Больше всего она боялась, что кто-нибудь узнает, что она ублажает гнусного «куайло», и поэтому, чтобы спуститься на один этаж, девушка надевала полное уличное облачение: коричневый плащ с заграничными латунными пряжками на погонах, желтые пластиковые боты и пластиковый зонтик, разрисованный красными розами. Все это сейчас валялось на паркетном полу, как доспехи на поле битвы, а она спала, охваченная благородной усталостью, как воин, исчерпавший силы в сражении. Поэтому, когда зазвонил телефон, она откликнулась лишь сонным ругательством на кантонском диалекте.

Джерри поднял трубку, лелея безумную надежду, что, может быть, это Лиззи, но ошибся.

– Скорей вали сюда. – Это был Люк. – И Стаббси будет тебе благодарен по гроб жизни. Живей. Сделаешь карьеру – скажи мне спасибо.

– Куда это – сюда? – спросил Джерри.

– Вниз, бестолочь.

Он перекатил девушку со своей ноги на пол, но она так и не проснулась.

Дождь застал всех врасплох. Дороги блестели, вокруг луны сверкало яркое кольцо. Люк вел машину так, словно ехал на джипе: на высоких передачах, резко переключая их на поворотах. В машине витали пары виски.

– Так что ты раздобыл, скажи, Христа ради? – потребовал Джерри. – Что происходит?

– Черт знает что. А пока заткнись.

– Не хочу я черт знает чего. Мне и так хорошо.

– Этого захочешь. Говорю тебе, захочешь.

Они ехали к туннелю через гавань. Сбоку неожиданно возникла стайка велосипедистов с погашенными фарами, и Люку, чтобы не столкнуться с ними, пришлось выехать на среднюю полосу.

– Ищем какую-то огромную стройку, – сказал Люк.

Их обогнала сверкающая огнями патрульная машина. Люк решил, что их собираются остановить, и опустил стекло.

– Мы п р е с с а, слышите, идиоты? – завопил он. – Мы звезды, понятно?

Патрульная машина проехала мимо. Внутри они заметили сержанта-китайца, его напарника, шофера и величественного вида европейца, который восседал на заднем сиденье, словно мировой судья. Впереди, с правой стороны от проезжей части, показалась обещанная стройка. Клетка из желтых брусьев и бамбуковых лесов кишела потными кули. С кранов, мерцая дождевыми каплями, словно плети, свисали тросы. Свет прожекторов поднимался с земли и щедро рассеивался в тумане.

– Смотри внимательно, тут поблизости должен быть невысокий домик, – велел Люк, сбавляя скорость до шестидесяти километров в час. – Белый. Ищи белый домик.

Джерри быстро нашел и показал его Люку. Двухэтажное здание, покрытое мокрой штукатуркой, не выглядело ни старым, ни новым. Вход окружали заросли шестиметрового бамбука, рядом стояла машина «скорой помощи». В открытой машине, развалясь и покуривая, сидели три шофера. Они с любопытством следили за полицейскими, которые носились по двору, словно от них требовалось подавить мятеж.

– Он дает нам час форы.

– Кто?

– Рокер. Рокер дает. А ты думал кто?

– Почему?

– Полагаю, чтобы меня порадовать. Он меня любит. И тебя тоже. Он велел обязательно привезти тебя.

– Почему?

Дождь лил не переставая.

– П о ч е м у д а п о ч е м у ? – яростно передразнил Люк. – Поторапливайся лучше!

Бамбук вымахал даже выше стен. В его зарослях, бряцая цимбалами, укрылась пара монахов в оранжевых одеяниях. Третий держал зонтик. Кругом стояли палатки, увитые цветами – больше всего было ноготков, – и катафалки. Откуда-то доносился размеренный речитатив. В парадном вестибюле было сыро, как в болоте посреди джунглей, и воняло формальдегидом.

– Специальный агент Большого Му, – сказал Люк.

– Пресса, – сказал Джерри.

Полицейский кивнул, даже не посмотрев на удостоверения, и пропустил.

– Где же старший инспектор? – спросил Люк.

От запаха формальдегида кружилась голова. Их вел молодой сержант. В комнате за стеклянной дверью сидели человек тридцать стариков и старух. Большинство в пижамах. Они флегматично ждали, как припозднившиеся пассажиры ждут ночного поезда. Не отбрасывя теней, светили неоновые лампы, жужжал электрический вентилятор. Один из стариков прочистил горло и сплюнул на зеленый кафельный пол. Никто не плакал. Штукатурка запотела и покрылась каплями влаги. Увидев великанов-"куайло", они застыли в почтительном изумлении.

Кабинет патологоанатома был выдержан в желтых тонах. Желтые стены, желтые закрытые жалюзи. Кондиционер не работал. Тот же зеленый легко отмывающийся кафель.

– Ну и вонь, – сказал Люк.

– Почти как дома, – согласился Джерри.

«Лучше бы военные действия, – подумал Джерри. – О войне писать проще».

Сержант велел подождать и прошел вперед. Они услышали скрип столика на колесах, приглушенные голоса, лязгнула дверца холодильника, зашелестели резиновые подошвы. Рядом с телефоном лежал том «Анатомии» Грея. Джерри перелистал страницы, проглядел иллюстрации. Люк уселся на стул. Ассистент в коротких резиновых сапогах и рабочем комбинезоне принес чай. Белые чашки с зеленым ободком, монограмма Гонконга, увенчанная короной.

– Будьте добры, передайте сержанту, чтобы он поторопился, – сказал Люк. – Через минуту сюда заявится весь город.

– Но почему мы? – снова спросил Джерри.

Люк отлил немного чая на кафельный пол и, глядя, как ручеек сбегает в водосточный желоб, долил в чашку виски из фляги. Сержант вернулся и поманил их тонкой рукой. Они вернулись в зал ожидания и двинулись дальше. Двери в коридор не было. Они прошли мимо какого-то закоулка, похожего на общественный туалет, и добрались до цели. Первое, что увидел Джерри, был битый-перебитый столик на колесах. Нет на свете ничего более древнего и заброшенного, чем устаревшее больничное оборудование, подумал он. Стены поросли зеленой плесенью, с потолка свисали зеленые сталактиты, помятая плевательница была набита грязными салфетками. Прежде чем стянуть простыню и предъявить труп для опознания, вспомнил Джерри, они прочищают покойникам носы. Это делается в знак любезности, чтобы посетители не упали в обморок.

От паров формальдегида из глаз лились слезы. Китаец-патологоанатом сидел у окна и делал пометки в блокноте. Рядом вертелись пара служителей и еще несколько полицейских – настроение было такое, будто все чувствовали себя в чем-то виноватыми и хотели извиниться. Джерри никак не мог понять, в чем дело. Рокер не обращал на них ни малейшего внимания, он стоял в углу и о чем-то шептался с величественным джентльменом, приехавшим на заднем сиденье патрульной машины. Джерри дважды расслышал слова «пятно на нашей репутации», произнесенные негодующим тоном. Тело было накрыто белой простыней с синим крестом. Перекладины креста были одинаковой длины, так что простыню можно стелить любой стороной, подумал Джерри. Других столиков на колесах в комнате не было. Единственный стол и единственная простыня. Все остальное находилось в двух холодильниках с деревянными дверцами высотой в человеческий рост, огромных, как лавка мясника. От нетерпения Люк приплясывал на месте

– Господи, Рокер! – окликнул он его с другого конца комнаты. – Долго еще вы будете держать тело закрытым? У нас много дел.

Никто даже не обратил на него внимания. Устав ждать, Люк сдернул простыню. Джерри посмотрел и отвел взгляд. В соседней комнате проводилось вскрытие, доносился звук перепиливаемой кости, похожий на рычание собаки.

" Н е у д и в и т е л ь н о, ч т о о н и в с е с л о в н о и з в и н я ю т с я, – отупело подумал Джерри. – П р и в е з т и т р у п к р у г л о г л а з о г о е в р о п е й ц а в т а к у ю д ы р у ".

– Господи Боже, – послышался голос Люка. – Боже пресвятой. Кто это сделал? Что ты думаешь об этих отметинах? Это знак Триад. Господи.

Залитое дождем окно выходило во внутренний двор. Джерри видел, как качается под дождем бамбук и мелькает тень машины «скорой помощи», доставившей очередного клиента, но он сомневался, что найдется еще хоть один столь же изуродованный труп. Появился полицейский фотограф, засверкали вспышки. На стене висела телефонная трубка. По ней говорил Рокер. Он до сих пор ни разу не взглянул ни на Люка, ни на Джерри.

– Я хочу, чтобы его убрали, – заявил величественный джентльмен.

– Как пожелаете, – заверил его Рокер, Он вернулся ктелефонному разговору. – Во внутреннем городе, сэр… Да, сэр… На аллее, сэр. Раздет. Большой процент алкоголя… Судебный патологоанатом сразу опознал его, сэр. Да, сэр, банкиры у ж е з д е с ь, сэр. – Он повесил трубку. – Да, сэр, нет, сэр, три полных мешка, сэр, – прорычал он и еще раз набрал номер.

Люк что-то записывал.

– Господи, – то и дело с ужасом повторял он. – Господи. Наверно, они убивали его несколько недель. Или месяцев.

Собственно говоря, его убили дважды, решил Джерри. Первый раз – чтобы заставить его говорить, второй раз – чтобы заставить замолчать. Следы того, что с ним сделали, были разбросаны по всему телу, как проплешины от огня на ковре – пожар сначала прожигает в нем дыры, потом внезапно отступает. Другая отметина обвивалась вокруг шеи – след еще одной, быстрой смерти. Они сделали это напоследок, когда он был больше не нужен.

Люк окликнул патологоанатома.

– Ну-ка, переверните его. Не будете ли вы добры перевернуть его, сэр?

Старший инспектор повесил телефонную трубку.

– Что произошло? – спросил Джерри, обращаясь прямо к нему. – Кто это?

– Его зовут Фрост, – ответил Рокер, скосив глаза. – Чиновник высокого ранга, работал в Южноазиатско-Китайском банке. Отдел доверительных счетов.

– Кто его убил? – спросил Джерри.

– Да, кто убил? Вот в чем все дело, – добавил Люк, строча в блокноте.

– Мыши, – ответил Рокер.

– В Гонконге нет ни Триад, ни коммунистов, ни гоминьдана. Так, Рокер?

– Даже шлюх нет, – прорычал Рокер. Величественный джентльмен избавил Рокера от необходимости отвечать дальше.

– Типичный случай злостного группового хулиганства, – заявил он через плечо полицейского. – Гнусное, жестокое хулиганство, доказывающее, что общественная бдительность необходима во все времена. Он был честным служащим банка.

– Это не хулиганство, – произнес Люк, снова посмотрев на Фроста. – Тут поработала дружная команда.

– Несомненно, он водил компанию с чертовски странными друзьями, – сказал Рокер, не сводя глаз с Джерри.

– Что это значит? – спросил Джерри.

– Так все-таки, в чем дело? – спросил Люк.

– До полуночи он был в городе. Праздновал что-то спарой приятелей-китайцев. Шлялись из борделя в бордель. Потом мы потеряли его из виду. Нашли только сейчас.

– Банк предлагает награду в пятьдесят тысяч долларов, – промолвил величественный мужчина.

– Гонконгских или американских? – уточнил Люк, не переставая писать.

– Гонконгских, – чрезвычайно ядовито произнес величественный джентльмен.

– Помягче, ребята, – предостерег Рокер. – В больнице «Стэнли» лежит больная жена этого бедняги, остались дети…

– И нельзя забывать о репутации банка, – добавил джентльмен.

– Это будет нашей главной заботой, – уверил его Люк. Через полчаса они ушли, так и не дождавшись основной

стаи репортеров.

– Спасибо, – сказал Люк старшему инспектору.

– Не за что, – ответил Роккер.

Когда он устает, его глаз под опущенным веком слезится, заметил Джерри. «Ну и потрясли мы дерево, – думал Джерри на обратном пути. – Да уж, потрясли на славу».

Все были на местах: Смайли – за столом, Конни – в кресле на колесиках, ди Салис взирал на мир сквозь кольца дыма, медленно поднимавшиеся из его трубки. Гиллем стоял возле Смайли. У него в ушах до сих пор скрежетал голос Мартелло. Смайли, слегка вращая большим пальцем, протирал очки кончиком галстука.

Иезуит ди Салис заговорил первым. Наверно, ему сильнее, чем другим, хотелось от этого откреститься.

– Абсолютно нелогично связывать этот инцидент с нами. Фрост вел распутный образ жизни. Содержал женщин-китаянок. Он был предельно коррумпирован. Он брал наши взятки без малейших колебаний. Один Бог знает, от кого он только не брал взяток в прошлом. Я не собираюсь возлагать вину на себя.

– Ну и чушь! – пробормотала Конни. Она не шевелилась, пес мирно дремал у нее на коленях. Пытаясь согреть искривленные пальцы, она положила руки на его коричневую спину.

На заднем плане мрачный Фон разливал чай.

Смайли заговорил, обращаясь к бумажке со срочным сообщением. С той минуты, когда он опустил глаза для того, чтобы прочитать его, никто не видел его лица.

– Конни, давай посчитаем, – сказал он.

– Давай, дорогуша.

– Кто вне этих четырех стен знал, что мы получали сведения от Фроста?

– Кро. Уэстерби. Полицейский – приятель Кро. И Кузены могли догадаться, если у них есть хоть капля ума.

– Ни Лейкон, ни Уайтхолл не знали.

– И Карла не знал, дорогуша, – язвительно заключила Конни, глядя на мрачный портрет.

– Да. Карла не знал. В этом я уверен. – Его разум отчаянно пытался взять верх над чувствами, и отголоски этой внутренней борьбы ясно слышались в его голосе. – Для Карлы такая реакция была бы чересчур преувеличенной. Если банковский счет исчерпан, все, что от него требовалось, это открыть новый где-нибудь еще. То, что произошло, ему не нужно. – Он осторожно, кончиком пальца сдвинул экстренное сообщение на пару сантиметров в сторону. – Пока все идет, как было задумано. Просто отклик был… – Он начал снова: – Их отклик оказался значительнее, чем мы предполагали. Что касается работы, ничто не пропало даром. Мы продвинули дело вперед.

– Мы его угробили, дорогуша, – твердо заявила Конни. Ди Салис просто взорвался.

– Я настаиваю, чтобы вы прекратили выражаться, словно мы все здесь соучастники преступления. Тут нет никакой доказанной взаимосвязи, и я считаю ваши предположения о том, что она существует, оскорбительными.

Ответ Смайли прозвучал отчужденно:

– А я счел бы оскорбительными любые другие предположения. Это дело было начато по моему приказу. Я не желаю закрывать глаза на последствия только из-за того, что они малоутешительны. Можете возложить ответственность на мои плечи. Но не вздумайте обманывать самих себя.

– Бедняга слишком мало знал, правда? – пробормотала Конни, словно размышляя вслух.

Поначалу никто не обратил внимания на ее слова. Первым встрепенулся Гиллем: а что, собственно, она имела в виду?

– Фросту некого было выдать, дорогуша, – пояснила она. – Это худшее, что может случиться с человеком. О чем он мог им рассказать? О чересчур ретивом журналисте по имени Уэстерби. Это они и сами знают, милые мои. Поэтому они захотели пойти дальше. И еще дальше. – Она повернулась к Смайли. Он единственный из всех знал ее много лет. – Помнишь, Джордж, что мы взяли за правило, когда в наше дело входили новички? Мы всегда давали им что-нибудь, в чем они могли признаться, помилуй. Господи, их души.

Фон с нежной заботливостью поставил на стол Смайли картонную чашку с чаем, в котором плавал ломтик лимона. При виде его улыбки, похожей на ухмылку черепа, Гиллем едва сдержал ярость.

– Как только кончите разносить чай, убирайтесь! – рявкнул он ему в ухо.

Фон удалился, так и не перестав ухмыляться.

– Интересно, что сейчас на уме у Ко? – спросил Смайли, по-прежнему обращаясь к срочному сообщению. Он, как при молитве, сцепил пальцы под подбородком.

– Струсил и растерялся, – уверенно заявила Конни. – Репортеры с Флит-стрит идут за ним по пятам, Фрост мертв, а он так и не продвинулся вперед.

– Верно. Да, он будет дрожать вовсю. «Смогу ли я удержать плотину? Смогу ли заткнуть течь? Да и где течь?..» Этого мы и хотели. Это мы и получили. – Смайли слегка качнул головой в сторону Гиллема. – Питер, будь добр, попроси Кузенов усилить слежку за Тиу. Но только со стационарных постов. Никакой работы на улицах, никаких глупостей, чтобы не спугнуть дичь. Телефон, почтовый ящик, только самое простое. Док, когда Тиу в последний раз был на материке?

Ди Салис пробормотал дату.

– Выясните маршрут его путешествия и узнайте, где он купил билет. На случай, если он задумает повторить поездку.

– Все уже записано, – сердито парировал ди Салис, скривил губы в пренебрежительной ухмылке, закатил глаза и передернул плечами.

– Тогда будьте добры подготовить для меня специальную записку по этому вопросу, – ответствовал Смайли с непробиваемым терпением. – Уэстерби, – продолжал он тем же ровным голосом, и Гиллема передернуло: ему померещилось, что Смайли страдает галлюцинациями и полагает, что Джерри находится в одной с ним комнате и готов, как и все присутствующие, выслушивать его приказы. – Я его вытяну – это в моих силах. Газета отзывает его – разве такого не может быть? И что дальше? Ко ждет. Прислушивается. Ничего не слышит. И успокаивается.

– И тут появляются агенты по борьбе с наркотиками, – Добавил Гиллем, взглянув на календарь. – Сол Экланд снова на коне.

– Я могу вытянуть его и заменить, за дело возьмется другой агент. Но разве другой человек будет в меньшей опасности, чем сейчас Уэстерби?

– Это никогда не срабатывает, – пробормотала Конни. – Коней на переправе не меняют. Не поможет. Вы это сами знаете. Их надо инструктировать, обучать, снаряжать, налаживать новые связи. Не поможет.

– Не вижу, в какой это он опасности, – скрипучим голосом заявил ди Салис.

Гиллем сердито обернулся и хотел поставить ворчуна на место, но Смайли опередил его:

– Почему, Док?

– Если принять ваше предположение, с которым я не согласен, выходит, что Ко – человек, не склонный прибегать к насилию. Он удачливый бизнесмен, его принципы – сохранять лицо, блюсти свою выгоду, воздавать всем по заслугам и много работать. Я не хочу, чтобы о нем говорили как о каком-то головорезе. Признаю, у него есть слуги, и, может быть, в том, что касается методов работы, его люди не так добродетельны, как он сам. Точно так же все мы – люди Уайтхолла. Это же не значит, что в Уайтхолле все такие же мерзавцы.

«Да заставьте же его, ради Бога, замолчать», – подумал Гиллем.

– Уэстерби – это не Фрост, – наставительно сопел ди Салис. – Уэстерби – это не слуга, потерявший совесть. Уэстерби не обманывал доверия Ко, не воровал его денег, не предавал его брата. Ко считает Уэстерби представителем крупной газеты. И Уэстерби позаботился, чтобы все – и Фрост, и Тиу, как я понимаю, – полагали, что его газета знает об этом деле больше, чем он сам. Ко знает жизнь. Убрав одного журналиста, он не избавится от опасности. Напротив, в дело вступит вся команда.

– Тогда что у него на уме? – переспросил Смайли.

– Он сам не знает. Именно так, как сказала Конни. Он не может оценить размер грозящей опасности. Китайцы слабоваты в отвлеченных понятиях, тем более в теоретическом анализе положения. Ему хотелось бы, чтобы угроза поскорее миновала, и, если не случится ничего конкретного, он решит, что, значит, все уже позади. Эта привычка свойственна не только Востоку. Я просто развиваю вашу гипотезу. – Он встал. – Но я ее не поддерживаю. Ни в коем случае. Я полностью отказываюсь применять ее к себе.

Он вышел, гордо подняв голову. Смайли кивнул Гиллему, и тот последовал за ним. Осталась только Конни.

Джордж закрыл глаза и нахмурился, брови сошлись на переносице. Конни долго молчала. Трот неподвижно лежал у нее на коленях, она смотрела на него и гладила ему брюхо.

– Карле плевать на все это, правда, дорогуша? – пробормотала она. – Будь там хоть десять мертвых Фростов, ему все равно. Вот в чем на самом деле разница. Крупнее уже не напишешь, тем более сейчас. Кто там говорил «мы боремся за выживание человека

разумного»? Стид-Аспри? Или Главные? Мне это нравилось. В этом все. Гитлер. Новый порядок. Вот кто мы такие: разумные. Правда, Трот? Мы не просто англичане. Мы разумные. – Она заговорила чуть тише: – Дорогуша, а что делать с Сэмом? Ты что-нибудь придумал?

Смайли заговорил не скоро. Его голос звучал хрипло.

– Пусть выжидает. И ничего не предпринимает, пока не получит зеленый свет. Он это знает. Он должен ждать, пока не зажжется зеленый свет. – Джордж глубоко вздохнул и заговорил снова: – Может быть, он больше и не будет нужен. Мы вполне можем устроить все и без него. Это зависит от того, какой шаг сделает Ко.

– Джордж, дорогуша, милый Джордж.

Молча, как было заведено, она подкатила кресло к камину, взяла кочергу и, напрягая все силы, поворошила уголь. Свободной рукой она придерживала на коленях пса.

Джерри стоял в кухне у окна, глядя, как сквозь туман над гаванью пробивается желтая заря. Прошлой ночью был тайфун, вспомнил он. Налетел, наверно, за час до того, как позвонил Люк. Лежа на матрасе рядом с похрапывающей девушкой, он смотрел, как буря разгоралась. Сначала донесся запах мокрой зелени, потом ветер виновато зашуршал в кронах пальм, словно кто-то потирал сухие ладони. Потом зашелестел дождь – будто в океан выливали тонны расплавленной дроби. Наконец по гавани медленно закувыркались зарницы, орудийными залпами загрохотали над пляшущими крышами раскаты грома. «Я его убил», – подумал он. Они немного поспорили, но первый толчок дал он. «Оружие носят не только генералы, им владеет каждый». Вот вам источник и контекст цитаты.

Зазвонил телефон. «Пусть надрывается, – подумал он. – Может быть, это Кро намочил штаны?» Он поднял трубку. Говорил Люк, его американский акцент звучал сильнее обычного.

– Привет, дружище! Ну и дела! Только что пришла телеграмма от Стаббси. Лично для Уэстерби. Перед прочтением съесть. Хочешь, прочитаю?

– Не хочу.

– Тебя отправляют в район боевых действий. Авиалинии Камбоджи и экономика осажденной страны. Наш человек под бомбами и снарядами! Тебе везет, парень! Они хотят, чтоб ты проваливал как можно скорее!

И оставил Лиззи на растерзание Тиу, подумал он и повесил трубку.

И, насколько можно предположить, на растерзание этому негодяю Коллинзу тоже – тот крадется за ней по пятам, как работорговец. Джерри пару раз работал на Сэма, когда тот был простым мистером Меллоном из Вьентьяна, невероятно удачливым торговцем, главой местного сборища белых проходимцев. Он находил Коллинза самым непривлекательным сотрудником из всех, с кем его сводила судьба.

Уэстерби вернулся к окну и опять подумал о Лиззи. Каково ей там, на головокружительной высоте. Подумал о бедняге Фросте – он так радовался жизни. Подумал о запахе, который встретил его, едва он вошел сюда, в свою квартиру.

Запах был повсюду. Он пересиливал все: и аромат дезодоранта девушки-китаянки, и застоявшийся сигаретный дым, и вонь газа вперемешку с подгоревшим маслом, доносившуюся из-за соседней двери, где готовили ужин игроки в маджонг. Следуя за этим запахом, Джерри смог мысленно повторить весь путь, пройденный Тиу по его квартире: вот тут он замешкался, здесь обыскивал одежду Джерри, его кладовую, нехитрое имущество. Запах розовой воды и миндаля, который так любила его первая жена.

Город в осаде

Стоит уехать из Гонконга, и он перестает существовать. Как только вы минуете последнего полицейского-китайца в британских форменных ботинках и обмотках и, переводя дыхание, промчитесь на высоте двадцати метров над серыми крышами трущоб, как только канут в

голубой дымке далекие острова, вам становится ясно, что занавес опустился, декорации убраны и жизнь в этом городе привиделась вам. Но на этот раз, впервые в жизни, такое ощущение никак не приходило к Джерри. Он уносил с собой воспоминания о мертвом Фросте и живой девушке. Когда он добрался до Бангкока, они все еще были с ним.

Как обычно, на поиски того, что было нужно, ушел целый день; как обычно, он был готов отказаться от этой затеи. На взгляд Джерри, в Бангкоке такое происходит со всеми: турист ищет в а т – буддийский храм, журналист – интересную историю, а Джерри искал Чарли Маршалла, друга и партнера Рикардо; и вдруг оказывается, что предмет ваших поисков ждет вас в дальнем конце забытого Богом переулка, между илистым к л о н г о м и кучей бетонного щебня, и стоит на пять американских долларов дороже, чем вы полагали. К тому же, хотя теоретически в Бангкоке был сухой сезон, Джерри не мог припомнить, чтобы во время его визитов здесь хоть раз не было дождя; никем не предсказанный, он потоками хлестал с закопченного неба. Потом ему всегда говорили, что он умудрился застать единственный дождливый день.

Он начал поиски с аэропорта – отчасти потому, что все равно уже находился здесь, отчасти из-за того, что, по его разумению, никто на Юго-Востоке не мог долго работать летчиком и ни разу не залететь в Бангкок. Чарли больше здесь нет, сообщили ему. Кое-кто уверял, что после смерти Рика Чарли бросил летать. Другие говорили, что он в тюрьме. Кто-то полагал, что он, скорее всего, «где-нибудь в притоне». Очаровательная стюардесса компании «Эйр Вьетнам», хихикая, сообщила, что он совершал грузовые перелеты в Сайгон. Она, единственная из всех, видела его в Сайгоне.

– Откуда он летал? – спросил Джерри.

– Может, из Пномпеня, может, из Вьентьяна.

Однако она настаивала, что Чарли всегда совершал полеты только в Сайгон и никогда не залетал в Бангкок. Джерри просмотрел телефонный справочник – в нем не было указано компании «Индочартер». На всякий случай он поискал Маршалла, нашел одного – это даже оказался Ч.Маршалл – и позвонил, но ему ответил не сын гоминьдановского вояки, окрестивший себя высшим воинским званием, а ничего не понимающий шотландский торговец; он без конца повторял: «Послушайте, да зайдите же ненадолго». Он отправился в тюрьму, куда сажали ф а р а н г о в, если те не платили по счетам или грубили начальству, и проверил списки. Побродил вдоль балконов, вглядывался в решетчатые двери и поговорил с парой очумелых хиппи. Они все рады были поболтать о том, почему оказались за решеткой, но они не видели Чарли Маршалла, не слышали о нем, и, как бы это поделикатнее выразиться, им до него дела нет. Мрачнее тучи Джерри поехал в так называемый санаторий, где наркоманов резко снимали с привычной дозы; там царило бурное оживление, потому что один пациент в смирительной рубашке ухитрился выдавить себе пальцами глаза Но это был не Чарли Маршалл, там вообще не было ни летчиков, ни корсиканцев, ни корсиканских китайцев и. уверяем вас, ни одного сына гоминьдановского генерала.

Джерри принялся прочесывать отели, где проездом могли останавливаться летчики. Это занятие ему не нравилось, потому что отнимало много сил, а еще больше потому, что здесь, как он знал, у Ко множество связей. Он нимало не сомневался, что Фрост выдал его; он знал, что большинство богатых китайцев за границей вполне законно имеют по нескольку паспортов, а уроженцы Сватоу – не просто по нескольку, а очень по многу. Знал, что у Ко в кармане тайский паспорт и, возможно, в придачу к нему парочка тайских генералов. К тому же он знал, что тайцы, если их разозлить, убивают скорее и вернее, чем любая другая нация; при этом, когда человека приговаривают к расстрелу и передают в распоряжение расстрельной команды, в него стреляют через растянутую простыню, дабы не нарушить заповедей Божественного Будды. По этой причине, помимо всех прочих, Джерри, произнося имя Чарли Маршалла в больших отелях, чувствовал себя весьма неуютно.

Он испробовал «Эраван», «Хьятт», «Мирамар», «Ориенталь» и еще тридцать других отелей. В «Эраване» он старался ходить на цыпочках, помня, что здесь снимает номер компания «Чайна Эйрси», а Кро говорил, что Ко часто прибегает к их услугам. Он вызвал в памяти белокурую Лиззи, изображавшую перед ним стюардессу, представил, как она загорает на краю бассейна, а денежные мешки вокруг лениво потягивают виски, и спросил себя, многие ли из них покупали часок-другой ее внимания. Пока он разъезжал по улицам, хлынул внезапный ливень. Тяжелые капли были так насыщены сажей, что позолота уличных храмов сразу почернела. Водитель такси летел по затопленным улицам, как на гидросамолете, за считанные сантиметры огибая плетущихся буйволов; им сигналили, норовя раздавить, ярко размалеванные автобусы, с афиш орали окровавленные бойцы кун-фу, но имя Маршалл, Чарли Маршалл, капитан Маршалл никому ничего не говорило, несмотря на щедрые чаевые. «Наверно, он завел девушку, – подумал Джерри. – Завел девушку и скрывается у нее, в точности как я».

В отеле «Ориенталь» он подкупил портье, и тот согласился принимать для него сообщения, разрешил пользоваться телефоном и, что самое приятное, снабдил квитанцией за постой в течение двух суток, которую Джерри мог предъявить Стаббсу к оплате. Но он опасался, что во время похода по отелям оставил слишком много следов и рискует навлечь на себя неприятности, поэтому ночевал в оплаченной вперед комнате в безымянной ночлежке в глухом переулке, где брали по доллару за ночь и обходились без таких формальностей, как регистрация. Это заведение напоминало ряд пляжных домиков, в которых все двери открывались прямо на улицу, чтобы легче было впускать и выпускать шлюх; открытые гаражи были завешены пластиковыми шторками, чтобы не выставлять напоказ номер машины постояльца. К вечеру все, что ему оставалось, это прочесывать авиатранспортные компании, расспрашивая, не знают ли они фирму под названием «Индочартер». Это занятие не вызывало у него большого рвения, и Джерри серьезно подумывал, не поверить ли словам стюардессы из «Эйр Вьетнам» и не перенести ли поиски в Сайгон, как вдруг в одном из агентств молодая китаянка сказала:

– "Индочартер"? Это линия капитана Маршалла.

Она показала ему книжный магазинчик, где Чарли Маршалл покупал необходимую литературу и куда в его отсутствие приходила адресованная ему почта. Владельцем был старый китаец. Когда Джерри спросил о Маршалле, старик разразился хохотом и сказал, что Чарли не появлялся уже несколько месяцев. Старик был очень маленького роста и то и дело ухмылялся, выставляя напоказ вставные зубы.

– Он должен вам деньги? Чалли Малшалл должен вам деньги, углобил ваш самолет? – Он снова оглушительно расхохотался, и Джерри поддержал его.

– Отлично. Здорово. Слушайте, что вы делаете с почтой, когда его нет? Пересылаете?

Чарли Маршалл не получает почты, сообщил старик.

– Конечно, дружище, но если завтра придет письмо, куда вы его перешлете?

– В Пномпень, – сказал старик и спрятал в карман пять долларов. Пошарив под стойкой, он вытащил клочок бумаги и протянул Джерри, чтобы тот переписал адрес.

– Может быть, купить ему книгу, – сказал Джерри и огляделся. – Что он любит?

– Фланцузские, – машинально ответил старик, отвелДжерри наверх и показал свою сокровищницу европейской культуры. Англичанам предназначались порнографические брошюры, изданные в Брюсселе. Французам – несколько полок потрепанной классики: Вольтер, Монтескье, Гюго. Джерри купил томик «Кандида» и положил в карман. Те, кто посещал эту комнату, были, само собой разумеется, знаменитостями, поэтому старик достал книгу для посетителей, и Джерри расписался: " Д ж. У э с т е р б и, р е п о р т е р ". Колонка для отзывов пестрела шутками, и он приписал: «Это самое замечательное торговое заведение в мире». Затем пролистал страницы и спросил:

– А что, приятель, Чарли Маршалл тоже расписывался здесь?

Старик показал ему подпись Чарли Маршалла – она встречалась пару раз. «Адрес: здесь», – написал он.

– А как поживает его друг?

– Длуг?

– Капитан Рикардо.

Старик тут же напустил на себя важный вид и вежливо отобрал книгу.

В отеле «Ориенталь» Джерри зашел в местный клуб для иностранных журналистов. Там никого не было, если не считать группы японцев, только что вернувшихся из Камбоджи. Они рассказали ему, что происходило там вчера, он заказал выпить. Едва он собрался уходить, как, к его ужасу, появился Карлик; он прибыл в город для консультации с местным бюро. Его сопровождал слуга-таиландец, и от этого он держался еще развязнее, чем обычно.

– О, да это Уэстерби! Как дела у вас в Секретной службе?

Он подшучивал так над всеми без разбору, но настроение Джерри от этого не улучшилось. По возвращении в ночлежку пришлось выпить изрядную порцию шотландского виски, но веселье у постояльцев из соседнего домика не давало уснуть. Наконец, в порядке самозащиты, он вышел и привел девочку из соседнего бара, маленькое нежное создание. Но, как только она ушла и он улегся, мысли снова перескочили на Лиззи. Нравится вам это или нет, она любовница Ко. Глубоко ли она втянута в его дела, спросил он себя. Понимала ли она, на что идет, когда выдавала Джерри на растерзание Тиу? Знала ли она, что ребята Дрейка сделали с Фростом? Знала ли, что то же самое они могут сделать и с Джерри? Ему даже пришло в голову, что, может быть, она при этом присутствовала Эта мысль ужасала. Что и говорить, видение трупа Фроста до сих пор стояло перед глазами. Это было хуже всего.

К двум часам ночи он решил, что, наверное, подцепил лихорадку и у него начинается приступ: Джерри вертелся с боку на бок и обливался потом. Один раз в комнате ему послышались чьи-то тихие шаги, он метнулся в угол и схватил тиковую настольную лампу, выключенную из розетки. Часа в четыре его разбудил характерный шум, с которого всегда начинается утро в Азии: хриплый кашель, похожий на хрюканье свиньи, звон колоколов, вопли стариков на смертном одре, кукареканье тысяч петухов. Этот гам эхом перекатывался по кафельным и бетонным коридорам. Он вступил в схватку с поломанным водопроводным краном и принялся за нелегкое занятие, пытаясь отмыться дочиста под тоненькой струйкой холодной воды. В пять часов соседи включили радио на полную громкость, и плаксивая азиатская музыка провозгласила, что день начался. Затем он побрился так, словно собирался на собственную свадьбу, и в восемь часов настучал телеграмму в газету. В ней он говорил о своих планах с таким расчетом, чтобы ее перехватили в Цирке. В одиннадцать Уэстерби сел в самолет, вылетающий в Пномпень. Когда Джерри поднимался на борт «каравеллы» компании «Эйр Камбодж», стюардесса у трапа повернула к нему миловидное личико и, стараясь как можно правильнее говорить по-английски, нараспев пожелала ему «приятного полета».

– Спасибо. Да. Все отлично, – ответил он и сел а кресло над крылом (наилучшие шансы выжить при аварии). Пока самолет медленно разворачивался, он заметил компанию толстых тайцев. Они играли в свой паршивый гольф на идеальном поле совсем рядом со взлетной полосой.

У стойки регистрации Джерри прочитал полетный лист. Там было указано восемь имен, но на борт поднялся всего один пассажир – одетый в черное американец с портфелем. Все остальное пространство занимал груз, сложенный грудами в хвостовой части, – коричневые

джутовые мешки, тростниковые ящики. Самолет, следующий в осажденную страну, машинально отметил Джерри. Туда везут товары, обратно вывозят счастливчиков.

Стюардесса предложила старый номер " Ж у р д е Ф р а н с " и леденцы. Он пролистал его, чтобы немного освежить в памяти французский, потом вспомнил о " К а н д и д е " и поменял предмет чтения. Для себя он взял Конрада – в Пномпене он всегда читал его романы: было приятно думать, что находишься в последнем из истинно конрадовских портов на реке.

Они на большой высоте подлетели к месту посадки, потом опустились сквозь облака по головокружительно крутой спирали, чтобы избежать случайного оружейного огня из джунглей. Наземного контроля не было. Джерри иного и не ожидал. Стюардесса не знала, далеко ли от города красные кхмеры, но, по сообщениям японцев, на всех фронтах до них пятнадцать километров, а там, где нет дорог, даже меньше. Японцы говорили, что аэропорт обстреливается, но только спорадически и реактивными снарядами. «Сто пятых» нет – пока нет, во всяком случае, но всегда может начаться, подумал Джерри. Облака никак не кончались. Потом навстречу выскочила земля оливкового цвета, и Джерри заметил, что повсюду, как брызги разбитого яйца, разбросаны воронки от бомб. Тянулись желтые линии – следы колонн грузовиков. Самолет легко, как перышко, приземлился на неровную взлетно-посадочную полосу, и первым, что увидел Уэстерби, были стайки смуглых голых ребятишек, самозабвенно плескавшихся в заполненной грязью воронке.

Пробилось солнце, и, несмотря на рев самолетного двигателя, Джерри показалось, что на дворе стоит тихий летний день. Ему доводилось бывать во многих местах, но почему-то в Пномпене, как нигде, война происходила в обстановке мира и покоя. Он вспомнил, как приезжал сюда в последний раз, до того, как бомбардировки прекратились. Группа пассажиров «Эр Франс», направлявшихся в Токио, с любопытством прохаживалась по бетонированной площадке перед ангаром, не сознавая, что оказались на поле боя. Никто их не сопровождал, никто не велел прятаться в укрытие. Над летным полем с воем проносились истребители-бомбардировщики «F-4» и «F-IH», с периметра аэродрома раздавалась стрельба, вертолеты компании «Эйр Америка» опускали на землю трупы в больших сетках, словно выловленные тралом из некоего кровавого моря. «Боинг-707», получивший команду на взлет, вынужден был ползти через все летное поле, будто провинившийся солдат, которого тащат сквозь строй. Джерри зачарованно следил, как он медленно выбирается из-под обстрела и пределов досягаемости наземного огня, и ждал, что вот-вот раздастся тяжелый грохот, означающий, что самолету попали в хвост. Но он все полз и полз, словно подтверждая своим примером, что воистину от невинного отвратится гнев Божий, и тихо исчез за безмятежным горизонтом.

Теперь, хотя война близилась к концу, Уэстерби заметил, что по иронии судьбы все внимание уделяется грузам, необходимым для того, чтобы выжить. На дальнем конце летного поля, чуть не сталкиваясь, в лихорадочной спешке приземлялись и взлетали огромные транспортные чартерные «Боинги-707» компании «Силвер Америкэн» и четырехмоторные турбовинтовые «С-130», приписанные к «Трансуорлд», «Берд Эйруэйз» или вообще ни к кому. Они ввозили из Таиланда и Сайгона боеприпасы и рис, из Таиланда – нефть и опять-таки боеприпасы. Торопливо шагая к аэровокзалу, Джерри заметил, как приземлились два самолета. Он задержал дыхание, ожидая, когда же наконец переключат тубины на реверс – самолеты начинали тормозить с большим опозданием и, дрожа, останавливались около наполненных землей ящиков из-под боеприпасов на конце взлетно-посадочной полосы. Не успевали они остановиться, как к ним сбегались обслуживающие этот рейс грузчики, похожие на безоружных солдат, в бронежилетах и шлемах и, расталкивая друг друга, принимались вытаскивать из багажных отсеков свои драгоценные тюки.

Однако даже эти дурные предзнаменования не могли испортить радостного настроения: он вернулся!

– Vous restez combien de temps, monsieur? (Сколько времени вы у нас пробудете, месье? (ф р.)) – спросил служащий иммиграционной службы.

– Toujours (Навсегда (ф р.)), парень, – ответил Джерри. – Столько, сколько вы меня вытерпите. И даже дольше. – Он хотел тут же начать расспрашивать о Чарли Маршалле, но аэропорт был битком набит полицейскими и разными подозрительными личностями – не стоило раньше времени афишировать свои интересы, для начала нужно выяснить, с чем ему предстоит столкнуться. Вокруг красовались разномастные старые самолеты со свеженарисованными опознавательными знаками, но не было ни одного, приписанного к «Индочартер». Официальные цвета этой компании, сообщил ему Кро в напутственном инструктаже перед отъездом из Гонконга, повторяли цвета Ко на скачках: серый и небесно-голубой.

Джерри сел в такси, по дороге вежливо отклоняя любезные приглашения шофера, предлагавшего ему то девочек, то зрелища, то клубы, то мальчиков. На фоне иссиня-серого муссонного неба красными цветами пламенели высокие делониксы, их кроны смыкались, образуя над шоссе пылающую галерею. Он остановился возле галантерейной лавки, чтобы обменять деньги по гибкому курсу – это выражение ему очень нравилось. Насколько помнил Джерри, обычно меняльным делом занимались китайцы. Но этот оказался индийцем. Все китайцы разбежались в самом начале войны, но индийцы остались, чтобы обглодать труп. Справа и слева от дороги тянулись трущобы. Повсюду молчаливыми кучками сидели, готовили пищу или дремали беженцы. Группа детишек по очереди затягивалась сигаретой.

– Nous sommes un village avec une population des millions (Наша страна – это деревня с населением в несколько миллионов), – сказал таксист на французском, явно выученном в школе.

Навстречу им, прямо по середине дороги, двигалась армейская автоколонна с включенными фарами. Таксист покорно съехал на грязную обочину. Замыкающей шла машина «скорой помощи» с распахнутыми дверцами. Внутри, пятками наружу, грудой лежали тела, их ноги, покрытые синяками, как мрамор – прожилками, походили на свиные копытца. Вряд ли кого-то интересовало, живы они или мертвы.

Такси миновало небольшой поселок из домов на сваях, разрушенных снарядами, и въехало на площадь – такую же можно встретить во французской глубинке: ресторан, бакалейная лавка, колбасная лавка, реклама пива и кока-колы. На обочине, поджидая покупателей, на корточках над литровыми бутылями с ворованным бензином сидели дети. Джерри помнил и это. Как-то во время артиллерийского обстрела снаряды попали в бензин, кончилось все морем крови. То же самое может произойти и на этот раз. Ничего не изменилось, никто ничему не научился, к утру трупы уберут, и все пойдет сначала.

бумажку с адресом Чарли Маршалла, которую ему дали в бангкокском книжном магазине. Ему представлялось, что он должен прокрадываться в это место под покровом ночи, но при свете дня он решил, что в этом нет никакого смысла.

– Y aller? (Ехать туда? (ф р.)) – спросил таксист, удивленно оглядываясь на него.

– Именно так, дружище.

– Vous connaissez cette maison? (Вы знаете этот дом? (ф р.))

– Это дом моего приятеля.

– A vous? Un ami a vous? (Ваш? Ваш друг? (ф р.))

– Пресса, – сказал Джерри, словно это объясняло любое сумасбродство.

Таксист пожал плечами и повел машину по длинному бульвару мимо французского собора. Они выехали на грунтовую дорогу. Вдоль нее выстроились виллы с внутренними двориками; ближе к окраине города они становились куда менее пышными. Джерри дважды спрашивал таксиста, что же такого необычного в этом адресе, но тот утратил всю свою любезность и в ответ только пожимал плечами. Когда они остановились, водитель потребовал расплатиться и помчался прочь, отчаянно выжимая ручку переключения передач.

Это была вилла, ничем не отличавшаяся от остальных. Нижняя половина дома скрывалась за стеной с воротами из листовой стали. Джерри дернул за колокольчик. Ответа не было. Он попытался нажать на ворота, но они не шелохнулись. Наверху хлопнуло окно. Он быстро поднял глаза, и ему показалось, что за противомоскитной сеткой мелькнуло смуглое лицо. Ворота со скрежетом открылись, и через несколько шагов он очутился на лестнице, ведущей к выложенной кафелем веранде. Вход преграждала тяжелая дверь, на сей раз не железная, а из цельного тика, с крохотным зарешеченным окошком, в которое можно посмотреть наружу, но нельзя заглянуть внутрь. Он подождал, потом громко постучал дверным молотком и услышал, как по дому прокатилось эхо. Дверь была двустворчатая, створки сходились посередине. Он прижался лицом к щели и увидел полоску кафельного пола и две ступеньки, вероятно, верхние ступени лестницы. На нижней стояли две смуглые босые ноги с голыми лодыжками, но выше коленей ничего не было видно.

– Привет! – крикнул он в щель. – Bonjour! Привет!

– Привет! – крикнул он в щель. – Bonjour! Привет! Однако ноги не пошевелились. Он снова закричал:

– Je suis un ami de Charlie Marshall! Madame, Monsieur, je suis un ami anglais de Charlie Marshall! Jeveux lui parler! (Я друг Чарли Маршалла! Мадам, месье, я английский друг Чарли Маршалла! Я хочу с ним поговорить! (ф р.))

Он засунул в щель пятидолларовую банкноту, но с другой стороны ее никто не взял, и он вытащил ее обратно. Вместо купюры пришлось использовать листок бумаги. Он адресовал послание «капитану Ч.Маршаллу», представился как «британский журналист, который хочет сделать Вам взаимовыгодное предложение», и оставил адрес отеля, в котором остановился. Затем просунул записку в щель и снова поискал глазами смуглые ноги, но они исчезли. Обратно Джерри шел пешком, пока не поймал в е л о р и к ш у, потом ехал на велорикше, пока не поймал такси – и, спасибо, нет, спасибо, он не хочет девушку; на самом деле он, как всегда, хотел.

Когда-то отель назывался " Р о й а л ". Теперь его переименовали в " П н о м ", На верху развевался флаг, но в пышном убранстве гостиницы ощущался надлом. Расписываясь в книге регистрации, Уэстерби заметил, что вокруг бассейна на солнышке греются изящные фигурки. Он снова вспомнил Лиззи. Для девочек это была суровая школа, и, если она и возила для Рикардо небольшие посылки, десять к одному, то ей это порядком надоело. Самые красивые принадлежали самым богатым, а самыми богатыми были повесы из пномпеньского Ротари-клуба: контрабандисты, вывозившие золото и каучук, полицейские чины, корсиканцы с тяжелыми кулаками, в разгар боев заключавшие с красными кхмерами выгодные сделки.

В гостинице Джерри ждало письмо в незаклеенном конверте. Портье, который сам давно прочитал записку, вежливо ждал, пока то же самое проделает ее адресат. Внутри лежала визитная карточка с золотым обрезом и гербом посольства: его приглашали на ужин. Имени приглашавшего он никогда не слышал. Ничего не понимая, он перевернул карточку. На обороте было нацарапано: Я знал вашего друга Джорджа из «Гардиан». «Гардиан» – «Опекун» – было ключевым словом. Приглашение на ужин и ящик для невостребованных писем, подумал он. В Саррате это язвительно называли великой разобщенностью Министерства иностранных дел.

– Telephone? (Телефон? (ф р.)) – потребовал Джерри.

– Il est foutu, monsieur (Выключен, месье (ф р.)).

– Electricite? (Электричество? (ф р.)).

– Aussi foutue, monsieur, mais nous avons beaucoupde l'eau (Тоже отключено, месье, зато у нас очень много воды (ф р.)).

– Келлер? – с усмешкой спросил Джерри.

– Dans la cour, monsieur (Во дворе, месье (ф р.)).

Он вышел в сад. Рядом с красотками сидела банда вояк тяжелой артиллерии Флит-стрит. Они потягивали шотландское виски и рассказывали друг другу сногсшибательные истории. Они походили на мальчишек-пилотов, ведущих «битву за Англию» на какой-то чужой войне На Джерри они взирали свысока, презирая его за высокое происхождение. На одном из них красовался белый головной платок, длинные волосы храбро реяли за спиной.

– Боже мой, это же Герцог, – произнес он. – Как ты сюда попал? Пришел пешком по Меконгу?

Но он не интересовал Джерри. Ему был нужен Келлер. Келлер был неизменной величиной. Этот американец работал в телеграфном информационном агентстве, Джерри знал его и раньше – они встречались на других войнах. Собственно говоря, ни один иностранный журналист не мог приехать в город и не предстать пред очами Келлера, и, если Джерри хотел, чтобы его визит выглядел правдоподобно, то обеспечить это можно было только после разговора с Келлером. А для Джерри было очень важно, чтобы в его легенду поверили все.

Он нашел Келлера, седого широкоплечего мужчину, на автостоянке. Один рукав рубашки закатан. Он стоял, засунув в карман другую руку, и смотрел, как водитель промывает из шланга салон «мерседеса».

– Молодец, Макс. Здорово.

– П р е в о с х о д н о, – откликнулся Келлер, посмотрел на Джерри и снова принялся смотреть на водителя.

Рядом стояла пара тощих кхмерских парней в расклешенных брюках и ботинках на высоких каблуках. На груди у них, поверх расстегнутых блестящих рубашек, болтались фотоаппараты. Они походили на фотографов модного журнала. На глазах у Джерри водитель отложил шланг и принялся скрести обивку сидений пачкой армейской корпии; та на глазах становилась коричневой. Подошел еще один американец, Джерри догадался, что это новый внештатный корреспондент Келлера. Тот на редкость часто менял внештатников.

– Что случилось? – спросил Джерри, глядя, как водитель снова принялся поливать машину из шланга.

– Двухдолларовый герой получил весьма дорогостоящую пулю, – пояснил внештатный корреспондент. – Вот что случилось. – У этого бледного южанина был такой вид, словно ему все время отчего-то очень весело, и Джерри почувствовал, что начинает его ненавидеть.

– Так, Келлер? – спросил Джерри.

– Фоторепортер, – ответил он.

Телеграфное агентство Келлера держало целый штат таких фоторепортеров. Камбоджийские мальчишки, наподобие тех, что стояли поблизости, работали во всех организациях. Им платили по два американских доллара за поездку на фронт и по двадцать – за каждую опубликованную фотографию. Джерри слышал, что Келлер теряет их по одному в неделю.

– Пуля попала в плечо, когда он бежал пригнувшись, – продолжил внештатный корреспондент. – Вышла ниже спины. Прошила парня насквозь, как травинка – гуся. – Казалось, ему это очень нравится.

– Где он? – спросил Джерри, просто чтобы что-нибудь сказать, пока водитель продолжал оттирать, промывать и скрести машину.

– Умер на обратном пути. Ты знаешь, что творится? Пару недель назад эти сволочи из нью-йоркского бюро вбили себе в голову какую-то чушь насчет лечения. Ничего слышать нехотят. Раньше мы переправляли их в Бангкок. Теперь нельзя. Запретили, друг. Ты слышал?

Там, в больнице, дальше по дороге, они лежат на полу и вынуждены платить медсестрам зато, чтобы они принесли воды. Так, ребята?

Оба камбоджийца вежливо улыбнулись.

– Уэстерби, тебе что-нибудь нужно? – спросил Келлер. Его сероватое лицо было изрыто оспинами. Джерри хорошо знал его еще с шестидесятых годов. Тогда в Конго Келлер обжег руки, вытаскивая парня из горящего грузовика. Пальцы навсегда срослись между собой, и рука стала похожа на перепончатую когтистую лапу летучей мыши, но в остальном он не изменился. Джерри хорошо помнил тот случай, потому что тащил горящего парня за ноги.

– В газете хотят, чтобы я осмотрелся, – ответил он.

– И тебе это удается?

Джерри засмеялся, засмеялся и Келлер. Они выпили в баре шотландского виски, ожидая, когда машину приведут в порядок, и поболтали о былых временах. У главного входа они подцепили девушку, которая целый день ждала там, как выяснилось, именно Келлера. Увешанная фотоаппаратами, калифорнийка беспокойно переступала длинными ногами. Так как телефоны не работали, Джерри настойчиво попросил, чтобы по дороге они остановились у британского посольства – ему нужно было ответить на приглашение. Келлер откликнулся не слишком вежливо.

– Что-то ты, Уэстерби, стал похож на шпиона. Все кругом вынюхиваешь, лижешь задницы, чтобы докопаться до самой сути, а потом искажаешь факты, чтобы заплатили побольше, так, что ли? – Кое-кто утверждал, что примерно такой же была позиция самого Келлера, но злые языки всегда найдутся.

– Точно, – дружелюбно произнес Джерри. – Именно этим я и занимаюсь много лет.

У входа лежали свежие мешки с песком, в лучах палящего солнца сверкало новенькое противогранатное проволочное заграждение. В вестибюле огромный, разделенный на несколько частей плакат поражал своей неуместностью, достичь которой под силу только дипломатам. Он предлагал городу, где давно не было ни грамма горючего, «Британские автомобили самого высокого качества»; сверкали глянцем фотографии нескольких никому не доступных моделей.

– Я передам советнику, что вы приняли приглашение, – торжественно заявил секретарь.

В «мерседесе» до сих пор ощущался тепловатый запах крови, шофер включил кондиционер на повышенную мощность.

– Что они тут делают, Уэстерби? – спросил Келлер. – Налаживают отношения или как?

– Или как… – улыбнулся Джерри, не столько Келлеру, сколько калифорнийской девушке.

Джерри сел на переднее сиденье, Келлер с девушкой – на заднее.

– Ладно. Теперь слушай, – сказал Келлер.

– Давай, – откликнулся Джерри.

Он раскрыл блокнот и стал записывать рассказ Келлера. На девушке была короткая юбка, и Джерри с шофером в зеркале хорошо видели ее бедра Здоровая рука Келлера лежала на ее колене. Девушка носила невообразимое имя Лоррейн; она, как и Джерри, формально совершала поездку по району боевых действий, собирая новости для группы ежедневных газет на Среднем Западе, Вскоре на дороге не осталось других машин. Через некоторое время исчезли даже велорикши. Они ехали дальше в компании крестьян, велосипедистов и буйволов; вдоль дороги, возвещая близость нехоженых мест, тянулись цветущие кусты.

– Тяжелые бои идут на всех основных шоссейных дорогах, – нараспев произносил Келлер, медленно, чтобы Джерри успел записать. – По ночам происходят обстрелы реактивными снарядами, днем – п л а с т и к о в ы м и б о м б а м и. Лон Нол все еще воображает себя божеством, а у американского посольства за то, что они сначала поддерживали Лон Нола, а потом пытались его вышвырнуть, щеки пылают от стыда. – Келлер сообщил и о статистике: об

артиллерийско-техническом снабжении, потерях ранеными и убитыми, о размерах американской помощи. Назвал имена генералов, продававших оружие красным кхмерам, генералов, командовавших армиями-призраками и получающих причитающееся солдатам жалованье; генералов, прославившихся и тем и другим. – Словом, обычная неразбериха. Плохие парни слишком слабы, чтобы взять город, хорошие парни слишком глубоко увязли в дерьме, чтобы взять деревню, и никто не хочет драться, кроме коммунистов. Студенты готовы все спалить, как только их лишат отсрочки от отправки на фронт, каждый день происходят голодные бунты. Коррупция такая, словно завтрашний день никогда не наступит. Никто не может жить на зарплату, сколачиваются состояния, а вся страна истекает кровью до смерти. Королевская власть существует только в воображении, в посольстве – сумасшедший дом, шпионов больше, чем честных людей, и все делают вид, что хранят какой-то секрет. Хочешь еще?

– И сколько, по-твоему, это продлится?

– Может, неделю. А может, десять лет.

– А что с авиакомпаниями?

– Авиакомпании – это все, что у нас осталось. Меконга все равно что нет, да и дорог тоже. Вся опора на авиацию. Мы об этом писали. Видел статью? Они искромсали ее в клочки. Господи, – повернулся он к девушке, – почему я должен все повторять для какого-то англичанина?

– Дальше, – велел Джерри, продолжая писать.

– Шесть месяцев назад в этом городе было пять зарегистрированных авиакомпаний. За последние три месяца выдано тридцать четыре новые лицензии, на подходе еще двенадцать. Обычная ставка – три миллиона риелей лично министру, и два миллиона делят его люди. Меньше, если платить золотом, еще меньше, если переводить платеж за границу. – Мы едем по шоссе номер тринадцать, – обратился он к девушке. – Я подумал, тебе было бы интересно взглянуть.

– Отлично, – ответила девушка и стиснула колени, зажав между ними здоровую руку Келлера.

Они проехали мимо статуи с отбитыми снарядом руками. Дорога пошла вдоль излучины.

– Если только Уэстерби сможет это переварить, – добавил Келлер, словно это только что пришло ему в голову.

– Ну, мне кажется, я в хорошей форме, – сказал Джерри. Девушка засмеялась и на минуту приняла его сторону.

– Красные кхмеры заняли новые позиции на противоположном берегу реки, – пояснил Келлер, обращаясь преимущественно к девушке.

За бурным коричневым потоком Джерри увидел два «Д-28», рыщущих, что бы разбомбить. Раздался громкий взрыв, и в небо взвился темный столб, похожий на дым жертвенного костра.

– А чем занимаются здешние китайцы? – спросил Джерри. – В Гонконге об этом месте никто не слышал.

– Китайцы контролируют восемьдесят процентов нашей торговли, включая авиакомпании. И старые, и новоиспеченные. Камбоджийцы ленивы, слышишь, дуреха? Они снимают сливки с американской помощи и рады этому. Китайцы не такие. О нет, сэр. Китайцы любят работать, любят, чтобы деньги были в обороте. Они регулируют наш денежный рынок, транспортную монополию, скорость инфляции, всю экономику нашей отрезанной от мира страны. Война превращается в принадлежащее Гонконгу дочернее предприятие. Слушай, Уэстерби, ты еще живешь с той женой, о которой мне рассказывал, ну с той хорошенькой, с вот такими глазами?

– Наши пути разошлись, – откликнулся Джерри.

– Плохо, брат, она, по твоим рассказам, была штучка что надо. У него была чудесная жена, – сказал Келлер.

– А ты? – спросил Джерри.

Келлер покачал головой и улыбнулся девушке.

– Не возражаешь, дуреха, если я закурю? – доверительно спросил он.

В сросшейся лапе Келлера была щелка, проделанная словно специально для того, чтобы держать сигарету. Ее края потемнели от никотина. Здоровую руку Келлер положил обратно на девичье колено.

Дорога превратилась в проселок, там, где проехала автоколонна, остались глубокие борозды. Впереди кроны деревьев сходились, образуя короткий туннель. Они въехали в него, и в тот же миг справа раздался грохот орудийных залпов; деревья согнулись дугой, словно под напором тайфуна.

– З д о р о в о, – завопила девушка. – Можно немного притормозить? – Она дернула ремень, на котором висел фотоаппарат.

– Будьте моим гостем. Артиллерия средних калибров, – рекомендовал Келлер. – Наша, – добавил он, словно отпуская удачную шутку.

Девушка опустила окно и сняла несколько кадров. Огонь не умолкал, деревья клонились к земле, но крестьяне на рисовом поле даже не повернули головы. Когда все стихло, грохот сменился тихим, словно эхо, звоном колокольчиков на шеях буйволов. Они поехали дальше. На ближнем берегу реки двое мальчишек по очереди катались на велосипеде. В воде стайка ребятишек, блестя смуглой кожей, барахталась и ныряла с автомобильной камеры. Девушка сфотографировала и их.

– Уэстерби, ты еще не забыл французский? Мы с Уэстерби когда-то вместе работали в Конго, – пояснил он.

– Я слышала, – понимающе ответила девушка.

– Англичане, дуреха, получают хорошее образование, – объяснил Келлер. Джерри не помнил, чтобы он был так словоохотлив. – Их не просто обучают, их в с к а р м л и в а ю т. Правильно, Уэстерби? Особенно лордов, да? Уэстерби у нас в некотором роде лорд.

– Да уж таковы мы, приятель. Ходим в школярах, пока не станем мужчинами. Не то что вы, голь перекатная.

– Тогда ты будешь разговаривать с шофером, ладно? Нам нужно дать ему кое-какие указания, а ты переведешь. Он еще не успел выучить английский. Ехать налево.

– A gauche, – сказал Уэстерби.

Шофер – еще юноша – уже успел приобрести скучающий вид, свойственный всем гидам.

В зеркале Джерри заметил, что обгоревшая рука Келлера, державшая сигарету, подрагивает. Интересно, давно ли это у него, подумал он. Они проехали пару деревень. Было очень тихо. Он вспомнил Лиззи и отметины от когтей у нее на подбородке. Ему до смерти хотелось сделать с ней что-нибудь самое обыденное, например, прогуляться по английским полям. Кро говорил, что она – дурно воспитанная девчонка из предместья. Джерри тронуло, что она столько напридумывала о лошадях.

– Уэстерби.

– Что, дружище?

– Что там у тебя с пальцами? Барабанишь все время. Сам не замечаешь, что ли? Прекрати, это меня бесит. Действует на нервы. – Он повернулся к девушке. – Они подвергают эту страну бомбардировкам уже много лет, дуреха, – с жаром произнес он. – Много лет. – И выпустил клуб сигаретного дыма.

– Так насчет авиакомпаний, – напомнил Джерри, нацеливаясь карандашом в блокнот. – Какие цифры?

– Большинство компаний нанимает воздушные суда во Вьентьяне на правах так называемой «сухой аренды». В договор входит техническое обслуживание, пилотирование, амортизация – все, кроме топлива. Может быть, ты это знаешь. Лучше всего – владеть собственным самолетом. Тогда ты убиваешь сразу двух зайцев. Набиваешь карманы на осаде, а под конец успеваешь вовремя унести ноги. Следи за детьми, дуреха, – сказал он девушке и снова затянулся сигаретой. – Когда кругом бегают дети, беды не будет. Плохой признак, когда дети исчезают. Значит, они их спрятали. Всегда смотри, где дети.

Девушка по имени Лоррейн опять принялась возиться с фотоаппаратом. Их машина поравнялась с крошечным контрольно-пропускным пунктом. Они проехали мимо, часовые уставились вслед, но шофер даже не сбавил скорости. Доехав до развилки, шофер остановил машину.

– К реке, – приказал Келлер. – Скажи ему, чтобы остановил на берегу.

Джерри перевел. Парень сделал удивленное лицо; казалось, он собирается возразить, но передумал.

– Дети есть в деревнях, – продолжал Келлер, – дети есть и на фронте. Разницы никакой. И там и там дети – как флюгер на ветру. Кхмерские солдаты забирают семьи с собой на войну, и никто не видит в этом ничего особенного. Если отец погибает, семья остается без средств к существованию, – они тоже уходят с военными, потому что там есть еда. И дело, дурни, не только в этом. Вдовы всегда должны держаться поближе к командованию, чтобы при необходимости предъявить доказательства смерти отца, ясно? Это по-человечески интересно, да, Уэстерби? Если они не представят доказательств, командиры будут отрицать их гибель и заберут жалованье убитого себе. Всегда пожалуйста! – сказал он, глядя, как Лоррейн записывает. – Но не думайте, что кто-нибудь это напечатает. Для всего мира эта война окончена. Правда, Уэстерби?

– F i n i t o – согласился Джерри.

Лиззи бы развеселилась, подумал он. Будь Лиззи здесь, она бы непременно нашла в этом что-нибудь смешное и развеселилась. Он полагал, что где-то среди ее взятых напрокат личностей пылится забытый оригинал, и решительно намеревался его отыскать. Шофер подъехал к старой женщине и что-то спросил по-кхмерски, но она закрыла лицо руками и отвернулась.

– Почему она так себя ведет, скажите, ради Христа! – сердито вскричала девушка. – Мы не хотели ничего плохого. О Господи!

– Стыдится, – застывшим голосом ответил Келлер.

У них за спиной громыхнул еще один артиллерийский залп. Им показалось, что захлопнулась дверь, отрезавшая путь назад. Они миновали б у д д и й с к и й х р а м и въехали на рыночную площадь, огороженную деревянными домами. Девушки за прилавками не обращали на них никакого внимания, дети продолжали играть с бантамскими петухами. На них смотрели лишь монахи в шафрановых одеяниях.

– А для чего был нужен контрольно-пропускной пункт? – спросила девушка, делая снимки. – Разве мы попали в опасную зону?

– Приближаемся, ребята, приближаемся. А теперь лучше помолчите.

Впереди трещали автоматные очереди М-16 вперемежку с АК-47. Из-за деревьев, прямо на них, выскочил джип, но в последнюю секунду, громыхнув на ухабе, свернул в сторону. В тот же миг солнце скрылось за облаками. До сих пор они считали, что этот свет, прозрачный и живой, отмытый дождями, принадлежит им по праву. Стоял март – сухой сезон, – а в Камбодже в войну, как в крикет, играют только в хорошую погоду. Но когда со всех сторон набежали

черные тучи, деревья сгрудились вокруг них, как зимой, деревянные домики погрузились во тьму.

– Как одеваются красные кхмеры? – спросила девушка, понизив голос. – У них есть какая-нибудь ф о р м а ?

– Наряд из перьев и набедренная повязка, – прогрохотал Келлер. – Кое-кто даже без штанов. – Он смеялся, но в его хохоте слышалась напряженная нотка; Джерри заметил, что изуродованная лапа с сигаретой дрожит. – Черт их побери, они одеваются, как простые крестьяне. В эти обычные черные пижамы.

– Здесь всегда так пусто?

– По-всякому, – ответил Келлер.

И хошиминовские сандалии, – рассеянно вставил Джерри.

На другой стороне дороги взлетела пара зеленых речных птиц. Треск автоматных очередей не усиливался.

– У тебя, кажется, была дочь или как? Что с ней теперь? – спросил Келлер.

– С ней все в порядке. Просто отлично.

– Как ее зовут?

– Кэтрин, – ответил Джерри.

– Похоже, мы от них удаляемся, – разочарованно сказала Лоррейн. Они проехали мимо старого трупа с оторванными руками. Мухи сплошной черной массой облепили раны на лице.

– А они всегда так делают? – с любопытством спросила девушка.

– Что делают?

– Снимают сапоги?

– Иногда снимают, иногда они оказываются не того размера, – ответил Келлер, снова ни с того ни с сего вспыхивая от гнева. – У одних коров есть рога, у других – нет, а третьи – не коровы, а лошади. А теперь заткнетесь вы наконец? Откуда ты родом?

– Из Санта-Барбары, – ответила девушка.

Внезапно деревья кончились. Они миновали поворот и снова оказались на открытом месте, неподалеку от реки. Водитель остановился, хотя его никто об этом не просил, и медленно попятился обратно.

– Куда он едет? – спросила девушка. – Кто его просил?

– По-моему, друзья, он боится за шины, – сказал Джерри, обращая все в шутку.

– За тридцать-то долларов в день? – спросил Келлер, тоже в шутку.

Наконец они нашли небольшое поле битвы. Впереди, над речной излучиной, на безжизненном холме стояла разрушенная деревня. Вокруг не было ни одного живого дерева. Белели обвалившиеся стены с желтыми свежими изломами. Это место с вытоптанной растительностью выглядело так, словно здесь когда-то стоял форт Иностранного легиона; впрочем, возможно, так оно и было. За стенами, будто на стройке, сбились в кучу коричневые грузовики. Они услышали несколько выстрелов и треск короткой очереди. Может быть, это были охотники. Мигая, пролетела трассирующая пуля, рванули три минометных снаряда. Земля вздрогнула, машина сотряслась, и шофер беззвучно поднял стекло. Джерри сделал то же самое. Но девушка открыла дверцу и вышла, показав классически стройные ноги. Покопавшись в сумке, она достала телеобъектив, привинтила его к фотоаппарату и всмотрелась в увеличенное изображение.

– И это все? – с сомнением спросила она. – Неужели мы так и не увидим врага? Я не вижу ничего, кроме наших, и все заволокло темным дымом.

– Они там, на другой стороне, дурочка, – начал Келлер.

– И мы их не увидим?

Ненадолго наступила тишина, мужчины советовались без слов.

– Послушай, – сказал Келлер. – Это была всего лишь увеселительная прогулка, ясно, дуреха? Подробности этого дела могут меняться очень сильно. Поняла?

– Я просто подумала, что здорово было бы увидеть врага. Мне хочется встретиться с ними лицом к лицу, Макс. Правда, хочется. Очень.

Они пошли пешком.

Иногда это делается, чтобы спасти лицо, подумал Джерри. Иногда – потому, что ты считаешь, что не довел дело до конца, если не напугался до смерти. Иногда ты идешь, чтобы напомнить себе, что жизнь – это подарок судьбы. Но чаще всего ты идешь просто потому, что другие идут, идешь, чтобы доказать, что ты мужчина, чтобы не отрываться от остальных. Раньше, возможно, Джерри шел по более утонченным причинам. Например, чтобы, по Хемингуэю, познать самого себя. Чтобы поднять свой порог страха. Потому что в битве, как и в любви, желание нарастает. Когда ты побывал под автоматным огнем, одиночные выстрелы кажутся несущественными. Если прошел бомбежку – автоматные очереди для тебя детская игра, хотя бы потому, что при выстреле в упор твои мозги остаются на месте, а при попадании снаряда – вылетают через уши. Существует мир, об этом Джерри не забывал. В самые тяжелые времена, когда уходило все – деньги, дети, женщины, – у него оставалось ощущение мира. Он понимал, что его единственная обязанность – оставаться живым. Но на этот раз, подумал он, причина – глупее не придумаешь: найти обкуренного наркотиками летчика, который знал человека, любовницей которого была Лиззи. Они шли медленно, потому что девушка в короткой юбке с трудом пробиралась по скользкой колее.

– Великолепная девочка, – пробормотал Келлер.

– Что надо, – покорно согласился Джерри.

Он со смущением припомнил, как в Конго они стали задушевными приятелями, рассказывали друг другу все о своих привязанностях и слабостях. Девушка взмахнула руками, чтобы удержаться на неровной земле.

Н е н а ц е л и в а й с я, подумал Джерри, Б о г а р а д и, н е н а ц е ли в а й с я. В о т т а к, ф о т о г р а ф ы и п о п а д а ю т с я.

– Шагай дальше, дуреха, – резко бросил Келлер. – Не думай ни о чем. Шагай. Уэстерби, хочешь вернуться?

Они обошли маленького мальчика, который, как ни в чем не бывало, играл в пыли с камешками. Джерри пришло в голову, что малыш, должно быть, оглох от стрельбы. Он обернулся. «Мерседес» стоял под деревьями. Впереди, среди валунов, он увидел людей, приготовившихся к стрельбе; их было больше, чем он ожидал. Внезапно грохот стал громче. На противоположном берегу взорвались две бомбы. Два «Д-28» пытались расширить зону пожара. У них под ногами, взметнув клубы мокрой глины и пыли, в берег врезался отскочивший рикошетом осколок. Мимо на велосипеде безмятежно проехал крестьянин. Он приблизился к деревне, медленно пробрался среди развалин и направился к деревьям. Никто в него не выстрелил, никто не окликнул. Может, он на их стороне, а может, на нашей, подумал Джерри. Например, прибыл в город вчера вечером, швырнул в кинотеатр пластиковую бомбу, а теперь едет восвояси.

– Господи! – со смехом воскликула девушка – Как же мы не подумали о велосипедах?

Застучали осколки кирпича – автоматная очередь прошила развалины вокруг них. Господь смилостивился над ними – под ногами, на речном берегу, темнели какие-то пятна, похожие на шкуру леопарда, – покинутые огневые позиции, вырытые в глине. Джерри давно их заметил. Он схватил девушку и бросил ее на землю. Келлер тоже растянулся. Лежа рядом с ней, Джерри ощутил полное отсутствие интереса к происходящему. Лучше получить пулю-другую здесь, чем

вытерпеть то, что выпало на долю Фрости. Пули со свистом пролетали над дорогой и вздымали фонтанчики грязи. Они лежали неподвижно, ожидая, пока огонь стихнет. Девушка восторженно смотрела на другой берег реки и улыбалась. Глаза у нее были арийские, светло-голубые, как цветки льна. У самой воды позади них упала мина, и Джерри во второй раз прижал Лоррейн к земле. Над ними прокатилась взрывная волна; после нее сверху, умиротворяюще медленно, начали опускаться султаны мелкой земли. Но девушка, не переставая улыбаться, поднялась на ноги. Когда в Пентагоне говорят о цивилизации, подумал Джерри, они подразумевают тебя. Бой внезапно разгорелся с новой силой. Грузовики исчезли, все заволокло густым дымом. Сверкая вспышками, непрестанно ухали минометы, все быстрее и яростнее строчили автоматы. Над краем окопа появилось белое как смерть, изрытое оспинами лицо Келлера.

– Красные кхмеры взяли их за жабры, – прокричал он. – Переправились через реку, двинули вперед и теперь заходят с другого фланга. Нам надо было выбрать местечко потише!

Воспоминания одно за другим возвращались к Джерри. Господи, подумал он, когда-то мы с Келлером дрались из-за девчонки. Он попытался вспомнить, как ее звали и кто победил.

Они продолжали ждать. Выстрелы утихли. Они вернулись в машину и добрались до развилки как раз вовремя, чтобы столкнуться с отступающей автоколонной. Вдоль обочины были грудами свалены убитые и раненые, возле них, обмахивая лица пальмовыми листьями, скорчились на земле отупевшие от горя женщины. Они снова вышли из машины. Беженцы гнали перед собой буйволов, подгоняли друг друга, катили ручные тележки, вопили на свиней и детей. Какая-то старуха завизжала, увидев в руках девушки фотоаппарат: она приняла его за ствол ружья. Одни звуки, например, треск велосипедных звонков и жалобные вопли, раздавались со всех сторон, и Джерри не мог понять, откуда они доносятся; другие слышались с вполне определенного направления – влажные всхлипы умирающих и приближающийся грохот минометного огня. Келлер бежал рядом с грузовиком и пытался найти хоть одного офицера, говорящего по-английски; Джерри ковылял рядом с ним и выкрикивал те же вопросы по-французски.

– А, к черту, – заявил Келлер; ему внезапно все опротивело. – Поехали домой. Ну и н а р о д, ну и ш у м, – пожаловался он тоном английского лорда.

Они вернулись в «мерседес».

Какое-то время им не удавалось выбраться из колонны. Грузовики оттесняли их на обочину, беженцы вежливо стучали в окно и просили подвезти. Один раз Джерри померещилось, что на заднем сиденье армейского мотоцикла он увидел Ганса Призывающего Смерть. На следующей развилке Келлер велел шоферу повернуть налево.

– Там спокойнее, – пояснил он и опять положил здоровую руку на колено девушке.

Но у Джерри из головы не выходило тело Фроста в морге, его белые щеки, распахнутый в крике рот.

– Моя матушка в с е г д а мне говорила, – заявил Келлер с простонародным протяжным выговором. – «Сынок, – говорила она, – никогда не возвращайся в джунглях той же дорогой, которой приехал». Дурочка, а дурочка!

– А?

– Дуреха, ты просто потеряла невинность. Прими смиренные поздравления. – Его рука скользнула чуть выше.

Внезапно хлынул проливной дождь. Со всех сторон доносился шум льющейся воды, словно прорвались тысячи водопроводных труб. Они проехали поселок, по улицам которого в панике куда-то неслись ошалевшие куры. Под дождем мокло пустое кресло цирюльника. Джерри повернулся к Келлеру.

– Так что там говорят об экономике страны в осадном положении, – снова начал разговор Джерри, когда оба уселись поудобнее. – О движущих силах рыночной экономики и тому подобном. Ты считаешь, эта штука сработает?

– Может сработать, – весело откликнулся Келлер. – И не раз уже срабатывала. Но разговоры не стихают.

– Кто действует активнее всех? Келлер назвал несколько компаний.

– А «Индочартер»?

– И «Индочартер» в том числе, – ответил Келлер. Джерри решил рискнуть:

– У них летает один парень по имени Чарли Маршалл, наполовину китаец. Говорят, ему есть о чем рассказать. Ты его не знаешь?

– Нет.

Джерри решил, что дальше идти не стоит.

– И на чем они летают?

– Кто что достанет. «DC-4», ты сам их называл. Нужно по крайней мере два: один летает, другой разбирается на запчасти. Дешевле держать самолет на земле и постепенно общипывать его, чем подкупать таможенников, чтобы пропускали самолетный инвентарь.

– И какая прибыль?

– Не выговоришь.

– А с опиумом часто работают?

– Господи помилуй, в Бассаке есть целая перерабатывающая фабрика. Заведение словно из времен «сухого закона». Если это то, что тебе надо, могу устроить поездку.

Лоррейн сидела у окна и смотрела на дождь.

– Макс, нигде не видно детей, – объявила она. – Ты говорил, нужно смотреть, не исчезли ли дети. Я все время ищу их и не вижу ни одного. – Шофер остановил машину. – Идет дождь, а я где-то читала, что азиатские дети любят гулять и играть под дождем. Ты не знаешь, куда делись дети? – спросила она.

Но Джерри не расслышал, что она там читала. Он выглянул через ветровое стекло и увидел то же, что и шофер, и от этого у него мгновенно пересохло в горле.

– Дружище, ты здесь хозяин, – тихо сказал он Келлеру. – Твоя машина, твоя война и твоя девочка.

В зеркале Джерри с болью увидел похожее на пемзу рябое лицо Келлера. На нем отразились противоречивые чувства: он понимал, что им грозит, но не мог ничего сделать.

– Езжай на них как можно медленнее, – сказал Джерри, когда ждать стало уже нечего. – L e n t e m e n t (Медленно (ф р.)).

– Правильно, – поддержал Келлер. – Делай, как он говорит.

Примерно в пятидесяти метрах впереди них за сплошной завесой дождя поперек колеи застрял серый грузовик. Дорога оказалась перекрыта, В зеркале они увидели, что сзади, отрезая путь к отступлению, подползает второй грузовик.

– Нужно показать им руки, – хрипло прошептал Келлер. Здоровой рукой он опустил стекло.

Девушка и Джерри последовали его примеру. Джерри протер запотевшее ветровое стекло и положил обе руки на панель управления. Водитель держал руль за самый верх.

– Не улыбайтесь им, не разговаривайте, – приказал Джерри.

– Господи Боже, – проговорил Келлер. – Боже пресвятой.

Во всей Азии, подумал Джерри, журналисты рассказывают свои излюбленные истории о том, что делают с человеком красные кхмеры, и в большинстве своем эти рассказы – правда.

В эту минуту даже Фрост поблагодарил бы судьбу за свой относительно мирный конец. Джерри знал, что кое-кто из репортеров держит при себе яд или даже прячет пистолет на случай именно таких непредвиденных встреч. Если вас поймали, выбраться можно только в первую ночь, вспомнил он, потом у вас отнимают ботинки, здоровье и Бог знает какие еще части вашего тела. Первая ночь – ваш последний шанс, говорится в народе. Он не знал, стоит ли рассказывать это девушке, но не хотел ранить чувства Келлера. Они тащились вперед на первой передаче, мотор надсадно ревел. Дождь потоками заливал машину, грохотал по крыше, стекал на капот и стрелами влетал в раскрытые окна. Если увязнем, нам конец, подумал он. До переднего грузовика оставалось всего метров пятнадцать. Железное чудовище сверкало в потоках ливня. Из темной кабины грузовика на них взирали худые лица. В последнюю минуту грузовик чуть отполз назад, в заросли, освобождая им для проезда узенькую полоску дороги. «Мерседес» накренился. Чтобы не упасть на водителя, Джерри вцепился в дверную стойку. Два правых колеса с воем забуксовали, капот покачнулся, и машина едва не опрокинулась на предохранительную решетку грузовика.

– Машина без номерных знаков, – выдохнул Келлер. – Боже милосердный.

– Не спеши, – предупредил Джерри водителя. – Toujours lentement (Все время медленно (ф р.)). Не включай фары. – Он посмотрел взеркало.

– Эти были в черных пижамах? – взволнованно спросила девушка. – И вы даже не дали мне сфотографировать?

Никто не произнес ни слова.

– Чего они хотели? На кого устроили засаду? – не отставала она.

– На кого-то еще, – ответил Джерри. – Не на нас.

– На какого-нибудь придурка, который едет за нами, – сказал Келлер. – Кто знает?

– Разве нам не нужно кого-нибудь предупредить?

– Телефона нет, – ответил Келлер.

Позади они услышали выстрелы, но не остановились.

– Проклятый дождь, – пробормотал Келлер скорее про себя. – Угораздило же нас под него попасть.

Дождь и не думал прекращаться.

– Господи, Макс, – возразила девушка – Если они вот так запросто прижали нас к земле, почему они нас просто не прикончили?

Прежде чем Келлер успел раскрыть рот, водитель ответил за него по-французски, тихо и вежливо, хотя понял его только Джерри:

– Когда они хотят прийти, они приходят, – сказал он, улыбаясь ей в зеркале. – Всегда в плохую погоду. Американцы кладут еще пять метров бетона на крышу своего посольства, солдаты в накидках с капюшонами ползают под деревьями, журналисты хлещут виски, генералы идут в курильню, а красные кхмеры тем временем выходят из джунглей и перерезают нам глотки.

– Что он говорит? – спросил Келлер. – Переведи, Уэстерби.

– Да, о чем он? – поддержала девушка. – Звучало здорово. Как деловое предложение или что-то в этом роде.

– Я до конца не понял, ребята. Вроде как чем-то хвастался.

Все, включая водителя, рассмеялись, но как-то слишком громко.

И все это время, понял Джерри, он не думал ни о ком, кроме Лиззи. Не исключая тех минут, когда они были в опасности, даже наоборот. Она, как сияющие лучи солнца, озарившие их, была наградой за то, что он выжил.

В Пномпене сияло солнце, площадка возле бассейна весело сверкала в его лучах. В городе не было дождя. Шальная ракета упала возле школы для девочек и убила восемь или девять детей. Внешкор-южанин как раз возвращался, пересчитав трупы.

– Ну, и как Макси показал себя под выстрелами? – спросил он Джерри, столкнувшись с ним в вестибюле, – Сдается мне, его нервишки в эти дни слегка пошаливают.

– Убери с моих глаз свою ухмыляющуюся морду, – посоветовал Джерри. – А не то я с удовольствием по ней врежу. – Южанин удалился, продолжая ухмыляться.

– Мы могли бы встретиться завтра, – предложила девушка Джерри. – Завтра я целый день свободна.

Сгорбившийся Келлер, в рубашке с закатанным рукавом, медленно, держась за перила, поднимался по ступенькам следом за ней.

– Если хочешь, можем встретиться даже сегодня вечером, – добавил она.

Еще несколько минут Джерри сидел один у себя в комнате и писал открытки для Кэт. Потом он направился в контору Макса. Он хотел подробнее расспросить его о Чарли Маршалле. Кроме того, ему казалось, что старому Максу нравится бывать в его обществе. Закончив дела, он взял велорикшу и снова поехал к дому Чарли Маршалла, но, сколько ни кричал, сколько ни колотил в дверь, он не увидел ничего, кроме тех же неподвижных босых ног на нижней ступеньке лестницы. На сей раз их озаряла свеча. Но листок из его блокнота исчез. Джерри вернулся в город. У него оставался час свободного времени, и он зашел в придорожное кафе, уселся в одно из сотни пустых кресел и выпил бокал «перно», вспоминая, как когда-то городские девчонки катили мимо в крошечных плетеных колясках и на певучем французском шептали ему слова любви. Сегодня вечером, однако, ночная тьма не сулила ничего более нежного, чем треск ружейных выстрелов, а город словно съежился, ожидая удара.

Однако сильнее всего наводили страх не взрывы, а тишина. Именно тишина, а не грохот выстрелов, была, словно сами джунгли, родной стихией приближающегося врага.

Когда дипломату хочется поговорить, в первую очередь он думает о еде. Из-за комендантского часа в дипломатических кругах ужинают рано. Дело не в том, что к работникам посольств применяются те же суровые меры, что и к простым смертным, просто дипломаты всего мира высокомерно полагают, что они обязаны подавать пример – правда, сам дьявол не знает, кому и в чем.

Резиденция советника располагалась в тенистом зеленом уголке по соседству с дворцом Лон Нола. Подъезжая, Джерри увидел, как из правительственного лимузина высаживаются гости. За ними из битком набитого джипа внимательно наблюдали милиционеры. То ли члены королевской семьи, то ли высокопоставленные религиозные деятели, подумал Джерри, выходя из машины; хотя это всего-навсего прибыли на ужин американский дипломат с супругой.

– О, вы, должно быть, мистер Уэстерби, – сказала хозяйка.

Эта рослая дама одевалась в «Харродз»; мысль о том, чтобы принимать у себя ж у р н а л и с т а, равно как и всякого, кто не является дипломатом и не достиг в этой области консульского ранга, казалась ей необычайно забавной.

– Джону до смерти хочется встретиться с вами, – радостно объявила она, и Джерри решил, что она старается его успокоить – ей кажется, что он очень стесняется.

Он поднялся по лестнице. Хозяин, сутулый жилистый человечек с большими усами, ждал его наверху. В нем ощущалось какое-то мальчишество, которое Джерри больше привык встречать у священников.

– Вот это здорово! Наповал. Вы настоящий джентльмен. Очень рад. Будем друзьями. Боюсь, нам сегодня не разрешат посидеть на балконе. – Он бросил озорной взгляд в сторону

американцев. – Хорошие люди слишком редко встречаются. Предпочитают прятаться. Видели, куда вас сажают? – Он поднял указующий перст к обрамленному кожей плану, где указывалось, кто рядом с кем должен сидеть за столом. – Вам надо кое с кем встретиться. Это ненадолго. – Он потянул его в сторону, но только чуть-чуть. – Все исходит от меня, ясно? Я всем это дал понять. Не позволяйте им загонять вас в угол. Просто, понимаете, налетит небольшой ш к в а л. Сугубо местного значения. Не вам в этих делах разбираться.

Главный из американцев, смуглый аккуратный человек, вначале показался невысоким, но, когда он остановился и пожал Джерри руку, оказалось, что он почти одного с ним роста. Он был одет в клетчатый пиджак из шелка-сырца, в руках держал переносное радиопереговорное устройство «уоки-токи» в черном пластиковом футляре, В карих глазах светился ум, но глядели они слишком уважительно, и Джерри, пожимая ему руку, сказал себе: «Он из Кузенов».

– Рад познакомиться, мистер Уэстерби. Насколько мне известно, вы из Гонконга. Тамошний губернатор – мой хороший друг. Бекки, это мистер Уэстерби, друг гонконгского губернатора и добрый знакомый Джона, нашего хозяина.

Он жестом подозвал женщину, увешанную кустарными украшениями из тусклого серебра, явно купленными на базаре. Ее яркая одежда выделялась даже в азиатской многоцветной толпе

– О, м и с т е р У э с т е р б и, – произнесла она. – Так вы из Гонконга? З д р а в с т в у й т е.

Остальные гости представляли собой пеструю компанию местных торговцев. Их подругами были евразийки, француженки и корсиканки. Мальчик-слуга ударил в серебряный гонг.

Потолок обеденного зала был упрочнен цементом, но на входе Джерри заметил, что кое-кто все-таки поднимает глаза, чтобы убедиться, что они в безопасности.

Визитная карточка на серебряной подставке провозглашала, что он является «достопочтенным Дж.Уэстерби»; меню в серебряном держателе обещало ему le roast beef a l'anglaise (Ростбиф по-английски (ф р.)); в серебряных подсвечниках красовались длинные, похожие на церковные, свечи. Слуги-камбоджийцы порхали на полусогнутых ногах, разнося подносы с едой, приготовленной сегодня утром, когда включали электричество. Справа от Джерри сидела немало повидавшая французская красотка; между ее грудями, у выемки, выглядывал кружевной платочек. Другой такой же платочек она держала в руке и после каждого съеденного кусочка или глотка вытирала маленький ротик. Визитка гласила, что зовут ее графиня Сильвия.

– Je suis tres, tres diplomee, – прошептала она Джерри, отщипывая еду крохотными кусочками. – J'ai fait lascience politique, mecanique et l'electricite generale (Я очень, очень образованная. Я изучала политику, механику и общую теорию электричества (ф р.)). В январе у меня было плохо с сердцем. Сейчас я поправилась.

– Отлично, теперь обо мне. Я не имею опыта н и в ч е м, – заявил Джерри, обратив все в шутку, но явно переусердствовал. – Мастер на все руки, ничего за душой, вот я каков. – Перевести это на французский оказалось не так-то легко. Пока он трудился над этим, где-то поблизости раздалась автоматная очередь, такая длинная, что, казалось, оружие не выдержит. Ответных выстрелов не последовало. Беседа застопорилась.

– Надо полагать, какой-то идиот стреляет в гекконов, – сказал советник.

Жена весело рассмеялась ему в ответ, словно война была небольшой интермедией, которую они разыграли для гостей. Снова наступила тишина, куда более глубокая, чем раньше. Красотка-графиня положила вилку на тарелку, та звякнула, как ночной трамвай.

– Dieu (Боже (ф р.)), – сказала она.

Вдруг заговорили все разом. Жена американца спросила Джерри, где он в о с п и т ы в а л с я ; когда он наконец выпутался из этого вопроса, она поинтересовалась, где же его д о м. Он назвал старый адрес Пэт на Тарлоу-сквер, потому что не хотел распространяться о Таскане.

– Мы владеем землей в Вермонте, – жестко заявила она в ответ. – Но пока ничего на ней не строили.

Одновременно громыхнули два реактивных снаряда. Джерри определил, что они упали примерно в километре к востоку, и оглянулся, проверяя, закрыты ли окна. Тут он заметил, что карие глаза мужа-американца сверлят его с таинственной настойчивостью.

– Какие у вас планы на завтра, мистер Уэстерби?

– Конкретно никаких.

– Если мы сможем чем-то быть вам полезны, дайте нам знать.

– Благодарю, – ответил Джерри, подозревая, однако, что суть вопроса не в этом.

Швейцарский торговец с благоразумным лицом жаждал рассказать какую-то интересную историю. Он с радостью вце-

– Не так давно весь город полыхал от обстрела, мистерУэстерби, – говорил он. – Мы все готовились к смерти. О, да. Мы были уверены, что сегодня же умрем. С неба сыпалось все: снаряды, трассирующие пули. Потом мы услышали, что боеприпасов было потрачено на миллион долларов. И так несколько часов подряд. Некоторые из моих друзей ходили и пожимали друг другу руки. – Из-под стола появилась целая армия муравьев. Они стройной колонной двинулись по белоснежной скатерти, осторожно огибая серебряные подсвечники и вазы с цветами гибискуса, – Американцы рассылали радиограммы, суетились, все тщательно вычисляли, кто на каком месте окажется в эвакуационных списках, но, что самое смешное, телефоны работали и даже электричество было. И какова, оказывается, была цель? – Все вокруг истерически хохотали. – Лягушки! Какие-то прожорливые лягушки!

– Жабы, – поправил кто-то, но это не помешало веселью.

Американский дипломат, воплощение любезнейшей самокритичности, объяснил, в чем суть рассказа:

– У камбоджийцев есть древнее суеверие, мистер Уэстерби. Когда наступает лунное затмение, нужно как можно громче шуметь. Устраивать фейерверки, греметь консервными банками, а еще лучше – расстрелять боеприпасов на миллион долларов. Потому что в противном случае лягушки сожрут луну. Нам следовало бы это знать, но мы не знали и поэтому поставили себя в очень глупое положение – гордо заключил он.

– Да, боюсь, дружище, вы здесь опростоволосились, – удовлетворенно произнес советник.

Улыбка американца оставалась искренней и открытой, но глаза горели настойчивостью, словно один профессионал передавал другому важное сообщение.

Кто-то заговорил о слугах и об их удивительном фатализме. Конец спектаклю положил громкий взрыв, раздавшийся будто бы совсем рядом. Графиня Сильвия взяла Джерри за руку, хозяйка вопросительно улыбнулась мужу, сидевшему на другом конце стола.

– Джон, милый, – спросила она самым радушным голосом, – это к нам или от нас?

– От нас, – со смехом ответил он. – От нас, конечно. Если не веришь, спроси нашего друга-журналиста. Он ведь был на нескольких войнах, не так ли, мистер Уэстерби?

Снова повисло молчание, будто бы они коснулись запретной темы. Американская леди без умолку болтала об участке земли в Вермонте. М о ж е т б ы т ь, они в конце концов что-нибудь на нем построят. Возможно, уже пора.

– Пожалуй, нужно н а п и с а т ь тому архитектору, – подумала вслух.

– Все-таки, пожалуй, стоит, – согласился ее муж, но в этот миг все их собрание оказалось в самой гуще заранее подготовленного сражения.

Где-то совсем близко, осветив внутренний двор, прогрохотал долгий залп мелкокалиберной зенитной пушки, отчаянным непрерывным огнем разразились штук двадцать пулеметов. При свете вспышек они видели, как в дом торопливо вбегают слуги. Перекрывая грохот, слышались отдаваемые визгливым голосом приказы и ответы на них; звенели, будто обезумев, ручные гонги. В комнате никто не шевелился, только американский дипломат поднес к губам «уоки-токи», вытащил антенну и что-то пробормотал, потом приложил аппарат к уху. Джерри опустил глаза и увидел, что рука графини доверчиво скользнула в его ладонь. Она потерлась щекой о его плечо. Стрельба стала стихать. Он услышал, как невдалеке упала небольшая бомба. Пол не вздрогнул, но пламя свечей приветственно качнулось, а на каминной полке с громким щелчком упало несколько пригласительных карточек. Этим и ограничились видимые потери. Потом, напоследок, раздалось тихое рычание удаляющегося одномоторного самолета, словно где-то захныкал капризный ребенок. Его перекрыл беззаботный смех советника. Он обратился к жене:

– Что ж, теперь, пожалуй, д е л о н е в з а т м е н и и. Не так ли, Х и л л з ? Вот что значит жить по соседству с Лон Нолом. Одному из летчиков надоело, что ему не платят, вот он и сел в самолет и наугад обстрелял дворец. Дорогая, не отведешь ли ты наших дам попудрить носики и приготовить все, что нужно?

В его глазах горит гнев – вот что это такое, подумал Джерри, снова поймав взгляд американца. Он похож на человека, который направлен с миссией к бедным, но вместо этого ему приходится терять время среди богатых.

Джерри, советник и американец молча стояли в кабинете на первом этаже. Советник чудовищно робел.

– Хм, да, – начал он. – Ну вот, теперь я вывел вас в свет и могу вас покинуть. Виски в графине. Хорошо, Уэстерби?

– Хорошо, Джон, – ответил американец, но советник, казалось, не расслышал.

– Только не забывайте, Уэстерби, мандат у нас, х о р о ш о ? Наша постель еще не остыла. Хорошо? – Он исчез, понимающе погрозив пальцем.

Кабинет, освещенный свечами, был пропитан мужским духом. В нем не было ни зеркал, ни картин на стенах, лишь ребристый тиковый потолок да зеленый металлический письменный стол. Чернота за окном навевала ощущение мертвенной тишины, хотя гекконы и лягушки поставили бы в тупик самый сложный микрофон.

– Дай-ка мне вот это, – сказал американец, не подпуская Джерри к буфету, и сделал вид, будто нашел именно то, что ему нужно: – Никогда не разбавляйте виски ни простой водой, ни содовой. Что-то очень долго друзья не могли встретиться, – неестественно развязным тоном продолжил он, наливая себе бокал возле буфета.

– Да уж, верно.

– Джон – мировой мужик, но чересчур держится формальностей. У твоих людей нет здесь никакой поддержки, но есть кое-какие права, поэтому Джон хочет принять меры, чтобы удача не ускользнула от него окончательно. Я его точку зрения вполне понимаю. Но иногда эти дела слишком затягиваются.

Он вытащил из клетчатого пиджака длинный коричневый конверт, протянул Джерри и с той же многозначительной напряженностью смотрел, как тот ломает печать. Бумага была наподобие фотографической и чем-то покрыта.

Где-то заплакал ребенок, снова наступила тишина. Это в гараже, подумал Джерри: слуги впустили в гараж уйму беженцев, но советнику не следовало об этом знать.

«Управление по борьбе с наркотиками сообщает из Сайгона Чарли Маршалл повт МАРШАЛЛ заявлен полет в Баттам-банг ориентировочное время прибытия 19:30 завтра через Пай-линь… переоборудованный „DC-4 Карвер", опознавательные знаки „Индочартер" в полетном листе заявлен разнообразный груз… заявлено продолжение полета в Пномпень».

Джерри прочитал время и дату передачи, и на него ураганом налетел гнев. Он вспомнил, как вчера обошел весь Бангкок, вспомнил сегодняшнюю безрассудную поездку на такси с Келлером и девушкой, сказал: «Господи Боже» – и швырнул письмо обратно на стол.

– И давно оно лежит у вас? Это будет не завтра. Это было сегодня вечером!

– К несчастью, наш хозяин не мог устроить прием раньше. У него очень насыщенная светская жизнь. Желаю удачи.

Рассерженный не меньше Джерри, американец без слов взял записку, сунул в карман пиджака и удалился наверх, к жене, которая тем временем выражала хозяйке свое восхищение довольно посредственной коллекцией краденых изображений Будды.

Джерри остался один. Упал реактивный снаряд, на этот раз очень близко. Свечи погасли. Казалось, безумие этой призрачной, словно придуманной Гилбертом (Уильям Шненк Гилберт (1836-1911) – английский драматург. Автор либретто к опереттам, созданным в содружестве с композитором А.Салливаном в период 1871-1896 гг.) войны расколет ночное небо на куски. В бессмысленную перестрелку вступили автоматы. Крошечный полупустой кабинет с кафельным полом гремел и звенел, как комната шумов на студии звукозаписи.

Внезапно все прекратилось, город опять погрузился в тишину.

– Что-то не так, дружище? – добродушно спросил советник, появляясь в дверях. – Американец чем-то вас обидел? Похоже, они нынче хотят править миром в одиночку.

– Мне нужно быть на месте через шесть часов, – сказал Джерри.

Советник не понял. Джерри объяснил ему, как они работают, и торопливо вышел в ночь.

– У вас есть машина, дружище? Вон туда. Иначе вас пристрелят. Идите осторожнее.

Он быстро шагал по улице, подгоняемый раздражением и гневом. Комендантский час давно наступил. Не горели ни звезды, ни уличные фонари. Луна тоже исчезла. Скрип резиновых подошв преследовал его, как невидимый незваный попутчик. Свет падал только из-за ограды дворца по другую сторону дороги, но до Джерри не долетал ни один лучик. Здание дворца было отрезано от мира высокой стеной, увенчанной колючей проволокой, на фоне черного безмолвного неба поблескивали бронзой стволы легких зенитных орудий. Небольшими группами дремали молодые солдаты, когда Джерри проходил мимо них, зазвенел гонг начальник караула будил часовых. Транспорт не ходил. Между постами часовых длинными колоннами прямо на мостовой расположились на ночлег беженцы. Одни кутались в куски коричневого брезента, другие сколотили себе деревянные койки; кое-кто готовил ужин на крошечных кострах, но одному Богу было известно, где они раздобыли еду. Некоторые сидели кружком, глядя друг на друга. На повозке, запряженной быками, лежали девочка и мальчик – дети примерно того же возраста, какой была Кэт, когда он видел ее в последний раз. Из сотен беженцев никто не издавал ни звука; отойдя подальше, Джерри обернулся, чтобы посмотреть, не исчезли ли они. Если они и были там, то темнота и безмолвие полностью скрыли их. Он вспомнил праздничный ужин. Это происходило словно в другой стране, в другой вселенной. Джерри был чужим в этом мире, хотя каким-то образом вносил свой вклад в общую катастрофу.

" Н е з а б ы в а й т е, м а н д а т у н а с. Н а ш а п о с т е л ь е щ е н е о с т ы л а ".

Непонятно, отчего по всему телу заструился пот. Ночной воздух не навевал ни малейшей прохлады. Тьма дышала жаром так же, как день. Впереди, в городе, наугад рванул шальной реактивный снаряд, потом еще два. Они выползают на рисовые поля, пока город не окажется в пределах досягаемости их орудий, подумал он. Стоят в стороне, держась за обрубки водосточных труб и за свои бомбы, лотом выпускают снаряды и сломя голову удирают в джунгли. Дворец остался у него за спиной. Батарея дала залп, на секунду все кругом озарила яркая вспышка, и он наконец разглядел, куда идет. Он шагал по широкому бульвару и изо всех сил старался держаться ближе к середине. Время от времени с геометрической правильностью сбоку от него открывались проемы боковых улиц. Задрав голову, он смог даже различить на фоне бледнеющего неба верхушки деревьев. Один раз мимо протарахтел велорикша. Он торопливо выскочил из-за поворота, врезался в бордюрный камень, потом выровнялся. Джерри хотел было окликнуть его, но предпочел идти пешком и дальше. Из темноты его неуверенно, осторожным шепотом окликнул мужской голос:

– Bon soir? Monsieur? Bon soir? (Добрый вечер? Месье? Добрый вечер? (ф р.))

Часовые стояли по одному или по два через каждые сто метров, обеими руками сжимая карабины. Их шепот долетал до Джерри, словно приглашая подойти, и Джерри, проходя мимо них, благоразумно держал руки подальше от карманов. Некоторые из них при виде огромного потного европейца смеялись и махали ему. Другие останавливали его дулом пистолета и при свете велосипедных фонарей внимательно разглядывали и задавали вопросы, чтобы поупражняться во французском. Кое-кто требовал сигареты, он давал. Уэстерби стянул промокший пиджак и до пояса расстегнул рубашку, но воздух все равно не приносил прохлады. Джерри опять встревоженно подумал, не схватил ли он лихорадку и не придется ли ему, как прошлой ночью в Бангкоке, метаться на кровати, скорчившись в темноте и норовя вышибить кому-то мозги настольной лампой.

Появилась луна, закутанная в пену облаков. Гостиница в ее лучах напоминала неприступную крепость. Он приблизился к стене, ограждавшей сад, обошел ее слева, под деревьями, и повернул еще раз. Перебросил пиджак через стену и с трудом взобрался сам. Миновав лужайку, подошел к лестнице, распахнул дверь в вестибюль и отшатнулся, вскрикнув от отвращения. В вестибюле стояла непроглядная тьма, только единственный луч луны освещал огромный блестящий сверток, внутри которого, как личинка внутри куколки, притаилось смуглое человеческое тело.

– Vous desirez, monsieur? (Что угодно, месье?) – тихо спросил чей-то голос.

Это был всего лишь сторож: он спал в гамаке, закутавшись в противомоскитную сетку.

Слуга протянул ему ключ и записку и без слов принял чаевые. Джерри щелкнул зажигалкой и при ее свете прочел: «Дорогой, я в двадцать восьмом номере, и мне одиноко. Приходи. Л.»

Чем черт не шутит, подумал он. Может быть, это поможет ему снова собраться и стать самим собой. Он поднялся на третий этаж, забыв, до чего она банальна, вспоминая лишь о ее длинных ногах и о том, как подскакивал ее зад, когда она пробиралась по колее на берегу реки; о ее глазах василькового цвета и о том, с какой чисто американской степенностью она залезала в яму, он донельзя истосковался по человеческой ласке. Какого черта он должен заботиться о Келлере? Жить – значит обнимать кого-нибудь. Может быть, ей тоже страшно. Он постучал в дверь, подождал и толкнул.

– Лоррейн? Это я, Уэстерби.

Никакого ответа Он кинулся к кровати, вдруг осознав, что здесь совсем не ощущается запаха женщины, не пахнет даже пудрой или дезодорантом. По дороге он при свете луны увидел до боли знакомые голубые джинсы, тяжелые ботинки и потрепанную портативную пишущую машинку «Оливетти», почти такую же, как у него.

– Подойди еще на шаг, и закон определит это как изнасилование, – проговорил Люк, распечатывая бутылку, стоявшую на туалетном столике.

Друзья Чарли Маршалла

Джерри переночевал на полу в номере Люка и вышел незадолго до рассвета. Он взял с собой пишущую машинку и сумку, хотя полагал, что ни то ни другое ему не понадобится. Келлеру он оставил записку с просьбой дать Стаббсу телеграмму о том, что он едет в глубинку и продолжит там писать статью об осажденной стране. После ночи, проведенной на полу, болела спина, после бутылки – голова.

Люк, по его словам, приехал сюда послушать стрельбу: бюро отпустило его отдохнуть от Большого Му. К тому же Джейк Чиу, вспыльчивый домовладелец, в конце концов вышвырнул его из квартиры.

– Уэстерби, я лишился крова! – вскричал он и принялся расхаживать по комнате, голося: «Лишился крова»; наконец Джерри, не выдержав, снял с кольца запасной ключ от гонконгской квартиры и швырнул ему. Хотелось откупиться от Люка и немного поспать, к тому же в стену уже стучали соседи.

– Пока я не вернусь, – предупредил он. – Потом выметайся. Понял?

Джерри спросил его, что слышно о деле Фроста. Люк давно все забыл, и Джерри пришлось напомнить. А, это, оказал он. О том самом Фросте. Ну, поговаривают, он был невежлив с Триадами, и лет через сто окажется, что это правда, ну а пока кому до него какое дело?

Но даже после этого сразу уснуть не удалось. Они обсудили планы на завтра. Люк напрашивался с Джерри везде, куда ему нужно. Осточертело подыхать со скуки одному, утверждал он. Лучше обоим напиться и подцепить парочку шлюх. Джерри ответил, что Люку придется подождать и они еще не скоро вместе выйдут под закатное солнышко, потому что весь день он проведет на рыбалке и поедет туда один.

– И какую же рыбку ты будешь ловить, дьявол тебя побери? Если наклевывается какая-то история, поделись со мной. Кто тебе за просто так отдал Фроста? Куда бы ты ни пошел, с Братцем Люки там станет еще прекраснее! Разве есть на свете местечко, куда нельзя взять и меня?

– Да сколько хочешь, – неблагодарно ответил Джерри и постарался уйти потихоньку, чтобы не разбудить Люка.

Сначала он пошел на рынок и съел там порцию супа по-китайски, прогулялся, изучая киоски и витрины магазинов. Он остановил свой выбор на молодом индийце, который продавал всего лишь пластиковые ведра, бутылки для воды и метлы, но выглядел при этом весьма процветающе.

– А еще чем торгуешь, приятель?

– Сэр, я продаю все что угодно всем джентльменам. Они завели хитроумный торг. Ни тот ни другой не говорили напрямик. Нет, уверял Джерри, ему нужно не то, что курят, и не то, что глотают, и не то, что нюхают, и не что-нибудь для запястья. И нет, благодарю, при всем уважении к вашим очаровательным сестрам, кузинам и юношам вашего круга, обо всех остальных своих потребностях Джерри давно позаботился.

– Тогда вам можно позавидовать, сэр, вы самый счастливый человек на свете.

– Н а с а м о м д е л е мне нужно кое-что для друга, – сказал Джерри.

Индиец внимательно огляделся по сторонам и отбросил притворство.

– Этот друг вам в з а п р а в д у д р у г, сэр?

– Не совсем.

Они наняли велорикшу. У индийца был дядя, который на серебряном рынке торговал изображениями Будды, а у дяди была задняя комната, запирающаяся на крепкие замки и

засовы. За тридцать американских долларов Джерри приобрел изящный коричневый автоматический «вальтер» и двадцать патронов к нему. Да, подумал он, садясь в коляску велорикши, гувернеры из Саррата упали бы в глубокий обморок. Во-первых, как они выражались, из-за недостаточной маскировки, что считалось тягчайшим преступлением. Во-вторых, они свято верили в несусветную чушь, что мелкое огнестрельное оружие приносит больше неприятностей, нежели пользы. Но если бы Джерри попытался переправить свой гонконгский «уэбли» через таможню в Бангкок и потом в Пномпень, с ними случился бы просто истерический припадок, так что, на взгляд Джерри, они легко отделались, потому что, какую бы доктрину они себе на эту неделю не выдумали, он все равно не пойдет нагишом на дело, которое ему предстоит.

Самолета на Баттамбанг в аэропорту не оказалось; впрочем, самолетов там не было никогда и никуда. По взлетно-посадочной полосе с ревом приземлялись и взмывали серебристые реактивные лайнеры из рисового каравана; после ночного обстрела восстанавливали земляные укрытия. Джерри смотрел, как на грузовиках подвозят землю и кули лихорадочно наполняют ею ящики из-под боеприпасов. В следующей жизни, решил он, – я займусь продажей песка в осажденные города.

В зале ожидания Джерри разыскал стайку стюардесс. Они пили кофе и смеялись. Он подошел к ним и завязал непринужденный разговор. Высокая девушка, говорившая по-английски, ненадолго задумалась, а потом исчезла с его паспортом и пятью долларами в кармане.

– C'est impossible, – в один голос уверяли они, дожидаясь ее возвращения. – C'est tout occupe (Это невозможно. Все места заняты).

Девушка вернулась с сияющей улыбкой.

– Наш пилот о ч е н ь впечатлителен, – сказала она. – Если вы ему не понравитесь, он вас не возьмет. Но я показала ему вашу фотографию, и он согласился surcharger (Взять перегрузку). Ему разрешено брать на борт только тридцать одного personne (Человека) но он берет и вас, он не обращает внимания на неприятности, он сделает это ради дружбы, если вы дадите ему тысячу пятьсот риелей.

Самолет был пуст на две трети. Пробоины от пуль в крыльях сочились, как не перевязанные раны.

В те дни Баттамбанг был самым безопасным городом в обломках тонущего архипелага лонноловских владений, последней надеждой и опорой пномпеньского режима. Целый час они тарахтели над районами, которые, как предполагалось, кишели «красными кхмерами», но не видели ни души. Пока они кружили, с рисовых полей раздался ленивый выстрел. Летчик сделал пару символических витков, чтобы избежать попадания, но Джерри было не до того. Он старался заметить до посадки как можно больше наземных ориентиров; где расположены стоянки самолетов, какие взлетно-посадочные полосы используются гражданскими самолетами, а какие – военными; а вон там огорожен колючей проволокой пятачок складов. После приземления их окружил дух пасторального изобилия. Вокруг артиллерийских огневых позиций росли цветы, в воронках от снарядов копошились куры, воды и электричества было в достатке, однако телеграмма до Пномпеня шла целую неделю.

Теперь Джерри действовал очень осторожно. Чутье, подсказывающее, что надо состряпать маскировку понадежнее, говорило в нем сильнее, чем прежде. Д о с т о п о ч т е н ны й Д ж е р а л ь д У э с т е р б и, н а е м н ы й п и с а к а в ы с ш е г о к л а с са, д о к л а д ы в а е т о б э к о н о м и к е с т р а н ы, н а х о д я щ е й с я в о с а д е. «Когда дорастешь до моего уровня, приятель, начнешь понимать, что для всего, что ты делаешь, нужно иметь уйму веских причин». Джерри, если говорить на жаргоне, «пустил дымовую завесу». В справочном

бюро под присмотром нескольких молчаливых мужчин он спросил адреса лучших отелей в городе и записал парочку, а сам тем временем внимательно изучил расположение самолетов и зданий. В аэропорту он блуждал от одного окошка к другому, расспрашивая, каким образом можно по воздуху переправить в Пномпень сводку новостей, но никто не имел об этом ни малейшего понятия. Не прекращая осторожной рекогносцировки, он принялся размахивать кредитной карточкой для оплаты телеграмм и расспрашивать, где расположен дворец губернатора, давая понять, что у него к высокопоставленному лицу чрезвычайно важное дело. Он уже заработал репутацию самого именитого репортера, когда-либо посещавшего Баттамбанг. Тем временем он заметил расположение дверей, помеченных «Для экипажа» и «Посторонним вход воспрещен», местонахождение мужских комнат, и позже, оставшись один, сумел набросать приблизительный план всего вестибюля, особо отметив на нем выходы на огороженную проволокой территорию летного поля. Напоследок он выспросил, кто из летчиков может сейчас находиться в городе. Он, дескать, дружит кое с кем из них, поэтому, если возникнет необходимость, он просто-напросто попросит кого-нибудь переправить сводку новостей. Стюардесса назвала ему несколько имен из общего списка, а Джерри тем временем осторожно перевернул страницу и прочитал весь список до конца. В списке был указан рейс компании «Индочартер», но имени пилота не значилось.

– А что, капитан Андреас все еще летает в «Индочартер»?

– Le Capitaine qui, monsieur? (Какой капитан, месье? (ф р.))

– Андреас. Мы обычно звали его Андре. Такой невысокий, всегда ходил в темных очках. Летал в Кампонгчем.

Она покачала головой. В «Индочартер» летали только капитан Маршалл и капитан Рик, сказала она, но капитан Рик разбился. Джерри не проявил интереса к этой новости, но мимоходом выяснил, что «карвер» капитана Маршалла должен вылететь сегодня днем, так значится в сводке, полученной вчера ночью, но свободного пространства для груза нет, все занято, самолеты компании «Индочартер» всегда летают с полной загрузкой.

– Не знаете, где я могу его найти?

– Капитан Маршалл никогда не летает по утрам, месье. Он сел в такси и поехал в город. Лучший отель оказался блохастой развалюхой на главной улице. Улица была узкая и вонючая, типичный центр азиатского города, растущего на волне экономического подъема. Шум стоял оглушительный, гудели едва ползущие «хонды», раздраженно проталкивались сквозь толпу «мерседесы» недавно разбогатевшей верхушки. Не выходя из образа, он снял номер и заплатил вперед, включая «особые услуги», которые означали не что иное, как чистые простыни взамен тех, на которых отпечатались следы предыдущих постояльцев. Таксисту он велел вернуться через час. По привычке он сохранил квитанцию. Джерри принял душ, переоделся и вежливо выслушал коридорного, который рассказал, как нужно влезать в здание после наступления комендантского часа, потом вышел на улицу позавтракать. Было еще только девять утра.

Пишущую машинку и сумку он взял с собой. Других европейцев видно не было. Встречались плетельщики корзин, торговцы кожей, продавцы фруктов, и, разумеется, как всегда, повсюду на мостовой лежали те же бутылки ворованного бензина, ожидая, пока в них попадет снаряд. На дереве висело зеркало. В нем он увидел, как зубной врач вытаскивает зуб у пациента, привязанного к высокому креслу. Зуб с красным корнем был торжественно прицеплен на нитку, знаменовавшую итог дневной работы. Джерри демонстративно записал все эти подробности в блокнот, как и подобает ревностному репортеру, освещающему бытовые темы. В уличном кафе, потягивая холодное пиво со свежей рыбой, он не спускал глаз с обшарпанной конторы под вывеской «Индочартер» на другой стороне улицы и ждал, пока кто-нибудь придет и откроет дверь. Никто не появлялся. «Капитан Маршалл никогда не летает по утрам, месье». В аптеке, специализировавшейся на продаже детских велосипедов, он купил

рулон лейкопластыря и у себя в номере приклеил вальтер слева подмышкой – так было гораздо удобнее, чем подвешивать его к поясу. Снарядившись таким образом, неустрашимый журналист отправился создавать себе дополнительную маскировку – иногда в понимании оперативных агентов это означает всего лишь добровольное подтверждение законности своего существования, особенно если тучи начинают сгущаться.

Губернатор жил на окраине города, в доме с верандой и воротами во французском колониальном стиле, и содержал секретариат численностью в семьдесят человек. Огромный бетонный вестибюль вел в приемную, которую никак не могли достроить, и в несколько небольших кабинетов в дальнем углу, в одном из этих кабинетов Джерри, прождав минут пятьдесят, удостоился чести предстать перед крошечной фигуркой чрезвычайно напыщенного камбоджийца в черном костюме, который был поставлен Пномпенем, чтобы отваживать излишне назойливых корреспондентов. Говорили, что он сын генерала и управляет баттамбангским отделением семейного опиумного бизнеса. Письменный стол для него был чересчур велик. Вокруг слонялись несколько человек обслуживающего персонала чрезвычайно сурового вида. На одном из них была форма, усеянная орденскими лентами. Джерри попросил дать ему подробную информацию о положении в стране и в ответ получил перечень сладчайших мечтаний: дескать, коммунистический враг почти разгромлен; серьезно обсуждается восстановление дорожной сети всей страны, туризм в провинциях бурно развивается. Сын генерала говорил медленно, на превосходном французском, и видно было, что ему очень нравится слушать самого себя: во время речи он полузакрыл глаза и улыбался, словно слушал любимую музыку.

– В заключение, месье, осмелюсь сделать вашей стране серьезное предупреждение. Вы американец?

– Англичанин.

– Это все равно. Передайте своему правительству следующее, сэр. Если вы не окажете нам помощь в битве с коммунистами, мы обратимся к русским и попросим их занять в нашей борьбе место, принадлежавшее вам.

Ой, мамочки, подумал Джерри. Ох ты, Боже мой. Вот напугал-то.

– Я передам им ваше послание, – пообещал он и собрался уходить.

– Un instant, monsieur (Одну минутку, месье), – резко бросил высокопоставленный чиновник, и дремавшие телохранители встрепенулись. Он открыл ящик стола и достал внушительную папку. Завещание Фроста, подумал Джерри. Мой смертный приговор. Марки для писем к Кэт.

– Вы писатель?

– Да.

Вот Ко до меня и добрался. Сегодня отправят в полицейский участок, а завтра я там проснусь с перерезанным горлом.

– Вы учились в Сорбонне, месье? – спросил чиновник.

– В Оксфорде.

– Оксфорд. Это тот, что в Лондоне?

– Да.

– Значит, вы читали великих французских поэтов, месье?

– С огромным удовольствием, – пылко ответил Джерри. Приближенные взирали на него мрачнее некуда.

– Тогда, может быть, месье окажет мне честь и выскажет свое мнение о следующих стихах. – Коротышка-чиновник, плавно жестикулируя, начал читать на блестящем французском:

Deux amants assis sur la terre Regardaient la mer *<Двое любовников сидели на земле И смотрели на море (фр.)>*

Так начинались эти стихи. Дальше шло еще строк двадцать, столь же невыносимых. Джерри слушал, ничего не понимая.

– Voila, – произнес наконец чиновник и отложил папку. – Vous l'aimez? (Вот. Вам нравится? (ф р.)) – спросил он, уставившись куда-то вконец комнаты.

– Superbe, – с энтузиазмом ответил Джерри. – Merveilleux (Великолепно. Чудесно (ф р.)). Сама чувственность.

– Как вы думаете, чьи они?

Джерри наугад назвал первое пришедшее в голову имя.

– Ламартин?

Высокопоставленный чиновник покачал головой. Присутствующие сверлили Джерри глазами.

– Виктор Гюго? – рискнул Джерри.

– Это мои, – скромно признался сочинитель и со вздохом положил стихи обратно в ящик стола. Приближенные уселись поудобнее. – Следите, чтобы этот высокообразованный литератор ни в чем не нуждался, – приказал он.

Джерри вернулся в аэропорт. Там царила чудовищная неразбериха. По подъездной дороге, как в разоренном муравейнике, туда и сюда сновали «мерседесы», на привокзальной площади мигали сигнальные огни, трещали мотоциклы, завывали сирены. Он с трудом протолкался сквозь кордоны охранников; вестибюль был битком набит перепуганным народом. Люди сражались за место возле доски объявлений, орали друг на друга и прислушивались к трубному гласу громкоговорителей. Джерри проложил себе дорогу к справочному бюро – оно оказалось закрытым. Вспрыгнул на стойку и сквозь щель в противоосколочном щите увидел летное поле. По пустой полосе к белым мачтам, на которых в неподвижном воздухе повисли национальные флаги, рысцой бежал взвод вооруженных солдат. Они приспустили два знамени; громкоговоритель в вестибюле прервал передачу и проревел несколько тактов национального гимна. Джерри высматривал в бурлящем море голов человека, с которым можно было бы поговорить. Неподалеку стоял худощавый рыжеволосый миссионер в очках; к карману его коричневой рубашки был приколот пятнадцатисантиметровый серебряный крест. Возле него с потерянным видом околачивалась пара камбоджийцев в высоких жестких воротничках.

– Vous parlez francais? (Вы говорите по-французски? (ф р.))

– Да, но я говорю и по-английски!

Делал он это правильно и мелодично. Датчанин, догадался Джерри.

– Я журналист. Что здесь за кутерьма? – Он кричал что было сил.

– Пномпень закрыт, – проревел в ответ миссионер. – Самолеты не взлетают и не садятся.

– Почему?

– Красные кхмеры разбомбили в аэропорту склад боеприпасов. Город закрыт по крайней мере до утра.

Снова забормотал громкоговоритель. Двое священников прислушались. Они тихо переводили; чтобы расслышать их, миссионер согнулся чуть ли не пополам.

– Они нанесли огромный– ущерб и повредили полдюжины самолетов. О да! Полностью вывели их из строя. Власти также подозревают саботаж. Возможно, кто-то будет посажен в тюрьму. Слушайте, как им пришло в голову устроить склад боеприпасов в аэропорту? Это же самое опасное место. Какой в этом смысл?

– Хороший вопрос, – согласился Джерри.

Он принялся продираться обратно. Основной план уже провалился – так всегда проваливались все его основные планы. Дверь с надписью «Только для членов экипажа» охранялась парой очень серьезно настроенных полицейских, и он понял, что в столь сложной обстановке ему не удастся проникнуть внутрь ни силой, ни хитростью. Толпа напирала в сторону выхода для пассажиров. Там задерганный персонал ни у кого не принимал посадочных талонов, а измочаленные полицейские едва отбивались от записок с требованием разрешить проход, выдаваемых важным персонам именно для защиты от полиции. Пришлось отдаться на волю людской реки. У ее берегов группа французских торговцев с воплями требовала возмещения убытков, а старики, умудренные жизнью, готовились ночевать в аэропорту. Середина потока бурлила и обменивалась свежими слухами. Толпа безостановочно несла вперед. Добравшись до кордона, Джерри осторожно вынул карточку для оплаты телеграмм и перелез через наспех сколоченный барьер. На той стороне его встретил надменный взгляд лоснящегося старшего полицейского в хорошо подогнанном мундире; его подчиненные сражались с толпой. Размахивая сумкой, Джерри направился прямо к нему и сунул ему под нос телеграфную карточку.

– Securite americaine (Американская служба безопасности (ф р.)). – прорычал Уэстерби на ужасающем французском и, рявкнув на двух служащих у вращающихся дверей, вышел на бетонированную дорожку, спиной ожидая или оклика, или предупредительного выстрела, а возможно – в этой накаленной атмосфере все возможно – и не предупредительного. Он шагал с сердитым видом, как человек, облеченный властью, и в лучших сарратских традициях, чтобы отвлечь внимание, размахивал сумкой. Впереди – до них оставалось от силы шестьдесят метров, потом расстояние сократилось до пятидесяти – стояли в ряд учебно-тренировочные одномоторные военные самолеты без опознавательных знаков. Позади, на огороженной площадке, размещались грузовые склады с номерами от девятого до восемнадцатого, а позади складов Джерри заметил ангары и самолетные стоянки; на каждой двери чуть ли не на всех языках, кроме китайского, было написано: «Вход воспрещен». Джерри дошел до учебно-тренировочных самолетов и с командирским видом зашагал вдоль строя, словно проводил инспекцию. Их удерживали на месте кирпичи, привязанные проволокой. Джерри помедлил, но не остановился, раздраженно пнул кирпич кожаным ботинком, дернул за элерон и покачал головой. Слева, с позиции, защищенной мешками с песком, на него лениво взирал расчет зенитного орудия.

– Qu'est-ce que vous faites? (Что вы делаете? (ф р.))

Джерри полуобернулся, сложил ладони рупором и поднес ко рту.

– Глазею на небо, черт бы вас побрал, – проорал он с образцовым американским акцентом и сердито указал на небо. Потом подошел к высокому забору. Ворота были открыты, склады лежали прямо перед ним. Если он скроется там, его не увидят ни из аэровокзала, ни с диспетчерской вышки. В трещинах разбитой бетонной дорожки рос пырей. Никого не было видно. В длину склады достигали десяти метров, в высоту – более трех, стены были обшиты досками, крыши – устланы пальмовыми листьями. Он дошел до первого строения. Окна прикрывали доски с надписью: «Осколочные бомбы без взрывателей». По другую сторону тянулись ангары, к ним вела утоптанная грунтовая тропинка. В просвет между складами Джерри мельком заметил на стоянке раскрашенные, как попугаи, грузовые самолеты.

– А вот и ты, – вслух пробормотал Уэстерби, выбираясь из-за складов с безопасной стороны. Прямо перед ним, как на ладони, словно первый враг, встреченный после многомесячного перехода, стоял потрепанный «DC-4 Карвер» серо-голубого цвета. Он припал к искрошенной полосе, как толстая лягушка. Носовой конус был откинут. С обоих двигателей правого борта густым черным дождем стекало дизельное масло. Возле грузового люка, покуривая и то и дело сверяясь с описью, наблюдал за погрузкой высокий тощий китаец в морской фуражке с военной кокардой. Туда и сюда носились с тюками два кули, третий работал возле допотопного автопогрузчика. Прямо у его ног с нахальным видом копошились в пыли

куры. На фюзеляже ярко-алыми буквами, пламенеющими на фоне блеклых скаковых цветов Джейка Ко, сияла надпись «ОЧАРТ». Остальные буквы исчезли во время ремонта.

" О, Ч а р л и – н е с о к р у ш и м, о н п р о с т о б е с с м е р т е н / Ч а р л и М а р ш а л л, м и с т е р Т и у, э т о ф а н т а с т и ч е с к о е с у щ е с т в о, н а п о л о в и н у к и т а е ц, в е с ь с о с т о и т и з к о ж и, к о с т е й и о п и у м а и п р и э т о м в е л и к о л е п н ы й л е т ч и к… "

Хорошо бы это оказалось правдой, с содроганием подумал Джерри, глядя, как кули один за другим через открытый нос кидают тюки в потрепанное брюхо самолета.

" П о ж и з н е н н ы й С а н ч о П а н с а п р е п о д о б н о г о Р и к а р д о, в а ш а с в е т л о с т ь, – говорил Кро, уточняя описание, которое дала Лиззи. – Н а п о л о в и н у к и т а е ц, к а к и с о о б щ а л а н а м д р а ж а й ш а я л е д и, г о р д ы й в е т е р а н м н о ж е с т в а н и к о м у н е н у ж н ы х в о й н ".

Джерри и не пытался скрыться, он остался стоять на месте, помахивая сумкой и виновато улыбаясь: извините, мол, англичанин заблудился. Теперь казалось, что грузчики-кули ринулись к самолету сразу с нескольких сторон; их было уже не двое, а куда больше. Джерри повернулся к ним спиной и беспечно зашагал вдоль складов, как только что шагал мимо строя учебно-тренировочных самолетов, как шел по коридору к комнате, где лежал Фрост. Он заглядывал в щели между досками, но видел лишь валявшиеся кое-где разбитые ящики. " В о з о б н о в л я е м а я к о н ц е с с и я н а п о л е т ы и з Б а т т а м б а н г а с т о и т п о л м и л л и о н а а м е р и к а н с к и х д о л л а р о в ", – говорил Келлер. Кто при такой цене платит за косметический ремонт? Склады кончились, он оказался возле четырех армейских грузовиков, доверху загруженных фруктами, овощами и ненадписанными джутовыми мешками. Они стояли задним бортом к самолету, на боках красовались знаки артиллерийских дивизионов. По два солдата в каждом грузовике передавали кули джутовые мешки. Было бы разумнее поставить грузовики на бетонную полосу поближе к самолету, но сейчас каждый предпочитал поступать по собственному усмотрению. " А р м и я л ю б и т в о в с е с о в а т ь н о с, – говорил Келлер. – В о е н н о – м о р с к о й ф л о т с к о л а ч и в а е т м и л л и о н ы н а к о н в о я х в н и з п о М е к о н г у, в о е н н о – в о з д у ш н ы е с и л ы т о ж е н е п л о х о у с т р о и л и с ь : н а б о м б а р д и р о в щ и к а х в о з я т ф р у к т ы, в е р т о л е т ы в м е с т о р а н е н ы х в ы т а с к и в а ю т и з о с а ж д е н н о г о г о р о д а б о г а т ы х к и т а й ц е в. С о л д а т ы ж е т о р ч а т т а м, к у д а и х з а б р о с я т, а в е д ь и м т о ж е х о ч е т с я к у ш а т ь. В о т а р м и и и п р и х о д и т с я к р у т и т ь с я, ч т о б ы з а р а б о т а т ь н а к у с о к х л е б а ".

Джерри уже подошел к самолету довольно близко и слышал визгливый голос Чарли Маршалла, отдававшего команды грузчикам-кули.

Снова потянулись склады. У номера восемнадцатого были двустворчатые двери. На дереве зеленой краской было намалевано «Индочартер». Буквы с любого расстояния напоминали китайские иероглифы. Внутри, в полумраке, на земляном полу сидела на корточках пара крестьян-китайцев. Возле них лежала связанная свинья, она положила голову на обутые в шлепанцы ноги старика. Остальное их имущество составлял длинный тростниковый тюк, тщательно перевязанный веревкой. Не исключено, что в нем лежал труп. В одном углу стоял кувшин с водой, рядом с ним – две чашки с рисом. Больше в бараке ничего не было. "Добро пожаловать в зал транзитных пассажиров авиакомпании «Индочартер», подумал Джерри. Пот струился ручьями. Он пристроился к цепочке грузчиков и вместе с ними приблизился к Чарли Маршаллу. Тот все так же пронзительно кричал на кхмерском и трясущейся рукой вносил в опись каждый загружаемый тюк.

Он был одет в замасленную белую рубашку с короткими рукавами. В военно-воздушных силах любой другой страны золотых полосок на его эполетах хватило бы на звание генерала. Спереди к рубашке были приколоты две американские боевые нашивки, на груди сверкала изумительная коллекция орденских лент и коммунистических красных звезд. На одной нашивке было написано «Убей коммуниста ради Христа», на другой – «Христос в душе был капиталистом». Он стоял, опустив голову, лицо скрывалось в тени от огромной морской фуражки, свободно болтавшейся на ушах. Джерри подождал, пока он поднимет глаза. Грузчики вопили на Джерри, поторапливая его, но Чарли Маршалл упрямо смотрел вниз. Он что-то подсчитал, внес в опись и яростно рявкнул на кули.

– Капитан Маршалл, я журналист, пишу статью для лондонской газеты о вашем друге Рикардо, – торопливо проговорил Джерри. – Я хотел бы слетать с вами в Пномпень и по дороге задать несколько вопросов.

При этих словах он положил поверх описи томик «Кандида», из которого осторожно выглядывали три стодолларовые купюры. Если вы хотите, чтобы человек посмотрел в одну сторону, говорили в Сарратской школе иллюзионистов, укажите ему в другую.

– Мне говорили, вы любите Вольтера, – сказал Джерри.

– Я никого не люблю, – пронзительным фальцетом отрезал Чарли Маршалл, не сводя глаз с описи. Фуражка съехала еще ниже, закрыв лицо. – Я ненавижу весь род людской, слышите? – Он изрыгал проклятья с переливчатыми китайскими модуляциями, но манера ругаться была, несомненно, франко-американской. – Господи Иисусе, я до чертиков ненавижу человечество! Пусть лучше оно поторопится и само разнесет себя на куски, а не то я лично куплю парочку бомб и живо с ним разделаюсь!

Речь пропала даром, слушатели исчезли. Не успел он закончить, как Джерри уже одолел половину стальной самолетной лестницы.

– Вольтер ни черта не знал! – завизжал он на следующего кули. – Он сражался не на этой чертовой войне, слышите? Положи это туда, черномазая уродина, и бери другой тюк! Depeche-toi, cretin, oui? (Поторапливайся, кретин, слышишь? (ф р.))

Но он все-таки запихнул томик Вольтера в задний карман мешковатых брюк.

Внутри самолет оказался темным, прохладным и просторным, как собор. Кресла убрали, к стенкам привинтили зеленые дырчатые полки, словно собранные из детского «конструктора». С потолка свисали туши свиней и цесарок. Остальной груз был сложен в проходе, начинавшемся прямо от хвоста. Это не вселило в Джерри надежды на благополучный взлет. Груз состоял из фруктов, овощей и джутовых мешков с надписями «Зерно», «Рис», «Мука», которые Джерри заметил в армейских грузовиках. Буквы были огромными, чтобы их без труда смог прочитать самый неграмотный агент по борьбе с наркотиками, хотя въедливый запах дрожжей и черной патоки, заполнявший грузовой отсек, не требовал пояснений. Часть мешков уложили в кружок, чтобы освободить место для пассажиров, попутчиков Джерри. Главными из них казались два аскетичных китайца, одетых в дешевые серые костюмы. Они были такими одинаковыми и держались с таким суровым превосходством, что Джерри сразу отнес их к специалистам в какой-нибудь области. Они напомнили ему подрывников и радистов, которых он когда-то от случая к случаю переправлял через границу и обратно, не получая за это никакой благодарности. Рядом с ними, уважительно отодвинувшись, сидели, курили и уплетали рис из чашек четверо вооруженных до зубов горцев. Джерри догадался, что они принадлежат к народности мео или к одному из племен шань, живущих у северной границы, где командовал армией отец Чарли Маршалла; они держались непринужденно, и Джерри понял, что они летают с Чарли не в первый раз. Отдельным классом располагалось высшее общество: полковник артиллерии собственной персоной, любезно предоставивший транспорт

и войсковой эскорт, и его приятель, старший офицер таможенной службы, без которого вообще ничего бы не получилось. Они сидели в проходе, царственно развалясь на специально принесенных стульях, и важно наблюдали за погрузкой. Оба, как и было положено, облачились в парадную форму.

На борту был еще пассажир. Он в одиночестве притаился на вершине груды ящиков в самом хвосте, чуть не упираясь головой в потолок, и Джерри никак не удавалось его разглядеть. Он единолично владел бутылкой виски и даже собственным стаканом. На голове была шляпа в стиле Фиделя Кастро, лицо обрамляла окладистая борода. На его смуглых руках сверкали золотые цепочки, которые в те дни все (кроме тех, кто их носил) называли браслетами ЦРУ – предполагалось, что человек, попавший в беду во враждебной стране, может купить себе свободу, продавая эти цепочки звено за звеном. Но в его глазах, внимательно рассматривавших Джерри поверх хорошо смазанного ствола АК-47, застыл жесткий блеск. «Он меня засек у самого носового конуса, – подумал Джерри. – Взял на мушку, как только я отошел от склада».

Двое китайцев – повара, в порыве вдохновения предположил он; поварами в среде посвященных называли химиков. Келлер говорил, что авиакомпании класса «Эйр Опиум» имеют обыкновение перевозить сырой полуфабрикат и очищать его в Пномпене, но при этом у них бывает масса хлопот, потому что трудно уговорить специалистов приезжать и работать на осажденной территории.

– Эй, ты! Вольтер!

Джерри быстро пробрался к краю грузового отсека и выглянул. У подножия лестницы стояли старики крестьяне Чарли Маршалл вырывал у них свинью и одновременно подталкивал старуху вверх по стальной лестнице.

– Когда она поднимется, ты ее подхвати, слышь? – окликнул он Джерри, обхватив руками свинью. – Если она свалится и расшибет задницу, с этими паршивцами у нас будет уйма хлопот. Ты вроде как герой по наркотикам, а, Вольтер?

– Нет.

– Так хватай ее крепче, слышишь?

Старуха начала карабкаться по лестнице. Пройдя несколько ступенек, она начала ворчать – Чарли дал ей хорошего пинка в зад и заорал по-китайски, ухитрившись при этом не выпустить из-под мышки свинью. Ее муж влез следом за ней, Джерри подхватил их обоих. Наконец из конуса появилась забубЈнная головушка самого Маршалла. Джерри впервые разглядел его лицо, хотя оно и оставалось полускрыто фуражкой: смуглое, худое, с сонными китайскими глазами и большим французским ртом; когда он кричал, губы изгибались самым невероятным образом. Он втолкнул свинью, Джерри подхватил визжащую извивающуюся тварь и передал старикам крестьянам. Наконец, как паук из водосточной трубы, внутрь вползла костлявая фигура Чарли. Таможенник и артиллерийский полковник сразу встали, отряхнули мундиры и проворно двинулись по проходу к скрывающемуся в тени человеку в шляпе а-ля Кастро. Тот сидел на корточках на груде мешков. Приблизившись, они замерли в почтительном ожидании, как церковные служки, подносящие к алтарю пожертвования от прихожан.

Сверкнули золотые браслеты, рука опустилась раз, потом другой, и воцарилась благоговейная тишина: счастливчики пересчитывали банкноты в пачках, остальные взирали на них. Шагая почти в ногу, они вернулись к лестнице, где с полетным листом ждал их Чарли Маршалл. Таможенник подписал его, артиллерийский полковник одобрительно прочитал, оба отдали честь, спустились по лестнице и скрылись из виду. Носовой конус задрожал и почти закрылся, Чарли Маршалл наградил его пинком, заткнул щель какой-то циновкой, быстро перелез через ящики и по внутреннему трапу поднялся в кабину. Джерри вскарабкался следом за ним, уселся в кресло второго пилота и принялся про себя перечислять все выпавшие на его долю невзгоды.

«У нас почти пятьсот тонн перегрузки. Утечка масла. С нами летит вооруженный телохранитель. Нам запрещено взлетать. Нам запрещено садиться. В Пномпеньском аэропорту яма величиной с Бекингэмшир. От нас до спасения полтора часа полета над территорией „красных кхмеров‟, и если мы кому-то из них не понравимся, шпион-виртуоз Уэстерби будет схвачен со спущенными штанами и с двумя сотнями джутовых мешков опиума-сырца за спиной».

– Ты знаешь, как управлять этой штуковиной? – прокричал Чарли Маршалл и пощелкал шеренгой заплесневелых переключателей. – Ты вроде как великий воздухоплаватель, а, Вольтер?

– Ненавижу все это.

– Я тоже.

Чарли схватил мухобойку и отвесил тяжелый шлепок по огромной мухе, жужжавшей у ветрового стекла; потом один за другим запустил двигатели. Допотопный самолет трясся и гремел, как лондонский автобус, отправляющийся в последний рейс на Клапамский холм. Затрещало радио. Маршалл оторвался от рычагов, чтобы кратко послать по адресу контрольно-диспетчерский пункт, сначала на кхмерском, потом, в лучших авиационных традициях, на английском. На пути к дальнему концу взлетно-посадочной полосы они проехали мимо двух огневых позиций. Джерри все время ждал, что не в меру усердные орудийные расчеты вот-вот откроют огонь по самолету. Он с благодарностью вспомнил армейского полковника с грузовиками и порадовался, что ему вовремя дали взятку. Влетела еще одна муха, на сей раз мухобойкой завладел Джерри. Самолет, казалось, совсем не набирал скорость. Стрелки половины приборов указывали на ноль, поэтому ничего нельзя было сказать наверняка. Грохот шасси по полосе, казалось, перекрывал даже рев двигателей. Джерри вспомнил шофера, старого Самбо, который отвозил его в школу: медленно, но неотвратимо продвигались они по Западному объездному пути сначала в Слоу, потом в Итон.

Двое горцев подошли, чтобы поглазеть на потеху, и хохотали, запрокинув головы. Прямо на них, подскакивая, летела небольшая пальмовая рощица, а шасси самолета все еще находились на земле. Бравый капитан Маршалл с отсутствующим видом потянул рычаг управления на себя и убрал шасси. Джерри так и не понял, поднялся ли у самолета нос. Ему опять вспомнилась школа, соревнования по прыжкам в длину. Тогда он испытал то же самое чувство – ты не взлетаешь, но уже и не на земле. Он ощутил толчок и услышал, как зашелестели листья – брюхо самолета задело верхушки деревьев. Чарли орал на самолет, приказывая ему подниматься в этот чертов воздух. Прошла целая вечность, а они никак не могли набрать высоту. «Карвер», хрипя, завис на высоте нескольких метров над извилистой дорогой, неотвратимо карабкавшейся на гряду холмов. Чарли Маршалл попросил Джерри подержать штурвал, а сам закурил сигарету; штурвал в руках Джерри брыкался, как живой. Капитан снова взял управление на себя и, войдя в плавный вираж, направил самолет к самой низкой точке гряды. Он перевалил через хребет и, следуя тем же курсом, описал полный круг. Джерри посмотрел вниз на коричневые крыши, на реку и аэропорт и прикинул, что они поднялись более чем на триста метров. По мнению Чарли Маршалла, эта высота была самой удобной для перелетов. Он наконец снял фуражку и с видом человека, успешно справившегося с тяжелой работой, налил из бутылки, стоявшей на полу, большой стакан шотландского виски. Внизу собирались сумерки, коричневый цвет земли медленно переходил в розовато-лиловый.

– Благодарю, – сказал Джерри, принимая бутылку. – Думаю, мне тоже не повредит.

Джерри начал разговор с легкой болтовни – если возможно вести легкую болтовню, когда приходится кричать во весь голос.

– "Красные кхмеры" только что взорвали склад боеприпасов в аэропорту! – прокричал он. – Он закрыт для взлета и посадки.

– Правда? – Впервые с той минуты, как Джерри познакомился с ним, Чарли Маршалл оживился и выглядел довольным.

– Говорят, вы с Рикардо были хорошими друзьями.

– Мы бомбили все подряд. Уничтожили половину рода людского. Мы видели больше мертвых, чем живых. В Долине Кувшинов, в Дананге, нас считают такими героями, что, когда мы погибнем, Иисус Христос лично спустится на вертолете и выудит нас из джунглей.

– Говорят, Рик знал толк в бизнесе.

– Еще бы! Лучше всех! Знаешь, сколько оффшорных компаний было у нас с Рикардо? Шесть. У нас были фонды в Лихтенштейне, корпорации в Женеве, на нас работал управляющий банком на Голландских Антильских островах, и даже юристы, Господи. И как ты думаешь, сколько у меня теперь денег? – Он похлопал себя по заднему карману. – Ровно триста американских долларов. Чарли Маршалл и Рикардо вместе истребили половину рода людского, будь он проклят. Никто не дал нам ни копейки. Мой отец истребил вторую половину и загреб кучу денег. Рикардо всегда придумывал какие-то сумасшедшие планы. Как тогда, с гильзами. Господи. Мы собирались платить туземцам, чтобы они собрали все снарядные гильзы в Азии, хотели продавать их для следующей войны! – У него на носу повисла капля, он с крепким французским ругательством утер ее. – Или латекс! Мы хотели выкрасть весь латекс в К а м п о н г ч е м е ! Мы летали в Кампонгчем, раздобыли большие вертолеты с красными крестами. И что мы там делали? Вывозили этих проклятых раненых. Стой смирно, сволочь такая, слышь? – Последние слова относились к самолету. Джерри заметил в носовом конусе длинный ряд пулевых пробоин, кое-как залатанных. В голову пришла нелепая мысль: " О т к р ы в а т ь з д е с ь ". – Или человеческие волосы. Мы собирались сделать на них миллионы. Все туземные девчонки в деревнях отращивают длинные волосы, мы хотели состригать их и переправлять в Бангкок на парики.

– А кто заплатил за Рикардо его долги, чтобы он смог летать для «Индочартер»?

– Никто!

– Кто-то говорил, что их заплатил Дрейк Ко.

– Я никогда не слышал имени Дрейк Ко. На смертном одре я скажу отцу и матери: ублюдок Чарли, генеральское отродье, никогда не слышал о Дрейке Ко!

– Что такого особенного сделал Рикардо для Ко, чтобы тот заплатил его долги?

Чарли Маршалл отхлебнул виски прямо из бутылки и протянул ее Джерри. Стоило ему снять костлявые руки со штурвала, как они начинали жестоко трястись, из носа непрерывно текло. Джерри спросил себя, сколько трубок в день он выкуривает. Он знавал одного корсиканца, родом из Алжира, владельца отеля в Л у а н г п р а б а н г е, которому для нормальной ежедневной деятельности требовалось шестьдесят. К а п и т а н М а р ш а л л н и к о г д а н е л е т а е т п о у т р а м, вспомнил он.

– Американцы всегда торопятся, – пожаловался пилот, качая головой. – Знаешь, почему нам приходится тащить это барахло в Пномпень? Потому что всем невтерпеж. Все хотят скорее пострелять. А покурить им некогда. Вот и заводятся с пол-оборота. Если хочешь истребить род людской, на это нужно время, слышь?

Джерри попытался начать еще раз. Один из четырех двигателей заглох, зато другой взвыл, словно у него сломался глушитель, и приходилось кричать еще громче, чем раньше.

– За что Рикардо получил эти деньги? – повторил он.

– Слушай, Вольтер, я не люблю политики, я всего лишь вожу контрабандный опиум, ясно? Хочешь политики, ступай вниз и поговори с этими придурками шанами. «Политику нельзя есть. С политикой нельзя переспать. Политику нельзя выкурить», – говорил он моему отцу.

– Кто говорил?

– Дрейк Ко говорил моему отцу, отец сказал мне, а я говорю всему треклятому роду человеческому! Дрейк Ко вроде как философ, слышь?

Самолет по ему одному ведомым причинам начал падать, пока не оказался метрах в шестидесяти над рисовыми полями. Они увидели деревню и горящие костры. Люди отчаянно побежали к деревьям, и Джерри всерьез засомневался, заметил ли Чарли Маршалл, что случилось. Но тот, как опытный наездник, в последнюю минуту наклонился, натянул поводья и заставил лошадь вскинуть голову. Оба выпили еще виски.

– Ты хорошо его знал?

– Кого?

– Ко.

– Никогда в жизни не встречал, Вольтер. Хочешь говорить о Дрейке Ко, ступай к моему отцу. Он тебе перережет глотку.

– А как насчет Тиу? Кстати, что это за пара со свиньей? – прокричал Джерри, чтобы поддержать разговор, пока Чарли еще раз отхлебывал из бутылки.

– Из народности хо, из Чнангмая. Волнуются о своем паршивце-сыне в Пномпене. Думают, он там голодает, вот и везут свинью.

– Так как насчет Тиу?

– Я никогда не слышал о мистере Тиу, слышишь?

– Рикардо видели в Чиангмае три месяца назад, – проорал Джерри.

– Это точно, Рик последний дурень, – с чувством произнес Маршалл. – Рику надо бы держаться подальше от Чиангмая, а то его там живо пристрелят. Раз прикинулся мертвым, сиди и помалкивай в тряпочку, слышь? Я ему говорил: «Рик, ты мой партнер. Держи рот на замке, а голову в кармане, или кому-то захочется до тебя добраться».

Самолет вошел в дождевую тучу и сразу же начал быстро терять высоту. Дождь струился по фюзеляжу и проникал в окна. Чарли Маршалл щелкнул какими-то переключателями, из-под приборной панели раздался короткий писк, и зажглась пара сигнальных огоньков, но потушить их не удалось никакими ругательствами. К удивлению Джерри, они снова начали набирать высоту, хотя в густом облаке он не мог точно определить угол подъема Он оглянулся, пытаясь сориентироваться, и, оказалось, как раз вовремя: он успел заметить, как по лестнице из кабины в салон спускается, держа автомат АК-47 за ствол, темнокожий казначей в шляпе от Фиделя Кастро. Они поднялись еще выше, дождь кончился, теперь их, как и всю страну, окутывала ночь. Внезапно наверху замелькали звезды: самолет скакал по залитым лунным светом расселинам в верхушках облаков. Они поднялись выше, облака исчезли совсем, Чарли Маршалл надел фуражку и объявил, что отныне оба двигателя правого борта не принимают никакого участия в игре. В этот миг, переведя дух, Джерри задал свой самый сумасшедший вопрос.

– Так где сейчас Рикардо, приятель? Знаешь, хочу его найти. Обещал газете перемолвиться с ним. Не могу же я разочаровать их, правда?

Сонные глаза Маршалла почти закрылись. Он сидел, наполовину погрузившись в транс, положив голову на спинку сиденья, козырек фуражки закрывал нос.

– Что ты сказал, Вольтер? Ты вообще что-то сказал?

– Где сейчас Рикардо?

– Рик? – повторил Чарли, поглядев на Джерри со странным интересом. – Ты спрашиваешь, где Рикардо, Вольтер?

– Именно так, приятель. Так где он? Я бы хотел с ним кое-что обсудить. Вот для чего три сотни баксов. Если найдешь время нас познакомить, будет еще пятьсот.

Маршалл внезапно встрепенулся. Он вытащил из кармана томик «Кандида» и швырнул на колени Джерри, а сам разразился яростной речью:

– Я понятия не имею, где Рикардо, и знать не хочу, слышь? Мне никаких друзей не надо. Если я увижу этого психа Рикардо, я ему прямо на улице яйца отстрелю, слышь? Он мертв. Так пусть и остается мертвым, пока совсем не сдохнет. Он на каждом углу твердит, что его убили. Могу я хоть раз в жизни поверить этому подонку!

Он со злостью направил самолет прямо в облако и опустился навстречу ленивым вспышкам пномпеньских артиллерийских батарей. В темноте, которая казалась Джерри угольно-черной, Маршалл совершил идеальную посадку на три колеса. Джерри ожидал, что силы наземной обороны встретят их автоматным огнем, что самолет кувыркнется носом в громадную воронку, но вместо этого перед ним предстало всего лишь новенькое заграждение из тех же ящиков из-под патронов, наполненных землей. Они едва не налетели на еле освещенную стенку. Когда они выруливали, перед ними появился коричневый джип, на задней дверце которого мигал зеленый фонарь, словно кто-то вручную включал и выключал его. Самолет выкатился на траву. Возле самого заграждения притулилась пара зеленых грузовиков, несколько человек, сбившись в кучу, кого-то поджидали, тревожно взирая на их самолет. Позади, в глубокой темноте, различались очертания двухмоторного спортивного самолета. Они остановились, и Джерри тотчас же услышал, как, открываясь, заскрипел под кабиной носовой конус, как лязгнула вслед за ним железная лестница, услышал перекликающиеся голоса. Все высадились так быстро, что он даже удивился. Но он услышал и еще один звук, от которого кровь застыла у него в жилах. Он быстро спустился по трапу в салон самолета.

– Рикардо! – закричал он. – Стой! Рикардо!

Но в самолете осталась только крестьянская семья со свиньей и длинным свертком. Он ухватился за стальную лестницу и соскочил вниз, ударившись спиной о бетонную дорожку. Джип с китайцами-поварами и их шанским телохранителем уже отъехал. Джерри помчался вперед и заметил, что джип едет к открытым в ограждении летного поля воротам. Он пролетел сквозь них, часовые захлопнули ворота и опять заняли свои места. К «карверу» уже сбегались грузчики в шлемах. Показались два грузовика с полицейскими, и Джерри, идиот-ковбой в душе, на мгновение предположил, что они действительно хотят кого-то задержать, но потом сообразил, что это всего лишь почетный караул по-пномпеньски, охраняющий трехтонный груз опиума. Но основное его внимание было направлено только на одного человека: высокого бородача в шляпе от Фиделя Кастро с АК-47. Тот, сильно хромая, спускался по стальной лестнице, и резиновые подошвы его летных ботинок выстукивали сбивчивый ритм, то громче, то тише. Джерри следил за ним. Его ждал небольшой «Бичкрафт» с распахнутой дверцей, двое из членов наземной команды были готовы помочь ему подняться. Когда Джерри приблизился, они потянулись к винтовкам, но Рикардо знаком отстранил их. Он повернулся и посмотрел на Джерри. На секунду они встретились глазами. Джерри упал, Рикардо вскинул автомат, и за считанные мгновения перед Джерри промелькнула вся его жизнь – от рождения до этой минуты. Над изрытым войной летным полем просвистели пули. Когда Джерри снова поднял голову, огонь прекратился, Рикардо был уже в самолете, а его помощники убирали из-под самолета тормозные колодки. «Бичкрафт» рванулся навстречу вспышкам, а Джерри со всех ног ринулся к самому темному участку ограждения, пока кто-нибудь еще не решил, что его присутствие мешает нормальной работе.

П р о с т о р а з м о л в к а д в у х в л ю б л е н н ы х, сказал он себе, сидя в такси. Он обхватил руками голову и пытался утихомирить отчаянную дрожь в груди. Вот что получается, когда пытаешься заигрывать с бывшим возлюбленным Лиззи Уэрдингтон.

Где-то неподалеку упал реактивный снаряд, но он и головы не повернул.

Он дал Чарли Маршаллу два часа, хотя считал, что и одного слишком много. Комендантский час уже начался, но с наступлением темноты дневные неурядицы не кончились. На всем пути к отелю «Пном» часовые с автоматами на изготовку останавливали транспорт для проверки. На площади перед собравшейся толпой при свете факелов орали друг на друга два человека. Дальше на бульваре войска оцепили ярко освещенный дом; солдаты, прислонившись к стене, держали пальцы на спусковых крючках. Таксист сказал, что тайная полиция кого-то здесь арестовала. Полковник и его люди еще оставались внутри вместе с арестованным, которого подозревали в агитации. Во дворе перед отелем стояли танки. У себя в спальне Джерри обнаружил Люка. Тот лежал на кровати и с довольным видом потягивал виски.

– Вода есть? – спросил Джерри.

– Угу.

Он открыл воду в ванной и начал раздеваться, но вдруг вспомнил о вальтере.

– Отметился? – спросил он.

– Угу, – снова сказал Люк. – И ты тоже.

– Это как?

– Я велел Келлеру дать Стаббси телеграмму за твоей подписью.

– Рассказ про аэропорт? Люк протянул ему листок.

– Добавил немного красок в твоем духе, О том, как на кладбищах распускаются цветы. Стаббси от тебя в восторге.

– Что ж, спасибо.

В ванной Джерри отклеил пистолет и сунул в карман пиджака, так до него будет легче добраться.

– Куда идем сегодня вечером? – крикнул Люк через закрытую дверь.

– Никуда.

– Как так – никуда?

– У меня свидание.

– С женщиной? – Да.

– Возьми с собой Люки. Займемся любовью втроем. Джерри с наслаждением погрузился в тепловатую воду.

– Нет.

– Позвони ей. Скажи, пусть приведет девочку для Люки. Слушай, здесь внизу та шлюха из Санта-Барбары. Я не гордый. Я могу ее привести.

– Не надо.

– Ради Бога, – завопил Люк, не на шутку рассердившись. – Какого черта? – Вне себя от злости, он подошел прямо к запертой двери.

– Приятель, слезь с моего горба, – посоветовал Джерри. – Честно. Ты мне нравишься, но ты на свете не единственный, ясно? Так что отвали.

– Колючку тебе в штаны. – Люк надолго замолчал. – Смотри, чтоб тебе по пути башку не отстрелили, приятель, ночка сегодня бурная.

Когда Джерри вернулся в спальню, Люк лежал на кровати, сжавшись в комок в позе зародыша, смотрел в стену и все время прикладывался к бутылке.

– Знаешь, ты хуже, чем баба, – сказал ему Джерри, оглядываясь из дверей.

Через мгновение эта детская перебранка могла бы забыться, если бы в дальнейшем все не обернулось куда как серьезно.

На этот раз Джерри не стал звонить у ворот, а просто залез на стену, порезав при этом руки о битое стекло, которым был усеян ее гребень Он не пошел к парадному входу и не стал лицезреть смуглые ноги на нижней ступеньке. Вместо этого он остановился в саду, подождал, пока утихнет шорох его приземления, и напряг глаза и уши, пытаясь уловить в огромной вилле признаки жизни. Перед ним темнели очертания массивного Дома, за которым пряталась луна.

Во двор въехал автомобиль с потушенными фарами, из него вылезли две небольшие фигурки. Они держались тихо. Скорее всего, это камбоджийцы. Они нажали на кнопку звонка, у входной двери прошептали в щелку заветный пароль. Их немедленно, без единого слова, пропустили. Джерри попытался прикинуть планировку дома. Он не понимал, почему ни возле дома, ни в саду не ощущается никаких запахов, по которым можно было бы о чем-то догадаться. Ветра не было. Он знал, что для больших к у р и л е н, секретность жизненно необходима, не только потому, что закон предусматривает для их хозяев суровое наказание, но и потому, что любого, кто о них знал, могли подкупить.

Вилла была двухэтажной, с внутренним двором, на крыше возвышалась дымовая труба. В таком доме мог бы с удобством жить французский к о л о н и с т в окружении небольшой семьи из наложниц и детей-полукровок. В кухне налажено производство, догадался он. Самое безопасное место для курения, несомненно, наверху, в комнатах, выходящих во внутренний двор. А так как из парадной двери не доносится никаких запахов, курильни, скорее всего, находятся в задней части дома, а не спереди и не в боковых крыльях.

Стараясь не шуметь, он подошел к дощатому забору, отделявшему задний двор. В палисаднике буйно цвели цветы и ползучие растения. Он полез наверх. Первой ступенькой послужило забранное решеткой окно, второй – водосточная труба, третьей – широкий раструб вытяжного вентилятора. Возле него он и ощутил запах, который ожидал: теплый, сладкий, манящий. На балконе было темно, однако в лучах луны можно было рассмотреть двух камбоджийских девушек, сидевших на корточках. Они заметили его силуэт на фоне неба и испуганно замерли. Он знаком велел им встать на ноги и пошел за ними в ту сторону, откуда доносился запах. Обстрел прекратился, хозяевами ночи стали гекконы. Он вспомнил, что камбоджийцы, слушая, сколько раз пискнут эти ящерки, любят загадывать: будет завтра счастливый день или нет; найду ли я невесту завтра, а если нет – то послезавтра? Девушки были совсем молоденькие; должно быть, они ждали, пока клиенты пришлют за ними. Возле тростниковой двери они замешкались и печально оглянулись. Джерри сделал знак, и они принялись откидывать в сторону циновку за циновкой, пока на балкон не проник тусклый, слабый, как свеча, свет. Он шагнул в курильню, подгоняя перед собой девушек.

Комната, в которую он попал, когда-то, вероятно, служила спальней хозяина; с ней соединялась другая, поменьше. Он положил руку на плечо одной из девушек. Другая покорно следовала за ними. В первой зале лежало двенадцать клиентов, одни мужчины. Кое-где между ними, что-то нашептывая, лежали девушки. Клиентам прислуживали босоногие кули. Они с величайшей осторожностью переходили от одного неподвижного тела к другому, нанизывали на иглу травяной шарик, поджигали его и клали поперек трубки клиента; тот глубоко затягивался, шарик сгорал. Тихим шепотом велись задушевные разговоры, время от времени тихо журчал приветливый смех. Джерри узнал благоразумного швейцарца, которого встречал на ужине у советника. Он беседовал с толстым камбоджийцем. К Джерри никто не проявил ни

малейшего интереса. Девушки, подобно орхидеям в многоквартирном доме Лиззи Уэрдингтон, были знаком того, что у него есть право пребывать здесь.

– Мне нужен Чарли Маршалл, – тихо произнес Джерри.

Кули указал на следующую комнату. Джерри отпустил девушек, те проворно ускользнули. Вторая комната оказалась меньше первой. В углу лежал Чарли Маршалл, над ним, готовя трубку, склонилась китаянка в изысканно расшитом чьонгсаме. Джерри предположил, что она живет в этом доме, а Чарли Маршалл получает особое обслуживание, потому что он постоянный клиент и поставщик. Джерри встал на колени по другую сторону от него. Из дверей за ним наблюдал высокий старик. Девушка с трубкой в руках тоже смотрела на него.

– Чего тебе нужно, Вольтер? Почему ты не оставишь меня в покое?

– Немного прогуляемся, приятель. Потом вернешься. Джерри взял его за руку и с помощью девушки осторожно поднял на ноги.

– Сколько он выкурил? – спросил он девушку. Она показала три пальца.

– А сколько обычно выкуривает? – продолжил Джерри.

– Гораздо больше, – был ответ.

Сначала Чарли шел покачиваясь, но, когда они добрались до балкона, у него появились силы сопротивляться, поэтому Джерри подхватил его поперек туловища и понес по деревянной лестнице во внутренний двор, как пострадавшего на пожаре. Из парадной двери ему вежливо кивнул старик, ухмыляющийся кули открыл ворота, ведущие на улицу, оба явно были благодарны Джерри за то, что он проявил столько такта. Они прошли метров пятьдесят и вдруг заметили, что по дороге прямо на них, завывая и размахивая палками, как байдарочными веслами, несутся двое парней-китайцев. Джерри поставил Чарли Маршалла на землю, но продолжал крепко держать его левой рукой. Правой Джерри встретил первого нападавшего, отразил палку и вполсилы ударил его двумя костяшками пальцев чуть ниже глаз. Парень убежал, его товарищ за ним. Джерри подхватил Маршалла и пошел с ним к реке. Стояла непроглядная тьма. Он, как куклу, усадил его на берег, поросший сухой травой.

– Вольтер, ты хочешь вышибить мне мозги?

– Опиум, приятель, сделает это лучше меня, – ответилДжерри.

Джерри нравился Чарли Маршалл; будь мир устроен лучше, он с удовольствием провел бы с ним вечер в к у р и л ь н е и выслушал историю его искалеченной, но все-таки необыкновенной жизни. Но сейчас ему приходилось безжалостно сжимать в кулаке тонкую руку Чарли Маршалла, чтобы в его пустую голову не пришло желание удрать; он предполагал, что Чарли, если почувствует себя прижатым к стенке, может бегать очень быстро. Джерри полулежал на левом боку, опираясь на локоть, точно так же, как когда-то возлежал, наслаждаясь бездельем, в доме старушки Пэт, и прижимал к земле запястье Чарли Маршалла, распростертого на спине, С реки, плескавшейся метрах в десяти у них под ногами, доносился тихий говор: по серебряной лунной дорожке, как длинные опавшие листья, проплывали сампаны. В небе со всех сторон время от времени сверкали вспышки орудийного огня – это какой-нибудь усталый командир батареи давал всем знать о своем существовании. С гораздо более близкого расстояния то и дело доносился резкий треск – это отвечали «красные кхмеры», но все эти звуки лишь ненадолго прерывали визгливую перебранку гекконов, и снова наступала глубокая тишина. При свете луны Джерри взглянул на часы, потом посмотрел на бессмысленное лицо Маршалла и попытался прикинуть, сильно ли этому опиоману хочется курить. Будто кормишь ребенка, подумал он. Если Чарли всегда курил по ночам и спал по утрам, то скоро ему захочется еще. Все лицо его истекало странной влагой. Она сочилась из крупных пор, из раскрытых глаз, из сопливого носа, медленно стекала по глубоким морщинам и скапливалась во впадинах.

– Господи, Вольтер. Рикардо мой друг. У него масса умных мыслей. Ты бы послушал его, Вольтер. Послушал, какие у него идеи.

– Ладно, – согласился Джерри. – Обязательно послушаю.

– Вольтер, они хорошие ребята, слышь? Мистер Тиу… и Дрейк Ко. Они не хотят никому вреда, просто хотят вести дела. У них есть кое-что на продажу, они нашли, кому это продать! Очень просто! Никто не разбивает собственную чашку для риса. Почему тебе нужно завалить все дело? Ты ведь неплохой парень. Я видел, ты нес свинью старика, правда? Где это видано, чтобы белый нес свинью узкоглазого? Но, Господи, Вольтер, ты из меня это вытянул, и теперь они тебя убьют, потому что мистер Тиу человек деловой и большой философ, слышишь? Они убьют меня, убьют Рикардо, убьют тебя, истребят весь род людской, будь он проклят!

Артиллерия открыла заградительный огонь, и на сей раз джунгли ответили небольшим ракетным залпом, наверное, из шести орудий. Ракеты просвистели над ними, как камни, выпушенные из катапульты. Через несколько минут откуда-то из центра города послышались взрывы. Затем наступила тишина. Не слышалось ни рева пожарных машин, ни даже сирены «скорой помощи».

– Почему они должны убить Р и к а р д о ? – спросил Джерри. – Что он сделал?

– Вольтер! Рикардо мой друг! А Дрейк Ко – друг моего отца! Они как братья. Лет двести пятьдесят назад эти старики вместе сражались на какой-то паршивой войне в Шанхае, ясно? Я ходил к отцу. Я говорил: "Отец, ты должен меня полюбить. Перестань звать меня паучьим отродьем и скажи своему доброму другу Дрейку Ко, чтобы он отвязался от Рикардо. Ты ему скажешь: «Дрейк Ко, этот Рикардо и мой Чарли, они как мы с тобой. Они братья, как мы. Они вместе учились летать в Оклахоме, вместе истребляют род людской. И они хорошие друзья. Это так». А отец меня терпеть не может, ясно?

– Вот оно что.

– Но он все-таки послал Дрейку Ко длинное личное письмо.

Чарли Маршалл глубоко вдохнул, потом еще и еще раз, словно в его узкой груди не умещалось достаточно воздуха.

– Эта Лиззи. Женщина. Лиззи, она сама пошла к Дрейку Ко. С очень личным делом. Она ему сказала: «Мистер Ко, выдолжны отвязаться от Рика». Здесь, Вольтер, дело очень тонкое. Мы должны крепко держаться друг за друга, иначе все загремим под откос, слышь? Вольтер, отпусти меня. Умоляю! Умоляю ради Христа, je m'abime (Я конченный человек (ф р.)). слышь? Все, больше ничего не знаю!

Джерри слушал его невнятное бормотание, смотрел, как тот теряет силы, потом вспыхивает, снова сникает и снова оживляется, но уже не так бурно, и понимал, что присутствует при последних мучительных судорогах человека, который не желает предавать друга. Ему хотелось медленно вести Чарли в нужном направлении и дать его мыслям свободно перескакивать с предмета на предмет. Сложность заключалась в том что он не знал, скоро ли у Чарли начнется то, что происходит со всеми наркоманами. Он задавал вопрос, но часто казалось, что Чарли его не слышит. Иногда он, наоборот, отвечал на вопросы, которых Джерри не задавал. А иногда механизм замедленного действия выдавал ответ на вопрос, о котором Джерри давно забыл. Как говорили инквизиторы в Саррате, сломанный человек опасен тем, что он, чтобы купить вашу любовь, платит деньги, которых у него нет. Но несколько долгих минут Чарли не мог заплатить ничего.

– Дрейк Ко никогда в жизни не ездил во Вьентьян! – внезапно завопил Чарли. – Вольтер, ты рехнулся! Чтобы такая важная шишка, как Ко, ехал в какой-то занюханный азиатский городишко? Дрейк Ко – это философ, Вольтер! Тебе за этим парнем нужно следить в оба! – В понятии Чарли Маршалла все были философами, или, по крайней мере, все, кроме него самого. – Во Вьентьяне никто о Ко и не слышал! Слышь, Вольтер?

В другой раз Чарли Маршалл горько заплакал, схватил Джерри за руку и принялся сквозь всхлипы расспрашивать, был ли у Джерри отец.

– Да, приятель, был, – терпеливо отвечал Джерри. – И он, в своем роде, тоже был генералом.

Над рекой, заливая все вокруг изумительным дневным светом, взвились две сигнальные ракеты. Они вдохновили Чарли на воспоминания о трудностях, пережитых в давние дни во Вьентьяне. Он сидел прямо, как стрела, и нарисовал на глине некое подобие домика. Вот здесь жили Лиззи, Рик и Чарли Маршалл, гордо заявил он: а вонючей лачуге на окраине города, в такой паршивой дыре, что оттуда даже гекконы разбежались. У Рика и Лиззи были королевские апартаменты: единственная комната этой лачуги, а в обязанности Чарли входило держаться подальше, платить за жилье и доставать выпивку. Но мысли об их ужасающем экономическом положении вызвали у Чарли еще один приступ рыданий.

– Так на что вы жили, приятель? – спросил Джерри, не надеясь получить ответ. – Продолжай. Все давно кончилось. На что вы жили?

Обливаясь слезами, Чарли поведал, что отец, которого он горячо любил и почитал, выплачивал ему ежемесячное содержание.

– Эта сумасбродка Лиззи, – проговорил Чарли, справившись с горем, – эта сумасбродка Лиззи ездила в Гонконг по делам Меллона.

Кое-как Джерри сумел справиться с собой, чтобы не нарушить ход мысли Чарли.

– Меллона? Кто такой Меллон? – спросил он.

Но от его тихого голоса Чарли сморила дрема, и он принялся играть с глиняным домиком, пририсовав к нему трубу и дым.

– Говори же, черт бы тебя побрал! М е л л о н, М е л л о н ! – орал Джерри прямо ему в лицо, пытаясь напугать Чарли и вызвать ответ. – Кто такой Меллон? Говори же, дохлая развалина! Поездки в Гонконг! – Он поставил Чарли на ноги и встряхнул, как тряпичную куклу, но, чтобы получить ответ, трясти пришлось еще долго.

В продолжение этой процедуры Чарли Маршалл взывал к Джерри, умоляя понять, что значит любить, любить по-настоящему, любить чокнутую белую шлюху и знать, что никогда не получишь ее, даже на одну ночь.

Меллон был гнусным торгашом-европейцем, никто не знал, чем он занимается. Немного тем, немного этим, говорил Чарли. Люди его боялись. Меллон сказал, что может ввести Лиззи в успешное предприятие по торговле героином. «С твоим паспортом и твоим телом, – говорил ей Меллон, – ты можешь разъезжать в Гонконг и обратно, как принцесса».

Исчерпав силы, Чарли рухнул на землю и съежился у дверей нарисованного домика. Джерри сел рядом с ним на корточки и схватил за воротник, стараясь не ушибить.

– Значит, она делала это для него, так, Чарли? Лиззи возила героин для Меллона? – Ладонью он осторожно повернул голову Чарли, так что теперь пустые глаза смотрели прямо на него.

– Лиззи не возила г е р о и н д л я М е л л о н а, Вольтер, – поправил Чарли. – Лиззи возила его д л я Р и к а р д о, Лиззи не любила Меллона. Она любила Рикардо и меня.

Чарли мрачно уставился на свой рисунок и внезапно разразился гнусным хриплым хохотом, оборвав его без всяких объяснений.

– Лиззи, ты все испоганила! – в слезах возопил Чарли, ткнув пальцем в дверь нарисованного домика. – Милая, ты, как всегда, все испоганила! Ты слишком много болтаешь. Почему ты всем говорила, что ты королева Англии? Почему ты всем говорила, что тебе

приходится скрываться? Меллон по тебе сума сходил, Лиззи. Меллон тебя бросил, отшвырнул вверх тормашками. Рик тоже с ума сходил, помнишь? Рик избил тебя в кровь, и мне пришлось среди ночи тащить тебя к врачу, помнишь? Чересчур велик у тебя был рот, слышишь, Лиззи? Ты мне сестра, но у тебя с а м ы й б о л ь ш о й р о т н а сеете!

Был, пока Рикардо не прикрыл его, подумал Джерри, вспомнив шрамы у нее на подбородке Потому что она провалила сделку с Меллоном.

Джерри все еще сидел на корточках возле Чарли и держал его за шиворот. Мир вокруг него исчез, его место занял Сэм Коллинз в машине у подножия Стар-Хайтс, откуда так хорошо виден восьмой этаж. В одиннадцать вечера он читал газету, страницу, где пишут о скачках. Даже взрыв реактивного снаряда неподалеку не смог разогнать леденящее душу видение. Сквозь минометный огонь он слышал голос Кро, нараспев перечислявший преступления Лиззи. Когда денег не хватало, говорил Кро, Рикардо заставлял ее перевозить для него через границу небольшие посылки.

И вот что еще хотел бы он спросить у старика Кро: как еще могли узнать об этом в Лондоне, ваша светлость, если не от самого Сэма Коллинза, он же Меллон?

На три секунды налетел ливень. Он смыл нарисованный на глине домик Чарли Маршалла, и тот пришел в бешенство. Разыскивая его, он вертелся во все стороны, плакал и отчаянно чертыхался. Приступ миновал, и он принялся снова рассуждать об отце, о том, как старик нашел для родного сына работу в некой вьентьянской авиакомпании, хотя Чарли к тому времени, окончательно потеряв терпение, решил навсегда расстаться с небом.

В один прекрасный день генерал, как и Чарли, тоже потерял терпение. Он созвал телохранителей и спустился с Шанских холмов в крошечный опиумный городишко под названием Фанг по ту сторону тайской границы. Там он, как принято у отцов семейства во всем мире, начал упрекать Чарли в мотовстве.

Чарли искусно подражал пронзительному голосу отца и точно так же, как он, по-военному сердито надувал впалые щеки:

– Поэтому для разнообразия займись наконец полезным делом, слышь, к у а й л о, паучье отродье? Прекрати играть на бегах, слышь, прекрати пить и курить опиум. Сними с сисек эти коммунистические звезды и прогони своего мерзкого дружка Рикардо. Перестань транжирить деньги на баб, слышь? Потому что я больше не буду содержать тебя ни одного дня, ни единого часа, паучье ты отродье. Я тебя ненавижу и когда-нибудь убью, потому что ты напоминаешь мне твою мать, корсиканскую шлюху!

Потом генерал, отец Чарли, заговорил о работе:

– К счастью, есть некие добрые господа из Чжучжоу, хорошие друзья моих хороших друзей, слышь, они владеют контрольным пакетом в некой авиационной компании. Я тоже владею несколькими акциями этой компании. По случаю эта компания носит славное название «Индочартер Эвиэйшн». Чего ты смеешься, куайло, обезьяна?! Не сметь надо мной смеяться! Так вот, эти добрые друзья видят, какое мне выпало несчастье иметь вместо сына трехногое паучье отродье, и решили оказать мне услугу и помочь тебе. Я искренне молюсь, чтобы ты свалился с неба и сломал свою поганую шею, к у а й л о !

Вот так Чарли и начал перевозить отцовский опиум для «Индочартер». Поначалу он совершал один-два рейса в неделю, но работа была стабильная, надежная, она ему нравилась. К нему возвратилась выдержка, он стал спокойнее и ощущал неподдельную благодарность по отношению к старику. Он, конечно, пытался уговорить господ из Чиу-Чау взять на работу и Рикардо, но ничего не вышло. Через несколько месяцев они согласились платить Лиззи двадцать долларов в неделю за то, чтобы она сидела в приемной и ласково улыбалась посетителям. Это были золотые деньки, уверял Чарли. Чарли и Лиззи зарабатывали деньги,

Рикардо их тратил на всякие безумные авантюры, все были довольны, вое были при деле. Но однажды вечером, как Немезида, появился Тиу и испортил все. Он явился как раз в тот миг, когда они запирали контору, вырос, будто из-под земли, назвал Чарли Маршалла по имени и представился одним из управляющих бангкокского отделения компании. Из заднего кабинета вышли ребята Чиу-Чау. Они окинули Тиу всего одним взглядом, подтвердили его добрые намерения и испарились.

Чарли прервался, чтобы поплакать у Джерри на плече.

– Теперь слушай меня внимательно, приятель, – воззвал к нему Джерри. – Слушай. Вот эта история мне нравится. Расскажи мне об этом подробнее, и я отведу тебя домой. Обещаю.Н у, п о ж а л у й с т а.

Это был ошибочный ход. Больше не требовалось вытягивать из Чарли слово за словом. Джерри сам стал наркотиком, от которого Чарли Маршалл впал в зависимость. Удерживать его на земле тоже не требовалось. Чарли Маршалл вцепился в грудь Джерри, словно она была последним оплотом в океане его одиночества, их разговор превратился в полный отчаяния монолог. Джерри извлекал из этого монолога полезные для себя сведения, а Чарли Маршалл раболепствовал, умоляя, стонал, требуя, чтобы его мучитель уделял ему внимание, а потом сам же шутил и смеялся сквозь слезы. Ниже по реке при свете сигнальной ракеты лонноловский пулемет, который еще не успели продать «красным кхмерам», дал очередь трассирующими пулями в сторону джунглей. Длинные золотые стрелы вереницей пролетели над водой и, исчезая в лесу, осветили небольшую полянку.

Намокшие от пота волосы Чарли кололи Джерри подбородок. Чарли пускал слюни и бессвязно бормотал.

– Мистер Тиу не хотел говорить в конторе, Вольтер. Ни зачто! Мистер Тиу одевался не очень хорошо. Сразу видно, что Тиу родом из Чиу-Чау, у него таиландский паспорт, как у Дрейка Ко, он приехал во Вьентьян под идиотским именем и выглядел очень, очень плохо. «Капитан Маршалл, – сказал он мне, – хотелось бы вам заработать уйму денег? Для этого нужно выполнять некую интересную и разнообразную работу в те часы, когда вы не заняты в компании. Ну как? Например, совершить для меня некий не совсем обычный полет. Мне говорили, вы чертовски хороший летчик, очень надежный. Вам хотелось бы заработать четыре-пять тысяч долларов за один день, даже меньше, чем за день? Вас лично это привлекает, капитан Маршалл?» «Мистер Тиу, – сказал я ему. – Чарли истерически кричал. – Если это не повредит моему нынешнему положению, мистер Тиу, за пять тысяч американских баксов я для вас спущусь хоть в преисподнюю и принесу оттуда яйца самого дьявола». Мистер Тиу сказал, что он зайдет еще раз и чтобы я держал рот на замке.

Внезапно Чарли снова заговорил голосом отца, он звал себя паучьим отродьем и сыном корсиканской шлюхи. Постепенно до Джерри дошло, что Чарли уже рассказывает следующий эпизод.

Выяснилось, что, как ни удивительно, Чарли никому не говорил о предложении Тиу до того дня, когда снова встретился с отцом. Это случилось в Чиангмае на празднике китайского Нового года Он не сказал ни Рику, ни даже Лиззи, может быть, потому, что у них начали портиться отношения. Рик заводил себе множество женщин на стороне.

Совет генерала не воодушевил его.

– И не вздумай! У этого Тиу слишком высокие связи, это не по плечу чокнутому паучьему отродью вроде тебя, слышишь?Господи Иисусе, где это видано, чтобы уроженец Сватоу давал пять тысяч долларов паршивому отродью, наполовину к у а й л о, чтобы тот тратил время на путешествия?

– Значит, ты передал это дело Рику, так? – быстро спросил Джерри. – Так, Чарли? Ты сказал Тиу: Извини, попытай счастья с Рикардо". Так оно и было, да?

Но Чарли Маршалл уже отключился. Он отвалился от груди Джерри и лежал в грязи, вытянувшись и закрыв глаза, лишь изредка жадно хватая ртом воздух. О том, что жизнь в нем еще теплится, говорили лишь эти судорожные вдохи да бешеное биение пульса под пальцами Джерри.

– Вольтер, – прошептал Чарли. – Клянусь на Библии, Вольтер. Ты хороший человек. Отведи меня домой. Господи, отведи меня домой, Вольтер.

Джерри оглушенно глядел на простертое перед ним искалеченное тело и понимал, что должен задать еще один вопрос, должен, даже если он окажется последним в жизни их обоих. Он склонился и опять поднял Чарли на ноги. После этого на ночной дороге в темноте, пронзаемой бесцельным заградительным огнем, Чарли Маршалл целый час бился у него в руках, визжал, рыдал и клялся в вечной любви, только чтобы Джерри не выпытывал, какие именно меры принял его друг Рикардо, чтобы выжить. Но Джерри втолковывал ему, что без этого тайна не будет раскрыта и наполовину. И Чарли Маршалл, разбитый и отчаявшийся, рыдая, выдавал Джерри самые заветные секреты; может быть, он уловил ход рассуждений Джерри – в городе, который вот-вот будет отдан на милость джунглей, ничего не делается наполовину; разрушать, так уж до конца.

Джерри как можно осторожнее отнес Чарли Маршалла обратно на виллу, на второй этаж, где его с благодарностью приняли те же бессловесные фигуры. «Надо было вытянуть из него побольше, – подумал он. – Надо было и сказать ему больше: я ничего не узнал об их двусторонних грузоперевозках, слишком долго расспрашивая его о Лиззи и Сэме Коллинзе. Я все перевернул вверх ногами, завалил дело не хуже Лиззи». Джерри пытался вызвать в душе сожаление, но оно не приходило. Из рассказа Чарли Маршалла он лучше всего запомнил слова, никак не относящиеся к делу; он печатал послание к дражайшему старине Джорджу, а слова огнем горели в его мозгу.

Прежде чем сесть за машинку, он запер дверь и нацепил пистолет на пояс. Люка нигде не было видно, и Джерри предположил, что тот, обидевшись спьяну на весь свет, пошел в публичный дом. Послание было длинным, самым длинным за всю его карьеру: «Передаю вам все, на случай, если это письмо окажется последним». Он рассказал о том, как вышел на контакт с советником посольства, сообщил, куда направляется дальше, назвал адрес Рикардо, описал Чарли Маршалла, в самых формальных выражениях рассказал о том, как эта троица жила в лачуге, но опустил все, что ему недавно удалось узнать о роли злокозненного Сэма Коллинза. В конце концов, какой смысл им рассказывать, если они сами все знают? Он вычеркнул названия мест и собственные имена, выделил их отдельным списком, потом потратил еще час на то, чтобы зашифровать оба послания простейшим шифром, с которым любой криптограф справится за пять минут, но который, однако, находится выше пределов понимания простых смертных, таких, например, как его хозяин, советник британского посольства. Под конец он напомнил «домоправителям», чтобы те проверили, отправлен ли последний денежный перевод на имя Кэт. Он сжег чистовики, завернул зашифрованные тексты в газету, улегся на нее и задремал, не снимая пистолета. В шесть часов он побрился, переложил шифровку в дешевый роман, с которым не жалко будет расстаться, и пошел прогуляться по утренней прохладе. В у с л о в л е н н о м м е ст е, сразу бросаясь в глаза, стоял автомобиль советника. Сам советник, столь же заметный, как и его машина, сидел, тоже бросаясь в глаза, на террасе симпатичного бистро и отдавал должное горячим круассанам и кофе с молоком. На голове у него красовалась соломенная шляпа, из тех, что носят на Ривьере; увидев ее, Джерри сразу вспомнил о Кро. Заметив Джерри, советник заговорщически помахал рукой. Джерри словно невзначай подошел к нему.

– Доброе утро, – сказал Джерри.

– А, так эта книга у вас?! Вот удача! – вскричал советники вскочил на ноги. – С тех пор как этот роман вышел, мне не терпится его прочитать!

Расставшись с шифровкой, Джерри думал только о тех нюансах, о которых умолчал. Он чувствовал себя как студент в конце семестра, только что сдавший последний экзамен. Он может вернуться, может не возвращаться, но мир никогда не станет прежним.

Точные обстоятельства отъезда Джерри из Пномпеня стали известны позже только благодаря Люку.

Первую половину утра Джерри с настойчивостью одержимого создавал себе прикрытие. Может быть, это было противоядием от охватившей его растерянности – он все сильнее чувствовал себя голым. Он усердно добывал материал для заметок о беженцах и сиротах – в полдень он передал его через Келлера, сопроводив неплохой статьей об обстановке в Баттамбанге; если она и не увидела свет, то, по крайней мере, заняла достойное место в его досье. Там было два лагеря беженцев, и оба процветали; один располагался в огромной гостинице в Бассаке, недостроенном воплощении мечты Сианука о личном рае, другой – на сортировочной станции неподалеку от аэропорта, где в каждом товарном вагоне жило по две-три семьи. Он побывал в обоих лагерях и обнаружил там одно и то же: юные австралийцы героически сражаются с невыносимыми условиями жизни, единственный источник воды загрязнен, дважды в неделю выдается бесплатная пайка риса, дети щебечут ему вслед «привет» и «пока». Он повсюду таскал за собой переводчика-камбоджийца, осыпал всех встречных вопросами, действовал с размахом, отыскивая какую-нибудь особенную черточку, которая растопит сердце старого Стаббси.

В жалкой попытке замести следы он зашел в бюро путешествий и во всеуслышание заказал билеты в Бангкок. Отправляясь в аэропорт, он ощутил внезапный приступ дежа-вю. «Когда я был здесь в прошлый раз, я катался на водных лыжах», – подумал он. Европейские торговцы держат на Меконге плавучие дома. На мгновение он увидел себя и город таким, каким он был в дни, когда камбоджийская война еще обладала неким призрачным простодушием: шпион-виртуоз Уэстерби, впервые в жизни рискнувший встать на монолыжу, скачет, как мальчишка, по коричневой воде Меконга; его тащит на буксире скоростной катер весельчака-голландца, пожирающий столько горючего, сколько любой здешней семье хватило бы на неделю. Самую большую опасность, припомнил он, представляли полуметровые волны, которые прокатывались по реке всякий раз, когда часовые на мосту взрывали глубинную бомбу, чтобы ныряльщики из «красных кхмеров» не взорвали их самих. Но теперь река, как и джунгли, принадлежала врагу. И вскоре, завтра или послезавтра, ему будет принадлежать весь город.

В аэропорту Джерри выбросил вальтер в мусорное ведро и в последний миг, подмазав кого надо, попал на самолет, летевший в Сайгон, – истинное место его назначения. Взлетая, он подумал: интересно, кто проживет дольше – я сам или этот город?

Что касается Люка, то он вылетел в Бангкок, сжимая в кармане ключ от гонконгской квартиры Джерри-точнее, от квартиры Ганса Призывающего Смерть. Судьба распорядилась так, что ему пришлось лететь под именем Джерри, потому что Джерри значился в списке пассажиров, а все остальные места были заняты. В Бангкоке он попал на поспешно созванное совещание бюро, на котором все находившиеся в регионе сотрудники журнала были распиханы по разным углам рассыпающегося вьетнамского фронта. Люку достались Хюэ и Дананг, поэтому на следующий день он тоже вылетел в Сайгон, откуда дневным рейсом должен был отправиться на север.

Вопреки слухам, в Сайгоне они не встречались.

Не встречались они и во время поездки на север.

В последний раз они виделись в тот вечер в Пномпене, когда Джерри наорал на Люка, а тот обиделся. Таковы факты – вещь, которую, как известно, в дальнейшем очень трудно обойти стороной.

Рикардо

Впервые на протяжении всей этой истории Джорджу Смайли было так тяжело сохранять спокойствие, стоя за спиной главных действующих лиц. У всех в Цирке нервы были натянуты до предела Убийственное ничегонеделание и приступы лихорадки, о которых неизменно предупреждали в Саррате, слились воедино. День, не приносивший важных новостей из Гонконга, лишь продлевал агонию. Длинное донесение Джерри было изучено самым доскональным образом и признано сначала сомнительным, а потом невротичным. Почему он не нажал на Маршалла посильнее? Почему не вызвал еще раз русского призрака? Нужно было с пристрастием допросить Чарли о «золотой жиле», нужно было продолжить разговор о Тиу с того места, где они остановились. Разве он забыл, что его главная задача – вселять тревогу и уже только потом добывать информацию? А что касается одержимости этой его дочерью – Боже всемогущий, разве он не знает, во что обходится каждое слово в донесении? (Похоже, все забыли, что по счетам в этом деле платят Кузены.) И что это значит – не вести больше дел со служащими британского посольства, выступающими в качестве доверенных лиц отсутствующего резидента Цирка? Верно, на линии связи произошла задержка, и донесение поступило через Кузенов с опозданием. Но ведь Джерри все-таки следил за Чарли Маршаллом, разве не так? В обязанности оперативного агента никоим образом не входит указывать Лондону, что ему делать, а что нет. «Домоправители», заключившие с ним контракт, намеревались по возвращении дать ему хороший нагоняй.

Но извне на Цирк оказывалось гораздо более жестокое давление. Колониальный отдел под руководством Уилбрахема не сидел сложа руки, да и Комиссия по определению разведывательной политики, совершив пугающий поворот на сто восемьдесят градусов, решила, что губернатор Гонконга должен быть непременно и как можно скорее поставлен в известность об этом деле. Всерьез поговаривали о том, чтобы под благовидным предлогом вызвать его в Лондон. Паника нарастала еще и потому, что Ко снова был принят в Доме правительства Губернатор пригласил его на неофициальный ужин, один из тех, какие устраивают для влиятельных китайцев, чтобы те с глазу на глаз высказали свое мнение.

С другой стороны, Сол Эндерби и сторонники «жесткой линии» придерживались прямо противоположного мнения: «К черту губернатора. Расширить партнерство с Кузенами до конца, и немедленно». Джордж должен с е г о д н я ж е идти к Мартелло, говорил Эндерби, выложить все начистоту и просить их взять на себя последнюю фазу операции. Пора прекратить играть в прятки относительно Нельсона, признать, что все наши возможности исчерпаны, и пусть американцы сами вычисляют, какие выгоды они смогут из этого извлечь; а если они сумеют благополучно завершить это дело, тем лучше: пусть назло недругам требуют признания своих заслуг на Капитолийском холме Этот щедрый и своевременный жест, совершенный в самый разгар поражения во Вьетнаме, приведет, по утверждению Эндерби, к тому, что две разведывательные службы на долгие годы станут надежными партнерами. Этот взгляд разделял и Лейкон, правда, как всегда, он не говорил об этом прямо. Попав под перекрестный огонь, Смайли обнаружил, что заработал две прямо противоположные репутации. Команда Уилбрахема заклеймила его как противника колониальной политики и защитника американских интересов, а люди Эндерби обвиняли его в ультраконсерватизме при налаживании контактов особой важности. Смайли, однако, не оставляла более серьезная мысль: у него создалось впечатление, что отголоски скандала окольными путями дошли до ушей Мартелло и тот сумеет извлечь из них выгоду. Например, источники Молли Микин сообщали о том, что Эндерби и Мартелло установили тесные контакты на личном уровне и связаны они не только с тем, что их дети вместе учатся в лицее в Южном Кенсингтоне. Эти двое взяли обыкновение вместе уезжать на выходные на рыбалку в Шотландию, где Эндерби

владел небольшим озером. Мартелло обеспечивал самолет, говорили шутники, а Эндерби обеспечивал рыбу. Смайли, как всегда не от мира сего, постепенно узнавал то, что все остальные знали с самого начала и думали, что он тоже знает. Третья и последняя жена Эндерби была американкой, богатой американкой. До свадьбы она считалась заметной величиной в светской жизни Вашингтона и с определенным успехом завоевывала такое же положение в Лондоне.

Но подспудная причина для волнений была у всех одна.

В том, что касалось Ко, по большому счету не происходило ничего. Мало того, оперативной информации поступало все меньше. Каждый день в десять часов Смайли и Гиллем являлись во Флигель и каждый раз уходили все более расстроенными. Домашние телефоны и Тиу, и Лиззи Уэрдингтон прослушивались. Магнитофонные ленты проверялись на месте и переправлялись в Лондон для дальнейшей обработки. Джерри устроил допрос Чарли Маршаллу в среду. А уже в пятницу Чарли оправился от потрясения, позвонил из Бангкока Тиу и начал изливать душу, Тиу послушал его секунд тридцать и резко оборвал, дав указание «снова связаться с Гарри прямо сейчас». Это указание привело всех в замешательство: никто не знал никакого Гарри. В субботу же все пришло в движение: «жучок», прослушивавший домашний телефон Ко, обнаружил, что тот отменяет традиционную воскресную игру в гольф с мистером Арпего. Ко ссылался на неотложное деловое свидание. Вот оно! Началось! На следующий день с согласия Смайли гонконгская служба Кузенов для наблюдения приставила к «роллс-ройсу» Ко автофургон, два автомобиля и «хонду». Они следили за ним с той минуты, как он въехал в город. Что за сверхважная тайная встреча должна была состояться в воскресенье в полшестого утра, чтобы ради нее Ко отменил еженедельную игру в гольф? Ответ оказался прост: он нанес визит своему прорицателю, почтенному старцу, уроженцу Сватоу. Тот принимал в обшарпанном храме на боковой улочке неподалеку от Голливуд-роуд. Ко провел у него больше часа, а затем вернулся домой. Ретивый юноша в одном из фургонов Кузенов на протяжении всей встречи старательно нацеливал на окно микрофон направленного действия, но, если не считать транспортного шума, единственными звуками, какие ему удалось записать, было кудахтанье кур в курятнике старика. В Цирк срочно вызвали ди Салиса. По какой такой причине человек, а в особенности миллионер, может отправиться к прорицателю в шесть утра?

Их недоумение привело ди Салиса в восторг. Он радостно взъерошил волосы. Человек такого высокого положения, как Ко, естественно, желает посетить прорицателя первым, рано утром, пока ум великого человека незамутненно воспринимает откровения духов.

После этого пять недель не происходило ничего. Ровным счетом ничего. Проверка почты и прослушивание телефонов регулярно поставляли вагоны неудобоваримого сырья, после обработки которого не удавалось извлечь ни одной полезной ниточки. Тем временем приближался установленный Управлением по борьбе с наркотиками окончательный срок, и тогда Ко станет добычей всякого, кому первому удастся обнаружить что-нибудь против него.

Но Смайли не вешал нос. Он отвергал все обвинения по поводу манеры вести дело, и Джерри, и своей собственной. Дерево потрясли как следует, утверждал он, Ко бежит сломя голову, время покажет, что они правы. Он сопротивлялся всем попыткам вызвать его на решительные жесты в сторону Мартелло и упорно придерживался условий договора, приведенных в письме, копия которого была отдана на хранение Лейкону. Он также отказывался (что дозволялось уставом) обсуждать движущие силы операции, будь то силы Божьи, доводы логики или, точнее, побудительные мотивы самого Ко, за исключением случаев, когда дело касалось вопросов протокола или выдачи мандатов. Он хорошо знал, что такие разговоры, стоит только их начать, обеспечат сомневающихся свежей порцией боеприпасов против него.

Он держался своей тактики пять недель. На тридцать шестой день некие силы, Господни ли, или доводы логики, или, точнее, силы человеческой природы Ко, предоставили ему

весомое, хоть и таинственное, утешение. Ко скрылся в море. В сопровождении Тиу и неизвестного китайца, который позже оказался капитаном, командующим флотилией джонок Ко. Добрых три дня он путешествовал среди окружающих Гонконг островов, отплывая поутру и возвращаясь вечером в сумерках. Куда они ездили – не ведал никто. Мартелло предложил проследить их курс с вертолетов, но Смайли с ходу отверг эту мысль. Наблюдение с пристани позволило установить, что отплывали и возвращались они разными маршрутами, только и всего. Наконец на четвертый день лодка не вернулась совсем.

Разразилась паника. Куда они исчезли? Начальники Мартелло из Лэнгли, штат Вирджиния, ударились в панику и решили, что «Адмирал Нельсон» с Ко на борту нарочно сбился с пути и забрел в китайские воды. Или даже: Ко был похищен. Никто никогда больше не увидит ега Эндерби опустился до того, что позвонил Смайли и заявил, что «только вы будете виноваты, если Ко неожиданно вынырнет в Пекине и будет во все горло орать всякую чушь о преследованиях со стороны Секретных служб». В один мучительный день самому Смайли пришла тайная мысль, уж не отправился ли Ко, вопреки здравому смыслу, в гости к своему брату.

Разумеется, на следующий день рано поутру катер тихо вошел в гавань; выглядел он так, словно только что вернулся с регаты. На берег, пропустив вперед красавицу Лизу, бодро спустился Ко. Золотистые волосы его подруги, словно в рекламном ролике, развевались на ветру.

Получив эту новость, Смайли – после долгих размышлений и углубленного изучения досье на Ко, не говоря уже о жестоких спорах с Конни и ди Салисом – разродился двумя идеями сразу, или, говоря языком азартных игроков, решил разыграть последние оставшиеся две карты.

Первая: Джерри должен продвигаться к «заключительному этапу», под которым Смайли подразумевал Рикардо. Таким путем он надеялся усилить давление на Ко; этот шаг должен был послужить последним доводом в пользу того, что Дрейку пора действовать.

Вторая: в игру должен войти Сэм Коллинз.

Второе решение было принято после обсуждения с одной только Конни Сейшес. В основном досье на Джерри о нем не упоминается ни единым словом; оно отмечено только в засекреченном приложении, которое было обнародовано гораздо позже, да и то с заметными купюрами.

Однако величайший на земле шеф разведки ни на секунду не принимал в расчет, что эти задержки и колебания отразятся на Джерри самым разлагающим образом. Одно дело – знать об этом (Смайли, несомненно, знал и даже предпринял кое-какие профилактические меры). Однако учитывать это влияние, ставить его на одну доску с соображениями высокой политики означало бы полную безответственность. Генерал обязан соблюдать приоритеты.

Спору нет, чтобы ждать у моря погоды, хуже места, чем Сайгон, в целом свете не сыщешь. Промедление все затягивалось и затягивалось; в Пирке время от времени возникали разговоры о том, чтобы послать Джерри в более полезное для здоровья место, например в Сингапур или в Куала-Лумпур, но по соображениям целесообразности и маскировки его опять и опять оставляли там, где он был; кроме того, думалось, что завтра все может измениться. Проблема заключалась также в его личной безопасности. О Гонконге даже речь не заходила, а влияние Ко и в Бангкоке, и в Сингапуре было, несомненно, велико. И снова вставал вопрос маскировки: если близится провал, разве найдешь место удобнее, чем Сайгон? А пока Джерри действовал вполсилы в городе, который тоже существовал как бы вполсилы. Война правила экономикой Сайгона уже лет сорок или около того, поэтому, когда в семьдесят третьем американцы вывели войска, это оказалось для города такой катастрофой, что он так и не сумел от нее до конца оправиться.

Получилось, что долгожданный последний акт, в котором участвовали миллионы актеров, был сыгран перед жалкой горсткой зрителей. Даже во время обязательных поездок на передний край боевых действий Джерри не мог отделаться от ощущения, что наблюдает матч в крикет на залитом дождем поле, когда всем участникам не терпится поскорее уйти в павильон. Цирк запретил ему уезжать из Сайгона на том основании, что он мог понадобиться в любую минуту, но соблюдать этот приказ было бы просто смешно, поэтому он его игнорировал. Внешняя граница обороны Сайгона проходила через Зыаньлок, скучный французский городок, выросший на каучуковых плантациях.

Эта война коренным образом отличалась от той, что происходила в Пномпене: она велась по европейским принципам, и техники было не в пример больше. У «красных кхмеров» сказывалось отсутствие бронетехники, а Северный Вьетнам обладал русскими танками и 130-миллиметровой артиллерией, они шли колесом к колесу, классическим русским строем, словно под руководством маршала Жукова собирались штурмовать Берлин, и ничто не могло их остановить, пока не будет наведено и заряжено последнее орудие. Джерри обнаружил город наполовину покинутым. В католической церкви не было никого, кроме священника-француза.

– C'est termine (Все кончено), – коротко объяснил он. – Южные вьетнамцы поведут себя, как всегда. Прекратят наступление, повернутся и убегут.

Они вместе выпили вина, глядя на опустевшую площадь.

Джерри записал эту историю, отметив, что на сей раз загнивание необратимо, на что Стаббси отреагировал кратко: «Предпочитаю людей пророкам. Стаббс».

В Сайгоне, на ступенях, ведущих к отелю «Каравелла», дети-попрошайки торговали никому не нужными гирляндами из цветов. Джерри, чтобы им было не так стыдно, дал им денег, взял цветы, а у себя в номере выкинул их в корзину для бумаг. Когда он спустился вниз, они принялись стучать в окно, пытаясь продать ему а м е р и к а н с к и й ф л а г. В пустых барах, куда он заходил выпить, девушки стайками вились вокруг, словно чувствуя, что ловят клиента в последний раз перед концом света. Только полицейские были в своей стихии. Сверкая белыми шлемами и белоснежными перчатками, они стояли на каждом углу, словно ждали, когда по улицам пройдут победоносные вражеские войска, чтобы указать им дорогу. Они с монаршей величественностью разъезжали в белых джипах мимо беженцев, сгрудившихся в клетушках, похожих на курятники.

Уэстерби вернулся в гостиничный номер. Позвонил Эркюль, вьетнамский приятель Джерри, которого тот старательно избегал. Эркюль, как он сам себя называл, был противником существующего порядка и борцом против режима Тхиеу; он зарабатывал себе на жизнь, снабжая британских журналистов информацией о Вьетконге; бедняга наивно полагал, что Великобритания не принимает участия в войне.

– Британцы – мои друзья! – взывал он в телефонную трубку. – Вытащите меня! Мне нужны газеты. Мне нужны деньги!

– Попытай счастья у американцев, – посоветовал Джерри и повесил трубку.

Отделение агентства «Рейтер», в которое Джерри принес свою мертворожденную сводку новостей, являло собой памятник позабытым героям и романтике поражения. На столах под стеклом лежали фотографии лохматых парней, на стенах висели забракованные гранки и образчики редакторского гнева; в воздухе пахло старой газетной бумагой и витал аромат жилья, какой можно ощутить где-нибудь в английской глубинке – воплощение тайной ностальгии каждого оторванного от дома корреспондента. За углом здания располагалось бюро путешествий; как выяснилось позже, в этот период Джерри дважды заказывал билеты в Гонконг, а потом не являлся в аэропорт. Уэстерби опекал молодой и ретивый Кузен по имени Панк; он работал под прикрытием агентства новостей и время от времени приходил в отель с шифровками в желтых конвертах, помеченных для достоверности «Срочная пресса». Но внутри было одно и то же: «Решение не принято», «Оставаться наготове»,.Решение не принято".

Джерри читал Форда Мэдокса Форда (Форд Мэдокс Форд (1873-1939) – английский писатель) и какой-то ужасающий роман о старом Гонконге. Читал Грина, Конрада и Т. Э. Лоуренса (Томас Эдуард Лоуренс (1888-1935) – английский разведчик, работал в арабских странах, в Карачи, Пешаваре, на афганской границе), а сообщение все не приходило. Взрывы снарядов по ночам гремели все громче, повсюду, как чума, расползалась паника.

В поисках милых сердцу Стаббси людей, которые не были бы пророками, пришлось отправиться в американское посольство, осаждаемое десятью с лишним тысячами вьетнамцев, стремящихся любой ценой доказать свое американское гражданство. У него на глазах подъехал в джипе южновьетнамский офицер. Он выскочил и стал орать на женщин, обзывая их шлюхами и предательницами; оказалось, он нарвался на группу н а ст о я щ и х жен американцев, и те приняли главный удар на себя.

Джерри опять написал статью, Стаббси опять отверг ее. Джерри впал в еще большее уныние.

Через несколько дней разработчики планов Цирка потеряли терпение. Разгром продолжался, положение становилось все хуже, и они велели Джерри немедленно вылететь во Вьентьян и затаиться там, пока американский связной не доставит очередной приказ. Он так и сделал, снял номер в отеле «Констеллейшн», где Лиззи любила останавливаться, и отправился пить в бар, где Лиззи любила посидеть. Там он время от времени болтал с Морисом, владельцем отеля, и ждал. Стены бара, толщиной более чем в шестьдесят сантиметров, были сооружены из бетона, так что при необходимости он мог служить бомбоубежищем или огневой позицией. В пристроенной к нему траурного вида столовой каждый вечер ужинал старый ф р а н ц у з " п л а н т а т о р ; ел и пил он изысканно, заткнув салфетку за воротник. Джерри сидел за соседним столиком и читал. Других посетителей не было, а между собой они никогда не разговаривали. По улицам, не слишком удаляясь от холмов, по двое маршировали уверенные в своей непогрешимости молодчики из «Патет Лао». Одеты они были в кители и фуражки маоистского образца и старательно избегали девичьих взглядов. Их отряды заняли все виллы на перекрестках и вдоль дороги, ведущей в аэропорт. Жили они в чистеньких палатках, остроконечные верхушки которых выглядывали из-за стен заросших садов.

– Как вы думаете, коалиция удержится у власти? – спросил как-то Джерри у Мориса.

Морис был далек от политики.

– Пока держится, – ответил он с театральным французским акцентом и в виде утешения молча протянул Джерри шариковую ручку. На ней было написано Lowenbrau: Морис владел концессией, распространяющейся на весь Лаос, но продавал, как говорили, всего несколько бутылок в год.

Джерри держался подальше от улицы, на которой располагалась контора компании «Индочартер». Он даже запретил себе подходить, хотя бы из простого любопытства, к лачуге на окраине города, в которой, по утверждению Чарли Маршалла, проживала их семья из трех человек. Он спросил Мориса, много ли китайцев осталось в городе, и тот ответил, что нет, совсем мало.

– Китайцам не нравится, – с улыбкой ответил он и наклонил голову, прислушиваясь к шагам боевиков из «Патет Лао» на улице.

Тайна телефонного разговора так и осталась неразгаданной. Звонил Джерри Лиззи из отеля «Констеллейшн» или нет?

А если звонил, то чего он хотел – поговорить с ней или просто услышать ее голос? А если хотел поговорить, то что собирался сказать? Или сам звонок, наподобие авиабилетов, заказанных им в Сайгоне, был для него просто разрядкой, средством удержаться на плаву, не потонуть в бурном море реальности?

Определенно можно сказать только одно: никто, ни Смайли, ни Конни, ни кто-либо еще из читавших злосчастную запись, не может быть обвинен в пренебрежении своим долгом, ибо запись была по меньшей мере противоречивой:

"00:55 по гонконгскому времени. Поступил междугородный звонок, лично на имя объекта. На линии телефонистка. Объект поднял трубку и несколько раз сказал "алло".

Телефонистка: Господин, сделавший вызов, говорите, пожалуйста!

Объект: АЛЛО! АЛЛО!

Телефонистка: Господин, сделавший вызов, вы меня слышите? Говорите, пожалуйста!

Объект: Алло! Лиз Уэрд слушает. Кто говорит?

Звонивший повесил трубку".

В расшифровке нигде не указывалось, откуда был сделан этот звонок; трудно даже сказать, видел ли Смайли запись, потому что в списке пометок его условный значок так и не появился.

Как бы то ни было, звонил это Джерри или кто-то другой, на следующий день к нему явились целых два Кузена; они принесли приказ выступать – давно ожидаемый призыв к действию. Убийственное ничегонеделание, затянувшееся больше чем на месяц, наконец закончилось – и, как оказалось, закончилось навсегда.

Весь день Джерри потратил на то, чтобы получить визы и раздобыть транспорт, а на следующее утро на заре он уже переправился через Меконг с пишущей машинкой и сумкой через плечо и оказался в северо-восточном Таиланде. Длинный деревянный паром был переполнен крестьянами и визжащими свиньями. Возле будки пограничного контроля он дал зарок вернуться в Лаос тем же путем. Иначе невозможно будет оформить документы, сурово предупредили его чиновники. «Если я вообще вернусь», – подумал он. Оглянувшись на уплывающий вдаль лаосский берег, на пешеходной дорожке рядом с рекой он заметил американский автомобиль. Возле него неподвижно стояли две худощавые фигуры. Кузены, которые всегда с тобой.

На таиландском берегу сразу возникла масса непредвиденных трудностей. Выяснилось, что визы Джерри недостаточно, что он не похож на свои фотографии, что вообще вся территория закрыта для фарангов. Десять долларов помогли пограничникам изменить мнение. После вопроса с визой был решен вопрос с автомобилем. Джерри заранее договорился, чтобы ему предоставили водителя, говорящего по-английски, и назначили соответствующую цену, но его ждал старик, говоривший только по-тайски, да и то плохо. Джерри зашел в ближайшую рисовую лавку, проорал там несколько фраз на английском, и на его призыв откликнулся толстый ленивый парень, который немного изъяснялся по-английски и утверждал, что умеет водить машину. С трудом удалось составить контракт. Положенная старику страховка не предусматривала передачи машины другому лицу, да и срок ее давно истек. Измученный агент бюро путешествий выписал новый полис, а парень тем временем сходил домой и собрался. Покрышки у машины, потрепанного красного «форда», оказались стертыми до основания. Лысые шины являли собой одну из тех смертельных опасностей, которые Джерри надеялся избежать в ближайшие день-два. Они поторговались, Джерри расстался еще с двадцатью долларами. Мастерская располагалась в гараже, полном цыплят. Пока ставили новые шины, Джерри внимательно следил за каждым движением механиков.

Потеряв на этом целый час, они на бешеной скорости помчались на юго-восток. Дорога была ровной, вдоль обочин тянулись крестьянские поля. Парень пять раз переворачивал кассету «В Массачусетсе всегда горят огни», пока Джерри не потребовал тишины.

Покрытое гудроном шоссе было пустынно. Как-то раз навстречу им по склону вырулил желтый автобус. Водитель тотчас же увеличил скорость и помчался по самой середине дороги. В последнюю секунду автобус отклонился на полметра и с грохотом пронесся мимо. Через какое-то время Джерри задремал; его разбудил треск бамбуковой изгороди. Очнувшись, он успел заметить, как прямо перед ним в воздух взлетел фонтан щепок, а в придорожную канаву медленно заваливался грузовичок-пикап. Плавно, как опавший лист, взлетела дверь, вслед за ней пробил изгородь и свалился в высокую траву водитель. Парень даже не сбавил скорости, лишь расхохотался так, что машина едва не свернула с дороги. Джерри заорал: «Стой!», но парень и глазом не моргнул.

– Хочешь запачкать костюмчик кровью? Оставь это докторам, – сурово посоветовал Джерри. – Я о тебе забочусь, ясно? Это плохие места. Полно коммунистов. Как тебя зовут? – смирившись, спросил.

Выговорить имя оказалось невозможно. Сошлись на Микки.

Через два часа они наткнулись на первый шлагбаум. Перед этим Джерри снова задремал, повторяя про себя роль. Всегда найдется еще одна дверь, чтобы в нее войти. Он спрашивал себя, настанет ли день – для Цирка, для его газеты, – когда старый шут больше не сможет всех смешить, когда у него даже не хватит сил перетащить через порог босые ноги, поэтому он без сил останется стоять на улице, щеголяя жалкой улыбкой, как коммивояжер в дверях, и слова застрянут у него в горле. Только бы не в этот раз, поспешно подумал он. Боже всемогущий, прошу тебя, не в этот раз.

Они остановились. Из-за деревьев выскользнул молодой монах с храмовой чашей в руках, Джерри опустил в нее несколько батов. Микки открыл багажник. Полицейский заглянул внутрь, приказал Джерри выйти и повел к капитану, восседавшему в одиночестве в полутемной хижине. Капитан даже не сразу заметил Джерри.

– Он спрашивает, ты американец? – сказал Микки. Джерри вытащил документы.

По другую сторону шлагбаума убегало вдаль прямое, как карандаш, гладкое шоссе, вокруг тянулась поросшая кустарником равнина.

– Он говорит: что вам здесь нужно? – сказал Микки.

– У меня дело к подполковнику.

Они поехали дальше и добрались до деревни, в которой был кинотеатр. Самыми новыми из дошедших сюда картин были немые фильмы, припомнил Джерри. Он однажды писал о них заметку. Их озвучивали местные актеры, направляя действие по любым сюжетным линиям, какие только приходили в голову. Ему вспомнился фильм, где Джон Уэйн изъяснялся пронзительным тайским голосом; публика приходила в экстаз (переводчик объяснил, что в данном случае имитируется голос местного мэра, известного гомосексуалиста). Они въехали в лес, но на пятьдесят метров по обе стороны дороги деревья были вырублены, чтобы коммунисты не устроили в кустах засаду. Время от времени на дороге появлялись резко очерченные белые линии, не имеющие ничего общего с дорожной разметкой. Дорогу прокладывали американцы; они предполагали использовать ее как вспомогательную взлетно-посадочную полосу.

– Ты знаешь этого подполковника? – спросил Микки.

– Нет, – ответил Джерри. Микки восторженно рассмеялся.

– А что тебе от него нужно? Джерри не удостоил его ответом.

Километров через сорок посреди небольшой деревеньки, целиком захваченной полицейскими, их ждала вторая дорожная застава Во дворе храма стояло несколько серых грузовиков, возле шлагбаума остановились четыре джипа. В обе стороны тянулась желтая грунтовая дорога; под прямым углом она пересекала шоссе и, извиваясь, взбиралась на дальние холмы. На этот раз Джерри взял инициативу в свои руки. С радостным криком: «Отведите меня к вашему командиру!» – он выскочил из машины. Им оказался молодой издерганный капитан; он встревоженно хмурился, как человек, стремящийся показать, что хорошо освоил все тонкие материи, которые на самом деле недоступны его пониманию. Он сидел в полицейском участке, на столе перед ним лежал пистолет. Участок был сооружен временно, заметил Джерри. Из окна виднелись разбомбленные развалины здания, в котором он размещался раньше.

– Мой подполковник очень занятой человек, – сообщил капитан через переводчика – шофера Микки.

– И очень храбрый, – сказал Джерри.

В продолжение долгой пантомимы они выясняли, что означает «храбрый».

– Он застрелил много коммунистов, – сказал Джерри. – Моя газета хочет написать об этом храбром тайском полковнике.

Капитан заговорил, но Микки внезапно оглушительно рассмеялся:

– Капитан говорит, нет у нас коммунистов! У нас один Бангкок! Бедняки здесь ничего-ничего не знают, потому что Бангкок не дает им школ, поэтому по ночам приходят коммунисты и всем-всем рассказывают, что все-все их сыновья поедут в Москву учиться на большого доктора, поэтому они взорвали полицейский участок.

– Где я могу найти подполковника?

– Капитан говорит, мы останемся здесь.

– Он попросит подполковника прийти к нам?

– Подполковник очень занятой человек.

– Где подполковник?

– Он в соседней деревне

– Как называется соседняя деревня? Шофер опять разразился хохотом.

– Нет никакого названия. Деревня мертва.

– Как называлась деревня, пока не была мертва? Микки сказал.

– Открыта ли дорога до этой мертвой деревни?

– Капитан говорит: военная тайна. Это значит, он не знает.

– Пропустит ли нас капитан посмотреть? Последовали долгие переговоры.

– Конечно, – наконец сказал Микки. – Он говорит: мы едем.

– Сообщит ли капитан подполковнику по радио, что мы едем?

– Подполковник очень занятой человек.

– Так он свяжется с ним по радио?

– Конечно, – сказал шофер, давая понять, что только бестолковый ф а р а н г может поднимать панику из-за такого пустяка.

Они залезли обратно в машину. Шлагбаум поднялся, и они опять покатили по гладкому бетонному шоссе с расчищенными обочинами и разметкой взлетно-посадочных полос. Минут двадцать они не встречали ни единого живого существа, но эта пустынность не внушала Джерри доверия. Он слышал, что на каждого коммуниста, ведущего с оружием в руках партизанскую войну в горах, на равнине приходится пятеро: они выращивают рис, доставляют боеприпасы, обеспечивают инфраструктуру. Их автомобиль находился как раз на равнине.

Вправо уходила проселочная дорога; в этом месте поперек шоссе тянулся след грязи, значит, по дороге недавно проехали. Микки свернул туда и покатил по глубокой колее. Невзирая на протесты Джерри, он снова включил на полную громкость «В Массачусетсе всегда горят огни».

– Пусть коммунисты подумают, что нас очень-очень много, – пояснил он сквозь смех, и возразить ему было нечего.

К удивлению Джерри, он достал из сумки под сиденьем большой длинноствольный пистолет сорок пятого калибра. Джерри решительно приказал убрать его обратно. Через несколько минут до них донесся запах гари. Они проехали через пелену дыма и попали в уничтоженную деревню. Тут и там кучками бродили перепуганные местные жители. Гектар сгоревших тиковых деревьев напоминал окаменевший лес. Неподалеку стояли три джипа, двадцать с лишним полицейских окружали коренастого подполковника. И жители, и полицейские с одинаковым изумлением взирали на круг дымящегося пепла метров двадцати в поперечнике, посреди которого, обозначая контуры сгоревших домов, торчали обугленные бревна.

Джерри с шофером вышли из машины и приблизились; подполковник не спускал с них глаз. Джерри сразу понял, что это боец. Приземистый и сильный, он не улыбался и не хмурился.

Этого темнокожего седеющего человека можно было принять за малайца, хотя в корпусе он был толще. На груди у него блестели значки парашютиста, летчика и два ряда орденских лент. В движениях чувствовалась боевая выучка. В кожаной кобуре на правом бедре он носил предписанный уставом автоматический пистолет.

– Вы репортер? – ровным голосом спросил он Джерри.

– Так точно.

Подполковник перевел взгляд на водителя. Затем что-то сказал, и Микки торопливо зашагал и сел обратно в машину.

– Что вам нужно?

– Есть погибшие?

– Трое. Я их только что пристрелил. Нас и так тридцать восемь миллионов.

Джерри, все больше удивляясь, прислушивался к его англоамериканскому языку, рациональному, но далекому от совершенства.

– Почему вы их застрелили?

– Ночью здесь вели занятия КТ. Чтобы послушать КТ, люди собираются отовсюду.

К о м м у н и с т и ч е с к и е т е р р о р и с т ы, понял Джерри. У него возникло подозрение, что этот оборот придумали в Великобритании. По проселочной дороге тянулась цепочка грузовиков. При виде их обитатели деревни бросились хватать пожитки и детей. Подполковник отдал приказ, и солдаты выстроили всех в неровную колонну. Грузовики тем временем развернулись.

– Мы найдем им место получше, – сказал подполковник. – Они начнут все сначала.

– Кого вы застрелили?

– На прошлой неделе двое моих людей погибли под бомбами. КТ были из этой деревни. – Он окликнул угрюмую женщину, карабкавшуюся на грузовик, та обернулась. Джерри увидел ее лицо. Она стояла, наклонив голову. – Они останавливались в ее доме, – пояснил подполковник. – Сейчас я застрелил ее мужа. В следующий раз застрелю ее.

– А остальные двое? – спросил Джерри.

Он продолжал расспрашивать для того, чтобы сохранить за собой хотя бы видимость инициативы, но на самом деле под допросом оказался сам Джерри, а не подполковник. Карие

глаза, по-военному жесткие и оценивающие, хранили непроницаемое выражение. Подполковник смотрел на Джерри вопросительно, но без тревоги.

– Один из КТ спал там с девчонкой, – коротко сказалон. – Мы не просто полиция. Мы здесь и суд, и присяжные.

Больше тут никого нет. Бангкок и не думает устраивать в этой глуши судебные разбирательства, ему не до того.

Жители деревни набились в грузовики. Уезжая, никто не оглянулся. Только дети махали руками через задний борт. Следом укатили джипы, остались только они трое, две машины да мальчишка лет пятнадцати.

– Кто он? – спросил Джерри.

– Поедет с нами. Через несколько месяцев, а может, через год, я застрелю и его.

Подполковник уселся за руль джипа, Джерри – рядом с ним. На заднем сиденье с бесстрастным лицом сидел парнишка. Подполковник суровым механическим голосом что-то ему выговаривал, мальчик бормотал «да» или «нет». Микки в красном «форде» ехал следом за ними. На полу джипа, между сиденьем и педалями, стоял картонный ящик с четырьмя гранатами. На заднем сиденье лежал небольшой автомат, но подполковнику и в голову не пришло подвинуть его, чтобы освободить мальчику место. Над зеркалом заднего вида возле картинок на религиозную тему висела открытка с портретом Джона Кеннеди. На ней было написано: «Не спрашивай, что твоя страна может сделать для тебя. Спроси лучше: могу ли я что-то сделать для моей страны?» Джерри вытащил блокнот. Подполковник продолжал читать парнишке нотацию.

– Что вы ему говорите?

– Объясняю принципы демократии.

– И каковы же они?

– Ни коммунистов, ни генералов, – ответил подполковники рассмеялся.

На главном шоссе они повернули направо, все дальше углубляясь во внутренние районы страны. Микки не отставал.

– Иметь дело с Бангкоком – все равно что карабкаться на высокое дерево, – обратился подполковник к Джерри, оторвавшись от лекции, и указал на лес: – Забираешься на одну ветку, чуть приподнимаешься, хватаешься за другую, та ломается, лезешь снова. Может быть, когда-нибудь доберешься до самого главного генерала. А может, никогда.

Впереди, останавливая машину, замахали руками два маленьких мальчика. Подполковник притормозил, и они втиснулись рядом с парнишкой.

– Я не слишком часто так поступаю, – внезапно улыбнулся военный. – Я это сделал, чтобы показать вам, что я хорошийчеловек. Если КТ узнают, что я подсаживаю детей, они будут специально подсылать их, чтобы остановить меня. Приходится бороться с собой. Только так можно остаться в живых.

Джип снова повернул в лес. Проехав несколько километров, они высадили детей, но угрюмый парнишка остался. Деревья кончились, потянулись безлюдные кустарники. Небо затянулось белой дымкой, сквозь нее едва пробивались очертания холмов.

– Что он сделал? – спросил Джерри.

– Он? Он – КТ, – сказал подполковник. – Мы его поймали.

В лесу Джерри заметил сверкнувшую золотую искру, это оказался всего лишь храм.

– На прошлой неделе выяснилось, что один из моих полицейских был информатором у КТ. Я послал его на патрулирование и застрелил, его стали считать героем. Я назначил его жене

пенсию, купил большой флаг, чтобы накрыть тело, устроил пышные похороны, и деревня стала чуть-чуть богаче. Тот парень больше не доносчик. Он народный герой. Нужно завоевывать души и сердца людей.

– Не вопрос, – согласился Джерри.

Они подъехали к широкому пересохшему рисовому полю. Посреди него работали мотыгами две женщины, и больше ничего не было видно, если не считать ограды на дальнем конце поля да скалистых холмов, вырисовывающихся на блеклом небе. Оставив Микки в «форде», Джерри с подполковником зашагали по полю, угрюмый мальчишка тащился за ними.

– Вы британец?

– Да.

– Я учился в Международной полицейской академии в Вашингтоне, – сказал полковник. – Хорошее место. В Мичиганском университете я изучал право. Хорошее было время. Вы не будете так любезны держаться от меня чуть подальше? – вежливо спросил он. Они осторожно шагали по вспаханному полю. – Они хотят пристрелить меня, не вас. Если они пристрелят ф а р а н г а, у них будут неприятности. Им это не нужно. На моей территории никто не посмеет пристрелить ф а р а н г а.

Они приблизились к женщинам. Подполковник поговорил с ними, отошел в сторону, остановился, оглянулся на угрюмого парня, вернулся и поговорил еще раз.

– В чем дело? – поинтересовался Джерри.

– Я спросил их, есть ли поблизости КТ. Они сказали, нет. Потом я подумал: может быть, КТ хотят получить этого мальчишку обратно. Поэтому я вернулся и сказал: «Если что-нибудь случится, мы первым делом пристрелим вас».

Они подошли к изгороди. Впереди лежали холмы, поросшие высоким кустарником и пальмами, похожими на лезвия шпаг.

Подполковник сложил ладони рупором и завопил. Долетел ответный крик.

– Этому я научился в джунглях, – пояснил он, еще раз улыбнувшись. – Когда попадаешь в джунгли, всегда окликай первым.

– Что это были за джунгли? – спросил Джерри.

– Теперь, будьте добры, встаньте поближе. Когда говорите со мной, улыбайтесь. Они наверняка хорошо видят вас.

Вдоль небольшой речки сотня мальчишек и мужчин постарше с безразличным видом долбила камни лопатами и кайлами, некоторые перетаскивали мешки с цементом из одной кучи в другую. За ними нехотя присматривала горстка вооруженных полицейских. Подполковник подозвал парнишку и что-то сказал ему. Тот наклонил голову, подполковник влепил ему пару пощечин. Парень что-то пробормотал, полковник ударил его еще раз, потом похлопал по плечу, после чего он, шаркая ногами, как искалеченная птица, которую выпустили на свободу, поплелся к работникам.

– Будете писать о КТ, напишите и о моей плотине, – приказал подполковник на обратном пути. – Мы здесь соорудим чудесное пастбище. Его назовут в мою честь.

– Так в каких джунглях вы сражались? – повторил Джерри.

– В Лаосе. Тяжелые были бои.

– Вы ушли добровольцем?

– Конечно. Нашел ребят, которым нужны были деньги. Я вступил в ПАРУ (Авиационный отряд содействия полиции). Слыхали о ПАРУ? В нем командовали американцы. Они его и создали. Я написал письмо о том, что подаю в отставку из таиландской полиции. Они убрали его в стол. Если бы меня убили, они бы достали письмо как доказательство того, что перед вступлением в ПАРУ я подал в отставку.

– Там вы и познакомились с Рикардо?

– Конечно. Рикардо мой друг. Мы вместе воевали, убили много врагов.

– Я хочу с ним увидеться, – сказал Джерри. – Я встречал в Сайгоне его девушку. Она говорила, он скрывается здесь. У меня к нему деловое предложение.

Они опять прошли мимо женщин. Подполковник помахал им, но они не обратили на него внимания. Джерри следил за его лицом, но с тем же успехом он мог смотреть на валун где-нибудь на холме. Подполковник сел в джип. Джерри вскочил следом.

– Я подумал: может быть, вы сможете отвезти меня к нему. Я могу сделать так, что за несколько дней он разбогатеет.

– Это для вашей газеты?

– Это частный разговор.

– Частное деловое предложение? – спросил подполковник.

– Совершенно верно.

Они двинулись обратно к шоссе. Навстречу ехали две желтые бетономешалки, и подполковнику пришлось подать назад, чтобы уступить им дорогу. Джерри машинально заметил название, выведенное на желтых боках машин. При этом он поймал на себе взгляд подполковника. Они снова направились в глубь страны. Приходилось ехать с максимальной скоростью, какую удавалось выжать из джипа, чтобы ни один человек с дурными намерениями не осмелился их остановить. Микки преданно катил сзади.

– Рикардо мой друг, а эта территория – моя, – повторил подполковник на блестящем американском. Это заявление, несмотря на то что Джерри слышал его не впервые, на сей прозвучало откровенно предостерегающе. – Он живет под моей защитой, мы давно об этом договорились. Здесь все об этом знают. И деревенские, и КТ. Никто не смеет навредить Рикардо, иначе я пристрелю всех КТ на дамбе.

Они свернули с шоссе на проселочную дорогу. На гудроне Джерри заметил тормозной след небольшого самолета.

– Он приземляется здесь?

– Только в сезон дождей. – Подполковник снова принялся разъяснять Джерри свои этические взгляды на этот вопрос. – Если Рикардо вас пристрелит, это его дело. Один ф а р а н г на моей территории пристрелил другого, вот и все. – С тем же успехом он мог объяснять младенцу начала арифметики. – Рикардо мой друг, – нимало не смущаясь повторил он. – Мой товарищ.

– Он меня ждет?

– Пожалуйста, будьте с ним повнимательнее. Капитан Рикардо иногда бывает нездоров.

Т и у п о с е л и л е г о в о с о б о м м е с т е, говорил Чарли Маршалл, в д ы р е, к у д а е з д я т т о л ь к о с у м а с ш е д ш и е. Тиу сказал ему: " О с т а н е ш ь с я в ж и в ы х, с о х р а н и ш ь с а м о л е т, б у д е ш ь л е т а т ь с Ч а р л и М а р ш а л л о м к о г д а з а х о ч е ш ь, б у д е ш ь в о з и т ь д л я н е г о д е н ь г и, о х р а н я т ь е г о, е с л и Ч а р л и с а м з а х о ч е т. Т а к о в ы у с л о в и я д о г о в о р а, а Д р е й к К о н и к о г д а н е н а р у ш а е т д о г о в о р о в ". Так он сказал. Но если Рик будет доставлять им хлопоты, или завалит все дело, или станет болтать лишнее кое о чем, Тиу и его люди прикончат его, да так, что он сам позабудет, кто он такой.

«Почему бы Рику просто не сесть в самолет и не удрать?» – спросил Джерри.

Т и у з а б р а л п а с п о р т Р и к а, В о л ь т е р, г о в о р и л Ч а р л и М а р ш а л л. Т и у о п л а т и л д о л г и Р и к а р д о, к у п и л в с е е г о п р е д п р и я т и я и с о з д а л е м у

уголовное прошлое. Тиу повесил на него пятьдесят тонн опиума и, если понадобится, предоставит агентам по борьбе с наркотиками все необходимые доказательства. Рик может сматываться, когда ему заблагорассудится. Тюрьма его ждет по всему свету.

Посреди широкой проселочной дороги стоял дом на сваях. Со всех сторон его окружал балкон, позади текла маленькая речушка. Под домом сидели две молодые тайки – одна кормила ребенка, другая оттирала кухонный горшок. Позади тянулось ровное коричневое поле, на одном его конце стоял ангар, в котором вполне мог уместиться небольшой самолет, тот же «Бичкрафт»; там, где он, по-видимому, недавно приземлился, тянулась серебристая полоска примятой травы. Дом стоял на небольшом возвышении, поблизости не росло ни одного дерева. Оттуда открывался обзор во все стороны; окна были невысокие и очень широко распахивались, и Джерри догадался, что их специально сделали такими для того, чтобы изнутри можно было вести огонь под большим углом. Подъехав поближе, полковник велел Джерри выйти из машины. Они зашагали к «форду», где сидел Микки. Подполковник что-то сказал парню, тот выскочил из автомобиля и открыл багажник. Военный запустил руку под сиденье, вытащил пистолет и презрительно швырнул его в джип. В поисках оружия он обыскал Джерри, потом Микки, потом осмотрел автомобиль. Затем велел подождать, а сам поднялся по ступенькам на второй этаж. Девушки не обратили на него никакого внимания.

– Он хороший полковник, – сказал Микки. Они ждали.

– Англия богатая страна, – изрек Микки.

– Англия очень б е д н а я страна, – откликнулся Джерри, не сводя глаз с дома.

– Бедная страна, богатые люди, – продолжил Микки. Когда появился подполковник, он все еще трясся от смеха над собственной удачной шуткой. Подполковник сел в джип и отъехал. После чего Джерри медленно подошел к подножию лестницы, сложил ладони рупором и крикнул:

– Меня зовут Уэстерби. Вы, наверно, не забыли, как несколько недель назад чуть не застрелили меня в Пномпене? Я бедный репортер с весьма дорогостоящими идеями.

– Что тебе нужно, Вольтер? Мне говорили, ты уже мертв. Из темноты наверху доносился типичный глубокий голос латиноамериканца с быстрым выговором.

– Я хочу шантажировать Дрейка Ко. Думаю, мы с вами сможем нагреть его на пару миллионов баксов, и вы купите себе свободу.

Через люк в полу дома Джерри разглядел в темноте дуло пистолета. Оно смотрело на него, как глаз циклопа, потом мигнуло и снова уставилось на него тяжелым взглядом.

– Каждому, – уточнил Джерри. – Два вам, два мне.У меня все готово. С моими мозгами, вашими сведениями и фигуркой Лиззи Уэрдингтон, думаю, дело верное.

Джерри начал медленно подниматься по лестнице. Вот я уже и Вольтер, подумал он. Когда доходит до распространения слухов, Чарли Маршалл даром времени не теряет. Как и насчет того, что я уже мертв – надо подождать немного.

Джерри пролез в люк и попал из темноты на свет.

– Стой на месте, – раздался голос латиноамериканца.

Джерри сделал, как было приказано, и осмотрелся. Единственная комната представляла собой нечто среднее между небольшим музеем оружия и военным магазином при американском гарнизоне. Посреди на столе на треноге стоял АК-47, точно такой же, из какого

Рикардо уже однажды стрелял в него. Как Джерри и предполагал, с его помощью через окна можно было держать под прицелом все четыре стороны дома. Но, кроме того, в комнате была еще пара автоматов, и позади каждого громоздилась высокая горка обойм. Гранаты валялись, как фрукты, кучками по три-четыре штуки, а на уродливом комоде орехового дерева под пластиковым изображением Мадонны лежала коллекция пистолетов и автоматов на все случаи жизни. Посреди этого своеобразного жилища стояла низкая кровать с лакированными спинками, и Джерри на мгновение задумался над дурацким вопросом: каким образом Рикардо втащил ее в «Бичкрафт»? Еще в комнате были два холодильника и морозильник. Стены изобиловали написанными маслом картинами, изображавшими обнаженных тайских девушек; они были выполнены с тем неестественным избытком эротики, какой появляется, когда художник слишком редко видит перед собой модель. У стены стоял шкаф для документов, рядом висела книжная полка с трудами по праву, регулирующему деятельность акционерных компаний, международному налогообложению и сексуальной технике. По стенам было развешано несколько деревянных икон местной резьбы с изображениями святых. Пресвятой Девы и младенца Христа. На полу лежал стальной остов весельной лодки со скользящим сиденьем-видимо, он служил гребным тренажером, призванным улучшать фигуру.

Посреди комнаты, почти в той же самой позе, в какой Джерри впервые увидел его, восседал Рикардо в саронге и «браслетах ЦРУ». На его мускулистой обнаженной груди сверкал золотой крест. Борода была не такой окладистой, как в прошлую встречу, видимо, ее подстригли девушки. Он был без шляпы, вьющиеся черные волосы схвачены на затылке небольшим золотым кольцом. Широкоплечий мускулистый торс маслянисто блестел, загорелая грудь поросла густыми волосами.

Рядом с ним стояла бутылка шотландского виски и кувшин с водой, но безо льда-электричества не было, и холодильники не работали.

– Снимай пиджак, Вольтер, – приказал Рикардо. Джерри послушался. Летчик со вздохом поднялся, взял со стола автоматический пистолет и медленно прошелся вокруг гостя, внимательно осмотрев его и ощупав в поисках оружия.

– В теннис играешь? – спросил он из-за спины, осторожно проводя рукой вдоль позвоночника Джерри. – Чарли говорит, у тебя мускулы, как у гориллы. – На самом деле вопросы Рикардо не требовали ответа, он задавал их скорее самому себе. – Я очень люблю теннис. Играю отлично. Всегда выигрываю. Здесь, к сожалению, не с кем. – Он снова сел. – Иногда приходится прятаться у врагов, чтобы держаться подальше от друзей. Я занимаюсь верховой ездой, боксом, стрельбой. У меня есть звания, я летаю на самолете, знаю о жизни очень много, я очень умен, но из-за непредвиденных обстоятельств вынужден жить в джунглях, как обезьяна. Как по-твоему, Вольтер, это и называется паранойей? Когда кажется, что все кругом – враги?

– Думаю, так.

Ткнув пальцем в бронзовую намасленную грудь, пилот изрек избитую остроту:

– Так вот, у этого параноика есть настоящие враги, – произнес он.

– Имея два миллиона баксов, – произнес Джерри, оставаясь на прежнем месте, – можно, по-моему, избавиться от многих из них.

– Должен честно сказать тебе, Вольтер, что считаю твое деловое предложение полной ерундой. – Малыш Рикардо рассмеялся. Он продемонстрировал белоснежные зубы на фоне свежеподстриженной бороды и слегка втянул мышцы живота, но глаза его, когда он пригубил стакан виски, неотрывно смотрели прямо в лицо Джерри.

Его проинструктировали, понял Джерри, точно так же, как и меня. Е с л и о н п о я в и т с я, д а й т е е м у в ы с к а з а т ь с я, наверняка говорил Тиу. А когда Рикардо выслушает его – что дальше?

– Как я понимаю, Вольтер, с тобой произошла какая-то неприятность, – печально сказал Малыш и покачал головой, словно сожалея, что его плохо информировали. – Хочешь выпить?

– Я сам налью, – ответил Джерри. Стаканы, все разного цвета и величины, стояли в шкафу. Джерри неторопливо подошел и выбрал высокий розовый бокал, на наружной стороне которого была нарисована одетая, на внутренней. – голая девушка. Он плеснул виски на пару пальцев, добавил воды и сел за стол напротив Рикардо. Тот с интересом разглядывал его.

– Занимаешься спортом, поднимаешь тяжести или что-то вроде этого? – доверительно спросил он.

– Разве что лишнюю бутылку, – ответил Джерри. Рикардо преувеличенно рассмеялся, все так же впиваясь в него мерцающим похотливым взглядом.

– Ты знаешь, что ты очень плохо поступил с маленьким Чарли? Мне не нравится, что ты выматываешь душу из моего друга, когда он в темноте корчится без привычной дозы. Чарли не скоро оправится. Так ты не сойдешься с друзьями Чарли, Вольтер. Говорят, ты даже обидел мистера Ко. Пригласил на ужин мою крошку Лиззи. Это верно?

– Я ужинал с ней.

– Ты ее трахнул?

Джерри не ответил. Рикардо снова расхохотался, оборвав смех так же резко, как начал. Он отпил большой глоток виски и вздохнул:

– Надеюсь, она тебя отблагодарила, вот и все. Я ее прощаю. Ясно? Когда опять увидишь Лиззи, скажи: я, Рикардо, ее прощаю. Я ее выучил. Наставил на путь истинный. Рассказывал ей массу интересного об искусстве, культуре, политике, бизнесе, религии, научил заниматься любовью, вывел в свет. Где бы она была без моих связей? Где? Жила бы в джунглях, как обезьяна. Она обязана мне всем. «Пигмалион» – помнишь это кино? Так вот, профессор – это я. Я ей многое рассказывал – понимаешь, о чем я? Я ей рассказывал то, чего не знает никто, кроме Рикардо. Семь лет во Вьетнаме. Два года в Лаосе. Четыре тысячи долларов в месяц от ЦРУ. В придачу я – католик. Думаешь, я ничему не мог ее научить, такую вот английскую шлюху из ниоткуда? У нее есть ребенок, ты не знал? Мальчик, живет в Лондоне. Она его бросила, можешь себе представить? Вот какая она мать. Хуже шлюхи.

Джерри не нашелся, что сказать. Он смотрел на два больших золотых кольца, сидевших рядом на пальцах тяжелой правой руки Рикардо, и мысленно соизмерял их со шрамами на подбородке Лиззи. Удар был нанесен снизу, решил он, справа по косой – она же ниже него. Странно, что он не сломал ей челюсть. А может быть, и сломал, просто все удачно зажило.

– Вольтер, ты оглох? Я сказал, обрисуй свое деловое предложение. Я настроен непредвзято, сам понимаешь. Правда, не верю ни единому твоему слову.

Джерри глотнул еще виски.

– Я подумал, если вы мне расскажете, чего хотел от вас Дрейк Ко в те дни, когда вы летали для него, Лиззи сведет нас, и мы раскроем все карты; мы смогли бы неплохо потрясти его.

Сейчас эти слова прозвучали куда более неубедительно, чем тогда, когда он их разучивал, но Джерри не особенно расстроился.

– Вольтер, ты с ума сошел. Чокнулся. Строишь замки на песке.

– Ничего подобного. Ведь Ко просил тебя летать для него в континентальный Китай, верно? Пусть он владеет хоть всем Гонконгом, мне дела нет, но если об этом небольшом приключении узнает губернатор, сдается мне, он перестанет с ним целоваться. Это для начала. Есть и еще кое-что.

– Ты о чем, Вольтер? Какой Китай? Что за чушь ты мелешь? К о н т и н е н т а л ь н ы й К и т а й ? – Рикардо пожал плечамии отпил виски, ухмыльнувшись в стакан. – Вольтер, я тебя

не понимаю. Ты несешь чепуху. С чего ты взял, что я летал для Ко в Китай? Просто смешно. Обхохочешься.

Про ложь, подумал Джерри, тут и говорить нечего. – Лиззи даст Рикардо сто очков вперед.

– С того, что так сказал мой редактор. А редактор – очень проницательный тип. У него масса известных и влиятельных друзей. Они ему дело говорят. Сейчас, например, сильно подозревает, что вскоре после твоей трагической гибели в авиакатастрофе ты продал чертовски большую партию опиума-сырца одному доброжелательному американцу, который занимается тайными поставками опасных наркотиков. У него есть еще одно подозрение – в том, что это был опиум Ко, а не твой собственный и что предназначался он для перевозки в континентальный Китай. А ты решил увильнуть. – Джерри шел напрямик. Рикардо пожирал его глазами поверх стакана виски. – А теперь, если все так и было и если в намерения Ко действительно входило, скажем так, возродить в континентальном Китае привычку курить опиум, медленно, но верно создавая себе новые рынки сбыта – ты следишь за моей мыслью? – так вот, полагаю, он многое отдаст для того, чтобы эта информация не попала на первые страницы газет во всем мире. Но и это не все. В этом деле есть еще одна сторона, куда более прибыльная для нас.

– Какая, Вольтер? – спросил Малыш, продолжая сверлить Джерри таким пристальным взглядом, словно смотрел нанего в прицел винтовки. – Что это за еще одна сторона? Будь добр, объясни.

– Пожалуй, я пока о ней лучше умолчу, – с искренней улыбкой ответил Уэстерби, – Приберегу, пока ты мне не расскажешь кое-что в ответ.

По лестнице молча поднялась девушка. Она принесла рис в чашках, лимонное сорго и вареную курицу. Фигура девушки была аккуратной и очень красивой. Снизу доносились разговоры, слышался голос Микки, смеялся ребенок.

– Кого ты сюда привел, Вольтер? – рассеянно спросил Рикардо, наполовину очнувшись от раздумий. – У тебя там внизу телохранитель или кто?

– Всего лишь шофер.

– У него есть оружие?

Не получив ответа, Рикардо удивленно покачал головой.

– Ты рехнулся, парень, – заметил он, махнув девушке, чтобы она вышла. – Просто рехнулся. – Он протянул Джерри чашку и палочки для еды. – Святая Мария. Этот Тиу – очень крутой тип. Я и сам крутой. Но эти китайцы, Вольтер, они могут действовать жестоко. Если свяжешься с типом вроде Тиу, заработаешь большие неприятности.

– Мы их побьем их же оружием, – ответил Джерри. – Позовем юристов-европейцев. Мы так все обстряпаем, что сам черт ногу сломит. Найдем свидетелей. Ты, Чарли Маршалл, все, кто что-нибудь знает. Представим даты и время всех его слов и дел. Покажем ему копию, положим остальные в банк и заключим контракт. Подписанный, скрепленный печатью и доставленный по адресу. Все честь по чести. Так, как он любит. Ко очень законопослушен. Я вникал в его дела. Видел перечень счетов, список активов. Пока все складывается наилучшим образом. Но если учесть другую сторону, о которой я говорил, думаю, это встанет в пять миллионов. Два вам. Два мне. Один Лиззи.

– Ей ничего.

Рикардо подошел к шкафу с документами. Он вытащил ящик и принялся просматривать содержимое, извлекая какие-то брошюры и письма.

– Вольтер, ты был на Бали?

Торжественно водрузив на нос очки для чтения, пилот снова сел за стол и принялся изучать одну из папок.

– Несколько лет назад я купил там земельный участок. Одно из моих дел. У меня много дел. Гуляю, разъезжаю, у меня здесь и «Хонда-750», и девушка есть, В Лаосе мы всех убивали, во Вьетнаме выжгли всю страну, поэтому я и купил участок на Бали, клочок земли, который мы пока не сожгли, и девушку, которую мы не убили. Понимаешь, о чем я? Двадцать гектаров кустарников. Иди сюда.

Заглянув через его плечо, Джерри увидел отпечатанный на мимеографе топографический план перешейка, поделенного на пронумерованные строительные участки. В левом нижнем углу было написано: «Рикардо и Уэрдингтон Лтд, Голландские Антильские острова».

– Вольтер, ты вступишь со мной в дело. Мы поставим это на ноги, верно? Построим пятьдесят домов, возьмем по одному себе, поселим хороших людей, посадим Чарли Маршалла управляющим, вызовем девочек, создадим, может быть, целую колонию с артистами, они будут давать концерты. Вольтер, ты любишь музыку?

– Мне нужны надежные факты, – настаивал Джерри. – Даты, время, места, показания свидетелей. Когда ты мне это расскажешь, я тебя отблагодарю. Объясню тебе другую сторону – ту самую, наиболее прибыльную. Всю суть дела.

– Конечно, – рассеянно произнес Рикардо, все еще рассматривая карту. – Мы с ним разберемся. Конечно.

В о т так они и жили, подумал Джерри: одной ногой в Стране Чудес, другой ногой – в тюрьме, раздували фантазии друг друга. Опера нищих с труппой из трех человек.

А теперь вот Рикардо влюбился в собственные грехи, и Джерри никак не мог остановить его. По примитивным понятиям Малыша, «поговорить о себе» означало «лучше узнать другого». И он принялся разглагольствовать о своей широкой душе, о громадной сексуальной потенции и о том, как его заботит ее сохранность. Но больше всего он рассказывал об ужасах войны – он считал, что знает об этой теме практически все.

– Во Вьетнаме я влюбился в девочку, Вольтер. Я, Рикардо, влюбился. Со мной это случается редко, для меня это чувство святое. Черные волосы, прямая спинка, личико, как у Мадонны, маленькие сиськи. Каждое утро она шла в школу, я останавливал джип рядом, и каждое утро она говорила «нет». «Послушай, – объяснял я ей, – Рикардо не американец. Он мексиканец». Но она даже не знала, что такое Мексика. Вольтер, я с ума сходил. Несколько недель я, Рикардо, жил как монах. К другим девчонкам не прикасался. Потом как-то раз еду на первой передаче, и вдруг она вскидывает руку – останавливает! Садится рядом. Она закончила школу и едет жить в какой-то кампонг. Когда-нибудь я тебе скажу, как он назывался. И вдруг прилетели «Б-52» и сровняли деревню с землей. Какой-то герой плохо прочитал карту. Маленькие деревеньки, они, как камни на пляже, все одинаковые. Я летел следом на вертолете. Ничто не могло меня остановить. Рядом со мной сидел Чарли Маршалл, он орал, что я псих. А мне было все равно. Я приземлился и нашел ее. Вся деревня была мертва, а я ее нашел. Она тоже была мертва Но я нашел ее. Я вернулся на базу, военная полиция сделала из меня котлету, меня на семь недель засадили в одиночку, лишили нашивок за службу. Меня, Рикардо.

– Бедный ты, бедный, – сказал Джерри, которому уже доводилось играть в эти игры. Он их ненавидел-иногда верил, иногда нет, но всегда ненавидел.

– Это ты прав, – промямлил Рикардо, благодарно кивнув Джерри за сочувствие. – Это верное слово – бедный. Они обращаются с нами, как с крестьянами. Мы с Чарли чего только не возили. А нам ни разу как следует не заплатили. Возили раненых, убитых, разорванных на куски, возили и наркотики. Задаром! Господи, ну и стрельба была на той войне. Я дважды летал в провинцию Юннань. Я страха не ведаю. Не знаю, что это такое. Я не пугаюсь даже при виде собственной очаровательной физиономии.

– Так насчет поездок для Дрейка Ко, – напомнил Джерри. – Вы там были, должно быть, раза три?

– Я обучал пилотов для камбоджийских военно-воздушных сил. За просто так. Камбоджийские военно-воздушные силы, подумать только, Вольтер! Восемнадцать генералов, пятьдесят четыре самолета и Рикардо. Когда закончишь дело, они страхуют твою жизнь, такая вот сделка. На сто тысяч долларов. Только тебе. Если Рикардо погибает, ближайшие родственники не получают ничего. Вот такая сделка Рикардо это сделал, он получил все. Я говорил с приятелями из французского Иностранного легиона, они знали этот фокус и предостерегали меня: «Будь осторожен, Рикардо. Скоро они зашлют тебя в гиблое место, откуда не выбраться. И им не придется платить». Камбоджийцы хотели, чтобы я летал с половинным запасом топлива Я заливал полные баки в крыльях и посылал их к черту. В другой раз они поломали мне гидравлику. Я сам починил самолет. Им со мной не расправиться. Послушай, стоит мне щелкнуть пальцами, и Лиззи тут же прибежит обратно. Ясно?

Обед подошел к концу.

– Так как все было с Тиу и Дрейком? – спросил Джерри. Если нарвался на исповедь, говорили в Саррате, все, что от тебя требуется, это чуть-чуть наклонить поддон, чтобы струя текла в нужную сторону.

Джерри почудилось, что в первый раз за всю беседу во взгляде Рикардо проявилась полная мера его животной тупости.

– Вольтер, ты меня запутал. Если я расскажу слишком много, мне придется тебя пристрелить. А я человек болтливый, ясно? Мне здесь одиноко, одиночество мне на роду написано. Бывает, кто-нибудь мне понравится, разговорюсь, а потом сам жалею. Я не забыл свои деловые обязательства, понял?

На Джерри снизошло внутреннее умиротворение. Человек из Саррата стал ангелом, отмечающим добрые дела и грехи людские. Ему ничего не нужно было делать, только слушать и запоминать. Он знал, что его поездка близка к завершению; даже обратный путь будет в лучшем случае никем не замечен. В свете всей операции, говорил ему предшествующий опыт, в его благоговейно склоненных ушах должны зазвучать триумфальные колокола. Но они почему-то не звучали. Этот факт сам по себе мог послужить первым предупреждением, указать, что линия его поисков уже не во всем совпадает с наставлениями сарратских менторов.

Поначалу – с поправками на скачки потока мыслей Рикардо – история в основном совпадала с рассказом Чарли Маршалла. Тиу, одетый, как кули, и воняющий кошатиной, приехал во Вьентьян и повсюду расспрашивал о лучшем в городе летчике. Ему, естественно, указали на Рикардо, который в тот момент как раз отдыхал от дел и согласился выполнить некоторую особую, высокооплачиваемую работу в области авиации.

В отличие от Чарли Маршалла, Рикардо рассказывал историю, прилежно раскладывая все по полочкам, словно привык иметь дело с людьми, стоящими по уровню интеллекта намного ниже его. Тиу представился человеком, имеющим обширные связи в авиационной промышленности, упомянул о неких неопределенных отношениях с компанией «Индочартер» и перешел на тему, которую Джерри уже обсуждал с Чарли Маршаллом. Наконец китаец дошел до сущности предприятия – говоря утонченным сарратским языком, скормил Рикардо легенду. Некая крупная торговая компания из Бангкока, сотрудничать с которой Тиу почитает за честь, столкнулась с трудностями при осуществлении в высшей степени законного контракта с некими чиновниками из дружественной соседней страны.

– Я на полном серьезе спросил его, Вольтер: «Мистер Тиу, вы нашли нечто небывалое? Я еще не слышал, чтобы у какого-нибудь азиатского государства были дружественные соседи». Тиу посмеялся моей шутке. Он поистине счел ее вкладом в пользу остроумия, – с серьезным

видом добавил Рикардо; иногда он начинал говорить на языке, почерпнутом в английской школе бизнеса.

Прежде чем завершить эту в высшей степени прибыльную и законную сделку, пояснил Тиу, говоря на том же языке, что и Рикардо, его деловые компаньоны столкнулись с трудностями при оплате услуг неких официальных и других заинтересованных лиц этой дружественной страны – людей, которые избавили бы их от утомительных бюрократических препятствий. «А в чем трудности?» – резонно спросил Рикардо.

Представьте себе, сказал Тиу, эта страна – Бирма. Нет, только вообразите. В современной Бирме чиновникам не разрешается заниматься самообогащением или просто хранить деньги в банке. В таких условиях приходится искать иные способы оплаты.

Рикардо предложил золото. Тиу, по его словам, выразил сожаление: в стране, о которой идет речь, даже торговля золотом весьма затруднительна. Следовательно, в качестве валюты приходится выбрать четыреста килограммов опиума. Расстояние невелико, за один день Рикардо успеет обернуться туда и обратно; гонорар – пять тысяч долларов. Подробности будут сообщены ему перед отлетом, чтобы избежать «ненужного размывания памяти», как выразился Малыш Рикардо, – еще один лингвистический перл из тех, что, видимо, составляли основу образования Лиззи. По возвращении из полета, который, по мнению Тиу, окажется безболезненным и весьма поучительным, он немедленно получит пять тысяч американских долларов удобными для него купюрами – разумеется, при условии, что Рикардо в любой форме представит подтверждение того, что груз был доставлен по назначению. Например, расписку.

Пилот, если верить его россказням о собственной ловкости, черезвычайно хитро повел дело с Тиу. Он заявил, что подумает о его предложении. Намекнул, что у него есть и другие срочные обязательства и что он собирается открыть собственную авиакомпанию. Потом он задался целью выяснить, кто же таков на самом деле Тиу. Он быстро разузнал, что сразу после их разговора Тиу вернулся не в Бангкок, а беспересадочным рейсом проследовал в Гонконг. Рикардо попросил Лиззи навести справки через знакомых китайцев в «Индочартер», и один из них проговорился, что Тиу – большая шишка в «Чайна Эйрси», потому что в Бангкоке он останавливается в отеле «Эраван» в апартаментах этой авиакомпании. К тому времени как Тиу вернулся во Вьентьян за ответом Рикардо знал о нем намного больше – даже то, что Тиу считается правой рукой Дрейка Ко.

Пять тысяч американских долларов за однодневный полет, заявил он Тиу на второй встрече, это и слишком много, и слишком мало. Если работа, по утверждению Тиу, действительно такая легкая, то это слишком много. Если это полное безумие, в чем уверен Рикардо, это слишком мало. Летчик предложил другие условия: как он выразился, «деловой компромисс». Он пояснил, что страдает «от временных проблем с наличностью» – видимо, ему часто доводилось употреблять это выражение. Иными словами, в разумении Джерри, он, как обычно, сидел на мели, и кредиторы брали его за горло. Что ему было нужно, так это регулярный доход, и этого проще всего достичь, если Тиу устроит его пилотом-консультантом в «Индочартер» сроком на один год с жалованьем в двадцать пять тысяч американских долларов.

Эта мысль не показалась Тиу чересчур сногсшибательной, сказал Рикардо. В доме на сваях стало очень тихо.

Во-вторых, Рикардо хотел получить не пять тысяч долларов после доставки груза, а двадцать тысяч долларов авансом, чтобы выполнить неотложные обязательства. Десять тысяч долларов должны считаться платой за доставку опиума, а остальные десять будут вычитаться «из источника», из его жалованья в «Индочартер» в течение оставшихся месяцев работы. Если Тиу с коллегами не сумеют этого устроить, пояснил Рикардо, ему, к сожалению, придется покинуть город раньше, чем он успеет доставить опиум по назначению.

На следующий день Тиу согласился на эти условия, правда, с небольшими поправками. Вместо того чтобы платить Рикардо двадцать тысяч долларов, было предложено просто выкупить долги Рикардо у кредиторов. Это будет удобнее для всех, пояснил Тиу. В тот же день соглашение было освящено – религиозные убеждения Рикардо никогда не отличались глубиной – составлением внушительного контракта, написанного по-английски и скрепленного подписями обеих сторон. Вот так летчик, отметил про себя Джерри, продал душу дьяволу.

– А что думала об этом контракте Лиззи? – спросил он.

Рикардо пожал блестящими плечами.

– Что могут думать женщины? – произнес он.

– Это точно, – ответил Джерри с понимающей улыбкой.

Обеспечив таким образом свое будущее, Рикардо начал вести, по собственному выражению, «подобающий профессионалу образ жизни». Сначала его разумом овладела идея организовать всеазиатский футбольный тотализатор. Потом появилась четырнадцатилетняя девочка Рози из Бангкока, которую бравый пилот, благо позволяло жалованье, регулярно навещал, чтобы обучать игре на великой сцене жизни. Изредка он совершал рейсы для «Индочартер», но всегда простые, ни к чему не обязывающие.

– Пару раз летал в Чиангмай. В Сайгон, Пару раз – в Шанские горы, навестить отца Чарли, прихватить немного опиума-сырца, отвезти ему ружья, рис, золота. Может быть, в Баттамбанг.

– А где сейчас Лиззи? – тем же непринужденным тоном в духе мужского разговора спросил Джерри.

Рикардо еще раз презрительно пожал плечами.

– Застряла во Вьентьяне. Бабские дела. Ловит клиентов в"Констеллейшн". Она уже старуха, Вольтер. Мне нужны молодые. Оптимизм. Энергия. Люди, которые меня уважают. В моем характере – отдавать. Что я могу дать старухе?

– И долго? – спросил Джерри.

– А?

– Когда вы кончили целоваться?

Рикардо неправильно понял его и внезапно показался очень опасным. Низкий голос зазвучал предостерегающе:

– Что ты имеешь в виду?

Джерри успокоил его самой доброжелательной улыбкой:

– Долго ты вытягивал деньги и жонглировал словами, прежде чем Тиу потребовал выполнять условия контракта?

Шесть недель, сказал Рикардо, он набирался самообладания. Может быть, восемь. Дважды назначали, но потом отменяли день поездки. Однажды его отправили в Чиангмай, он прождал там пару дней, а потом позвонил Тиу и объявил, что люди на другом конце еще не готовы. У Рикардо крепла уверенность, что он впутался в какую-то грязную затею, но он утешал себя тем, что история всегда предназначала ему великие роли в театре жизни. К тому же от него наконец отвязались кредиторы

Пилот замолчал и еще раз внимательно всмотрелся в лицо Джерри, задумчиво почесывая бороду. Наконец он вздохнул, налил обоим виски и подтолкнул гостю стакан. Сияющий день у них под ногами готовился к медленной смерти. Зеленые деревья помрачнели. Дым от костра, на котором девушки готовили ужин, запах сыростью.

– Куда ты пойдешь отсюда, Вольтер?

– Домой, – ответил Джерри. Рикардо расхохотался.

– Оставайся на ночь, я дам тебе одну из моих девушек.

– Знаешь, приятель, я лучше двину своей дорогой, – сказал Джерри.

Мужчины следили друг за другом, как раздраженные звери, вот-вот готова была вспыхнуть битва.

– Вольтер, ты свихнулся, – пробормотал Рикардо. Но сарратская школа победила.

– Значит, в один прекрасный день поездка все-таки состоялась, так? – добил Джерри. – И никто ее не отменял. А что было потом? Продолжай, приятель, давай расскажем все.

– Конечно. – Рикардо мотнул головой. – Конечно, Вольтер. – Он выпил, не сводя с Джерри глаз. – А как оно было… Слушай, Вольтер, я расскажу, как оно было.

А потом убью, говорили его глаза.

В тот день Рикардо был в Бангкоке. Рози становилась все требовательнее. Тиу настаивал, чтобы летчик всегда находился в пределах досягаемости, и однажды ранним утром, часов в пять, в их любовное гнездышко явился гонец. Он приказал Малышу немедленно явиться в «Эраван». Апартаменты произвели на Рика большое впечатление. Он бы и сам не отказался в таких пожить.

– Вольтер, ты был в Версале? Стол величиной с «Б-52».Этот Тиу совсем не такой человек, как те кули, от которых воняет кошатиной и которые обычно являются во Вьентьян, правда? Он человек с большим влиянием. «Рикардо, – говорил он мне, – на этот раз наверняка. Мы должны доставить груз».

Его указания были просты. Через несколько часов состоится коммерческий рейс до Чиангмая. Рикардо должен лететь им. Для него будет заказан номер в отеле «Ринком». Там он должен заночевать. Один. Никакой выпивки, никаких женщин, никакой компании.

– "Лучше возьмите что-нибудь почитать, Рикардо", – говорил он мне «Мистер Тиу, – сказал я ему. – Вы мне скажите, куда лететь, нечего меня учить, что читать. Ясно?» Этот парень за большим столом очень задирал нос, понимаешь, Вольтер? Я считал своим долгом поучить его хорошим манерам.

На следующее утро в шесть часов за Рикардо зайдут. Этот человек представится другом мистера Джонни. Рикардо должен пойти с ним.

Все шло так, как договорились. Рик вылетел в Чиангмай, в воздержании провел ночь в отеле «Ринком», и в шесть часов за ним зашли не один, а целых два китайца. Они повезли его на север, и через несколько часов прибыли а деревню, где жили хэкка. Они полчаса шли пешком, пока не добрались до обширного поля, на краю которого стоял ангар В ангаре укрывался, как выразился Рикардо, "щегольский малыш «Бичкрафт», новенький, как игрушка. На переднем сиденье рядом с креслом пилота с грудой документов и карт на коленях сидел Тиу. Задние сиденья были сняты, чтобы освободить место для джутовых мешков. В стороне, пристально наблюдая за ними, стояла пара полицейских-китайцев, и общее настроение, заключил Рикардо, совсем ему не понравилось.

– Первым делом мне пришлось вывернуть карманы. Карманы мои не для посторонних глаз, Вольтер. Это очень личное, как женская сумочка. Там лежат сувениры, письма. Фотографии. Моя Мадонна, они забрали все! Мой паспорт, удостоверение пилота, все деньги… даже браслеты, – пожаловался он и приподнял смуглые руки. Звякнули золотые цепочки.

После этого, продолжал он, недовольно хмурясь, пришлось подписать еще довольно много документов. Например, доверенность, по которой Рикардо лишался даже тех обрывков личной жизни, которые оставались у него после контракта с «Индочартер». Или признание об участии в «технически незаконных предприятиях» – некоторые из них, в непритворной ярости утверждал Рикардо, действовали от имени компании «Индочартер». К тому же, один из китайских полицейских оказался юристом. Малыш счел это верхом непорядочности.

Только после этого Тиу показал ему карту и дал указания, которые Рикардо воспроизвел, сочетая собственный язык со стилем Тиу:

– Вы направитесь на север, мистер Рикардо, и все время будете лететь на север. Может, вы зацепите край территории Лаоса, может, останетесь над Шанскими горами, мне все равно. Летать – ваше дело, не мое. Через восемьдесят километров после китайской границы пересечете Меконг и полетите вдоль него. Потом опять полетите на север, пока не увидите небольшой городок в горах под названием Тьенпао, он стоит на притоке этой знаменитой реки. Затем летите строго на восток и через сорок километров заметите взлетно-посадочную полосу. Земля даст одну белую и одну зеленую ракеты. Приземлитесь. Вас будет ждать человек. Он говорил по-английски, но очень плохо. Вот вам половина долларовой банкноты. У этого человека будет вторая половина Выгрузите опиум. Человек передаст вам некий груз и дополнительные указания. Этот груз и будет вашей распиской, мистер Рикардо. Когда будете возвращаться, заберите его с собой и строжайше соблюдайте все указания, особенно те, что касаются места вашей посадки. Вы меня хорошо поняли, мистер Рикардо?

– А что за груз? – спросил Джерри.

– Он не сказал, а я не поинтересовался. «Сделайте это, – сказал он, – и держите язык за зубами, мистер Рикардо, и тогда мои коллеги будут всю вашу жизнь печься о вас, как о родном сыне. Позаботятся и о ваших детях, и о ваших девочках. О вашей девушке на Бали. Они всю жизнь будут вам благодарны. Но если вы их подведете или проболтаетесь, они непременно вас убьют, мистер Рикардо, поверьте. Может быть, не назавтра и не через день, но убьют обязательно. Мы заключили контракт, мистер Рикардо. Мои коллеги никогда не нарушают контрактов. Они очень законопослушные люди». Вольтер, я потом обливался. Я в хорошей форме, неплохой спортсмен, но я обливался потом. «Не волнуйтесь, мистер Тиу, – ответил я ему. – Мистер Тиу, сэр, если вам еще когда-нибудь понадобится перевезти опиум в красный Китай, Рикардо ваш с потрохами». Поверишь ли, Вольтер, я очень испугался.

Малыш высморкался.

– А теперь слушай, Вольтер. Слушай внимательна Когда я был молод и ничего не соображал, я дважды летал в провинцию Юннань для американцев. Чтобы стать героем, нужно совершать безумства, а если разобьешься, может быть, когда-нибудь тебя и вытащат. Но в каждом полете я смотрел на эту гнусную бурую землю и видел Рикардо в деревянной клетке. Ни одной женщины, паршивая жратва, негде сесть, негде встать или поспать, руки в цепях, и я никто и ничто. «Полюбуйтесь на империалистического шпиона». Вольтер, мне эта картина совсем не нравилась. Всю жизнь сидеть в китайской тюрьме за перевозку опиума? Мне это не улыбалось. "Разумеется, мистер Тиу! До свидания! Увидимся днем. Мне нужно было подумать как следует.

Комнату наполнил рыжеватый отблеск заходящего солнца. Несмотря на прекрасную физическую форму, на груди Рикардо опять, как тогда, выступил пот. Бусинки влаги блестели на спутанных черных волосах и намасленных плечах.

– А где была в это время Лиззи?-опять спросил Джерри.Ответ Рикардо прозвучал сердито:

– Во Вьентьяне! Или на Луне! Или в постели с Чарли! Какое мне дело, черт возьми?

– Она знала о договоре с Тиу?

Рикардо лишь состроил презрительную гримасу.

Пора уходить, подумал Джерри. Пора поджигать фитиль и сматываться. Внизу Микки соловьем разливался перед девушками Рикардо. Джерри слышал его мелодичную болтовню, прерываемую пронзительным смехом, словно хохотал целый класс школы для девочек.

– Итак, ты улетел, – продолжил Джерри. Подождал ответа, но Рикардо, казалось, задумался и не расслышал. – Ты вылетел и направился на север, – повторил Джерри.

Рикардо чуть приподнял веки и уставился на Уэстерби, как бешеный бык, но в конце концов предложение рассказать о собственных героических подвигах заставило его сменить гнев на милость.

– Вольтер, я никогда в жизни не летал так здорово. Я был великолепен. Маленький черный «Бичкрафт». Я пролетел полтораста километров на север, потому что никому не верю. Что, если эти пройдохи держат меня на радаре? Я не хотел рисковать. Потом я полетел на восток, но очень медленно и низко, прижимаясь к горам. Вольтер, я могу пролететь у коровы между ног, ясно? На войне у нас в горах были очень короткие взлетно-посадочные полосы, со всех сторон их окружали ущелья. Я в тех местах летал, Вольтер. Я их знаю. Я нашел местечко на вершине горы, куда можно попасть только с воздуха. Я огляделся, нашел склад горючего, приземлился, заправился и поспал. Скажешь, я свихнулся? Но, Боже мой, Вольтер, в Юннань-то я не попал, правда? Это не Китай, и мне, Рикардо, американскому военному преступнику и опиумному контрабандисту, не светит до конца жизни сидеть за решеткой в Пекине, ясно? Так вот, я снова полетел на юг. Я знаю эти края: тут есть такие места, что можно потерять хоть целую эскадрилью, можешь мне поверить.

О следующих нескольких месяцах своей жизни Рикардо рассказывал лишь намеками. Он слышал о Летучем Голландце и, по его словам, решил сам стать таким Голландцем. Он полетал немного, опять спрятался, еще полетал, перекрасил и каждый месяц заново регистрировал «Бичкрафт». Опиум, чтобы не вызвать подозрения, распродал малыми порциями – килограмм тут, пятьдесят там; купил у индийца испанский паспорт, но сам не верил, что он настоящий, держался подальше от знакомых, в том числе и от Рози в Бангкоке, и даже от Чарли Маршалла. Джерри вспомнил рассказ Кро: было время, когда Рикардо пытался толкнуть опиум Ко молодчикам из Управления по борьбе с наркотиками, но почему-то он не встретил у них достойного приема. По приказу Тиу, сообщил Рикардо, ребята из «Индочартера» быстренько объявили его погибшим и сменили в полетном листе направление его маршрута, указав, чтобы отвлечь внимание, на юг. Рикардо слышал об этом и не имел ничего против того, чтобы считаться мертвым.

– А как ты поступил с Лиззи? Рикардо опять взорвался.

– Л и з з и, Л и з з и ! Ты, наверно, помешался на этой шлюхе, Вольтер, что то и дело твердишь о ней? В жизни не встречал такой бестолковой бабы. Я отдал ее Дрейку Ко, понял? Вывел ее в люди. – Он схватил стакан и отпил виски, сердито глядя на Джерри.

Она его выгораживала, подумал Джерри. Она и Чарли Маршалл. Обивала пороги, пытаясь выкупить для Рикардо его собственную шею.

– Ты тут хвастал о других прибыльных сторонах этого дела, – продолжил Рикардо, снова переходя на английский, усвоенный в школе бизнеса. – Будь добр, Вольтер, разъясни.

Эту часть урока сарратский воспитанник вызубрил на «отлично».

– Пункт первый: Ко получал крупные суммы денег из русского посольства во Вьентьяне. Эти деньги прокачивались через «Индочартер» и оседали на счету в Гонконге. У нас есть доказательства. Есть копии банковских документов.

Рикардо тряхнул головой, словно виски оказалось невкусным, потом снова выпил.

– Мы не знаем, предназначены ли эти деньги на возрождение опиумного рынка в красном Китае или для каких-то других целей, – сказал Джерри. – Но узнаем. Пункт второй. – Рикардо зевнул. – Вы хотите услышать, или я мешаю вам спать? Пункт второй. У Ко в красном Китае есть младший брат. Его зовут Нельсон. Ко делает вид, что он умер, но сейчас он занимает высокий пост в пекинской администрации. Уже долгое время Ко пытается его вытащить. Ваша задача заключалась в том, чтобы отвезти опиум и привезти обратно некий груз. Этим грузом и был брат Нельсон. Поэтому Ко и должен был любить вас, как родного сына, если бы вы вывезли его. И поэтому в противном случае он должен был вас убить. Неужели эта новость не стоит пяти миллионов долларов?

В свете угасающего дня Джерри наблюдал за Рикардо. С ним не происходило никаких видимых изменений, разве что дремавший зверь просыпался на глазах. Он медленно наклонился, чтобы поставить стакан, но не смог скрыть, как напряглись его плечи и скрутились в тугой узел мускулы живота, Малыш неторопливо обернулся, чтобы одарить Джерри самой доброжелательной улыбкой, но глаза сверкнули, как сигнал к нападению; поэтому, когда он протянул руку и ласково похлопал Джерри по щеке, тот был готов, если понадобится, схватить его за руку и перекатиться на спину в надежде, что ему удастся отбросить Рикардо в другой угол комнаты.

– Пять миллионов баксов, Вольтер! – с волнением воскликнул Рикардо. – Пять миллионов! Слушай, мы должны что-то сделать для бедняги Чарли Маршалла, ладно? Просто так. Чарли всегда ломался. Может быть, когда-нибудь мы снова организуем для него футбольный тотализатор. Погоди минуту. У меня есть еще виски, давай отпразднуем. – Он встал, склонил голову набок и раскинул обнаженные руки. – Вольтер, – тихо произнес он. – В о л ь т е р ! – И нежно взял Джерри за щеки и поцеловал его. – Ну и расследование провернули твои парни! Ну и ловкач у тебя редактор. Становись моим деловым партнером. Все будет, как ты скажешь. Давай? Мне нужен англичанин. Когда-нибудь я стану как Лиззи, женюсь на учительнице. Вольтер, сделаешь это для Рикардо? Не теряй меня из виду, ладно?

– Что за вопрос, – улыбнулся в ответ Джерри.

– Посиди минутку у ружей, ладно?

– Конечно.

– Я скажу пару слов девочкам.

– Конечно.

– Дело личное, семейное.

– Я побуду здесь

Джерри пристально следил за ним через люк. Шофер Микки качал на руках младенца и ласково трепал его за ушком, В этом свихнувшемся мире если уж врать, так до конца, подумал Джерри. Вцепиться в свою выдумку мертвой хваткой, и пусть он наносит удар первым. Уэстерби подошел к столу, взял карандаш и блокнот Рикардо и набросал несуществующий адрес в Гонконге, по которому его якобы можно найти в любое время. Пилот еще не вернулся. Выпрямившись, Джерри увидел, как тот выходит из-за деревьев позади машины. Он любит заключать контракты. Так пусть подпишет еще один. Он взял чистый лист бумаги и написал: " Я, Д ж е р р и У э с т е р б и, т о р ж е с т в е н н о к л я н у с ь, ч т о р а з д е л ю с к а п и т а н о м М а л ы ш о м Р и к а р д о в с е п р и б ы л и, к а к и е у д а с т с я и з в л е ч ь и з с о в м е с т н о г о и с п о л ь з о в а н и я и с т о р и и е г о ж и з н и ", потом расписался. Рикардо уже поднимался по ступенькам. Джерри подумал, не позаимствовать ли ему что-нибудь из личной коллекции оружия, но догадался, что именно этого Рикардо от него и ждет. Пока летчик наливал виски, Джерри протянул ему два листка бумаги.

– Я составлю документы с показаниями под присягой, как положено по закону, – сказал он, глядя прямо в горящие глаза Малыша. – У меня в Бангкоке есть знакомый юрист, которому я полностью доверяю. Я дам их ему просмотреть и привезу тебе на подпись. После этого мы составим план действий, и я поговорю с Лиззи. Договорились?

– Еще бы. Слушай, уже стемнело. В этом лесу полно бандитов. Оставайся на ночь. Я поговорю с девочками. Ты им понравился. Они говорят, ты сильный мужчина. Не такой сильный, как я, но все-таки.

Джерри проговорил что-то о том, что ему нельзя терять ни минуты. Хотелось бы до завтра вернуться в Бангкок. На его собственный взгляд, такое оправдание хромало, как мул на трех ногах. Оно, пожалуй, годилось для того, чтобы войти куда-то, но никак не для того, чтобы

уехать. Но Рикардо просиял; казалось, он вполне удовлетворен. Может быть, ему готовится засада, подумал Джерри; наверно, он договорился об этом с подполковником.

– В добрый путь, лошадиный писака. Счастливого пути, приятель.

Рикардо обхватил обеими руками затылок Джерри, пригнул голову и еще раз поцеловал. Джерри не сопротивлялся. Сердце его колотилось, мокрая спина под рубашкой заныла, но все-таки он не сопротивлялся.

Снаружи уже почти стемнело. Рикардо не проводил их до машины, покровительственно наблюдая за ними из-под свай, и обеими руками махал вслед. Девушки сидели у его ног. Джерри высунулся из машины и помахал в ответ. Солнце скрылось за высокими тиками. «Может быть, я вижу его в последний раз», – подумал он.

– Не включай мотор, – тихо велел он Микки. – Я проверю уровень масла.

«Должно быть, это не он, а я сошел с ума. Сам себя впутал черт знает во что».

Микки на водительском сиденье отпустил защелку, Джерри приподнял капот, но там не оказалось ни пластиковой бомбы, ни других подарков от нового друга и партнера. Он вытащил измерительный щуп и сделал вид, что проверяет уровень масла.

– Что, лошадиный писака, масло кончилось? – заорал вслед Рикардо.

– Нет, все в порядке. Пока!

– Пока.

Посветить было нечем, но Джерри все-таки присел на корточки и в темноте пошарил под машиной. Там тоже ничего не оказалось.

– Потерял что-нибудь, лошадиный писака? – снова окликнул Рикардо, сложив ладони рупором.

– Включай мотор, – сказал Джерри и сел в машину.

– Фары зажечь, мистер?

– Да, Микки. Зажги.

– Почему он зовет вас лошадиным писакой?

– Дружеская шутка.

Если Рикардо предупредил КТ, подумал Джерри, им так и так не выбраться. Микки зажег фары, и американская приборная доска в салоне засверкала, как небольшой город.

– Поехали, – сказал Джерри.

– Быстро-быстро?

– Да, быстро-быстро.

Восемь километров, десять, двенадцать, Джерри следил за показаниями спидометра: по его подсчетам, до первого блокпоста было тридцать шесть километров, до второго – восемьдесят. Микки гнал со скоростью сто двадцать километров в час, но Джерри не имел ничего против. Они ехали по самой середине дороги. Шоссе было прямое, и высокие тики, обрамлявшие полосу противозасадных вырубок, пролетали мимо, как оранжевые призраки.

– Хороший он человек, – сказал Микки. – Шикарный любовник. Эти девчонки говорили, любовник он что надо.

– Смотри внимательно, нет ли проволочных заграждений, – откликнулся Джерри.

Справа деревья расступались, красной полосой уходила вдаль проселочная дорога.

– Он здесь шикарно проводит время, – продолжал Микки. – У него есть девочки, завел детей, всегда вдоволь виски, рядом гарнизонная лавка. Здорово устроился.

– Притормози, Микки, Останови машину. Прямо здесь, посередине, где дорога ровная. Не зевай, Микки.

Шофер засмеялся.

– Девочки тоже неплохо устроились, – добавил он. – У девочек есть леденцы, и у их детей есть леденцы, у всех есть леденцы!

– Останови же эту чертову машину! Нахохотавшись вдоволь, Микки, все еще подшучивая насчет девочек, притормозил.

– Эта штука точная? – спросил Джерри, показывая пальцем на датчик уровня топлива.

– Точная? – отозвался Микки. Это английское слово было ему незнакомо.

– Бензин. Топливо. Бак полный? Или полупустой? Или полон на три четверти? Он в пути показывает правильно?

– Конечно. Он правильный.

– Микки, когда мы приехали в сожженную деревню, бак был полон наполовину. Сейчас он тоже показывает, что полон наполовину.

– Конечно.

– Ты доливал бензин? Из канистры? Ты заправлял машину?

– Нет.

– Выходи.

Микки начал было спорить, но Джерри перегнулся через него, распахнул дверцу и просто вытолкнул Микки на шоссе, а сам вылез следом. Заломил парню р у к у и бегом поволок его через дорогу к широкой мягкой обочине, протащил по ней метров шесть, толкнул в кусты и сам бросился лицом вниз. Он упал, придавив Микки, тот громко икнул от изумления. Лишь через полминуты он пришел в себя и сумел возмущенно выдавить: «За что?» Но в это время Джерри уже прижимал его лицо к земле, чтобы уберечь голову от взрыва. Казалось, старый «форд» сначала загорелся, а уж только потом взорвался. Жизнеутверждающе взметнувшись ввысь, он рухнул на бок и заполыхал. Микки восторженно ахнул, Джерри посмотрел на часы. Они уехали из дома на сваях восемнадцать минут назад. Может быть, двадцать. Это должно было случиться раньше, подумал он. Неудивительно, что Рикардо так старался нас выпроводить. В Саррате ничего бы не заподозрили. Это шутка восточная, а в Саррате держатся за Европу и не могут забыть старые добрые времена «холодной войны»; Чехословакию, Берлин и другие старые фронты. Джерри стало интересно, гранату какого типа ему подложили. Вьетконговцы предпочитали американские. Им нравилась их взрывная сила. Единственное, что нужно, говорили они, это бензобак с широким горлышком. Вынимаете чеку, надеваете на пружину резиновое кольцо, опускаете гранату в бензобак и терпеливо ждете, пока бензин разъест резину. До такого применения западной техники мог додуматься только Вьетконг. Наверное, у Рикардо была слишком толстая резиновая лента, решил он.

Пешком они добрались до первого поста только через четыре часа. Микки был необычайно рад тому, что автомобиль застрахован, полагая, что, раз Джерри заплатил страховой взнос, эти деньги, разумеется, достанутся им. Джерри так и не сумел его разубедить. Но Микки еще и здорово боялся: во-первых, КТ, во-вторых, привидений, в-третьих, подполковника. Джерри разъяснил, что после такого происшествия ни привидения, ни КТ не рискнут болтаться поблизости от дороги. А что касается подполковника, подумал Джерри, но не стал говорить этого Микки, – что ж, он отец и солдат, и ему надо строить дамбу: ведь не просто так он сооружает ее из цемента Дрейка Ко, который привозит ему компания «Чайна Эйрси».

На КПП посчастливилось разыскать грузовик, который отвезет Микки домой. Джерри обещал, что газета поддержит его в любой тяжбе из-за страховки, но Микки был так счастлив, что не внимал никаким доводам. Нахохотавшись, они обменялись адресами, сердечно пожали друг другу руки, и Джерри остался у придорожного кафе полдня дожидаться автобуса, который отвезет его на восток, на поле новой битвы.

Нужно ли было в первую очередь отправляться к Рикардо? Если бы он не поехал, как бы все кончилось для него самого? Или же этот ловкий выпад, который совершил Джерри против Малыша, стал, как до сих пор утверждают защитники Смайли, решающим толчком, от которого с дерева посыпались вожделенные плоды? У сторонников Смайли сомнений не оставалось: визит к Рикардо оказался последней соломинкой, сломавшей спину Ко. Без этого Ко продолжал бы пребывать в нерешительности вплоть до начала сезона охоты, когда и сам Дрейк, и сведения о нем стали бы добычей того, кто первый до них доберется. Возражения не принимаются. И факты, на первый взгляд, доказывают изумительную причинную связь. Ибо произошло вот что. Всего через шесть часов после того, как Джерри и его шофер Микки выбрались из грязи у обочины дороги на северо-востоке Таиланда, весь шестой этаж Цирка разразился ликующими криками, которые по яркости затмили даже погребальный костер, в котором сгорел взятый напрокат тайский «форд». Когда Смайли в «комнате жарких споров» объявил радостную новость, Док ди Салис неуклюже сплясал джигу, к нему, несомненно, присоединилась бы и Конни, если бы не артрит, приковавший ее к проклятому креслу. Трот подвывал, Гиллем и Молли бросились обниматься, и только Смайли сохранял среди этого буйного веселья свой обычный, немного озадаченный вид, хотя Молли клялась, что заметила, как он, щурясь на ликующую компанию, слегка покраснел. Что же их так обрадовало?

Только что сообщили, сказал Смайли. Свежая весточка от Кузенов. В семь часов утра по гонконгскому времени Тиу позвонил Ко в Стар-Хайтс, где тот провел приятную ночь с Лиззи Уэрд. Сначала девушка сама подошла к телефону, но потом Ко снял трубку параллельного аппарата и резко велел Лиззи отключиться, что она и сделала. Тиу пригласил их в город на завтрак. «К Джорджу», сказал Тиу, чем весьма развеселил дешифровщиков. Через три часа Тиу позвонил своему агенту из турбюро и договорился о срочной деловой поездке в континентальный Китай. Первой его остановкой будет Кантон, где «Чайна Эйрси» держала своего представителя, но окончательным пунктом назначения являлся Шанхай.

Однако как же Рикардо без телефона сумел так быстро связаться с Тиу? Самое вероятное предположение – через подполковника, по полицейской линии связи с Бангкоком. А из Бангкока? Бог знает. Служебный телекс, биржевая сеть, надо ли еще что. У китайцев в таких делах собственные методы.

С другой стороны, могло случиться, что терпение Ко в "этот момент просто лопнуло само по себе и что выражение «завтрак у Джорджа» означало нечто совсем другое. Как бы то ни было, это был тот самый прорыв, о котором они мечтали, победное доказательство того, что предварительная работа, проделанная Смайли, оказалась не напрасной. Перед обедом ему с поздравлениями позвонил сам Лейкон, а в конце дня Сол Эндерби сделал жест, какого не совершал еще никто на левой стороне Трафальгарской площади. Он послал им ящик чудесного шампанского от «Берри Бразерс энд Радд». К нему была приложена записка для Джорджа, поздравляющая его «с первым днем лета». И хотя стоял еще только конец апреля, казалось, что и вправду началось другое время года. Сквозь плотные тюлевые занавески нижних этажей было видно, что на деревьях распустились листья. А наверху, в цветочном ящике на окне у Конни, расцвели гиацинты.

– Красные, – провозгласила она, поднимая бокал за здоровье Сола Эндерби. – Любимый цвет Карлы, будь он неладен.

Излучина реки

Военно-воздушная база выглядела уродливо и отнюдь не победоносно. Теоретически считалось, что она находится под таиландским командованием, на самом же деле танцам разрешалось только убирать мусор да сидеть в укреплениях вдоль периметра. Контрольно-пропускной пункт находился поодаль, вокруг него вырос целый городок. В воздухе стояла густая вонь, несло древесным углем, мочой, соленой рыбой и сжиженным газом. Цепочкой тянулись полуразвалившиеся жестяные лачуги, в которых кипела торговля, традиционная для районов военной оккупации. В борделях хозяйничали инвалиды-сводники, портные

предлагали вечерние костюмы для бракосочетаний, в книжных лавках торговали порнографией и буклетами для туристов, кипела жизнь в барах, носивших названия «Вечерняя заря», «Гавайи» и «Счастливые времена». В отделении военной полиции Джерри спросил капитана Эркхарта из отдела по связям с общественностью; услышав, что он из прессы, чернокожий сержант расправил плечи, намереваясь вышвырнуть его вон. Джерри позвонил по внутреннему телефону и после долгих щелчков услышал голос с протяжным акцентом южанина:

– Эркхарта здесь нет. Меня зовут Мастерс. Кто говорит?

– Прошлым летом мы встречались на совещании у генерала Кросса, – сказал Джерри.

– Ах да, конечно, парень, – произнес тот же голос, удивительно медленный; он напомнил Джерри Ганса Призывающего Смерть. – Отпустите такси. Ждите там. Приедет синий джип. Он мигнет фарами.

Последовало долгое молчание: видимо, собеседник разыскивал в справочнике кодовые слова «Эркхарт» и «Кросс».

Через лагерные ворота туда и обратно сновали работники авиабазы. Белые и черные держались поодаль друг от друга, обмениваясь хмурыми взглядами. Мимо прошел офицер-европеец. Африканцы встретили его символическим приветствием движения «Власть черным». Офицер осторожно ответил тем же. На мундирах рядовых красовались нашивки, такие же, как у Чарли Маршалла, с надписями, восхвалявшими в основном наркотики. Настроение стояло мрачное, пахло поражением, люди были готовы в любой момент дать волю врожденной тяге к насилию. Таиландские военные не приветствовали никого. Их тоже никто не приветствовал.

Мигая огнями и завывая сиреной, подъехал и яростно скрипнул тормозами синий джип. Сержант жестом пригласил Джерри сесть. Через несколько секунд автомобиль с головокружительной скоростью мчался по взлетно-посадочной полосе, направляясь к длинной цепочке низких белых домиков в центре летного поля. Шофером был долговязый парень, по всем признакам похожий на стажера.

– Это вы – Мастерс? – спросил Джерри.

– Нет, сэр. Я у майора только на посылках, – ответил парень.

ВсЈ с таким же шумом они проехали неухоженное бейсбольное поле, где шла игра.

– Великолепное прикрытие, – проговорил Джерри.

– Что такое, сэр? – проорал парень, пытаясь перекричать сирену.

– Ничего, не обращай внимания.

Авиабаза была не самая крупная. Джерри видел и побольше. Они проехали мимо строя «фантомов» и вертолетов; по мере того как белые домики приближались, Джерри начинал понимать, что они представляют собой отдельный «поселок с привидениями», с собственной огороженной территорией и собственными мачтами для антенн. Вокруг стояли выкрашенные черным небольшие самолеты – их называли «чудаками». Их бросили перед отступлением, и Бог знает, кому они теперь нужны.

Парень открыл боковую дверь, они вошли. Короткий коридор был пуст, не слышалось ни звука. В конце его находилась приоткрытая дверь, оклеенная, как здесь принято, пленкой под палисандровое дерево. Его ждал Мастерс в форме военно-воздушных сил с короткими рукавами; знаков различия на нем было немного. Он имел звание майора и был награжден медалями; Джерри догадался, что он работает на Кузенов и формально находится на военной службе; может быть, он даже не является профессиональным разведчиком. Болезненный и жилистый, со впалыми щеками, он все время печально поджимал тонкие губы. Он стоял у фальшивого камина под репродукцией Эндрю Уайета (Эндрю Уайет (р. 1917) – американский художник-реалист), и чувствовалось в нем что-то странное, словно он выпадал из окружающей обстановки. Он походил на человека, который нарочно медлит, потому что все остальные

спешат. Парень представил их друг другу и остановился, не зная, что делать дальше. Мастерс сверлил Джерри глазами, пока парень не ушел, потом перевел бесцветный взгляд на кофейный прибор, стоявший на столе розового дерева.

– Похоже, вам не мешает позавтракать, – сказал Мастерс.

Двигаясь чрезвычайно медленно, он налил кофе и предложил Джерри тарелку пончиков.

– Очень удобно, – сказал он.

– Очень, – согласился Джерри.

На столе стояла электрическая пишущая машинка, лежала стопка чистой бумаги. Мастерс неловко подошел к креслу и взгромоздился на подлокотник. Пока Джерри усаживался за письменный стол, он взял номер «Старз энд Страйпс» и принялся с показным вниманием изучать его.

– Я слышал, вы собирались без чьей-либо помощи отыграть это все для нас обратно, – сказал Мастерс, обращаясь к номеру «Старз энд Страйпс». – Ну что ж.

Джерри поставил на стол свою портативную пишущую машинку – он не любил электрические – и начал печатать отчет. Пулеметная очередь быстрых ударов, казалось ему, трещала все громче и громче. Мастерсу, видимо, тоже это послышалось, потому что он часто отрывался от газеты, хотя и старался не поднимать глаз, поглядывая только на руки Джерри и машинку, словно купленную в магазине игрушек.

Джерри протянул ему второй экземпляр.

– Вам приказано оставаться здесь, – произнес Мастерс, невыносимо растягивая каждое слово. – Приказано оставаться здесь, пока мы не передадим ваше донесение. Да, приятель, мы передадим его. А вам приказано ожидать подтверждения приема и дальнейших указаний. Вас устраивает? Это вас устраивает, сэр?

– Конечно, – ответил Джерри.

– Еще не слышали радостную новость? – спросил Мастерс.

Они стояли лицом друг к другу. Их разделяло не больше метра. Мастерс смотрел на бумагу Джерри, но не было заметно, чтобы его глаза бегали по строчкам.

– Что за новость, приятель?

– Мы только что проиграли войну, мистер Уэстерби. Да, сэр. Последних храбрецов вертолетами снимали с крыши посольства в Сайгоне, как новобранцев, захваченных в борделе со спущенными штанами. Возможно, вас это не поразит. Надеюсь, вы будете рады услышать, что собака посла осталась в живых. Ее на руках вынес какой-то журналист. Возможно, и это вас не поразит. Может быть, вы вообще не любите собак. Может быть, вы к ним относитесь, как я к журналистам, мистер Уэстерби, сэр.

К этому времени Джерри уловил в дыхании Мастерса запах бренди, которого невозможно было заглушить никаким кофе. Он догадался, что тот пьет уже давно, но никак не может напиться допьяна.

– Мистер Уэстерби, сэр!

– Что, старик?

Мастерс протянул неуклюжую руку с оттопыренным большим пальцем.

– С т а р и к, я хочу, чтобы вы пожали мне руку.

– За что такая честь? – спросил Джерри.

– Я протягиваю вам руку в знак дружеского расположения, сэр. Соединенные Штаты Америки только что подали заявку на вступление в клуб государств второго сорта, в котором, полагаю, ваша чудесная страна является председателем, президентом и старейшим членом. П о ж м и т е ж е !

– Очень рад, что вы с нами, – произнес Джерри и с чувством пожал руку майора.

Его вознаградила сияющая улыбка наигранной благодарности.

– Да, сэр, я бы сказал, воистину любезно с вашей стороны, мистер Уэстерби. Если вам что-то понадобится, чтобы скрасить ваше пребывание здесь, скажите мне, мы сделаем все, что в наших силах. Если хотите снять жилье, в разумных пределах вам ни в чем не будет отказано, даю слово.

– Вы не могли бы поискать в барах немного шотландского виски, – попросил Джерри, выжимая из себя натянутую улыбку.

– С удовольствием, – ответил Мастерс, растягивая слова так, что они прозвучали, как долгий замах перед кулачным ударом. – Такие люди, как вы, мне по душе. Да, сэр.

Мастерс ушел, оставив ему половину бутылки «Джей энд Би», которую вытащил из буфета, и несколько старых номеров «Плейбоя».

– Мы держим это для английских джентльменов, которые пальцем не пошевелят, чтобы помочь нам, – доверительно объяснил он.

– Очень благоразумно.

– Пойду отошлю ваше письмо домой мамочке. Кстати, как поживает королева?

Мастерс не повернул ключ, но, когда Джерри нажал на дверную ручку, оказалось, что дверь заперта. Окна, выходившие на летное поле, имели двойное остекление; стекла были дымчатые. На взлетно-посадочной полосе приземлялись и взлетали самолеты, но внутрь не доносилось ни одного звука. Вот так они и шли к победе, подумал Джерри: сидя в звуконепроницаемых комнатах и глядя сквозь дымчатые стекла, держась от врага на почтительном расстоянии и – пуская в ход машины. Вот так они и проиграли. Он выпил, но ничего не почувствовал. Итак, все кончено, подумал он. Куда держать путь дальше? К отцу Чарли Маршалла? Завернуть ненадолго в Шанские горы, поговорить по душам с телохранителями генерала? Он подождал. Мысли накатывались одна за другой, не приобретая определенных очертаний. Он сел, потом прилег на диван и немного вздремнул; проснувшись, он сам не знал, долго ли проспал. Его разбудила музыка из репродуктора; она перемежалась объявлениями, полными доморощенного нахальства. Капитану такому-то приказано сделать то-то и то-то. Один раз громкоговоритель предложил получить высшее образование. В другой раз – приобретать швейные машинки по сниженным ценам. В третий раз призвал помолиться. Джерри метался по комнате: погребальная тишина и музыка выводили его из себя.

Он подошел к другому окну; в памяти возникло лицо Лиззи, оно промелькнуло где-то возле плеча, как когда-то проплывало лицо Сиротки, и все. Он выпил еще. Надо было поспать в автобусе, подумал он. Да и сейчас не мешало бы опять вздремнуть. Итак, они все-таки проиграли.

Сон совсем не освежил его. Много воды утекло с тех пор, как он в последний раз как следует выспался. Старина Фрости давно положил этому конец. У Джерри дрожала рука. Господи, только посмотрите. Он подумал о Люке: «Когда-то мы с ним здорово кутили. Наверное, он уже вернулся, если ему по дороге не отстрелили башку». Надо держать мысли в узде, подумал он, что-то стали разбредаться. Но в последнее время мысли все чаще гуляли сами по себе. Пожалуй, слишком часто. Пора сосредоточиться, сурово приказал он. Ну же, приятель. Он подумал о гранатах Рикардо. Поторапливайся.

Пора принимать решение. К у д а д а л ь ш е ? И к к о м у ? Но не думать ни о каких «почему». Не задаваться ненужными вопросами. Пересохшее лицо горело, ладони стали влажными. Прямо над глазами перекатывалась головная боль. Чертова музыка, подумал он. Проклятая музыка, как перед концом света. Он оглянулся по сторонам, чтобы посмотреть, где она выключается, но тут в дверях заметил Мастерса. В руке он держал конверт, глаза не выражали ничего. Джерри прочитал сообщение. Мастерс опять уселся на подлокотник.

– Сынок, возвращайся домой, – нараспев произнес Мастерс, передразнивая собственный протяжный говор южанина. – Езжай домой сразу же. Приезжай обязательно. Не нужно ни у кого брать двести долларов. Кузены доставят вас самолетом в Бангкок. Из Бангкока вы незамедлительно отправитесь в Лондон, что в Англии, повторяю: не в тот Лондон, что в провинции Онтарио, а в тот, что в Англии, рейсом, который предпочтете сами. Ни в коем случае не возвращаться в Гонконг. Ни в коем случае! Нет, сэр! Задача выполнена, сынок. Большое спасибо. Ее Величество в восторге. Так что спеши домой к обеду, у нас тут овсянка, индейка и черничный пирог. Похоже, приятель, вы работаете на целую компанию фей.

Джерри прочитал сообщение еще раз.

– Самолет в Бангкок вылетает ровно в час, – продолжил Мастерс. Он носил часы на внутренней стороне запястья, так что время по ним мог определить только он сам, – Вы меня слышите?

Джерри ухмыльнулся:

– Извините, дружище, я читаю медленно. Благодарю. Тут так много длинных слов. У меня, старика, голова кругом идет. Понимаете, я оставил свои вещи в гостинице.

– Мои слуги в вашем распоряжении.

– Благодарю, но, если вы не возражаете, я бы предпочел не афишировать контакты с официальными лицами.

– Как вам угодно, сэр, как вам угодно.

– У ворот я возьму такси. Съезжу туда и обратно, вернусь через час. Благодарю вас, – повторил он.

– Спасибо.

На прощание лучший сарратский школяр проявил образцовый профессионализм.

– Не возражаете, если я оставлю это здесь? – спросил он, кивком указав на замызганную портативную машинку возле принадлежавшей Мастерсу роскошной «Ай-Би-Эм» с круглой печатающей головкой.

– Сэр, она станет нашим драгоценнейшим достоянием. Если бы Мастерс в эту минуту дал себе труд посмотреть на Джерри, он заметил бы целеустремленный блеск в его глазах и, возможно, заколебался бы. Если бы он лучше разбирался в интонациях Джерри и ощутил в его голосе чрезвычайно дружелюбную хрипловатость, он бы заколебался еще сильнее. А если бы он увидел, как Джерри дергает себя за вихор, прикрывая тело рукой, словно инстинктивно пытается спрятаться, или ответил на его застенчивую улыбку, которой Уэстерби поблагодарил юного стажера на синем джипе, вернувшегося, чтобы отвезти его к воротам, то сомнения охватили бы майора с новой силой. Но Мастерс был не только озлобленным профессионалом, давно растерявшим всякие иллюзии. Он был типичным джентльменом с Юга и неимоверно страдал, потерпев поражение от грубых дикарей; к тому же в тот момент у него не было времени задумываться о причудах изможденного британца, который явился, когда его не ждали, и превратил его ставший ненужным «дом с привидениями» в отделение почты.

Отбытие опергруппы Цирка в Гонконг прошло в приподнятом настроении, а так как все приготовления держались в тайне, то события приобрели даже какой-то праздничный оттенок. Начало празднованию было положено новостью о том, что Джерри вновь объявился. Торжество достигло апогея, когда было получено и прочитано его послание; оно пришло одновременно с известием от Кузенов, гласившим, что Дрейк Ко отменил все светские и деловые встречи и уединился в своем доме «Семь врат» на Хедленд-роуд. К сообщению от Кузенов прилагалась фотография Ко, снятая длиннофокусным объективом из фургона, оборудованного для наблюдения; он, полуобернувшись, стоял в своем обширном саду возле

беседки из розовых кустов и смотрел на море. На голове у него красовался неизменный мягкий берет, бетонной джонки не было видно.

– Дорогуша, он похож на Джея Гэтсби в последние дни! – восторженно вскричала Конни Сейш, когда все как следует рассмотрели снимок. – Погруженный в мечтания, стоит на самом конце пирса и глядит на вспышки взрывов, или что там еще делал этот дурачок!

Когда через два часа фургон вернулся, Ко стоял на том же месте в той же позе, так что они даже не дали себе труда сделать еще один снимок. Гораздо больше интереса вызвал тот факт, что Ко перестал пользоваться телефоном – или, по крайней мере, теми линиями, которые прослушивали Кузены.

Сэм Коллинз тоже прислал отчет, третий подряд, самый длинный из всех написанных им. Как всегда, он был запечатан в особый конверт и адресован лично Смайли, и, как всегда, он не обсуждал его содержание ни с кем, кроме Конни. В последнюю минуту, когда группа уже собиралась выехать в лондонский аэропорт, прибыло известие от Мартелло. Он сообщал, что Тиу вернулся из Китая и в настоящее время уединился с Ко в доме на Хедленд-роуд.

Но, по воспоминаниям Гиллема, самым важным событием тех дней была небольшая перепалка, произошедшая в кабинете Мартелло во Флигеле. Она попортила всем действующим лицам немало крови. На ней присутствовал не только обычный квинтет в составе самого Мартелло, двух его молчаливых спутников, а также Смайли и Гиллема; в придачу к ним в виде исключения явились Лейкон и Сол Эндерби. Что знаменательно, они прибыли в одном служебном автомобиле. На этой встрече, созванной Смайли, должна была состояться официальная церемония передачи ключей. Мартелло получит полную картину «дела Дельфина», включая такой важный момент, как сведения о Нельсоне. Он, как полноправный участник, ознакомится со всеми материалами дела, за исключением малозначительных купюр, которые обнаружатся позже. Гиллем так до конца и не понял, каким образом к этому делу примазались Лейкон и Эндерби, а Смайли по понятным причинам предпочитал об этом не распространяться. Эндерби ровным голосом объявил, что прибыл сюда в целях поддержания порядка и военной дисциплины. Лейкон выглядел бледнее обычного и смотрел на всех свысока. У Гиллема не шло из головы подозрение, что они что-то замышляют, и это подозрение усилилось, когда он заметил, что Эндерби и Мартелло ведут между собой какую-то игру, коротко говоря, эти новоиспеченные приятели изо всех сил делали вид, что даже не знакомы друг с другом; этим они напомнили Гиллему тайных любовников, встретившихся во время завтрака за общим столом где-нибудь в деревенском доме – Гиллем и сам частенько оказывался в такой ситуации.

В с е д е л о в м а с ш т а б е с о б ы т и й, объяснил Эндерби. Дело раздулось так, что наверняка какие-нибудь чиновники уже сунули в него нос. Он имеет в виду колониальное лобби, пояснил он. Уилбрахем давно мутит воду в Министерстве финансов.

– Значит, самое худшее мы услышали, – подвел итог Эндерби, когда Смайли закончил долгий пересказ существа работы, а Мартелло разразился такими проклятиями, что крыша едва не обрушилась. – Так чей теперь палец лежит на спусковом крючке, Джордж? – спросил он, и с этой минуты совещание превратилось в спектакль с Эндерби в главной роли; впрочем, это всегда происходило с совещаниями, в которых участвовал Эндерби. – Кто будет отдавать приказы, когда запахнет жареным? Вы, Джордж? Опять вы? Я хочу сказать, что вы провели хорошую подготовительную работу, этого не отнимешь, но тяжелая артиллерия находится в руках Марта, разве не так?

При этих словах у Мартелло словно заложило уши; он рассыпался в уверениях благодарности всем достославным британцам, с которыми ему выпала честь иметь дело, и предоставил Эндерби выполнять за него всю черную работу.

– Марта, а как ты сам это представляешь? – не отставал Эндерби, словно в самом деле не имел понятия; можно подумать, он не ездил с Мартелло на рыбалку, не устраивал для него

роскошных ужинов и не обсуждал вопросы повышенной секретности за пределами официальных стен.

В этот миг Гиллема посетило странное озарение. Впоследствии он не раз упрекал себя за то, что вовремя не уделил ему должного внимания. Мартелло все знал. Откровения касательно Нельсона – Мартелло сделал вид, что потрясен ими – на самом деле не были для него чем-то новым, они всего лишь повторяли информацию, которой он и его «молчуны» и без того владели. Гиллем прочитал это на их бледных застывших лицах, в их внимательных глазах. Он понял это по неискреннему тону Мартелло. М а р т е л л о в с е з н а л.

– Да, Сол, с точки зрения техники, Джордж оказался на высоте, – преданно напомнил Мартелло, отвечая на вопрос Эндерби, и при этом выделил слова "с т о ч к и з р е н и я т е х н и к и " ровно настолько, чтобы поставить все остальное под сомнение. – Джордж сейчас проходит самый трудный участок пути, Сол. И мы прибыли туда как раз вовремя, чтобы поддерживать огонь в топках.

Эндерби горестно сдвинул брови и принялся ковырять спичкой в зубах.

– Джордж, как т е б е это нравится? Ты рад, что все такобернулось? Пусть Марта отказывается от крыши, от стола и крова, от средств связи и слежки, от всего, что сделали наши рыцари плаща и кинжала в Гонконге, А ты тем временем будешь отдавать приказы? Боже мой! Я бы сказал, этовсе равно, что надеть чужой смокинг.

Смайли держался достаточно твердо, но, на взгляд Гиллема, его слишком тревожило само существо операции и чересчур мало беспокоил едва прикрытый тайный сговор этих двоих.

– Ничего подобного, – ответил Смайли. – Мартелло и я хорошо понимаем друг друга. Ключевой этап операции будем проводить мы сами. Если потребуется поддержка, Мартелло ее окажет. Результат разделим по справедливости. Если кто-то думает о дивидендах, причитающихся американцам за их капиталовложения, то это учтется при окончательном разделе. Ответственность за получение результатов остается на нас. – В завершение он привел весомый аргумент: – Разумеется, письменное соглашение, фиксирующее все, что я сейчас сказал, давно подшито в дело.

Эндерби взглянул на Лейкона:

– Оливер, вы говорили, что вышлете мне это соглашение. Где оно?

Лейкон склонил набок продолговатую голову и выдавил тоскливую улыбку, ни к чему конкретно не относящуюся:

– Полагаю, Сол, ходит где-нибудь в кулуарах вашего ведомства.

Эндерби решил испробовать другую тактику:

– И вы полагаете, что сумеете вдвоем вытянуть эту операцию при любых непредвиденных обстоятельствах? Я вас спрашиваю, кто обеспечит нашему гостю надежное убежище и все такое? Кто, так сказать, похоронит трупы?

Смайли продолжил:

– Административно-хозяйственный отдел уже снял загородный дом и готовится его заселить, – бесстрастно произнес он.

Эндерби вынул изо рта замусоленную спичку и бросил ее в пепельницу.

– Если бы попросили, могли бы остановиться у меня, – с отсутствующим видом пробормотал он. – Комнат полным-полно. Никого нет. Целый штат прислуги. Все, что нужно. – Он опомнился и встревоженным тоном продолжил гнуть свою линию: – Слушайте. Ответьте мне вот на какой вопрос. Предположим, ваш человек ударился в панику. Он удирает и прячется где-то среди глухих улочек Гонконга. Кто будет играть с ним в казаки-разбойники и доставлять обратно?

«Н е о т в е ч а й, – взмолился про себя Гиллем. – Это наши секреты, и он не имеет никакого права их выведывать. Скажи ему, пусть идет к черту!»

Ответ Смайли возымел действие, хоть ему и недоставало того пыла, какого жаждая Гиллем.

– Полагаю, каждый волен выдвигать любые предположения, какие придут ему в голову, – мягко возразил он. – Думаю, лучшее, что можно сказать в ответ, – это то, что Мартелло и я будем в этом случае действовать сообща и делать все от нас зависящее.

– У нас с Джорджем прекрасные деловые отношения, Сол, – убежденно заявил Мартелло. – Просто прекрасные.

– Т а к – т о л у ч ш е, Д ж о р д ж, – заключил Эндерби, вгрызаясь в новую спичку. – Куда б е з о п а с н е е, если янки возьмут все на себя. Если люди Марти наломают дров, им придется всего лишь извиниться перед губернатором, отправить парочку ребят на заслуженный отдых и пообещать, что они больше не будут. Вот и все. Большего от них никто не ждет. Хорошо иметь подмоченную репутацию, правда, Марти? Если вы по дороге трахнете горничную, никто не удивится.

– Ну почему же, С о л, – ответил Мартелло и громко расхохотался, давая понять, что ценит британское чувство юмора.

– Будет гораздо хуже, если провинимся м ы, – продолжал Эндерби. – Или, точнее, вы. Губернатор повергнет вас наземь одним щелчком, именно об этом сейчас идет разговор. У и л б р а х е м давно поливает слезами его письменный стол.

Однако ничто не могло поколебать сумасбродного упрямства Смайли, поэтому Эндерби вынужден был сдаться, и они снова начали обсуждать «картошку с мясом» – этой восхитительной фразой Мартелло обозначал приемы и методы работы. Но не успели они закончить, как Эндерби попытался в последний раз вытеснить Смайли с главенствующей позиции – он снова заговорил об эффективном проведении операции и о последующей работе с уловом, который она принесет.

– Джордж, кто будет проводить допросы и все такое?Лично вы с тем вашим иезуитом, как бишь его там? Скользкое какое-то имя.

– Ди Салис будет отвечать за те аспекты доклада, которые связаны с Китаем, а отдел по изучению Советского Союза – за русские вопросы.

– То есть та мужеподобная калека, Джордж? Та самая, которую Билл Хейдон, будь он проклят, уволил за пьянство?

– Именно они двое продвинули дело до нынешнего состояния, – ответил Смайли.

Мартелло не упустил случая ринуться в открывшуюся брешь.

– О нет, Джордж, так дело не пойдет! Мне этого не нужно, сэр! Сол, Оливер, я хочу, чтобы вы знали, что я рассматриваю «дело Дельфина» во всех его фазах, слышите, Сол, как е д и н о л и ч н ы й т р и у м ф нашего друга Джорджа, и никого больше!

Радушно поаплодировав старому доброму Джорджу, они отправились обратно на Кембридж-серкус.

– Порох, заговор и измена! – возмущенно восклицалГиллем. – Почему Эндерби так запросто продает тебя? Что это за чушь насчет потерянного письма?

– Да, – откликнулся Смайли, но казалось, мысли его блуждают где-то далеко. – Да, это очень неосторожно с их стороны. Мне казалось, я действительно послал им один экземпляр. Слепой, написанный от руки, просто для сведения. Эндерби всегда все путает. Пожалуйста, Питер, займитесь этим, поговорите с «мамашами».

При упоминании о письме с текстом договора – Лейкон называл его «параграф о договоре» – ожили самые худшие предчувствия Гиллема. Он вспомнил, как, не подумав, поручил доставку письма Сэму Коллинзу и как тот, по словам Фона, под предлогом этой доставки провел целый час наедине с Мартелло. Он также вспомнил, как однажды встретил Сэма Коллинза в приемной Лейкона: он бродил по Уайтхоллу, как ленивый чеширский кот, а

Лейкон и Эндерби поверяли ему какие-то таинственные планы. Вспомнил, как Эндерби любит играть в триктрак – он всегда делал большие ставки; Гиллем так старательно пытался учуять, не пахнет ли тут заговором; ему даже пришло в голову, что Эндерби может оказаться постоянным посетителем клуба, в котором состоит Сэм Коллинз. Правда, вскоре он отбросил эту мысль как явно нелепую. Но по иронии судьбы впоследствии выяснилось, что так оно и было. Он также припомнил свое первое впечатление, не основанное, пожалуй, ни на чем, кроме выражения лиц троих американцев, и поэтому был вынужден от него отказаться, – о том, что все они заранее знали, ч т о и м е н н о Смайли собирается им рассказать.

Однако Гиллему так и не удалось разубедить себя в том, что Сэм Коллинз незримо присутствовал на этом утреннем празднестве; когда в лондонском аэропорту Гиллем, истощенный долгим и бурным прощанием с Молли, садился в самолет, тот же самый призрак усмехнулся ему сквозь дым коричневой сигареты Сэма, словно дым, исходящий из самой преисподней.

Полет прошел без осложнений, если не считать одной мелочи. Они летели втроем, и, рассаживаясь, Гиллем в своей непрекращающейся войне с Фоном выиграл небольшую баталию. Отмахнувшись от «домоправителей», Гиллем и Смайли летели первым классом, а верный слуга Фон сидел на откидном кресле в проходе туристского класса, едва не касаясь щекой могучей челюсти охранника из службы безопасности авиакомпании; в продолжение почти всего полета тот мирно дремал, а Фен сердито дулся. К счастью, можно было не опасаться, что с ними летят Мартелло и его «молчуны», потому что Смайли решительно заявил, что такого не должно произойти ни при каких обстоятельствах. К тому же Мартелло улетел в Лэнгли за инструкциями, а потом должен был отправиться дальше, через Гонолулу, в Токио, чтобы к их прибытию успеть в Гонконг и на всякий случай быть под рукой. Их отлет имел невольное ироничное примечание: Смайли оставил для Джерри длинную рукописную записку. Ее должны были передать Уэстерби по прибытии в Цирк, а заодно поздравить с успешным выполнением задания. Написанный под копирку второй экземпляр до сих пор хранится в досье Джерри. Никто и не подумал его убрать. Смайли хвалил Джерри за «непоколебимую преданность», писал, что эта операция «достойно увенчала его более чем тридцатилетнюю службу». Ссылаясь на письмо, которого, скорее всего, никогда и не было, он передал ему привет от Энн, «которая вместе со мной желает вам в не меньшей степени прославиться в качестве романиста». Завершил он довольно неуклюжими реверансами, подчеркнув, что «наша служба сводит нас с такими замечательными коллегами – в этом одно из ее преимуществ. Должен сказать вам, что все мы почитаем за честь работать рядом с вами».

Кое-кто до сих пор задается вопросом, почему до их отлета никто в Цирке не потревожился и не спросил, где же столько времени пропадал Джерри. В конце концов, он задержался на несколько дней. При этом недоброжелатели опять пытаются взвалить вину на Смайли, но не могут найти никаких доказательств того, что в Цирке что-то упустили. Чтобы передать сообщение Джерри, посланное с авиабазы на северо-востоке Таиланда, – последнюю его весточку, – Кузены освободили прямую линию между Бангкоком и лондонским Флигелем. Но линию освободили только для одного этого сообщения и для одного ответа на него, продолжение не предусматривалось. Соответственно, жалоба американцев на то, что Джерри исчез, была передана сначала по военной линии связи в Бангкок, оттуда – гонконгским Кузенам через их собственную сеть, потому что Гонконгу было дано право собирать у себя все материалы по «делу Дельфина», и только после этого донесение переслали в Лондон, снабдив пометкой «Текущий материал». Там оно долго путешествовало по лоткам для бумаг из палисандровой фанеры, и никому не приходило в голову, что этот листок может иметь какую-то ценность. Следует добавить, что флегматичный майор Мастерс не придал никакого значения тому, что какой-то бродячий англичанин, как он выразился, не явился вовремя. «Объяснения

ищите сами», – так заканчивалось его послание. Сейчас майор Мастерс живет в городке Норман, штат Оклахома, и содержит небольшую авторемонтную мастерскую.

«Домоправители» тоже не увидели здесь никаких причин для паники – по крайней мере, так они утверждают. Джерри было велено по прибытии в Бангкок сесть в самолет, любой самолет, по его собственному выбору, расплатиться с помощью кредитной карточки авиакомпании и прилететь в Лондон. Не указывалась ни конкретная дата, ни конкретная авиакомпания. Пусть все идет само по себе – такова была конечная цель. Скорее всего, он где-нибудь остановился, чтобы отдохнуть. Так поступают многие оперативные агенты по пути домой, а Джерри стоял на особом учете за свою сексуальную необузданность. Так что они продолжили привычно просматривать все полетные листы и на всякий случай забронировали в Саррате двухнедельный курс отдыха и восстановления, а потом занялись куда более неотложными делами – нужно было организовать для участников «дела Дельфина» надежное убежище. Выбор остановили на очаровательной мельнице, тихой и заброшенной, хоть и располагалась она в довольно оживленном пригородном поселке Мерсфилд в Сассексе – всегда удавалось найти подходящий предлог, чтобы поехать туда. Там должны были поселиться ди Салис со значительной частью своего китайского архива, небольшая группа дешифровщиков и переводчиков, не говоря уже о техниках, прислуге и враче, говорившем по-китайски. Тотчас же от местных жителей посыпались громкие жалобы в полицию о том, что округу наводнили японцы. Местная газета поместила статью, в которой утверждалось, что на гастроли приехал танцевальный ансамбль. Эту «утечку информации» организовали, разумеется, «домоправители».

Джерри нечего было забирать в отеле, да и самого отеля не было, но тем не менее он счел, что на сборы у него есть час, а может быть, и два. Он не сомневался, что американцы прослушивают телефоны по всему городу, и знал, что, если Лондон попросит, майор Мастерс запросто сумеет объявить на весь мир, что Джерри – дезертир из американской армии и путешествует с фальшивым паспортом. Поэтому, едва такси выехало за ворота, Джерри велел отвезти его на южную окраину города; подождал немного, сел в другое такси и отправился на север. Над рисовыми полями стелилась туманная дымка, насквозь бежало прямое шоссе, и конца не было видно.

По радио звенели размеренные голоса тайских дикторш, словно кто-то рассказывал бесконечный детский стишок. Проехали мимо американской базы средств электронного слежения, огороженной кольцевым решетчатым забором с полкилометра в диаметре; база, прозванная в округе «слоновьей клеткой», казалась плывущей в тумане. По периметру стояли высокие шесты, а в середине, среди паутины проволочных струн, пылал, словно предчувствие грядущей войны, единственный фонарь, зловещий, как адское пламя. Джерри слышал, что там работает тысяча двести студентов-языковедов, но ни разу не видел ни души.

Нужно было время, чтобы отдохнуть. Завершив дело, он позволил себе отдать целую неделю на расслабление Вряд ли Джерри успел бы собраться с силами быстрее, потому что в душе он был солдатом и привык в знак несогласия просто убираться подальше с глаз. В н а ч а л е б ы л о д е л о, любил говорить ему Смайли, цитируя какого-то немецкого поэта, когда на него нападало настроение сыграть роль неудавшегося священника. Эта простая максима стала для Джерри краеугольным камнем его несложной философии. Что человек думает – никого не касается. Важно, что он делает.

Он добрался до Меконга ранним вечером, нашел подходящую деревню и пару дней лениво бродил по берегу реки, волоча за собой сумку и пиная носком кожаного ботинка пустые банки из-под кока-колы. На другом берегу, за горами, похожими на коричневые муравейники, пролегала тропа Хо Ши Мина. С этого самого места Джерри когда-то смотрел, как километрах

в пяти отсюда Центральный Лаос бомбили «Б-52». Он вспомнил, как сотрясалась под ногами земля, как то пустело, то полыхало огнем небо, и вдруг понял, нутром почувствовал, каково находиться там, в самом пекле.

Той же ночью Джерри Уэстерби, выражаясь его собственным жизнерадостным языком, «пошел вразнос»; именно этого и ожидали от него «домоправители», хотя, возможно, и не в таких масштабах. В баре на берегу реки, где музыкальный автомат наигрывал забытые мелодии, он пил шотландский виски, попадавший на «черный рынок» из армейского магазина, и ночь за ночью доводил себя до беспамятства. По неосвещенной лестнице он провожал наверх в обшарпанную спальню одну хохочущую девицу за другой, пока наконец не засыпал там крепким сном. На заре он резко, словно от толчка, пробуждался с ясной головой и под крик петухов, плеск лодок на реке заставлял себя подолгу думать о своем друге и наставнике Джордже Смайли. Эти мысли были для Джерри проявлением силы воли и даже покорности. Он просто хотел повторить положения символа веры, а символом веры для него всегда был старина Джордж.

В Саррате всегда очень трезво и с пониманием относились к побудительным мотивам людей, вступающих на путь оперативного агента, и терпеть не могли фанатиков с горящими глазами, которые скалили зубы и рычали «ненавижу коммунизм». Если человек кричит об этом на каждом углу, он, скорее всего, давно спелся с коммунистами. Кого они действительно любили – и Джерри обладал этими чертами, он, собственно говоря, таким и был, – так это парня, который не тратит времени на пустые слова, а просто любит свое дело и знает – хотя упаси его Бог не в меру об этом разглагольствовать, – что правы мы, и только мы. «Мы» было понятием расплывчатым, но для Джерри оно означало «Джордж», и больше никто.

Старина Джордж. Классный парень. С добрым утром.

Он видел Джорджа таким, каким он ему больше всего нравился, таким, каким впервые увидел его в Саррате вскоре после войны. Джерри был еще младшим армейским офицером и скучал донельзя: срок его службы подходил к концу, на горизонте маячил Оскфорд. Курс предназначался для лондонских внештатных сотрудников, тех, кто нахватался отрывочных сведений о всякой всячине и, не поступив на официальную службу в Цирк, завербовался в качестве вспомогательного резерва Джерри уже один раз подавал заявление о приеме на службу с полной рабочей неделей, но отдел кадров Цирка сказал «нет», и это отнюдь не улучшило его настроения. Поэтому, когда Смайли, в тяжелом пальто и очках, вразвалку вошел в отапливаемую керосином аудиторию, Джерри мысленно зевнул и приготовился провести еще пятьдесят минут в смертельной скуке, изучая, где лучше устроить шпионский тайник для связи с резидентом и в качестве практики отправиться на экскурсию на природу, в Рикменсуорт, искать на кладбищах деревья с дуплами. Все нахохотались от души, когда ассистент пытался пригнуть пюпитр на кафедре пониже, чтобы Джордж смог из-за него выглянуть. В конце концов он, немного смущаясь, встал сбоку и заявил, что его сегодняшняя лекция будет посвящена вопросам поддержки курьерской связи на вражеской территории. До Джерри постепенно доходило, что он не читает по учебнику, а рассказывает то, что познал на основе личного опыта; что этот маленький, похожий на сову педант с робким голосом и неуверенными жестами провинившегося школьника отпахал три года в неком немецком городке, где держал в руках все нити солидной агентурной сети, постоянно ожидая, что внезапный стук тяжелого сапога в дверь или удар рукояткой пистолета по лицу ознакомят его со всеми прелестями фашистского допроса.

Когда лекция закончилась, Смайли захотел поговорить с Джерри. Они встретились за столиком в углу опустевшего бара, под оленьими рогами, на которых висела мишень для метания дротиков в цель.

– Очень жаль, что до сих пор мы не смогли использовать вас, – сказал он. – У нас создалось впечатление, что вам предварительно следовало бы побольше поработать н а с в е ж е м в о з д у х е. – Таким образом, они давали понять, чтодля настоящей работы он еще не

созрел. Слишком поздно Джерри вспомнил, что Смайли был в составе отборочной комиссии, завалившей его, и не произнес там ни слова. – Возможно, если вы получите степень и сделаете небольшую карьеру в какой-либо другой области, и они изменят свое мнение. Не теряйте с нами связи, хорошо?

После этого старина Джордж почему-то всегда оказывался поблизости. Он ничему не удивлялся, никогда не терял терпения; спокойно, но твердо он перекраивал жизнь Джерри так, что в конце концов тот душой и телом стал принадлежать Цирку. Империя его отца развалилась – Джордж ждал его с распростертыми объятиями. Его семейная жизнь пошла прахом – Джордж ночи напролет сидел рядом с ним и гладил по голове

– Я всегда был благодарен этой службе за то, что она дала мне возможность платить по счетам, – говорил Смайли. – Уверен, это чувствует каждый. Я думаю, нам не нужно стыдиться того, что за это мы всю жизнь кладем на алтарь. Наверно, я кажусь тебе старомодным?

– Ты говоришь, что нужно делать, я выполняю приказ, – ответил Джерри. – Ты говоришь, куда бить, я наношу удар.

Время еще оставалось. Он это знал. Поездом доехать до Бангкока, сесть там в самолет и отправиться домой – и в худшем случае его ждет разнос за то, что несколько дней он болтался неизвестно где. Д о м о й, сказал он себе. Легко сказать. А куда? Домой в Таскану, в дом на холме, который без Сиротки наполнился тоскливой пустотой? Домой к старушке Пат, извиняться за разбитую чашку? Домой к старому доброму Стаббси, занять ответственнейшую должность литсотрудника, обязанного отвергать поступающие рукописи? Или домой в Цирк: «Мы полагаем, лучше всего вам будет в банковском отделе». Или даже – гениальная мысль – домой в Саррат, учить молодежь, завоевывать умы и сердца новобранцев, а самому совершать полные опасностей поездки на работу из маленького домика в Уотфорде.

На третье или четвертое утро он проснулся очень рано. Заря над рекой только занималась, небо стало сначала красным, потом оранжевым, а под конец буроватым. В грязи, позвякивая колокольчиками, плескалось семейство буйволов. Посреди реки три сампана собирались тащить длинную, хитроумной формы, донную сеть. Джерри услышал свист, сеть взметнулась вверх и, зашелестев, как град, упала в воду. По реке пошла рябь.

«И все-таки я здесь не потому, что у меня нет будущего», – сказал он себе, – а потому, что у меня нет настоящего. Дом – это место, куда человек идет после того, как сбежит изо всех домов, – подумал он, – значит, я должен идти к Лиззи. Вопрос спорный. Отложим на потом. А сейчас пора завтракать".

Сидя на тиковом балконе и уплетая яичницу с рисом, Джерри вспоминал, как Джордж впервые сообщил ему новость о Хейдоне. Стоял дождливый день, они сидели в баре «Эль Вино» на Флит-стрит. Джерри никогда не умел ненавидеть кого-нибудь слишком долго, и после того, как прошло первое потрясение, сказать было больше нечего. «Что ж, нет смысла удариться в запой и рыдать на плече, правда, дружище? Нельзя же оставлять корабль на съедение крысам. Солдат должен оставаться в строю, тут ничего не попишешь». Смайли согласился. Да, ничего не попишешь, солдат должен оставаться в строю и благодарить судьбу за то, что она дала возможность платить по счетам. Джерри находил даже странное утешение в том, что Билл был одним из их команды. Он никогда всерьез не сомневался, что его страна находится в состоянии необратимого упадка, как и в том, что во всех неприятностях виноват его собственный класс.

«Мы с о т в о р и л и Билла, – утверждал Уэстерби, – так что будет справедливо, если мы и примем на себя главный удар его предательства. То есть заплатим по счетам. Расплатимся». Именно об этом и говорил старина Джордж.

Он опять бродил у реки, дышал теплым воздухом свободы и заставлял камушки прыгать по воде.

Лиззи, думал он. Лиззи Уэрдингтон, норовистая лошадка из пригорода. Лучшая ученица и боксерская груша Рикардо. Старшая сестра, источник жизненных сил и недосягаемая любовница Чарли Маршалла. Птичка в клетке Дрейка Ко. Для меня – партнерша за ужином на целых четыре часа.

А для Сэма Коллинза – еще раз спрашиваю, кем она была для него? Для мистера Меллона, «скользкого британского торговца», как его называл Чарли, восемнадцать месяцев назад она была курьером по доставке героина в Гонконг. Но и это не все. Где-то на полпути Сэм чуть-чуть приподнял перед ней завесу и намекнул, что она работает для королевы и для страны. Лиззи тотчас же поделилась этой радостной новостью с кружком своих восхищенных друзей. Сэм пришел в ярость и отшвырнул ее, как горячий кирпич. Итак, Сэм сделал из нее козла отпущения. Дрессировал на роль подсадной утки, Эта мысль доставила Джерри немало удовольствия, потому что Сэм имел репутацию шпиона высшего класса, а Лиззи Уэрдингтон могла бы блистать в Саррате как классический пример женщины, которую ни за что на свете не следует вербовать.

Куда менее забавен вопрос о том, кем она является для Сэма с е й ч а с. Почему он крадется за ней по пятам, как убийца, подкарауливающий жертву, и улыбается своей мрачной застывшей улыбкой? Этот вопрос очень тревожил Джерри. Грубо говоря, он был им просто одержим. Ему совсем не хотелось видеть, как Лиззи неожиданно исчезнет еще раз. Если она и переместится куда-то из постели Ко, так только в постель Джерри. С некоторых пор – собственно говоря, с того дня, как он впервые увидел ее, – он то и дело ловил себя на мысли о том, как полезен был бы для Лиззи бодрящий тасканский воздух. И так как он не знал, как и почему Сэм Коллинз очутился в Гонконге, не знал, какие намерения, по большому счету, питают в Цирке относительно Дрейка Ко, он не мог отделаться от подозрения, что если сейчас он уедет в Лондон и не увезет отсюда Лиззи на белом коне, то она останется сидеть на большой-пребольшой бомбе. Эта мысль не давала ему покоя.

Такого он допустить не мог. В другое время он бы наплевал на Лиззи с ее бомбой, как в свое время наплевал на множество других проблем. В другое время, но не сейчас. На этот раз, наконец понял он, музыку заказывают Кузены, и, хоть у Джерри и не было с ними особых разногласий, их вмешательство сильно усложняло обстановку. Так что нельзя рассчитывать даже на те слабые проявления гуманности, какие он замечал у Джорджа.

Кроме того, Лиззи ему нравилась. Очень нравилась. Его чувство было совершенно определенным, без малейших двусмысленностей. Он стремился к ней открыто и без прикрас. Она была неудачницей, именно такой, какие ему нравились, и он ее любил. Он долго размышлял над этим, установил себе границы дозволенного, несколько дней взвешивал все «за» и «против». Решение его было окончательным и бесповоротным. Он немного побаивался, но остался очень доволен.

«Джеральд Уэстерби, – сказал он себе. – Ты присутствовал при собственном рождении. Присутствовал на нескольких своих свадьбах, на некоторых из разводов и, несомненно, окажешься у себя на похоронах. Давно пора, по зрелом размышлении, поприсутствовать и на некоторых решающих событиях собственной жизни».

Он сел в автобус, проехал несколько километров вверх по реке, прошел немного пешком, потом долго путешествовал на велорикшах, сидел в барах, пару раз переспал с девушками, но думал только о Лиззи. Он остановился на постоялом дворе, битком набитом ребятишками, и, проснувшись однажды утром, обнаружил, что двое этих сорванцов сидят у него на кровати и, удивленно хихикая, рассматривают, какие у фаранга длинные ноги и как забавно они свисают с конца кровати. Может быть, остаться здесь, подумал Джерри. Но тут же понял, что валяет дурака, потому что уяснил: он должен вернуться и задать ей один-единственный вопрос. Он должен его задать, даже если в ответ она сморозит какую-нибудь чушь. Джерри запускал с балкона бумажные самолетики для детей; глядя, как они уплывают вдаль, мальчишки хлопали в ладоши и смеялись.

Он нашел лодочника и с наступлением вечера, не утруждая себя иммиграционными формальностями, переправился во Вьентьян. На следующее утро, также без особых формальностей, он хитростью пробрался на борт не обозначенного в расписании «ДС-8» компании «Ройал Эйр Лао» и днем поднялся в воздух. Сжимая восхитительно теплую бутылку виски, он весело болтал с двумя приветливыми торговцами опиумом.

Когда они приземлились, стояла темнота, хлестал дождь, окна аэропортовского автобуса почернели от грязи. Джерри ничего не имел против. Впервые в жизни, прибывая в Гонконг, он чувствовал себя так, словно возвращается домой.

Тем не менее в аэропорту Джерри вел себя очень осмотрительно. Никаких фанфар, сказал он себе. Несколько дней отдыха сотворили чудеса с его разумом. Хорошенько осмотревшись, он вместо стойки иммиграционного контроля направился в мужскую комнату и подождал там, пока не появился японский самолет, полный туристов; он затесался среди них и спросил, не говорит ли кто-нибудь по-английски. Выбрав четверых добровольцев, он показал им свое гонконгское удостоверение работника прессы и, пока они, выстроившись в очередь, ждали паспортного контроля, засыпал их вопросами о том, кто они такие, почему приехали сюда, чем и с кем собираются заняться. Бешено строча в блокноте, он перешел к следующей четверке и так продвигался все дальше и дальше. За этим занятием он дождался, пока сменится дежурный наряд полиции. В четыре часа полицейские сменились, и он сразу направился к двери с надписью «Вход воспрещен», которую приметил заранее. Он долго барабанил в нее, пока ему не открыли, и шагнул внутрь.

– Куда вы прете, черт бы вас побрал? – заорал разъяренный полицейский инспектор – шотландец.

– Домой, приятель, к себе в газету. Немножко полить грязью наших милых гостей из Японии.

Он показал журналистское удостоверение.

– Так идите через ворота, черт возьми, как все остальные.

– Не валяйте дурака. Я не взял паспорта. Поэтому ваш достославный коллега и впустил меня сюда этим путем.

Через пять минут благодаря своей массивной фигуре, зычному голосу, внушительной британской внешности и обаятельной улыбке он сумел отвоевать себе место в автобусе, идущем в город. Приблизившись к своему многоэтажному дому, он помедлил, но не заметил ничего подозрительного. Однако Китай есть Китай, здесь ничего нельзя сказать наверняка. В лифте, как всегда, было пусто. Поднимаясь, он напевал любимую песенку Ганса, Призывающего Смерть, и предвкушал, как погрузится в горячую ванну и переоденется. У двери в свою квартиру он на мгновение встревожился, заметив, что небольшие клинышки, которые он засунул в щель между дверью и косяком, валяются на полу, но потом с запозданием вспомнил о Люке и улыбнулся: вот они и встретятся. Он отпер укрепленную дверь и сразу же услышал внутри тихое монотонное жужжание. Может быть, это кондиционер, но только не кондиционер Призывающего Смерть, тот слишком маломощен, от него никакого толку. Чертов придурок Люк оставил граммофон включенным, подумал он, и тот вот-вот взорвется. Потом ему пришла в голову другая мысль: Я к нему несправедлив, это просто холодильник.

Джерри открыл дверь и наткнулся на труп Люка, распростертый посреди комнаты. Половина головы была разнесена в клочья, вокруг вились и жужжали мухи, слетевшиеся чуть ли не со всего Гонконга. Он быстро захлопнул дверь и прижал к губам носовой платок. В голову не пришло ничего лучше, как сбегать на кухню и посмотреть, нет ли в доме кого-нибудь еще. Вернувшись в комнату, он отодвинул ноги Люка в сторону и вытащил паркетную доску, под

которой прятал запрещенный уставом пистолет и аварийный запас на случай бегства. Он едва успел сунуть все это в карман, как его вырвало.

Разумеется, подумал он. Поэтому Рикардо и не сомневается, что «лошадиный писака» мертв.

«Итак, я тоже вступил в клуб живых мертвецов», – подумал он, снова очутившись на улице Ярость и горе звенели в ушах, застилали глаза. Нельсон Ко мертв, но на самом деле он сбежал в Китай. Рикардо мертв, но Дрейк Ко разрешил ему оставаться в живых, пока тот будет держать язык за зубами и прятаться в тени. «Лошадиный писака» Джерри Уэстерби тоже мертв, как бревно, если не считать того, что верный прихвостень Ко, чертов изувер, проклятый негодяй, толстяк-кровопийца мистер Тиу оказался настолько туп, что пристрелил не того круглоглазого.

«Золотая жила»

Человек, оказавшийся внутри американского консульства в Гонконге, мог бы подумать, что он по-прежнему находится в лондонском Флигеле, так они были похожи. Одинаковыми были и неизменные деревянные панели, оклеенные пленкой под палисандр, и вкрадчивая любезность служащих, и кресла, будто похищенные из аэропорта, и портрет президента, призванный вселять в присутствующих бодрость духа; в эти дни на портрете красовался Форд. Добро пожаловать в «дом с привидениями» Говарда Джонсона, подумал Гиллем. Отдел, в котором они работали, назывался «изолятором» и имел отдельный вход с улицы, охраняемый двумя морскими пехотинцами. Пропуска их были выписаны на вымышленные имена – Гиллем по документам прозывался Гордоном; за все время пребывания там они не перемолвились словом ни с кем, кроме друг друга, если не считать разговоров по телефону. «Мы не только формально отсутствуем здесь, господа, – гордо заявил им на инструктаже Мартелло, – мы еще и невидимы». В таких условиях они будут работать и дальше, сказал он. Генеральный консул США мог бы поклясться на Библии, что их здесь нет, а персонал не имел к делу никакого отношения, говорил Мартелло. Полная и всеобщая слепота. После этого он передал бразды правления Джорджу: «Джордж, с начала и до конца этот спектакль – твой».

В пяти минутах ходьбы вниз по склону располагался отель «Хилтон», где Мартелло забронировал для них номера. А в пяти минутах ходьбы вверх, хотя пройти их было нелегко, находился многоэтажный дом, в котором жила Лиззи Уэрдингтон.

Они сидели в «изоляторе» уже пять дней. Снаружи стоял вечер, но они этого не замечали, потому что в рабочей комнате не было окон. Вместо них на стенах висели многочисленные карты, сухопутные и морские, и стояла пара телефонов, возле которых дежурили «молчуны» из команды Мартелло – Мэрфи и его друг. Мартелло и Смайли сидели за собственными большими столами. Гиллем, Мэрфи и его парень обитали за одним столом с телефонами, а Фон, словно утомленный кинокритик перед началом закрытого просмотра, с мрачным видом ютился на пустом ряду сцепленных кресел из кинотеатра, ковырял в зубах и изредка зевал, но ни за что не хотел уходить, как ему не раз советовал Гиллем. С Кро поговорили заранее и велели ему держаться подальше от всех этих дел, поглубже залечь на дно. После смерти Фроста Смайли боялся за него и хотел бы поскорее вывезти отсюда, но старик не желал уезжать.

Для «молчунов» наконец пробил звездный час, Мартелло назвал это событие окончательным подробным инструктажем". «Но если только это устраивает вас, Джордж». Бледный Мэрфи в белой рубашке и синих брюках стоял на невысокой кафедре возле настенной карты и пространно говорил, время от времени заглядывая в исписанные страницы. Остальные, в том числе Смайли и Мартелло, сидели у его ног и молча слушали. С тем же успехом Мэрфи мог бы описывать им устройство пылесоса; на взгляд Гиллема, даже в этом случае его монолог не был бы столь усыпляющим. На карте изображалось, в основном, море, лишь сверху и слева кудрявились, словно бахрома, очертания побережья Южного Китая.

Позади Гонконга из-под планки, крепившей карту на стене, брызгами выглядывали предместья Кантона, а прямо на юг от Гонконга, в самой середине карты, зеленым контуром была очерчена область, поделенная на четыре сектора с пометками A, B, C и D. Там, благоговейно пояснил Мэрфи, располагались зоны рыболовства, а крестик в центре, сэр, является центральной точкой. Мэрфи обращался только к Мартелло, и плевать ему было, что с начала и до конца этот спектакль должен был стать бенефисом Джорджа.

– Сэр, основываясь на последних сведениях о том, как Дрейк выехал из красного Китая, сэр, и видоизменив нашу оценку ситуации в соответствии с нынешним положением, совместно с военно-морской разведкой мы…

– Мэрфи, Мэрфи, – вполне дружелюбно перебил егоМартелло, – расслабьтесь немного, дружище. Вы ведь уже не в учебном центре, правда? Отпусти поводья, сынок.

– Сэр. Во-первых. Погода, – проговорил Мэрфи, не обратив внимания на призыв Мартелло. – Апрель и май, сэр, переходные месяцы между окончанием сезона северо-восточных и началом сезона юго-западных муссонов. В этот сезон невозможно составить прогноз погоды даже на один день, сэр, но на время поездки экстремальных условий не предвидится. – Он провел указкой линию от Сватоу на юг, к зонам рыболовства, потом от них – на северо-запад, мимо Гонконга, к Кантону и Жемчужной реке.

– А туман? – спросил Мартелло.

– Туман в это время года – обычное явление, ожидаемая облачность от шести до семи окт, сэр.

– Что еще за окты, Мэрфи?

– Одна окта равняется одной восьмой площади неба, сэр. Окты введены вместо ранее употреблявшихся десятых. За период более пятидесяти лет в апреле не было зарегистрировано ни одного тайфуна, и военно-морская разведка считает, что тайфун маловероятен. Ветер восточный, от шестнадцати до восемнадцати километров в час, но парусная флотилия, отправляющаяся в плавание под этим ветром, должна учитывать возможные периоды затишья и изменение направления ветра на противоположное, сэр. Влажность около восьмидесяти процентов, температура от пятнадцати до двадцати четырех градусов Цельсия. Море спокойно, небольшое волнение. Возле Сватоу по Тайваньскому проливу на северо-восток проходит течение, скорость его – более пяти километров в сутки. Но дальше на запад – в эту сторону, сэр…

– Уж это-то я знаю, Мэрфи, – резко перебил Мартелло. – Я, черт возьми, знаю, в какой стороне запад. – Он взглянул на Смайли и усмехнулся, словно говоря: «Ох уж эти мальчишки».

Мэрфи опять не моргнул глазом:

– Мы должны быть в состоянии вычислить скорость передвижения, а следовательно, путь, пройденный флотилией, в любой точке плавания, сэр.

– Разумеется, разумеется.

– Теперь о Луне, сэр, – продолжал Мэрфи. – Если предположить, что флотилия вышла из Сватоу в ночь на пятницу, двадцать пятого апреля, то через три дня Луна достигнет полнолуния…

– Почему вы так считаете, Мэрфи?

– Потому что флотилия вышла из Сватоу именно в этот день, сэр. Час назад мы получили подтверждение от военно-морской разведки. Флотилия джонок была замечена на восточном краю зоны рыболовства C, она продвигалась на запад по ветру, сэр. Подтверждена положительная идентификация головной джонки, сэр.

Наступила неловкая пауза. Мартелло покраснел.

– Вы умный юноша, Мэрфи, – предостерегающим тоном пробормотал Мартелло. – Но вам следовало сообщить мне это немного раньше.

– Да, сэр. Если предположить, что джонка, на борту которой находится Нельсон Ко, намеревается вступить в гонконгские территориальные воды в ночь с четвертого на пятое мая, то Луна будет в последней четверти, сэр. Если рассмотреть все аналогичные случаи…

– Так и сделаем, – решительно заявил Смайли. – Это бегство во всех подробностях повторяет плавание самого Дрейка в пятьдесят первом.

И опять никто не усомнился, заметил Гиллем. Почему? Этот вопрос ставил его в тупик.

–…то окажется, что наша джонка должна причалить кюжной оконечности острова По-Той завтра в двадцать ноль-ноль и отправиться вместе с остальной флотилией вверх по Жемчужной реке с таким расчетом, чтобы войти в гавань Кантона между десятью тридцатью и двенадцатью ноль-ноль часами на следующий день, пятого мая, сэр.

Пока Мэрфи читал свою монотонную лекцию, Гиллем исподтишка следил за Смайли и думал, что даже сейчас знает его ненамного лучше, чем в тот мрачный день в разгар «холодной войны» в Европе, когда они познакомились. В последнее время такие мысли часто приходили ему в голову. Где он пропадает в свободное время? Что делает? Мечтает об Энн? Или о Карле? С кем он водит дружбу, откуда возвращается в отель в четыре утра? Только не надо говорить, что Джордж переживает вторую молодость, подумал он. Вчера в одиннадцать вечера поступил экстренный вызов из Лондона, и Гиллему пришлось тащиться сюда, чтобы на него ответить. Уэстерби исчез, сказали они. В Лондоне боялись, что Ко его убил или, что еще хуже, похитил и пытает и что вследствие этого операция может быть провалена. Гиллем считал более вероятным, что Джерри застрял с парой стюардесс где-нибудь по дороге в Лондон, но вызов был такой срочности, что ему ничего не оставалось, кроме как разбудить Смайли и рассказать ему все. Он позвонил в номер – ответа не было; оделся, постучал в дверь Смайли – никто не отозвался; в конце концов Гиллему пришлось открывать замок отмычкой, потому что он здорово испугался; вдруг Смайли заболел?

Но в номере никого не было, постель стояла неразобранной; просматривая его вещи, Гиллем потрясенно заметил, что старый секретный агент дошел до того, что пришил к рубашкам ярлычки с вымышленным именем. Больше, однако, он ничего не обнаружил. Поэтому он уселся в кресло Смайли и задремал. Проснулся Гиллем в четыре часа, ощутив какое-то слабое трепетание; открыв глаза, он увидел в пятнадцати сантиметрах над собой лицо Смайли – тот склонился над ним и с интересом рассматривал. Одному Богу известно, как ему удалось так тихо пробраться в номер.

– Гордон, – тихо окликнул он. – Чем могу быть вам полезен?

Они находились на выполнении задания и действовали исходя из предположения, что комната прослушивается. По той же самой причине Гиллем не произнес ни слова, лишь протянул Смайли конверт с посланием от Конни; тот прочитал его раз, потом другой и сжег. Гиллема поразило, как серьезно он отнесся к этому сообщению. Невзирая на то что было раннее утро, он твердо вознамерился отправиться прямо в консульство и принять срочные меры, так что Гиллему ничего не оставалось, кроме как пойти вместе с ним.

– Ну как, с пользой провели вечер? – небрежным тоном спросил Питер, когда они шагали вверх по холму.

– Я? О да, в некоторой степени, спасибо, – откликнулся Смайли, как всегда, уходя от прямого ответа.

Ни Гиллему, ни кому-либо другому больше ничего не удалось вытянуть относительно его ночных и прочих похождений. Тем временем Смайли принялся излагать надежные данные касательно операции, не удосужившись даже намекнуть, откуда он все это узнал. Его манера рассказывать, как всегда, не допускала никаких расспросов.

– Джордж, мы можем положиться на ваши сведения, не так ли? – озадаченно спросил Мартелло, когда это произошло в первый раз.

– Что? О да-да, разумеется, можете.

– Отлично, Джордж. Вы великолепно подготовились. Я вами восхищен, – после неловкой паузы сердечно произнес Мартелло, и с тех пор всем приходилось мириться с его способом добывать и излагать информацию. Деваться было некуда. Ибо никто, даже сам Мартелло, не осмеливался подвергать сомнению его авторитет.

– И на сколько дней затянется эта рыбалка, Мэрфи? – спросил Мартелло.

– Флотилия будет заниматься ловлей рыбы семь дней, рассчитывая прибыть в Кантон с полными трюмами, сэр.

– Вы согласны, Джордж?

– Да-да, мне нечего добавить, спасибо.

Мартелло спросил, во сколько флотилия должна будет выйти из зоны рыболовства, чтобы вовремя успеть на встречу с джонкой Нельсона завтра вечером.

– Полагаю, завтра в одиннадцать часов утра, – сказал Смайли, не отрывая глаз от листков с записями.

– Я тоже так считаю, – добавил Мэрфи.

– Позвольте, Мэрфи, один вопрос касательно этой нелегальной джонки, – произнес Мартелло, бросив на Смайли почтительный взгляд.

– Да, сэр, – сказал Мэрфи.

– Не может ли она между делом улизнуть от основной массы? Под каким предлогом она сможет войти в гонконгские территориальные воды, Мэрфи?

– Нет ничего проще, сэр, так все время происходит. Флотилии джонок из красного Китая ловят рыбу по коллективной системе, и прибыль не имеет для них стимулирующего воздействия, сэр. Вследствие этого однажды ночью одна-единственная джонка ускользает, не зажигая огней, подходит к какому-нибудь из отдаленных островов архипелага и продает рыбу за наличные деньги.

– Да это просто контрабанда под покровом ночи! – воскликнул Мартелло, радуясь, как уместно прозвучало это выражение

Смайли повернулся к карте острова По-Той, висевшей на другой стене, и наклонил голову, чтобы присмотреться.

– О джонках какого размера идет речь? – спросил Мартелло.

– О судах для ярусного лова рыбы с командой в двадцать восемь человек, сэр, со снастями для добычи акулы и морского окуня.

– У Дрейка джонка того же типа?

– Да, – ответил Смайли, все так же глядя на карту. – Того же.

– И она так же может войти в территориальные воды и приблизиться к берегу? Если позволит погода?

Снова ответ дал Смайли. До сих пор Гиллем ни разу не слышал, чтобы он так долго говорил о лодках.

– Осадка джонки для ярусного лова меньше пяти морских саженей (1 морская сажень – 1, 83 м.), – заметил он. – Она может подойти к берегу сколь угодно близко, разумеется, если море достаточно спокойно.

Фон на задней скамейке не к месту рассмеялся. Гиллем повернулся в кресле и пронзил его уничтожающим взглядом. Фон взглянул искоса и покачал головой, дивясь всеведению своего господина.

– А сколько джонок составляют флотилию? – спросил Мартелло.

– От двадцати до тридцати, – ответил Смайли.

– Перестаньте, – кротко взмолился Мэрфи.

– И что будет делать Нельсон, Джордж? Отойдет к самому краю флотилии, а потом вроде как случайно собьется с пути?

– Отстанет, – сказал Смайли. – Флотилии обычно движутся колонной, носом в корму друг другу. Нельсон прикажет шкиперу встать последним.

– Ей-богу, так, – вполголоса пробормотал Мартелло. – Мэрфи, какие опознавательные знаки обычно используются?

– Об этом известно очень мало, сэр. Здешние мореходы не любят откровенничать. Они нимало не считаются с морскими правилами и законами. В открытом море они вообще не зажигают огней, главным образом потому, что боятся пиратов.

Смайли опять погрузился в раздумья. Он сидел неподвижно, словно одеревенев, и, хотя его глаза по-прежнему не отрывались от большой морской карты, Гиллем знал, что его мысли блуждают сейчас где угодно, но только не вокруг Мэрфи с его нудной статистикой. Мартелло же вел себя совсем по-другому.

– Каков общий объем прибрежной торговли, Мэрфи?

– Сэр, никто не определял, данных нет.

– А джонки, входящие в территориальные воды Гонконга, проходят какой-нибудь карантин, Мэрфи? – продолжал он.

– Теоретически все суда должны останавливаться и проходить инспекцию, сэр.

– А практически, Мэрфи?

– Эти кораблики сами себе законодатели, сэр. Формально китайским джонкам запрещено плавать между островом Виктория и мысом Коулун, сэр, но на самом деле бриттам меньше всего хочется поднимать склоку с континентальным Китаем из-за права прохода. Извините, сэр.

– Ни за что, – вежливо откликнулся Смайли, не сводя глаз с карты. – Бриттами были, бриттами и останемся.

То же самое выражение, подметил Гиллем, появляется у него на лице всегда, когда он смотрит на фотографию Карлы. Он удивляется и, можно подумать, долго изучает его очертания; смазанный невидящий взгляд. Потом свет я его глазах постепенно меркнет, а вместе с ним угасает надежда, и вы чувствуете, что он встревоженно смотрит внутрь себя.

– Мэрфи, мне показалось, что говорили о ходовых огнях? – спросил Смайли, повернув голову, но по-прежнему не сводя глаз с карты.

– Да, сэр.

– Полагаю, на джонке Нельсона будут три огня, – объявил Джордж. – Два зеленых, один под другим, на кормовой мачте и один красный, по правому борту.

– Да, сэр?

Мартелло пытался поймать взгляд Гиллема, но тот упорно не смотрел в его сторону.

– Но может и не быть, – предостерег Смайли, как будто эта мысль только что пришла ему в голову. – Эта джонка может вообще не зажигать огней, а просто подать условный сигнал, когда подойдет поближе.

Мэрфи продолжил лекцию. Следующий пункт – связь.

– Сэр, что касается связи, сэр, очень немногие джонки имеют на борту радиопередатчики, но приемники есть почти у всех. Время от времени попадается шкипер, который покупает дешевое портативное «уоки-токи» с радиусом действия около двух километров, чтобы переговариваться во время лова, но обычно они занимаются делом, так что разговаривать им, в общем-то, не о чем, как я полагаю. А что до того, как они находят дорогу, то военно-морская разведка считает, что это просто загадка. У нас есть надежные сведения, что многие суда для ярусного лова обладают только простейшим компасом да ручным лотом и часто определяют истинный север с помощью ржавого будильника.

– Мэрфи, как им, ч е р т в о з ь м и, удается ходить с т а к и м снаряжением? – вскричал Мартелло.

– Они берут трос со свинцовым грузилом и прилепляют к нему кусок воска, сэр. Опускают в глубину и по тому, что приклеится к воску, определяют свое местонахождение.

– Да, работа у них в с а м о м д е л е нелегкая, – заметил американец.

Зазвонил телефон. Второй из «молчунов» Мартелло поднял трубку, выслушал и прикрыл микрофон рукой.

– Уэрд, за которой ведется слежка, только что вернулась домой, сэр, – сообщил он Смайли. – Вся компания чуть ли не час разъезжала по городу, а теперь ее на машине привезли обратно в дом. Мак говорит похоже, она наполняет ванну, так что, возможно, собирается позже выйти куда-то еще.

– И она одна, – бесстрастно произнес Смайли. На самом деле это был вопрос

– Она там одна, Мак? – Он громко рассмеялся. – Еще бы тебе не хотелось, грязный ты мерзавец. Да, сэр, леди совсем одна и принимает ванну, и Мак говорит: неплохо бы нам наконец пустить в ход видеоаппаратуру. Мак, а леди п о е т в ванне? – Он повесил трубку. – Нет, она не поет.

– Мэрфи, продолжайте, – рявкнул Мартелло. Смайли попросил его еще раз пересказать план перехвата.

– С удовольствием, Джордж! Сколько угодно! Не забывайте, это ваш бенефис!

– Может быть… Посмотрим еще раз на крупномасштабную карту острова По-Той. А потом Мэрфи проанализирует для нас эти планы, вы не возражаете?

– Н е в о з р а ж а ю, Джордж, конечно н е в о з р а ж а ю ! – вскричал Мартелло, и Мэрфи начал снова, на сей раз помогая себе указкой. – Наблюдательные пункты военно-морской разведки расположены здесь, сэр… постоянная двусторонняя связь с базой, сэр… никто не должен находиться на расстоянии менее двух морских миль (1 морская миля – 1,852 км.) от места высадки… Когда яхта Ко отправится обратно в Гонконг, сэр, военно-морская разведка сообщит базе время отправления… перехват будет проведен, как только яхта Ко войдет в гавань… Его произведет судно регулярной британской полиции… Соединенные Штаты предоставят только средства наблюдения и будут держаться поодаль, на случал непредвиденной ситуации, если понадобится помощь…

Смайли внимательно слушал его и сопровождал каждую фразу холодным кивком.

– В конце концов, Мэрфи, – перебил он его один-единственный раз, – когда Нельсон окажется на борту у Ко, ему ведь больше некуда направляться, кроме как в Гонконг, так ведь? По-Той находится у самой границы китайских территориальных вод. Или мы, или никто.

Когда-нибудь, подумал во время рассказа Гиллем, с Джорджем произойдет одно из двух. Или он потеряет осторожность, или его погубят собственные парадоксальные мысли. Если он потеряет осторожность, от агента-профессионала, каким он сейчас является, не останется и следа. В противном случае он будет, раздувая узенькую грудь, без конца искать оправдания тому, что мы делаем. Ведь однажды Смайли сам в беседе с начальниками отделов назвал стоящий перед ними выбор своим именем; если бы тот разговор дошел до вышестоящих ушей,

дело для него кончилось бы плохо. Гиллем, немного смущаясь, напомнил им слова Смайли. М о ж н о л и б ы т ь б е с ч е л о в е ч н ы м и, ч т о б ы з а щ и т и т ь ч е л о в е ч н о с т ь, спрашивал он. Ж е с т о к и м и – ч т о б ы з а щ и т и т ь с о ч у в с т в и е. Е д и н о м ы ш л е н н и к а м и – в з а щ и т е п р а в а н а с о б с т в е н н о е м н е н и е. В тот раз все набросились на него, кипя от возмущения. Почему бы Джорджу не заткнуться и не заняться делом, зачем он козыряет своей честностью и прилюдно отмывает ее до блеска, чтобы все увидели, что с ней не все в порядке? Конни даже прошептала Гиллему на ухо русскую поговорку, которую она упорно приписывала Карле «Питер, душечка, войны не будет, ты ведь знаешь, – успокаивающе проговорила она, пожимая ему руку, когда он вел ее по коридору. – Но в борьбе за мир мы камня на камне не оставим, – так говорил этот старый лис, помяни его слова. Держу пари, они его на коллегии за это по головке не погладили».

Вдруг что-то громыхнуло, Гиллем быстро обернулся. Фон пересел с одного кресла в другое. Заметив взгляд Гиллема, он презрительно фыркнул, раздувая ноздри.

«Он выжил из ума», – с содроганием подумал Гиллем.

Фон, как и Смайли, в последнее время серьезно тревожил Питера, но по другим причинам. Два дня назад он в присутствии Гиллема выкинул отвратительную штуку. Смайли, как обычно, ушел куда-то в одиночку. Чтобы убить время, Гиллем нанял машину и повез Фона к китайской границе. Там маленький сотрудник опергруппы пыхтел и хихикал, глядя на далекие таинственные холмы. На обратном пути в какой-то деревне они остановились у светофора, и вдруг сбоку на «хонде» подъехал мальчишка-китаец. Гиллем сидел за рулем. Фон – на сиденье для пассажиров. Стекло рядом с ним было опущено, он снял пиджак и положил левый локоть на дверцу, любуясь новыми позолоченными часами, которые купил в сувенирном киоске в «Хилтоне». Когда они тронулись, незадачливый китаец сунул руку, собираясь сорвать часы, но Фон оказался проворнее. Он схватил мальчишку за запястье мертвой хваткой и потащил за машиной. Тот безуспешно вырывался. Гиллем проехал метров пятьдесят и только потом заметил, что происходит. Он сразу остановил машину, но Фон только этого и ждал. Не успел Гиллем удержать его, как он выскочил наружу, выдернул мальчишку из «хонды», оттащил к обочине и сломал ему обе руки, после чего, улыбаясь, вернулся в машину. Опасаясь скандала, Гиллем поспешно укатил с места происшествия, оставив пострадавшего: тот визжал, глядя на безжизненно повисшие руки. Возвращаясь в Гонконг, Гиллем намеревался немедленно доложить Джорджу о Фоне, но, к счастью для последнего, Смайли объявился лишь через восемь часов, и Гиллему с одного взгляда стало ясно, что на сегодня с него хватит плохих новостей.

Зазвонил другой телефон, красный. Мартелло сам снял трубку. Он немного послушал и вдруг разразился громким хохотом.

– Они его нашли, – сказал он Смайли, протягиваятрубку.

– Кого?

Трубка висела между ними.

– Вашего парня, Джордж. Этого Уэзерби…

– Уэстерби, – поправил его Мэрфи, и Мартелло метнулв него убийственный взгляд.

– Они его нашли, – повторил Мартелло.

– Где он?

– Где он был, вы хотите сказать! Джордж, он просто изрядно повеселился в парочке борделей на берегу Меконга. Если наши люди не преувеличивают, такого вертопраха не видывали с тех пор, как цирк Барнума со слоненком уехал из города в сорок девятом!

– Будьте добры, уточните, где он сейчас? Мартелло протянул ему трубку.

– Пусть они просто прочитают сообщение вам, идет? У них есть сведения, что он переправился через реку. – Он обернулся и подмигнул Гиллему. – Мне говорили, во Вьентьяне тоже найдутся места, где ему есть чем заняться, – бросил он и от души расхохотался.

Смайли неподвижно сидел, прижимая к уху телефонную трубку.

Джерри выбрал такси с зеркалами на крыльях и сел впереди. В Коулуне он взял напрокат машину, увешанную множеством всяких аксессуаров. Он воспользовался подложным паспортом и водительскими правами, припасенными на случай поспешного бегства, так как подсознательно считал, что вымышленное имя безопаснее, даже если нужно взять машину всего на час. Он направился в Мидлевелз; смеркалось, шел дождь, неоновые фонари на склонах холма серебрились туманными ореолами. Он оставил позади американское консульство, дважды проехал мимо Стар-Хайтс, в глубине души надеясь увидеть там Сэма Коллинза, и на второй попытке не сомневался, что ему удалось обнаружить окна ее квартиры. У нее горел свет – сквозь венецианское окно можно было различить претенциозный итальянский светильник ценой долларов в триста. Матовое стекло ванной комнаты тоже светилось. Проехав мимо в третий раз, он заметил, как она накидывает на плечи шаль; то ли инстинкт, то ли какая-то официальность ее жеста подсказали ему, что сегодня вечером она опять собирается куда-то идти – на сей раз она наряжалась всерьез.

Стоило ему подпустить к себе мысль о Люке, как глаза затягивала тьма; Джерри представлял, что совершает благородные и бесполезные поступки, например, звонит семье Люка в Калифорнию, или Карлику в бюро, или даже – неизвестно зачем – Рокеру. Оставим это на потом, решил он. Позже я воздам Люку почести, каких он заслуживает, пообещал себе Джерри.

Дорога шла под уклон. Выключив мотор, он спустился на шоссе, ведущее к зданию, и по подъездной дорожке въехал на автостоянку. Машины на стоянке располагались в три ряда. Он с беспечным видом бродил по ней, пока в тихом уголке не обнаружил красный «ягуар»; тот был огорожен цепью, чтобы соседние машины не испортили его безупречную покраску. На руль был надет чехол из искусственной шкуры леопарда Лиззи, казалось, не знала, как бы еще поухаживать за несравненной машиной. Да роди же ты ребенка, с внезапной злостью подумал он. Купи собаку. Разводи мышей. У него руки чесались разбить лобовое стекло вдребезги, но, как часто случалось, некий неуловимый порыв удержал его. Если она не собирается ехать в этой машине, значит, он пришлет за ней лимузин, подумал Джерри. Возможно, даже с Тиу в роли охранника. А может быть, приедет сам. А может, она просто одевается для вечерней молитвы и не собирается никуда идти. Жаль, что сегодня не воскресенье, подумал он. По воскресеньям, говорил Кро, Дрейк Ко проводит все время с семьей, а Лиззи в этот день предоставлена самой себе. Но сегодня было не воскресенье, и рядом с ним не было Кро, который мог бы сказать, узнав это неизвестно откуда, что Ко уехал по делам то ли в Бангкок, то ли в Тимбукту.

Возблагодарив небеса за то, что дождь сменился туманом, он поднялся по подъездной дорожке обратно на шоссе и возле развилки нашел у обочины крошечный свободный клочок, где, если встать поближе к ограждению, другие машины хоть и с трудом, но проехать смогут. Джерри задел ограждение, но ему было все равно. Теперь со своего места он мог следить за пешеходами, которые входили и выходили в здание через украшенный лентами подъезд, и за подъезжающими и уезжающими машинами, двигавшимися к отелю по главной дороге. Ему не приходило в голову, что следует быть осторожнее. Он зажег сигарету. Мимо него в обе стороны проносились лимузины, но машина Ко так и не появилась. То и дело автомобили проезжали впритирку к нему, шоферы притормаживали, чтобы наорать, но Джерри не обращал на них внимания. Каждые несколько секунд он поглядывал в зеркало заднего вида; как-то раз позади,

крадучись, словно виноватый, показался пухлый человечек, похожий на Тиу, палец в кармане пиджака секретного агента сам собой снял пистолет с предохранителя, и только потом Джерри признал, что фигура у этого человека далеко не такая мускулистая, как у Тиу. Он прошел мимо. Должно быть, игрок, бредущий собирать карточные долга у водителей «пак-пай», подумал Джерри.

Он вспомнил, как они с Люком ездили в Хзппи Вэлли. Вспомнил, как это было.

Он все еще смотрел в зеркало, как вдруг мимо него вверх по подъездной дорожке пронесся «ягуар». Крыша его была поднята, на водительском сиденье сидела женщина, рядом – ни одного пассажира; единственное, что он упустил из виду, так это то, что она могла спуститься на стоянку на лифте и вывести машину сама, а не просить портье подогнать ее ко входу, как в прошлый раз. Выезжая следом за ней, он взглянул вверх и увидел, что свет в ее окнах до сих пор горит. Остался ли кто-нибудь у нее в квартире? Или она собирается вскоре вернуться? Не надо чересчур мудрствовать, сказал он себе, просто ей в голову не пришло его выключить.

«Когда я в последний раз разговаривал с Люком, – подумал он, – я сказал ему, чтобы он от меня отвязался, а он сказал, что прикроет меня перед Стаббси».

Она свернула и поехала вниз, по склону холма, к центру города. Он держался позади; какое-то время за ним никто не ехал, и это выглядело неестественно, но он уже много часов провел совершенно неестественно: сарратский школяр умирал в нем, и он ничего не мог с этим поделать.

Лиззи приближалась к самой освещенной части города. Он решил, что, наверно, до сих пор любит ее, хотя сейчас был готов подозревать всех и вся. Он держался близко, так как помнил, что она редко смотрит в зеркало заднего вида Все равно в туманных сумерках она разглядит лишь огни его фар. Туман висел клочьями, он стлался над гаванью, как дым от огня, стрелы портовых кранов покачивались, будто пожарные шланги среди клубов дыма. У отеля «Сентрал» она нырнула в подземный гараж, он въехал следом и оставил машину в шести пролетах от нее, она не заметила. Не выходя из машины, девушка поправила макияж; ему бросилось в глаза, как старательно она трудится над подбородком, запудривая шрамы. Потом она вышла и долго и тщательно запирала дверцу, хотя любой мальчишка мог запросто разрезать мягкую крышу лезвием бритвы. На ней было длинное шелковое платье и шелковая пелерина; поднимаясь по каменной винтовой лестнице, она подняла руки и тщательно поправил прическу. Ее длинные волосы были собраны у шеи; она зачесала их наверх и опустила «конский» хвост поверх пелерины. Джерри сопровождал ее до гостиничного вестибюля. Там он едва успел свернуть в боковой коридор, чтобы не столкнуться с шумной толпой репортеров из журналов мод. Весельчаки обоего пола, разряженные в атлас и банты, фотографировали всех, кто попадался на пути. Оставшись в коридоре в относительной безопасности, Джерри попытался осмыслить увиденное. Здесь намечалась большая частная вечеринка, и Лиззи проникла на нее с черного хода. Все остальные гости прибывали с парадного, где на площадке кишмя кишели «роллс-ройсы»; их было так много, что выделить среди гостей самых важных персон было невозможно. Распоряжалась приемом гостей женщина с голубовато-седыми волосами; она покачивалась, ее французский сильно отдавал джином. Чопорная китаянка из отдела общественных связей с парой помощниц составляла цепочку встречающих; по мере того как один за другим подходили гости, девушка и ее подручные с пугающей сердечностью приветствовали их, спрашивали имена и иногда требовали пригласительные билеты, потом сверялись со списком приглашенных и говорили: "О д а, к о н е ч н о ". Дама с голубовато-седыми волосами улыбалась и что-то бубнила Подручные вручали мужчинам нагрудные значки, дамам – орхидеи, потом расцветали улыбками, предназначенными для следующего гостя.

Лиззи Уэрдингтон не дрогнув прошла процедуру проверки. Джерри подождал минуту, проследил, как она скрылась за двойными дверями с надписью «Званый вечер», украшении ми

стрелой Купидона, затем пристроился в хвост очереди. Девушке из отдела общественных связей не понравились его ботинки из оленьей кожи. Да и костюм его сам по себе был довольно непригляден, но насторожили ее именно ботинки. Наверное, во время учебы в подготовительном центре ей внушали обращать особое внимание на обувь, подумал Джерри, пока она разглядывала его ноги. От носков и выше миллионеры могут одеваться, как оборванцы, но пара ботинок от Гуччи за двести долларов – это визитная карточка, которую нельзя недооценивать. Девушка хмуро взглянула на его журналистское удостоверение, сверилась со списком приглашенных, еще раз всмотрелась в удостоверение, потом опять посмотрела на ботинки и наконец бросила последний взгляд на даму с голубыми волосами, которая все так же улыбалась и бубнила. Джерри догадался, что она под завязку накачана наркотиками. Наконец девушка одарила подозрительного гостя особо сияющей улыбкой и протянула кружок размером с кофейное блюдце, раскрашенный флюоресцирующей розовой краской, посреди которого двухсантиметровыми белыми буквами было выведено «ПРЕССА».

– Сегодня мы в с е х одариваем красотой, мистер Уэстерби, – сказала она.

– Так поработайте и со мной, милочка.

– Вам нравятся м о и д у х и, мистер Уэстерби?

– Сногсшибательно, – ответил Джерри.

– Они называются " С о к в и н о г р а д н о й л о з ы ", мистер Уэстерби, и стоят сто гонконгских долларов за маленький флакон, но сегодня Дом моды «Флобер» выдает нашим гостям бесплатные образцы. – Девушка перешла к следующей гостье. – Мадам Монтифьори… о да, к о н е ч н о, добро пожаловать в Дом моды «Флобер». Вам нравятся м о и д у х и, мадам Монтифьори?

Девушка-евразийка в ч ы о н г с а м е протянула ему поднос и прошептала:

– "Флобер" желает вам провести экзотическую ночь.

– Дай-то Бог, – согласился Джерри.

За двойными дверями выстроилась еще одна цепочка встречающих; ее составляли трое очаровательных юношей, выписанных из Парижа за свою красоту, и отряд телохранителей, какого не постыдился бы и президент. На мгновение Джерри пришло в голову, что его могут обыскать; что ж, в таком случае он расшвыряет всю эту лавочку. Они холодно смотрели на Джерри, почитая прессу наравне с прислугой, но он был светловолос, и поэтому его пропустили.

– Пресса сидит в третьем ряду от подиума, – произнес блондин-гермафродит в ковбойском кожаном костюме, вручая ему подборку материалов, предназначенную для раздачи журналистам. – Месье, у вас нет фотоаппарата?

– Я видел объявление, – ответил Джерри, указывая пальцем через плечо. – «Фотографировать запрещено». – Он прошел в приемную, источая улыбки и махая рукой всем, с кем встречался взглядом.

Посреди зала возвышалась пирамида из бокалов с шампанским высотой метра в два; сбоку к ней была пристроена лестница, обтянутая черным атласом, – чтобы официант смог добраться до самой вершины. В ящиках со льдом лежали большие двухлитровые бутыли вина Рядом стояла тележка с омарами и огромный паштет из свинины, оформленный в виде свадебного пирога; на верхушке его майонезом была выведена надпись: «Дом моды». Музыка в космическом стиле была призвана оттенять тихую беседу, если можно назвать таковой монотонное жужжание умирающих от скуки денежных мешков. Подиум протянулся от высокого окна до середины зала Окно выходило на гавань, но из-за тумана вид на море получался каким-то пятнистым.

Кондиционер отрегулировали так, чтобы дамы в роскошных соболях не потели от жары. Большинство мужчин было одето в смокинги, лишь юные китайские повесы вырядились в

свободные брюки в нью-йоркском стиле, черные рубашки и золотые цепи. Британские тайпэны со своими дамами рыхлой кучкой стояли поодаль, как скучающие офицеры на гарнизонной вечеринке.

Джерри почувствовал на плече чью-то руку и резко обернулся, но увидел перед собой всего лишь маленького китайца-гомосексуалиста по имени Грэхем, работающего в местной газетке светских сплетен. Когда-то Джерри помог ему со статьей, которую тот пытался продать журналу комиксов. Подковой в несколько рядов вокруг подиума стояли кресла, на переднем ряду между мистером Арпего и его то ли женой, то ли любовницей сидела Лиззи. Джерри узнал их – он видел этих людей в Хэппи Вэлли. Вся компания была похожа на пожилое семейство, выводящее дочку на первый бал. Оба Арпего разговаривали с Уэрд, но она, казалось, едва их слышала. Лиззи сидела очень прямо и сияла красотой. Она сняла пелерину, так что с того места, где находился Джерри, можно было подумать, что она совсем обнажена (если не считать жемчужного ожерелья и сережек). По крайней мере, с ней ничего не случилось, подумал он. Она не зачахла, не подхватила холеру, ей даже не прострелили голову. Он вспомнил тонкую полоску золотистых волос, сбегавшую вниз по ее позвоночнику: такой он увидел ее в тот первый вечер в лифте.

Рядом с Джерри уселся гомик Грэхем, возле него – Фиби Уэйфарер. Он едва ее знал, но все равно радостно поздоровался.

– Привет. Вот здорово, что ты здесь. Ты великолепна. Тебе, малышка, надо было бы не здесь сидеть, а гулять по подиуму и показывать ножки.

На первый взгляд, она была немного пьяна; возможно, Фиби подумала про него то же самое, хотя с той минуты, как Джерри вышел из самолета, он не выпил ни капли. Уэстерби вытащил блокнот и начал писать, изображая профессионала, хотя на самом деле просто пытался скрыть обуревавшие его чувства. Держись непринужденнее. Не спугни птичку. Потом он прочитал то, что сам написал в блокноте – там были слова «Лиззи Уэрдингтон» и больше ничего. Китаец Грэхем тоже прочитал это и засмеялся.

– Мое новое увлечение, – сказал Джерри, и они засмеялись вместе, неестественно громко, так что сидящие впереди стали оборачиваться. Свет начал меркнуть. Но Лиззи так и не обернулась, хотя он тешил себя надеждой, что, может быть, она узнает его голос.

Позади них закрыли двери, свет погас, и у Джерри возник соблазн устроиться поудобнее в мягком кресле и вздремнуть. Космическая музыка сменилась тропическими ритмами; над черным помостом поблескивала единственная люстра, ей вторило заоконное мерцание огней над гаванью. Гул барабанов, доносившийся из развешанных повсюду усилителей, медленно нарастал. Они все рокотали и рокотали, долго, слаженно, настойчиво, и вот на помосте, на фоне окна, выходящего на гавань, стали различимы человеческие фигуры. Барабаны замолкли. В невыносимой тишине по подиуму бок о бок прошагали две черные, совершенно обнаженные (если не считать драгоценностей) девушки с обритыми головами. В ушах у них были круглые сережки из слоновой кости, на шее – бриллиантовые ожерелья, похожие на железные кольца, какие надевали когда-то на невольниц. На блестящих руках и ногах тут и там горстками посверкивали алмазы, рубины и жемчуг. Нежданные гибкие и высокие красавицы заворожили публику блеском безграничной чувственности. Ожили и воспарили барабаны, в лучах прожекторов засверкали тела и бриллианты. Экзотические дивы в причудливом танце выплыли из окутанной туманом гавани и обрушили на публику весь гнев сексуальной неволи. Потом они развернулись и пошли обратно, покачивая бедрами и приводя публику в неистовство и отчаяние. Вспыхнул свет, зал взорвался аплодисментами. Заговорили все разом, и Джерри громче всех; он обращался к мисс Лиззи Уэрдингтон, знаменитой аристократке, великосветской красавице, чья мать не умеет даже сварить яйцо, и к семейству Арпего, владеющему всей Манилой и одним или двумя островами в Гонконгском архипелаге, как когда-то уверял его капитан Грант из Жокей-клуба. Джерри держал блокнот на изготовку, как официант.

– Боже мой, да это Лиззи Уэрдингтон! Осмелюсь сказать, мадам, весь Гонконг у ваших ног. Моя газета дает поэтому поводу эксклюзивный материал, мисс Уэрд или Уэрдингтон, и мы надеемся подробно описать в нем вас, ваши платья, весь ваш впечатляющий образ жизни и еще более впечатляющих друзей. Мои фотографы замыкают шествие – Он раскланялся с семейством Арпего. – Добрый вечер, мадам. Сэр. Очень рад, что вы с нами. В первый раз в Гонконге?

Он изображал глуповатого мальчишку-сорванца, душу общества. Официант принес шампанского, и он не позволил им взять бокалы самим, а галантным жестом вручил их всей компании. Этот спектакль очаровал семейство Арпего, Кро говорил, они все плуты. Лиззи смотрела на него, в ее глазах светилось какое-то чувство, суть которого он не мог определить. Похоже, она наконец вернулась из мира иллюзий в реальную жизнь. Во взгляде сквозил испуг, будто это она, а не Джерри, распахнула дверь и увидела Люка.

– Насколько я помню, мистер Уэстерби уже однажды писал обо мне, – сказала она. – Наверное, статью не напечатали, да, мистер Уэстерби?

– Для кого вы пишите? – внезапно спросил Арпего. Улыбка исчезла с его лица. Он стал уродливым и опасным на вид: видимо, ее слова что-то напомнили ему, и это «что-то» ему не нравилось. Например, предупреждение, полученное от Тиу.

Джерри назвал свою газету.

– Тогда идите отсюда и пишите, что хотите. Но эту даму оставьте в покое. Она не дает интервью. Если у вас есть дела, занимайтесь ими в другом месте. Вы сюда приехали не в игрушки играть. Отрабатывайте свое жалованье.

– Тогда пара вопросов вам, мистер Арпего. Перед уходом. Что мне написать о вас, сэр? Что вы – неотесанный миллионер с Филиппин? Или что вы миллионер только наполовину?

– Ради Бога, – выдохнула Лиззи, и, к всеобщему облегчению, свет снова начал меркнуть, зарокотали барабаны, все расселись по местам, и в громкоговорителях зазвучал нежный женский голос с французским акцентом. На дальнем конце подиума, как вкрадчивые тени, исполняли долгий танец две черные девушки. Появилась первая модель. Джерри заметил, что впереди в темноте Лиззи встала, набросила на плечи пелерину и, склонив голову, быстро и тихо прошла по проходу к дверям. Джерри поспешил за ней. В вестибюле она полуобернулась, и ему пришло в голову, что она ждет его. На ее лице застыло то же самое выражение, какое он видел в зале; оно вполне отвечало его собственному настроению. Она казалась растерянной и усталой, как затравленный зверек.

– Лиззи! – окликнул он, словно только что заметил старую знакомую, и догнал ее прежде, чем она успела дойти до дамской комнаты. – Лиззи! Господи! Сколько лет, сколько зим! Вот здорово, что ты здесь!

Двое охранников из службы безопасности без всякого интереса смотрели, как он обнял ее и поцеловал на правах старого друга. Его левая рука скользнула ей под пелерину, он, смеясь, склонился к ней и под накидкой приставил к ее голой спине, чуть ниже затылка, маленький револьвер. Так, прильнув к ней, всем своим видом изображая давнего приятеля и весело болтая, он вывел ее на улицу и поймал такси. Ему не хотелось пускать в ход револьвер, но он не мог идти на риск и выволакивать ее на улицу голыми руками. Вот так всегда и выходит, подумал он. Возвращаешься к женщине, чтобы сказать, что любишь ее, а вместо этого ведешь куда-то под дулом револьвера Ее трясло от ярости, но у него не создалось впечатления, что она боится, он бы даже не сказал, что ей жаль покидать это тошнотворное сборище.

– Вот что мне было нужно, – сказала она, когда их машина карабкалась сквозь туман вверх по холму. – Классно. Чертовски здорово.

От нее исходил какой-то странный аромат, но, по мнению Джерри, это было лучше, чем запах «Сока виноградной лозы».

На самом деле Гиллему отнюдь не было скучно, просто его способность сосредоточенно воспринимать услышанное не была такой безграничной, как у Джорджа. Он то спрашивал себя, что же задумал этот пройдоха Джерри Уэстерби, то погружался в эротические мечтания о Молли, то перед ним вставал мальчишка-китаец с поломанными руками, всхлипывающий вслед машине, как подстреленный заяц. Безжалостный Мэрфи пространно рассказывал об острове По-Той.

Этот остров, сэр, имеет вулканическое происхождение, говорил он.

Самые твердые скальные породы во всем гонконгском архипелаге, сэр.

Это самый южный из островов, расположен вблизи границы китайских территориальных вод.

Высота – под триста метров, сэр, рыбаки используют его как ориентир в открытом море, сэр.

Практически это не один остров, а небольшая группа из шести островов, причем остальные пять безжизненны, лишены зелени и необитаемы.

На острове расположен красивый храм, сэр. Множество предметов старины. Изящная резьба по дереву, но мало природных источников воды.

– Господи, Мэрфи, мы же не п о к у п а е м этот треклятыйостров, – завопил Мартелло.

До Лондона было далеко, до начала боевых действий – близко, и Мартелло, заметил Гиллем, изрядно порастерял свой блеск, равно как и изысканные английские манеры. Тропический костюм сидел на нем, как на истинном американском увальне-деревенщине, и ему все время хотелось с кем-нибудь поговорить, желательно с кем-то из своих. Гиллем подозревал, что даже Лондон был для него целым приключением, а уж Гонконг – так просто вражеской территорией. Смайли же в тяжелой ситуации вел себя совершенно по-другому: он стремился побыть в одиночестве и с трудом соблюдал элементарную вежливость.

– Население острова По-Той постоянно сокращается и составляет сто восемьдесят человек. Это крестьяне и рыбаки, по преимуществу коммунисты. На острове расположены три населенных и три опустевших деревни, сэр, – бормотал Мэрфи.

Монотонная лекция продолжалась. Смайли слушал внимательно. Мартелло в нетерпении что-то машинально рисовал в блокноте.

– А з а в т р а, сэр, – говорил Мэрфи, – з а в т р а ночью на По-Той состоится традиционный ежегодный праздник в честь морской богини Тин Хау, сэр.

Мартелло перестал рисовать.

– Они здесь всерьез верят в эту чепуху?

– Каждый имеет право на свободу вероисповедания, сэр.

– Этому вас тоже учили в подготовительном центре, Мэрфи? – Мартелло снова принялся рисовать чертиков.

Наступила неловкая тишина. Мэрфи героически взял указку и ткнул ею в южную оконечность береговой линии острова.

– Праздник в честь Тин Хау, сэр, проводится в единственной крупной гавани острова, сэр, здесь, на юго-западном берегу, где расположен древний храм. Мистер Смайли на основе информации, полученной из не известных мне источников, утверждает, сэр, что Ко предпримет высадку вот здесь, подальше от главной бухты, в маленькой бухточке на восточном побережье острова. Если произвести высадку на незаселенной стороне острова, которая не имеет естественного спуска к морю, именно в тот момент, когда все жители присутствуют на празднике в главной бухте…

Зазвонил телефон, но Гиллем его не услышал. До него донесся лишь голос второго из «молчунов» Мартелло" снявшего трубку:

– Да, Мак. – Потом заскрипело кресло – он выпрямился и взглянул на Смайли: – Правильно, Мак. Конечно, Мак. Прямо сейчас. Да. Он здесь. Рядом со мной. Здесь все.

Смайли уже стоял над ним и протягивал руку. Мартелло не спускал глаз со Смайли. Мэрфи на кафедре повернулся к ним спиной и с указкой в руках продолжал рассказывать о захватывающих особенностях ландшафта острова По-Той; он даже не заметил, что его уже никто не слушает.

– Моряки также называют этот остров Скалой Привидений, сэр, – пояснил он все тем же нудным голосом. – Но никто не знает, почему.

Смайли выслушал собеседника и повесил трубку.

– Благодарю вас, Мэрфи, – любезно сказал он. – Это было очень интересно.

На секунду Джордж застыл в неподвижности, приложив пальцы к верхней губе, словно Пиквик, обдумывающий серьезный вопрос.

– Да, – повторил он. – Очень интересно. Он прошелся до двери, потом остановился.

– Марти, прошу прощения, но мне необходимо ненадолго покинуть вас. Полагаю, час или два, не больше. В любом случае я вам позвоню.

Он взялся за дверную ручку и взглянул на Гиллема:

– Питер, я думаю, вам тоже лучше пойти со мной, вы не возражаете? Нам, возможно, придется ехать на машине, а вы прекрасно справляетесь с гонконгским уличным движением и при этом сохраняете восхитительное спокойствие. Кажется, я где-то здесь видел Фона? Пойдемте.

Цветы на Хедленд-роуд росли буйно и пышно и были похожи на букетики из остролиста, что связывают к Рождеству. По узкой мостовой мало кто ходил, лишь служанки гуляли с детьми; при этом они совсем не разговаривали, словно выгуливая собак. Фургон, из которого вели наблюдение Кузены, оказался нарочито незаметным коричневым грузовиком, потрепанным, с забрызганными грязью крыльями и надписью сбоку: «Гонконгская компания по надзору за строительством». Над крышей нависала старая антенна, под которой, как принято в Китае, болтались транспаранты. Грузовик во второй, а может быть, в четвертый раз за утро деловито катил мимо особняка Ко, и никто не обратил на него внимания. На Хедленд-роуд, как и повсюду в Гонконге, все время кто-нибудь что-нибудь строит.

Внутри, растянувшись на специальных скамейках, обитых резиной, за домом Ко внимательно следили два человека, вооруженные целой батареей объективов, фотоаппаратов и радиотелефонов. Катание туда и обратно мимо «Семи врат» давно им наскучило.

– Ничего не изменилось? – спрашивал первый.

– Ничего не изменилось, – подтверждал второй.

– Ничего не изменилось, – повторял первый в радиотелефон и слышал в ответ голос Мэрфи, удостоверявший, что сообщение получено.

– Может быть, это просто восковые фигуры? – сказал первый, все так же глядя в объектив. – Пожалуй, стоит дать им пинка и послушать, завопят ли они.

– Да, пожалуй, стоит, – согласился второй.

За всю свою профессиональную карьеру, решили оба, им не приходилось следить за столь неподвижными объектами. Ко стоял спиной к ним на прежнем месте, возле увитой розами беседки, и смотрел на море. Его крошка-жена, одетая, как всегда, в черное, сидела поодаль в белом садовом кресле и, казалось, не сводила глаз с мужа Признаки жизни подавал только Тиу. Он тоже сидел рядом с Ко, но по другую сторону, и жевал что-то похожее на пончик.

Грузовик выехал на шоссе и загромыхал в сторону Стэнли, в целях маскировки делая вид, что проводит инспекцию всего района.

Влюбленный в Лиз

Ее квартира была просторной, но обставлена как-то сумбурно; нечто среднее между залом ожидания аэропорта, кабинетом администратора и будуаром проститутки. Наклонный потолок делал гостиную похожей на неф оседающей церкви. Уровень пола от комнаты к комнате беспрестанно менялся. На ковре, толстом, как густая трава, на месте их следов оставались блестящие отпечатки. Из огромных окон открывался бескрайний, но довольно тоскливый вид. Девушка закрыла жалюзи и задернула занавески, и показалось, что оба внезапно очутились в загородном домике без сада. Служанка сидела у себя, в комнате за кухней; когда она появилась, Лиззи отослала ее обратно. Та удалилась, хмурясь и шипя. Вот погоди, все расскажу хозяину, говорил ее вид.

Джерри закрыл входную дверь на цепочку и повел спутницу, подталкивая перед собой, из комнаты в комнату; она шла впереди и чуть слева, открывала ему двери и даже шкафы. Спальня представляла собой идеальные декорации для телепостановки о роковой женщине: там стояла круглая кровать, накрытая пледом, за испанской ширмой скрывалась круглая ванна. Он перерыл тумбочку у изголовья кровати в поисках карманного пистолета, так как знал, что, хотя Гонконг не изобилует огнестрельным оружием, те, кто когда-то жил в Индокитае, обычно держат пистолет или револьвер. Гардеробная выглядела так, словно она по телефону заказала все содержимое скандинавской сувенирной лавочки в «Сентрал». Столовая была отделана дымчатым стеклом, хромированным железом и кожей; родовые портреты предков в стиле Гейнсборо уныло взирали со стен на пустые стулья Мумии, не способные даже сварить яйцо, подумал Джерри. В кабинет Ко вела лестница, застеленная шкурой черного тигра; Джерри остановился, огляделся и невольно пришел в восторг: в убранстве этой комнаты во всей полноте проявился характер человека, который по духу был в чем-то сродни старому Самбо. Огромный письменный стол с утолщенными округлыми ножками на колесиках, письменный прибор, достойный президента. Чернильницы, зачехленный нож для бумаг, ножницы, неразрезанные справочники по юриспруденции, те самые, которые изучал с ним старый Самбо: руководство Саймонса по налогообложению, справочник Чарльзвуда по законам, регулирующим деятельность компаний. На стене – рекомендательные письма в рамках. Извлечение из жалованной грамоты на орден Британской империи, начинающееся словами: «Елизавета Вторая, милостью Божьей…» Сам орден, обрамленный в атлас, как оружие погибшего рыцаря. Групповой снимок китайских старцев на ступенях храма. Скаковые лошади – обладатели призов. Лиззи смеется. Слегка обалдевшая Лиззи в купальнике. Лиззи в Париже.

Джерри осторожно выдвинул ящики стола и нашел почтовую бумагу с выпуклыми штампами дюжины разных компаний. В шкафах стояли пустые папки, электрическая пишущая машинка «Ай-Би-Эм», адресная книга, в которую не было записано ни одного адреса. И снова фотографии: Лиззи, обнаженная до пояса, смотрит через плечо. Лиззи, помоги ей Бог, в свадебном платье, сжимает букетик гардений. Наверное, для этой фотографии Ко отправил ее в салон свадебных платьев.

Но ни на одной фотографии не было запечатлено джутовых мешков с опиумом.

Убежище, в котором высокий руководитель скрывается от дел, подумал Джерри. Таких убежищ у старого Самбо было несколько: девочки снимали для него квартиры, у одной из них был даже дом, но они видели его всего по нескольку раз в год. И везде были вот такие комнаты, потайные, уединенные, с письменным столом, телефонами, по которым никто не звонил, памятными вещичками, – уголок из чьей-то жизни, укрытие, в котором прячутся от других укрытий.

– Где он? – спросил Джерри, снова припомнив Люка.

– Кто – Дрейк?

– Нет, Дед Мороз.

– Откуда я знаю?

Он прошел за ней в спальню.

– И часто бывает так, что ты не знаешь?

Она сняла сережки и положила их в шкатулку с драгоценностями. Потом сняла пряжку, ожерелье и браслеты.

– Где бы он ни был, днем или ночью, он всегда звонит мне. Сейчас он пропал в первый раз.

– А ты можешь ему позвонить?

– Да когда мне вздумается, – с жестоким сарказмом отрезала она, – Конечно могу. Мы с его официальной женой отлично ладим. Ты разве не знал?

– А может быть, он у себя на работе? В конторе? – Он не ходит на работу.

– А как насчет Тиу?

– Пошел он к черту.

– Почему?

– Потому что он свинья, – огрызнулась она, открывая шкаф.

– Он мог бы передавать тебе его записки.

– Если бы ему это захотелось.

– А почему он не хочет?

– Почем я знаю? – Лиззи вытащила из шкафа свитер инесколько пар джинсов и швырнула на кровать. – Потому что он на меня злится. Потому что он мне не верит. Потому что он вообще не любит круглоглазых, которые вламываются без приглашения в гости к Важному Хозяину. А теперь выйди, я переоденусь.

Он повернулся к ней спиной и опять направился в гардеробную. До него доносился шелест шелка по гладкой коже.

– Я видел Рикардо, – сказал он. – Мы искренне и доконца высказали друг другу все, что думаем.

Ему необходимо было выяснить, рассказали ли они ей об этом. Убедиться, что она не замешана в смерти Люка. Он помолчал, потом продолжил:

– Мне дал его адрес Чарли Маршалл, я наведался к нему, и мы поболтали.

– Отлично, – сказала девушка. – Значит, теперь вы одна семья.

– Они рассказали мне о Меллоне. Говорят, ты возила для него наркотики.

Лиззи не ответила. Джерри обернулся – она сидела на кровати, обхватив голову руками. В джинсах и свитере ей можно было дать лет пятнадцать, она казалась сантиметров на Двадцать ниже ростом.

– Какого черта тебе нужно? – наконец прошептала она так тихо, словно спрашивала у себя самой.

– Мне нужна ты, – сказал он. – Навсегда.

Он так и не понял, расслышала ли она его, потому что единственным ее ответом был долгий вздох. «О, Господи», – прошептала она.

– Меллон – твой друг? – спросила она наконец.

– Нет.

– Жаль. Ему бы пригодился такой друг, как ты.

– Арпего знает, где Ко? Она пожала плечами.

– Когда ты в последний раз разговаривала с ним?

– Неделю назад.

– Что он сказал?

– Сказал, что ему нужно кое-что уладить.

– Что уладить?

– Ради Бога, перестань меня расспрашивать! Все кругом только и делают, что пристают с расспросами, поэтому не будь таким, как все, ладно?

Он взглянул на нее – ее глаза горели гневом и отчаянием. Он открыл балконную дверь и вышел.

«Что мне нужно, так это хороший инструктаж, – с горечью подумал он. – Гувернеры из Саррата где же вы?» – До сих пор ему не приходило в голову, что, перерезав пуповину, он заодно отверг верного советчика.

Балкон огибал здание с трех сторон. Туман несколько рассеялся. Позади нависал Пик, усеянный золотистыми огнями. Клубились тучи, изредка проглядывала луна Гавань рассыпала все великолепие своего убранства. Посреди, как разряженная красотка среди скромных подруг, нежился залитый огнями американский авианосец. Вертолеты и небольшие истребители на его палубе напомнили Джерри авиабазу в Таиланде. Мимо проплыла колонна океанских джонок, направлявшаяся в Кантон.

– Джерри!

Лиззи стояла в дверях и смотрела на него. Вдоль балкона тянулась целая аллея из деревьев в кадках.

– Заходи. Я хочу есть, – сказала она.

В этой кухне никто ничего не готовил и не ел. Один из углов в ней был оформлен в баварском стиле – сосновые скамейки, картины с видами Альп, пепельницы с надписями «Карлсберг». Она налила ему кофе из стоявшего наготове кофейника, и он обратил внимание, как девушка, склонившись над плитой, подала плечи вперед и прижала руки к туловищу – точь-в-точь, как когда-то Сиротка. Она дрожала. Он подумал, что, наверно, она дрожит с тех пор, как он приставил к ее спине револьвер, и пожалел, что пришлось так поступить, потому что начинал понимать, что ей плохо так же, как и ему, может быть, даже хуже. Между ними установилась та же теплота, какая всегда проявляется между людьми, потерпевшими катастрофу, причем каждый из них испытал ее по-своему, свалился в собственную преисподнюю. Он налил ей бренди с содовой, себе – того же, усадил в гостиной, где было теплее, и смотрел, как она, сжавшись, глядя на ковер, пьет бренди. – Включить музыку? – спросил он. Она покачала головой.

– Я говорю от своего имени, – сказал он. – Никакого отношения к другим организациям не имею.

Она словно не слышала.

– Я свободен и никому не подчиняюсь, – повторил он. – Просто у меня только что умер друг.

Он заметил, что она кивнула, но в ее жесте не ощущалось ничего, кроме сочувствия. Он был уверен, что в ее памяти ничего не шевельнулось.

– Друзья Ко становятся не слишком чистоплотны, – сказал он. – Это добром не кончится. Ты связалась с крутыми ребятами. И Ко из их числа. Если вглядеться получше, это злейший враг общества. Вот я и подумал, может быть, тебе захочется из этого выпутаться. Потому я и вернулся. Можешь считать меня сэром Галаадом. Правда, я не очень хорошо представляю, что за типы вокруг тебя крутятся. Меллон и все остальные. Может быть, разберемся вместе, что к чему.

После этого объяснения, хоть и не очень внятного, зазвонил телефон. Его звонок походил на придушенное кваканье, специально придуманное для того, чтобы выматывать у людей нервы.

Телефон стоял на позолоченном сервировочном столике на другом конце комнаты. При каждом звонке, отличавшемся на редкость тоскливым тембром, на аппарате вспыхивала сигнальная лампочка отражавшаяся в волнистых стеклах книжных полок. Лиззи посмотрела на телефон, перевела взгляд на Джерри, и в ее глазах загорелась надежда. Он вскочил и подтащил к ней сервировочный столик. Колеса завязли в густом ворсе ковра. Провод на ходу разматывался и в конце концов растянулся посреди комнаты, как каракули, нацарапанные нетвердой детской рукой. Она торопливо подняла трубку и произнесла: «Уэрд слушает». Голос ее звучал грубовато – такой тон вырабатывают у себя женщины, привыкшие жить одни. Ему хотелось сказать, что линия прослушивается, но он не знал, против чего нужно предостерегать: его нынешнее положение было неопределенным, он сам не знал, на этой он стороне или на той. Он вообще не мог понять, кто в этом деле на чьей стороне, однако перед глазами вдруг снова встал Люк, и в душе Джерри проснулся охотничий азарт.

Она держала трубку возле уха, но не произносила ни слова. Один раз она сказала «так», словно в ответ на некие указания, и еще раз горячо ответила «нет». Лицо ее погасло, голос не выражал ничего. Но он ощутил, что она покоряется чьей-то воле и хочет что-то скрыть; его охватил гнев, и все остальное потеряли для него всякий смысл.

– Нет, – сказала она в трубку. – Я ушла с вечеринки рано.

Он встал на колени возле нее, пытаясь прислушаться к разговору, но она крепко прижимала трубку к уху.

Почему она не спросит, где он? Почему не спросит, когда увидится с ним? Все ли с ним в порядке? Почему он не звонил? Почему она смотрит на Джерри таким тяжелым взглядом, без всякой радости и облегчения?

Он коснулся ее щеки, повернул к себе ее голову и прошептал в другое ухо:

– Скажи, что тебе нужно с ним увидеться! Скажи, что ты к нему приедешь. К у д а у г о д н о.

– Да, – сказала она в трубку. – Хорошо. Ладно.

– Скажи ему это! Скажи, что тебе нужно увидеться с ним!

– Мне нужно с тобой встретиться, – сказала она наконец. – Где бы ты ни был, я приеду к тебе.

Не выпуская трубку, она пожала плечами, спрашивая, что делать дальше. Взгляд ее был обращен на Джерри, но видела она в нем не сэра Галаада, а всего лишь частичку враждебного мира, окружавшего ее со всех сторон.

– Скажи: я л ю б л ю т е б я – шепотом подсказал он. – Ну же, скажи то, что всегда говоришь.

– Я люблю тебя, – коротко бросила она, закрыв глаза. Джерри не успел остановить ее, она повесила трубку.

– Он едет сюда, – сказала она, – Черт бы тебя побрал. Джерри по-прежнему стоял возле нее на коленях. Она встала и отошла от него подальше.

– Он знает? – спросил Джерри.

– О чем?

– Что я здесь.

– Возможно. – Она закурила.

– Где он сейчас?

– Не знаю.

– Когда он будет здесь?

– Говорит, скоро.

– Он один?

– Он не сказал.

– У него есть пистолет?

Она стояла на другом конце комнаты и не спускала с Джерри яростного, испуганного взгляда серых глаз. Но ему было безразлично ее настроение. Его охватила лихорадочная жажда деятельности.

– Дрейк Ко. Этот красавчик, который поселил тебя здесь.Он носит с собой пистолет? Собирается ли он пристрелить меня? Тиу с ним или нет? Просто ответь на вопросы.

– В постель он с собой пистолета не берет, если тебя интересует именно это.

– Ты куда?

– Думаю, вам, мужчинам, захочется поговорить с глазу на глаз.

Он отвел ее к дивану и посадил лицом к дверям в дальнем конце комнаты. В створки было вставлено матовое стекло; по другую сторону находилась прихожая и входная дверь. Он открыл двери, чтобы ей был хорошо виден каждый входящий.

– Как у вас принято впускать людей в квартиру? – Она не поняла – Здесь есть глазок. Требует ли он, чтобы ты каждый раз смотрела, прежде чем открыть дверь?

– Обычно он снизу звонит по домофону. Потом открывает дверь своим ключом.

Входная дверь была сделана из древесностружечной плиты и оклеена пленкой: не очень крепко, но вполне достойно. Сарратский фольклор гласит: если вы хотите застать врасплох одинокого незваного гостя, ни в коем случае не становитесь за дверью, иначе рискуете больше никогда через нее не выйти. Впервые в жизни Джерри был склонен согласиться с народной молвой. Однако если встать с той стороны, в которую дверь открывается, он оказался бы удобной мишенью для любого, кто явится с недобрыми намерениями, к тому же Джерри отнюдь не был уверен, что Ко придет неожиданно или в одиночку. Он прикинул, не спрятаться ли за диван, однако ему не хотелось, чтобы девушка оказалась на линии огня, если завяжется перестрелка. Ее неожиданная покорность событиям и летаргический взгляд не вселили в него уверенности. Его стакан с бренди стоял на столе рядом с ней, и он потихоньку отодвинул его за вазу с пластмассовыми орхидеями, подальше с глаз. Потом вытряхнул пепельницу и положил, перед ней на столе открытый журнал «Bor».

– Когда ты бываешь одна, ты включаешь музыку?

– Иногда.

Он остановился на Эллингтоне.

– Не слишком громко?

– Сделай погромче, – сказала она.

Заподозрив неладное, он, не сводя с нее глаз, убавил звук. В холле дважды прозвенел домофон.

– Будь осторожна, – предостерег Джерри и с пистолетом в руке подошел к входной двери с той стороны, куда она открывается, именно туда, где он станет удобной мишенью, и остановился в метре от косяка, достаточно близко, чтобы нырнуть вперед, и в то же время достаточно далеко, чтобы выстрелить и успеть броситься на пол – ничего другого в голову не приходило. Он пригнулся. Пистолет был в левой руке, правая оставалась свободна – на таком расстоянии нельзя промахнуться с любой руки, а если придется драться, правая должна быть наготове. Он вспомнил манеру Тиу ходить с полусогнутыми руками и велел себе не

приближаться к нему. Вся борьба должна происходить на почтительном расстоянии. Можно ударить в пах, но тотчас же отскочить. Держаться подальше от этих рук.

– Скажи «поднимайся», – велел он ей.

– Поднимайся, – повторила Лиззи в домофон. Потом повесила трубку и открыла цепочку.

– Когда он войдет, улыбайся. Не кричи.

– Иди к черту.

Его обостренный слух различил шорох прибывающего лифта и унылое дзынькание колокольчика. За дверью он услышал шаги – с той стороны приближался всего один человек. Он вспомнил забавную походку Дрейка Ко, которую подсмотрел в Хэппи Вэлли: в ней было что-то обезьянье, под серой фланелью брюк подскакивали острые коленки. Ключ повернулся в замке, из-за двери показалась чья-то рука, потом, ничего не подозревая, появился и ее хозяин. К этому времени Джерри уже успел навалиться на вошедшего всей тяжестью и прижать не оказывающее сопротивления тело к стене. Сверху свалилась картина с видом Венеции, стекло разбилось, он захлопнул дверь и в тот же миг прижал к горлу гостя дуло пистолета. Но дверь снова отперли снаружи и быстро раскрыли, Уэстерби рухнул вверх тормашками на толстый ковер, тело обожгла волна боли, плеснувшей из почек, второй удар пришелся в пах. Он вскрикнул и прижал колени к подбородку. Сквозь слезы, хлынувшие из глаз, он разглядел неказистую фигуру разъяренного Фона, верного служаки – он стоял над ним, примериваясь к третьему удару; из-за плеча Фона, оценивая, здорово ли ему досталось, тяжело ухмылялся Сэм Коллинз. А в дверях, хмурясь от мрачных предчувствий и поправляя воротник, помятый при неожиданном нападении Джерри, ошалело переминался с ноги на ногу и призывал своих гончих псов к порядку его давний руководитель и наставник мистер Джордж Смайли.

Джерри мог сидеть, только согнувшись пополам. Он держал руки перед собой, зажав локти между коленями. Боль обжигала тело, разливаясь из самой середины. Девушка смотрела на него из дверей. Фон затаился, выжидая, не подвернется ли случай ударить еще раз. Сэм Коллинз сидел, закинув ногу на ногу, в кресле в другом конце комнаты. Смайли налил Джерри неразбавленного бренди и, склонившись над ним, сунул стакан ему в руки.

– Джерри, что ты тут делаешь? – спросил Смайли. – Ничего не понимаю.

– Строю глазки, – ответил Джерри и прикрыл глаза – по телу черной волной прокатилась боль. – Воспылал к нашей хозяйке непредусмотренной страстью. Весьма сожалею.

– Ты затеял очень опасное дело, Джерри, – возразил Смайли. – Ты же мог провалить всю операцию. Представь, что произошло бы, если бы на моем месте оказался Ко. Последствия были бы катастрофическими.

– Это уж точно. – Джерри отпил бренди. – Люк мертв. Лежит у меня в квартире с простреленной головой.

– Кто такой Люк? – спросил Смайли, забыв, что когда-то столкнулся с ним в гостях у Кро.

– Никто. Просто мой друг. – Он выпил еще. – Американский журналист. Горький пьяница. Невелика потеря.

Смайли взглянул на Сэма Коллинза, но тот пожал плечами.

– Мы такого не знаем, – ответил он.

– Все равно позвони им, – сказал Смайли.

Сэм достал переговорное устройство и вышел из комнаты – он знал планировку квартиры.

– Вы ее поджаривали, не так ли? – спросил Джерри, кивком головы указывая на Лиззи. – Пожалуй, только этого с ней еще не делали. – Он обернулся к ней. – Как ты, малышка? Извини, что мы тут подрались. Мы ничего не разбили?

– Нет, – откликнулась она.

– Они пытались тебя шантажировать, говорили, что знают все о твоем гнусном прошлом? Политика кнута и пряника? Обещали отмыть твою репутацию добела? Глупая ты девочка, Лиззи. В этой игре тебе не разрешено иметь прошлое. Но и будущего у тебя нет. Verboten (Запрещено (н е м.)). – Уэстерби опять повернулся к Смайли:

– Вот и все, что было, Джордж. И никакой философии. Просто старушка Лиззи запала мне в душу.

Он наклонил голову набок и сквозь полузакрытые веки разглядывал лицо Смайли. И с отчетливостью, какую иногда приносит сильная боль, понял, что своими поступками поставил под угрозу жизнь самого Смайли.

– Не волнуйся, – мягко сказал он. – С тобой ничего не случится, голову даю на отсечение.

– Джерри, – сказал Смайли.

– Да, сэр: – Он выпрямился в кресле, всем своим видом изображая внимание.

– Джерри, ты не понимаешь, что происходит. И какие планы ты можешь разрушить. Затрачены миллиарды долларов, тысячи людей прилагали усилия, но не смогли раздобыть и малой толики того, что получим мы в результате этой операции. Любой боевой генерал умер бы со смеху, узнай он, что, принеся такую незначительную жертву, можно получить столь огромную прибыль.

– Только не проси меня, старина, чтобы я вытаскивал тебя, – ответил Джерри, подняв глаза к лицу Смайли. – Ты ведь у нас самый умный, не забыл? Ты, а не я.

Вернулся Сэм Коллинз. Джордж вопросительно посмотрел на него.

– Среди их людей такого нет, – сказал Сэм.

– Они хотели прикончить меня, – сказал Джерри, – а подвернулся Люк. Он парень что надо. Точнее, был парнем что надо.

– И он до сих пор лежит у тебя в квартире? – спросил Смайли. – Мертвый. С пулей в голове. В твоей квартире?

– Лежит, и довольно давно. Смайли обратился к Коллинзу:

– Нужно замести следы, Сэм. Нельзя допускать скандала.

– Сейчас займусь, – сказал Коллинз.

– И уточни насчет авиабилетов, – крикнул ему вслед Смайли. – Два, первый класс.

Коллинз кивнул.

– Не нравится мне этот парень, – доверительно сказал Джерри. – Никогда не нравился. Наверное, из-за его усов. – Он ткнул большим пальцем в сторону Лиззи. – И что же она знает такого важного для вас, Джордж? Ко ведь не шепчет ей на ушко самые сокровенные тайны. Она же круглоглазая. – Он обернулся к Лиззи. – Или все-таки шепчет? Она покачала головой.

– А если б и шептал, она бы не запомнила, – продолжалон. – Она ведь в этих вещах ни бельмеса не смыслит. Она, наверно, и не слышала о Нельсоне, – Он снова обратился к ней: – Эй, ты. Кто такой Нельсон? Говори же, кто он такой? Сынишка Ко, который давно умер, правда? Правда. И лодку он назвал в честь него, правда? И лошадку назвал. – Он повернулся к Смайли. – Видите? Ни сном ни духом. Оставьтеее в покое, вот что я вам советую.

Вернулся Коллинз с расписанием полетов, Смайли прочитал его и нахмурился сквозь круглые очки.

– Нам придется немедленно отправить тебя домой, Джерри, – сказал он. – Гиллем с машиной ждет внизу. Фон тоже улетает.

– Что-то меня тошнит. Разрешите выйти.

Джерри с трудом привстал и оперся о руку Смайли. Фон тотчас же подался вперед, но Джерри предостерегающе выставил палец, и Смайли приказал ему успокоиться.

– Держись от меня подальше, злобная гадюка, – посоветовал Джерри. – Один раз тебе удалось меня укусить, но больше этого не будет. В следующий раз ты так легко не отделаешься.

Он шел согнувшись, еле волоча ноги и прижимая руки к паху. Добравшись до девушки, остановился:

– Скажи, малышка, Ко и его красавчики устраивали здесь совещания? Ко приводил сюда своих дружков немного поболтать, бывало?

– Иногда.

– А ты, как и положено образцовой домохозяйке, расставляла микрофоны? Впускала ребят, которые их монтировали, держала свет? Разумеется.

Она кивнула.

– Но и это не все, – продолжал он по пути в ванную. – Ты еще не ответила на мой вопрос. Кроме этого тут еще есть что порассказать. О ч е н ь м н о г о е.

В ванной он сунул голову под холодную воду, глотнул немного, и его сразу вырвала На обратном пути он опять посмотрел на девушку. Она вышла в гостиную и перебирала граммофонные пластинки, раскладывая их по конвертам – так люди во взвинченном состоянии подыскивают себе самое обыденное занятие. В дальнем углу тихо совещались Смайли и Коллинз. Ближе к дверям наготове ждал Фон.

– Пока, малышка, – сказал ей Джерри. Он положил руку на плечо Лиззи и повернул ее к себе – ее серые глаза оказались совсем рядом.

– Пока, – сказала она и поцеловала его, отнюдь не в порыве страсти, но по крайней мере не так торопливо, как когда-то чмокала официантов.

– Я тут оказался чем-то вроде прямого соучастника, – пояснил он. – За это прости. Ни за что другое не извиняюсь. Присмотри лучше за этим паршивцем Ко. Потому что если им не удастся прикончить его, этим могу заняться я.

Он коснулся шрамов у нее на подбородке, потом, еле волоча ноги, подошел к двери, где стоял Фон, и обернулся, чтобы попрощаться со Смайли, который снова оказался один. Коллинза отослали к телефону. Смайли стоял именно в той позе, которую хорошо помнил Джерри, слегка растопырив короткие ручки и немного откинув голову. На его лице застыло странное выражение, одновременно извиняющееся и вопросительное, словно он забыл зонтик в метро. Девушка отвернулась и снова принялась перебирать пластинки.

– Передай привет Энн, – сказал Джерри.

– Спасибо.

– Приятель, ты не прав. Не знаю в чем, не знаю почему, но не прав. Ну да все равно слишком поздно. – Уэстерби снова затошнило, от боли во всем теле звенело в ушах. – Подойдешь ко мне ближе, чем сейчас, – прошипел он Фону, – шею сверну, понял? – И опять обернулся к Смайли.

Тот стоял в той же позе и, казалось, ничего не расслышал.

– Значит, настал твой черед, – сказал Джерри.

Затем кивнул на прощание, но даже не взглянул на девушку. Хромая, выполз в коридор. Фон – следом за ним. Дожидаясь лифта, он заметил в дверях элегантного американца. Тот стоял и смотрел, как он уезжает.

– Ах да, совсем забыл о вас, – громко окликнул он. – Это вы ставили в ее квартире «жучки», так ведь? Бритты ее шантажируют, Кузены подслушивают. Обложили бедную девушку со всех сторон.

Американец тотчас же исчез и закрыл за собой дверь. Подошел лифт, Фон втолкнул его внутрь.

– Не прикасайся, – предостерегающе сказал Джерри. – Этого господина зовут Фон, – громко сообщил он всем пассажирам лифта. Почти все они были в смокингах и вечерних платьях с блестками. – Он работает на британскую разведку и только что врезал мне по яйцам. Русские идут, – добавил Джерри, глядя на тупые безразличные лица. – Они отберут у вас все ваши чертовы деньги.

– Он пьян, – с отвращением бросил Фон.

В вестибюле их с интересом оглядел портье по имени Лоуренс. На внутреннем дворе ждал закрытый голубой «пежо». На сиденье водителя сидел Питер Гиллем.

– Влезай, – рявкнул он.

Боковая дверь была заперта. Джерри сел на заднее сиденье, Фон – рядом.

– Какого черта ты тут затеял? – процедил Гиллем сквозь стиснутые зубы. – С каких пор бестолковые лондонские внештатники делают ручкой посреди операции?

– Держись подальше, – предупредил Джерри Фона. – Если хоть бровью шевельнешь, я за себя не ручаюсь. Я серьезно. Предупреждаю. Официально.

На землю снова опустился туман. Вокруг капота клубилась влажная дымка. Пролетающий мимо город казался чередой картинок с кладбища разбитых автомобилей: мелькал то дорожный знак, то витрина магазина, то шнуры кабеля, свисавшие с неонового фонаря, то дерево с полузасохшей листвой; повсюду тянулись залитые огнями стройплощадки. В зеркале Джерри заметил, что за ними следует черный «мерседес» с водителем и одним пассажиром.

– Кузены сели на хвост, – объявил Уэстерби. Резкая боль скрутила живот с такой силой, что он чуть не потерял сознание; на миг ему померещилось, что Фон стукнул его еще раз, но это всего лишь давал о себе знать первый удар. Возле «Сентрала» он велел Гиллему остановиться, при всем честном народе его стошнило в водосточный желоб. Он высунулся из окна, а Фон испуганно скорчился на сиденье рядом с ним. «Мерседес», ехавший следом, тоже остановился.

– Ничто так не прочищает мозги, – заявил он, усаживаясь обратно, – как хороший приступ боли. Правда, Питер?

Гиллем, черный от злости, пробормотал в ответ что-то непристойное.

Ты не понимаешь, что происходит, говорил Смайли. И какие планы ты мог бы разрушить. Затрачены миллиарды долларов, тысячи людей прилагали все усилия, но не смогли раздобыть и малой толики того, что получим мы в результате этой операции.

Каким образом? – то и дело спрашивал он себя. Что мы должны получить? Он лишь приблизительно знал, какую роль во внутренних делах Китая играет Нельсон. Кро сообщил ему лишь самую малость, то, без чего нельзя было обойтись. У Нельсона есть доступ к сокровищам короны в Пекине, ваша светлость. Кто приберет к рукам Нельсона, тот на всю жизнь заработает славу для себя и своего благородного семейства. Они обогнули гавань, приближаясь к туннелю. Отсюда на фоне праздничных декораций Коулуна американский авианосец выглядел неожиданно маленьким.

– Кстати, а как Дрейк хочет его вытащить? – словно между делом спросил Джерри Гиллема. – Наверняка не самолетом, это уже было. Рикардо раз и навсегда отрезал ему этот путь, верно?

– За волосы, – огрызнулся Гиллем.

Весьма неразумно с его стороны, торжествующе подумал Джерри. Для пользы дела следовало бы помалкивать.

– Вплавь? – спросил Джерри. – Представляешь Нельсона на набережной Мерс-Бей? Это не в стиле Дрейка, верно? Да и Нельсон для этого староват. Замерзнет насмерть, если его

акулы не слопают. Как насчет поезда, перевозящего свиней? Ехать вместе с хрюшками, каково? Извини, приятель, из-за меня ты пропустишь такой волнующий момент.

– Точно подмечено. Умираю от желания вбить тебе зубы в глотку.

В голове у Джерри зазвучала сладостная музыка. Так вот оно что, сказал он себе. В о т ч т о п р о и с х о д и т / Д р е й к в ы в о з и т Н е л ь с о н а, и в с е в ы с т р о и л и с ь в о ч е р е д ь, ч т о б ы п о с п е т ь в о в р е м я !

Оговорка Гиллема – всего одно слово, непростительная ошибка, по понятиям Саррата, – стала для Джерри откровением, пожалуй, самым ошеломляющим за всю его жизнь, и в некоторых отношениях самым горьким. Если чем-то и можно оправдать грех неосторожности – а по сарратским меркам такое преступление нельзя было оправдать ничем, – то Гиллему, несомненно, зачтется все, что он пережил за последний час: сначала лихорадочная езда со Смайли по гонконгским улицам, запруженным транспортом в час пик, потом получасовое ожидание в машине возле Стар-Хайтс в состоянии отчаянной неопределенности. Все, чего он опасался в Лондоне, все самые чудовищные из его предчувствий относительно контактов Эндерби с Мартелло и вспомогательных ролей Лейкона и Сэма Коллинза – все его страхи за последние шестьдесят минут, вне всяких сомнений, подтвердились, оказались обоснованными и даже в чем-то преуменьшенными.

Сначала они поехали к многоэтажному дому на Боуэн-роуд в Мидлевелзе; дом оказался таким огромным, скучным и неприметным, что, наверно, даже тем, кто в нем жил, приходилось дважды смотреть на номер, чтобы убедиться, что они попали по адресу. Смайли нажал кнопку с надписью «Меллон», и Гиллем, как последний дурак, спросил «Кто такой Меллон?» в тот же миг, когда сам вспомнил, что Меллон – это рабочий псевдоним Сэма Коллинза. Потом он вдумался как следует и спросил – себя, а не Смайли (так как они уже ехали в лифте), – какой идиот после провала, учиненного Хейдоном, мог оставить себе тот же, что и до краха, рабочий псевдоним?

Дверь открыл сам Коллинз в шелковом тайском халате, с коричневой сигаретой в мундштуке и с вечной нелиняющей улыбочкой. В следующий миг они вошли в устланную паркетом гостиную, и Сэм по двум радиоприемникам включил две разные передачи – одну вещательную, другую музыкальную – чтобы хоть как-то обезопаситься от «жучков». Сэм выслушал, не уделив Гиллему ни единого взгляда, потом торопливо позвонил по прямому проводу Мартелло – подумать только, у Сэма была прямая линия связи, вероятно, наземная, не надо ни набирать номер, ни дозваниваться – и на условном языке спросил: Жак дела у нашего «чайника». «Чайник», как впоследствии узнал Гиллем, на жаргоне картежников означает «новичок». Мартелло ответил, что фургон, из которого ведется наблюдение, только что выходил на связь. «Чайник» и Тиу в настоящий момент находятся на борту судна «Адмирал Нельсон» в Козуэй-Бей, сообщили наблюдатели, и направленные микрофоны, как обычно, ловят столько отраженных от воды сигналов, что дешифровщикам придется попотеть не один день, чтобы разобраться в сумбурной записи и уловить, сказал ли кто-то из этих двоих хоть что-нибудь интересное. Одного человека оставили наблюдать на пристани и приказали внимательно следить, не встанет ли катер на якорь или не высадится ли с него кто-либо из двоих поднадзорных; в этом случае наблюдатель был обязан немедленно сообщить о случившемся Мартелло.

– Срочно туда, – сказал Смайли, и они набились в машину.

Весь недолгий путь до Стар-Хайтс Гиллем, сидя за рулем, вслушивался в их немногословный разговор и, закипая от бессильной ярости, с каждой минутой все больше убеждался, что повсюду растянута тонкая паутина интриг и что только Джордж Смайли, всецело поглощенный перспективами дела и призраком Карлы, ухитряется своим близоруким

взглядом ничего не замечать; его доверчивость и некая парадоксальная наивность ведут его прямо в самую середину свитой для него сети.

Здесь сплелось все, подумал Гиллем. И возраст Джорджа. И политические амбиции Эндерби, его склонность к жесткой линии, к широким жестам в сторону американцев – не говоря уже о ящике шампанского и о восторженном расшаркивании перед ним шестого этажа. И Лейкон – он оказывал Смайли едва ощутимую поддержку, а сам тем временем подыскивал ему преемника. И Мартелло – для чего он по пути в Гонконг заезжал в Лэнгли? И Эндерби – всего несколько дней назад он пытался отобрать это дело у Смайли и на блюдечке с голубой каемочкой вручить его Мартелло. А теперь прозвучал самый красноречивый и грозный намек – словно чертик из табакерки появился Сэм Коллинз, обладатель личной линии связи с Мартелло! И сам Мартелло, помилуй, Господи, тоже хорош, делал вид, что не догадывается, откуда Джордж черпает информацию – разумеется, получает по прямой линии связи.

Для Гиллема все эти намеки складывались в единую грозную картину, и ему было ясно, что он должен сделать – как можно скорее отвести Смайли в сторону и любыми средствами отвлечь его от операции хоть на минуту, чтобы тот своими глазами увидел, в какую яму вот-вот рухнет. Рассказать ему о письме. О посиделках Сэма с Лейконом и визите Эндерби в Уайтхолл.

А что вместо этого? Вместо этого ему велели вернуться в Англию. Почему он должен возвращаться? Потому что не в меру общительному твердолобому жеребцу по имени Уэстерби взбрело в голову закусить удила.

Катастрофа надвигалась. Предостерегающий крик рвался у Гиллема из груди, но и в более спокойной обстановке такое разочарование все равно было бы невыносимым. Он столько вытерпел на пути к сегодняшнему дню. При Хейдоне он был с позором изгнан в Брикстон; впоследствии так и не вернулся к оперативной работе – ему досталась другая задача: холить и лелеять старину Джорджа, мириться с его навязчивой скрытностью, которую в душе он считал унизительной и полагал, что в конце концов она погубит самого Смайли. Но, по крайней мере, все эти мучения имели определенную цель, а этот проклятый Уэстерби лишил его последнего утешения. Вернуться в Лондон, зная, что в следующие двадцать два часа Смайли и весь Цирк растерзает стая волков, и не иметь возможности даже предупредить шефа – такой удар, в представлении Гиллема, венчал всю его неудавшуюся карьеру, и если проклятия в адрес Джерри помогут хоть чуть-чуть облегчить душу, то он будет проклинать и Джерри, и всех остальных, черт бы их всех побрал.

– Пошлите лучше Фона!

– Фон не джентльмен, – ответил Смайли – по крайнеймере, смысл его слов был именно таким.

Верно подмечено, подумал Гиллем, вспоминая мальчишку с поломанными руками.

Джерри тоже полагал, что оставляет близкого человека на растерзание стае волков, пусть даже этим человеком был не Джордж Смайли, а Лиззи Уэрдингтон. Он смотрел в заднее окно машины, и весь мир казался ему покинутым так же, как и она. Улицы, рынки, даже подъезды домов были пусты. Над ними вырисовывалась крокодилья спина Пика, заляпанная светом ущербной луны. Последний день колонии, решил он. Из Пекина пришел пресловутый звонок: «Вечеринка окончена, убирайтесь». Закрывается последний отель, пустые «роллс-ройсы» валяются вокруг гавани, как металлолом, и последняя из жизнерадостных круглоглазых матрон, упакованная в не облагаемые налогом меха и драгоценности, ковыляет по трапу последнего океанского лайнера. Последний иследователь китайских обычаев лихорадочно скармливает машине для уничтожения бумаг свои последние ошибочные суждения; магазины разграблены, мертвый, опустевший город ждет, когда нагрянут орды варваров. На мгновение

все пережитое слилось для Уэстерби в единую картину гибнущего мира – Гонконг, Пномпень, Сайгон, Лондон, весь мир, живущий взаймы, где кредиторы стоят у дверей и сам Джерри неким непостижимым образом превратился в частичку долга, который мир обязан уплатить.

"Я всегда был благодарен этой службе за то, что она дала мне возможность платить по счетам. Ты тоже так считаешь? Даже теперь? Так сказать, чудом оставшись в живых?"

«Совершенно верно, Джордж, – подумал он. – Подписываюсь под твоими словами, старина. Я тоже так считаю. Но может быть, вкладываю в эти слова несколько иной, нежели ты, смысл, приятель». Они с Фростом частенько пили и валяли дурака и Джерри ясно видел перед собой его веселое доверчивое лицо. То же лицо, искаженное чудовищным воплем, стало перед ним еще раз. Он почувствовал на плече дружескую руку Люка, а потом увидел ту же руку на полу, закинутую за голову, словно он пытался поймать мяч, который так и не прилетел. Беда в том, приятель, подумал Джерри, что расплачиваться часто приходится другим.

Например, Лиззи.

Когда-нибудь, если так распорядится судьба, они с Джорджем за бокалом вина снова будут обсуждать все ту же неотвязную проблему – зачем мы лезем в гору, и тогда он обязательно скажет ему об этом. Он намекнет – вполне миролюбиво, не раскачивая лодку – на то, как преданно и самоотверженно мы приносим в жертву других, ни в чем не повинных людей, – например, Люка, Фроста, Лиззи. Джордж, разумеется, даст идеально выверенный ответ. Разумный. Взвешенный. Оправданный. Джордж видит всю картину целиком. Понимает приоритеты. Еще бы. Он ведь у нас самый умный.

Машина приближалась к тоннелю, ведущему через гавань, а он все думал о ее робком последнем поцелуе и в то же время вспоминал поездку в морг – впереди из тумана выплывали леса строящегося дома, точно так же залитые светом прожекторов, как леса, которые он видел на той дороге; по ним сновали блестящие от пота кули в желтых шлемах.

Тиу тоже ее не любит, подумал он. Он не любит круглоглазых, которые болтают лишнее о Важном Хозяине.

Усилием воли он заставил мысли течь в другом направлении. Он попытался представить, что они сделают с Нельсоном, с человеком, которого лишили всего: дома, положения в обществе; человека, которого, как рыбу, вытащенную из воды, могут сожрать либо бросить обратно в море. Джерри уже приходилось видеть таких рыб: он присутствовал при их поимке, при торопливом допросе, не раз отвозил их обратно через границу, которую они так недавно пересекли, – "возвращал в оборот", как называлось это на очаровательном сарратском жаргоне: «так, чтобы никто и не заметил, что они выходили из дому». А если рыбку не выкидывают обратно? Если его как драгоценную награду держат под замком? Тогда через много лет – два, даже три, говорят, бывает и пять – Нельсон пополнит собой череду Вечных Жидов шпионского дела, его будут прятать, перевозить с места на место, снова прятать, и никому он не будет нужен, даже тем, ради кого пошел на предательство.

А что Дрейк сделает с Лиззи, когда занавес опустится, спросил он себя. На какую помойку ее выбросят на этот раз?

У въезда в туннель они резко сбавили скорость. «Мерседес» полз следом. Джерри уронил голову на грудь. Прижав руки к паху, он покачивался и стонал от боли. Из временной полицейской будки, похожей на пост часового, на них с любопытством взирал китаец-констебль

– Если он подойдет, скажи, что мы везем пьяного, – рявкнул Гиллем. – Покажешь блевотину на полу.

Они вползли в туннель. Из-за плохой погоды два ряда машин, направлявшихся на север, ехали тесной цепочкой, одна за другой. Гиллем занял правый ряд. Слева их догнал мерседес".

Полузакрыв глаза, Джерри в зеркале заметил, как следом за ними под уклон ползет коричневый грузовик.

– Дай немного мелочи, – сказал Гиллем. – На выходе придется платить.

Фон поискал в кармане, однако только одной рукой.

Туннель содрогался от рева моторов. Наперебой загудели сигналы. К их перебранке присоединялись все новые машины. Вокруг стоял туман, к нему добавилась вонь выхлопных газов. Фон закрыл окно. Грохот все усиливался, машина начала дрожать. Джерри зажал уши руками.

– Извини, приятель. Боюсь, меня опять вывернет.

Он склонился к Фону. С криком «Грязный подонок» тот принялся быстро опускать стекло, но Джерри оказался проворнее. Головой он ударил его в подбородок, а локтем с силой ткнул в пах. Гиллему, разрывавшемуся между вождением автомобиля и необходимостью защищаться, достался тяжелый удар туда, где ключица соединяется с плечевым суставом. Джерри нанес удар расслабленной рукой, в последний миг превратив скорость движения в силу удара. Гиллем вскрикнул: «Боже!» – и вылетел из кресла, машина вильнула вправо. Фон одной рукой схватил Джерри за шею, а другой старался свернуть ему голову набок – при этом он наверняка убил бы его. Но в Саррате их учили одному приему под названием «коготь тигра», применимому в тесном пространстве. Нужно скрючить руку, сжать пальцы и нижней частью ладони ударить противника снизу вверх, в дыхательное горло. Джерри провел этот прием, и голова Фона ударилась о заднее окно с такой силой, что по стеклу разбежалась сетка трещин. Два американца в «мерседесе» отрешенно смотрели куда-то вперед, словно ехали на похороны высокопоставленной особы. Он подумал, не придушить ли слегка Фона, но решил, что не обязательно. Затем вытащил у него из-за пояса свой пистолет и открыл правую дверь. Гиллем последним рывком попытался дотянуться до него, но только порвал до локтя рукав верного, но изрядно поношенного голубого костюма Джерри, на что тот ткнул пистолетом ему в руку – его лицо исказилось от боли. Фон выставил ногу, но Джерри прищемил ее дверью, услышал отчаянный вопль: «Сволочь!» – и побежал к городу навстречу потоку машин. Петляя между автомобилями, которым некуда было свернуть, он выскочил из туннеля и помчался вверх. Возле будки часового ему показалось, что позади слышатся крики Гиллема. Померещился выстрел, но это, должно быть, был всего лишь громкий выхлоп какой-то машины. Пах разрывался от боли, но боль, казалось, помогала ему бежать еще быстрее. Один из полицейских на обочине что-то крикнул ему, другой попытался выставить руки, но Джерри оттолкнул их с дороги, и они предпочли оставить его в покое – круглоглазый, что с него возьмешь. Он бежал, пока не поймал такси. Шофер не говорил по-английски, и ему пришлось показывать дорогу. «Вон туда, приятель. Вверх. Налево, тупица чертов. Вот сюда». Так они добрались до ее дома.

Он не знал, что у нее происходит – там ли еще Смайли и Коллинз, не появился ли Ко, возможно, вместе с Тиу, но выяснять было некогда. Он не позвонил в дверь, потому что знал, что микрофоны зафиксируют звонок. Вместо этого он достал из бумажника визитую карточку, нацарапал на ней несколько слов и опустил в почтовую щель на входной двери, ожидая, не послышатся ли ее шаги. Он присел на корточки, прижимая руки к паху, трясся, обливался потом и пыхтел, как ломовая лошадь. Прошла целая вечность, наконец дверь открылась, и на пороге появилась она. Он изо всех сил попытался выпрямиться.

– Господи, это же наш сэр Галаад, – пробормотала Лиззи. Она была не накрашена, отчетливо краснели шрамы от кулаков Рикардо. Она не плакала, по крайней мере, слез у неена глазах не было, но лицо казалось сильно постаревшим. Он вытащил ее в коридор, она не сопротивлялась. Он показал на дверь, ведущую к пожарной лестнице.

– Ровно через пять секунд жди меня по другую сторону этой двери, поняла? Н и к о м у н е з в о н и, выходи бесшумно, н е з а д а в а й дурацких вопросов. Возьми с собой теплую одежду. Давай, малышка. Не бойся. Н у, п о ж а л у й с т а.

Она глядела на него, на оторванный рукав его костюма, на пиджак с пятнами от пота, на нечесаный чуб, свисавший на глаза.

– Или идешь со мной, или тебе конец, – сказал он. – И поверь, на этот раз конец – штука серьезная.

Она вернулась в квартиру, оставив дверь приоткрытой. Обратно она вышла гораздо поспешнее и на всякий случай не закрыла дверь. Он повел ее по пожарной лестнице. Она надела кожаное пальто и взяла сумку через плечо. Для него она вместо порванного пиджака принесла теплый кардиган, принадлежавший, наверное, Дрейку, потому что он оказался ему безнадежно мал, но Джерри ухитрился кое-как натянуть его. Он переложил содержимое карманов пиджака в ее сумочку и выкинул рваную тряпку в мусоропровод. Она шла за ним так тихо, что он дважды обернулся, чтобы убедиться, что она здесь. На первом этаже он выглянул сквозь ячеистое окно и отскочил: как раз в эту минуту в вестибюле появился Рокер собственной персоной. В сопровождении громилы-подчиненного он подошел к стойке портье и показал ему удостоверение полицейского. Джерри и Лиззи спустились по лестнице на автостоянку. Она сказала:

– Давай сядем в мое красное каноэ.

– Не говори глупостей, мы оставили его в городе. Покачав головой, он повел ее мимо машин на огороженный пятачок на открытом воздухе, заваленный отбросами и строительным мусором, как задворки Цирка. Оттуда между сырыми бетонными стенами спускалась в город шаткая лестница, разделенная на части извилистой дорогой-серпантином. Над лестницей нависали черные ветви деревьев. Под их ногами ступени задрожали, желудок Джерри тотчас же отозвался резкой болью. Когда они вышли на дорогу, вдали мигнул кроваво-красный огонек; он оттащил ее в сторону, чтобы скрыться от прожектора полицейской машины, которая, завывая сиреной, неслась вниз. В туннеле они нашли пак-пай, и Джерри назвал адрес.

– Где это? – спросила она.

– Там, где паспортов не спрашивают, – ответил Джерри. – Заткнись и делай, как я скажу. Сколько у тебя с собой денег?

Она открыла сумочку, достала из бумажника толстую пачку и пересчитала.

– Я выиграла это в маджонг у Тиу, – сказала Лиззи, и он почему-то понял, что она врет.

Шофер высадил их в конце переулка, и вскоре они подошли к низким воротам. В доме было темно, но едва они приблизились ко входной двери, как она открылась, и мимо них из темноты выскользнула парочка. Они вошли в вестибюль, дверь за ними закрылась. Освещая путь ручным фонариком, они пробрались через короткий лабиринт коридоров с кирпичными стенами и оказались в нарядном внутреннем вестибюле. По радио играла музыка. На изогнутом диване в центре зала сидела элегантная китаянка с карандашом и блокнотом, по всем признакам образцовая хозяйка дома. Увидев Джерри, она улыбнулась; при виде Лиззи улыбка стала еще шире.

– На всю ночь, – сказал Джерри.

– Разумеется, – откликнулась она.

Они поднялись вслед за ней по лестнице и попали в небольшой коридор. В открытых дверях виднелись зеркала и шелковые покрывала, горел неяркий свет. Джерри выбрал комнату с наименее двусмысленной обстановкой, отказался от предложения для ровного счета привести вторую девочку, уплатил хозяйке и заказал бутылку «Реми Мартен». Лиззи вошла за ним, бросила сумочку на кровать и, не успел он закрыть дверь, разразилась нервным смехом, радуясь, что все так удачно кончилось.

– Лиззи Уэрдингтон, – заявила она, – они говорили, что ты, наглая шлюха, кончишь свои дни именно в таком месте, и черт меня побери, если они не правы!

Джерри со стаканом бренди в руке лег в шезлонг, скрестив ноги, и уставился в потолок, Лиззи улеглась на кровать. Оба молчали. В доме было очень тихо. Время от времени из комнаты этажом выше доносился вскрик наслаждения или приглушенный смех, один раз послышалось недовольное восклицание. Она подошла к окну и выглянула.

– Что там видно? – спросил он.

– Гнусная кирпичная стена, тридцать кошек, гора пустых бутылок.

– Туман есть?

– Густой, как молоко.

Она прошла в ванную, ощупью пошарила там и вышла.

– Малышка, – тихо сказал Джерри. Внезапно встревожившись, она застыла на месте.

– Находишься ли ты в здравом уме и трезвой памяти?

– Почему ты спрашиваешь?

– Я хочу, чтобы ты повторила мне все, о чем рассказывала им. После этого ты расскажешь мне, о чем они тебя спрашивали, независимо от того, отвечала ты им или нет. А после этого мы попытаемся проделать одну штуку, которая называется анализом произошедших событий, и вычислим, какое место в мироздании занимают эти негодяи.

– То есть сыграем весь матч заново, – сказала она, помолчав.

– Какой матч?

– Не знаю. Но все это однажды уже было.

– Так что же было?

– Что было, то было, – устало сказала она. – И скоро произойдет вновь.

Нельсон

Время приближалось к часу ночи. Приняв ванну, она вышла из ванной комнаты босиком в белом халате и с полотенцем на голове, поэтому пропорции ее фигуры внезапно оказались нарушенными.

– Они дошли даже до того, что протянули поперек уборной бумажные полоски, – сказала она. – И упаковали стаканчики для полоскания рта в целлофановые пакетики.

Лиззи задремала на кровати, он – на диване. Она произнесла: «Я бы хотела, но это не поможет», и он ответил, что после такого удара, каким его наградил Фон, либидо заметно снижается. Она рассказала ему о своем муже, школьном учителе – она называла его «подонок Уэрдингтон», – о том, как она единственный раз в жизни попыталась вести себя порядочно, о ребенке, которого родила ему чисто из вежливости. Расказала о своих кошмарных родителях, о Рикардо – каким он оказался подлецом, как она его любила, как одна девчонка из бара «Констеллейшн» посоветовала отравить его соком ракитника, и однажды, после того как он избил ее до полусмерти, она насыпала ему в кофе изрядную дозу. Но, должно быть, ей подсунули какую-то дрянь, сказала она, потому что Рикардо всего лишь проболел несколько дней, а «хуже здорового Рикардо может быть только Рикардо, лежащий на смертном одре». В другой раз она улучила момент, когда он был в ванной, и вонзила в него нож, но он всего лишь заклеил ранку пластырем и отметелил ее снова.

Она рассказала, как они с Чарли Маршаллом после мнимого исчезновения Рикардо отказались поверить в его смерть и повели кампанию «Рикардо жив!», как они это называли, и как Чарли Маршалл изводил своего старика, в точности так, как он сам живописал это перед Джерри. Рассказала, как собрала манатки и отправилась в Бангкок, а там пошла прямиком в номер, который снимала в отеле «Эраван» компания «Чайна Эйрси», намереваясь решительно поговорить с Тиу, но вместо этого очутилась лицом к лицу с самим Ко. До этого она видела его

всего один раз, да и то мельком, в Гонконге, во время уличной заварушки, которую устроила некая Салли Кейл, бодрая старушенция, мужеподобная лесбиянка, торговка антиквариатом, не гнушавшаяся в придачу приторговывать героином. Лиззи разыграла перед ним целый спектакль: сначала Ко решительно приказал ей убираться, но в конце концов природа взяла свое, как бодро выразилась она: «Лиззи Уэрдингтон сделала еще один шаг по проторенной к погибели дорожке». Дорога эта оказалась долгой и скользкой, отец Чарли Маршалла «тянул повозку», а Лиззи, если можно так выразиться, «ее толкала», и наконец стороны составили весьма характерный для Китая контракт. Подписали его Ко и отец Чарли, а товарами, подлежащими купле-продаже, были: с одной стороны – Рикардо, с другой – его бывшая спутница жизни, Лиззи, которой он недавно дал отставку.

Ни она, ни Рикардо, как без особого удивления узнал Джерри, не возражали против вышеуказанного контракта.

– Тебе надо было послать его к черту, – сказал Джерри, вспоминая два перстня на правой руке Рикардо и разлетевшийся вдребезги «форд».

Но Лиззи никогда не смотрела на ситуацию с этой точки зрения и сейчас не видела в ней ничего плохого.

– Он был один из нас, – сказала она. – Хотя и подлец.

Только выкупив жизнь Рикардо, она почувствовала, что наконец освободилась. Китайцы играют свадьбы чуть ли не каждый день. Так почему бы не пожениться Дрейку и Лизе?

Что это еще за Лиза, спросил Джерри. Почему Лиза, а не Лиззи?

Она не знала. Дрейк не любил об этом говорить, сказала она. В его жизни уже когда-то была одна Лиза, говорил он, и прорицатель обещал, что в один прекрасный день появится и другая, вот он и решил, что Лиззи в достаточной степени соответствует этому предсказанию, и прозвал ее Лизой, а она сама тем временем укоротила фамилию до простого Уэрд.

– Блондиночка, – рассеянно произнесла она. Перемена имени имела и практические цели. Дав ей новое, Ко позаботился, чтобы все записи в делах местной полиции, где она фигурировала под старым, исчезли.

– Но потом вломился этот подлец Меллон и заявил, что успел их изъять и переписать, особо упомянув, что я перевозила его проклятый героин.

Так что они опять вернулись к нынешнему положению. И оказались в нем по той же причине.

Их бессвязный разговор навевал на Джерри покой, он расслабился, будто после ночи любви. Он лежал на диване, сна не было ни в одном глазу, но Лиззи то и дело засыпала, а потом, встрепенувшись, продолжала рассказ с того же места, где закончила. Он знал, что она расказывает ему почти всю правду, потому что, стоило ей только захотеть, она могла бы с выгодой для себя воспользоваться пробелами в его знаниях. Он также понял, что со временем Ко стал для нее надеждой и опорой. Он вознес ее на такую высоту, что она начала смотреть на свои былые похождения другими глазами – примерно то же самое сделал с ней когда-то школьный учитель.

– Дрейк ни разу в жизни не нарушил обещания, – обронила она, перевернулась на спину и опять скользнула в тревожный сон.

Он вспомнил Сиротку: только не лги мне. Через несколько часов – или жизней – ее разбудил сладострастный вопль, донесшийся из соседней комнаты.

– Господи, – одобрительно воскликнула она. – Да эта баба просто на седьмом небе. – Крик повторился. – Ах-ах-ах! Притворяется. – Наступила тишина. – Ты не спишь? – спросила она.

– Нет.

– Что ты собираешься делать?

– Завтра? – Да.

– Не знаю, – признался он.

– Вступай в клуб, – прошептала она и, похоже, опять заснула.

«И опять мне нужен инструктаж из Саррата, – подумал он. – Очень нужен. Может быть, позвонить Кро? Или попросить у доброго старого Джорджа еще один многомудрый совет – что-то он в последнее время стал скуп на них. Он наверняка где-то тут. Поблизости».

Смайли действительно был поблизости, но в этот миг он не мог дать Джерри никакого совета. Он бы охотно отдал все накопленные знания за то, чтобы понять одну-единственную мелочь. В «изоляторе» день ничем не отличался от ночи. На потолке, рассыпая дрожащие блики, горели лампы дневного света. По одну сторону комнаты расположились Сэм с тремя Кузенами, по другую – Смайли и Гиллем, а разъяренный Фон, как зверь в клетке, расхаживал туда и обратно вдоль ряда кресел из кинотеатра и сжимал крохотными кулачками теннисные мячики. Губы его почернели и распухли, один глаз заплыл. Под носом темнел сгусток запекшейся крови. У Гиллема правая рука висела на перевязи; он не сводил глаз со Смайли. Но в этом он был не одинок, на Смайли обратились взгляды всех присутствующих. Всех, кроме Фона. Зазвонил телефон – их вызывали связисты, обитавшие этажом выше. Из Бангкока сообщали, что они в точности смогли проследить путь Джерри вплоть до Вьентьяна.

– Мэрфи, скажи им, что след давно остыл, – приказал Мартелло, по-прежнему не сводя глаз со Смайли. – Скажи им все, что хочешь. Пусть от нас отвяжутся. Так, Джордж?

Смайли кивнул.

– Так, – твердо ответил за него Гиллем.

– Дружище, след остыл, – повторил Мэрфи в телефонную трубку. Обращение " д р у ж ш ц е " удивило всех. Никто не ожидал от Мэрфи проявлений человеческой теплоты. – Хочешь оставить сообщение или сделать это за тебя? Нам это неинтересно, понял? Так что забудь.

Он повесил трубку.

– Рокхерст нашел ее машину, – во второй раз сообщил Гиллем, Смайли все так же глядел прямо перед собой. – На подземной стоянке в «Сентрале». Там же стоит автомобиль, взятый напрокат. Его нанял Уэстерби. Сегодня. Под своим рабочим псевдонимом. Джордж, ты слышишь?

Смайли кивнул, но так слабо, что можно было подумать, будто он стряхивает с себя дремоту.

– По крайней мере, Джордж, он совершает какие-то поступки, – многозначительно бросил Мартелло, посовещавшись с Коллинзом и «молчунами». – Как говорится, если у вас взбесился слон, лучше всего отвести его в сторонку и пристрелить.

– Сначала нужно его найти, – огрызнулся Гиллем: его терпение достигло предела.

– Я не уверен, Питер, что Джорджу этого хочется, – сказал Мартелло, напуская на себя фамильярный тон. – Может быть, Джордж соизволит наконец спуститься с небес и взглянуть на дело повнимательнее – наше общее предприятие оказалось в серьезной опасности.

– Что вы хотите от Джорджа? – возразил Гиллем. – Чтобы он бродил по улицам, пока не найдет Уэстерби? Или чтобы Рокхерст разослал повсюду его имя и приметы, и каждый журналист в городе знал, что Джерри в розыске?

Неподвижный Смайли, как глубокий старик, ссутулился рядом с Гиллемом.

– Уэстерби – профессионал, – настаивал Гиллем. – Не самородок, конечно, но орешек крепкий. В таком городе, как этот, он может долгие месяцы лежать на дне, и Рокхерст его даже не учует.

– Даже если у него на шее будет висеть девчонка? – спросил Мэрфи.

Не обращая внимания на руку на перевязи, Гиллем склонился над Смайли.

– Эта операция – ваша, – настойчиво прошептал он. – Если вы скажете, что нужно ждать, мы подождем. Отдайте приказ, и мы его выполним. Эти люди только и ищут предлог, чтобы отобрать дело у вас. Сделайте хоть что-нибудь, только не молчите.

Фон, бегающий вдоль ряда кресел из кинотеатра, саркастически прошептал:

– Все болтают, болтают. Ни на что другое не способны. Мартелло сделал еще одну попытку.

– Джордж! Этот остров британский или нет? Ваши парни могут в любой миг перетрясти этот город до основания. – Он указал на глухую стену без окон. – У нас там человек – ваш человек – и на него, кажется, напал амок. Нельсон Ко – самый большой улов, какой когда-либо шел к нам в руки. Самый большой за всю мою карьеру, держу пари на мою жену, бабушку и доходы с моей плантации, и на вашу тоже.

– Пари не принимается, – ухмыльнулся Сэм Коллинз, заядлый игрок.

Мартелло стоял на своем.

– Мы что, Джордж, будем и дальше сидеть тут и выяснять друг у друга, как могло случиться, что Иисус Христос родился именно в Рождество, а не двадцать шестого или двадцать седьмого декабря, и пусть тем временем добыча уходит у нас из-под носа?

Смайли наконец поднял глаза на Мартелло, потом на Гиллема, который неподвижно стоял рядом с ним, выпрямившись так, чтобы руке было удобнее, и наконец опустил взгляд на свои сцепленные руки. На некоторое время он застыл, углубившись в себя; перед глазами его проходила вся история его противостояния с Карлой, которого Энн прозвала " е г о ч е р н ы м Г р а а л е м ". Он думал об Энн, о том, как она не раз предавала его во имя собственного Грааля, который она называла любовью. Вспоминал, как вопреки собственным убеждениям пытался обратиться в ее веру и, словно истинный новообращенный, каждый день повторял ее постулаты, хотя она и толковала их, как ей вздумается. Думал о Хейдоне, которого Карла толкнул в объятия Энн. Думал о Джерри, о той девушке, о ее муже, Питере Уэрдингтоие, вспоминал, каким собачьим преданным взглядом словно признав родственную душу, одарил его Уэрдингтон во время беседы на террасе дома в Айсингтоне: «Мы с вами – те, кого всегда бросают», – говорил этот взгляд. Он думал и о других влюбленностях, которые искал и находил Джерри на своем ухабистом пути, о наполовину оплаченных счетах, которые копили для него в Цирке. Было бы очень удобно свалить с ними Лиззи в одну кучу, но он не мог на это пойти. Так мог бы поступить Сэм Коллинз, но он ведь не Сэм. У Смайли не было ни малейших сомнений, что чувства, которые Джерри сейчас испытывал к девушке, были оправданы в глазах Энн, она поняла бы его и не стала винить. Но он ведь и не Энн. Смайли долго сидел, стиснутый клещами нерешительности, и в отчаянии искренне спрашивал себя: а что, если Энн права; его внутренняя борьба стала не чем иным, как невидимым миру блужданием по безднам собственной неполноценности, в которые он безжалостно втягивает не склонные к бесплодным размышлениям практические умы наподобие Джерри.

" Д р у ж и щ е, т ы н е п р а в, – говорил Джерри. – Н е з н а ю в ч е м, н е з н а ю п о ч е м у, н о н е п р а в ".

" Е с л и я н е п р а в, – ответил он как-то Энн в одном из их бесконечных споров, – т о э т о н е з н а ч и т, ч т о п р а в а т ы ".

И снова услышал голос Мартелло; тот говорил о делах насущных.

– Джордж, люди с р а с п р о с т е р т ы м и о б ъ я т и я м и ждут того, что им можем дать мы. Что может дать Нельсон.

Зазвонил телефон. Мэрфи снял трубку и в наступившей тишине провозгласил:

– Наземная линия связи с авианосцем, сэр. Военно-морская разведка засекла джонки точно по нашему расписанию, сэр. Благоприятный южный ветер, и хороший лов на всем пути следования. Сэр, я не думаю, что Нельсон с ними. Ему пока что нечего делать у них на борту.

Все внимание переключилось на Мэрфи – до сих пор никто не слышал, чтобы он выражал собственное мнение.

– Какого черта, Мэрфи? – возопил изумленный Мартелло. – Ты что, сынок, тоже ходил к прорицателю?

– Сэр, сегодня утром я был у них на корабле, и они мне многое рассказали. Они не видят оснований, почему человек, живущий в Шанхае, должен непременно выходить в море из Сватоу. Они на его месте поступили бы совершенно по-другому, сэр. Добрались бы самолетом или поездом до Кантона, потом сели на автобус, возможно, до Вайчоу. Они говорят, так намного безопаснее, сэр.

– Это люди Нельсона, – сказал Смайли, резко оборачиваясь к нему. – Из его клана. Он предпочтет выйти в море с ними, даже если это опаснее. Он им доверяет. – Он повернулся к Гиллему. – Сделаем вот что. Скажи Рокхерсту, чтобы разослал описание примет и Уэстерби, и девушки – обоих. Говоришь, он нанял машину под оперативным псевдонимом? По фальшивым документам, приготовленным на случай бегства?

– Да.

– На имя Уоррела?

– Да.

– Значит, пусть полиция ищет мистера и миссис Уоррел, британцев. Никаких фотографий, и позаботьтесь, чтобы описания были достаточно расплывчатыми, чтобы не навлечь на него подозрений. Марти!

Мартелло был сама внимательность.

– Ко все еще сидит у себя на яхте?

– Да, Джордж. Засел там вместе с Тиу.

– Возможно, Уэстерби попытается добраться до него. У вас на пристани есть стационарный наблюдательный пункт. Пошлите туда побольше народу. Скажите им, чтобы смотрели в оба.

– О чем они должны сообщать?

– Обо всем, что им покажется подозрительным. То же самое относится к тем, кто следит за домом. Скажите, Марти… – На минуту Смайли задумался, но Гиллем счел, что беспокоиться не о чем, – Скажите, вы можете сымитировать поломку домашней телефонной линии Ко?

Мартелло посмотрел на Мэрфи.

– Сэр, у нас нет необходимого оборудования, – пробормотал он. – Но, полагаю, мы могли бы…

– Так обрежьте его, – просто сказал Смайли. – Если нужно, перережьте кабель. Сделайте это там, где идут какие-нибудь дорожные работы.

Отдав распоряжения, Мартелло словно невзначай пересек комнату и присел рядом со Смайли.

– Джордж, давайте обсудим… э-э… завтрашний день. Как вы думаете, сможем мы держать наготове… э-э… кое-какое оборудование? – Из-за стола, дозваниваясь до Рокхерста, к их разговору внимательно прислушивался Гиллем. На другом конце комнаты Сэм Коллинз навострил уши. – Похоже, Джордж, трудно предвидеть, что может выкинуть ваш Уэстерби. Надо быть готовыми к любым неожиданностям, правда?

– Пусть все будет наготове. Но пока что, если не возражаете, оставим план перехвата в неизменности. И в моей компетенции.

– Разумеется, Джордж. О чем разговор, – натянуто произнес Мартелло и с наигранным благоговением, словно находился в церкви, вернулся на цыпочках в свой лагерь.

– Что ему нужно? – тихо спросил Гиллем, наклонившиськ Смайли. – На что он вас подбивает?

– Хватит, Питер, – перебил Смайли тоже вполголоса. Внезапно он очень рассердился. – Не желаю больше вас слушать. Надоело, все вы твердите о дворцовом заговоре. Здесь не Византия. Эти люди делают нам крышу, они наши союзники. У нас с ними письменное соглашение. У нас хватает забот и без ваших нелепых и, скажу честно, параноидальных фантазий. А теперь будьте добры…

– Г о в о р ю в а м… – начал Гиллем, но Смайли оборвал его.

– Я хочу, чтобы вы связались с Кро. Если сочтете нужным, можете к нему заехать. Надеюсь, в пути вам станет легче. Скажите ему, что Уэстерби впал в буйство. Если он что-нибудьузнает, пусть немедленно сообщит нам. Он знает, что делать.

Все так же разгуливая вдоль ряда кресел, Фон следил, как уезжает Гиллем; его кулаки беспрестанно сжимались и разжимались, словно месили глину.

Там, где сейчас находился Джерри, тоже было три часа утра; мадам разыскала для него бритву, но свежей рубашки у нее не оказалось. Он побрился и по мере возможности вымылся, но боль по-прежнему заливала тело с головы до пят. Лиззи лежала на кровати; он подошел к ней и пообещал вернуться через пару часов, но не знал, слышит ли она его. М н о г и е г а зе т ы в м е с т о н о в о с т е й п е ч а т а ю т ф о т о г р а ф и и д е в о ч е к, припомнил он слова Ко, и м и р н а ч и н а е т к а з а т ь с я н е т а к и м г н у с н ы м, м и с т е р У э с т е р б и.

Он нанимал п а к – п а й, несколько раз пересаживался с одной машины на другую, зная, что полиция следит за ними не так строго. Потом шел пешком – в движении телу становилось легче, к тому же ходьба таинственным образом помогала ему принимать решения – ночью на диване он вдруг понял, что не знает, что делать. Чтобы понять, куда идти, нужно двигаться. Он направился к Дип Уотер Бей, хотя зная, что там начинаются опасные для него места Узнав, что он пустился в загул, они вцепятся в него, как пиявки. Ему захотелось выяснить, кто за ним охотится и чем они вооружены. Если это Кузены, они, как всегда, пустят в дело слишком много техники, направят по его следу толпы народу, и он наверняка их заметит. Накрапывал дождь; Джерри испугался, что он разгонит туман. Луна над головой уже начала выглядывать из облаков; бесшумно спускаясь по холму, он различал в ее бледном свете стоявшие у берега джонки – они скрипели натянутыми швартовами. Ветер усиливается, дует с юго-востока, заметил он. Если они установили где-то поблизости стационарный наблюдательный пункт, то наверняка забрались повыше, подумал он, – и действительно, справа, на мысу, он заметил спрятанный между деревьями потрепанный фургончик-"мерседес" с антенной, увитой по китайскому обычаю лентами. Он подождал, наблюдая за клубящимся туманом. С горы спустился автомобиль с ярко зажженными фарами; как только он проехал мимо, Джерри стремительно перебежал через дорогу, зная, что никакая техника в мире не различит его позади приближающихся фар. На уровне моря видимость упала до нуля, и ему пришлось ощупью искать шаткие деревянные мостки, которые он заметил, осматривая эти места впервые. Потом он нашел то, что было ему нужно. В сампане, ухмыляясь ему сквозь туман, сидела беззубая старуха.

– Ко, – шепнул он. – Адмирал Нельсон. Ко. Она закудахтала, эхо мячиком поскакало по воде.

– По-Той! – завизжала она – Тин Хау! По-Той!

– Сегодня?

– Сегодня!

– Завтра?

– Завтра!

Он сунул ей пару долларов и двинулся обратно. Вслед ему летел ее смех.

«Я оказался прав, – подумал он, – и Лиззи права, и все мы правы». Ко отправился на праздник. Джерри молил Бога, чтобы Лиззи до его прихода оставалась на месте. Если она проснется, с нее вполне может статься отправиться куда-нибудь побродить.

Он шагал, пытаясь ходьбой разогнать боль в паху и спине. Иди не торопясь, сказал он себе. Потихоньку. И боль уйдет. Туман казался коридором, ведущим из комнаты в комнату. Вот проползла вдоль обочины инвалидная коляска ее хозяин выгуливал восточно-европейскую овчарку. Вот вышли на утреннюю прогулку два старика в майках. В городском парте из-под куста рододендрона уставились на него малыши; похоже, они сделали этот куст своим домом – развесили одежду на ветвях, а сами играют голышом, как дети беженцев в Пномпене.

Когда он вернулся, она уже встала и ждала его; вид у нее был заплаканный. Они пошли позавтракать и найти лодку.

– Больше никогда так не делай, – попросила она и взяла его под руку. – Никогда не уходи от меня, не предупредив.

Поначалу можно было подумать, что сегодня в Гонконге внезапно исчезли все лодки. Джерри не собирался, как обычный экскурсант, ехать на большом пароме, идущем из города к дальним островам архипелага. Он знал, что Рокер проверяет их самым тщательным образом. Не пытался он и спуститься в гавань и вести подозрительные расспросы. Он взял справочник и позвонил в фирмы, занимающиеся перевозкой по воде, но у всех у них либо не оказалось свободных катеров, либо они были слишком мелкими для того, чтобы организовать такое путешествие. Вдруг его осенило: ему нужен Луиджи Тан, посредник по всевозможным делам, о котором в клубе иностранных корреспондентов ходили легенды: Луиджи мог раздобыть вам все что угодно, от корейского танцевального ансамбля до авиабилетов по сниженной цене, причем быстрее, чем любой другой посредник я городе. Они сели в такси и поехали на другой конец квартала Ванчай, туда, где находилась берлога Луиджи, потом пошли пешком. Было восемь утра, но жаркий туман до сих пор не рассеялся. Неосвещенные указатели неуклюже маячили посреди узких переулков, как усталые любовники: Хэппи-Бой, Лакки-Плейс, Американа. Густая вонь сажи и выхлопных газов смешивалась с теплыми запахами, доносящимися из переполненных закусочных. Сквозь просветы в стене кое-где виднелся канал. «Где меня найти, тебе всякий скажет, – любил говорить Луиджи Тан. – Спроси длинного парня с одной ногой».

Они нашли Луиджи за высоченным прилавком собственного магазинчика, он едва из-за него выглядывал. Это был маленький шустрый человечек, наполовину китаец, наполовину португалец. Когда-то он зарабатывал на жизнь китайским боксом в грязных балаганах Макао. Его лавочка занимала два метра длины улицы. Он торговал новыми мотоциклами, а в придачу у него можно было купить реликвии времен Китайской службы – дагерротипы знатных леди в шляпках в черепаховых рамках, потрепанный дорожный сундук, лаг с опиумного клиппера. Луиджи был знаком с Джерри и раньше, но Лиззи ему понравилась гораздо больше. Пропустив девушку вперед, чтобы как следует разглядеть ее сзади, он повел их через двор, под веревками, на которых сушилось белье, к отдельно стоящему домику с надписью на двери: «Вход воспрещен». Там было три стула, на полу стоял телефон. Свернувшись в тугой клубок, как ежик, Луиджи заговорил одновременно по-китайски – по телефону и по-английски – с Лиззи. Он уже дедушка, сообщил он, но мужская сила в нем еще не угасла; у него четверо сыновей, все красавцы. Даже четвертый сын уже крепко стоит на собственных ногах. Все они

хорошие ш о ф е р ы, хорошие работники и хорошие мужья. К тому же, поведал он Лиззи, у него есть «мерседес» со стереосистемой.

– Как-нибудь я свожу вас покататься, – обещал он. Джерри спросил себя, понимает ли она, что он предлагает ей пожениться, правда, может быть, не до конца.

И, разумеется, Луиджи полагал, что лодка у него найдется. После двух телефонных звонков он выяснил, что лодка у него действительно есть, и он дает ее напрокат только друзьям по номинальной цене. Он дал Лиззи конверт с кредитными карточками, чтобы она пересчитала, сколько у него карточек, потом дал бумажник, чтобы похвастаться семейными фотографиями – на одной из них был снят громадный омар, которого четвертый сын поймал в день своей свадьбы, хотя самого сына на снимке не было.

– По-Той – плохое место, – говорил Лиззи Луиджи Тан, оторвавшись от телефона. – Очень грязное место. Бурное море, паршивый праздник, плохая еда. Зачем вы хотите туда?

Разумеется, на праздник Тин Хау, терпеливо разъяснил за нее Джерри. Ради знаменитого храма и ради праздника.

Но Луиджи Тан предпочитал разговаривать с Лиззи.

– Поезжайте лучше на Лантау, – советовал он. – Лантау хороший остров. Хорошая еда, хорошая рыба, хорошие люди. Я всем говорю, езжайте на Лантау, поешьте у Чарли, Чарли мой друг.

– На По-Той, – твердо сказал Джерри.

– На По-Той стоит жутко много денег.

– У нас есть жутко много денег, – с очаровательной улыбкой заявила Лиззи, и Луиджи задумчиво смерил ее взглядом сверху донизу.

– Давайте я поеду с вами, – предложил он ей.

– Нет, – ответил Джерри.

Луиджи отвез их в Козуэй-Бей и доставил на сампан. Их кораблик представлял собой моторную лодку длиной в четыре с небольшим метра. Залив кишел такими суденышками, и они привлекали внимания не больше, чем прибитые к берегу бревна. Джерри счел, что оно достаточно прочное, а Луиджи сказал, что у него глубокий киль. На корме, болтая ногой в воде, сидел парнишка.

– Мой племянник, – представил его Луиджи и гордо взъерошил мальчишке волосы. – У него мать на Лантау. Он отвезет вас на Лантау, накормит у Чарли, вы хорошо проведете время. Заплатите позже.

– Старина, – терпеливо произнес Джерри, – дружище. Мы не хотим на Лантау. Мы хотим на По-Той. Только на По-Той. На По-Той, и больше никуда. Высадите нас там и уезжайте.

– На По-Той плохая погода, и праздник плохой. Плохое место. Китайские воды слишком близк. Полно коммунистов.

– На По-Той или никуда, – повторил Джерри.

– Лодка слишком мала, – испуганно замялся Луиджи. Лиззи пришлось пустить в ход все свое обаяние, чтобы привести его в чувство.

Еще час ушел на то, чтобы заправить двигатель; все что было в силах Джерри и Лиззи, это затаиться от посторонних глаз в полуоткрытой кабине и потягивать «Реми Мартен». То и дело то один, то другой из них погружался в мечтательную задумчивость. Лиззи при этом обхватывала себя руками и, опустив голову, начинала медленно раскачиваться из стороны в сторону. Джерри же дергал себя за чуб; один раз, задумавшись, он дернул так сильно, что она заметила это и коснулась его руки, чтобы вернуть из забытья; он засмеялся.

Не приняв почти никаких мер предосторожности, они вышли из гавани.

– Держись так, чтобы нас не видели, – приказал Джерри, и, чтобы не дать ей высунуться из крохотной каюты, дававшей хоть какое-никакое, а укрытие, обнял ее рукой.

Американский авианосец снял свое нарядное убранство и сразу стал серым и грозным, как кинжал, вытащенный из ножен. Поначалу их окружала все та же липкая тишина. На берегу тонули в тяжелых пластах тумана многоэтажные дома, коричневые столбы дыма поднимались в равнодушное белое небо. Море было спокойно, и казалось, что катер летит над водой высоко, как воздушный шар. Но едва они вышли из укрытой от ветра гавани и повернули на восток, как волны начали бить в борта, грозя перевернуть утлое суденышко, нос зарывался в воду и трещал, и им пришлось уцепиться друг за друга, чтобы не свалиться. Коротконосая лодка взвивалась на дыбы, как лошадь, закусившая удила. Они мчались мимо портовых кранов, складов и фабрик; кургузыми обрубками торчали холмы с полосатыми склонами, изъеденные ямами каменоломен. Они шли прямо против ветра, и брызги летели со всех сторон. Мальчишка-рулевой смеялся и окликал напарника, и Джерри почудилось, что смеются они над чокнутыми круглоглазыми, которым вздумалось заняться ухаживанием в хлипкой посудине. Мимо прошел огромный танкер– казалось, он стоит на месте; в его кильватере сновали коричневые джонки. Из доков, где в дрейфе лежало грузовое судно, подмигивали белые огоньки сварочных аппаратов. Мальчишка перестал смеяться, и разговор пошел серьезнее – как-никак они находились в открытом море. Джерри оглянулся и меж бортов транспортных кораблей увидел медленно уплывающий остров; вершина его пряталась в облаках, напоминая Столовую гору. Гонконг снова исчез из бытия. Они миновали еще один мыс. Волнение и качка усиливались, тучи опускались все ниже и наконец повисли всего в нескольких метрах над мачтой. Лодка, укутанная облаком, словно одеялом, плыла в неком потустороннем мире.

Внезапно туман рассеялся, лодку залили пляшущие лучи солнца. На юге, среди заросших буйной зеленью холмов, в прозрачном воздухе мигал оранжевый маяк.

– Что нам теперь делать? – тихо спросила Лиззи, выглядывая в иллюминатор.

– Улыбаться и молиться, – ответил Джерри.

– Я буду улыбаться, а ты молись, – сказала она. Мимо проплыл лоцманский катер, и на мгновение ему почу.илось, что он вот-вот увидит перед собой грозное лицо Рокера, но никто из команды катера даже не взглянул на них.

– Кто это? – шепнула она. – Что они о нас подумают?

– Такие катера здесь часто ходят, – успокоил ее Джерри. – Ничего особенного.

Катер исчез вдали. Вот нас и заметили, без особой тревоги подумал Джерри.

– Ты уверен, что это просто обычный катер? – спросила она.

– На праздник приплывут сотни таких, как наша, лодок, – ответил он.

Их судно вдруг отчаянно взбрыкнуло и, встав на дыбы, помчалось дальше. Великолепные мореходные качества, подумал он, вцепившись в Лиззи. И киль что надо. Если так пойдет и дальше, от нас уже ничего не будет зависеть. За нас все решит море. Такие поездки никогда не приносят славы: если она окончится удачно, никто этого не заметит, а если дело не выгорит, скажут, что вы напрасно загубили свою жизнь. Восточный ветер может в любую минуту поменяться и задуть с другой стороны, подумал он. Сейчас стоит межсезонье, затишье между периодами западных муссонов, и на погоду полагаться нельзя.

Он с тревогой прислушался к лихорадочному тарахтенью двигателя. Если он откажет, нас выбросит на скалы.

Вдруг волосы у него встали дыбом. Бутан, вспомнил он. Господи, у них на борту бутан! Пока ребята готовили лодку к выходу в море, он заметил в переднем трюме, возле цистерн с водой, два баллона, предназначенных якобы для Луиджи, чтобы он готовил на них своих омаров. До сих пор Джерри, идиот круглый, и не вспомнил о них. Ои обдумал положение. Бутан тяжелее воздуха. Баллоны всегда текут. Одни больше, другие меньше, но текут все. Когда

судно подвергается килевой качке, утечка становится сильнее, и газ скапливается в трюме всего в полуметре от искр, летящих из мотора, причем смешивается с кислородом воздуха в лучшей пропорции для горения. Лиззи выскользнула из его объятий и встала на корме. Внезапно море наполнилось лодками. Словно ниоткуда, возникла целая флотилия джонок. Лиззи с интересом глядела на них. Он схватил ее за руку и стащил в каюту.

– Где ты, по-твоему, находишься? – заорал он. – На Каусской регате?

Она на секунду всмотрелась в него, нежно поцеловала один, потом другой раз.

– Успокойся, – сказала она. Потом поцеловала его в третий раз, пробормотала «да», словно он в чем-то оправдал ее ожидания, и затихла, глядя в палубу, но не выпустила его руки.

Джерри прикинул, что они делают узлов (1 узел=1 морской миле в час) пять против ветра. Над головой прожужжал небольшой самолет. Не давая Лиззи высунуться, он внимательно всмотрелся, но не успел разглядеть опознавательные знаки. С добрым утром, подумал Уэстерби.

Они огибали последний мыс; лодка скрипела и взметала облака брызг. Один раз винт, взревев, полностью высунулся из воды. Когда он опустился обратно в море, мотор чихнул, поперхнулся, но все-таки предпочел остаться в живых. Джерри тронул Лиззи за плечо и указал вперед, туда, где на фоне облачного неба вырисовывались обрывистые очертания негостеприимного острова По-Той: из воды прямо вверх вздымались два отвесных пика, соединенные седловиной: один, повыше, на юге, другой на севере. Море стало серо-стальным, ветер дул прямо в лицо, мешая дышать, срывал гребешки с волн и окатывал колючими брызгами. По правому борту лежал необитаемый остров Бофорт с маяком и пристанью. Внезапно ветер стих, будто его и не было. По гладкому, как стекло, морю они приблизились к острову с подветренной стороны, их не встретило ни малейшее дуновение Солнце жарило немилосердна Впереди, километрах в полутора, открывалась главная бухта острова По-Той, за ней коричневыми призраками виднелись острова, принадлежащие Китаю. Вскоре они начали различать беспорядочную флотилию джонок и больших лодок, наводнивших бухту. До них донесся рокот барабанов, звон цимбал и нестройное пение. На холме мерцали жестяные крыши нищенской деревушки, на мысе стояло здание покрупнее – храм богини Тин Хау, вокруг него из бамбука соорудили жалкое подобие трибун. На берегу собралась толпа, над ней нависло облако дыма. Поблескивала храмовая позолота.

– На какой это стороне? – спросил он ее.

– Не знаю. – Мы поднялись в дом и спустились оттуда. До сих пор, разговаривая с Лиззи, он всегда смотрел на нее, но сейчас она начала избегать его взгляда. Ои похлопал рулевого по плечу и указал курс, которым нужно следовать. Парень сразу принялся спорить. Пытаясь его подкупить, Джерри показал ему солидную пачку денег, чуть ли не все, какие у него остались, С недовольным ворчанием парень развернул лодку поперек бухты, проскочил между двумя катерами и приблизился к небольшому гранитному мысу с полуразрушенной пристанью; высаживаться здесь было довольно рискованно. Праздничный шум стал громче. Доносился запах древесного угля и молочной поросятины, взрывы смеха, но самой толпы пока что не было видно; их тоже никто не заметил.

– Сюда! – закричал Джерри. – Причаливайте здесь. Живей! Живей!

Они взобрались на пристань, та пьяно покачнулась. Не успели они дойти до твердой земли, как лодка уже отчалила обратно. Никто даже не попрощался. Джерри и Лиззи рука об руку вскарабкались на скалу и направились прямо к веселой шумной компании, наблюдавшей за какой-то азартной игрой. В центре толпы стоял шутовского вида старичок с мешком монет, он швырял их одну за другой на скалу, а босоногие мальчишки, подталкивая друг друга, бросались за ними чуть ли не к самому краю пропасти.

– Они наняли лодку, – сообщил Гиллем. – Рокхерст уже допросил владельца. Он – друг Уэстерби, и это действительно оказались Уэстерби и красивая девушка, они хотели оправиться на По-Той на праздник Тин Хау.

– И как среагировал Рокхерст? – спросил Смайли.

– Сказал, что это не та парочка, которую он разыскивает. Откланялся. Обманул их ожидания. Полиция гавани с запозданием сообщила, что видела эту лодку, они шли курсом к острову.

– Хотите, чтобы мы пустили в дело поисковый самолет, Джордж? – встревоженно спросил Мартелло. – У военно-морской разведки есть много чего наготове.

У Мэрфи было блестящее предложение.

– Почему бы нам не подняться на вертолетах и не снять Нельсона с джонки прямо здесь? – спросил он.

– Мэрфи, заткнись, – велел Мартелло.

– Они движутся к острову, – уверенно сказал Смайли. – Мы это знаем наверняка. Не думаю, что нам нужно лишний раз доказывать это с помощью авиации.

Мартелло, однако, не был удовлетворен.

– Тогда, может быть, Джордж, стоит заслать на этот остров парочку наших людей. Пожалуй, нам придется немного вмешаться.

Фон застыл на месте. Даже кулаки перестали двигаться.

– Нет, – сказал Смайли.

Сэм Коллинз, стоявший рядом с Мартелло, ухмылялся уже не так широко.

– А почему? – спросил Мартелло.

– Вплоть до последней минуты у Ко есть в запасе одна мера предосторожности. Он может дать брату сигнал не высаживаться на берег, – пояснил Смайли. – При малейших признаках того, что на суше не все спокойно, он может прибегнуть к этому.

Мартелло сердито и как-то нервно вздохнул. Он отложил трубку, которую иногда покуривал, и налег на запас коричневых сигарет Сэма, казавшийся неисчерпаемым.

– Джордж, чего он хочет, этот Уэстерби? – раздраженно спросил он. – Может быть, он нас шантажирует, пытается провалить все дело? Не вижу в его выходках никакого смысла. – Вдруг его осенила ужасная догадка. Он запнулся и простер руку к другому концу комнаты. – Только, ради Бога, не говорите мне, что нам достался один из этих н о в о о б р а щ е н н ы х. Не говорите, что он из тех, у кого раскрылись глаза на"холодную войну", и кому на старости лет приспичило публично излить душу. Потому что если это так, то, значит, на следующей неделе нам предстоит прочитать в «Вашингтон пост» откровенное жизнеописание этого парня. Тогда, Джордж, чтобы удержать его здесь, я лично пригоню на этот чертов остров весь Пятый американский флот. – Он повернулся к Мэрфи. – У меня есть определенные обязательства, верно?

– Верно.

– Джордж, я хочу, чтобы группа высадки на остров была наготове. Вы, ребята, можете отправиться с ними или остаться здесь. Решайте сами.

Смайли посмотрел на Мартелло, потом на Гиллема с рукой на перевязи, потом на Фона, который, полузакрыв глаза, пригнулся, как ныряльщик на прыжковой вышке, и, соединив пятки, приподнимался и опускался на носках.

– Фон и Коллинз, – наконец произнес Смайли. – Ребята, вы доставите их на авианосец и передадите из рук в руки тамошним парням. Мэрфи должен вернуться сюда.

Там, где сидел Коллинз, осталось только облако дыма. С того места, где стоял Фон, медленно покатились в сторону два теннисных мячика.

– Помоги Бог нам всем, – с жаром пробормотал кто-то. Это был Гиллем, но Смайли пропустил его слова мимо ушей.

Лев был длиной в три человеческих роста. Под бой барабанов и звон цимбал он вразвалочку, танцующей походкой спускался по узкой тропе и кидался на людей, а самозванные пикадоры тыкали в него палками. Толпа хохотала. Дойдя до мыса, процессия развернулась и тем же путем двинулась обратно. В этот миг Джерри, пригнувшись, чтобы не выделяться из толпы, быстро втащил Лиззи в самую середину людской массы. Глинистую дорогу развезло, под ногами хлюпали лужи. Вместе с танцующей процессией они прошли мимо храма и по бетонным ступеням спустились на песчаный пляж, где жарились молочные поросята.

– Куда дальше? – спросил он.

Она быстро повела его налево, прочь из танцующей толпы, они обошли убогую деревушку сзади и по деревянному мостику перебрались через узкий заливчик. Затем поднялись вверх вдоль опушки кипарисовой рощи, пока не оказались одни. Впереди расстилалась бухта правильной подковообразной формы, в самом центре ее, как великосветская дама, среди сотен небольших лодок и джонок, прибывших на увеселительную прогулку, покачивалась яхта «Адмирал Нельсон», принадлежавшая Ко. На палубе не было никого, даже членов команды. Ближе к открытому морю на якоре стояли пять или шесть серых полицейских катеров.

А почему бы им и не быть здесь, подумал Джерри, праздник все-таки.

Лиззи выпустила его руку; он обернулся – она не сводила глаз с яхты Ко, и по лицу ее пробежала смущенная тень.

– Он тебя привозил именно так? – спросил он.

Да, именно так, сказала она и повернулась к нему, словно в поисках подтверждения или взвешивая что-то в уме. Она медленно провела пальцем по его губам и задержалась в самой середине, там, куда недавно целовала.

– Господи, – произнесла она и в раздумье покачала головой.

Они снова полезли вверх. Подняв глаза, Джерри обманчиво близко увидел коричневую вершину горы. По склону тянулись полуразрушенные террасы рисовых полей. Им попалась деревенька, в которой обитали лишь одичавшие псы. Хижины были обмотаны проволокой с кирпичами, чтобы их не разметало тайфуном. Бухта исчезла из виду, В здании школы двери были открыты, внутри никого не было. На ступеньках стояли кувшины для омовения. Лиззи зачерпнула воды и умылась.

Дальше тропа вела по песку, идти стало труднее.

– Мы правильно идем? – спросил он.

– Надо идти все время в в е р х, – сказала она, словно ей опротивело объяснять ему. – Идти вверх, и там будет дом, вот и все. Господи, за кого ты меня принимаешь, за полную идиотку?

– Я ничего такого не сказал, – ответил Джерри. Он обнял ее, она прижалась к нему, словно на танцплощадке.

Из храма донесся взрыв музыки – кто-то проверял громкоговорители, потом зарыдала тягучая мелодия. Из-за деревьев снова показалась бухта. Толпа собралась на берегу. Клубы дыма стали гуще, и в безветренной жаре, стоявшей по эту сторону острова, Джерри уловил аромат курящихся благовоний. Синяя вода была прозрачна и спокойна. Вокруг бухты на шестах белым пламенем горели факелы. Яхта Ко не сдвинулась с места, полицейские катера тоже.

– Видишь его? – спросил он.

Она всмотрелась в толпу и покачала головой.

– Наверно, вздремнул после обеда, – небрежно бросила она.

Солнце палило нещадно. Они вошли в тень, отбрасываемую склоном холма, и почудилось, что наступили сумерки, а когда они вновь вышли на солнце, оно обожгло им лица, как жар открытого огня. В воздухе кишели стрекозы, склоны были усеяны валунами, между ними, широко раскинув ветви, вились приземистые кустарники, усеянные красными, белыми и желтыми цветами. Повсюду валялись пустые банки – следы давних пикников.

– Об этом доме ты и говорила?

– Я же тебе сказала.

Дом оказался полной развалиной: разрушенная вилла, весьма живописная, отделанная коричневой штукатуркой. Когда-то это было великолепное здание, построенное над ручьем, ныне пересохшим; к входу вел узкий бетонный мостик. Вонючая тина кишела насекомыми. Среди пальм и папоротников угадывались остатки веранды, оттуда открывался роскошный вид на море и бухту. Они перешли через мостик, и он взял ее за руку.

– Начинай прямо отсюда, – сказал он. – Я тебя ни о чем не буду спрашивать. Просто рассказывай.

– Мы шли сюда пешком, я тебе уже говорила. Я, Дрейк и этот скотина Тиу. Слуги несли корзину с едой и выпивку. Я спросила: «Куда мы идем?» – и он ответил: «На пикник». Тиу не хотел меня брать, но Дрейк сказал, что я тоже могу пойти.Ды ведь т е р п е т ь н е м о ж е ш ь х о д и т ь п е ш к о м " – сказала я. – Ты ведь раньше и через дорогу ни разу не перешел. – «Сегодня мы пойдем пешком», – сказал он, напуская на себя важный вид. Он любил вести себя, как подобает лидеру промышленной корпорации. Поэтому я замолчала и пошла за ними.

Густое облако поглотило вершину горы и медленно поползло вниз по склону. Солнце исчезла Через несколько секунд облако докатилось до них, и они оказались в одиночестве на самом краю света. В тумане они не могли различить даже носков собственных ботинок. Ощупью они двинулись в дом. Лиззи села на рухнувшую потолочную балку, поодаль от Джерри. На дверных косяках красной краской были выведены китайские лозунги. Пол был усеян остатками былых пикников и бумажными пакетами.

– Они велели слугам убираться, и те исчезли. Он и Тиу долго болтали о всяческих делах, и посреди обеда он вдруг перешел на английский и сказал мне, что По-Той – остров его судьбы. Здесь он впервые ступил на землю, когда бежал из Китая. Люди, живущие на джонках, высадили его именно здесь. «Мой народ», называл он их. Поэтому он каждый год приезжает на праздник, поэтому жертвует храму деньги, поэтому мы тащились в гору на этот проклятый пикник. Потом они снова заговорили по-китайски, и мне показалось, что Тиу отчитывает его за то, что он слишком много болтает, а Дрейк волнуется, как маленький мальчик, и не слушает. Потом они опять пошли вверх.

– Вверх?

– Да, вверх, на самую вершину. «Старые дороги – самые лучшие, – сказал он мне – Надо держаться того, что проверено временем». Потом начал излагать свои баптистские взгляды: «Держись крепко за все, что хорошо, Лиза. Этого хочет Бог».

Джерри взглянул на пелену тумана, окутавшую вершину, и готов был поклясться, что слышит стрекот небольшого самолета, но в тот момент он предпочел об этом не задумываться, потому что наконец получил то, в чем отчаянно нуждался. Во-первых, с ним была девушка, а во-вторых, у него были ценные сведения: он в конце концов осознал, каких усилий стоило Смайли и Сэму Коллинзу перетянуть ее на свою сторону, и догадался, что она, сама того не подозревая, выдала им важнейшие тайны, помогавшие точно вычислить намерения Ко.

– Итак, они пошли на вершину. Ты пошла с ними?

– Нет.

– Ты видела, куда они ушли?

– На вершину. Я же тебе сказала.

– Так зачем?

– Они смотрели вниз, на другую сторону. Разговаривали. Что-то высматривали. Еще поговорили, потом спустились обратно, и Дрейк казался возбужденным даже больше, чем прежде – таким он бывает, когда совершит удачную сделку и рядом нет его второго "я", чтобы испортить настроение. Тиу лопался от напыщенности – таким он всегда становится, когда Дрейк открыто показывает, что я ему нравлюсь. Дрейк хотел остаться и выпить бренди, но Тиу пришел в ярость и отправился обратно в Гонконг. Дрейк вдруг почувствовал себя таким влюбленным и решил, что мы проведем ночь на яхте и вернемся домой утром. Так мы и сделали.

– Где он ставит яхту на якорь? Здесь? В бухте?

– Нет.

– А где?

– Возле Лантау.

– Вы отправились прямо туда? Она покачала головой.

– Мы прошли вокруг всего острова.

– Этого острова?

– Там было место, на которое он хотел посмотреть в темноте. Участок на побережье с другой стороны. Слуги зажгли там свет. «Здесь я высадился в пятьдесят первом, – сказал он. – Люди, живущие на лодках, побоялись входить в главную бухту. Они боялись полиции, привидений, пиратов, таможенников. Говорили, что островитяне перережут им глотки».

– А ночью? – тихо спросил Джерри. – Пока вы стояли на якоре у Лантау?

– Он рассказал, что у него есть брат и что он его любит.

– Он рассказал это впервые? Она кивнула.

– Он говорил, где сейчас этот брат?

– Нет.

– Но ты и сама знала?

На этот раз она даже не кивнула.

Снизу сквозь туман доносился шум празднества. Джерри осторожно поднял девушку на ноги.

– Надоели эти расспросы, – пробормотала она.

– Уже почти все, – пообещал Уэстерби. Он поцеловал ее, она не отстранилась, но и не ответила.

– Давай поднимемся и посмотрим, – сказал он. Минут через десять снова засияло солнце, над ними во всю ширь распахнулось голубое небо. Лиззи шла впереди. Они перевалили через несколько утесов и вскарабкались на седловину. Из гавани больше не доносилось ни звука, в холодном воздухе с пронзительными криками кружили чайки. Ближе к вершине тропа стала шире, теперь они шли бок о бок. Еще несколько шагов, и ветер налетел на них с такой силой, что у них перехватило дыхание. Они стояли на гребне, остром, как лезвие ножа, под ногами у них разверзлась пропасть. Утес, на котором они стояли, отвесно обрывался к бурлящему морю. Волны перекатывались через мыс, окутывая его пеной. С востока налетали облака, пышные, как сдобные булочки, у горизонта небо хмуро чернело. Метрах в двухстах внизу лежал узкий залив, куда не добегали белые барашки бурунов. Чуть дальше, метрах в пятидесяти от берега, сдерживая удары прибоя, буроватой стайкой рассыпались каменистые рифы, окаймленные белыми венчиками пены.

– Это здесь? – завопил Джерри, пытаясь перекричать рев ветра – Он здесь высадился? На этом берегу?

– Да.

– И зажег огни? – Да.

Оставив ее стоять на месте, он медленно двинулся по острию гребня, согнувшись чуть ли не пополам, борясь с ветром, который ревел в ушах и хлестал в лицо противными солеными брызгами. Живот свело от боли – он подозревал, что у него разорвана кишка или открылось внутреннее кровотечение, а может, и то и другое. На самой низкой точке гребня, там, где утес обрывался в море, он еще раз взглянул вниз, и ему показалось, что он различает осторожно спускающуюся к заливу узкую тропку, едва отмеченную где трещинами в камне, где кустиками жесткой травы. Вокруг залива не было песчаного пляжа, но скалы местами казались сухими.

Джерри вернулся и повел Лиззи прочь с острого гребня. Ветер стих, и до них вновь донесся праздничный гомон – веселье на берегу шло вовсю. Затрещали петарды, и действо стало походить на игрушечную войну.

– Это его брат Нельсон, – пояснил он. – Ты, наверно, в прошлый раз ничего не поняла. Ко переправляет его из Китая. Это произойдет сегодня ночью. Вся беда в том, что за ним охотятся еще очень многие. Всем хочется с ним поговорить. В игру вступил и Меллон. – Он перевел дыхание. – Я считаю, что тебе нужно убраться отсюда подальше. А ты как думаешь? Ручаюсь, что Дрейку ничуть не хочется, чтобы ты околачивалась вокруг.

– А чтобы околачивался ты, думаешь, хочется?

– По-моему, тебе нужно сделать вот что: спуститься обратно в гавань, – сказал он. – Ты слушаешь?

– Конечно слушаю, – еле выдавила она.

– Отыщи круглоглазую семью посимпатичнее. В виде исключения хоть раз в жизни заговори с женщиной, а не с парнем. Скажи, что поссорилась со своим дружком, и попроси отвезти тебя домой на их лодке. Если они тебя возьмут, останься у них на ночь, а если не пустят, отправляйся в гостиницу. Раскажи им одну из своих выдуманных историй. Господи, э т о – т о у тебя не вызовет трудностей, правда?

Над ними, описав широкий круг, простреκотал полицейский вертолет. Предполагалось, что он следит за порядком на празднике. Джерри инстинктивно схватил Лиззи за плечи и прижал к скале.

– Помнишь, куда мы ходили в прошлый раз – в бар, где играл джаз-ансамбль? – Он все еще не отпускал ее.

– Да, – ответила она.

– Завтра вечером я зайду туда за тобой.

– Не знаю, получится ли, – сказала она.

– Сделай что угодно, но будь там к семи. В семь часов, поняла?

Она бережно отстранила его, словно твердо решила остаться одна.

– Скажи ему, что я верность хранила, – проговорила она – Он очень тревожится об этом. Я держу слово. Если увидишь его, так и скажи: «Лиза держит слово».

– Обязательно.

– Не надо " о б я з а т е л ь н о ". Просто скажи. Скажи ему это. Он всегда выполнял все свои обещания. Говорил, что позаботится обо мне. И заботился. Говорил, что отпустит Рикардо. И отпустил. Он всегда держал слово.

Он обеими руками приподнял ее голову, но она отстранилась и продолжила.

– И скажи ему… скажи… что они меня не пустили. Заперли меня.

– Будь там с семи часов. – повторил он. – Даже если я немного опоздаю. А теперь иди. Это ведь не трудно, правда? Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы уговорить людей взять тебя на борт. – Он ласково убеждал ее, стараясь на прощание вытянуть из нее улыбку, хотя бы один намек на сочувствие.

Она кивнула.

Лиззи хотела добавить что-то еще, но промолчала. Пройдя несколько шагов, она обернулась, и он помахал ей, точнее, один раз широко взмахнул рукой. Она пошла дальше и не останавливалась, пока не скрылась за склоном горы, но он расслышал, как она крикнула: «Значит, в семь», а может, ему это показалось. Джерри следил за ней, пока она не исчезла из виду, потом вернулся на острый гребень и присел, чтобы перевести дыхание перед подвигами, достойными Тарзана. В голову пришел отрывок из Джона Донна, один из немногих, что запомнились ему со школьной скамьи; цитаты никогда не давались ему особенно хорошо, а может быть, это тоже ему только казалось.

П и к и с т и н ы в ы с о к, н е и м о в е р н о ;
П р и д е т с я п о к р у ж и т ь п о с к л о н у, ч т о б
Д о с т и ч ь в е р ш и н ы, – н е т д о р о г и в л о б !

(Джон Донн. Сатира Ш. О религии. Перевод Г.М.Кружкова)

Или что-то в этом роде. Глубоко погрузившись в раздумья, он лежал, укрывшись от ветра за скалой, лежал час, два часа и смотрел, как дневной свет сменяется сумерками и китайские острова темнеющие вдали, тают в открытом море, в нескольких километрах от него. Он стянул ботинки из оленьей кожи и зашнуровал их «елочкой», так, как обычно шнуровал крикетную обувь. Надел и затянул как можно туже. Можно подумать, что он снова Оказался в Таскане и окружают его те самые пять холмов, на которые он глазел с поля, кишевшего осиными гнездами. Единственное отличие – на этот раз он никого не собирался бросать в трудную минуту. Ни девушку. Ни Люка. Ни самого себя. Даже если для этого придется лезть из кожи вон.

– Военно-морская разведка засекла флотилию джонок, следующую прямым курсом со скоростью шесть узлов, – объявил Мэрфи. – Покинет зону рыболовства ровно в одиннадцать, в точности так, как мы предполагали.

Он извлек откуда-то набор игрушечных бакелитовых лодок и прикрепил их к карте. Привстав, гордо направил их единой колонной к острову По-Той.

Коллега Мэрфи остался с Сэмом Коллинзом и Фоном, так что теперь их было четверо.

– А Рокхерст нашел девчонку, – тихо добавил Гиллем, положив трубку другого телефона. Его свирепо терзала боль в плече, он стал бледен, как полотно.

– Где? – спросил Смайли.

Мэрфи, не отходя от карты, обернулся. Мартелло, записывавший все происходящее в дневник, опустил ручку.

– Она высадилась на берег в Абердинской гавани, там он ее и подобрал, – продолжил Гиллем. – Она попросила клерка с женой перевезти ее в город с острова По-Той. Клерк из Гонконга, работает в Шанхайском банке.

– И что дальше? – спросил Мартелло, не дав Смайли произнести ни слова. – Где же Уэстерби?

– Она не знает, – ответил Гиллем.

– Быть не может! – возразил Мартелло.

– Она говорит, что поссорилась с ним, и им пришлось добираться на берег в разных лодках. Рокхерст просит дать ему еще час на розыски.

Тут заговорил Смайли.

– А Ко? – спросил он. – Где сейчас Ко?

– Его катер до сих пор стоит в гавани острова По-Той, – ответил Гиллем. – Почти все остальные лодки уже ушли. Но Ко стоит там же, где был сегодня утром. Стоит как вкопанный, по выражению Рокхерста, на палубе никого. Все внизу.

Смайли взглянул на морскую карту, потом на Гиллема, потом всмотрелся в очертания острова По-Той.

– Если она рассказала Уэстерби то же самое, что говорила Коллинзу, – сказал он, – то он наверняка остался на острове.

– И что он задумал? – громко спросил Мартелло. – Джордж, с какой стати т а к о й человек, как Джерри, будет торчать на т а к о м острове, как По-Той?

Наступило долгое молчание. Всем показалось, что прошла вечность.

– Ждет, – произнес Смайли.

– Чего ждет, позвольте спросить? – тем же требовательным тоном настаивал Мартелло.

Лица Смайли не видел никто. Как будто бы взявшийся ниоткуда клочок тени скрыл его. Они увидели лишь, как ссутулились его плечи, как потянулась к очкам рука, точно он намеревался их снять. Потом рука, будто признавая поражение, упала на палисандровый стол.

– Что бы мы ни предприняли, мы должны дать Нельсону высадиться на берег, – твердо заявил он.

– А что мы можем предпринять? – вопрошал Мартелло. Он вскочил и принялся расхаживать вокруг стола. – Джордж, теоретически Уэстерби здесь нет. Официально он так и не ступил на землю колонии. Он в любую минуту может отчалить тем же путем, что прибыл сюда!

– Не кричите на меня, – сказал Смайли. Мартелло пропустил его слова мимо ушей.

– И что же это получается, хотел бы я знать? Заговор на конюшне или полное черт знает что?

Гиллем выпрямился во весь рост, загораживая ему дорогу, и на какой-то невероятный миг всем показалось, что он, невзирая на сломанное плечо, не остановится перед тем, чтобы силой не подпустить Мартелло слишком близко к Смайли.

– Питер, – тихо произнес Смайли. – У вас за спиной стоит телефон. Будьте добры, передайте его мне.

Взошла полная луна, ветер стих, море успокоилось. Джерри не стал спускаться к самому заливу, а разбил стоянку метрах в десяти повыше, найдя укрытие среди кустарников. Он изодрал руки, и колени в клочья, острая ветка оцарапала ему щеку, но в остальном он был в полном порядке – голоден, зол и готов откликнуться на любую опасность. Обливаясь потом после тяжелого опасного путешествия, он забыл про боль. Залив оказался шире, чем выглядел сверху, гранитные утесы на берегу были пронизаны пещерами. Джерри попытался угадать, какие планы строит Дрейк – со времени знакомства с Лиззи он про себя тоже стал называть его Дрейком. Он гадал об этом весь день. Что бы Дрейк ни задумал, ему придется действовать

с моря, потому что он явно был не способен совершить головокружительный спуск с отвесной стены. Сначала Джерри подумал, что Дрейк, может быть, собирается перехватить Нельсона прежде, чем тот высадится на берег, но не видел, каким образом Нельсон сумеет ускользнуть от целой флотилии джонок и встретиться с братом в море.

Небо темнело, появились звезды, и лунная дорожка на воде засияла ярче. Если Дрейк попытается привести катер на эту сторону острова, он сделает глупость, решил Джерри. Его посудина слишком неуклюжа, чтобы с наветренной стороны подойти близко к берегу. Более подходящим судном для этой цели был бы небольшой катер, а идеальным – сампан или надувная резиновая лодка.

Джерри спустился с утеса на берег и, когда под ботинками захрустела галька, скорчился за скалой, глядя, как волны с глухим шумом разбиваются о берег и как разлетается, мерцая фосфоресцирующими искрами, белоснежная пена.

Лиззи, наверно, уже вернулась, – подумал он. – Если ей повезет, она сумеет уговорить кого-нибудь пустить ее к себе в дом переночевать, и сейчас, должно быть, уже развлекает детей сказками и склоняется над чашкой горячего бульона. С к а ж и е м у, ч т о я х р а н ю в е р н о с т ь, – говорила она.

Луна поднималась выше, а Джерри все ждал. Он старался смотреть на самые темные участки берега, чтобы приучить глаза к темноте. Вдруг сквозь шум прибоя – он был готов в этом поклясться – послышался неуклюжий плеск воды о борта деревянного судна и прерывистое ворчание двигателя, который то включали, то выключали. Света не было. Стараясь держаться в тени скалы, Уэстерби подполз как можно ближе к кромке воды и снова присел на корточки. Нахлынувшая волна окатила его по пояс, и тут он увидел именно то, чего ждал: на другом конце лунной дорожки, всего метрах в шести от него, на якоре покачивался одинокий сампан с полукруглой каютой и изогнутым носом. Он услышал всплеск, кто-то приглушенным голосом отдал команду, и, припав к самой земле, на фоне звездного неба Джерри безошибочно различил силуэт Дрейка Ко в неизменном берете. Он осторожно шел вброд к берегу, а за ним, обеими руками сжимая автоматическую винтовку М-16, шагал Тиу. Вот мы и прибыли, подумал Джерри, обращаясь скорее к самому себе, а не к Дрейку Ко. Долгий путь окончен. Вот он – тот, кто убил Люка, убил Фроста, и неважно, сделал ли он это лично или чужими руками. Вот он – любовник Лиззи, отец Нельсона, брат другого Нельсона. Добро пожаловать, человек, который ни разу в жизни не нарушил своего слова.

У Дрейка в руках тоже была ноша, правда, не столь устрашающая. Еще до того, как Джерри сумел различить, что это такое, он уже знал, что Дрейк несет фонарь и блок питания, почти такой же, как он сам таскал в Цирке на водных тренировках в устье реки Хелфорд, если не считать того, что в Цирке предпочитали ультрафиолетовые лампы и дешевые, но с претензией очки в проволочной оправе, от которых не было никакого толку в дождь или под водяными брызгами.

Дрейк и Тиу выбрались на берег и, похрустывая галькой, побрели по каменистому пляжу. Поднявшись повыше, они стали неразличимы на фоне черной скалы; Джерри прижимался к такой же скале, поэтому они тоже не могли разглядеть его. Они метрах в двадцати, прикинул он. До него донеслось приглушенное бормотанье, вспыхнула зажигалка, и в темноте двумя красными точками засветились огоньки сигарет. Послышался тихий китайский говор. «Я бы тоже не отказался закурить», – подумал Джерри. Он пригнулся и зачерпнул широкой ладонью как можно больше гальки, затем, неслышно крадучись, двинулся вдоль подножия скалы туда, где тлели два красных огонька. По его расчетам, до них оставалось шагов восемь. Он взял пистолет в левую руку, правой покрепче сжал камни и прислушался к размеренному шороху волн – они собирались с силами, взвивались, грозя упасть, и, наконец, обрушивались на берег. Насколько легче было бы поговорить с Дрейком, если бы на дороге не стоял Тиу, подумал он.

Невыразимо медленно, классическим движением игрока в крикет, находящегося в дальней части поля, он откинулся назад, приподнял левый локоть и согнул за спиной правую руку, приготовившись со всего размаха швырнуть гальку. Накатила и зашуршала, отступая, волна, заворчала, набираясь мощи, следующая. Джерри неподвижно стоял с согнутой рукой, ладонь, сжимавшая гальку, вспотела. Когда волна встала во весь рост, он изо всех сил перебросил камни через утес и резко пригнулся, не сводя глаз с двух сигаретных огоньков. Камешки застучали по скале у него над головой и градом посыпались обратно. В тот же миг Тиу коротко выругался, и один из красных огоньков взметнулся в воздух – это китаец с винтовкой в руках вскочил на ноги. Он направил дуло вверх и повернулся к Джерри спиной. Дрейк пополз поближе к скале в поисках укрытия.

Сначала Джерри сильно ударил Тиу пистолетом, стараясь держать пальцы внутри спусковой скобы. Потом еще раз стукнул сжатой в кулак правой рукой, костяшками двух пальцев, как учили в Саррате. Тиу рухнул на землю, Джерри обрушил ему на скулу всю тяжесть правого ботинка и услышал, как лязгнули стиснутые зубы. Он нагнулся, подобрал М-16 и ударил Тиу прикладом по почкам, припомнив ему и Люка, и Фроста, но больше всего – ту подлую шутку, которую от отпустил в адрес Лиззи – дескать, ради нее можно доехать от Коулуна до Гонконга, но не дальше. Привет от «лошадиного писаки», подумал он.

Потом он повернулся к Дрейку – тот шагнул вперед, и его черный силуэт едва выделялся на фоне темного моря. Сгорбленная фигура с оттопыренными ушами, торчащими из-под нелепого берета. Снова поднялся сильный ветер, а может быть, он дул и раньше, просто Джерри его не замечал. Он свистел в скалах у них за спиной и раздувал широкие брюки Джерри.

– Так вы и есть мистер Уэстерби, английский журналист? – спросил он тем же глубоким, хрипловатым голосом, каким говорил в Хэппи Вэлли.

– Он самый, – подтвердил Джерри.

– Я вижу, вы тесно связаны с политикой, мистер Уэстерби. Какого черта вам здесь нужно?

Джерри переводил дыхание и не сразу нашелся, что ответить.

– Мистер Рикардо сообщил моим людям, что вы намереваетесь шантажировать меня. Вы нуждаетесь в деньгах, мистер Уэстерби?

– Хочу передать привет от вашей девушки, – сказал Джерри. Он чувствовал, что в первую очередь должен разделаться с этим обещанием. – Она просила передать, что хранит верность. Она на вашей стороне.

– Я не придерживаюсь никакой из сторон, мистер Уэстерби. Я сам по себе – армия, состоящая из одного солдата. Чего вы хотите? Мистер Маршалл сказал моим людям, что вы вроде как герой. Герои всегда тесно связаны с политикой, мистер Уэстерби. Мне герои не нужны.

– Я пришел, чтобы предупредить вас. Им нужен Нельсон. Вы не должны переправлять его в Гонконг. Они его возьмут, у них все для этого готово. Они составили планы, в которых расписана вся его жизнь до самого конца. И ваша тоже. Они охотятся за вами обоими.

– Так что н у ж н о вам, мистер Уэстерби?

– Заключить одну сделку.

– Сделки никому не нужны. Всем нужен товар. Сделка означает приобретение товара. Так что вам нужно? – повторил Дрейк, повелительно повышая голос. – Будьте добры, поведайте.

– Ценой жизни Рикардо вы купили себе девушку, – сказал Джерри. – Полагаю, ценой жизни Нельсона я мог бы выкупить ее у вас. Я поговорю с ними о вас. Я знаю, что им нужно. Они согласятся.

«Это будет моим последним шагом», – подумал он.

– Заключить п о л и т и ч е с к о е соглашение, мистер Уэстерби? С в а ш и м и людьми? Я с ними уже заключал немало политических соглашений. Они говорили, что Бог любит детей. Вы когда-нибудь видели, чтобы Бог любил азиатского ребенка, мистер Уэстерби? Они говорили, что Бог – к у а й л о и что его мать была желтоволосой. Говорили, что Бог любит мир, но нигде не было так много гражданских войн, как в Царстве Христовом. Говорили…

– Ваш брат у вас за спиной, мистер Ко.

Дрейк резко развернулся. Слева от него, у восточного горизонта, под всеми парусами шла флотилия в дюжину, а то и больше джонок. Неровной колонной они двигались на юг; в воде, отражаясь, дрожал свет бортовых огней. Дрейк упал на колени и принялся лихорадочно нащупывать фонарь. Джерри нашел треножник и установил его, Ко водрузил на него фонарь, но руки у него дрожали, и Джерри пришлось ему помочь. Джерри нащупал гибкие шнуры, чиркнул спичкой и присоединил провода к разъемам. Стоя бок о бок, они смотрели в море. Дрейк два раза мигнул фонарем – сначала красная вспышка, потом зеленая.

– Подождите, – тихо сказал Джерри. – Не торопитесь. Полегче, а то все испортите.

Джерри осторожно отстранил его и, склонившись к окуляру, деловито вгляделся в череду лодок.

– Которая? – спросил Джерри.

– Последняя, – ответил Ко.

Не спуская глаз с последней джонки, которая отсюда казалась всего лишь тенью, Джерри снова дал сигнал – одна красная вспышка, одна зеленая. В тот же миг Дрейк радостно вскрикнул – над водой замерцала ответная вспышка.

– Будет ли он подавать сигналы дальше или на этом остановится? – спросил Джерри.

– Остановится, – сказал Ко, все так же глядя в море. – Разумеется, остановится. Дальше подавать сигналы незачем.

– Тогда и вы прекратите. Не надо больше света.

Ко обернулся к нему. Джерри увидел, как он взволнован, и почувствовал, как важно для него встретиться с братом.

– Мистер Уэстерби, разрешите дать вам откровенный совет. Если вы сыграете со мной и моим братом Нельсоном злую шутку, то по сравнению с тем, что сделают с вами мои люди, ваш баптистский христианский ад покажется вам теплым курортом. Но если вы мне поможете, вы получите все, что захотите. Вот такое соглашение я с вами заключаю, а я ни разу в жизни не нарушил своего слова. Мой брат тоже заключил некоторые соглашения. – Он посмотрел на море.

Передние джонки уже скрылись из виду. Джерри показалось, что издалека доносится неровный стук двигателей, но понимал, что его мозг чересчур поглощен происходящим и что это всего лишь перекатываются волны. Луна зашла за гору, и тень от вершины легла на воду, как черное острие ножа. Море серебрилось лишь у самого горизонта. Дрейк, склонившись над фонарем, издал еще один радостный вскрик.

– Вон он! Вон! Смотрите, мистер Уэстерби!

Джерри различил в окуляр, как от колонны, точно призрак, отделилась и направилась к ним темная джонка. На ней горели всего три тусклых фонаря – два зеленых на мачте и красный на правом борту. Джонка нырнула из серебристого сияния в черноту и исчезла из виду. За спиной у него застонал Тиу. Дрейк, не обращая на него внимания, склонился к окуляру, отставив одну руку, как фотограф викторианской эпохи, и что-то тихо сказал по-китайски. Джерри подбежал к Тиу, вытащил у него из-за пояса пистолет, подобрал М-16 и швырнул их в море. Дрейк собирался еще раз подать сигнал, но, к счастью, не сумел найти кнопку, и Джерри успел его остановить. Опять послышался грохот мотора, на этот раз не одного, а сразу двух. Джерри выскочил на мыс и встревоженно вгляделся на север и на юг, высматривая патрульный

катер, но ничего не было видно, и он опять обругал про себя прибой и собственное перевозбужденное воображение. Джонка приближалась к острову, ее коричневый парус, перепончатый, как крыло летучей мыши, неожиданно вырос и закрыл собой чуть ли не половину неба. Дрейк подбежал к самой воде, крича и размахивая руками.

– Потише! – прошипел ему Джерри.

Но Дрейк уже не обращал на Джерри никакого внимания. Вся его жизнь заключалась в Нельсоне. Сампан Дрейка вышел из укрытия и поспешил к качающейся джонке. Из-за вершины появилась луна, и Джерри на миг забыл про свои страхи, увидев на борту джонки человека, одетого в серое капоковое пальто и неуклюжую пролетарскую кепку, невысокого и коренастого, по фигуре – полную противоположность Дрейку. Человек перелез через борт и спрыгнул в сампан, на руки ожидавшего его экипажа. Дрейк крикнул еще раз, джонка наполнила паруса ветром и, укрываясь за мысом, заскользила прочь.

Через несколько минут над скалами были заметны только зеленые огни на мачте, вскоре исчезли и они. Сампан подошел к пляжу, и Джерри разглядел коренастую фигуру Нельсона – он стоял на носу и обеими руками махал Дрейку, а тот отчаянно размахивал беретом на берегу и приплясывал, как безумный.

Стрекот моторов все усиливался, но Джерри никак не мог понять, откуда он доносится. На море ничего не было видно, а взглянув вверх, он увидел только похожий на молот утес и его черную вершину, заслонявшую звезды. Братья встретились, обнялись и надолго застыли в неподвижности. Джерри вцепился в них и, молотя кулаками, закричал что есть мочи:

– Скорее в лодку! Назад!

Но они смотрели друг на друга, для них в целом свете никого больше не существовало. Джерри подбежал к воде, ухватился за нос сампана и еще раз громко позвал их. Небо вокруг вершины внезапно пожелтело и ярко вспыхнуло, стук двигателей превратился в громкий рев, и с трех черных вертолетов на них обрушились слепящие лучи прожекторов. В вихре света заплясали скалы, море покрылось морщинами, галька запрыгала, разлетаясь, словно на нее налетел ураган. На долю секунды Джерри увидел лицо Дрейка – тот обернулся к нему, взывая о помощи, словно наконец, хотя и слишком поздно, понял, откуда она может прийти. Раскрыв рот, он что-то кричал, но его слова потонули в грохоте. Джерри бросился вперед. Не ради Нельсона и уж тем более не ради Дрейка; он думал лишь о том, что их связывает, о том, что соединяет его и Лиззи. Но не успел он добежать, как два брата утонули в черной стае, налетевшей на них, как пчелиный рой; сильные руки оторвали их друг от друга и втащили Нельсона в грузовой отсек вертолета. Охваченный пылом сражения, Джерри вытащил пистолет и, размахивая им, помчался к вертолету. Он что-то вопил, но не слышал сам себя. Вертолет поднялся в воздух. В открытых дверях кабины виднелась чья-то фигура; возможно, это был Фон, но уж слишком мрачным и безумным он выглядел. Вдруг навстречу ему взметнулось оранжевое пламя, вспышка ослепила его во второй раз, потом в третий… и Джерри сбился со счета. Он в ярости взмахнул руками, из раскрытого рта по-прежнему рвался отчаянный крик, на лице застыла беззвучная мольба. Он рухнул на камни и остался лежать неподвижно. Рев двигателей постепенно стих, и вскоре над островом снова воцарилась тишина. Слышался лишь плеск прибоя да горькие, безнадежные рыдания Ко – победоносные армады Запада похитили его брата и оставили у его ног мертвое тело своего истерзанного солдата.

РОЖДЕННЫЙ ЗАНОВО

Когда от Кузенов поступила великая весть, Цирк разразился ликованием. Ура, Нельсон высадился, Нельсона перехватили? Ни один волосок не упал с его головы! В продолжение двух дней все только и говорили о медалях, рыцарских званиях и продвижении по службе. В конце концов, должны же там, наверху, что-то сделать для Джорджа, непременно должны. Ничего подобного, трезво заявляла Конни. Они никогда ему не простят, что он собственными руками сотворил и вознес наверх Билла Хейдона.

Но вслед за ликованием поползли какие-то странные слухи. Например, Конни и Док ди Салис, уютно устроившись в арендованном службой доме в Мерсфилде, который прозвали «Дельфинарием» целую неделю прождали, когда же прибудет гвоздь программы собственной персоной. Прождали напрасно. Вместе с ними напрасно ждали переводчики, дешифровщики, инквизиторы, сиделки и представители всех прочих ремесел, собравшиеся там, чтобы встретить и допросить дорогого гостя.

Свидание сорвалось из-за дождя, сообщили.домоправители. Будет назначена другая дата. Ждите и будьте наготове, сказали им. Но вскоре от местного агента по недвижимости из близлежащего городка Экфилд поступили сведения, что «домоправители» пытаются расторгнуть договор об аренде, И, соответственно, еще через неделю вся команда была распущена «до тех пор, пока будут приняты политические решения». Разумеется, она никогда не была собрана вновь.

Кроме того, наружу просочились слухи, что Эндерби и Мартелло – само такое сочетание казалось странным – назначены руководить англо-американской комиссией по обработке результатов этой операции. Она собирается попеременно то в Вашингтоне, то в Лондоне и отвечает за то, чтобы сведения, полученные по «делу Дельфина» (кодовое название «Икра»), поступали заинтересованным лицам по разные стороны Атлантики одновременно.

В те же дни случайно выяснилось, что Нельсон находится где-то в Соединенных Штатах, в неком убежище с вооруженной охраной, заранее подготовленном для него в Филадельфии. Объяснение пришло значительно позже. Было высказано мнение – трудно сказать, кем, ведь мнения не оставляют следов в коридорах, – что там Нельсон будет в большей безопасности. С физической точки зрения. Нельзя ведь забывать о русских. И о китайцах. Кроме того, настаивали «домоправители», информационно-техническое и вычислительное обеспечение Кузенов лучше подходит для работы со столь небывалой добычей. А также, говорили они, Кузены могут позволить себе нести куда большие расходы.

А еще говорят…

– Говорят, что кур доят! – бушевала Конни, когда до нее дошли эти новости.

Они с ди Салисом уныло дожидались, когда Кузены пригласят их в свою команду. Конни даже начала делать себе уколы, чтобы всегда быть наготове, но их так и не вызвали.

Мисс Сейшес потребовала более подробных объяснений. Когда она в кресле на колесиках торжественно въехала во владения «домоправителей», тем ничего не оставалось, кроме как сообщить, что у Кузенов в Гарварде новый человек.

– Кто? – яростно потребовала ответа Конни. Какой-то профессор, молодой, ранее занимавшийся изучением Москвы. Его основной специальностью было исследование оборотной стороны деятельности Московского Центра, и недавно он, основательно изучив архивы фирмы, опубликовал статью под грифом «Для служебного пользования». В ней он упоминал «принцип внедрения крота» и даже (в завуалированных выражениях) намекал на тайную армию, созданную Карлой.

– Статью он опубликовал, червяк несчастный! – возопила Конни, сдерживая горькие слезы разочарования. – И все это он наскреб в отчетах старушки Конни, скажете, нет? Его зовут Калпеппер, и он знает о Карле не больше, чем моя левая нога!

Однако «домоправителей» не интересовало, что знает или думает левая нога Конни. Ведь в новой комиссии правом голоса обладал Калпеппер, а не Сейшес.

– Погодите, вот вернется Джордж! – громовым голосом пригрозила им Конни. Однако и эта угроза странным образом не возымела действия.

Ди Салису было не легче. Ему сообщили, что, мол, специалистов по Китаю в Лэнгли ценят в пятачок за пучок. Старина, рынок затоварен. Извините, таков приказ Эндерби, говорили «домоправители».

– Эндерби ? – откликнулся ди Салис.

То есть комиссии, туманно пояснили они. Решение принято совместно.

И ди Салис пошел искать на них управы у Лейкона, которому в таких делах нравилось считать себя ходатаем за обиженных перед властями. Лейкон в свою очередь пригласил ди Салиса на завтрак, счет за который они поделили пополам, так как Лейкон не одобрял государственных служащих, которые потчуют друг друга на деньги налогоплательщиков.

Улучив удобный момент, Лейкон прервал нудный монолог Дока, в котором тот описывал, как хорошо знаком с диалектами чиу-чау и хэкка, и спросил:

– Кстати, а что у вас думают об Эндерби? – Для него сейчас было очень важно узнать, какие настроения сложились в его команде. – Одобряют ли его методы? Мне казалось, вам нравится его взгляд на вещи. Он ведь неплохо работает, как вы считаете?

В эти дни на языке Уайтхолла «неплохо» означало «воинствующе», как и положено настоящему «ястребу», любимцу Америки.

Ди Салис поспешил обратно в Цирк и слово в слово пересказал этот удивительный разговор Конни Сейшес, задав тот же странный вопрос, – Лейкон, разумеется, именно этого от него и ожидал. После этого Конни редко появлялась на людях. Целыми днями она потихоньку, по ее выражению, «собирала багаж», то есть готовила свой архив по Московскому Центру для передачи последующим поколениям. В те дни в Цирке появился новый «архивокопатель», немного развязный, но услужливый юноша по фамилии Дулиттл. Он ей нравился, и старуха, усадив этого Дулиттла у себя в ногах, делилась с ним сокровищами мудрости.

– Старые козлы просто решили слинять, – предупреждала она всякого встречного и поперечного. – Этот хам Эндерби давно без лишнего шума вышел из игры. Это, говоря по-русски, просто погром.

Поначалу ее высмеивали, но ведь и Ною, когда он строил ковчег, приходилось мириться с насмешками. Тогда Конни, не теряя времени даром, потихоньку отвела в сторону Молли Микин и убедила ее подать заявление об отставке.

– Скажи «домоправителям», дорогуша, что ищешь работу, которая будет больше тебя удовлетворять, – подговаривала она ее, подкрепляя свои слова подмигиванием и легкими тычками. – Тогда они тебя в конце концов повысят.

Молли побаивалась, что ее поймают на слове и действительно отправят в отставку, но Конни достаточно хорошо знала правила игры Молли написала заявление, и ей незамедлительно велели задержаться на службе после окончания рабочего дня. Назревают перемены, доверительно сообщили ей. У руководства возникли планы создания нового отдела, более тесно связанного с Уайтхоллом, и решено было набрать в него сотрудников помоложе и поэнергичнее, Молли торжественно пообещала пересмотреть свое решение, а Конни принялась еще решительнее «упаковывать багаж».

Ну, а где же все это время п р о п а д а л Джордж Смайли? На Дальнем Востоке, говорили одни. Наоборот, в Вашингтоне, опровергали их другие. Ничего подобного! Он вернулся домой, утверждали третьи, и скрывается где-то в деревенской глуши – всем известно, что больше всего он любит Корнуэлл. Он начал новую жизнь с Энн и наслаждается заслуженным отдыхом.

Потом у кого-то из «домоправителей» сорвалось с языка, что Джордж, должно быть, " с т р а д а е т о т н е р в н ы х п е р е г р у з о к ", и эта фраза повергла всех в леденящий трепет, потому что последнему клерку из финансового отдела было известно, что нервные перегрузки, подобно старости, считаются болезнью, от которой существует только одно средство, и это средство отнюдь не влечет за собой исцеления.

Гиллем время от времени наведывался в Цирк, но только затем, чтобы встретить Молли после работы; он категорически отказывался разговаривать о делах. Те, кто видел, как он стремительно пробегает по шестому этажу, говорили, что на вид он явно не в себе и что ему,

пожалуй, нужно сменить обстановку. К тому же у него что-то случилось с ключицей: его правое плечо было перетянуто ремнями. От «домоправителей» удалось выяснить, что он провел пару дней на лечении в частной клинике Цирка на Манчестер-сквер.

Смайли так и не появился, а когда «домоправителей» спрашивали, когда же он вернется, они вежливо, но непроницаемо улыбались. В таких случаях «домоправнтели» становились чем-то вроде Звездной палаты (Высший королевский суд. ставший орудием королевского произвола. Существовал с 1487 по 1641 год.) – их боялись, но обойтись без них было нельзя. Между тем из кабинета Смайли незаметно исчез портрет Карлы – остряки утверждали, что его унесли почистить.

Самым странным, и в чем-то даже пугающим, было то, что никому не приходило в голову просто зайти в небольшой домик на Байуотер-стрит и позвонить в дверной колокольчик. Дверь открыл бы Смайли собственной персоной, одетый, скорее всего, в домашний халат, его застали бы за мытьем тарелок или приготовлением пищи, которую он потом так и не съедал. Иногда, обычно в сумерках, он в одиночку прогуливался в парке и всматривался в прохожих, как будто старался их узнать, но не мог, они в ответ с любопытством рассматривали его, а потом опускали глаза. А иногда он отправлялся посидеть и попить чаю в одном из дешевых кафе на Кингз-роуд, а чтобы не скучать, брал с собой книжку. Чай он пил сладкий. Любопытствующие могли бы заметить, что он подолгу рассматривает свои руки, или протирает галстуком очки, или перечитывает письмо, которое оставила ему Энн, – очень длинное, но в основном из-за частых повторов.

К нему заходил Лейкон, заходил Эндерби, а однажды явился даже Мартелло, снова одетый в своей лондонской манере. Все пришли к соглашению, и горячее всех поддержал его Смайли, что в интересах дела смена владельца должна производиться как можно тише и безболезненнее. Смайли задал несколько вопросов относительно людей, занятых в этой операции, и Лейкон ответил на них. Лейкон дал ему понять, что в отношении Цирка Министерство финансов настроено на редкость щедро. Курс фунта стерлингов круто шел на повышение, по крайней мере, в мире секретных служб. Такая смена настроения вызвана не только «делом Дельфина», намекнул Лейкон. Новое назначение Эндерби привело американцев в небывалый вострог. Это мнение преобладало даже на высочайшем дипломатическом уровне. Бурные продолжительные аплодисменты – так описал их реакцию Лейкон.

– Сол, видимо, в самом деле знает, как с ними разговаривать, – сказал Лейкон.

– Неужели? Что ж, неплохо. Да-да, очень хорошо. – откликнулся Смайли и, точно глухой, одобрительно склонил голову.

Эндерби по секрету сообщил, что предполагает назначить Сэма Коллинза начальником оперативного отдела, но Смайли даже тут не выказал ничего, кроме вежливой любезности. Сэм – ч е л о в е к э н е р г и ч н ы й пояснил Эндерби, а сейчас в Лэнгли любят э н е р г и ч н ы х. Неженки в шелковых рубашках нынче не в чести, сказал он.

– Несомненно, – отозвался Смайли.

Они обсудили кандидатуру Родди Мартиндейла и пришли к общему мнению. Нельзя сказать, что этот человек, хоть и накопил немало ценного опыта, идеально подходит для работы в разведке Старина Родди в самом деле человек своеобразный, подтвердил Эндерби, и министр его не на шутку побаивается. И американцы с трудом находили с ним общий язык, даже те, которые сами отличаются некоторой чудаковатостью. К тому же Эндерби весьма настороженно относился к перспективе брать на работу воспитанников Итона. Блестящее впечатление, которое они создают, часто бывает обманчиво.

Неделю спустя «домоправители» отперли дверь в старый кабинет Сэма на шестом этаже и вынесли всю мебель. Теперь призрак Коллинза успокоится навсегда, с наслаждением утверждали остряки, но они оказались недальновидны. В следующий же понедельник в кабинете водрузили изысканно украшенный письменный стол, обтянутый красной кожей, и

несколько поддельных картин со сценами охоты, перекочевавших со стен клуба, который посещал Сэм. Сам клуб, к взаимному удовлетворению сторон, был закуплен крупным игорным синдикатом.

Никто больше не видел и малыша Фона. Не объявился он даже тогда, когда возобновили работу несколько крупных периферийных учреждений Цирка, в том числе Брикстонский центр по подготовке специальных операций, в котором он работал раньше, и Эктонский информационный центр под руководством Тоби Эстерхейзи. Но он и не исчез бесследно. Подобно Сэму Коллинзу, он каким-то образом примазался к этой истории, не имея к ней, в общем-то, никакого отношения. Но в отличие от Сэма он, когда все кончилось, так и остался за кулисами и не показывался на людях.

В первый же день возвращения к повседневной работе на Коллинза легла нелегкая задача – сообщить всем печальную новость о гибели Джерри. Он собрал людей в «комнате жарких споров» и произнес речь, краткую и искреннюю; все признали, что она ему удалась. Они и не думали, что он принимает это так близко к сердцу.

– Об этом можно говорить только на шестом этаже, – предупредил он.

Слушатели пришли в ужас, потом возгордились. Конни заплакала и попыталась заявить, что Джерри стал еще одной жертвой происков Карлы, но ей велели замолчать – ведь нет никаких сведений о том, кто его убил и при каких обстоятельствах. Он погиб при исполнении своего долга, было объявлено всем, и погиб с честью.

В Гонконге же, в Клубе иностранных журналистов, исчезновение Люка и Джерри, славных питомцев этого клуба, сильно встревожило публику. Члены клуба как следует нажали на местные власти, и благодаря их стараниям неусыпный старший инспектор Рокхерст был вынужден провести негласное полномасштабное расследование. Власти пообещали, что все сведения, полученные в его ходе, будут опубликованы, а генеральный консул Соединенных Штатов посулил выплатить пять тысяч долларов из собственного кармана тому, кто предоставит любую полезную информацию. Сделав широкий жест по отношению к чувствам местных жителей, он заявил, что это предложение распространяется и на исчезнувшего Джерри Уэстерби. Эти двое тотчас же получили прозвище «журналистов, которые пропали», и со всех сторон посыпались домыслы об их неблаговидных связях. Пять тысяч долларов вызвали живой интерес в бюро, где работал Люк, и Карлик, несмотря на свое неутешное горе, приложил все силы, чтобы деньги были выплачены ему. В конце концов, ведь это он работал на оба фронта, это он узнал от Ганса Призывающего Смерть, что квартиру на Клаудвью-роуд, в которой в последнее время жил Люк, заново отделали от пола до потолка задолго до того, как туда проникли востроглазые сыщики Рокера. По чьему приказу это было сделано? Кто за все заплатил? Ответа не было. К тому же именно Карлик из первых рук получил сообщение о том, что Джерри видели в аэропорту Кай-Так, где он брал интервью у японских туристов. Но следственной комиссии Рокера пришлось отклонить эти сведения. Вышеупомянутые японцы являлись, как говорится, " с в и д е т е л я м и, и с к р е н н е с т р е м я щ и м и с я п о м о ч ь, н о н е з а с л у ж и в а ю щ и м и д о в е р и я ", потому что вряд ли они могли достоверно опознать круглоглазого, который вырос перед ними, как из-под земли, когда они, утомленные долгой поездкой, только что вышли из самолета. Что же касается Люка, то при таком образе жизни, какой он вел, было бы удивительно, если бы он рано или поздно не свернул себе шею. Некоторые всезнайки говорили, что алкоголь и слишком бурная жизнь привели его к потере памяти. В конце концов даже самые правдоподобные гипотезы оказались далеки от истины. Ходили слухи, что эту парочку видели вместе на переднем крае во время падения Хюэ – или это было в Дананге? – а еще видели, как они вместе пили в Сайгоне. Другие утверждали, что встречались с ними в Маниле, где Люк и Джерри сидели бок о бок на пляже у воды.

– И держались за руки? – спросил Карлик.

– Хуже, – последовал ответ.

Имя Рокера тоже было у всех на устах – недавно он с помощью американского Управления по борьбе с наркотиками провел громкое расследование, касающееся распространения последних. Основными действующими лицами в нем были несколько китайцев и очаровательная англичанка, искательница приключений, перевозившая героин, и хотя, как обычно, главные наркобароны сумели уйти от правосудия, говорили, что Рокер приблизился к ним вплотную и едва не призвал к ответу. «Наш суровый, но честный борец за правду, – восхваляла его в редакционной статье газета „Саут Чайна морнинг пост". – Если бы в Гонконге было побольше таких полицейских, жизнь в городе стала бы неизмеримо счастливее».

В те дни произошло еще одно событие, удостоенное внимания клуба: заново открылась резиденция Хай Хейвен. Ее обнесли шестиметровым забором, увенчанным колючей проволокой, который днем и ночью освещали прожекторы и охраняли сторожевые собаки. Бесплатных завтраков больше никто не давал, и новость вскоре поблекла.

Что касается старого Кро, то он исчез на много месяцев. Его никто не видел, и никто о нем не вспоминал. Но однажды вечером он, заметно постаревший и аккуратно одетый, как и подобает добропорядочному джентльмену, появился в баре и сел в свой обычный уголок, глядя в пространство. Все, с кем он был знаком, исчезли, и мало кто узнал его. Ковбой из Канады предложил сыграть партию в шанхайский боулинг, но Кро отказался. Потом случилось нечто странное. Внезапно разгорелся спор касательно какого-то туманного места в уставе клуба. Здесь не было ничего серьезного: нужно ли клубу придерживаться некого старого правила, сохранившегося лишь в силу традиции, – о подписании рекомендательных писем. Только и всего. Но, непонятно почему, старик пришел в ярость. Он вскочил на ноги и тяжело зашагал к лифтам. Из глаз у него струились слезы. Он бросал в лицо собравшимся одно оскорбление за другим.

– Нельзя ничего менять, – твердил он, в ярости потрясая тростью. – Нельзя менять стародавние порядки, пусть все идет, как заведено, своим чередом. Ах вы, сопливые недоросли, вам не остановить колеса истории ни вместе, ни порознь! И думать не смейте! Толпа идиотов с манией самоубийства – вот кем вы будете, если пойдете на это!

Пусть его шумит, решили все, когда за ним закрылась дверь. Бедняга. Какое нелепое происшествие.

Действительно ли против Смайли, как предполагал Гиллем, был состряпан заговор? А если был, то какую роль в нем сыграло гусарское вторжение Уэстерби? Об этом не известно ничего, и даже люди, полностью доверяющие друг другу, не склонны обсуждать этот вопрос. Несомненно, Эндерби и Мартелло втайне от всех достигли некоторого соглашении о том, что Кузены первыми заполучат как Нельсона, так и всю славу за его поимку, а взамен помогут Эндерби занять начальственное кресло. Также не подлежит сомнению, что Лей-кон и Коллинз, действовавшие в совершенно различных областях, тоже имели отношение к этому сговору. Неясным остается только одно: в какой момент им пришло в голову перехватить Нельсона для себя и какими средствами они намеревались этого добиться. Возможно, они предполагали пойти наиболее безопасным путем – например, выступить в Лондоне на министерском уровне с обращением, в котором выражалась бы глубокая озабоченность исходом операции. И в этой ситуации Уэстерби оказался для них благословением Господним. Он дал всем предлог, которого они искали.

А знал ли Смайли о заговоре? Может быть, хотя бы догадывался? Или он в глубине души радовался, что все складывается именно так? Питер Гиллем, выстрадавший свое мнение за три долгих года изгнания в Брикстоне, утверждал, что на все эти вопросы можно дать один-единственный ответ – твердое «да». Существует письмо, говорил он, которое Джордж в самый разгар кризиса написал Энн Смайли в долгие часы ожидания. На этом послании основывается вся теория Гиллема. Энн показала ему это письмо, когда он, надеясь примирить ее с Джорджем, приехал в Уилтшир, и, хотя миротворческая миссия не удалась, она все-таки за разговором вытащила конверт из своей сумочки. Кое-что Гиллем выучил наизусть и, вершувшнсь в машину,

тотчас же это записал. Стиль этого письма по возвышенности превосходит все, что Гиллем смог бы выжать из себя даже в порыве вдохновения.

«Не желая показаться болезненно склонным к самобичеванию, хотел бы уяснить для себя, каким образом получилось так, что я оказался в нынешнем затруднительном положении. Насколько я могу припомнить времена моей юности, я выбрал для себя удел тайного агента потому, что в таком качестве я был бы в состоянии помочь моей стране кратчайшим путем достичь преследуемых ею целей. В те дни положение складывалось так, что враг был хорошо известен, – мы могли указать на него, каждый день читали о нем в газетах. Сегодня я могу сказать о себе только одно: служба приучила меня смотреть на все явления жизни с точки зрения заговоров. Это мой тяжкий крест, это меч, который составляет все существо моей жизни, и, оглядываясь вокруг, я начинаю понимать, что от этого меча мне суждено и погибнуть. Люди, среди которых мне приходится существовать, вселяют в меня ужас, но я сам всего лишь один из них. Если они нанесут мне удар в спину, то, значит, таков приговор, вынесенный судьями, равными мне по положению».

Гиллем подчеркивает, что Смайли написал это письмо в самый тяжелый период своей жизни, в часы глубокого уныния.

Однако сейчас, уверяет Гиллем, старик пришел в себя. Изредка они с Энн вместе завтракают, и Гиллем искренне убежден, что когда-нибудь они воссоединятся и будут жить долго и счастливо. Но Джордж никогда не говорит об Уэстерби, И Гиллем, храня его спокойствие, тоже не вспоминает о нем.
